

БЫЛОЕ

МАРТЪ
1906

ВЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 3 МАРТЪ 1906**

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская, 20.
1906.

75239

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. 1-е марта—3-е апрѣля 1881 года. (<i>Петербургъ 25 лѣтъ тому назадъ</i>). В. Я. Богучарскаго	1
2. Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III	33
3. Событіе 1-го марта и Н. К. Михайловскій. В. Я. Б.	38
4. Событіе 1-го марта и Н. В. Шелгуновъ. Н. Р.	41
5. Событіе 1-го марта и Влад. С. Соловьевъ. П. Щ.	48
6. Событіе 1-го марта и Л. Н. Толстой. А. Хирьякова	56
7. Изъ рѣчей на судѣ А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича и С. Л. Перовской	62
8. Мой арестъ въ 1881 году. М. Н. Тригони	76
9. А. И. Желябовъ. (<i>Отрывки изъ воспоминаній</i>). И. П. Бѣлоконскаго.	78
10. Воспоминанія о С. Л. Перовской. Софьи Ивановой	83
11. Арестъ Н. Г. Чернышевскаго. М. А. Антоновича	90
12. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго. (<i>По неизданнымъ источникамъ</i>). М. К. Лемке	95
13. Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. (<i>Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей</i>). Окончаніе. В. И. Семеваго	151
14. Пестель предъ Верховнымъ Судомъ. Продолженіе. Н. П. Сильванскаго	206
15. Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1880—1884 гг. В. С. Панкратова	236
16. Шлиссельбургская узница Людмила Александровна Волкенштейнъ В. Н. Фигнеръ	239
17. Къ біографіи А. В. Ухтомекаго.	252

18. Матеріалы, документы и мелнія замѣтки. Письмо В. К. Кюхельбекера къ А. С. Пушкину—285. Всеподданнѣйшее донесеніе о казни декабристовъ—232. Къ исторіи полицейской агентуры въ Россіи—205. Толпа. Стих. И. С. Тургенева—147. Изъ бумагъ взятыхъ у Чернышевскаго при арестѣ—233. На смерть Шевченко. Стих. Н. А. Некрасова—204. Н. А. Морозову. Стих. А. Ольхина—258. Заявленіе А. И. Желябова отъ 2 марта 1881 г.—61. Письмо А. И. Желябова къ М. П. Драгоманову—71. [Къ портрету А. И. Желябова—74. Инструкція для заключенныхъ въ Шлиссельбургской тюрьмѣ	149
19. Документы для исторіи Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли	288
20. Историческая библіографія (Джорджъ Кенанъ. <i>Сибирь и ссылка.—Процессъ 193-хъ. Изд. В. М. Саблина.—Записки декабриста кн. Трубецкого.—Процессъ Вѣры Засуличъ.—Н. П. Карабчевскій. Дѣло Сазонова.—Ular A. Die Russische Revolution. Berl.</i>	298
21. Отъ Шлиссельбургскаго комитета	311
22. Современная лѣтопись	313
23. Объявленія	332

Въ этой книгѣ помѣщены портреты: С. Л. Перовской, Н. И. Кибальчича, И. И. Гринивичаго, Т. М. Михайлова, А. И. Желябова, М. Н. Тригони, И. П. Емельянова, Н. И. Рысакова, Г. М. Гельфманъ, Ю. Н. Богдановича (Кобозева), Н. А. Саблина, А. В. Ухтомскаго.



Софья Львовна
ПЕРОВСКАЯ.

1-е марта—3-е апрѣля 1881 года.

(Петербургъ 25 лѣтъ тому назадъ).

Вечеромъ 1-го марта 1881 года въ экстренномъ прибавленіи къ «Правительственному Вѣстнику» были напечатаны два слѣдующихъ официальныхъ бюллетеня:

1) «Сего 1 марта, въ 1³/₄ часа дня, Государь Императоръ, возвращаясь изъ манежа Инженернаго замка, гдѣ изволилъ присутствовать при разводѣ, на набережной Екатерининскаго канала, не доѣзжая Конишеннаго моста, опасно раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣна, посредствомъ подброшенныхъ подъ экипажъ разрывныхъ бомбъ. Одинъ изъ двухъ преступниковъ схваченъ. Состояніе Его Величества, влѣдствіе потери крови, безнадежно».

Лейбъ-медикъ *Боткинъ*.

Профессоръ *Е. Богдановскій*.

Почетный лейбъ-медикъ *Головинъ*.

Докторъ *Крулевскій*.

2) «Сегодня 1-го марта, въ 1 часъ 45 минутъ по полудни, при возвращеніи Государя Императора съ развода, на набережной Екатерининскаго канала, у сада Михайловскаго Дворца, совершено было покушеніе на священную жизнь Его Величества посредствомъ брошенныхъ двухъ разрывныхъ снарядовъ. Первый изъ нихъ повредилъ экипажъ Его Величества. Разрывъ второго нанесъ тяжелыя раны Государю. По возвращеніи въ Зимній Дворецъ, Его Величество сподобился приобщиться Св. Тайнъ и затѣмъ въ Восьмъ почилъ—въ 3 часа 35 минутъ по полудни. Одинъ злодѣй схваченъ».

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, генераль-адъютантъ,
графъ Лорисъ-Меликовъ.

Затѣмъ 3-го, 4-го, 6-го, 14-го и 21-го марта въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появлялись о катастрофѣ 1 марта слѣдующія сообщенія:

1) «Задержанный 1-го марта злодѣй, какъ обнаружено производимся дознаніемъ,—мѣщанинъ города Тихвина Николай Ивановъ Рысаковъ, 19 лѣтъ, началъ образованіе въ вытегорскомъ уѣздномъ училищѣ; затѣмъ продолжалъ его въ череповецкомъ реальномъ училищѣ; въ 1879 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ поступилъ въ Горный Институтъ, гдѣ и нынѣ числится, но лекцій не посѣщалъ съ декабря 1880 года».

2) «Министръ Внутреннихъ Дѣлъ объявляетъ во всеобщее извѣстіе:

«Одинъ изъ главныхъ организаторовъ послѣдняго преступнаго посягательства на драгоценную жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, арестованный 27-го февраля вечеромъ ¹⁾, призналъ свое руководящее участіе въ преступленіи и изобличается въ томъ же показаніемъ задержаннаго на мѣстѣ катастрофы виновника ея, мѣщанина Рысакова, бросившаго подъ Императорскую карету, при проѣздѣ его Величества по набережной Екатерининскаго канала, первый метательный снарядъ.

«Въ неизвѣстномъ лицѣ, кинувшемъ, повидимому, второй метательный снарядъ и получившемъ на мѣстѣ взрыва смертельныя поврежденія, Рысаковъ, по предъявленіи ему трупа умершаго, призналъ своего единомышленника.

«Квартира, изъ которой Рысаковымъ и его товарищемъ получены были употребленные ими въ дѣло метательные снаряды, открыта въ ночь на сіе 3-е марта. Хозяинъ ея, по прибытіи къ нему должностныхъ лицъ, производящихъ дознаніе, застрѣлился. Проживавшая съ нимъ вмѣстѣ женщина арестована.

«Въ обнаруженной квартирѣ найдены метательные снаряды и одинъ экземпляръ революціонной прокламаціи по поводу совершившагося преступленія, съ указаніемъ на то, что злодѣйскій замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе двумя лицами.

«Въ 11 часовъ утра въ эту же квартиру явился молодой человѣкъ, который немедленно и былъ арестованъ. При его задержаніи, онъ сдѣлалъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, которыми ранено трое полицейскихъ чиновъ».

3) «Министръ Внутреннихъ Дѣлъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣ-

¹⁾ А. И. Желябовъ.

ніе: Лицо, сопротивлявшееся полиціи съ оружіемъ въ рукахъ при его задержаніи въ квартирѣ, изъ которой мѣщаниномъ Рысаковымъ и его товарищемъ были получены метательные снаряды для злодѣянія 1-го марта, оказалось крестьяниномъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, д. Гаврилкова, *Тимоѣемъ Михайловичемъ*, принимавшимъ участіе, какъ выяснено дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ, въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ преступленію. По бумагамъ, найденнымъ у арестованнаго, усмотрѣны указанія на какія-то приспособленія по Екатерининскому каналу и Малой Садовой улицѣ. Вслѣдъ за симъ полиціею было доведено до свѣдѣнія судебной власти, что изъ сырной лавки крестьянина Кобозева, имѣющейся въ подвальномъ этажѣ дома подъ № 56—8 по Малой Садовой, скрылись хозяева лавки, мужчина и женщина, оставивъ слѣды производившихся земляныхъ работъ. При ближайшемъ осмотрѣ помѣщенія Кобозевыхъ изъ сосѣдняго съ лавкою жилья обнаруженъ подкопъ, доведенный до середины улицы, съ устроенною въ немъ миною. Дознаніе и слѣдствіе по всѣмъ обнаруженнымъ обстоятельствамъ приближается къ окончанію и въ непродолжительномъ времени поступитъ на разсмотрѣніе суда».

4) «10-го марта арестована въ С.-Петербургѣ *Софія Перовская*, скрывавшаяся съ 1878 года. По собственному сознанию, она участвовала, подъ фамиліею Сухоруковой, 19-го ноября 1879 года въ покушеніи подъ Москвой, посредствомъ подкопа, на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора, а нынѣ руководила, послѣ ареста Желябова, заговоромъ на злодѣйское преступленіе 1-го марта. Софія Перовская будетъ привлечена къ суду вмѣстѣ съ прочими участниками упомянутаго злодѣянія».

5) «На дняхъ дѣло о злодѣйскомъ преступленіи 1-го марта, дополненное указаніями на участіе въ немъ Софіи Перовской, поступило на разсмотрѣніе Особаго Присутствія Правительствующаго Сената. Продолжающееся и послѣ сего разслѣдованіе обстоятельствъ дѣла, касающихся еще не привлеченныхъ къ суду участниковъ преступленія, привело къ изобличенію священническаго сына, уроженца Екатеринославской губерніи, *Николая Кибальчича*, который на допросѣ, сдѣлавъ полное признаніе, показалъ, между прочимъ, что метательные снаряды, какъ брошенные 1-го марта, такъ равно и найденные при обыскѣ квартиры въ Телѣжной улицѣ, приготовлены имъ».

Официальныя сообщенія о событіи 1 марта дополнялись въ теченіе долгаго времени частными свѣдѣніями газетъ, изъ которыхъ нѣкоторыя мы тутъ же приведемъ. Между прочимъ, почти во всѣхъ газетахъ было напечатано сообщеніе, по нашему мнѣнію, совершенно

вымышленное,—такъ какъ, сколько намъ извѣстно, никогда и никому, рѣшительно никому, нижеприводимое дѣяніе не инкриминировалось,— о покушеніи на жизнь императора Александра II посредствомъ присылки ему изъ-за границы взрывчатыхъ веществъ въ формѣ пилюль. Газеты описывали это событіе такъ:

«Пилюли были посланы по почтѣ изъ Парижа прямо на имя Государя. На нихъ находился этикетъ за подписью доктора «Juste», и онѣ были завернуты въ обертку съ обыкновенными рекламами о произведенныхъ ими излеченіяхъ и о способѣ принимать ихъ; особенно рекомендовались эти пилюли противъ одышки и ревматизмовъ. Пилюли прибыли по адресу, не возбудивъ никакихъ подозрѣній, и Государь, всегда очень интересовавшійся всякими средствами противъ упомянутыхъ болѣзней, передалъ ихъ Боткину. Вернувшись домой, Боткинъ снялъ обертку и нашелъ, что пилюли завязаны ниточкой, два кончика которой немного торчали: онъ дернулъ за одинъ изъ кончиковъ, и раздался мелкій трескъ, какъ отъ обыкновенной хлопушки. Боткинъ подумалъ, что это просто шутка, и такъ какъ получилъ пилюли изъ рукъ самого Государя, то не могъ подозрѣвать въ нихъ ничего опаснаго и отложилъ ихъ въ сторону. Только испугъ Государя, когда на его вопросъ о пилюляхъ, Боткинъ передалъ ему о взрывѣ, заставилъ обратить серьезное вниманіе на пилюли; онѣ были переданы графу Лорисъ-Меликову, и, по тщательномъ химическомъ изслѣдованіи ихъ, оказалось, что затѣвалось новое покушеніе, задуманное съ дьявольской хитростью. Пилюли содержали такое большое количество динамита, что взрыва его было бы достаточно, чтобы убить двухъ-трехъ, стоящихъ по близости, человекъ. Боткинъ, открывавшій пилюли, обязанъ спасеніемъ жизни только счастливой случайности; должно быть механизмъ, приводившійся въ движеніе торчащими кончиками ниточекъ и производившій взрывъ, какъ-нибудь отсырѣлъ или испортился, такъ что не могъ оказать требуемаго дѣйствія».

Въ частности, якобы очень освѣдомленный корреспондентъ очень освѣдомленныхъ катковскихъ «Московскихъ Вѣдомостей» писалъ въ эту газету 1 марта 1881 года такія строки:

«19-го февраля получено было нѣсколько анонимныхъ писемъ, которыми извѣщалось, что въ этотъ день, во время иллюминаціи, должно совершиться нѣчто, что всѣхъ поразитъ». Приняты были соотвѣтственные мѣры, но предсказанію на этотъ день не вѣрили, видя въ этомъ отводъ глазъ со стороны злодѣевъ. Затѣмъ получено было другое письмо, говорившее, что будетъ сдѣлано покушеніе на Государя, «когда онъ будетъ возвращаться съ развода въ манежъ домой».

Полиція, вслѣдствіе этого, усиленно металась и искала, а Государя графъ Лорисъ-Меликовъ убѣдилъ сряду два воскресенья откладывать разводъ; но 1-го марта, несмотря на новыя убѣжденія графа отложить разводъ, Государь настоялъ и поѣхалъ въ манежъ въ сопровожденіи шести своихъ конвойныхъ (число ихъ было увеличено противъ первоначальныхъ двухъ вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ графа Лорисъ-Меликова)».

Правительственное сообщеніе объ обнаруженіи квартиры (Н. А. Саблина и Г. М. Гельфманъ), изъ которой Н. И. Рысаковъ и другой, тогда еще неизвѣстный человѣкъ, бросившій 1 марта второй разрывной снарядъ (И. І. Гриневицкій), получили снаряды, и объ арестѣ въ этой квартирѣ Т. М. Михайлова, газеты дополняли такими сообщеніями:

«Это случилось въ Телѣжной улицѣ (Александро-Невской части). Въ 11 часовъ вечера 2-го марта въ 1-й участокъ Александро-Невской части прибыли товарищъ прокурора судебной палаты, судебный слѣдователь и жандармскій майоръ, которые, въ сопровожденіи старшаго помощника пристава Рейнгольда, городского и околоточныхъ надзирателей, отправились произвести обыскъ въ Телѣжную улицу, въ домъ Пирогова, № 5, въ кварт. № 7. По приходѣ къ дверямъ означенной квартиры, помощникъ пристава Рейнгольдъ на данный звонокъ услышалъ за дверьми суматоху и затѣмъ мужской голосъ спросилъ: кто тутъ? — на этотъ вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ, что приставъ и прокуроръ; послѣ этого отвѣта дверь затворилась, и на неоднократные звонки голоса изъ квартиры не подавалось, вслѣдствіе чего было сдѣлано распоряженіе сломать двери. Лишь только послышались удары топора у дверей, какъ раздались подъ рядъ одинъ за другимъ 6 выстрѣловъ изъ револьвера, изъ которыхъ одинъ попалъ въ дверь; послѣ 6-го выстрѣла все стихло, а немного спустя, дверь отворила женщина небольшого роста, лѣтъ 25-ти, просившая о помощи. При входѣ въ квартиру всѣхъ присутствующихъ, на полу второй комнаты, отъ входа направо, лежалъ, плавая въ крови, мужчина средняго роста съ темнорусою, окладистой бородою, на видъ лѣтъ 32-хъ, одѣтый въ русскую красную кумачную рубашку, сѣрые триковья нѣмецкаго покроя брюки и ботинки. Повидимому, самоубійца уложилъ себя 6 выстрѣломъ, направленнымъ въ лѣвый глазъ, на повалъ. Женщина, отворившая дверь, немедленно была схвачена и подвергнута допросу, при чемъ отказалась дать какія-либо объясненія.

«Послѣ этого было приступлено къ обыску, которымъ обнаружено присутствіе въ квартирѣ въ двухъ жестяныхъ банкахъ 10 фунтовъ динамита, въ каждой по 5-ти фунт., нѣсколько экземпляровъ прокла-

мацій, по содержанію начала и по формамъ, похожихъ на вышедшій 2-го марта манифестъ, отпечатанный въ газетахъ, паспортъ убитого на имя коллежскаго ассесора Навроцкаго, много учебныхъ книгъ, газетъ и проч.

«По началу обыска было сдѣлано распоряженіе, чтобы дворники и городовые охраняли квартиру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ нее явится кто-либо посторонній, то чтобы немедленно задерживали и представляли въ квартиру, гдѣ находились помощникъ пристава, городовые и окологородные.

«Утромъ, 3-го марта, въ 10 часовъ, къ означенной квартирѣ подошелъ неизвѣстнаго званія человекъ, очень прилично одѣтый, въ черномъ сюртукѣ, такихъ же брюкахъ, енотовой шубкѣ съ бобровымъ воротникомъ, въ суконной синяго цвѣта шапкѣ. На вопросъ, предложенный дворникомъ, кого нужно, неизвѣстный отозвался, что ищетъ кварт. № 12, а въ ней кучера Петрова, но на отвѣтъ дворника, что кв. № 12-й пустая, онъ, не отвѣчая ни слова, началъ подниматься по лѣстницѣ вверхъ и потому былъ схваченъ бывшимъ на лѣстницѣ городовымъ полицейскаго резерва Денисовымъ и представленъ къ помощнику пристава Рейнгольду, который, спросивъ нѣсколько словъ у неизвѣстнаго, приказалъ находившимся тутъ окологороднымъ надзирателямъ Зезюкину и Нордману обыскать его. Въ то время, какъ городской Денисовъ началъ снимать съ него шубу, неизвѣстный моментально опустилъ руку въ карманъ и, вынувъ оттуда револьверъ, направилъ его въ упоръ въ г. Рейнгольда. Послѣдній, замѣтивъ направленный на него револьверъ, откинувшись въ сторону, пуля, вмѣсто него, попала въ стоявшаго тутъ же помощника пристава г. Слуцкаго и, пробивъ пальто и сюртукъ, контузила его въ правую сторону груди; вторымъ выстрѣломъ опасно раненъ въ пахъ городской Денисовъ. Преступникъ схваченъ сзади, когда направлялъ выстрѣлы въ другихъ окружающихъ, но никого не ранилъ.

«Личность неизвѣстнаго, явившагося въ квартиру Навроцкаго, такова: онъ высокаго роста, коренастый, лѣтъ 25-ти или 26-ти, блондинъ, имѣетъ небольшіе усики, чуть пробивающіеся бакенбарды; фигура его прямая, лицо открытое.

«При входѣ въ квартиру Навроцкаго, обстановка ея оказалась слѣдующая:

«Въ передней комнатѣ стоялъ комодъ; налѣво отъ дверей, немного далѣе отъ него — кушетка, крытая зеленымъ барканомъ; направо — круглая зеленая печь, около которой стоялъ деревянный, простой табуретъ, а на немъ была масса сожженныхъ печатныхъ листовъ; въ

самой печкѣ находились березовыя дрова и также остатки сожженной печатной бумаги.

«Во второй комнатѣ стоялъ диванъ со столомъ; по бокамъ дивана были двѣ этажерки, на которыхъ лежали разныя учебныя книги, а на окошкѣ, позади дивана, съ правой стороны его, стояли двѣ жестяныя банки съ динамитомъ; банки эти были обернуты въ газетную бумагу и обвязаны дешевыми цвѣтными бумажными платками. По изслѣдованіи банокъ съ динамитомъ, найдено, что край ихъ обмазанъ нитроглицериномъ и имѣютъ въ срединѣ куски свернутаго сукна, смоченнаго пироксилиномъ. Въ этой же комнатѣ найдены также зарядные гвозди, по формѣ напоминающіе гвозди, подбиваемые подъ простыя крестьянскіе сапоги; шляпки ихъ имѣютъ на себѣ пироксилинъ».

Объ обнаруженномъ подкопѣ на Малой Садовой изъ сырной лавки Кобозевыхъ (Ю. Н. Богдановичъ и А. В. Якимовъ) газеты сообщали слѣдующее:

«1 января 1881 года, мужчина лѣтъ 36, вмѣстѣ съ женщиной лѣтъ 27, которую онъ называлъ своею женою, открылъ въ Малой Садовой торговлю сыромъ, поставивъ на вывѣскѣ: «Складъ русскихъ сыровъ Е. Кобозева». Открывъ лавку, они ничѣмъ не обращали на себя вниманія. Въ 11 часовъ вечера закрывали магазинъ. Вставали рано. Одѣвались просто. Она не имѣла вида простолюдинки и носила обыкновенный нарядъ, который носятъ женщины средняго состоянія. Дворники носили къ нимъ дрова, не заходя въ магазинъ, а оставляя ихъ въ темной комнатѣ со двора. Едва закрывался магазинъ, хозяева лавки приступали къ подкопу. Онъ былъ начатъ на 2¹/₂ аршина отъ поверхности земли, шелъ въ наклонномъ положеніи, и по мѣрѣ приближенія къ срединѣ улицы, слой земли, между подкопомъ и поверхностью, уменьшался. Дѣло было ведено опытною рукою.

«Въ ночь съ 1 на 2 марта хозяева лавки скрылись, оставивъ магазинъ не запертымъ снаружи.

«Стоило войти въ магазинъ полиціи, чтобы сейчасъ же убѣдиться въ готовившемся преступленіи. На столѣ нашли два фальшивые паспорта; небольшую записку о передачѣ рубля мяснику; на диванѣ буравъ; когда подняли крышку деревяннаго ящика дивана, то оказалось, что диванъ весь набитъ землею. Земля была найдена и въ стоящихъ тутъ же кадкахъ. Найдена была гальваническая батарея и двѣ большія банки съ жидкостью.

«Дали знать властямъ. Прибыли судебный слѣдователь Ламанскій, прокуроръ и товарищъ прокурора. Тутъ же былъ открытъ ходъ подъ землею. Вызвали саперъ, начальника гальванической роты и пиро-

техника Родовановскаго. Начались работы, которыя продолжались до ночи, а тогда были приостановлены, такъ какъ продолжать ихъ въ глубинѣ мины и притомъ въ темнотѣ представлялось небезопаснымъ. Малую Садовую оцѣпили часовыми. Рано утромъ вновь начали работу сверху, разобравъ мостовую до самой мины, и, наконецъ, послѣ 12-часовой работы, мина была разрыта и два большіе заряда динамита, одинъ въ 29 фунтовъ, а другой слишкомъ въ пудъ, вынуты изъ земли».

Наконецъ, объ обстоятельствахъ ареста «главнаго организатора событія 1 марта» (А. И. Желябова) газеты сообщали такія свѣдѣнія: «Полиція, около 12-го февраля, получила изъ-за-границы свѣдѣнія, что одинъ изъ вожakovъ революціонной партіи, извѣстный въ средѣ ся подъ именемъ «Милордъ», направляется въ Петербургъ. Въ скоромъ времени, дѣйствительно, студентъ Тригони (Милордъ) прибылъ въ Петербургъ и, перемѣнивъ двѣ или три квартиры, поселился на Невскомъ проспектѣ въ домѣ г. Лихачева, № 66, въ меблированныхъ комнатахъ г-жи Мессюро, въ квартирѣ № 12, гдѣ и прописался подъ своимъ настоящимъ именемъ. Учрежденъ былъ надзоръ за студентомъ Тригони, который былъ одинъ изъ распорядителей революціоннаго исполнительнаго комитета и, какъ оказалось, сторонникомъ употребленія разрывныхъ бомбъ, которыя и были пущены въ ходъ во время страшной катастрофы 1-го марта. Брюнетъ съ черной бородой, горбатымъ, выдающимся носомъ, высокаго роста и замѣчательнаго тѣлосложенія, Тригони одѣвался всегда прилично. Между прочимъ, онъ навѣщалъ домъ № 18, по 1 ротѣ Измайловскаго полка; далѣе открылось, что булочно-кофейная Исакова, на углу Малой Садовой, служила мѣстомъ свиданій революціонерамъ. Сюда заходили они въ поздніе, ночные часы, здѣсь бесѣдовали о предстоящемъ осуществленіи плановъ. 27-го февраля начальство секретной полиціи дало, наконецъ, приказаніе арестовать «Милорда». Вечеромъ, въ тотъ же день, когда въ комнатѣ его находился нѣкто «Петръ Ивановъ», жилецъ дома № 18, по 1 ротѣ Измайловскаго полка, Тригони подъ какимъ-то предлогомъ былъ вызванъ въ коридоръ. Едва вышелъ послѣдній изъ комнаты, какъ преслѣдователи взяли его подъ руки и отвели въ отдѣльную комнату¹⁾. Арестованный, спокойно, не сопротивляясь, послѣдовалъ за представителями полиціи, и, по словамъ очевидцевъ, держалъ себя крайне прилично. Въ то же время другой человѣкъ, съ чрезвычайно красивымъ, выдающимся лицомъ и длинною черною бородою, сообразивъ случившееся, выскочилъ изъ

¹⁾ О томъ, какъ было дѣло въ дѣйствительности, см. нижепомѣщаемую статью самого М. Н. Тригони „Мой арестъ въ 1881 году“.

комнаты арестованного и быстрыми шагами направился къ выходной двери; но, какъ и слѣдовало ожидать, дверь оказалась запертой, и «Петръ Ивановъ», подобно «Милорду», очутился въ рукахъ полиціи. Во время ареста, «Петръ Ивановъ» опустилъ руку въ карманъ и быстро вынулъ револьверъ, но оружіе было моментально отобрано у заарестованного. «Я царевѣйца изъ Александровска», рекомендовался «Петръ Ивановъ», а затѣмъ удивлялся, какъ это могло случиться, что онъ допустилъ себя арестовать.

«Обыскъ въ комнатѣ «Милорда» обнаружилъ 170 экземпляровъ листка «Народная Воля». На основаніи примѣтъ одного государственнаго преступника, полиція полагала, что въ лицѣ второго заарестованнаго имѣетъ дѣло съ однимъ изъ сотоварищей Гартмана, скрывшимся государственнымъ преступникомъ Желябовымъ, но «Петръ Ивановъ» отрицалъ свою тождественность съ послѣднимъ. Задержанные въ тотъ же вечеръ были отправлены въ каретѣ въ домъ предварительнаго заключенія и поступили въ вѣдѣніе прокурорскаго надзора. Только тогда товарищъ прокурора Добржинскій обратился къ «Петру Иванову» и сказалъ: «Я васъ помню по дѣлу 74 года; вы Желябовъ» — мнимый «Петръ Ивановъ» отвѣтилъ: «Вашъ покорнѣйшій слуга».

«Въ квартирѣ послѣдняго, въ Измайловскомъ полку, найденъ динамитъ».

Нечего и говорить, что во всѣхъ этихъ газетныхъ сообщеніяхъ, на ряду съ «Wahrheit» находится очень значительное количество «Dichtung». Приведемъ, поэтому, нѣкоторые собранные относительно катастрофы 1 марта данныя въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ изложены въ обвинительномъ актѣ по этому дѣлу. Суду, какъ извѣстно, были преданы А. И. Желябовъ, С. Л. Перовская, Н. И. Рысаковъ, Т. М. Михайловъ, Н. И. Кибальчичъ и Г. М. Гельфманъ. Объ участіи cadaго изъ этихъ лицъ въ событіи 1-го марта, равно какъ и объ обстоятельствахъ, при которыхъ происходили ихъ аресты, въ соотвѣствующихъ частяхъ обвинительнаго акта находятся слѣдующія данныя:

«Въ третьемъ часу дня, нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ выѣхалъ въ каретѣ, въ сопровожденіи обычнаго конвоя, изъ Михайловскаго дворца по Инженерной улицѣ, по выѣздѣ изъ которой карета повернула направо, по набережной Екатерининскаго канала, направляясь къ Театральному мосту. Позади быстро слѣдовавшей кареты Государя Императора, на разстояніи не болѣе 2 сажени отъ нея, ѣхалъ въ саняхъ полиціимейстеръ полковникъ Дворжицкій, а за нимъ капитанъ Кохъ и ротмистръ Кулебякинъ. На разстояніи сажень

50-ти отъ угла Инженерной улицы, въ 2¹/₄ часа пополудни, подъ каретою раздался страшный взрывъ, распространившійся какъ-бы вѣеромъ. Выскочивъ изъ саней и въ то же мгновеніе замѣтивъ, что на панели, со стороны канала, солдаты схватили какого-то человѣка, полковникъ Дворжицкій бросился къ императорской каретѣ, отворилъ дверцы и, встрѣтивъ выходившаго изъ кареты невредимымъ Государя Императора, доложилъ Его Величеству, что преступникъ задержанъ. По приказанію Государя, свидѣтель проводилъ Его по тротуару канала къ тому мѣсту, гдѣ находился уже окруженный толпою народа задержанный человѣкъ, оказавшійся въслѣдствіи тихвинскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Стоявшій на тротуарѣ подпоручикъ Рудыковскій, не узнавъ сразу Его Величество, спросилъ: «Что съ Государемъ?» На что Государь Императоръ, оглянувшись и не доходя шаговъ десяти до Рысакова, изволилъ сказать: «*Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ...*» указывая при этомъ на лежавшаго около кареты раненаго казака и тутъ же кричавшаго отъ боли раненаго мальчика. Услышавъ слова Государя, Рысаковъ сказалъ: «Еще слава ли Богу?» Между тѣмъ, опередивъ на нѣсколько шаговъ Государя, полковникъ Дворжицкій принялъ отъ лицъ, задержавшихъ Рысакова, вынутые изъ платья его револьверъ и небольшой кинжалъ. Приблизившись къ задержанному и спросивъ—онъ ли стрѣлялъ, Его Императорское Величество, послѣ утвердительнаго отвѣта присутствующихъ, спросилъ Рысакова: кто онъ такой,—на что тотъ назвалъ себя мѣщаниномъ Глазовымъ. Затѣмъ, какъ только Государь, желая посмотрѣть мѣсто взрыва, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по панели канала, по направленію къ экипажу, сзади, у самыхъ ногъ Его, раздался новый оглушительный взрывъ, причѣмъ поднятая имъ масса дыма, снѣга и ключевъ платья закрыла на нѣсколько мгновеній все пространство. Когда же она разсѣялась, пораженнымъ взорамъ присутствующихъ, какъ пострадавшихъ, такъ и уцѣлѣвшихъ, представилось ужасающее зрѣлище: въ числѣ лицъ, поверженныхъ и раненыхъ взрывомъ, находился и Государь Императоръ. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, полусидѣлъ на ней возлюбленный Монархъ, окровавленный и трудно дышавшій. Обнажившіяся ноги вѣнценоснаго Страдальца были раздроблены, кровь сильно струилась съ нихъ, тѣло висѣло кусками, лицо было въ крови. Тутъ же лежала шинель Государя, отъ которой остались лишь окровавленные и обожженные клочья. Раненый рядомъ съ Государемъ Императоромъ полковникъ Дворжицкій, приподнявшись съ земли, слышалъ едва внятно произнесенныя слова Государя: «*Помогите*», и вскочивъ, подбѣ-

жалъ къ Нему виѣтъ со многими другими лицами. Кто-то подалъ платокъ. Государь, приложивъ его къ лицу, очень слабымъ голосомъ произнесъ: «*Холодно, холодно*». Тогда, приподнявъ Государя, уже начавшаго терять сознание, окружавшія Его лица, въ числѣ которыхъ были юнкера павловскаго военного училища и чины проходившаго мимо караула отъ 8-го флотскаго экипажа, при подоспѣвшемъ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, понесли Его къ санямъ полковника Дворжицкаго, причемъ поручикъ графъ Гендриковъ покрылъ своею фуражкою обнаженную голову Страдальца. Наклонившіе къ своему Августѣйшему Брату, великій князь спросилъ, слышитъ ли Его Величество,—на что Государь Императоръ тихо отвѣчалъ: «*Слышу*»; на дальнѣйшій вопросъ его высочества о томъ, какъ Государь себя чувствуетъ, Государь Императоръ изволилъ сказать: «*Скорѣе... во Дворецъ*», а затѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на услышанное Имъ предложеніе штабсъ-капитана Франка внести Его въ ближайшій домъ для подаванія первоначальной помощи, Его Императорское Величество произнесъ: «*Несите Меня во Дворецъ... тамъ... умереть...*» То были послѣднія слышанныя свидѣтелями слова умирающаго Монарха. Императорская карета оказалась сильно поврежденною взрывомъ, почему Его Величество помѣстили въ сани полковника Дворжицкаго, куда сѣлъ ротмистръ Кулебякинъ и, съ помощью конвойныхъ казаковъ Козыменко и Луценко, повезъ Государя Императора въ Зимній Дворецъ.

Неисповѣдимыя вѣдѣнія Промысла совершились. Объявленіями отъ министра внутреннихъ дѣлъ, опубликованными того же 1-го марта, возвѣщено, что при вышеописанномъ второмъ взрывѣ Его Императорское Величество Государь Императоръ былъ тяжело раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣнъ, и въ тотъ же день, въ 3 часа 35 минутъ пополудни, въ Бозѣ почилъ¹⁾.

Упомянувши о существовавшемъ въ Петербургѣ и другихъ горо-

1) Въ „Петербургской Газетѣ“ отъ 1 марта настоящаго года напечатана бесѣда сотрудника газеты съ Е. И. Кедринымъ, выступавшимъ въ дѣлѣ о царевубійствѣ въ качествѣ защитника Перовской.

„Могу вамъ сообщить, сказалъ своему собесѣднику Е. И. Кедринъ, нѣчто имѣющее историческое значеніе. Я передаю его вамъ съ чужихъ словъ—бывшаго полицеймейстера Дворжицкаго и потому снимаю съ себя отвѣтственность за нихъ, хотя не вѣрить я не имѣю никакихъ основаній.

„Дворжицкій, слѣдовавшій 1 марта за коляской Государя, говорилъ мнѣ черезъ годъ, что Императоръ Александръ II, вопреки всѣмъ свидѣтельскимъ показаніямъ, скопчался моментально, тамъ же на набережной Екатерининскаго канала.

„Слѣдовательно, всѣ показанія, будто Государь произнесъ: „холодно... холодно“, „скорѣе... во дворецъ“... были вымышлены“...

Прибавимъ, что еще раньше это самое г. Кедринъ рассказывалъ одному изъ членовъ нашей редакціи.

дахъ сообществѣ и назвавши нѣсколькихъ изъ принадлежавшихъ къ нему лицъ по именамъ, обвинительный актъ говоритъ далѣе: «Результаты изслѣдованія «привели къ заключенію, что въ кружкѣ означенныхъ лицъ играли видную и вліятельную роль: проживавшій подъ своимъ собственнымъ именемъ дѣйствительный студентъ Михайль Тригони и крестьянинъ Таврической губерніи, Θεодосійскаго уѣзда, деревни Николаевки Андрей Ивановъ Желябовъ, розыскиваемый по обвиненію въ покушеніи на жизнь Его Императорскаго Величества, совершенномъ 18-го ноября 1879 года близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи. Желябовъ былъ арестованъ 27 февраля сего года, одновременно съ Тригономъ, въ квартирѣ послѣдняго, на углу Невскаго проспекта и Караванной улицы, въ домѣ Лихачева.

«По обнаруженіи мѣстожителства Желябова, проживающаго вмѣстѣ съ женщиною, именовавшею себя Лидіею Антоновною Войновою, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въ домѣ № 37—18, кв. № 23, подъ именемъ Николая Иванова Слатвинскаго, въ квартирѣ его, утромъ 1-го марта, всего лишь за нѣсколько часовъ до совершенія злодѣянія, жертвою котораго палъ нынѣ въ Возѣ почившій Государь Императоръ, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, кромѣ разныхъ принадлежностей химическихъ опытовъ, могущихъ служить и для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, были найдены, между прочимъ, четыре жестянки изъ-подъ конфетъ и одна изъ-подъ сахару, съ остатками въ четырехъ жестянкахъ (трехъ изъ-подъ конфетъ и одной изъ-подъ сахару) чернаго вещества, а также двѣ каучуковыя красныя трубки.

«По заключенію эксперта, завѣдывающаго химическою лабораторіею Михайловской артиллерійской академіи и училища, генераль-маіора Федорова, означенное вещество есть черный динамитъ, а каучуковыя трубки подобны тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ нижеупомянутыхъ метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ. Въ названныхъ жестянкахъ, по мнѣнію генерала Федорова, могло помѣщаться около двухъ пудовъ динамита.

«Женщина, проживавшая вмѣстѣ съ Желябовымъ подъ именемъ Лидіи Войновой, скрылась изъ вышеуказанной квартиры Желябова на другой день его ареста, 28-го февраля вечеромъ, и была задержана лишь 10-го марта, на Невскомъ проспектѣ, околodочнымъ надзирателемъ Широковымъ.

«Задержанная оказалась дворянкою Софьею Львовою Перовскою, обвиняемою и разыскиваемою по дѣлу о покушеніи на жизнь священной Особы Государя Императора, совершенномъ 19-го ноября 1879 года, близъ города Москвы, на линіи московско-курской желѣзной дороги.

«По обыску, при Перовской были, между прочимъ, найдены печатныя прокламаціи: отъ 2-го марта 1881 года, по поводу событія 1-го марта, 18 экземпляровъ отъ «Исполнительнаго Комитета» и 14 экземпляровъ отъ «Рабочихъ членовъ партіи Народной Воли».

«Дознаніемъ выяснено, что въ іюнѣ 1880 года Перовская, подѣ именемъ Войновой, вмѣстѣ съ женщиною, называвшеюся дочерью священника Ольгою Сиповичъ, еще неразысканною, выбыла изъ д. № 32—4 Петербургской части, 1-го участка, на углу Большой и Малой-Бѣлозерскихъ улицъ, и переѣхала на жительство въ кв. № 13, д. № 17—18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка. Въ октябрѣ Сиповичъ уѣхала, по заявленію ея, въ Ораніенбаумъ, а вскорѣ послѣ ея отѣзда, у Перовской, подѣ видомъ ея брата, поселился Желябовъ, проживавшій подѣ именемъ Николая Ивановича Слатвинскаго».

Обстоятельства ареста Геси Гельфманъ и самоубійства Саблина въ обвинительномъ актѣ изложены такъ:

«Вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ властями при производствѣ разслѣдованія по настоящему дѣлу о томъ, что по Телѣжной улицѣ, въ домѣ № 5, находится такъ называемая «конспиративная» квартира, т. е. такое помѣщеніе, въ которомъ собирались злоумышленники и производились приготовленія къ преступленію 1-го марта, въ означенномъ домѣ, въ квартирѣ № 5, сдѣланъ былъ въ ночь на 3-е марта внезапный обыскъ. При объявленіи должностными лицами, явившимися на обыскъ, о цѣли ихъ прибытія—лицу, спросившему ихъ о томъ чрезъ запертую наружную дверь квартиры, въ этой послѣдней послышалось нѣсколько выстрѣловъ, и затѣмъ какая-то женщина отперла дверь, чрезъ которую должностныя лица и проникли въ квартиру. Въ первой комнатѣ, направо, они нашли лежащимъ на полу, окровавленнымъ только что повидимому застрѣлившимся человѣкомъ. По заключенію приглашеннаго для подачи ему медицинской помощи врача Павлова, человѣкъ этотъ нанесъ себѣ выстрѣлами изъ револьвера нѣсколько ранъ, въ томъ числѣ одну безусловно смертельную въ високъ. Не выходя изъ безсознательнаго состоянія, неизвѣстный тутъ же вскорѣ умеръ. По осмотру домовою книги и по показаніямъ свидѣтелей оказалось, что онъ проживалъ въ квартирѣ № 5, вмѣстѣ съ упомянутою, задержанною въ ней женщиною, подѣ именемъ супруговъ Фесенко-Навроцкихъ, по подложному паспорту на имя коллежскаго регистратора Ивана Петрова Фесенко-Навроцкаго.

«При разслѣдованіи, произведенномъ съ цѣлью обнаружить личность застрѣлившимся человѣкомъ, проживавшаго подѣ именемъ коллежскаго регистратора Ивана Фесенко-Навроцкаго, подполковникъ 1-го лейбъ-

гренадскаго екатеринославскаго полка Иванъ Алексѣевъ Саблинъ, призналъ въ предъявленномъ ему фотографическомъ снимкѣ застрѣливагося родного брата своего, дворянина Николая Алексѣева Саблина, который въ 1878 году выѣхалъ изъ города Москвы неизвѣстно куда, причемъ съ тѣхъ поръ родные его никакихъ извѣстій о немъ не имѣли.

«Женщина, задержанная въ «конспиративной» квартирѣ, оказалась мозырскою мѣщанкою Гесею Мировою Гельфманъ. По ея объясненію, проживавшій вмѣстѣ съ нею въ этой квартирѣ неизвѣстный, называвшійся Фесенко-Навроцкимъ, застрѣлившійся предъ обыскомъ, былъ дѣйствительно Николай Алексѣевъ Саблинъ.

«Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что означенный Саблинъ въ 1873 и 1874 годахъ, принадлежа къ революціонному кружку, образовавшемуся въ Москвѣ, и дѣйствуя какъ здѣсь, такъ и въ Ярославской губерніи, занимался преступной пропагандой въ народѣ совмѣстно съ скрывающимися нынѣ революціонными дѣятелями Николаемъ Морозовымъ и Иванчинымъ-Писаревымъ. Затѣмъ, уѣхавъ въ 1874 году за границу, Саблинъ въ мартѣ 1875 года виѣстѣ съ Морозовымъ возвратился въ Россію, причемъ былъ задержанъ въ пограничномъ селеніи Кибарты, съ прусскою легитимационною картою на имя Фридриха Вейсмана. Привлеченный къ дѣлу о революціонной пропагандѣ въ имперіи и преданный суду особаго присутствія привѣтствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Саблинъ былъ признанъ виновнымъ во вступленіи въ преступное тайное сообщество, предусмотрѣнное 2 отд. ст. 250 уложенія о наказаніяхъ, съ знаніемъ о цѣляхъ его, за что, какъ изложено въ приговорѣ особаго присутствія, состоявшемся 18-го октября (23-го января) 1877—78 годовъ, онъ подлежалъ наказанію, указанному въ 3 степ. 31 ст. улож. о наказ., причемъ особое присутствіе, принявъ во вниманіе обстоятельства смягчающія, въ числѣ другихъ и его Саблина, вину въ размѣрахъ, выходящихъ изъ предѣловъ власти суда, и между прочимъ долговременное содержаніе его подъ стражей и молодость, опредѣлило: ходатайствовать предъ Монаршимъ Милосердіемъ о вмѣненіи ему въ наказаніе предварительнаго ареста, на каковое ходатайство и послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества нынѣ въ Вoszъ почившаго Государя Императора соизволеніе.

«По обыску въ «конспиративной» квартирѣ былъ найденъ рядъ вещественныхъ доказательствъ, имѣющихъ непосредственную связь съ злодѣйскимъ дѣяніемъ 1 марта. Изъ числа означенныхъ вещественныхъ доказательствъ особое значеніе, по заключенію экспертовъ, пред-

ставляютъ нижеслѣдующіе предметы: а) двѣ метательныя мины, взрывающіяся при бросаніи отъ удара, въ жестянкахъ, заключающихъ въ себѣ, какъ подробно объяснено въ заключеніи и чертежахъ генераль-маіора Федорова, взрывчатый аппаратъ, который представляетъ систему сообщающихся другъ съ другомъ снарядовъ: а) съ сѣрною кислотою, б) съ смѣсью бертолетовой соли, сахара и сѣрнистой сурьмы, в) съ гремучей ртутью и г) изъ пирооксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Передавая другъ другу посредствомъ стопина воспламененія, вслѣдствіе удара или сотрясенія, снаряды эти доводятъ его, наконецъ, до смѣси гремучаго студня съ камфарой, дѣйствующаго при взрывѣ въ шесть разъ сильнѣе пороха; часть означеннаго аппарата устроена вдвойнѣ такимъ образомъ, чтобы взрывъ послѣдовалъ при паденіи метательной мины въ какомъ бы то ни было направленіи; 2) колба и реторта, служащія для химическихъ опытовъ; 3) стеклянные шарики съ сѣрною кислотою; 4) небольшая деревянная призма, представляющая, по предположенію эксперта, часть модели метательнаго снаряда; 5) фарфоровая ступка, въ которой перетиралась бертолетова соль; 6) записка на клочкѣ бумаги о вышеупомянутой смѣси бертолетовой соли съ сахаромъ и сурьмой; 7) рисунокъ карандашомъ, на оборотѣ транспаранта, какого-то аппарата для производства гальваническаго тока, не имѣющій, впрочемъ, отношенія къ метательнымъ снарядамъ; 8) планъ города С.-Петербурга съ карандашными отмѣтками, въ видѣ неправильныхъ круговъ, на зданіи Зимняго Дворца, и съ слабыми карандашными же линіями, проведенными отъ зданія Михайловскаго манежа по Инженерной улицѣ, по зданіямъ Михайловскаго дворца и по Екатерининскому каналу, и 9) сдѣланный карандашомъ на оборотѣ конверта планъ, безъ соблюденія масштаба, представляющій, по сличенію его съ планомъ г. С.-Петербурга, сходство съ мѣстностью между Екатерининскимъ каналомъ, Невскимъ проспектомъ, Михайловскимъ дворцомъ и Караванной улицей, съ обозначеніемъ Михайловскаго манежа, Инженерной улицы и Малой Садовой. На планѣ этомъ, между прочимъ, имѣются знаки на Екатерининскомъ каналѣ, Манежной площади и кругъ по срединѣ Малой Садовой.

«3-го марта, утромъ, вскорѣ послѣ вышеупомянутаго обыска, въ домѣ № 5, по Телѣжной улицѣ, гдѣ были оставлены чины полиціи съ приказаніемъ задерживать каждого, кто придетъ въ обысканную квартиру—явился молодой человѣкъ и, поднимаясь по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ находилась означенная квартира, былъ встрѣченъ дворникомъ Мирономъ Сергѣевымъ. На вопросъ послѣдняго—«куда онъ идетъ?»—неизвѣстный, спросивъ кучера, указалъ на квартиру № 12,

каковой вовсе въ домѣ не имѣется, вслѣдствіе чего былъ приглашенъ въ кв. № 5, гдѣ и задержанъ. Когда же было приступлено къ производству у него обыска, то онъ, выхвативъ изъ кармана револьверъ, сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ задержавшихъ его полицейскихъ чиновъ, изъ которыхъ нанесъ схватившему дуло револьвера городовому Ефиму Денисову опасную для его жизни рану въ правый пахъ и помощнику пристава 1-го участка Александро - Невской части Слудскому контузію груди, съ ушибомъ праваго легкаго. Обезоруженный и, вслѣдствіе описаннаго сопротивленія, связанный неизвѣстный человѣкъ былъ доставленъ въ управленіе С.-Петербургскаго градоначальника, гдѣ и оказался крестьяниномъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилкова, Тимофеемъ Михайловымъ».

Далѣе обвинительный актъ гласитъ слѣдующее объ обстоятельствахъ обнаруженія подкопа на Малой Садовой:

«4-го марта 1881 года, вслѣдствіе заявленія дворниковъ дома № 56—8 (графа Менгдена), находящагося на углу Малой Садовой и Невскаго проспекта, того самаго, въ которомъ помѣщается и вышеупомянутая кондитерская Исакова, о томъ, что содержатель сырной лавки, въ подвальномъ этажѣ того же дома, крестьянинъ Евдокимъ Ермолаевъ Кобозевъ скрылся вмѣстѣ съ женою своею Еленою Федоровою, а въ самой лавкѣ найдена земля и разныя орудія землекопанія, мѣстная полиція произвела осмотръ означенной лавки, оставленной хозяевами, причемъ, по приглашенія на мѣсто судебного слѣдователя, изъ жилья, смежнаго съ лавкою, подъ ближайшимъ къ ней окномъ, былъ обнаруженъ подкопъ подъ улицу Малую Садовую.

«По осмотру судебнымъ слѣдователемъ, при участіи экспертовъ: генераль-маіора Федорова, военного инженера штабсъ-капитана Родивановскаго, командира гальванической роты полковника Лисовскаго и офицеровъ той же роты: штабсъ-капитана Линденера и поручика Тишкова, какъ внутренности лавки и смежныхъ съ ней помѣщеній, такъ и самаго подкопа, изслѣдованнаго съ помощью поименованныхъ экспертовъ и нижнихъ чиновъ гальванической роты, оказалось, въ общихъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ, нижеслѣдующее: въ самой лавкѣ, на прилавкѣ, разложены сыры и оставлены разныя записки, не имѣющія значенія по своему содержанію; въ стоящихъ здѣсь же бочкѣ и кадкѣ, подъ соломою и за деревянною обшивкою нижней части задней и боковыхъ стѣнъ, сложена земля. Въ смежномъ жильѣ такая же земля найдена подъ сидѣньемъ дивана и рядомъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, девять деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ землею, и шесть мокрыхъ мѣшковъ, въ которыхъ, повидимому, носили землю. Въ раз-



Николай Ивановичъ
КИБАЛЬЧИЧЪ.

ныхъ мѣстахъ разбросаны землекопные и минные инструменты, какъ-то буравъ съ его принадлежностями, ручной фонарикъ съ лампочкой и проч. Въ жилѣ стѣна, подъ первымъ отъ входа окномъ, пробита, и въ ней открывается отверстіе, ведущее въ подземную галлерею, обложенную внутри досками и простирающуюся на двѣ слишкомъ сажени до середины улицы. Въ отверстіи оказалась стеклянка съ жидкостью (двухромокислымъ кали) для заряженія гальванической батареи, системы Грене, 4 элемента которой найдены тутъ же въ корзинѣ. Отъ батареи шли по минѣ провода, оканчивавшіеся зарядомъ. По заключенію генераль-маіора Федорова, зарядъ этотъ состоялъ изъ системы черного динамита, количествомъ около 2-хъ пудовъ, капсюли съ гремучей ртутью и шашки пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Такая система вполне обезпечивала взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до $2\frac{1}{2}$ сажень въ діаметрѣ, а въ сосѣднихъ домахъ были бы вышиблены оконныя рамы и могли бы обвалиться печи и потолки. Что же касается до земли, найденной въ лавкѣ Кобозева, то, по заключенію полковника Лисовскаго, количество ея соотвѣтствуетъ объему земли, вынутой изъ галлерей.

«Слѣдствіемъ обнаружено, что называвшіе себя супругами Кобозевыми наняли лавку въ домѣ графа Менгденъ въ декабрѣ 1880 г., по контракту за 1.200 руб. въ годъ, и переѣхавъ въ январѣ, открыли торговлю сыромъ при такой обстановкѣ, которая скоро обратила на себя вниманіе многихъ свидѣтелей, какъ несоотвѣтствовавшая свойствамъ, образу жизни и внѣшности обыкновенной торговли и обыкновенныхъ торговцевъ. Торговля производилась неумѣло и какъ бы лишь для виду, Кобозевъ казался человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше своего состоянія, жена его обнаруживала привычки, несвойственныя женѣ простого торговца, кромѣ того часто не ночевала дома. Вслѣдствіе павшаго поэтому на лавку Кобозевыхъ подозрѣнія, въ лавкѣ ихъ, 28 февраля 1881 г., по распоряженію градоначальника, мѣстной полиціею, при участіи техника генераль-маіора Мровинскаго, произведенъ былъ осмотръ подъ видомъ техническихъ и санитарныхъ цѣлей. Осмотръ этотъ не далъ никакихъ результатовъ, при чемъ, однако же, по удовольствію свидѣтелей: Мровинскаго, пристава 1-го участка Спасской части Теглева и дворника Никифора Самойлова, Кобозевъ казался смущеннымъ и испуганнымъ. Послѣ осмотра, 1-го и 2-го марта Кобозевы поочередно уходили изъ дома, а 3-го марта Кобозевъ ушелъ утромъ, жена же его вечеромъ, послѣ чего они болѣе не возвращались».

Обстоятельства обнаруженія квартиры лица, бросившаго второй

снарядъ и проживавшаго подъ фамиліей Ельникова, (И. І. Гриневицкій), а также обстоятельства, предшествовавшія событію 1 марта, въ обвинительномъ актѣ изложены такъ:

«3-го марта, по указаніямъ Рысакова, была обнаружена и квартира того самаго неизвѣстнаго человѣка, который умеръ отъ поврежденій, полученныхъ имъ при взрывѣ 1-го марта. Подъ именемъ виленскаго мѣщанина Николая Степанова Ельникова, онъ проживалъ на Выборгской сторонѣ, по Симбирской улицѣ, въ домѣ № 59, кв. № 22, у квартирной хозяйки Анны Артамоновой.

«По осмотру вещей, оставшихся въ квартирѣ Артамоновой, въ числѣ ихъ, кромѣ 6 экземпляровъ «Рабочей Газеты», напечатанныхъ въ «Летучей типографіи Народной Воли», и экземпляра упомянутой уже, найденной и у Рысакова «Программы рабочихъ членовъ партіи», оказались еще: 1) счетъ въ израсходованіи за ноябрь 33 рублей, съ надписью внизу: «отчетъ Федорова», и 2) платокъ съ мѣткою «Н. И. Р.».

«По предъявленіи Артамоновой и служанкѣ ея, солдатской вдовѣ Акулинѣ Смѣлковой, трупа неизвѣстнаго человѣка, умершаго въ придворномъ госпиталѣ, онѣ признали въ немъ своего жильца Ельникова.

«Рѣчь о царевубійствѣ зашла на собраніяхъ террористическаго отдѣла, происходившихъ сначала въ квартирѣ Рысакова, а затѣмъ въ особой конспиративной квартирѣ (Геси Гельфманъ) по Троицкому переулку; на этой послѣдней квартирѣ, недѣли за полторы до 1-го марта, Желябовъ «кликнулъ кличъ», или, другими словами, вызвалъ добровольцевъ, желающихъ совершить новое покушеніе на жизнь Государя Императора, рѣшенное «исполнительнымъ комитетомъ». Послѣ этихъ собраній, состоялось еще одно въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ снова обсуждался вопросъ о покушеніи; сначала событіе, о которомъ Желябовъ говорилъ съ Рысаковымъ въ видѣ предположенія, еще до упомянутыхъ собраній, представлялось отдаленнымъ, но затѣмъ Рысаковъ сталъ замѣчать въ Желябовѣ и его товарищахъ лихорадочную поспѣшность, которую Рысаковъ объясняетъ тѣмъ, что составъ и силы партіи были разстроены только-что постигшими ее арестами. На категорическое предложеніе Желябова совершить покушеніе, Рысаковъ согласился приблизительно за недѣлю до 1-го марта, послѣ чего вступилъ въ непосредственныя сношенія съ кружкомъ лицъ, устраивавшихъ посягательство, и былъ введенъ въ новую конспиративную квартиру по Тѣлжной улицѣ, которая, по словамъ Желябова, и была нанята исключительно для подготовленія царевубійства. На призывъ Желябова совершить преступленіе отозвались, кромѣ его, Рысакова,

еще «Михаилъ Ивановичъ» ¹⁾ и Тимоѳеѣ Михайловъ, а также, по-видимому, и человѣкъ, называвшійся «Михаиломъ» ²⁾ съ которымъ незадолго передъ тѣмъ его познакомилъ Желябовъ, какъ съ «товарищемъ по дѣлу». Сверхъ названныхъ лицъ на «конспиративной квартирѣ» появилась и Перовская, съ которою Желябовъ познакомилъ его, Рысакова, еще въ началѣ зимы, причемъ Рысаковъ принялъ тогда же участіе, вмѣстѣ съ «Михиломъ Ивановичемъ», въ постоянномъ и правильномъ наблюденіи за выѣздами Государя Императора, которое было организовано Перовскою. На конспиративной квартирѣ по Тѣлежной улицѣ собирались добровольцы, т. е. онъ, Рысаковъ, «Михаилъ Ивановичъ», Тимоѳеѣ Михайловъ и «Михаилъ». Здѣсь же Рысаковъ видѣлъ Гесю Гельфманъ, а также человѣка, признаннаго имъ въ предъявленномъ ему трупѣ Саблина. На первое же собраніе, вслѣдъ за Желябовымъ, явился человѣкъ, котораго называли «техникомъ» и который подробно объяснялъ устройство метательныхъ снарядовъ по принесеннымъ имъ образцамъ. 28-го февраля, онъ, Рысаковъ, «техникъ», Тимоѳеѣ Михайловъ и «Михаилъ Ивановичъ» ходили за городъ въ пустынное мѣсто, за Смольнымъ монастыремъ, пробовать образецъ снаряда; снарядъ этотъ былъ брошенъ Тимоѳеѣ Михайловымъ и удачно разорвался. Оттуда участники задуманнаго преступленія отправились на конспиративную квартиру, для полученія какихъ-то указаній отъ Желябова, который однако же не пришелъ, причемъ, кажется, Гельфманъ сказала, что если онъ не придетъ, «то значить занятъ». На другой день, 1-го марта, въ 9 часовъ утра, согласно состоявшемуся наканунѣ уговору, всѣ вновь сошлись на конспиративной квартирѣ, для полученія снарядовъ и необходимыхъ указаній. Здѣсь были: онъ, Рысаковъ, Тимоѳеѣ Михайловъ, «Михаилъ Ивановичъ» и «Михаилъ». Вскорѣ пришла Перовская и принесла съ собою узелъ со снарядами, въ которомъ ихъ было не больше двухъ; она сообщила объ арестѣ Желябова и объяснила, что не смотря на работу въ теченіи всей ночи, не успѣли приготовить предполагаennaго прежде количества снарядовъ. «Можетъ быть и еще принесутъ», сказала Перовская, «нужно довольствоваться малымъ». Затѣмъ явился «техникъ» и, какъ кажется Рысакову, также принесъ снаряды. Всѣ указанія для совершенія злодѣянія были даны Перовскою, которая начертила на конвертѣ планъ мѣстности и каждому изъ участниковъ указала на немъ назначенный ему пунктъ. При этомъ состоялось слѣ-

¹⁾ И. И. Гриневицкій.

²⁾ И. П. Емельяновъ, тогда еще не обнаруженный. Осужденъ въ 1882 г. См. „Прощесъ 20-ти народовольцевъ“ въ январской книжкѣ „Вѣстника“.

дующее распределение: на Малой Садовой имѣлъ произойти взрывъ при проѣздѣ Государя, а лица, вооруженныя метательными снарядами, были разставлены по близости. Онъ, Рысаковъ, долженъ былъ стать у Екатерининскаго сквера, а «Михаилъ» на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой. На противоположномъ концѣ этой улицы, на углу Б.-Итальянской, близъ манежной площади, какъ на опаснѣйшемъ мѣстѣ, должны были помѣститься лица, болѣе другъ съ другомъ знакомыя, болѣе опытные и съ лучшимъ революціоннымъ прошлымъ; здѣсь могли стать «Михаилъ Ивановичъ» и Тимофеей Михайловъ. При взрывѣ на Малой Садовой, гдѣ, по словамъ Перовской, Государя «уже ждутъ», всѣ лица со снарядами должны были, на случай неудачи, еѣшпиться къ мѣсту взрыва. Въ случаѣ же, если бы Государь Императоръ не прослѣдовалъ по Малой Садовой, то свиданіе съ Перовскою было условлено на Михайловской улицѣ, гдѣ она должна была подать знакъ о томъ, что слѣдуетъ идти на Екатерининскій каналъ и здѣсь ждать возвращенія Государя въ Зимній Дворецъ, послѣ обыкновеннаго посѣщенія Имѣ Михайловскаго дворца. Когда же оказалось, что Государь Императоръ прослѣдовалъ въ манежъ не по Малой Садовой, а изъ манежа, послѣ посѣщенія Михайловскаго дворца, направился по Екатерининскому каналу, то онъ, Рысаковъ, придя по сигналу Перовской на набережную этого канала, бросилъ свой снарядъ, завернутый въ платкѣ, подъ ноги лошадямъ ѣхавшей ему навстрѣчу Императорской кареты, послѣ чего и былъ задержанъ. Тутъ же на набережной онъ, какъ ему кажется, видѣлъ предъ собою на далекомъ разстояніи «Михаила Ивановича».

«2-го марта, обвиняемый Желябовъ прислалъ на имя прокурора с.-петербургской судебной палаты заявленіе, въ которомъ, высказывая свою совершенную солидарность съ Рысаковымъ и требуя, по его выраженію, «пріобщенія его, Желябова, къ дѣлу 1-го марта», объясняетъ, «что онъ многократно покушался на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора и не принялъ физическаго участія въ преступленіи 1-го марта лишь по «случайности». Далѣе, восхваляя Рысаква, онъ выражаетъ опасеніе, что правительство, «за недостаткомъ формальныхъ уликъ противъ него, «ветерана революціи», предпочтетъ «вышнюю законность внутренней справедливости», во избѣжаніе чего онъ, Желябовъ, и проситъ о привлеченіи его къ настоящему дѣлу. 1).

«Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о личности и прошедшемъ Желябова, котораго умершій обвиняемый по дѣлу о такъ называемыхъ

1) Ниже, — въ особой замѣткѣ, — мы печатаемъ это, до сихъ поръ еще не появлявшееся въ печати, заявленіе А. П. Желябова полностью.

террористахъ Гольденбергъ характеризуетъ какъ личность «въ высшей степени развитую и геніальную», оказывается, что Желябовъ въ 1872 году былъ исключенъ изъ новороссійскаго университета за безпорядки, затѣмъ судился по дѣлу о революціонной пропагандѣ и по оправданіи, по собственному его показанію, проживалъ подъ разными именами въ разныхъ мѣстахъ, на средства изъ фонда народа.

«Обвиняемая Софья Львова Перовская, признавая какъ принадлежность свою къ партіи «Народной Воли», такъ и свое участіе въ посягательствѣ 1-го марта 1881 года, показала, что она занимается революціонною дѣятельностью, а средства къ жизни получаетъ частью изъ фонда партіи. Получивъ домашнее образованіе и поступивъ въ 1869 году на высшіе женскіе курсы при 5-й с.-петербургской мужской гимназій, она въ 1870 году оставила родительскій домъ и послѣ нѣкотораго подготовленія сдѣлалась народною учительницей, а въ 1872 году примкнула къ революціонному движенію, причемъ нѣсколько разъ подвергалась аресту и судилась по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи. Въ 1878 году она была вновь арестована и подлежала административной высылкѣ въ Олонецкую губернію, но съ пути слѣдованія скрылась и съ тѣхъ поръ жила «нелегально» подъ разными фамиліями и по подложнымъ видамъ на жительство. Въ іюнѣ 1880 года, подъ фамилією Войновой, она поселилась въ Петербургѣ, въ д. № 17—18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, вѣстѣ съ своею знакомою, настоящей фамиліи которой она назвать не желаетъ и которая проживала подъ фамилією Сиповичъ. Въ сентябрѣ къ ней на квартиру, вмѣсто уѣхавшей Сиповичъ, переѣхалъ Желябовъ. Какъ членъ «партіи» «Народной Воли» и «агентъ исполнительнаго комитета», она знала обо всемъ происходившемъ въ террористической отрасли дѣятельности этой партіи и принимала непосредственное участіе какъ въ приготовленіяхъ къ преступленію 1-го марта и въ происходившихъ по поводу его совѣщаніяхъ между соучастниками, такъ и въ самыхъ дѣйствіяхъ по исполненію замысла. Уже за нѣсколько времени до 1-го марта она вмѣстѣ съ другими лицами слѣдила за обычными выѣздами Государя Императора и затѣмъ участвовала въ состоявшемся 28-го февраля соглашеніи дѣйствовать именно 1-го марта. Подкопъ по Малой Садовой былъ устроенъ на случай проѣзда Государя по этой улицѣ. Независимо отъ этого подкопа, предстояло еще дѣйствіе метательными снарядами, часть коихъ, именно два, она, Перовская, утромъ привезла въ д. № 5 по Телѣжной улицѣ, въ квартиру, хозяевами которой были застрѣлившіяся въ ней передъ обыскомъ челоувѣкъ (Саблинъ) и Геся Гельфманъ. Своихъ снарядовъ въ означенной квартирѣ не было, но

откуда они были принесены туда обвиняемою, а также сколько ихъ всѣхъ было, считая въ томъ числѣ и снаряды, принесенные другими, она объяснить не желаетъ. По слѣдственности дѣла и краткости срока, истекшаго со времени принятаго наканунѣ рѣшенія совершить преступленіе 1-го марта, не могло быть приготовлено большаго количества снарядовъ, о чемъ она, Перовская, и объяснила своимъ соучастникамъ, по приѣздѣ своемъ на квартиру по Тѣлешной улицѣ, утромъ названнаго дня. Здѣсь же, при окончательномъ распредѣленіи участія каждого, она нарисовала на конвертѣ найденный по обыску въ квартирѣ Саблина и Гельфманъ планъ мѣстности, на которомъ и объяснила лицамъ, отправлявшимся со снарядами, гдѣ они должны были находиться. Сколько ихъ было, она сказать не желаетъ, равнымъ образомъ не желаетъ и назвать ихъ, кромѣ Рысакова, также получившаго снарядъ. По заранѣ составленному плану, отправивъ на условленные мѣста лицъ, вооруженныхъ снарядами, обвиняемая также отправилась на мѣсто дѣйствія, причемъ находилась на углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади для того, чтобы наблюдать за направлениемъ пути, принимаемымъ Государемъ Императоромъ. Увидя, что Его Величество, не пройдя по Малой Садовой и, такимъ образомъ, благополучно миновавъ устроенный на ней подкопъ, направляется изъ манежа въ Михайловскій дворецъ, а затѣмъ имѣетъ слѣдовать по Екатерининскому каналу, она, Перовская, пошла по Михайловской улицѣ, гдѣ встрѣченнымъ ею лицамъ со снарядами, въ томъ числѣ и Рысакову, подала, молча, сморкаясь въ платокъ, условный сигналъ, означавшій, что нужно идти для дѣйствія на Екатерининскій каналъ. Сама же она снаряда при себѣ не имѣла, такъ какъ такового для нея въ этотъ день не достало. Подавъ сигналъ, обвиняемая вышла на Невскій проспектъ и затѣмъ по Казанскому мосту обошла на противоположную сторону Екатерининскаго канала, для того, чтобы оттуда наблюдать за дѣйствіемъ метательныхъ снарядовъ. Во время обоихъ взрывовъ она находилась въ противоположной сторонѣ Екатерининскаго канала и по совершеніи ихъ удалилась».

Обстоятельства привлеченія къ дѣлу Н. И. Кабальчича обвинительный актъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ:

«17-го марта 1881 года, въ городѣ С.-Петербургѣ задержанъ разыскиваемый, по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ, сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, проживавшій по Лиговкѣ, въ д. № 83, кв. № 2, подъ именемъ аккерманскаго мѣщанина Николая Степанова Ланскаго, по подложному паспорту на это имя, написанному отъ аккерманскаго мѣщанскаго старосты.

«При производствѣ о Кибальчичѣ установленнаго дознанія, онъ оказался однимъ изъ соучастниковъ совершеннаго 1 марта 1881 года злодѣянія, жертвою коего палъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

«Въ разъясненіе и подтвержденіе падающихъ на Кибальчича обвиненій, дознаніемъ собраны нижеслѣдующія данныя:

«По предъявленіи Кибальчича обвиняемому Николаю Иванову Рысакову, онъ призналъ въ немъ того самаго «техника», о которомъ онъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ, изложенныхъ въ главномъ обвинительномъ актѣ по настоящему дѣлу, какъ о томъ лицѣ, которое въ конспиративной квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, въ д. № 5, давало техническія наставленія объ устройствѣ и дѣйствіи метательныхъ снарядовъ. По объясненію Рысакова, тотъ же Кибальчичъ, называвшійся «техникомъ», 28-го февраля находился съ ними, «Михаиломъ Ивановичемъ» и Тимофеемъ Михайловымъ на испытаніи пробнаго снаряда, а 1-го марта, послѣ прибытія Перовской въ конспиративную квартиру съ двумя снарядами, доставилъ туда, какъ кажется, ему, Рысакову, еще два таковыхъ же. Говоря о способахъ совершенія посягательства на жизнь Государя Императора, Кибальчичъ, повидимому, возлагалъ надежды на мину въ Малой Садовой, такъ какъ, по словамъ Рысакова, онъ считалъ «больше иллюзіей» мысль о томъ, что придется дѣйствовать метательными снарядами.

«Обвиняемый Николай Ивановъ Кибальчичъ, сознаваясь въ приписываемомъ ему участіи въ злодѣяніи 1-го марта 1881 года, показалъ, что, поступивъ въ 1871 году въ число студентовъ института инженеровъ путей сообщенія и пробывъ въ немъ до 1873 года, онъ затѣмъ перешелъ въ медико-хирургическую академію, во время пребыванія въ которой и составилъ себѣ социалистическія убѣжденія. Они развились и окрѣпли во время предварительнаго заключенія его подѣ стражу, которому онъ подвергся въ 1875 году за храненіе у себя и распространеніе преступныхъ сочиненій. Будучи освобожденъ въ іюнѣ 1878 года, послѣ слѣдствія и отбытія наказанія, онъ, осенью того же года, вслѣдствіе арестовъ, вызванныхъ умерщвленіемъ генераль-адъютанта Мезенцева, перешелъ на нелегальное положеніе, но до весны 1879 г., не имѣя ни связей среди «партіи», ни революціоннаго прошлаго, не принималъ участія въ активной ея дѣятельности. Весною 1879 года, онъ предложилъ чрезъ казеннаго нынѣ государственнаго преступника Квятковского свои услуги революціонной организаціи, сознавая, что въ виду обострившейся борьбы партіи съ правительствомъ, всякій, раздѣляющій ея убѣжденія, обязанъ оказать ей активное содѣйствіе. Съ Желябовымъ онъ познакомился позднѣе, именно лѣтомъ 1879 года.

«Послѣ происходившаго лѣтомъ 1879 года липецкаго съѣзда членовъ соціально-революціонной партіи, о которомъ упоминается въ показаніи Гольденберга, онъ постоянно участвовалъ въ приготовленіи для партіи динамита, приобрѣта необходимыя для сего техническія свѣдѣнія гораздо ранѣе, такъ какъ, не имѣя еще связей съ партіей, онъ предвидѣлъ, что ей придется прибѣгнуть въ ея борьбѣ съ правительствомъ къ такимъ веществамъ, какъ динамитъ, и, рѣшившись изучить приготовленіе взрывчатыхъ веществъ, съ этою цѣлью перечиталъ все, что могъ достать по литературѣ предмета. Затѣмъ, когда ему удалось у себя въ комнатѣ добыть небольшое количество нитроглицерина, онъ убѣдился въ возможности готовить какъ это вещество, такъ и динамитъ домашними средствами.

«Въ декабрѣ 1879 года, послѣ покушенія на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, и приготовленія къ таковому же покушенію близъ города Одессы, обвиняемый переѣхалъ на жительство въ Петербургъ.

«Рѣшившись во что бы то ни стало совершить удачно посягательство на жизнь Государя Императора, «партія» составила такой планъ дѣйствій, при которомъ оно было бы обставлено всеми возможными шансами успѣха. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что исполненіе плана затянулось, такъ какъ съ одной стороны было необходимо устроить мѣсто для мины и приготовить самую мину, посредствомъ которой рѣшено было совершить посягательство, а съ другой стороны нужно было выработать наиболѣе удобный типъ метательныхъ снарядовъ, предполагавшихся для вспомогательнаго дѣйствія на случай неудачи покушенія посредствомъ мины. О заложеніи этой послѣдней въ Малой Садовой, онъ, Кибальчичъ, узналъ лишь незадолго до 1-го марта, причемъ, не участвуя ни въ проведеніи подкопа, ни въ самомъ устройствѣ мины, онъ давалъ лишь научно-техническія указанія относительно нужнаго для нея количества динамита, а также сдѣлалъ запаль для заряда мины. Что же касается до метательныхъ снарядовъ, то онъ изготавлялъ ихъ при участіи двухъ помощниковъ, но гдѣ именно—объяснить не желаетъ. Подтверждая вообще показанія Рысакова о конспиративныхъ квартирахъ и пробѣ снаряда, Кибальчичъ объяснилъ, что хозяйкою квартиры по Троицкому переулку была Гельфманъ, а квартиры по Телѣжной улицѣ—Гельфманъ и Саблинъ; проба же снаряда производилась кромѣ него, Кибальчича, еще двумя лицами, а именно Рысаквымъ и «Михаиломъ Ивановичемъ». Въ планѣ посягательства 1 марта главное мѣсто отводилось минѣ на Малой Садовой, и лица, вооружен-

ныя метательными снарядами, разставленные по обоимъ концамъ Малой Садовой, должны были дѣйствовать на ней только въ случаѣ неудачнаго взрыва мины. Всего снарядовъ было сдѣлано имъ, Кибальчичемъ, четыре, причемъ онъ работалъ надъ ними всю ночь на 1-е марта. Два изъ этихъ снарядовъ доставила на конспиративную квартиру по Телѣжной улицѣ Перовская, два же другихъ, запасные, привезъ самъ обвиняемый утромъ передъ событіемъ. При выборѣ времени и мѣста совершения посягательства, онъ не имѣлъ рѣшающаго голоса. Находясь на улицѣ во время проѣзда Государя Императора въ манежъ и изъ манежа, онъ отправился домой, не зная о томъ, что и безъ взрыва на Малой Садовой снаряды имѣютъ быть и въ дѣйствительности были употреблены въ дѣло. О послѣдствіяхъ посягательства онъ узналъ лишь вечеромъ.

«Излагая собственноручно на письмѣ вышеприведенныя свои показанія, Кибальчичъ въ одномъ изъ нихъ объяснилъ, что въ изготовленіи снарядовъ ему помогали два лица-техника, которыхъ онъ называть не желаетъ.

«По обыску къ квартирѣ Кибальчича, въ домѣ № 83 по Литовкѣ, у него, кромѣ разныхъ рукописей и замѣтокъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ настоящему дѣлу, найдена была изданная морскимъ вѣдомствомъ брошюра, подъ заглавіемъ: «Правила выдѣлки игольчатыхъ запаловъ съ гремучей-кислой ртутью малаго и большого сопротивленія».

«Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній, а отчасти изъ собственныхъ объясненій Кибальчича видно, что онъ уроженецъ Крелевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ новгородъ-сѣверской духовной семинаріи; въ 1871 году поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда въ 1873 году перешелъ въ императорскую медико-хирургическую академію. Въ 1875 г., Кибальчичъ, проживая лѣтомъ въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ имѣніи своего брата, навлекъ на себя обвиненіе въ передачѣ рядовому Притулѣ брошюры преступнаго содержанія подъ заглавіемъ: «Сказка о четырехъ братьяхъ»——въ чемъ и сознался. При производствѣ у Кибальчича по этому дѣлу обыска, у него оказались два тюка съ разными запрещенными изданіями и нѣсколько видовъ на жительство. Преданный по вышеупомянутому дѣлу суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Кибальчичъ приговоромъ особаго присутствія, состоявшимся 1 мая 1878 года, былъ присужденъ, на основаніи 4 отд. ст. 251 ул., къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяць, каковой приговоръ и былъ приведенъ надъ нимъ въ исполненіе. По приѣздѣ Кибальчича въ Петербургъ въ концѣ 1878 года, онъ прожи-

валь подъ именемъ Агатескулова въ разныхъ квартирахъ, изъ которыхъ, кромѣ упомянутой уже квартиры въ домѣ № 83 по Лиговкѣ, были обнаружены еще слѣдующія: 1) весною 1880 г. по Забалканскому проспекту, въ домѣ № 10, въ «Серапинской гостинницѣ»; 2) лѣтомъ того же года, по Подольской улицѣ, д. № 11, вмѣстѣ съ неизвѣстною женщиною, называвшеюся его женою; 3) осенью 1880 г. по Невскому проспекту въ домѣ № 124, въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ крестьянкою Мареою Кононовою. Въ послѣднюю квартиру свою, на Лиговкѣ, Кибальчичъ переѣхалъ 23-го января 1881 года, причемъ, по удостовѣренію квартирной хозяйки, мѣщанской вдовы Александры Ивановой, и дворника крестьянина Федора Козлова, онъ обыкновенно уходилъ изъ дома часовъ въ 10 утра и возвращался поздно вечеромъ».

Въ планъ настоящей статьи, конечно, не входитъ изложеніе всего дѣла 1 марта 1881 года,—дѣло это было напечатано тогда же въ газетахъ, а недавно снова вышло въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ,—но, для воспроизведенія главнѣйшихъ его моментовъ, мы приведемъ изъ «Правительственнаго Вѣстника» еще два слѣдующія официальныя сообщенія:

Правительственный Вѣстникъ 31 марта:

«Резолюція Особого Присутствія Правительствующаго Сената, объявленная 29-го марта 1881 года, въ 6 часовъ 20 минутъ по полуночи, по дѣлу о совершенномъ 1-го сего марта злодѣяніи, жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.»

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ Особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, постановилъ: подсудимыхъ: крестьянина Таврической губерніи, Θεодосійскаго уѣзда, Петровской волости, деревни Николаевки, Андрея Иванова Желябова, 30 лѣтъ; дворянку Софію Львову Перовскую, 27 лѣтъ; сына священника Николая Иванова Кибальчича, 27 лѣтъ; тихвинскаго мѣщанина Николая Иванова Рысакова, 19 лѣтъ; мозырскую, Минской губерніи, мѣщанку Гесю Минову Гельфманъ, 26 лѣтъ, и крестьянина Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилково, Тимофея Михайлова, 21 года, на основаніи ст. улож. о нак. 9, 13, 18, 139, 152, 241, 242, 243, 249 и 1.459 (по прод. 1876 г.), лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе. Приговоръ сей относительно дворянки Софіи Перовской, по вступленіи его въ законную силу, прежде обращенія

къ исполненію, на основаніи 945 ст. уст. уг. судопр., на предметъ лишенія ея, Перовской, дворянскаго достоинства, представить чрезъ Министра Юстиціи на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества».

Правительственный Вѣстникъ отъ 4 апрѣля:

«3-го сего апрѣля, въ 9 ч. 50 м. утра, состоявшійся 29-го минувшаго марта и вошедшій въ законную силу приговоръ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената приведенъ въ исполненіе въ С.-Петербургѣ, на Семеновскомъ плацу, установленнымъ ст. 963 устава порядкомъ,—совершеніемъ на эшафотѣ смертной казни чрезъ повѣшеніе, надъ государственными преступниками: Николаемъ Рысаковымъ, Андреемъ Желябовымъ, Тимофеемъ Михайловымъ, Николаемъ Кибальчичемъ и Софією Перовскою».

Приведеніе въ исполненіе смертной казни надъ Г. М. Гельфманъ было *отсрочено* впредь до разрѣшенія ея отъ бремени... Въ такомъ положеніи дѣло тянулось много-много времени. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 15-го мая были напечатаны такія строки:

«Въ № 1.867 газеты «Новое Время» помѣщено, заимствованное изъ иностранныхъ газетъ извѣстіе, что приговоренная къ смертной казни, государственная преступница Геся Гельфманъ, исполненіе приговора надъ коею отсрочено въ виду ея беременнаго состоянія, преждевременно родила въ мѣстѣ ея заключенія. Въ виду сего Департаментъ Государственной полиціи признаетъ необходимымъ объявить, что по освидѣтельствованію Гельфманъ, 14-го сего мая, врачами: Славянскимъ, Баландинымъ и Сутугинымъ оказалось, что беременность ея продолжаетъ свое нормальное теченіе.»

Такимъ образомъ 15 мая, т. е. черезъ *полтора мѣсяца* послѣ объявленія приговора, «отсрочка» еще висѣла надъ головой женщины, собиравшейся стать матерью... На это обратила вниманіе европейская пресса, и смертная казнь была замѣнена Гельфманъ безсрочною каторгою.

Въ «Прибавленіи къ №№ 8—9 Народной Воли» было оповѣщено, что Гельфманъ умерла 2 февраля 1882 г.

Намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ (отъ лица, лично отвозившаго ребенка Гельфманъ) извѣстно, что ребенокъ Г. М. Гельфманъ былъ отправленъ въ воспитательный домъ.

* * *

Прежде чѣмъ закончить лѣтопись того, что происходило въ Петербургѣ «двадцать пять лѣтъ тому назадъ», приведемъ отзывы о событіи 1 марта главнѣйшихъ газетъ изображаемой эпохи. Вотъ что писала 3 марта (№ 61) газета «Порядокъ»:

«Предъ нами скорбный флагъ вѣстъ надъ дворцомъ, гдѣ покоится смертнымъ сномъ верховный руководитель судебъ Россіи за послѣдніе годы. Скорбныя мысли непрерывною чередою проходить въ умѣ—и гнетъ совершившагося усиливается тревожною смѣною надеждъ и опасеній. У всѣхъ невольно возникаетъ вопросъ — гдѣ же средство противъ конвульсивныхъ потрясеній, которыми горсть людей пытается, съ отчаянною самонадѣянностью, ускорить или измѣнить органическій ходъ развитія страны? Гдѣ ясныя прямодушныя указанія на причины болѣзни, которая заставляетъ цѣлое государство жить изо-дня въ день, безъ разумнаго спокойствія и увѣренности въ томъ, что, въ общемъ порядкѣ вещей, можетъ и должно быть завтра? Ни суровая репрессія послѣднихъ лѣтъ, ни примирительное направленіе истекшаго года—не уничтожили этой болѣзни. Первая лишь принижала и обезличивала общество—второе, давая лучшее *сегодня* (курсивъ подлинника), ничего вѣрнаго не обѣщало и не гарантировало на *завтра* (тоже). Начинаютъ говорить, что и противъ этого направленія неизбежна реакція. Для нея, безъ сомнѣнія, найдутся сторонники и совѣтники. Но совѣтъ ихъ будетъ продиктованъ или непониманіемъ задачъ и исторіи своей родины—или недобрымъ чувствомъ. Нѣтъ, не о реакціи, пагубной для развитія общества—и, быть можетъ, желательной для виновниковъ потрясеній,—надо говорить теперь. Въ минуты исторической важности, въ торжественныя минуты, когда весь народъ клянется въ вѣрности своему Монарху, — необходима полная и безтрепетная искренность. Дай Богъ, чтобы вблизи престола были теперь люди, которые сказали бы:—Государь! Вы начинаете свое царствованіе въ трудную минуту,—когда тяжесть Вашего вѣнца усугубляется скорбью растерзаннаго сыновняго сердца. Но идите смѣло по ступенямъ трона на Ваше великое положеніе—и станьте—на стражѣ порядка и законной свободы. Да не смущается сердце Ваше! За вами довѣріе Вашего много-милліоннаго народа,—въ Вашихъ рукахъ его любовь, съ помощію которой можно все сдѣлать.—Будьте другомъ и оберегателемъ началъ, вложенныхъ въ великіе реформы Вашего Родителя. Пусть какъ дымъ разлетятся сомнѣнія въ томъ, что этимъ началамъ не суждено развиваться и дальше, и шире... Суровыя мѣры стѣсненія доказали свою непригодность и односторонность. Земля Ваша, Государь,—вѣками хранила въ себѣ и разумъ, и силы для государственнаго порядка и уклада. Она поддерживала своею любовью Вашихъ предковъ, она имъ вѣщала и съ ними думала въ годы тяжелыхъ бѣдствій. Спросите ее — въ лицѣ излюбленныхъ людей. Что они скажутъ, мы не можемъ съ точностью предсказать, но вѣрно то, что въ одномъ чувствѣ, святомъ и

глубокомъ, они тѣсно сольются съ Вами, Государь—въ чувствѣ горячей любви къ Россіи. А это чувство — залогъ всего хорошаго для будущаго... Вы въ расцвѣтѣ силъ,—предъ Вами давно уже раскрыта книга государственнаго управленія—раскройте же душу народа Вашего и дайте выдти на свѣтъ желаніямъ давно живущимъ въ ней. Они всѣ имѣютъ цѣлью успокоеніе и развитіе Россіи—и между ними главное—желаніе мирной славы Вашему царствованію!»

Въ тотъ же день (3 марта) газета «Страна» писала:

«Что же дѣлать теперь? Надъ гробомъ усопшаго Монарха, для живыхъ все-таки возстаетъ вопросъ о жизни. Что дѣлать—устранить систему «умиротворенія» и «новыхъ вѣяній», которыя оказались безсильны предупредить катастрофу,—такъ скажутъ близорукіе совѣтники; провозгласить осадное положеніе, прибавятъ они, — усилить надзоръ, ограничить всякія права, возобновить ссылки массаи.

«Но вѣдь—все это уже было. Въ каждомъ домѣ былъ обыскъ, передъ каждымъ домомъ, днемъ и ночью, сидѣлъ дворникъ, вокругъ дворца ѣздили пикеты, печать была взнудана, земство было стоптано, изъ университетовъ высылали сотни людей, и всѣмъ правила молчаливая, недоступная ни для какихъ народныхъ «вѣяній» канцелярія. Такъ было съ 1866 года. Дальше того, что было въ то время, уже и идти некуда, развѣ къ закрытію всѣхъ школъ, газетъ, земствъ, даже правильныхъ судовъ въ Россіи. Однако, въ результатъ всего того явились—Соловьевъ, взрывъ подъ желѣзной дорогой близъ Москвы, взрывъ подъ Зимнимъ дворцомъ въ Петербургѣ и, наконецъ, — Государь, любимый народомъ, изувѣченъ злодѣями и истекъ кровью.

«Куда же идти? Тотъ путь безнадежный, бесплодный; онъ запертъ, загроможденъ массою обманувшихся третьеоудѣленскихъ расчетовъ, неудачею князя Василія Долгорукова, неуспѣхомъ графа Петра Шувалова, бесполезнымъ терроромъ генерала Мезенцова. Въ ту сторону нѣтъ выхода.

«Посмотримъ въ другую. Моментъ нынѣ крайне неблагопріятный, чтобы говорить о ней. Иные совѣты могутъ показаться даже просто неприличными, когда произносятся въ такую минуту, какъ нынѣшняя. Какъ намъ просить о довѣріи къ русскому обществу, объ уступкѣ ему нѣкоторыхъ правъ—Государя, вступающаго на престолъ въ виду окровавленнаго тѣла любимаго Имъ и всѣмъ народомъ Родителя Его?

«Но есть такіе моменты въ жизни народовъ, когда слѣдуетъ поборотъ чувство. Естественное чувство въ настоящее время—мы признаемъ это—является въ томъ, что затруднительно передъ страшнымъ злодѣйствомъ, передъ возмущающею душу угрозою, дѣлать какія-либо уступки.

Но истинная политика есть—разсчитать, а не чувство. Чувство побуждало бы каждого порядочнаго человѣка, когда бы онъ видѣлъ убійственный снарядъ, направленный въ Царя,—встать между смертью и человѣкомъ, носившимъ Царскій вѣнецъ. Но того же добросовѣстнаго гражданина, готоваго поступить такъ для спасенія Царя, теперь, когда надо думать о будущемъ—разсчитать, хладнокровное сознаніе реальныхъ отношеній побуждаетъ дать совѣтъ свободный отъ чувствъ негодованія и мести.

«Чрезвычайныя обстоятельства оправдываютъ искреннее слово, хотя бы оно и казалось выходящимъ изъ намѣченныхъ граней. Нѣтъ иного выхода, какъ уменьшить отвѣтственность Главы государства, а тѣмъ самымъ—и опасность лично Ему угрожающую отъ злодѣевъ-фанатиковъ. Почему же всякая отвѣтственность за все, что дѣлается на Руси, за ошибки экономическія, и за разочарованія нравственныя, и за крутыя, ошибочныя мѣры реакціи, за ссылку въ Восточную Сибирь, за все неприглядное, однимъ словомъ, должна ложиться лично на одного Вождя русскаго народа? Развѣ Онъ лично пожелалъ всѣхъ этихъ мѣръ, развѣ Его собственною мыслью было приведеніе ихъ въ исполненіе? Неумѣлые, прежніе совѣтники, внушители реакціи здравствуютъ, а Царь нашъ, Царь-Освободитель погибъ!

«Нѣтъ, пусть впредь исполнители, которые зовутся исполнителями только на словахъ, сами несутъ отвѣтственность на себѣ. Надо устроить въ правильномъ общественно-государственномъ порядкѣ громотводъ для личности Главы государства. Надо, чтобъ основныя черты внутреннихъ политическихъ мѣръ внушались представителями русской земли, а потому и лежали на ихъ отвѣтственности.

«А личность русскаго Царя пусть служитъ впредь только свѣтлымъ, всѣмъ сочувственнымъ символомъ нашего національнаго единства, могущества и дальнѣйшаго преуспѣянія Россіи. Ему нужны помощники не безгласные, но и не безотвѣтственные. А Его да хранитъ Богъ, на пользу страны».

Четвертаго марта газета «Голосъ» помѣстила двѣ слѣдующія статьи:

«Итакъ, что же дѣлать теперь?

«По нашему пути ясенъ. Должно искать указаній въ томъ, что хотѣлъ совершить въ Бозѣ почившій Императоръ. Должно всемѣрно отвращаться отъ того, что сдѣлало его время временемъ *переходнымъ* (курсивъ подлинника) и что зависѣло не отъ Него, а отъ исполнителей Его воли.

«Переходное время не можетъ длиться до безконечности. Процессъ

перехода отъ одного порядка вещей къ другому, затягиваясь, переходить въ разложеніе. И признаки разложенія несомнѣнно обнаружались въ послѣдніе годы, когда святая Русь могла быть терроризирована горстью изверговъ, фанатиковъ и безумцевъ.

«Въ переходное время было испробовано все, и ничто не привело къ желанному концу, напротивъ, рѣшеніе самыхъ насущныхъ вопросовъ оттягивалось все дальше и дальше, положеніе дѣлъ усложнялось все больше и больше и, наконецъ, послѣ страшной, неслыханной катастрофы 1-го марта, все эти задачи, полнымъ своимъ бременемъ легли на новое царствованіе.

«Нужно быть гигантомъ, чтобъ разрѣшить эти задачи вдругъ. Но для блага Россіи и для нашего внутренняго мира достаточно будетъ, если во всехъ нашихъ дѣлахъ почувствуется твердая рука, ведущая Россію къ тому единенію Царя съ народомъ, внѣ котораго намъ нѣтъ спасенія и жизни.

«Къ такому единенію хотѣлъ вести и велъ Россію усопшій Императоръ. Въ этомъ и состоитъ его царскій завѣтъ».

Вторая статья «Голоса» гласила:

«Сегодня, 3-го марта, газета «Страна» высказала мысль, которая въ эти дни у всехъ на умѣ, которая сама собою просится на языкъ. «Почему—спрашиваетъ газета—отвѣтственность за все, что дѣлается на Руси, за ошибки экономическія и за разочарованія нравственныя, и за крутыя, ошибочныя мѣры реакціи, за ссылку въ Восточную Сибирь, за все неприглядное, однимъ словомъ, должна ложиться на одного вождя русскаго народа? Развѣ Онъ лично пожелалъ всехъ этихъ мѣръ? Развѣ Его собственною мыслью было приведеніе ихъ въ исполненіе? Неумѣлые, прежніе совѣтники, внушители реакціи здравствуютъ, а Царь нашъ, Царь-Освободитель погибъ!»

«Болѣзненно должны отозваться эти слова въ сердцахъ каждого человѣка, и русскаго и не русскаго. Какое страшное зло—отвѣтственность одного за все, что могутъ надъ многомилліоннымъ народомъ надѣлать своекорыстные, властолюбивые, невѣжественные совѣтники и исполнители! Нѣтъ, пусть же, если они совѣтуютъ и исполняютъ во вредъ Царю и народу, пусть же и несутъ они на себѣ всю тяжесть отвѣтственности предъ Царемъ и народомъ.

«Надо устроить—отвѣчаетъ газета «Страна» на поставленный вопросъ—въ правильномъ общественногосударственномъ порядкѣ громко отводъ для личности главы государства. Надо, чтобъ основныя черты внутреннихъ политическихъ мѣръ внушались представителями русской земли, а потому и лежали на ихъ отвѣтственности. А личность рус-

скаго Царя пусть служить впредь только свѣтлымъ, вполнѣ сочувственнымъ символомъ нашего національнаго единства, могущества и дальнѣйшаго преуспѣянія Россіи».

«Раздѣленіе отвѣтственности за государственныя мѣры между ближайшими совѣтниками и исполнителями державной воли было бы только первымъ шагомъ къ выходу на правильный, спокойный путь государственной жизни. Этотъ шагъ неперемѣнно условливаетъ дальнѣйшій—установленіе тѣхъ органовъ общественногосударственной жизни, предъ которыми исполнители отвѣтственны».

Таковы были настроенія газетной «крайней лѣвой» легальной печати марта 1881 года. Много ли въ этихъ настроеніяхъ было «кромольнаго?» И что же? Едва появились приведенныя статьи «Страны» и «Голоса», какъ уже въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (№ 49) появилось такое сообщеніе:

«Принимая въ соображеніе, что въ передовой статьѣ № 27 газета «Страна», ссылаясь на чрезвычайныя обстоятельства, будто бы оправдывающія выходъ «изъ намѣченныхъ граней», а газета «Голосъ» во второй передовой статьѣ № 69, приводя и развивая высказанныя газетою «Страна» мысли, дозволили себѣ крайне неумѣстныя разсужденія, могущія имѣть вредное вліяніе, министръ внутреннихъ дѣлъ (это знаменитый то Лорисъ-Меликовъ...), на основ. ст. 50 и пр. и пр.... опредѣлилъ: объявить газетѣ «Страна» *второе*, а газетѣ «Голосъ» *первое* предостереженіе въ лицѣ издателей ихъ статскихъ совѣтниковъ Леонида Полонскаго и Андрея Краевского».

Затѣмъ кары посыпались даже на такія изданія, какъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Молва» и проч.

Словомъ, правительство и среди событій, имѣвшихъ мѣсто «двадцать пять лѣтъ тому назадъ», осталось вѣрнымъ своей «исконной политикѣ»...

* * *

О томъ, какъ реагировали на мартовскія событія 1881 года такіе выдающіеся русскіе люди, какъ Н. К. Михайловскій, Н. В. Шелгуновъ, В. С. Соловьевъ и гр. Л. Н. Толстой, мы помѣщаемъ въ этой же книжкѣ «Былого» рядъ отдѣльныхъ статей.

В. Богучарскій.





Игнатій Іоахимовичъ
ГРИНЕВИЦКІЙ.

Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III ¹⁾).

Ваше Величество! Вполнѣ понимая то тягостное настроеніе, которое Вы испытываете въ настоящія минуты, Исполнительный Комитетъ не считаетъ, однако, себя въ правѣ поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, можетъ быть, для нижеслѣдующаго объясненія, выждать нѣкоторое время. Есть нѣчто высшее, чѣмъ самыя законныя чувства человѣка: это долгъ передъ родной страной, долгъ, которому гражданинъ принужденъ жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами другихъ людей. Повинуясь этой всеильной обязанности, мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ немедленно, ничего не выжидая, такъ какъ не ждемъ тотъ историческій процессъ, который грозитъ намъ въ будущемъ рѣками крови и самыми тяжелыми потрясеніями.

Кровавая трагедія, разыгравшаяся на Екатерининскомъ каналѣ, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. Послѣ всего происшедшаго въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, она являлась совершенно неизбѣжной, и въ этомъ ея глубокій смыслъ, который обязанъ понять человѣкъ, поставленный судьбою во главѣ правительственной власти. Объяснять подобные факты злоумышленіемъ отдѣльныхъ личностей или хотя-бы «шайки», — можетъ только человѣкъ, совершенно неспособный анализировать жизнь народовъ. Въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ мы видимъ, какъ у насъ, несмотря на самыя строгія преслѣдованія, несмотря на то, что правительство покойнаго Императора жертвовало всѣмъ—свободой, интересами всѣхъ классовъ, интересами промышленности, и даже собственнымъ достоинствомъ—безусловно всѣмъ жертвовало для подавленія революціоннаго движенія, оно все-таки упорно разрасталось, привлекая къ себѣ лучшіе элементы страны, самыхъ энергичныхъ и самоотверженныхъ людей Россіи, и вотъ уже три года вступило въ отчаянную, партизанскую войну съ правительствомъ. Вы знаете, Ваше Величество, что правительство покойнаго Императора нельзя обвинять въ недостаткѣ энергіи. У насъ вѣшали и праваго и виноватаго, тюрьмы и отдаленныя губерніи

¹⁾ Помѣщаемое письмо Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли къ Императору Александру III было въ свое время широко распространено сначала въ Петербургѣ, а затѣмъ и во всей Россіи. Нѣкоторыя подробности, касающіяся составленія этого историческаго документа, читатели найдутъ въ нижепомѣщенной статьѣ „Событіе 1-го марта и Н. К. Михайловскій“.

Ред.

переполюнялись ссыльными. Цѣлые десятки такъ называемыхъ «вожаковъ» переловлены, перевѣшаны: они гибли съ мужествомъ и спокойствіемъ мучениковъ, но движеніе не прекращалось, оно безостановочно росло и крѣпло. Да, Ваше Величество, революціонное движеніе не такое дѣло, которое зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей. Это процессъ народнаго организма, и висѣлицы, воздвигаемыя для наиболѣе энергичныхъ выразителей этого процесса, такъ же безсильны спасти отживающій порядокъ, какъ крестная смерть Спасителя не спасла развратившійся античный міръ отъ торжества реформирующаго христіанства.

Правительство, конечно, можетъ еще переловить и перевѣшать многое множество отдѣльныхъ личностей. Оно можетъ разрушить множество отдѣльныхъ революціонныхъ группъ. Допустимъ, что оно разрушитъ даже самыя серьезныя изъ существующихъ революціонныхъ организацій. Но вѣдь все это нисколько не измѣнитъ положенія вещей. Революціонеры создаютъ обстоятельства, всеобщее неудовольствіе народа, стремленіе Россіи къ новымъ общественнымъ формамъ. Весь народъ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его недовольство посредствомъ репрессалій: неудовольствіе, напротивъ, растетъ отъ этого. Поэтому на смѣну истребляемыхъ постоянно выдвигаются изъ народа все въ большемъ количествѣ новыя личности, еще болѣе озлобленныя, еще болѣе энергичныя. Эти личности въ интересахъ борьбы, разумѣется, организуются, имѣя уже готовый опытъ своихъ предшественниковъ; поэтому революціонная организація съ теченіемъ времени должна усиливаться и количественно, и качественно. Это мы видимъ въ дѣйствительности за послѣднія 10 лѣтъ. Какую пользу принесла гибель Долгушинцевъ, Чайковцевъ, дѣятелей 74 года? На смѣну ихъ выступили гораздо болѣе рѣшительные народники. Страшныя правительственныя репрессаліи вызвали затѣмъ на сцену террористовъ 78—79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальскихъ, Дубровиныхъ, Осинскихъ, Лизогубовъ. Напрасно оно разрушало десятки революціонныхъ кружковъ. Изъ этихъ несовершенныхъ организацій, путемъ естественнаго подбора, вырабатываются только болѣе крѣпкія формы. Появляется, наконецъ, Исполнительный Комитетъ, съ которымъ правительство до сихъ поръ не въ состояніи справиться.

Окидывая безпристрастнымъ взглядомъ пережитое нами тяжелое десятилѣтіе, можно безошибочно предсказать дальнѣйшій ходъ движенія, если только политика правительства не измѣнится. Движеніе должно расти, увеличиваться, факты террористическаго характера повторятся все болѣе обостренно; революціонная организація будетъ выдвигать на мѣсто истребляемыхъ группъ все болѣе и болѣе совершенныя, крѣпкія формы. Общее количество недовольныхъ въ странѣ между тѣмъ увеличивается; довѣріе къ правительству въ народѣ должно все болѣе падать, мысль о революціи, о ея возможности и неизбежности—все прочнѣе будетъ развиваться въ Россіи. Страшный взрывъ, кровавая перетасовка,

судорожное революціонное потрясеніе всей Россіи завершить этотъ процессъ разрушенія стараго порядка.

Чѣмъ вызывается, обуславливается эта страшная перспектива? Да, Ваше Величество, страшная и печальная. Не примите это за фразу. Мы лучше, чѣмъ кто-либо другой, понимаемъ, какъ печальна гибель столькихъ талантовъ, такой энергіи—на дѣлѣ разрушенія, въ кровавыхъ схваткахъ, въ то время, когда эти силы, при другихъ условіяхъ, могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитіе народа, его ума, благосостоянія, его гражданскаго общежитія. Отчего же происходитъ эта печальная необходимость кровавой борьбы?

Оттого, Ваше Величество, что теперь у насъ настоящаго правительства, въ истинномъ его смыслѣ, не существуетъ. Правительство, по своему принципу, должно только выражать Народныя стремленія, только осуществлять Народную волю. Между тѣмъ у насъ—извините за выраженіе—правительство выродилось въ чистую камарилью и заслуживаетъ названія узурпаторской шайки гораздо болѣе, чѣмъ Исполнительный Комитетъ.

Каковы бы ни были намѣренія государя, но дѣйствія правительства не имѣютъ ничего общаго съ народной пользой и стремленіями. Императорское правительство подчинило народъ крѣпостному праву, отдало массы во власть дворянству; въ настоящее время оно открыто создаетъ самый вредный классъ спекулянтовъ и барышниковъ. Всѣ реформы его приводятъ лишь къ тому, что народъ впадаетъ все въ большее рабство, все болѣе эксплуатируется. Оно довело Россію до того, что въ настоящее время народныя массы находятся въ состояніи полной нищеты и разоренія, не свободны отъ самаго обиднаго надзора даже у своего домашняго очага, не властны даже въ своихъ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ. Покровительствомъ закона и правительства пользуется только хищникъ, эксплуататоръ; самые возмутительные грабежи остаются безъ наказанія. Но за то какая страшная судьба ждетъ человѣка, искренно помышляющаго объ общей пользѣ. Вы знаете хорошо, Ваше Величество, что не однихъ социалистовъ ссылаютъ и преслѣдуютъ. Что же такое—правительство, охраняющее подобный «порядокъ»? Неужели это не шайка, неужели это не проявленіе полной узурпаціи?

Вотъ почему русское правительство не имѣетъ никакого нравственнаго вліянія, никакой опоры въ народѣ; вотъ почему Россія порождаетъ столько революціонеровъ; вотъ почему даже такой фактъ, какъ царевубійство, вызываетъ въ огромной части населенія—радость и сочувствіе! Да, Ваше Величество, не обманывайте себя отзывами льстецовъ и прислужниковъ. Царевубійство въ Россіи очень популярно.

Изъ такого положенія можетъ быть два выхода: или революція, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или—добровольное обращеніе Верховной власти къ народу. Въ интересахъ родной страны, во избѣжаніе напрасной

гибели силъ, во избѣжаніе тѣхъ самыхъ страшныхъ бѣдствій, которыя всегда сопровождаютъ революцію, Исполнительный Комитетъ обращается къ Вашему Величеству съ совѣтомъ избрать второй путь. Вѣрите, что какъ только Верховная Власть перестанетъ быть произвольной, какъ только она твердо рѣшится осуществлять лишь требованія народнаго сознанія и совѣсти— Вы можете смѣло прогнать позорящихъ правительство шпионовъ, отослать конвойныхъ въ казармы и сжечь развращающія народъ висѣлицы. Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность, и организованныя вокругъ него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо роднаго народа. Мирная идейная борьба смѣнитъ насилие, которое противно намъ болѣе, чѣмъ Вашимъ слугамъ, и которое практикуется нами только изъ печальной необходимости.

Мы обращаемся къ Вамъ, отбросивши всякія предубѣжденія, подавивши то недовѣріе, которое создала вѣковая дѣятельность правительства. Мы забываемъ, что Вы представитель той власти, которая только обманывала народъ, сдѣлала ему столько зла. Обращаемся къ Вамъ, какъ къ гражданину и честному человѣку. Надѣемся, что чувство личнаго озлобленія не заглушитъ въ Васъ сознанія своихъ обязанностей и желанія знать истину. Озлобленіе можетъ быть и у насъ. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцовъ, но еще братьевъ, женъ, дѣтей, лучшихъ друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требуетъ благо Россіи. Ждемъ того же и отъ Васъ.

Мы не ставимъ Вамъ условій. Пусть не шокируетъ Васъ наше предложеніе. Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ.

Этихъ условій—по нашему мнѣнію, два:

1) Общая амністія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданскаго долга.

2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями.

Считаемъ необходимымъ напомнить, однако, что легализація Верховной Власти народнымъ представительствомъ можетъ быть достигнута лишь тогда, если выборы будутъ произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при слѣдующей обстановкѣ:

1) Депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично, и пропорціонально числу жителей;

2) Никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть;

3) Избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія народнаго собранія, допустить:

- а) полную свободу печати,
- б) полную свободу слова,
- в) полную свободу сходовъ,
- г) полную свободу избирательныхъ программъ.

Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правильного и мирнаго развитія. Заявляемъ торжественно, предъ лицомъ родной страны и всего міра, что наша партія съ своей стороны безусловно подчинится рѣшенію Народнаго Собранія, избраннаго при соблюденіи вышензложенныхъ условій, и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственного противодѣйствія правительству, санкціонированному Народнымъ Собраніемъ.

Итакъ, Ваше Величество — рѣшайте. Передъ Вами два пути. Отъ Васъ зависитъ выборъ. Мы же затѣмъ можемъ только просить судьбу, чтобы Вашъ разумъ и совѣсть подсказали Вамъ рѣшеніе, единственно сообразное съ благомъ Россіи, съ Вашимъ собственнымъ достоинствомъ и обязанностями передъ родною страной.

Исполнительный Комитетъ 10 марта, 1881 г.

Типографія „Народной Воли“, 12 марта 1881 года.



Событіе 1-го марта и Николай Константиновичъ Михайловскій.

Вечеромъ 1-го марта находившіеся въ Петербургѣ члены Исполнительнаго Комитета собрались вмѣстѣ для обсужденія вопроса о томъ, въ какой именно литературной формѣ долженъ реагировать Комитетъ на происшедшее событіе. Остановились на формѣ письма Исполнительнаго Комитета къ Александру III и обязанность написать проектъ такого письма возложили на Л. А. Тихомирова. Г. Тихомировъ написалъ проектъ письма, но, прежде чѣмъ представить его на окончательную санкцію Исполнительнаго Комитета, онъ отнесъ его на просмотръ и редактированіе Н. К. Михайловскому. Одно лицо, — назовемъ его хотя Z., такъ какъ оно здравствуетъ и понынѣ, — на обязанности котораго лежало поддержаніе постоянныхъ связей Исполнительнаго Комитета съ «обществомъ» вообще, и литературными кругами въ частности, также приняло участіе въ литературной обработкѣ принесеннаго Тихомировымъ къ Михайловскому письма. На нашу просьбу сообщить объ этомъ дѣлѣ подробности, это лицо отвѣтило намъ такими строками:

«Объ участіи Н. К. Михайловскаго въ составленіи письма къ Александру III могу сообщить слѣдующее: не протестуя противъ террора, какъ одного изъ средствъ политической борьбы, Николай Константиновичъ всегда требовалъ, чтобы революціонеры давали террористическимъ актамъ надлежащее объясненіе, способное вызвать въ обществѣ, если не симпатію, то, во всякомъ случаѣ, истинное пониманіе его широкихъ мотивовъ. Въ особенности онъ требовалъ этого по отношенію къ посягательствамъ на жизнь Александра II. Послѣ неудачной попытки Халтурина общественныя симпатіи къ «Народной Волѣ» быстро упали. «Либералы» почему-то стали думать, что, удайся взрывъ дворца, — и по всей Россіи началась бы жестокая расправа простого народа со всѣми представителями бѣлой кости. Считаться съ общественнымъ настроеніемъ стало еще необходимѣе въ періодъ «диктатуры» графа Лорисъ-Меликова, когда легковѣрные люди ждали отъ него «конституціи». Были даже революціонеры, рекомендовавшіе отказаться на это время отъ дальнѣйшихъ террористическихъ актовъ. Но судьба рѣшила иначе. 1-го марта царь былъ убитъ. Естественно явилась надобность въ яркомъ освѣщеніи этого крупнаго событія,

и письмо къ Александру III было признано наиболѣе подходящей формой, исключаящей всякую мысль о революціонерахъ, какъ о простыхъ убійцахъ.

«Л. А. Тихомировъ очень часто сносился съ Н. К. Михайловскимъ и зналъ, какое значеніе онъ придаетъ извѣстному освѣщенію каждаго террористическаго акта.

«По предварительному уговору, черновикъ письма къ Александру III, составленный Тихомировымъ и Лангансомъ ¹⁾, былъ доставленъ Н. К. Михайловскому, и въ его квартирѣ на Стремянной ул., д. 5, состоялось редакціонное совѣщаніе изъ трехъ лицъ для выработки окончательнаго текста письма. Николай Константиновичъ внимательно относился къ каждому пункту, и ему въ значительной мѣрѣ должно быть приписано авторство этого замѣчательнаго историческаго документа».

Выработанный такимъ образомъ проектъ письма Исполнительнаго Комитета къ Александру III былъ затѣмъ представленъ на окончательное утвержденіе Комитета.

Гдѣ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ произошло такое утвержденіе, объ этомъ мы въ настоящей замѣткѣ еще говорить не будемъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что хотя у насъ и имѣются два сообщенія по этому поводу отъ лицъ, принимавшихъ въ засѣданіи Исполнительнаго Комитета, о которомъ идетъ рѣчь, непосредственное участіе, но мы ожидаемъ для всесторонняго освѣщенія событія еще нѣкоторыхъ подробностей и, во-вторыхъ, потому, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду остановиться только на участіи въ этомъ событіи Н. К. Михайловскаго.

Ограничимся, поэтому, лишь выпиской изъ письма къ намъ одного изъ членовъ Исполнительнаго Комитета, принимавшаго участіе и въ томъ засѣданіи, на которомъ былъ утвержденъ текстъ письма Комитета къ Александру III.

Сообщая, что объ участіи Михайловскаго въ составленіи или редактированіи документа, о которомъ идетъ рѣчь, ему, автору письма къ намъ, ничего не извѣстно, онъ, однако, прибавляетъ:

«Если Тихомировъ или кто нибудь другой приносилъ черновикъ Н. К. Михайловскому—въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Это былъ бы актъ почета тѣмъ болѣе возможный, что Н. К. принималъ участіе въ редакціи газеты «Народная Воля» на правахъ полноправнаго члена, хотя ни въ какихъ *обязательныхъ* (подчеркнуто въ подлинникѣ) отношеніяхъ къ нашей организаціи, вообще, не состоялъ».

Одинъ изъ друзей Н. К. Михайловскаго рассказывалъ намъ, что объ участіи Михайловскаго въ составленіи письма къ Александру III онъ слышалъ отъ самого Михайловскаго.

1) Умеръ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. См. „Процессъ 20-ти народовольцевъ“ въ январской кн. и „Милость“ М. Ф. Фроленко въ февральской книжкѣ „Былого“.

Въ заключеніе два слова о самомъ письмѣ Исполнительнаго Комитета:

Были люди, которые находили это письмо недостаточно рѣшительнымъ, какъ со стороны его содержанія, такъ и формы, но вотъ отзывы объ этомъ письмѣ Фридриха Энгельса и Карла Маркса.

«И я и Марксъ находимъ,—говорилъ Энгельсъ Герману Александровичу Лопатину,—что письмо Комитета къ Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказываетъ, что въ рядахъ революціонеровъ находятся люди съ государственной складкой ума» ¹⁾).

Мы совершенно убѣждены, что письмо Исполнительнаго Комитета,—какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ нашего освободительнаго движенія,—будетъ всегда привлекать къ себѣ взоры всѣхъ историковъ этого движенія.

В. Я. Б.



¹⁾ Изъ письма Г. А. Лопатина къ М. Н. (Маріи Николаевнѣ Оловенниковой-Ошаниной). Напечатано въ № 2 „Съ родины и на родину“. Изд. группы старыхъ народовольцевъ. Женева. 1893 г., стр. 99.

Событіе 1-го марта и Николай Васильевичъ Шелгуновъ.

Съ Николаемъ Васильевичемъ я видался очень часто въ теченіе 3-хъ или 4-хъ лѣтъ, и одно время обстоятельства заставили меня близко сойтись съ нимъ. Потомъ нѣкоторое время мы переписывались. А потомъ, какъ часто бываетъ у людей, живущихъ при совершенно различныхъ условіяхъ, наша переписка стала менѣе оживленной и, наконецъ, совсѣмъ прекратилась. Я хочу подѣлиться съ читателями «Былого» кой-какими воспоминаніями о Николаѣ Васильевичѣ, особенно въ связи съ 1-мъ марта.

Съ Шелгуновымъ я познакомился въ концѣ 1879 г., вскорѣ послѣ того, какъ ему было позволено вернуться въ Петербургъ послѣ 15-ти лѣтняго скитанія по провинціальнымъ городамъ. Меня ему отрекомендовалъ одинъ изъ сотрудниковъ «Дѣла». Съ большимъ смущеніемъ и съ меньшимъ желаніемъ скрыть его, я вошелъ въ меблированную комнату одного изъ громаднѣхъ домовъ на Александровской, теперь Пушкинской, улицѣ. Мнѣ, человѣку 70-хъ годовъ, не хотѣлось произвести дурного впечатлѣнія на человѣка 60-хъ. А я еще такъ недавно читалъ полемику Шелгунова съ Скабичевскимъ, въ которой Шелгуновъ слегка иронизировалъ, между прочимъ, надъ большими претензіями 70-хъ годовъ. Но мое смущеніе и досада на автора этой статьи улеглись почти мгновенно, когда, послѣ первыхъ банальныхъ фразъ, Николай Васильевичъ просто и тепло заговорилъ со мной о томъ, какъ онъ интересуется теперешней молодежью и какъ онъ отсталъ отъ ея думъ и желаній, живя все время въ провинціи. Признаться, я не ждалъ этого и съ полной откровенностью высказалъ Шелгунову, что я думалъ, входя къ нему въ комнату, и какъ я рѣшилъ дешево не продать своей жизни и любимыхъ мною 70-хъ годовъ... Шелгуновъ улыбнулся той хорошей и странной улыбкой, которую я потомъ такъ любилъ у него: отчасти коварная, почти мефистофельская, эта улыбка была согрѣта гуманнымъ отношеніемъ къ собесѣднику и одухотворена дѣятельной мыслью. Шелгуновъ своею фізіономіей мнѣ всегда напоминалъ именно Мефистофеля, но Мефистофеля добраго, проникнутаго любовью къ людямъ. Его низкій посрединѣ лобъ, поднимавшійся высоко къ обоимъ вискамъ; довольно коротко остриженные волосы; тонкія и обширныя дуги бровей; небольшіе узкіе глаза; острый носъ; тонкія губы, оттѣненные негустыми усами и козлиная бородка на выдающемся подбородкѣ — все это было точно скопировано съ классическаго Мефистофеля.

Но выражение было не злое, а лишь чуть-чуть коварное, и добродушный негромкий смѣхъ часто прерывалъ его разговоръ, въ которомъ звучала постоянно странная, не лишенная пріятности нота гуманной ироніи. Въ довершеніе всего и ходилъ-то онъ какъ-то по-мефистофельски, быстро, слегка припрыгивая и не безъ своеобразной торопливой граціи.

Въ то время, когда я познакомился съ нимъ, по его лицу нельзя было никакъ опредѣлить его возраста: не то 40, не то 50 лѣтъ. Его рѣчь звучала рѣдкой убѣдительностью. Не могу сказать, чтобы онъ былъ заправскій ораторъ, но говорилъ онъ просто, плавно и подчасъ такъ-же хорошо, какъ были написаны его лучшія статьи. Замѣчу, между прочимъ, что почти всѣ его статьи были написаны другими подъ его диктовку, и диктовалъ онъ такъ-же легко, какъ и говорилъ. Спорить онъ не любилъ, и въ особенности не любилъ запальчивыхъ спорщиковъ. Но онъ всегда умѣлъ найти въ аргументахъ своего собесѣдника какой-нибудь мостикъ, чтобы незамѣтно перевести противника на свою сторону. Я думаю, здѣсь играло главную роль его удивительное врожденное чувство такта, которое никогда не позволяло ему оскорблять спорившаго. Было-бы, впрочемъ, ошибкою думать, что онъ былъ, что называется, человѣкъ покладистый на убѣжденія. Наоборотъ, по основнымъ вопросамъ онъ оставался всегда вѣренъ идеаламъ своей молодости, и если въ чемъ можно было упрекнуть его, такъ это скорѣе въ томъ, что въ его революціонныхъ воззрѣніяхъ была извѣстная доля традиціоннаго элемента: «такъ дѣлали наши прадѣды-революціонеры,—такъ должны дѣлать и мы». А Шелгуновъ былъ убѣжденный социалистъ и убѣжденный революціонеръ. Онъ не былъ, пожалуй, тѣмъ, что называютъ теперь «научнымъ социалистомъ». Самыя условія его развитія и русская дѣйствительность, гдѣ ему пришлось жить и бороться, заставляли его придавать большее значеніе идейному элементу, интеллигенціи, чѣмъ, можетъ быть, допустилъ-бы это послѣдователь «научнаго социализма». Но кто изъ насъ, русскихъ людей, былъ такъ безгрѣшенъ тогда въ этомъ отношеніи, чтобы могъ бросить этотъ камень въ человѣка, которому только передъ смертью удалось услышать сознательный откликъ среди русскихъ рабочихъ? За то по другому вопросу Шелгуновъ былъ гораздо ближе къ научному социализму, чѣмъ социалисты-утописты прошлаго времени. Именно, онъ былъ страстный политикъ и полагалъ, что революціонная политическая дѣятельность, предпринятая организованной партией, можетъ сдѣлать удивительно много въ социалистическомъ смыслѣ.

Я припоминаю одинъ вечеръ у Шелгунова, когда онъ жилъ уже вмѣстѣ съ семьей въ большой квартирѣ. Собралось довольно много литераторовъ-социалистовъ, офицеровъ, студентовъ и студентокъ и два крупныхъ нелегальныхъ народолюбца, которыхъ полиція тщетно пыталась словить. Одинъ изъ нихъ былъ покойный Лангансъ, другой—нынѣ здравствующее лицо, которое мнѣ

придется, по нѣкоторымъ соображеніямъ, скрыть подъ тогдашнимъ его политическимъ псевдонимомъ Николая Александровича Зыбина. Роль Зыбина заключалась въ пропагандѣ народовольческихъ идей и въ вербовкѣ сторонниковъ среди «общества», главнымъ-же образомъ въ литературныхъ сферахъ. И эту роль онъ исполнялъ съ рѣдкимъ мастерствомъ... Дѣло было въ половинѣ февраля 1881 г. Много пили, много танцовали и еще больше говорили о политикѣ. Хорошее это было время: даже тотъ, кто не вѣрилъ въ близость социальной революціи, ждалъ съ часу на часъ политическаго переворота. Довольно большое число изъ гостей Шелгунова знали о томъ, что Народная Воля поставила рѣшительный ультиматумъ правительству: смерть абсолютизму или скорая смерть царю. И кое-кто изъ насъ зналъ, что катастрофа была ближе, чѣмъ думали въ публикѣ. За ужиномъ живой какъ ртуть Зыбинъ, лихо отхватавъ передъ тѣмъ мазурку и закончивъ ее трепакомъ, сказалъ нѣсколько горячихъ словъ о значеніи современнаго момента и поднялъ бокалъ за «разрушеніе старой Россіи». Всѣ оживились, и Шелгуновъ, въ пылу разговоровъ, провелъ очень удачную параллель между цивилизаторскою дѣятельностью Петра I и революціонной дѣятельностью народо-вольцевъ. Замѣчу, что Шелгуновъ, пламенный западникъ, вообще очень любилъ Петра: это былъ въ нѣкоторомъ родѣ герой его историческаго романа. «Мнѣ совсѣмъ не нравится Петръ, какъ парь,—сказалъ онъ на этотъ разъ,—но я преклоняюсь предъ нимъ, какъ предъ диктаторомъ. Въ чемъ была сила его? Въ томъ, что онъ разбилъ старыя формы московской Руси и ускорилъ естественный ходъ вещей, въ двадцать лѣтъ сдѣлавъ то, что московскіе цари тяпали-бы да ляпали цѣлыхъ двѣсти. Теперь же я готовъ кричать ура народовольческой диктатурѣ: дѣло русскихъ социалистовъ-революціонеровъ разбить устарѣлыя для нашего времени нормы петербургской имперіи и вытащить на свѣтъ божій новое общество».

Двѣ недѣли спустя Шелгуновъ зашелъ ко мнѣ въ воскресенье—дѣло было 1 марта 1881 года—и мы отправились съ нимъ пройти на Невскій. Мы были на углу Екатерининскаго канала... Вдругъ раздался какой-то необычный гулъ, и мимо насъ съ гикомъ, со свистомъ, давя прохожихъ, промчалась бѣшенымъ галопомъ сотня казаковъ, копыя впередъ, пашки на голо. Обоихъ насъ, точно электрическій токъ, пронизала одна мысль: должно быть покушеніе. Мы не ошиблись. Казаки были вызваны по телеграфу къ Зимнему дворцу. Навстрѣчу намъ бѣжалъ народъ, рассыпаясь по улицамъ, по переулкамъ, торопясь сообщить что-то другъ другу, встрѣчнымъ знакомымъ и незнакомымъ, и все это съ какимъ-то таинственнымъ видомъ. Мѣстами образовывались кучки; слышалось: «убили... нѣтъ... спасенъ... тяжело ранили»... Я до сихъ поръ не могу забыть выраженія лица Шелгунова. Его глаза смотрѣли напряженно вдаль, точно старались разглядѣть, что дѣлалось за извилиной канала. Тонкій носъ, острый подборо-

докъ, казалось, впивались въ пространство. Блѣденъ онъ былъ смертельно. Я понималъ его: неужели новое неудачное покушеніе, и, можетъ быть, новая ненужная кровь и новыя ненужныя жертвы?...

Намъ безумно хотѣлось бѣжать впередъ, все впередъ, *туда*, гдѣ совершался великій актъ русской трагедіи. Не знаю какъ Шелгуновъ, но мнѣ казалось, что я съ ума сойду, если сейчасъ же не узнаю, чѣмъ кончилось *тамъ*. Мы пробѣжали съ нимъ нѣсколько шаговъ, какъ намъ навстрѣчу попался знакомый редакторъ либеральнаго «Церковнаго Вѣстника», Поповицкій. На его лицѣ было написано какое-то мучительное и пугливое недоумѣніе. Онъ бѣжалъ, какъ оказалось послѣ, предупредить своихъ домашнихъ и, тяжело дыша въ енотовой шубѣ, махалъ мѣховою шапкой. Должно быть, онъ упалъ передъ этимъ: по его лицу катились капли пота, вѣрнопопданническія слезы и маленькіе ручейки отъ приставшаго къ лицу и растаявшаго грязнаго снѣга. «Сейчасъ увезли... очень раненъ... государя убили, навѣрно убили... Самъ видѣлъ; другого арестовали, а тотъ самъ убилъ себя», — лепеталъ плачущій либераль безъ шапки. Мы сѣли на извозчика и доѣхали до квартиры Шелгунова вмѣстѣ. О томъ, что государь тяжело раненъ, знали уже почти всѣ прохожіе. По улицамъ бѣжали городовые и гвардейцы и запирали наскоро портерныя, кабаки, харчевни: правительство боялось бунта и думало, что покушеніе было только сигналомъ возстанія. Одинъ извозчикъ закричалъ другому, везшему одного моего пріятеля изъ «Отечеств. Записокъ»: «Ванька, дьяволъ, буде тебѣ баръ возить: государя на четыре части рѣзорвало»...

Въ шесть часовъ вечера я былъ у Шелгунова, гдѣ собралось нѣсколько близкихъ друзей его изъ литераторовъ и кое-кто изъ революціонеровъ. Шелгуновъ былъ сдержанъ, но, очевидно, внутренне доволенъ, и если не показывалъ большой радости, то по врожденному чувству такта. Но онъ былъ гораздо болѣе озабоченъ, чѣмъ его друзья, по большей части, младшіе его по возрасту. Онъ задавался уже вопросомъ: «что-же дальше, что дѣлать, что предпринять, на что рассчитывать?» Большинство литературной братіи отдавалось, напротивъ, всецѣло чувству радости и строило самые радужные планы. Старикъ Плещеевъ и соредаторъ Николая Васильевича по «Дѣлу», Станюковичъ особенно вѣзались мнѣ своимъ оптимизмомъ въ памяти. Странное дѣло: революціонеры представляли на этомъ собраніи единственно-серьезный критическій элементъ и напирали на то, что, молъ, нельзя-же только ликовать да ликовать, нужно и поразобратъ промежъ себя работу для возможнаго давленія на правительство въ печати, покамѣстъ не ушло время. Кстати сказать, даже такой на рѣдкость умный человѣкъ, какимъ былъ Михайловскій, еще нѣсколько дней спустя утверждалъ, что «на этотъ разъ на насъ идетъ революція». И ему вторилъ своими картинными выраженіями веселый, какъ никогда, Глѣбъ Успенскій. Но

возвращусь къ бесѣдѣ у Шелгунова. Николай Васильевичъ въ своемъ нѣсколько скептическомъ, но дѣйственномъ отношеніи къ событіямъ былъ согласенъ скорѣе съ революціонерами, чѣмъ съ записными литераторами, лишь «сочувствовавшими» движенію. Къ тому времени принесли уже правительственную телеграмму, въ первомъ, неисправленномъ еще изданіи, которая начиналась курьезными словами: «Воля Всевышняго свершилась; Господу Богу угодно было призвать къ себѣ возлюбленнаго Монарха». Телеграмма была встрѣчена съ большимъ оживленіемъ; кто-то съострилъ даже: «Народная Воля—Воля Божія»...

Увы, и на этотъ разъ, и съ этой узловой точки Россія двинулась въ сторону реакціи. Возстанія не происходило, общество лишь «сочувствовало», пока, наконецъ, Александръ III не заявилъ своимъ манифестомъ отъ 29-го апрѣля, что онъ рѣшилъ «стать бодро на дѣло управленія... съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти». Въ эти два мѣсяца Шелгуновъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы пресса настойчиво заявила о необходимости новаго политическаго режима. И отчасти благодаря его стараніямъ, которыя опирались на подобную же тактику писателей-соціалистовъ и чистыхъ народовольцевъ, составлявшихъ тогда радикальную коалицію «Дѣла», «Слова» и «Отечественныхъ Записокъ», литераторы соціалистическаго и революціоннаго направленія временно разобрали между собою въ печати роли либеральнаго репертуара. Въ «Дѣлѣ», кромѣ Шелгунова, Станюковича и еще кой-кого изъ молодыхъ писателей краснаго оттѣнка, видное мѣсто въ выработкѣ плана этой кампаніи игралъ Тихомировъ, писавшій подъ псевдонимомъ И. Кольцова, иногда просто И. К., и тогда въ публикѣ эти инициалы истолковались такъ: «Исполнительный Комитетъ». «Отечественныя Записки» защищали позицію народовольцевъ въ лицѣ самого Михайловскаго, который писалъ въ то время и въ органѣ партіи: я говорю о много читавшихся его письмахъ, помѣщенныхъ въ «Народной Волѣ» подъ псевдонимомъ Гроньяра. «Слово» было совершенно въ рукахъ уже упомянутого мною Николая Александровича Зыбина; и этотъ журналъ, благодаря хорошему подбору статей и преобладанію среди сотрудниковъ людей крайняго направленія, носилъ очень опредѣленный соціалистическій и революціонный характеръ. Опираясь на это ядро болѣе или менѣе сплѣвшихся толстыхъ журналовъ, Шелгуновъ былъ въ числѣ самыхъ ревностныхъ пропагандистовъ уже упомянутаго плана воздѣйствія на общественное мнѣніе и давленія на правительство въ печати. Было рѣшено, что такъ какъ русскіе либералы, въ силу своей тогдашней политической неразвитости, не умѣли какъ слѣдуетъ выразить свои требованія, то радикальные и революціонные писатели придутъ къ нимъ на помощь. Не компрометируя себя писаніемъ статей подъ своими собственными именами, они должны были надѣть на себя временно маски «таинственныхъ незнакомцевъ» чисто либеральнаго лагеря. Въ результатъ получился тотъ

знаменательный фактъ, что лучшія статьи въ газетахъ этого на-
правленія, заговорившихъ тогда о конституціи, были написаны
соціалистами и кое-какими нелегальными. Такъ энергичная пере-
довица въ «Странѣ», ясно говорившая о необходимости дать Россіи
свободныя политическія учрежденія, принадлежала перу покой-
наго И. Н. Харламова.

Но жизнь, какъ Шекспиръ, пускаетъ трагичное въ перемежку
съ комичнымъ, и иного рода воспоминанія изъ этого и хорошаго,
и страшнаго времени связаны у меня съ Шелгуновымъ. Подобно
прочимъ квартирантамъ, я былъ избирателемъ въ знаменитый
«бараній парламентъ», названный такъ по имени выдумавшаго
его фигляра и самодура Баранова ¹⁾. Въ противность обычнымъ
порядкамъ, здѣсь не избиратель шелъ къ урнамъ, а къ избира-
телю урны во образѣ полицейскихъ: гражданамъ внезапно было
предписано весь день сидѣть дома и дожидаться полицейскихъ
съ опросомъ: «кого вы желаете выбрать?» Какъ была понята эта
процедура мелкими полицейскими сошками и дворниками, не го-
воря уже о большинствѣ населенія, видно изъ слѣдующаго.
Утромъ въ день выборовъ прибѣгаетъ ко мнѣ ни живъ, ни мертвъ
дворникъ и лепечетъ: «господинъ, потрудитесь убрать всѣ запре-
щенные книжки, коли ежели имѣются, и ждать полицію: сегодня
приказъ произвести повальный обыскъ, и объ этомъ начальство
извѣщаетъ для вѣрности заранѣе». Должно быть я улыбнулся:
«не вѣрите, господинъ,—вскричалъ дворникъ—ей богу—съ такъ!
Вонъ и лавочникъ все время катаетъ сельдяныя бочки, да ищетъ:
все боится, что ему скубенты книжку по злобѣ подбросятъ».
Несмотря на строгое запрещеніе выходить изъ дома, многіе изъ
насъ, знавшіе Шелгунова, старались произвести избирательную
агитацію въ его пользу и ходили по друзьямъ и знакомымъ съ
просьбой давать имя Шелгунова. Николай Васильевичъ добро-
душно улыбался, видя наши старанія, но отказываться не отка-
зывался; «считаю долгомъ заявить избирательному комитету,—
говорилъ онъ шутя намъ,—что программа у меня будетъ простая:
на первомъ-же засѣданіи полицейскаго парламента я заявлю, что
нужно распустить его и приступить къ выборамъ въ Земскій
Соброръ». Избранъ Шелгуновъ, конечно, не былъ. Но начальство,
какъ говорятъ, очень переполошилось, узнавъ, что Николай Ва-
сильевичъ на одной Пушкинской улицѣ, гдѣ была его квартира,
получилъ 60 голосовъ...

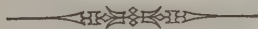
Здѣсь не мѣсто говорить, почему и отчего не удалось 1-е
марта. На Шелгунова это сильно подѣйствовало, и когда, послѣ
поѣздки въ центральную Россію, я увидался съ нимъ въ октябрѣ
мѣсяцѣ 1881 года, я нашелъ его страшно похудѣвшимъ, страшно
нервнымъ, и его мефистофельская фizioномія приняла скорбное

¹⁾ Дѣло идетъ о тогдашнемъ Петербургскомъ градоначальникѣ, позже Нижегородскомъ
губернаторѣ, еще позже Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ и т. д., который умеръ нѣ-
сколько лѣтъ тому назадъ, послѣ знаменитаго столкновенія съ Рождественскимъ.

выраженіе. Но въ то время, какъ другіе начинали примиряться съ входившей во вкусъ да въ аппетитъ реакціей, Шелгуновъ все оставался на своемъ посту вѣрнымъ своимъ идеаламъ. Тогда я замѣтилъ лишь въ немъ одну новую черту: онъ значительно скептически сталъ смотрѣть на роль интеллигенціи, чѣмъ прежде, и будь въ это время мало-мальски возможна дѣятельность среди рабочихъ или даже среди крестьянъ, онъ удѣлилъ-бы въ своемъ представленіи о революціонной диктатурѣ очень почетное мѣсто народнымъ массамъ. Но, повторяю, бодрымъ и вѣрующимъ онъ оставался неизмѣнно, и въ этомъ его не успѣла разочаровать 30-лѣтняя борьба съ русскимъ строемъ. Въ послѣднемъ письмѣ его, — не помню ко мнѣ, или къ одному изъ моихъ пріятелей, — помѣченномъ Берлиномъ, гдѣ Шелгуновъ былъ весною 1884 года передъ возвращеніемъ изъ короткаго путешествія по заграничѣ, онъ говоритъ, между прочимъ: «черезъ нѣсколько часовъ переѣзжаю границу—странное ощущеніе: точно я снова ученикъ, идущій на строгій экзаменъ; и, какъ во дни своей молодости, машинально я вычистилъ сюртучекъ и застегнулся на всѣ пуговицы. Впрочемъ, мнѣ это дѣло привычное». Экзаменъ оказался строже, нежели думалъ Николай Васильевичъ: съ границы его прямо отправили въ Петропавловку, и однимъ изъ мотивовъ его ареста было знакомство съ террористами и печатаніе въ «Дѣлѣ» статей, которыя писались нелегальными, въ особенности статей Тихомирова, онъ-же уже упомянутый И. Кольцовъ «Дѣла», онъ-же Иванъ Григорьевичъ Каратаевъ либеральныхъ домовъ Петербурга. Упомянутіемъ объ этой ироніи судьбы позволю себѣ закончить мои воспоминанія...

Какъ-бы мнѣ хотѣлось, чтобы хоть разъ съ этихъ блѣдныхъ страницъ глянулъ на моихъ читателей живой образъ Николая Васильевича, дорогого, милаго Николая Васильевича, такого, однимъ словомъ, какимъ я зналъ его: человѣка свѣтлаго ума и золотого сердца!..

Н. Р.



Событіе 1-го марта и Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ.

Событіе такой огромной важности, какъ актъ 1-го марта, не могло не привлечь самаго серьезнаго и настойчиваго вниманія Владимира Сергѣевича Соловьева. Въ ту пору онъ съ блестящимъ успѣхомъ читалъ лекціи по философіи въ Петербургскомъ университетѣ и на Высшихъ женскихъ курсахъ. Онъ развивалъ свою философскую систему, выдвигая впередъ христіанство, какъ элементъ философскій. Событіе 1-го марта заставило Соловьева продумать свое отношеніе къ революціи, какъ принципу и какъ факту, и освѣтить революціонную проблему съ религіозно-христіанской точки зрѣнія. Въ рѣчи, произнесенной на Высшихъ женскихъ курсахъ 13 марта 1881 года, Соловьевъ формулировалъ свои взгляды на революцію ¹⁾. Нельзя осуществить на землѣ правду путемъ насилій и убійствъ—вотъ основная точка зрѣнія Соловьева. Христіанство, дѣйствительно, «завѣщало человѣчеству осуществить царство правды, которое открылось, какъ внутренній и міровой фактъ, какъ процессъ дѣйствительной жизни», но только извращенное христіанство могло дойти до мысли осуществить ложно истолкованное царствіе Божіе путемъ внѣшнихъ средствъ, путемъ насилія. Самое стремленіе человѣка осуществить на землѣ что-то лучшее, какое-то царство правды, Соловьевъ считаетъ остаткомъ дѣйствительнаго христіанства. Не вѣрны пути. Съ потерей Божественнаго начала человѣку осталось строить царство при содѣйствіи чистаго разума и инстинкта. Такъ онъ и сдѣлалъ въ эпоху Великой революціи. Разумъ дѣйствительно оказался способенъ разбить традиціонныя формы жизни, но онъ не могъ дать изъ себя содержаніе жизни. Поэтому-то революція во второй своей половинѣ, основываясь на насиліи, повела еще къ худшему деспотизму.

«Современное революціонное движеніе началось съ того, чѣмъ кончила французская революція, и такой ходъ движенія логиченъ. Дѣло въ томъ, что господствующее міросозерцаніе отказалось не только отъ теологическихъ принциповъ, а и отъ метафизической

¹⁾ Содержаніе этой рѣчи въ 1881 году было распространено въ гектографированныхъ листкахъ и напечатано въ III томѣ „Собранія сочиненій В. С. Соловьева“. Сиб. Стр. 383—387.

идеи права чистаго разума, которая лежала въ основѣ революціи 89 г. Если же отнять и теологическіе принципы, и метафизическую идею безусловной личности, остается только звѣрская природа, дѣйствіе которой есть насиліе.

Но если современная революція начинается съ насилія, если она пользуется имъ, какъ средствомъ для осуществленія какой то новой правды, она тѣмъ самымъ обнаруживаетъ, что въ ней кроется явная ложь: ложь въ принципѣ и на практикѣ: въ принципѣ—потому что признавая только матеріальное начало въ мірѣ и человѣкѣ, нельзя говорить о чемъ-то должномъ, о чемъ-то такомъ, что не существуетъ, но должно существовать, ибо съ точки зрѣнія матеріальной все есть матеріальный фактъ, и никакого матеріальнаго начала не можетъ быть: это — ложь по факту, потому что, если бы дѣйствительно современная революція искала царство правды, она не могла бы смотрѣть на насиліе, какъ на средство его осуществить. Если она признаетъ правду, должное, истинное, нормальное, если она вѣритъ въ правду, она должна признавать, что правда сама собою сильнѣе неправды. Употреблять же насиліе для осуществленія правды, значить признать правду безсильною. Современная революція на дѣлѣ показываетъ, что она признаетъ правду безсильною.

Но по истинѣ правда сильна, а насилія современной революціи выдаютъ ея безсиліе. Для человѣка, съ человѣческой точки зрѣнія, всякое насиліе, всякое внѣшнее воздѣйствіе чуждой ему силы есть безсиліе. Такая внѣшняя сила есть для звѣря—сила, а для духовнаго существа—безсиліе, и если человѣку не суждено возвратиться въ звѣрское состояніе, то революція, основанная на насиліи, лишена будущности.

Высказавъ столь рѣшительное осужденіе насилію, назвавъ всякое внѣшнее воздѣйствіе чуждой человѣку силы проявленіемъ звѣря въ человѣкѣ, Соловьевъ, оставаясь вполне послѣдовательнымъ, долженъ былъ осудить и смертную казнь, какъ наказаніе по суду. Онъ долженъ былъ заявить о необходимости амнистіи для обвинявшихся по дѣлу 1-го марта. Онъ такъ и сдѣлалъ въ лекціи своей, прочитанной имъ въ залѣ Кредитнаго общества, 28 марта—въ тотъ день, когда заканчивался процессъ въ Особомъ присутствіи сената. Мы имѣемъ возможность напечатать содержаніе этой не написанной лекціи, записанное одной изъ внимательныхъ слушательницъ, и проверенное нами по другой современной записи и по рассказамъ слушателей. Лекція Вл. Серг., прочитанная имъ 28 марта, была второй (первая была прочитана 26 марта) и носила заглавіе «Критика современнаго просвѣщенія и кризисъ мірового процесса». Содержаніе отчетливо передаетъ нить разсужденій автора и сохраняетъ даже буквально отдѣльныя фразы. Въ этомъ мы могли убѣдиться изъ сравненія.

«Личное просвѣщеніе, крайнее выраженіе котораго есть наше время, приходитъ къ противорѣчію между безусловными требова-

ніями личности и невозможностью ихъ осуществить. То, чего требуетъ просвѣщеніе, находится въ народной вѣрѣ.

1) Личное просвѣщеніе требуетъ безусловной правды, но, заявляя это требованіе, оно правдѣ не вѣритъ. Если бы вѣрили безусловной правдѣ, то вѣрили бы, что она сильнѣе неправды, что она должна быть осуществлена не чуждыми средствами, а сама собой. Народъ же вѣритъ въ нее, онъ вѣритъ, что правда сильнѣе неправды и собственною нравственною силою можетъ побѣдить неправду. Чтобы безусловная правда осуществлялась въ дѣйствительности внѣшней, нужно, чтобы эта правда существовала сама по себѣ. Эта правда сама по себѣ, сущая правда—есть Богъ. Если неправда состоитъ въ розни всего, то единство всего есть правда. Какъ живое единство оно есть Богъ. Личное просвѣщеніе отвергло Бога и хорошо сдѣлало, ибо этотъ Богъ, котораго оно отвергло и есть Богъ, въ котораго народъ вѣритъ. Его Богъ не есть ни внѣшній Богъ мистицизма, ни отвлеченный Богъ метафизики, а живой Богъ. Народъ вѣритъ въ Него, и эта вѣра не только отвергается просвѣщеніемъ, разумомъ и наукой, а напротивъ требуется ими; вѣдь и разумъ и наука признаютъ, что все существующее имѣетъ единство, что міръ есть нѣкоторое цѣлое; безъ этого ни разумъ ни наука невозможны. Но какое же это цѣлое? Можно представить его какъ сумму частей, и тогда міръ будетъ огромнымъ механизмомъ, однако машина требуетъ машиниста, но вѣдь если все есть машина, то для машиниста мѣста нѣтъ. Слѣдовательно вселенная не можетъ быть механизмомъ, она есть организмъ, единое абсолютное живое существо, и это существо есть Богъ.

Далѣе: 2) Личное просвѣщеніе заявляетъ безусловныя права и безусловное значеніе личности, но и этого заявленія оно оправдать не могло, ибо оно не вѣритъ въ безусловное значеніе личности. Народъ же вѣритъ въ безусловное значеніе личности, потому что вѣритъ въ дѣйствительность и безусловность личности Христа, который своей личностью заявилъ вѣру, оправдалъ это заявленіе, осуществилъ безусловную правду, которая дѣломъ оказалась сильнѣе внѣшняго, случайнаго. Онъ побѣдилъ все случайное, все чуждое, и явилъ себя сильнѣе грѣха и смерти.

Личное просвѣщеніе отвергло Христа, но опять таки этотъ Христосъ, отвергнутый просвѣщеніемъ, не есть Христосъ народной вѣры. Просвѣщеніе отвергло догматизмъ Христа, который представляетъ какую то случайность—Бога, сошедшаго съ небесъ въ опредѣленный моментъ времени и потомъ вознесшагося. Но народъ вѣритъ не въ такого Христа. Для народа Христосъ не есть личность въ условіяхъ опредѣленнаго времени и мѣста, а личность живая, безусловная, универсальный принципъ. Народъ вѣритъ въ живого Христа, вѣритъ, что начало, которое дѣйствовало въ историческомъ Христѣ, можетъ проявлять свое дѣйствіе во всѣхъ людяхъ послѣ Христа. Эта вѣра народная во Христа не можетъ уничтожиться просвѣщеніемъ.

3) Личное просвѣщеніе ставитъ задачею осуществленіе абсо-

лютной правды во внѣшней дѣйствительности, т. е. не только въ природѣ человѣческой, но и во внѣшнемъ мірѣ. И однаکو возможность такого осуществленія исключается тѣмъ, что личность признаетъ дѣйствительность природы, какъ нѣчто внѣшнее, и на міръ смотритъ, какъ на нѣчто случайное только, видитъ въ матеріальной природѣ лишь совокупность явленій, которая самъ по себѣ равнодушна къ безусловной правдѣ, къ безусловной истинѣ, къ безусловному содержанію. Если такова внѣшняя дѣйствительность, то какъ же можетъ безусловная идея въ ней осуществиться.

Народная вѣра не такъ смотритъ на природу и на человѣскій міръ. Она признаетъ, что природа сама по себѣ имѣетъ стремленіе къ безусловному единству, къ безусловной правдѣ. Народная вѣра вѣритъ, что природа человѣческая и внѣшній міръ имѣютъ единую душу, и что эта душа стремится воплотить Божественное начало, стремится родить въ себѣ Божество: народъ вѣритъ въ Богородицу. Конечно, эта Богородица, въ которую вѣритъ народъ, не есть та, которую, начиная съ протестантизма, отвергало личное просвѣщеніе. Для народной вѣры Богородица, какъ и Христосъ, есть начало всего. Это—душа міра, первая матерія, мать всего существующаго, которая переходя (отъ формъ астральныхъ) къ формамъ органическимъ, и далѣе человѣческимъ, стремится воплотить въ себѣ Божественное начало, осуществить, родить его. Такова народная вѣра: народъ вѣритъ: 1) въ вѣчную сущую правду живого Бога, 2) въ безусловное человѣческое начало въ Богѣ—въ личность Христа и 3) въ присутствіе Божественнаго начала, какъ вѣчнаго стремленія во всей природѣ—въ Богородицѣ.

Этою вѣрою опредѣляется духовное содержаніе народной жизни, всѣ идеалы народа. Но народъ не довольствуется однимъ признаніемъ идеала. Какъ интеллигенція, такъ и народъ стремится признанные истинными идеалы, въ которые онъ вѣритъ, какъ въ существующіе сами по себѣ, перенести въ жизнь, въ свою неистинную дѣйствительность, осуществить ихъ въ неидеальномъ Божественномъ бытіи. На свое человѣческое земное существованіе народъ смотритъ, какъ на средство, какъ на форму для осуществленія этого Божественнаго начала.

Пока идеаль Божественной абсолютной правды еще не осуществился, пока всѣ люди не стали Христами и всѣ женщины Богородицами, народъ признаетъ внѣшнія формы образованія (внутренняго міра), внѣшнюю среду, живетъ въ государствахъ. Но онъ никогда не признавалъ и никогда не признаетъ этой внѣшней среды, какъ нѣчто самостоятельное. Для народа всѣ земныя формы являются какъ подчиненная среда для осуществленія идеала.

И въ представителѣ государства, въ своемъ политическомъ вождѣ народъ видитъ не представителя внѣшняго закона, какъ чего то самостоятельнаго, а носителя своего духовнаго идеала. Въ прошлое воскресеніе на этомъ самомъ мѣстѣ вы слышали красно-

рѣчивое изложеніе идеи царя ¹⁾ по народному воззрѣнію. Я съ нимъ согласенъ (иначе я бы и не указывалъ на него). Скажу только, что то, что говорилось, не было доведено до конца. Истинная мысль не была досказана. Беру на себя смѣлость ее досказать.

Несомнѣнно для народа Царь не есть представитель вѣдѣннаго закона. Да, народъ видитъ въ немъ носителя и выразителя всей своей жизни, личное средоточіе всего своего существа. Царь не есть—распорядитель грубою физическою силою для осуществленія вѣдѣннаго закона. Но если Царь дѣйствительно есть личное выраженіе всего народнаго существа, и прежде всего, конечно, существа духовнаго, то онъ долженъ стать твердо на идеальныхъ началахъ народной жизни: то что народъ считаетъ верховной нормой жизни и дѣятельности, то и Царь долженъ ставить верховнымъ началомъ жизни.

Настоящая минута представляетъ небывалый дотолѣ случай для государственной власти оправдать на дѣлѣ свои притязанія на верховное водительство народа. Сегодня судятся и, вѣроятно, будутъ осуждены убійцы Царя на смерть. Царь можетъ простить ихъ, и если онъ дѣйствительно чувствуетъ свою связь съ народомъ, онъ долженъ простить. Народъ русскій не признаетъ двухъ правдъ. Если онъ признаетъ правду Божию за правду, то другой для него нѣтъ, а правда Божія говоритъ: «Не убій». Если можно допускать смерть какъ уклоненіе отъ недостижимаго идеала, убійство для самообороны, для защиты, то убійство холодное надъ безоружнымъ претитъ душѣ народа. Вотъ великая минута самоосужденія и самооправданія.—Пусть Царь и Самодержецъ Россіи заявить на дѣлѣ, что онъ прежде всего христіанинъ, а какъ вождь христіанскаго народа онъ долженъ, онъ обязанъ быть христіаниномъ.

Не отъ насъ зависитъ рѣшеніе этого дѣла, не мы призваны судить. Всякій осуждается и оправдывается собственными своими рѣшеніями, но если государственная власть отрицается отъ христіанскаго начала и вступаетъ на кровавый путь, мы выйдемъ, отстранимся, отречемся отъ нея.

Въ мірѣ борятся два зла, два злыя начала: одно начало хаоса—грѣхъ, другое—начало вѣдѣннаго закона; но есть и третье начало. Два первыхъ начала не могутъ сами рѣшить свою борьбу, но есть третье—начало внутренней правды, начало благодати, которое упраздняетъ и грѣхъ, и законъ. Русскій народъ всегда съ самаго начала своей исторіи безсознательно держался этого третьяго начала. Признаемъ же его, какъ такое, примемъ его сознательно.

Скажемъ же рѣшительно и громко заявимъ, что мы стоимъ подъ знаменемъ Христовымъ и служимъ единому Богу—Богу любви. Пусть народъ узнаетъ въ нашей мысли свою душу и въ нашемъ совѣтѣ свой голосъ; тогда онъ услышитъ насъ, и пойметъ насъ, и пойдетъ за нами».

¹⁾ Въ рѣчи К. Н. Бестужева-Рюмина.

Одна изъ бывшихъ на лекціи отчетливо и ярко рассказываетъ объ этой лекціи Соловьева¹⁾.

«Это не былъ митингъ, — тогда еще митинговъ въ Петербургѣ не знали, но переполненный залъ кредитнаго общества ждалъ съ нетерпѣніемъ своего оратора.

Молодежи, какъ всегда, было много; въ первыхъ рядахъ креселъ мелькали рѣдкіе гости на публичныхъ чтеніяхъ — крупные сановники, конечно, изъ категоріи уцѣлѣвшихъ еще либераловъ, и образованныя арестократическія дамы, между прочимъ, остроумная гр. Толстая, вдова Алексѣя Толстого, ш-ше Хитрово и т. п.

Никто не зналъ, какъ станетъ развивать свою тему въ этотъ вечеръ Владиміръ Соловьевъ, но никто не сомнѣвался, что все, что онъ скажетъ, будетъ необычайно, и что то будетъ вѣчная красота.

А вотъ и онъ. Высокій, тонкій, еще блѣднѣе обыкновеннаго. Его удивительные глаза свѣтятся глубокимъ, внутреннимъ свѣтомъ и смотрятъ прямо въ даль.

Станныя рѣчи! Сначала пространныя, философски-мистическая глосса къ культу Богоматери; затѣмъ необъятные горизонты тайнъ христіанства, тайнъ невѣдомаго «того берега» бытія...

Но мало-по-малу перспектива суживается, ораторъ замѣтно близится къ нашему берегу. Еще одинъ смѣлый шагъ — и онъ уже среди насъ. Чудный языкъ боговъ становится языкомъ земной юдоли. Громко и звучно раздаются вѣщія слова:

— Завтра приговоръ. Теперь тамъ, за бѣлыми каменными стѣнами, идетъ совѣтъ о томъ, какъ убить безоружныхъ. Вѣдь безоружны же всѣ подсудимые узники... Но если это дѣйствительно свершится, если русскій Царь, вождь христіанскаго народа, заповѣди поправъ, предастъ ихъ казни, если онъ вступитъ въ кровавый кругъ, то русскій народъ, народъ христіанскій, не можетъ за нимъ итти. Русскій народъ отъ него отвернется и пойдетъ по своему отдѣльному пути...

Вдругъ передъ эстрадой вырастаетъ какая-то плотная фигура, — рука, съ поднятымъ указательнымъ пальцемъ, вытягивается по направленію къ оратору.

— Тебя перваго казнить, измѣнникъ! Тебя перваго вѣшать, злодѣй! — гремитъ грубый голосъ.

Соловьевъ, слегка наклонившись, старается, повидимому, слышать эти возгласы. Но это почти невозможно. Бурныя Человѣческія волны хлынули уже со всѣхъ сторонъ къ эстрадѣ. Могучій крикъ восторга, внезапной радости, умиленія, вырвался разомъ изъ тысячи нѣмыхъ, рабскихъ грудей и наполнилъ собою все пространство.

— Ты нашъ вождь! Ты насъ води! — несется отовсюду.

Теперь уже десятки трепетныхъ рукъ протягиваются къ Со-

¹⁾ „Биржевыя Вѣдомости“ въ ноябрѣ 1905 года. Замѣтка г-жи Р-ды Бодуэнъ-де-Кур-генъ „Въ мартѣ 1881 года“.

ловьеву, и, минуто спустя, его одухотворенное лицо показывается высоко надъ окружающимъ его вѣнцомъ старыхъ и молодыхъ лицъ. А затѣмъ тѣ же руки бережно несутъ свою ношу съ эстрады въ залъ.

— Амнистія! Помилованіе! на устахъ всѣхъ.

Выходныя двери въ вестибюль широко раскрыты, но напрасно Владиміръ Сергѣевичъ старается въ нихъ проскользнуть. Всѣ его усилія остаются тщетными. Ликующая толпа не хочетъ съ нимъ разстаться и два или три раза обноситъ его кругомъ.

Лишь только кончились оваціи по адресу Соловьева, какъ на очередь всталъ вопросъ объ административной карѣ, ожидающей Соловьева. На лекціи присутствовали между прочимъ и министръ народнаго просвѣщенія. Встрѣтивъ Соловьева въ вестибюлѣ послѣ овацій, министръ посовѣтовалъ ему сейчасъ же ѣхать къ Лорисъ-Меликову и поговорить съ нимъ. Соловьевъ отказался ѣхать, заявивъ, что онъ не знакомъ съ Лорисъ-Меликовымъ.

— «Это не частное дѣло, а общественное» — сказалъ министръ, — «а то смотрите, придется Вамъ ѣхать въ Колымскъ».

— «Что же, философией можно заниматься и въ Колымскѣ» — отвѣчалъ Соловьевъ¹⁾.

На другой день слухи о лекціи и объ административной карѣ, ожидающей Соловьева, облетѣли весь городъ. Дѣло могло окончиться дѣйствительно высылкой, но было улажено благодаря хлопотамъ, въ особенности К. Н. Бестужева-Рюмина и нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Желая, быть можетъ, парализовать дѣйствіе слуховъ, Соловьевъ счелъ нужнымъ обратиться съ письмомъ къ императору Александру III. Мы имѣемъ возможность воспроизвести это письмо, до сихъ поръ въ печати не появлявшееся. Въ немъ разъясненъ второй изъ мотивовъ, выставленныхъ Соловьевымъ противъ смертной казни. Соловьевъ писалъ Государю:

«Ваше Императорское Величество
Всемиловитый Государь!

До слуха Вашего, безъ сомнѣнія, дошли свѣдѣнія о рѣчи, сказанной мною 28 Марта, вѣроятно въ искаженномъ и во всякомъ случаѣ въ преувеличенномъ видѣ. Поэтому считаю своимъ долгомъ передать Вашему Величеству дѣло, какъ оно было.

Вѣруя, что только духовная сила Христовой истины можетъ побѣдить силу зла и разрушенія, проявленную нынѣ въ такихъ небывалыхъ размѣрахъ, вѣруя тоже, что народъ русскій въ цѣлости своей живетъ и движется духомъ Христовымъ, вѣруя наконецъ, что Царь Россіи есть представитель и выразитель народнаго духа, носитель всѣхъ лучшихъ силъ народа, я рѣшилъ съ публичной кафедры исповѣдать эту свою вѣру.

1) Этотъ фактъ сообщенъ намъ г-жей Бодуэнъ-де-Куртенеъ.

Я сказалъ въ концѣ своей рѣчи, что настоящее тягостное время даетъ русскому Царю небывалую силу христіанскаго начала всепрощенія и тѣмъ совершить величайшій нравственный подвигъ, который подниметъ власть его на недосигаемую высоту и на неизблемомъ основаніи утвердить его державу. Милуя враговъ своей власти, вопреки всѣмъ естественнымъ чувствамъ человѣческаго сердца, всѣмъ расчетамъ и соображеніямъ земной мудрости, Царь становится на высоту сверхчеловѣческую и самымъ дѣломъ покажетъ, что въ немъ живетъ высшая дѣховная сила всего народа русскаго, потому что во всемъ этомъ народѣ не найдется ни одного человѣка, который могъ-бы совершить подвигъ больше этого.

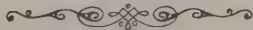
Вотъ въ чемъ заключалась сущность моей рѣчи и что, къ крайнему моему прискорбію, было истолковано нетолько несогласно съ моими намѣреніями, но въ прямомъ противорѣчій съ ними.

Имѣю счастье быть Вашего Императорскаго Величества вѣрно-подданный

Владиміръ Соловьевъ».

Произвело ли впечатлѣніе это письмо, или подѣйствовали хлопоты—не знаемъ,—но Соловьевъ не былъ высланъ изъ столицы. Ему только было запрещено читать и произносить публично что бы то ни было, и, конечно, былъ усиленъ надзоръ за нимъ и за его произведеніями. Въ университетѣ Соловьевъ продолжалъ читать до весны 1882 года. Онъ состоялъ на службѣ еще въ ученomъ комитетѣ мин. нар. просв. 6 окт. 1881 года Соловьевъ подалъ прошеніе объ отчисленія его отъ службы «по разстроенному здоровью», и 11 ноября того же года его просьба была удовлетворена.

П. Щ.



Событіе 1-го Марта и Левъ Николаевичъ Толстой.

Событіе 1-го марта не явилось для русскаго общества того времени чѣмъ то совершенно неожиданнымъ. Ему предшествовалъ цѣлый рядъ неудавшихся покушеній на жизнь Александра II, являвшихся, въ свою очередь, лишь отдѣльными эпизодами той борьбы, которую вели между собою два врага: русское правительство и русскіе революціонеры. Значительная часть русскаго общества долго относилась къ этой борьбѣ какъ то равнодушно: оно точно присутствовало на какомъ то представленіи, а не было свидѣтелемъ тѣхъ перво-степенной важности событій, которыя ближе всего его касались.

Но постепенно наиболѣе подвижные и воспріимчивые элементы общества стали интересоваться этой борьбой, стали втягиваться въ интересы борющихся сторонъ и даже принимать въ ней участіе. Русско-турецкая война, раскрывъ цѣлый рядъ вопіющихъ безобразій, царившихъ въ высшихъ сферахъ, заставила общество съ еще большимъ вниманіемъ отнестись къ дѣятельности тѣхъ таинственныхъ людей, которыхъ въ обществѣ называли то нигилистами, то социалистами, то просто красными.

Несмотря на свою неподвижность, «большое общество» не могло не замѣтить въ этой борьбѣ одного характернаго явленія. Правительство тратило огромныя средства на борьбу съ революціонерами, оно платило щедро и явнымъ и тайнымъ агентамъ, которые, благодаря этому, могли «въ свободное отъ занятій время» вознаграждать себя за труды всевозможными удовольствіями и наслажденіями, покупаемыми за деньги. Враждебная же правительству партія, наоборотъ, постоянно нуждалась въ деньгахъ, отдавала всѣ свои средства на борьбу, и члены, ея, за рѣдкими исключеніями, вели почти аскетическій образъ жизни.

Я помню какъ, будучи почти ребенкомъ, я былъ пораженъ, прочтя въ какой то газетѣ описаніе одной конспиративной квартиры, въ какой ужасной обстановкѣ и тѣсотѣ жили эти люди, отдававшіе всѣ силы на борьбу за то дѣло, которое они считали святымъ. Я помню какъ уже подросткомъ, попавъ лѣтомъ 1881 г. въ глушь Самарской губерніи, я слушалъ разсужденія малограмотнаго купца, неодобрявшаго событія 1-го марта, но выражавшаго удивленіе героизму «этихъ людей» и признававшего въ ихъ стремленіяхъ большую долю правды. Мнѣ кажется, что этотъ

купецъ былъ характернымъ выразителемъ мнѣнія большинства. Несочувствіе самому факту, совершенному 1-го марта, и сочувствіе къ его совершителямъ.

Люди съ большимъ кругозоромъ не могли, конечно, ограничиться только такимъ отношеніемъ къ событію 1-го марта. Они смотрѣли дальше и видѣли въ грядущемъ цѣлую цѣпь кровавыхъ событий, вытекавшихъ изъ 1-го марта, какъ изъ своего источника. Цареубійство, казнь цареубійцъ, месть за эту казнь, преслѣдованіе мстителей, отмщеніе преслѣдователямъ и т. д. и т. д. безъ конца.

И что особенно ужасно, такъ это то, что эти событія въ сущности не представляли собою узкой цѣпи, но развѣтвлялись, усложнялись цѣлымъ рядомъ другихъ событий, охватывая всю страну кровавой сѣтью взаимной вражды, конца которой невозможно было предвидѣть.

Какъ помѣшать развитію этого ужаснаго зла, какъ оборвать эту цѣпь грядущихъ кровавыхъ событий? Вотъ вопросъ, который мучилъ многихъ людей того времени и въ числѣ ихъ прежде всего Льва Толстого. Обратиться съ воззваніемъ къ революціонерамъ, съ призывомъ къ прекращенію борьбы? Но какъ же обращаться съ такимъ призывомъ къ людямъ, которыхъ преслѣдуютъ какъ дикихъ звѣрей, къ людямъ, которыхъ по одному подозрѣнію сажаютъ въ тюрьмы и ссылаютъ въ Сибирь? Они не послушаютъ, они не могутъ послушать. Вѣдь, для нихъ внять такому призыву, значитъ признать, что та борьба, которую они вели съ правительствомъ, тѣ неисчислимые жертвы, которыя они принесли этому дѣлу, что самыя дорогія, самыя святыя для нихъ чувства любви къ свободѣ, къ народу, къ родинѣ—все это было призракомъ. Отказаться отъ борьбы для этихъ людей значило болѣе, чѣмъ отказаться отъ жизни. Объ этомъ нельзя было и думать.

Можно ли было обратиться къ правительству съ призывомъ прекратить борьбу? Конечно объ этомъ тоже нельзя было думать. Для правительства прекратить борьбу значило прекратить существованіе. Да и какъ оно бы могло подумать о такой мѣрѣ, когда въ его рукахъ были всѣ средства для истребленія враговъ: сотни тысячъ солдатъ, десятки тысячъ полицейскихъ, сотни милліоновъ рублей... И вдругъ какая то горсть безумцевъ осмѣливается вести съ нимъ борьбу, смѣетъ не только защищаться, но даже нападать. При такихъ условіяхъ всякій совѣтъ правительству одуматься и прекратить борьбу являлся кровнымъ ему оскорбленіемъ и доказательствомъ явной неблагонадежности совѣтника.

Однако надо же было найти какой нибудь выходъ. Его, какъ ему тогда, по крайней мѣрѣ, казалось, и нашелъ Левъ Толстой.

Левъ Толстой переживалъ въ эти годы тяжелый періодъ душевной ломки. Это былъ какъ разъ тотъ самый періодъ, которымъ раскалывается на двѣ части жизнь великаго писателя. Толстой до этого періода—это авторъ «Дѣтства и Отрочества», «Войны и

Мира», «Анны Карениной», Толстой послѣ этого періода,—это авторъ «Въ чемъ моя вѣра», «Такъ что же намъ дѣлать», «Царство Божіе», «Воскресенье». Въ этотъ періодъ была написана «Исповѣдь», помѣченная двумя годами: 1879 и 1882.

Чуткимъ сердцемъ, истерзаннымъ тяжелой душевной борьбой, пытливымъ разумомъ, искушеннымъ сомнѣніями, великій писатель пришелъ къ мысли, что былъ одинъ человѣкъ, который послѣ событія 1-го марта могъ явиться въ качествѣ примирителя между двумя враждующими сторонами, могъ дать измученной родинѣ умиротвореніе. Такимъ человѣкомъ могъ быть, по мнѣнію Толстого, императоръ Александръ III.

Толстой отдѣлялъ царя отъ правительства. Правительство была борющаяся, ожесточенная, озлобленная сторона,—царь былъ въ сторонѣ, какъ символическая фигура, олицетворявшая идеи справедливости и милосердія.

Призывомъ ничего нельзя было добиться, однимъ призывомъ къ добру нельзя было прекратить борьбу, необходимъ былъ примѣръ величайшаго, милосердія и этотъ примѣръ долженъ былъ исходить отъ лица, обладавшаго въ глазахъ народа наибольшимъ авторитетомъ. Примѣръ милосердія долженъ былъ блеснуть съ высоты трона, его долженъ былъ подать самъ царь.

Событія сложились самымъ необыкновеннымъ образомъ. Царь являлся лицомъ пострадавшимъ, лицомъ обиженнымъ: у него убили отца. И царь, преклоняясь передъ евангельской заповѣдью всепрощенія и любви, простилъ бы своихъ враговъ. Примѣръ, какого не знаетъ вся исторія человѣчества. Такой примѣръ христіанской любви, проявленный царемъ, долженъ былъ явиться тѣмъ громовымъ ударомъ, который заставилъ бы прекратить борьбу, ввиду присутствія неизмѣримо высшей силы—любви.

Надо было убѣдить Александра III рѣшиться на такой безпримѣрный поступокъ. Между тѣмъ, онъ былъ совершенно неизвѣстнымъ человѣкомъ по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ. Слухи о немъ ходили самые противоположные. Толстой не могъ не чувствовать, какая трудная задача лежитъ передъ нимъ, и въ то же время онъ не видѣлъ какого либо иного способа вырвать родину изъ заколдованнаго круга междоусобной борьбы.

Весь охваченный порывомъ религіознаго вдохновенія, Толстой начинаетъ искать уединенія, желая подготовиться къ трудной работѣ, отъ успѣха которой зависитъ не только жизнь нѣсколькихъ человѣкъ, но и спасеніе родины. Онъ, если не ошибаюсь, налагаетъ на себя кратковременный постъ, горячо молится и наконецъ вкладываетъ всѣ силы своего ума и таланта въ письмо къ Александру III.

Пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ пришлось прочесть это письмо; я не знаю, какое бы оно произвело на меня впечатлѣніе теперь, но я хорошо помню, что въ то время трудно было удержаться отъ слезъ,—столько было въ немъ теплоты и

искренности. Толстой убѣждалъ императора простить убійцъ своего предшественника на тронѣ. Онъ убѣждалъ сына помиловать людей, убившихъ отца. Вѣрующему человѣку онъ напоминалъ о евангельскихъ завѣтахъ. Правителю онъ говорилъ о томъ огромномъ вліяніи, которое окажетъ на все человѣчество этотъ примѣръ милосердія. Я самъ, писалъ онъ, чувствую, что, какъ собака, буду преданъ Вамъ, если Вы явите этотъ примѣръ всепрощенія...¹⁾

Дѣло было сдѣлано, письмо было написано, но надо было найти способъ доставить письмо по адресу. На почту было трудно надѣяться, необходимо было найти лицо, близко стоящее къ Александру III, которое согласилось бы передать это письмо. Выборъ палъ на К. П. Побѣдоносцева.

Въ настоящее время такой выборъ можетъ показаться по меньшей мѣрѣ страннымъ. Побѣдоносцевъ и доброе дѣло. Призывъ къ милосердію и Побѣдоносцевъ... Въ то время личность Побѣдоносцева не вылилась еще для Толстого въ такія опредѣленные формы. Побѣдоносцевъ былъ тогда для него лишь человѣкомъ, соприкасавшимся съ релігіозными вопросами, ученымъ, переводчикомъ извѣстнаго сочиненія Фомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу» и придворнымъ, близко стоящимъ къ императору, и Толстой обратился именно къ нему.

Побѣдоносцевъ на отрѣзъ отказался передать письмо Александру III и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что онъ смотритъ на Христа совершенно не такъ, какъ смотритъ Толстой. Для него Христосъ являлся въ какомъ то ореолѣ силы и власти, гдѣ не было мѣста всепрощенію и кротости.

Письмо было всетаки отправлено къ Александру III, хотя и другимъ путемъ. Кажется, оно было передано черезъ Черевина. Во всякомъ случаѣ оно дошло по назначенію.

Отвѣта не послѣдовало. Прошло нѣкоторое время, и участники событія 1-го марта были казнены. Какъ подѣйствовало на Александра III письмо Л. Н. Толстого, осталось неизвѣстнымъ. Впрочемъ, имѣется одно косвенное указаніе на то, что письмо не прошло совершенно безслѣдно.

Однажды, нѣкоторое время спустя послѣ указанныхъ событій, въ довольно тѣсномъ придворномъ кругу, въ присутствіи императора Александра III завязался разговоръ о послѣднихъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Одни находили ихъ скучными, другіе считали нелѣпыми, третьи называли Толстого чудакомъ, четвертые говорили, что онъ просто выжилъ изъ ума и конечно его послѣднія произведенія не могутъ ни на кого имѣть вліянія.

Александръ III молчалъ и потомъ съ замѣтнымъ раздумьемъ произнесъ:

— А мнѣ кажется, что Толстой своими разсужденіями можетъ

¹⁾ Письмо это никогда еще опубликовано не было ни въ Россіи, ни за границей, ни на русскомъ, ни на иностранномъ языкахъ. Мы имѣемъ основаніе думать, что читатели прочтутъ его черезъ нѣкоторое время на страницахъ «Былого».

производить очень сильное впечатлѣніе не только на молодежь, но и на людей вполне установившихся.

Можетъ быть это замѣчаніе было отголоскомъ впечатлѣнія, произведеннаго письмомъ. Можетъ быть, почувствовавъ убѣдительную силу призыва къ милосердію, Императоръ обратился за разъясненіемъ къ своему излюбленному совѣтнику, и тотъ, отказавши ранѣе въ своей помощи дѣлу милосердія, нашелъ возможнымъ употребить свое вліяніе, чтобы расчислить осужденнымъ дорогу къ висѣлицѣ. Но, разумѣется, это лишь предположеніе.

А. Хирьяковъ.



Заявленіе, посланное изъ Петропавловской крѣпости А. И. Желябовымъ
на имя прокурора Спб. судебной палаты 2 марта 1881 г. ¹⁾

Если новый государь, получая скипетръ изъ рукъ революціи, намѣренъ держаться въ отношеніи царевубійцъ старой системы, если Рысакова намѣрены казнить, было-бы вопіющей несправедливостью сохранять жизнь мнѣ, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физическаго участія въ умерщвленіи его лишь по глупой случайности. Меня очень беспокоитъ опасеніе, что правительство поставитъ внѣшнюю законность выше внутренней справедливости и украситъ корону новаго монарха трупомъ юнаго героя лишь по недостатку формальныхъ уликъ противъ меня, ветерана революціи. Я протестую противъ такого исхода всѣми силами души и требую для себя справедливости. Только трусостью правительство могло бы объяснить одну висѣлицу, а не двѣ.

Въ январѣ и февралѣ я не разъ велъ съ нимъ (Рысаковымъ) разговоръ о роли царей въ судьбахъ русскаго народа и въ связи съ этимъ, о необходимости ихъ уничтоженія вообще, если русскіе цари пожелаютъ остаться при старой системѣ управленія.

Андрей Желябовъ.



¹⁾ О заявленіи этомъ упоминается въ обвинительномъ актѣ и тамъ же приводятся изъ него отдѣльные выраженія (въ той части обвинительнаго акта, которая цитируется въ статьѣ „1 марта—3 апрѣля 1881 года“, эти выраженія также приведены), но полностью заявленіе А. И. Желябова печатается въ первый разъ. Оно выписано непосредственно изъ дѣлопроизводства о событіи 1 марта защитникомъ одного изъ обвиняемыхъ по этому дѣлу и имъ нынѣ намъ передано.

Ред.

Изъ рѣчей на судѣ

А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича и С. Л. Перовской ¹⁾).

Желябовъ.—Г.г. судьи, дѣло всякаго убѣжденнаго дѣятеля дороже ему жизни. Дѣло наше здѣсь было представлено въ болѣе извращенномъ видѣ, чѣмъ наши личные свойства. На насъ, подсудимыхъ, лежитъ обязанность, по возможности, представить цѣль и средства партіи въ настоящемъ ихъ видѣ.

Обвинительная рѣчь, на мой взглядъ, сущность нашихъ цѣлей и средствъ изложила совершенно неточно. Ссылаясь на тѣ же самые документы и вещественныя доказательства, на которыхъ г. прокуроръ основываетъ обвинительную рѣчь, я постараюсь это доказать. Программа рабочихъ послужила основаніемъ для г. прокурора утверждать, что мы не признаемъ государственнаго строя, что мы безбожники и т. д. Ссылаясь на точный текстъ этой программы рабочихъ, говорю, что мы государственники, не анархисты. Анархисты—это старое обвиненіе. Мы признаемъ, что правительство всегда будетъ, что государственность неизбежно должна существовать, поскольку будутъ существовать общіе интересы...

Мы—не анархисты, мы стоимъ за принципъ федеральнаго устройства государства, а какъ средство для достиженія такого строя—мы рекомендуемъ очень опредѣленные учрежденія. Можно ли насъ считать анархистами?...

Я въ своемъ заявленіи говорилъ и отъ прокурора слышалъ, что наше преступленіе—событіе 1-го марта нужно разсматривать, какъ событіе историческое, что это не фактъ, а исторія. И совершенно вѣрно... Я совершенно согласенъ съ прокуроромъ и думаю, что всякій согласится, что этотъ фактъ нельзя разсматривать особнякомъ, а что его нужно разсматривать въ связи съ другими фактами, въ которыхъ проявилась дѣятельность партіи. Обвинитель дѣлаетъ отвѣтственными за событіе 1-го марта не только наличныхъ подсудимыхъ, но и всю партію, и считаетъ самое со-

¹⁾ Изъ официальнаго отчета о процессѣ царевѣйцъ.

бытіе логически вытекающимъ изъ цѣлей и средствъ, о какихъ партія заявляла въ своихъ печатныхъ органахъ...

Первоприсутствующій прерываетъ рѣчь и ставитъ Желябову рамки.

Желябовъ: Чтобы не выйти изъ рамокъ вами опредѣленныхъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не оставить свое дѣло необороненнымъ, я долженъ остановиться на тѣхъ вещественныхъ доказательствахъ, на которыя здѣсь ссылался прокуроръ, а именно на разныя брошюры, напримѣръ на брошюру Морозова и литографированную рукопись, имѣвшуюся у меня. Прокуроръ ссылается на эти вещественныя доказательства. На какомъ основаніи? Во 1-хъ, литографированная программа социалистовъ-федералистовъ найдена у меня. Но вѣдь всѣ эти вещественныя доказательства въ данный моментъ у прокурора. Имѣю ли я основаніе и право сказать, что они суть плоды его убѣжденія, поэтому у него и находятся? Неужели одинъ лишь фактъ нахождения литографированной программы у меня свидѣтельствуешь о томъ, что это мое собственное убѣжденіе? Во 2-хъ, Николай ¹⁾ Морозовъ написалъ брошюру. Я ее не читалъ; сущность ея я знаю; къ ней, какъ партія, мы относимся отрицательно, и просили эмигрантовъ не пускаться въ сужденія о задачѣ русской социально-революціонной партіи, пока они за границей, пока они безпочвенники. Насъ дѣлаютъ отвѣтственными за взгляды Морозова, служащіе отголоскомъ прежняго направленія, когда дѣйствительно нѣкоторые изъ членовъ партіи, узко смотрѣвшіе на вещи, въ родѣ Гольденберга, полагали, что вся наша задача состоитъ въ расчищеніи пути черезъ частыя политическія убійства. Для насъ, въ настоящее время, отдѣльные террористическіе факты занимаютъ только одно изъ тѣхъ мѣстъ въ ряду другихъ задачъ, намѣчаемыхъ ходомъ русской жизни...

Первоприсутствующій снова прерываетъ Желябова.

Желябовъ: Я говорилъ о цѣляхъ партіи. Теперь я скажу о средствахъ. Я желалъ бы предпослать прежде маленькій историческій очеркъ, слѣдуя тому пути, которымъ шелъ прокуроръ. Всякое общественное явленіе должно быть познаваемо по его причинамъ, и чѣмъ сложнѣе и серьезнѣе общественное явленіе, тѣмъ взглядъ на прошлое долженъ быть глубже. Чтобы понять ту форму революціонной борьбы, къ какой прибѣгаетъ партія въ настоящее время, нужно познать это настоящее въ прошедшемъ партіи, а это прошедшее имѣется; немногочисленно оно годами, но очень богато опытомъ. Если вы, гг. судьи, взглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, въ эту открытую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною...

¹⁾ Въ отчетѣ о дѣлѣ 1-го марта до сихъ поръ всегда повторялась ошибка, слѣзанная въ первомъ отчетѣ, — вмѣсто „Николай Морозовъ“ было ошибочно написано „вѣкій Морозовъ“.

Мы, переиспытать разные способы дѣйствовать на пользу народа, въ началѣ 70-хъ годовъ избрали одно изъ средствъ, именно положеніе рабочаго человѣка, съ цѣлью мирной пропаганды социалистическихъ идей. Движеніе крайне безобидное по средствамъ своимъ, и чѣмъ оно окончилось? Оно разбилось исключительно о многочисленныя преграды, которыя встрѣтило въ лицѣ тюремъ и ссылокъ. Движеніе совершенно безкровное, отвергавшее насиліе, не революціонное, а мирное—было подавлено. Я принималъ участіе въ этомъ самомъ движеніи, и это участіе поставлено мнѣ прокуроромъ въ вину. Я желаю выяснитъ характеръ движенія, за которое несу въ настоящее время отвѣтъ. Это имѣетъ прямое отношеніе къ моей защитѣ...

Въ 1873, 1874 и 1875 годахъ я еще не былъ революціонеромъ, какъ опредѣляетъ прокуроръ, такъ какъ моя задача была работать на пользу народа, ведя пропаганду социалистическихъ идей. Я насилія въ то время не признавалъ, политики касался я весьма мало, товарищи—еще меньше. Въ 1874 году въ государственныхъ воззрѣніяхъ мы въ то время были дѣйствительно анархистами. Я хочу подтвердить слова прокурора. Въ рѣчи его есть много вѣрнаго. Но вѣрность такова: въ отдѣльности, взятое частичками—правда, но правда, взятая изъ разныхъ періодовъ времени, и затѣмъ составлена изъ нея комбинація совершенно произвольная, отъ которой остается одинъ только кровавый туманъ... Всѣ мои желанія были дѣйствовать мирнымъ путемъ въ народѣ, тѣмъ не менѣе, я очутился въ тюрьмѣ, гдѣ и революционизировался. Я перехожу ко второму періоду социалистическаго движенія. Этотъ періодъ начинается... Но, по всей вѣроятности, я долженъ буду отказаться отъ мысли принципиальной защиты и, вѣроятно, закончу рѣчь просьбою къ первоприсутствующему такого содержания: чтобы рѣчь прокурора была отпечатана съ точностью. Такимъ образомъ, она будетъ отдана на судъ общественный и судъ Европы...

Первоприсутствующій снова прерываетъ Желябова.

Желябовъ: Теперь я сдѣлаю еще попытку. Непродолжительный періодъ нахождения нашего въ народѣ показалъ всю книжность, все доктринерство нашихъ стремленій, а съ другой стороны—убѣдилъ, что въ народномъ сознаніи есть много такого, за что слѣдуетъ держаться, на чемъ до поры до времени слѣдуетъ остановиться. Считаю, что при тѣхъ препятствіяхъ, какія ставило правительство, невозможно провести въ народное сознаніе социалистическіе идеалы цѣлостно, социалисты перешли къ народникамъ... Мы рѣшились дѣйствовать во имя сознанныхъ народомъ интересовъ уже не во имя чистой доктрины, а на почвѣ интересовъ, присущихъ народной жизни, имъ признаваемыхъ. Это отличительная черта народничества. Изъ мечтателей-метафизиковъ оно перешло въ позитивизмъ и держалось почвы—это основная черта народничества.

Дальше. Такимъ образомъ измѣнился характеръ нашей дѣя-



Тимофей Михайлович
МИХАЙЛОВЪ.

тельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства борьбы,—пришлось отъ слова перейти къ дѣлу. Вмѣсто пропаганды социалистическихъ идей выступаетъ на первый планъ агитаціонное возбужденіе народа во имя интересовъ, присущихъ его сознанію. Вмѣсто мирнаго слова мы сочли нужнымъ перейти къ фактической борьбѣ. Эта борьба всегда соотвѣтствуетъ количеству накопленныхъ силъ. Прежде всего ее рѣшили пробовать на мелкихъ фактахъ. Такъ дѣло шло до 1878 г. Въ 1878 г. впервые, насколько мнѣ извѣстно, явилась мысль о борьбѣ болѣе радикальной, явились помыслы разсѣчь Гордіевъ узелъ, такъ что событіе 1-го марта по замыслу нужно отнести къ зимѣ 1877—1878 гг. Въ этомъ отношеніи 1878 г. былъ переходный, что видно изъ документовъ, напр. брошюры: «Смерть за смерть». Партія не уяснила еще себѣ вполне значенія политическаго строя въ судьбахъ русскаго народа, и хотя всѣ условія наталкивали ее на борьбу съ политическою системою...

Первоприсутствующій: Вы опять говорите о партіи...

Желябовъ: Я принималъ участіе въ ней...

Первоприсутствующій: Говорите только о себѣ.

Желябовъ: Все толкало меня, въ томъ числѣ, на борьбу съ правительственною системою. Тѣмъ не менѣе, я еще лѣтомъ 1878 г. находился въ деревнѣ, дѣйствуя въ народѣ. Въ зиму 1878—79 г. положеніе вещей было совершенно безвыходное, и весна 1879 г. была проведена мною на югѣ въ заботахъ, относившихся прямо къ этого рода предпріятіямъ. Я зналъ, что въ другихъ мѣстахъ товарищи озабочены тѣмъ же, въ особенности на сѣверѣ, что на сѣверѣ этотъ вопросъ даже породилъ расколъ въ тайномъ обществѣ, въ организаціи «Земли и Воли», что часть этой организаціи ставитъ себѣ именно тѣ задачи, какъ и я съ нѣкоторыми товарищами на югѣ. Отсюда естественно сближеніе, которое перешло на липецкомъ съѣздѣ въ сліяніе. Тогда сѣверяне, а затѣмъ часть южанъ, собравшись въ лицѣ своихъ представителей на съѣздѣ, опредѣлили новое направленіе. Рѣшенія липецкаго съѣзда были вовсе не такъ узки, какъ здѣсь излагалось въ обвинительной рѣчи. Основные положенія новой программы были таковы: политическій строй...

Первоприсутствующій: Подсудимый, я рѣшительно лишу васъ слова, потому что вы не хотите слѣдовать моимъ указаніямъ. Вы постынно впадаете въ изложеніе теоріи.

Желябовъ: Я обвиняюсь за участіе на липецкомъ съѣздѣ...

Первоприсутствующій: Нѣтъ, вы обвиняетесь въ совершеніи покушенія подъ Александровскомъ, которое, какъ объясняетъ обвинительная власть, составляетъ послѣдствіе липецкаго съѣзда.

Желябовъ: Если только я обвиняюсь въ событіи 1-го марта и затѣмъ въ покушеніи подъ Александровскомъ, то въ такомъ случаѣ моя защита сводится къ заявленію: да, такъ какъ фактически это подтверждено. Голое признаніе факта не есть защита...

Первоприсутствующій: Отношеніе вашей воли къ этому факту...

Желябовъ: Я полагаю, что уясненіе того пути, какимъ развивалось мое сознаніе, идея, вложенная въ это предпріятіе...

Первоприсутствующій: Объясненіе вашихъ убѣжденій, вашего личнаго отношенія къ этимъ фактамъ я допускаю. Но объясненія убѣжденій и взглядовъ партіи не допушу.

Желябовъ: Я этой рамки не понимаю.

Первоприсутствующій: Я прошу васъ говорить о себѣ, о своемъ личномъ отношеніи къ факту, какъ физическомъ, такъ и нравственномъ, объ участиіи вашей воли, о вашихъ дѣйствіяхъ.

Желябовъ: На эти вопросы коротко я отвѣчалъ въ началѣ судебного засѣданія. Если теперь будетъ мнѣ предоставлено говорить только такъ же кратко, зачѣмъ тогда повторяться и обременять вниманіе суда...

Первоприсутствующій: Если вы болѣе ничего прибавить не имѣете...

Желябовъ: Я думаю, что я вамъ сообщилъ скелетъ. Теперь желалъ бы я изложить душу...

Первоприсутствующій: Вашу душу, но не душу партіи.

Желябовъ: Да, мою. Я участвовалъ на липецкомъ съѣздѣ. Рѣшенія этого съѣзда опредѣлили рядъ событій, въ которыхъ я принималъ участіе и за участіе въ которыхъ я состою въ настоящее время на скамьѣ подсудимыхъ. Поскольку я принималъ участіе въ этихъ рѣшеніяхъ, я имѣю право касаться ихъ. Я говорю, что намѣчена была задача не такая узкая, какъ говоритъ прокуроръ: повтореніе покушеній, и, въ случаѣ неудачи, совершеніе удачнаго покушенія во что бы то ни стало. Задачи, на липецкомъ съѣздѣ поставленные, были вовсе не такъ узки. Основное положеніе было такое, что социально-революціонная партія — и я въ томъ числѣ, это мое убѣжденіе — должна удѣлить часть своихъ силъ на политическую борьбу. Намѣченъ былъ и практическій путь: это путь насильственнаго переворота путемъ заговора, и для этого организація революціонныхъ силъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. До тѣхъ поръ я лично не видѣлъ надобности въ крѣпкой организаціи. Въ числѣ прочихъ социалистовъ я считалъ возможнымъ дѣйствовать, опираясь по преимуществу на личную инициативу, на личную предпримчивость, на личное умѣніе. Оно и понятно. Задача была такова: уяснить сознаніе возможно большаго числа лицъ, среди которыхъ живешь: организованность была нужна только для полученія такихъ средствъ, какъ книжки, и доставка ихъ изъ-за границы, печатаніе ихъ въ Россіи было также организовано. Все дальнѣйшее не требовало особой организованности. Но разъ была поставлена задача насильственнаго переворота, задача, требующая громадныхъ организованныхъ силъ, мы, и я между прочимъ, озаботились созиданіемъ этой организаціи въ гораздо большей степени, чѣмъ покушенія. Послѣ липецкаго съѣзда, при такомъ взглядѣ на надобность организаціи, я присоединился къ организаціи, въ центрѣ которой сталъ Исполнительный Комитетъ, и содѣйствовалъ рас-

ширенію этой организаціи: въ его духѣ я старался вызвать къ жизни организацію единую, централизованную, состоящую изъ кружковъ автономныхъ, но дѣйствующихъ по одному общему плану, въ интересахъ одной общей цѣли. Я буду резюмировать сказанное. Моя личная задача, цѣль моей жизни было служить общему благу. Долгое время я работалъ для этой цѣли путемъ мирнымъ и только затѣмъ былъ вынужденъ перейти къ насилію. По своимъ убѣжденіямъ я оставилъ бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т. е. мирной пропаганды своихъ идей, мирной организаціи своихъ сторонниковъ. Въ своемъ послѣднемъ словѣ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я сказалъ бы еще слѣдующее: мирный путь возможенъ; отъ террористической дѣятельности я, напимѣръ, отказался бы, если бы измѣнились вѣщныя условія...

Когда Желябову предоставили сказать послѣднее слово на судѣ, онъ заявилъ:

— Я имѣю сказать только одно: на дознаніи я былъ очень кратокъ, зная, что показанія, данныя на дознаніи, служатъ лишь цѣлямъ прокуратуры, а теперь я сожалею и о томъ, что говорилъ здѣсь, на судѣ.—Больше ничего!..

Н. И. Кибальчичъ подробно изложилъ въ связномъ разсказѣ стремленія тайнаго общества, принявшаго наименованіе «Народной Воли», и причины, которыя, по мнѣнію его, заставили лицъ социалистическаго образа мыслей перейти отъ мирной пропаганды къ политической борьбѣ, выразившейся въ послѣднее время въ террористической формѣ. Между прочимъ онъ сказалъ:

«Въ 1874 и 1875 годахъ, когда преобладающимъ настроеніемъ въ партіи явилось желаніе идти въ народъ, слиться съ народною массою, отречься отъ той среды, въ которой мы были воспитаны, я тоже сочувствовалъ и раздѣлялъ взгляды этого направленія. Вѣроятно, я бы осуществилъ свою задачу, если бы этому не помѣшала арестъ. Конечно, если бы не тотъ арестъ, если бы не строгія мѣры властей по отношенію къ дѣтелямъ, ходящимъ въ народъ, то я бы ушелъ въ народъ и былъ бы до сихъ поръ тамъ. Цѣли, которыя я ставилъ, были отчасти культурнаго характера, отчасти социалистическаго, а именно—поднять умственный и нравственный уровень массы, развитіе общинныя инстинкты и наклонности, которые существуютъ въ народѣ, до социалистическихъ инстинктовъ и привычекъ. Я былъ остановленъ арестомъ. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, такъ сказать, патріархально, что ли, къ дѣятельности партіи, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы. Мы все не обвинялись бы теперь въ переубійствѣ, а были бы среди городского и крестьянскаго населенія. Ту изобрѣтательность, которую я проявилъ по отношенію къ метательнымъ снарядамъ, я, конечно, употребилъ бы на изученіе кустарнаго производства, на улучшеніе способа обработки земли, на улучшеніе сельскохозяйственныхъ орудій и т. д.»

Затѣмъ, подсудимый заявилъ, что ему остается повторить сущность переданныхъ въ обвинительномъ актѣ обстоятельствъ, и на предложеніе первоприсутствующаго подтвердить таковыя, показалъ:

«Видя обостреніе борьбы правительства съ партіей и предвидя, что ей придется прибѣгать къ такимъ средствамъ, на которыя она раньше не рѣшалась, я рѣшился запастись тѣми техническими и химическими свѣдѣніями, которыя для этого нужны. Я прочиталъ все, что могъ достать на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, касающееся литературы взрывчатыхъ веществъ, старался идти, такъ сказать, au courant науки по данному вопросу, и все время, когда велась эта борьба, пока являлась необходимость для партіи въ техническихъ свѣдѣніяхъ, я содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи партіи. Такимъ образомъ, я участвовалъ въ покушеніяхъ: подъ Москвою, Александровскомъ и Одессою и вмѣстѣ съ другими лицами принималъ участіе въ изготовленіи снарядовъ. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Одессу, я занимался подготовленіемъ веществъ, необходимыхъ для взрыва. О московскомъ покушеніи я только зналъ, что оно должно совершиться. Относительно александровскаго покушенія мое участіе ограничивалось доставленіемъ туда спирали, которая не пошла въ дѣло. Затѣмъ я переѣхалъ въ Петербургъ. Всякій разъ, когда являлась надобность готовить динамитъ, я участвовалъ въ этомъ. Но нужно замѣтить, что мое участіе въ террористической дѣятельности ограничивалось исключительно научною техническою сферою. Я говорю это не для того, чтобы снимать съ себя часть обвиненія, а просто по чувству справедливости. Я не принималъ участія въ обсужденіи вопроса о томъ, какимъ образомъ произвести взрывъ, и гдѣ и какіе люди будутъ въ этомъ участвовать. Мое участіе было чисто научное. Я даже не зналъ относительно взрыва 5-го февраля, что такой взрывъ будетъ. Я принималъ участіе въ приготовленіи динамита для этого взрыва, но о самомъ взрывѣ и о формѣ его я узналъ только изъ газетъ. Точно также чувство справедливости побуждаетъ меня заявить, что въ изготовленіи метательныхъ снарядовъ, т. е. въ изобрѣтеніи идеи, въ приспособленіяхъ участвовалъ не я одинъ. Это была скорѣе коллективная работа».

Первоприсутствующій: Для суда необходимо знать, приготовляя динамитъ и снаряды, знали вы, что они предназначаются для этой цѣли?

Кибальчичъ: Да, конечно, это не могло не быть мнѣ извѣстно. Я зналъ и не могъ не знать. Я долженъ повторить еще то, что сказалъ относительно своего участія въ минѣ на Малой Садовой. Я не принималъ тамъ участія въ подкопѣ, и вся моя задача ограничивалась научнымъ и техническими совѣтами и указаніями и затѣмъ устройствомъ запала. Такъ, я долженъ былъ рѣшить вопросъ, какое количество динамита въ минѣ на Малой Садовой должно быть употреблено для того, чтобы, во первыхъ, дости-

гнуть предположенной цѣли, а во вторыхъ—не принести никакого вреда частнымъ лицамъ, которыя находились бы на тротуарѣ, а тѣмъ болѣе въ домахъ. Я обсуждалъ этотъ вопросъ и рѣшилъ, что употребленное количество динамита было, такъ сказать, минимальнымъ, которое необходимо для того, чтобы достигнуть цѣли и не принести ущерба частнымъ лицамъ.

О своемъ фактическомъ отношеніи къ событію 1-го марта я говорилъ уже раньше. Теперь, пользуясь правомъ слова, мнѣ предоставленнымъ, я скажу о своемъ нравственномъ отношеніи, о томъ логическомъ пути, по которому я пришелъ къ извѣстнымъ выводамъ. Я, въ числѣ другихъ социалистовъ, признаю право каждого на жизнь, свободу, благосостояніе и развитіе всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ человѣческой природы. Съ этой точки зрѣнія лишеніе жизни человѣка, и не съ этой только, но и вообще съ человѣческой точки зрѣнія—является вещью ужасною. Г. прокуроръ въ своей рѣчи, блестящей и красивой, заявилъ сомнѣніе на мое возраженіе, высказанное раньше, что для меня лично и для партіи вообще желательно прекращеніе террористической дѣятельности и направленіе силы партіи исключительно на дѣятельность другую; онъ выставилъ въ частности меня и вообще партію—лицами, проповѣдующими терроръ для террора, выставилъ лицами, предпочитающими насильственные дѣйствія мирнымъ средствамъ только потому, что они насильственные... Какая это странная, невѣроятная любовь къ насилию и крови! Мое личное желаніе и желаніе другихъ лицъ, какъ мнѣ извѣстно, мирное рѣшеніе вопроса...

Г. прокуроръ говорилъ, что весьма важно выясненіе нравственной личности подсудимаго. Я полагаю, что то, что я говорю, относится къ характеристикѣ моей нравственной и умственной личности, если я заявляю свое мнѣніе объ извѣстныхъ существенныхъ вопросахъ, которые теперь волнуютъ всю Россію и обращаютъ на себя вниманіе. Я внимательно слѣдилъ за рѣчью г. прокурора, а именно за тѣмъ, какъ онъ опредѣляетъ причину революціоннаго движенія, и вотъ что я вынесъ: произошли реформы, всѣ элементы были передвинуты, въ обществѣ образовался негодный осадокъ, этому осадку нечего было дѣлать, и, чтобы изобрѣсти дѣло, этотъ осадокъ изобрѣлъ революцію. Вотъ отношеніе г. прокурора къ этому вопросу. Теперь въ отношеніи къ вопросу о томъ, какимъ же образомъ достигнуть того, чтобы эти печальныя событія, которыя всѣмъ извѣстны, больше не повторялись, какъ вѣрное для этого средство—имъ указывается на то, чтобы не давать никакихъ послабленій, чтобы карать и карать; но къ сожалѣнію, я не могу согласиться съ г. прокуроромъ въ томъ, чтобы рекомендованное имъ средство привело къ желательному результату».

С. Л. Перовская: Я признаю себя членомъ партіи «Народной Воли» и агентомъ исполнительнаго комитета». Относительно взглядовъ, которыхъ придерживается партія «Народной Воли» и кото-

рыхъ придерживаюсь и я, въ дополненіе къ словамъ моего товарища, я замѣчу только одно: партія «Народной Воли» отнюдь не считаетъ возможнымъ навязывать какія бы то ни было учрежденія или общественныя формы народу и обществу и полагаетъ, что народъ и общество рано или поздно примутъ эти взгляды и осуществятъ ихъ въ жизни. Что касается до фактической стороны, то я дѣйствительно признаю, что, по порученію «исполнительнаго комитета» какъ его агентъ, принимала участіе въ покушеніи подъ Москвою 19-го ноября 1879 г. и въ покушеніи 1-го марта нынѣшняго года...

Много, очень много обвиненій сыпалось на насъ со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвиненій я не буду ничего говорить,—я всѣ ихъ подтвердила на дознаніи, но относительно обвиненія меня и другихъ въ безнравственности, жестокости и пренебреженіи къ общественному мнѣнію, относительно всѣхъ этихъ обвиненій я позволю себѣ возразить и сошлюсь на то, что тотъ, кто знаетъ нашу жизнь и условія, при которыхъ намъ приходится дѣйствовать, не броситъ въ насъ ни обвиненія въ безнравственности, ни обвиненія въ жестокости».



Письмо А. И. Желябова къ М. П. Драгоманову ¹⁾.

Понедѣльникъ, 12 мая 1880 г.

Многоуважаемый Михаилъ Петровичъ!

Два раза пришлось намъ встрѣтиться, теперь приходится писать, и все при обстоятельствахъ крайне своеобразныхъ. Помню первую встрѣчу въ 1873 году въ Кіевѣ, на квартирѣ Х. и У. Сидитъ кучка старыхъ, престарыхъ нигилистовъ за сапожнымъ столомъ, сосредоточенно изучая ремесло. То знаменіе «движенія въ народъ» для жизни честной, трудовой... Программа журнала «Впередъ» прочтена и признана за желательное. «Но какова то дѣйствительность?» спрашивалъ себя каждый и спѣшилъ погрузиться въ невѣдомое народное море. Да, славное было время!... Наступила зима 1875—76 г. Тюрьмы переполнены народомъ; сотни жизней перебиты; но движеніе не унялось; только пріемъ борьбы перемѣнился, и на смѣну пропаганды научнаго социализма, умудренные опытомъ, выдвинули бойцы на первый планъ агитацію словомъ и дѣломъ на почвѣ народныхъ требованій. Въ то же время всколыхнулася украинская громада и, вѣрная своему основному принципу народолюбства,—замыслила цѣлый рядъ предприятий на пользу родной Украины. Въ эту зиму Вы пріѣхали въ NN... и мы повидались съ Вами вторично... Много ли времени ушло, подумаешь, а сколько перемѣн!... Взять хоть бы этотъ уголокъ...—Я видѣлъ расцвѣтъ тамошней громады, ея живыя начинанія. Медленно, но непрерывно сливались тамъ въ одно два революціонные потока — обще-русскій и украинскій; не федералія, а единство было недалеко, и вдругъ... все пошло прахомъ. Соблазнилися старики выгодой легальнаго положенія, медлили покинуть насиженные гнѣзда, и погибли для борьбы славные люди, погибли начинанія. На мѣстѣ ихъ грубое насилие нагло праздновало побѣду. Но что смутило торжество злорадныхъ, нагнало панику на нихъ? Не совѣсть ли проснулась въ гонителяхъ безпо-

¹⁾ Письмо это, послѣ смерти А. И. Желябова, было напечатано въ журналѣ „Вольное Слово“, а затѣмъ вмѣстѣ съ небольшимъ предисловіемъ къ нему М. П. Драгоманова издано отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ „Къ біографіи Желябова“. Мы перепечатаваемъ его здѣсь, ибо убѣждены, что множеству читателей, не взирая на двукратное уже напечатаніе заграницею этого письма (въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ, т. е. свыше 20 лѣтъ тому назадъ), оно совершенно неизвѣстно, а между тѣмъ въ немъ очень ярко отражаются взгляды и самая личность А. И. Желябова.

Ред.

падныхъ? То остатки народниковъ-революціонеровъ начали наступленіе, но уже по новому плану борьбы. Трусливые тираны инстинктивно познали, что слабое мѣсто ихъ открыто, что власть и самая жизнь ихъ—на кону. Какъ звѣрь, почувствовавшій глубокую рану, стало правительствовъ рвать и метать, не разбирая своихъ и чужихъ, а Дамокловъ мечъ по прежнему недосыгаемо, грозно виситъ надъ его головой... Пришло раздумье на начальство: не поступиться ли? Правительству стало яснымъ положеніе его: всѣ считаютъ дни его сочтенными; нравственной поддержки ему ни отъ кого; только трусость, своекорыстіе и неспособность къ солидарному дѣйствію въ однихъ, да расхожденіе въ пониманіи задачъ между другими удерживаютъ правительство отъ паденія. Своевременно уступить подъ благовиднымъ предлогомъ—таково требованіе политики; но не того хочетъ властолюбивый старикъ и, по слухамъ, его сынъ. Отсюда двойственность, колебаніе во внутренней политикѣ. Въ расчетѣ лишить революцію поддержки, Лорисъ родитъ упованія; но, безсильный удовлетворить ихъ, приведетъ лишь къ пущему разочарованью. Какой удобный моментъ для подведенія итоговъ! А между тѣмъ все молчитъ; молчатъ, когда активное участіе къ дѣлу революціи всего обязательнѣе, когда два три толчка, при общей поддержкѣ, и правительство рухнетъ. Отъ общества, всегда дряблага, многого требовать нельзя; но русскіе революціонеры, какой процентъ изъ нихъ борется активно? Расхожденіе въ пониманіи ближайшихъ задачъ...

Неужто и Вы, Михаилъ Петровичъ, не признаете близкихъ реальныхъ выгодъ для народа отъ нашей борьбы? Этого не можетъ быть: за насъ Ваши литературныя произведенія, Ваша отзывчивость на живое дѣло, Ваша склонность найти практическій исходъ. Къ сожалѣнію, недосугъ, а также расходы на неотложныя дѣла мѣшали поѣздкамъ нашимъ съ цѣлями организаціонными и въ частности, для защиты своей программы. Съ проваломъ типографіи мы лишились возможности разъяснять ее путемъ печати. Выходить въ результатѣ, что комментаторами ея вообще, а за границей чуть ли не исключительно являются лица, отрицающія ее вполне или въ значительной мѣрѣ. А намъ крайне интересно было бы знать Ваше личное мнѣніе о программѣ, и было бы очень хорошо, если Вы пришлете критику ея черезъ ZZ, пока не будутъ установлены межъ нами непосредственныя отношенія, а, можетъ быть, и сотрудничество Ваше въ «Народной Волѣ». Это первое, о чемъ пишу я по порученію товарищей. Второе: Вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнѣніе Европы въ нашу пользу, о чемъ подробно сообщить податель письма. Третье: Ваше положеніе, какъ представителя украинскаго революціоннаго направленія, какъ дѣятеля, извѣстнаго въ Россіи, какъ революціонера съ исключительнымъ прошлымъ, обязываетъ Васъ, Михаилъ Петровичъ, принять дѣятельное участіе въ злѣбѣ дня родной страны. Вѣдь не даромъ же на Украинѣ многіе зовутъ Васъ «батькой!» А что дѣлаютъ они? И кто повиненъ кромѣ нихъ? Насъ, убѣж-

денныхъ автономистовъ, винять въ централизмъ... за Учредительное Собраніе. Во первыхъ, не хотять понять, что Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидаціонная коммиссія, а, во вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыми нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши феніи, Парнеллы? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшей задачей требованія политическія, видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части и требуешь Учредительнаго Собранія. Не велика заслуга предъ отечествомъ аскета хранителя общественнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочли быть мірянами.

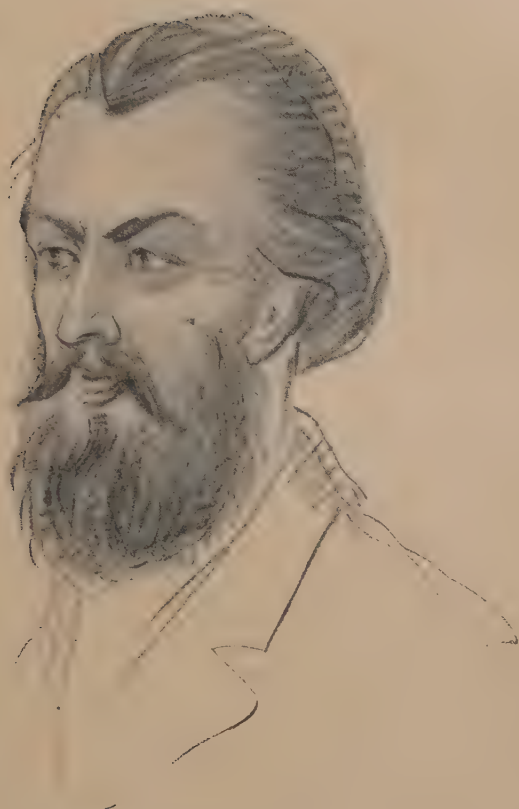
Еще одна просьба къ Вамъ, Михайлъ Петровичъ! Не согласитесь ли Вы быть хранителемъ нашего архива? Матеріалъ тамъ весьма цѣнный для исторіи современнаго движенія, а между тѣмъ онъ проваливается здѣсь чуть ли не періодически. Храненіе это мы предлагаемъ Вамъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) право собственности на архивъ остается за нами; ни одна вещь отсюда не можетъ быть отчуждена; 2) въ отношеніи пользованія матеріалъ будетъ подѣленъ на двѣ части, изъ коихъ одной можете пользоваться свободно; другая связана съ живыми людьми и текущими дѣлами; пользоваться ей Вы могли бы, получивъ въ каждомъ частномъ случаѣ наше согласіе; 3) передать архивъ на храненіе можете съ нашего согласія; 4) узнавать насъ (редакцію «Народной Воли») по паролю, зашифрованному нами ключемъ, Вамъ извѣстнымъ...



Къ портрету А. И. Желябова.

Не взирая на всѣ наши старанія, фотографической карточки А. И. Желябова намъ достать не удалось, и мы помѣщаемъ его портретъ съ карандашнаго рисунка, сдѣланнаго однимъ лицомъ съ натуры въ залѣ суда, въ которой происходилъ процессъ Желябова и его товарищей. Лица, близко знавшія Желябова, находятъ, что рисунокъ имѣетъ большое сходство съ оригиналомъ; тѣмъ не менѣе,—это не фотографія, и мы обращаемся къ нашимъ читателямъ съ просьбою доставить намъ для воспроизведенія карточку Желябова. Такой карточкой, какъ оказывается, не располагаетъ и департаментъ полиціи, не имѣвшій, впрочемъ, понятія о существованіи на свѣтѣ и того карандашнаго рисунка, копію съ котораго мы помѣщаемъ въ этой книжкѣ. По крайней мѣрѣ, въ изданной департаментомъ полиціи на французскомъ языкѣ всего въ 100 экземплярахъ (*tiré à 100 exemplaires*) подъ редакцію товарища министра внутреннихъ дѣлъ генераль-лейтенанта Шебеко (*redigée sous la direction de l'Adjoint du Ministre de l'intérieur, le lieutenant-général Schébéco*) книгѣ «*Chronique du mouvement socialiste en Russie 1878—1887*» XI + 761 ps. Imprimerie officielle du Ministère de l'intérieur, à St.-Petersbourg. 1890) и разсылавшейся издателями особо высокопоставленнымъ лицамъ при надписи «*Confidentiel et exclusivement personel*», напечатаны о Желябовѣ такія строки:

«*Ses traits et son extérieur ne purent être conservés pour la posterité, car une fois détenu, il ne consentit jamais à se faire photographier, et fit les plus grandes contorsions et grimaces en posant devant l'appareil. Il n'existe de lui qu'un petit médaillon paru dans le «Calendrier de la Volonté du Peuple pour 1883», fait d'après un croquis, crayonné de memoiré par un de ses affiliés.*» (стр. 319). Далѣе авторы книги критикуютъ появившійся въ «Календарѣ Народной Воли» медальонъ, находя, что онъ «*ne ressemblait point à l'original*» и описываютъ этотъ «*original*», какъ «*doué d'une physiognomie vivace, énergique, brutal et grossière, type d'une organisation forte et robuste, à la tête habituée au commandement, avec un rire ouvrant deux rangées de dents éclatantes, une espèce de bandit terroriste, qui se forme peu à peu, à la suite d'une activité prolongée dans les*

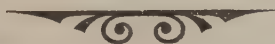


Андрей Ивановичъ
ЖЕЛЯБОВЪ.

(Съ рисунка, сдѣланнаго карандашомъ съ натуры по
время суда).

ténébres sinistres du crime» (*ibid.*), но это прекрасное словіе департаментскихъ писцовъ представляетъ уже для читателей, конечно, мало интереса. Фактъ тотъ, что Шебеко и К^о говорятъ совсѣмъ о другомъ портретѣ, нежели тотъ, который нынѣ нами помѣщается. Кто видѣлъ портретъ Желябова въ «Календарѣ Народной Воли», — дѣйствительно очень плохой профиль, — тому не нужно доказательствъ; для невидѣвшихъ же его можно сослаться хотя бы на то, что сами департаментскіе писцы, описывая это изображеніе, говорятъ, что оно (изображеніе) «ne présente qu'un profil».

Ред.



Мой арестъ въ 1881 году.

На дняхъ мнѣ пришлось прочесть въ одной газетѣ воспоминанія неизвѣстнаго мнѣ лица о мартовскихъ событіяхъ 1881 года и въ частности о моемъ арестѣ въ Петербургѣ. Воспоминанія эти полны невѣрностей, и вотъ что случилось со мною въ дѣйствительности передъ событіемъ 1 марта.

Приѣхалъ я въ послѣдній разъ въ Петербургъ въ концѣ января 1881 года и остановился въ меблированныхъ комнатахъ Миссюро на углу Невскаго и Караванной. На другой день по приѣздѣ, мнѣ нужно было узнать адресъ у одного моего знакомаго, который служилъ въ конторѣ паровой хлѣбопекарни, на Васильевскомъ островѣ. Выйдя изъ дому и пройдя два-три квартала, я взялъ извозчика и отправился на Васильевскій островъ. Пробывъ съ четверть часа у знакомаго, я вышелъ и увидѣлъ, что съ моимъ извозчикомъ разговариваетъ подозрительный человѣкъ. Догадавшись, что это агентъ полиціи, освѣдомляющійся у извозчика о мѣстѣ, откуда онъ меня привезъ, я сѣлъ въ сани и поѣхалъ въ университетъ. Расплатившись съ извозчикомъ, я не раньше вышелъ изъ университета, какъ пробывши тамъ довольно продолжительное время.

Я не ошибся. Въ тотъ же день я узналъ, что за посѣтителями конторы паровой хлѣбопекарни наблюдаютъ. Послѣ этого вплоть до 25-го февраля я ничего особеннаго не замѣчалъ. Утромъ 25-го февраля я обратилъ вниманіе на своего сосѣда по квартирѣ, носившаго флотскую форму отставнаго капитана. Его предупредительность въ оказываніи мнѣ мелкихъ домашнихъ услугъ была настолько подозрительна, что я рѣшилъ перемѣнить квартиру. Но этому не суждено было сбыться.

Впослѣдствіи стало извѣстно, что рядомъ съ той комнатой, которую я занималъ, былъ помѣщенъ шпіонъ. Еще осенью 1880 года я получилъ извѣстіе изъ Крыма, что меня тамъ разыскиваютъ, но званіе помощника присяжнаго повѣреннаго было такъ удобно для конспиративной дѣятельности, что безъ солидныхъ причинъ мнѣ не хотѣлось стать нелегальнымъ. Меркуловъ хотя и былъ уже арестованъ, но тогда еще не началъ выдавать. 27-го февраля я вернулся домой отъ Николая Евгеньевича Суханова въ половинѣ седьмого вечера. Черезъ полчаса входитъ ко мнѣ Желябовъ и, поздоровавшись, говоритъ: «У тебя въ корридорѣ, кажется, полиція». Желая узнать въ чемъ дѣло, я сейчасъ же вышелъ въ корридоръ, но едва успѣлъ сказать,—Катя (служанка), принесите самоваръ,—какъ былъ подхваченъ со всѣхъ сторонъ толпою людей, выбѣжавшихъ изъ противоположнаго пустого номера. Меня отвели въ пустой номеръ, гдѣ

сейчасъ же и обыскали. Одновременно былъ арестованъ Желябовъ въ моемъ номерѣ. Минуть черезъ 20 каждого изъ насъ посадили съ конвоемъ въ отдѣльную карету и повезли въ канцелярію градоначальника. Градоначальникомъ въ то время былъ Федоровъ. Тамъ же присутствовалъ товарищъ прокурора судебной палаты, состоящій при департаментѣ полиціи,—Добржинскій. Послѣ обычныхъ вопросовъ, градоначальникъ спросилъ меня: «какъ фамилія товарища вашего, котораго у васъ арестовали?» На это я ему отвѣтилъ—«потрудитесь обратиться съ этимъ вопросомъ къ моему товарищу; въ такихъ учрежденіяхъ я не имѣю обыкновенія говорить о другихъ и отвѣчать за другихъ». На вопросъ товарища прокурора Добржинскаго «какъ вы могли проживать подѣ своимъ именемъ въ то время, когда мы васъ давно разыскиваемъ», я сказалъ, что состою помощникомъ присяжнаго повѣреннаго при Одесскомъ окружномъ судѣ, и найти меня было весьма легко. Въ десятомъ часу вечера насъ повезли въ тѣхъ же каретахъ въ домъ предварительнаго заключенія. Здѣсь, въ конторѣ, въ ожиданіи управляющаго домомъ, который долженъ былъ принять насъ подѣ росписку, встрѣтились мы съ Желябовымъ въ послѣдній разъ. Онъ успѣлъ мнѣ сказать, что лишь только онъ вошелъ въ канцелярію градоначальника, какъ товарищъ прокурора Добржинскій встрѣтилъ его восклицаніемъ: «Желябовъ, да это вы!» Желябовъ не нашелъ нужнымъ это отрицать. Добржинскій зналъ Желябова по Одессѣ въ то время, когда Желябовъ привлекался по процессу 193-хъ. По этому процессу Желябовъ былъ оправданъ, но, по возвращеніи въ Одессу, онъ состоялъ подѣ надзоромъ полиціи. Мы обнялись, и насъ развели по камерамъ... Я зналъ Желябова съ 5-го класса Керченской гимназіи, куда я перешелъ изъ Симферопольской гимназіи. Одновременно мы окончили гимназію и поступили въ Новороссійскій университетъ на юридическій факультетъ. На 2-мъ курсѣ, по поводу исторіи съ профессоромъ славянскихъ законодательствъ Богишичемъ, душою которой былъ Желябовъ, онъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Керчь. Во время исторіи меня въ Одессѣ не было. Приѣхалъ я уже наканунѣ отправки на пароходѣ Желябова въ Керчь. На пристани собрались почти всѣ студенты Новороссійскаго университета и масса посторонней публики провожать Желябова. Въ періодъ моей революціонной дѣятельности я часто съ нимъ встрѣчался. Я зналъ близко Желябова и постараюсь со временемъ возстановить образъ этого замѣчательнаго революціоннаго дѣятеля освободительнаго движенія. Заканчиваю. Въ ночь съ 1-го на 2-ое марта перевезли меня изъ дома предварительнаго заключенія въ Петропавловскую крѣпость. Въ моей квартирѣ взяли около 200 номеровъ «Народной Воли». Въ карманѣ у меня нашли рукопись «О провинціальныхъ революціонныхъ организаціяхъ и отношеніи ихъ къ центральной организаціи».

М. Тригони.

Андрей Ивановичъ Желябовъ.

(Отрывки изъ воспоминаній) ¹⁾.

Послѣ оправдательнаго приговора по «Большому процессу» (193-хъ), длившемуся съ 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г., *Андрей Ивановичъ Желябовъ*, съ цѣлью пропаганды, лѣто 1878 г. провелъ въ Подольской губерніи, въ качествѣ бахчевода, а осенью того же года переѣхалъ въ Одессу, гдѣ я съ нимъ и познакомился.

По происхожденію, А. И. былъ крестьянинъ Таврической губерніи, Феодосійскаго уѣзда, деревни Николаевки, но Одесса для него была во многихъ отношеніяхъ роднымъ городомъ. Благодаря своей талантливости, рѣдкой энергіи и трудоспособности, онъ самъ себя прокладываетъ дорогу изъ деревни до университета: окончивъ гимназію, А. И. Поступилъ въ Новороссійскій университетъ, откуда въ 1872 г., въ возрастѣ 21-го года былъ удаленъ «за безпорядки» по извѣстному въ свое время дѣлу профессора-слависта Богишича.

Помимо университета, А. И. связанъ былъ съ Одессою и своимъ бракомъ: онъ былъ женатъ на дочери бывшаго одесскаго головы С. С. Яхненко. Вотъ это послѣднее обстоятельство и послужило первою причиною знакомства моего съ А. И. Дѣло въ томъ, что въ 1875 году я былъ приглашенъ учителемъ въ школу при сахарномъ заводѣ Яхненко и Симиренко, причемъ сталъ въ очень близкія отношенія съ послѣднимъ семействомъ и особенно съ Л. П. Симиренко. Представители семейства Яхненко, какъ родственники Симиренко, пріѣзжали изъ Одессы въ Городище, Кіевской губерніи,—въ 6-ти верстахъ отъ котораго расположенъ былъ сахарный заводъ,—и въ томъ числѣ бывала, кажется, и жена А. И., Ольга Семеновна Яхненко, хорошая пѣвица и піанистка. Я говорю «кажется», такъ какъ точно не помню, гдѣ я впервые познакомился съ женою Желябова, но, во всякомъ случаѣ, какъ съ С. С. Яхненко, такъ и съ его семействомъ,—главнымъ образомъ съ дочерьюми—Ольгою Семеновною и ея сестрою Натальею Семеновною,—я познакомился, вѣроятно, при посредствѣ семейства Симиренко и много ранѣе, чѣмъ съ Желябовымъ.

Мнѣ приходилось бывать въ Одессѣ и ранѣе 1878 г. и помню, что тогда уже я посѣщалъ Наталью Семеновну Яхненко, которая

¹⁾ Эти „отрывки“, прежде чѣмъ отправить въ „Былое“, я посылаю на просмотръ Л. П. Симиренко, который внесъ въ нихъ поправки и дополненія.

жила «на башнѣ» у Строгановскаго моста. Когда Л. П. Симиренко въ 1878 г. перевелся изъ Кіевскаго университета въ Новороссійскій и поселился въ г. Одессѣ, скоро и я переѣхалъ туда, причемъ мы жили въ одной съ нимъ квартирѣ. Въ это время и произошло мое знакомство съ Желябовымъ, какъ съ родственникомъ моего пріятеля Л. П. Симиренко. Съ перваго же раза А. И. произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и глубоко врѣзался въ моей памяти. Какъ сейчасъ вижу его внѣшній обликъ: ясные голубые глаза, открытый лобъ, небольшая окладистая борода, коренастая выше средняго роста фигура, гордая осанка, порывистая, нервная походка.

Широко образованный и начитанный, онъ въ то же время былъ прекрасный ораторъ и всегда говорилъ съ большимъ увлеченіемъ и непоколебимою убѣжденностью въ справедливости тѣхъ взглядовъ, которые онъ защищалъ. Въ этотъ періодъ А. И. былъ еще ярый народникъ-пропагандистъ, и, слушая его горячую защиту чисто пропагаторской дѣятельности среди народа, никто бы не повѣрилъ, что всего черезъ годъ онъ будетъ уже однимъ изъ самыхъ видныхъ членомъ партіи «Народной Воли», а черезъ три года—будетъ приговоренъ къ смертной казни за дѣятельное участіе въ дѣлѣ 1-го марта. Дальше мы скажемъ о причинѣ такой эволюціи въ міросозерцаніи Желябова, а сейчасъ постараемся, на сколько позволитъ память, сообщить еще нѣкоторыя данныя изъ описываемаго періода жизни А. И. въ Одессѣ. Онъ пользовался большою популярностью и уваженіемъ въ этомъ городѣ, энергично велъ пропаганду своихъ идей и приводилъ ихъ въ осуществленіе съ упорствомъ и настойчивостью, соотвѣтствовавшими его необыкновенно твердому характеру.

Между прочимъ, онъ и отъ жены своей требовалъ «сближенія съ народомъ».

Добрая Ольга Семеновна не могла не подчиниться властному призыву своего мужа, но это «сближеніе» было для нея мучительнымъ дѣломъ. Она сама мнѣ какъ-то говорила, что, работая на огородѣ (должно быть въ родной Желябову Николаевкѣ), она, лежа на межѣ, «плакала, вспоминая о роялѣ». Сообщала ли объ этомъ Ольга Семеновна Андрею Ивановичу, не знаю, но, думаю, такой мотивъ показался бы ему смѣшнымъ, потому что благо народа, какъ его понималъ Желябовъ, было самою существенною и, пожалуй,—единственною цѣлью его жизни.

У насъ (т. е. у меня и Л. П. Симиренко) съ нимъ велись горячіе споры на тему о благѣ народа, разномъ нами понимаемомъ. Я переѣхалъ на жительство въ Одессу послѣ трехъ лѣтъ учительства, во время котораго имѣлъ возможность довольно близко познакомиться съ деревнею и результатами пропаганды. Такая дѣятельность лично меня уже не удовлетворяла и казалась бесполезною.

Ужасающая безграмотность, тьма, невѣжество и безправіе крестьянскаго населенія совершенно парализовали пропагаторскую

работу, тѣмъ болѣе, что правительственныя репрессіи лишали возможности свободной работы въ деревнѣ. Для меня уже тогда начинало выясняться, что безъ политической свободы трудно, если не невозможно, что нибудь сдѣлать для народа. Конспиративная, тайная дѣятельность, не говоря уже о громадномъ % жертвъ, захватывала такіе ничтожные круги населенія, что, въ сущности говоря, овчинка не стоила выдѣлки. Между тѣмъ при политической свободѣ эта работа принимала совершенно иной характеръ, причемъ само населеніе выступало на сцену въ качествѣ полноправныхъ гражданъ. Желябовъ же продолжалъ еще вѣрить въ пропаганду, какъ въ таковую, и на этой почвѣ у насъ происходили споры. Но споры эти въ общемъ носили совершенно мирный характеръ, и за все время пребыванія въ Одессѣ Желябовъ чуть не ежедневно посѣщалъ нашу студенческую квартиру. Бывали и мы у него. Онъ жилъ тогда съ женою, и у него былъ маленький сынъ, тоже Андрей, очень, какъ помню, похожій на отца. Впрочемъ знакомство наше было непродолжительное. Весною 1879 года я случайно уѣхалъ за границу, и скоро по возвращеніи былъ арестованъ и затѣмъ одновременно съ Л. П. Симиренко высланъ въ Восточную Сибирь, гдѣ прожилъ до осени 1886 года. Слѣдовательно, въ моментъ рѣзкой эволюціи, происшедшей съ Желябовымъ, когда онъ изъ народника превратился въ горячаго народовольца, я и Симиренко не были въ Россіи. Но родственники послѣдняго писали намъ въ Сибирь, что А. И. «совершенно измѣнился». Въ чемъ заключалось это «измѣненіе», они не сообщали, да, несомнѣнно, и не знали, а догадывались по чисто внѣшнимъ признакамъ, онъ бросилъ пропагаторскую дѣятельность и весною 1879 г., когда были получены точныя свѣдѣнія объ ожидавшихъ его арестѣ и административной высылкѣ, перешелъ на нелегальное положеніе.

Изъ показаній А. И. на судѣ, по дѣлу 1-го марта, вполне выясняется причина измѣненій взглядовъ Желябова. «Я долго былъ въ народѣ,—говорилъ А. И.,—работалъ мирнымъ путемъ, но вынужденъ былъ оставить эту дѣятельность по той причинѣ, на которую указалъ Кибальчичъ. Оставляя деревню, я понималъ, что главный врагъ партіи народолюбцевъ-соціалистовъ—власти».

А Кибальчичъ, на котораго ссылался Желябовъ, выяснилъ это очень хорошо ¹⁾.

Вотъ въ чемъ, значитъ, заключались причины рѣзкой эволюціи Желябова, и разъ онъ пришелъ къ убѣжденію, «что главный врагъ партіи народолюбцевъ-соціалистовъ — власти», то можно было напередъ предсказать, что Желябовъ ни передъ чѣмъ не остановится, чтобы очистить препятствіе, мѣшающее ему достигнуть цѣли его жизни—блага народа, какъ онъ его понималъ. Съ момента вступленія его въ ряды «соціально-революціонной

¹⁾ См. выше напечатанную рѣчь Кибальчича на судѣ.

партіи» онъ проявляетъ просто неестественную энергію, что отъѣтилъ и обвинитель Н. В. Муравьевъ, бывший тогда лишь товарищемъ прокурора С.-Петербургской Судебной палаты и затѣмъ опредѣлившій свою карьеру процессомъ 1-го марта. Не смотря на то, что Желябовъ былъ арестованъ до царевубійства, 27-го февраля, г. Муравьевъ, «говоря языкомъ закона», нужно думать, совершенно вѣрно охарактеризовалъ его, какъ «главнаго виновника, зачинщика». Вообще обвинитель, при всемъ своемъ понятномъ желаніи умалить личность Желябова, все-же не могъ не охарактеризовать его, какъ выдающагося человѣка.

«Конечно,—между прочимъ говорилъ Муравьевъ,—мы не послѣдуемъ за умершимъ Гольденбергомъ, который, въ своемъ увлеченіи, называлъ Желябова личностью высоко развитою и геніальною. Мы, согласно желанію Желябова, не будемъ преувеличивать его значенія, дадимъ ему надлежащее мѣсто, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдадимъ ему и справедливость, сказавъ, что онъ былъ созданъ для роли вожака-злодѣя въ этомъ дѣлѣ». Въ другомъ мѣстѣ г. Муравьевъ характеризуетъ поразительную энергію Желябова: «уже лицейскій сѣздъ, лѣтомъ 1879 года, въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ членовъ своихъ, видитъ и Желябова. Прямо со сѣзда онъ отправляется въ Харьковъ, и здѣсь, въ сентябрѣ 1879 г., руководить сходками, происходящими между молодежью, на нихъ читаетъ лекціи, произноситъ рѣчи извѣстнаго содержанія и участвуетъ въ составленіи плановъ будущихъ дѣйствій; смыслъ же, революціонное значеніе этихъ дѣйствій, опредѣляются присланнымъ въ Харьковъ изъ Петербурга динамитомъ. Въ ноябрѣ 1879 г. устраивается взрывъ полотна близъ г. Александровска и день неудавшагося взрыва 18 ноября 1879 года застаетъ Желябова не только въ рядахъ первыхъ бойцовъ царевубійства, но и непосредственнымъ организаторомъ предпринимаемыхъ съ этою цѣлью злодѣйскихъ приготовленій. . . . Въ 1880 году мы находимъ Желябова въ Петербургѣ, въ качествѣ агента исполнительнаго комитета.... Желябовъ называетъ себя агентомъ третьей степени, агентомъ ближайшимъ къ комитету, агентомъ съ большимъ довѣріемъ. Но я полагаю, что со стороны Желябова это не лишняя скромность, и что если существуетъ соединеніе, присвоивающее себѣ названіе исполнительнаго комитета, то въ рядахъ этого соединенія почетное мѣсто принадлежитъ подсудимому Желябову, и не напрасно думалъ Рысаковъ, что совершеніе 1 марта приметъ на себя одинъ изъ членовъ исполнительнаго комитета. Понятно, впрочемъ, что сознаться въ принадлежности къ исполнительному комитету, значитъ сказать: вы имѣете предъ собою дѣятеля перваго ранга и вашимъ приговоромъ вы исключите изъ революціонныхъ рядовъ крупную силу одного изъ самыхъ видныхъ сподвижниковъ партіи». Такъ говорилъ товарищъ прокурора г. Муравьевъ.

3-го апрѣля 1881 г., въ 9 ч. 50 м. утра, въ С.-Петербургѣ, на

Семеновскомъ плацу Андрей Ивановичъ Желябовъ, 30 лѣтъ отъ роду, былъ повѣшенъ.

Погибла въ этотъ день громадная умственная и нравственная сила, погибла, въ расцвѣтѣ лѣтъ, погибла, благодаря ужасающему полицейско-бюрократическому режиму, который насильно толкаетъ людей на преступленіе, а потомъ вѣшаетъ и разстрѣливаетъ ихъ. Слезы выступаютъ на глазахъ, когда читаешь слѣдующее показаніе Желябова на судѣ: «Если вы, г.г. судьи, заглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что *въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною*». Къ этому я могу добавить, какъ уже и говорилъ, что еще въ 1878 году и въ началѣ 1879 г. А. И. находился въ періодѣ «юности, розовой и мечтательной», и лишь въ этомъ послѣднемъ, ужасномъ году, когда пошли невѣроятные аресты, ссылки и казни, особенно на югѣ Россіи, онъ вступилъ на тотъ путь, который привелъ его къ висѣлицѣ.

Закончимъ наше воспоминаніе небольшимъ, но очень характернымъ свѣдѣніемъ. У жены Желябова потребовали, чтобы она измѣнила свою и сына фамилію, и она, какъ и сынъ, послѣ казни А. И., стали носить фамилію Яхненко.

И. П. Бѣлоконскій.



Воспоминанія о С. Л. Перовской. ¹⁾

Въ первый разъ я увидѣла Софью Львовну Перовскую лѣтомъ 1875 г. въ Москвѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: идя по Никольскому бульвару я встрѣтила свою знакомую Н. А. Армфельдъ и остановилась на нѣсколько минутъ, чтобы поговорить съ ней. Подъ руку съ ней шла какая-то дѣвушка, скромно одѣтая въ темное платье и такую же простую шляпку. Она была очень миловидна и моложава; рядомъ съ Армфельдъ, ²⁾ отличавшейся гигантскимъ ростомъ, ея фигурка казалась миниатюрной. Я приняла ее за дѣвочку-подростка и мало обратила на нее вниманія. На другой день я снова встрѣтила ее въ обществѣ Армфельдъ и Батюшковой ³⁾, но встрѣчи эти были такъ мимолетны, что я даже не помню, познакомились ли мы съ ней въ этотъ разъ, но фигура и милое личико этой дѣвушки остались у меня въ памяти.

Новая встрѣча съ этой особой произошла въ залѣ Петербургскаго Окружнаго Суда въ 1877 году, куда я была приведена подъ конвоемъ жандармовъ въ числѣ другихъ подсудимыхъ по процессу 193-хъ.

Зала суда въ этотъ день представляла собою невиданное зрѣлище: нѣсколько подсудимыхъ, которые считались «опасными», сидѣли на возвышенномъ мѣстѣ, которое тутъ же было названо «Голгофой»,—остальные подсудимые размѣстились по всей залѣ. Большинство изъ нихъ провели въ одиночномъ заключеніи отъ трехъ

¹⁾ Мои воспоминанія о С. Л. Перовской написаны давно, но я смотрю на нихъ лишь какъ на матерьялъ для біографіи. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы другія лица дополнили мой матерьялъ и чтобы кто-нибудь изъ близкихъ Перовской людей взялся обработать его и составить полную біографію. Въ настоящее время по разнымъ городамъ Россіи живетъ много людей, близко знавшихъ Софью Львовну и даже бывшихъ ея друзьями. Есть такіе, которые могутъ сообщить о раннемъ періодѣ ея жизни, мнѣ мало извѣстномъ; другіе расскажутъ о послѣднемъ годѣ ея жизни передъ арестомъ и т. д. Трудно вести переговоры съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности и потому я рѣшаюсь послѣдовать совѣту редакціи «Былого»,—напечатать свой матерьялъ, чтобы положить начало полной біографіи.

Авторъ.

Воспоминанія эти принадлежатъ Софьѣ Андреевнѣ Ивановой-Борейш, арестованной при взятіи жандармами типографіи «Народной Воли» 17 января 1880 года и осужденной по «процессу 16-ти» (Квятковский, Прѣсняковъ, Степанъ Ширяевъ и др.) въ каторжныя работы.

Ред.

²⁾ Осуждена въ каторжныя работы по дѣлу Антонова, Дебагоріо-Мокрѣвичи и др. въ Кіевѣ и умерла на Карѣ въ 1887 г.

Ред.

³⁾ Осуждена на поселеніе по процессу 50-ти. Умерла въ 1894 г.

Ред.

до четырехъ лѣтъ, и каждый былъ ошеломленъ въ буквальный смыслѣ, попавъ въ такое большое общество; правда, сидѣвшіе въ «Предварилкѣ» имѣли между собой сообщенія и даже за послѣднее время могли говорить другъ съ другомъ, крича въ окна и бесѣдуя въ «клубахъ» ¹⁾, но это все-таки не то, что видѣть людей передъ собою и говорить съ ними самымъ обыкновеннымъ способомъ, какъ говорятъ все люди «на волѣ». Каждый искалъ въ толпѣ своихъ знакомыхъ и старался наговориться какъ можно больше. Съ незнакомыми надо было перезнакомиться и узнать, кто эти товарищи по скамьѣ подсудимыхъ. Общее дѣло «о пропагандѣ въ 36 губерніяхъ» было спито мастерской рукой прокурора Желиховскаго, но не смотря на это, многіе изъ подсудимыхъ не только не были знакомы между собой, но даже ровно ничего не знали другъ о другѣ. Разумѣется это не относилось къ тѣмъ, которые составляли отдѣльные группы и кружки. Были и такія группы, которыя имѣли между собою связь и даже имѣли общихъ руководителей; но въ общемъ, все-таки, была масса незнакомыхъ между собой людей, которыхъ прокурору необходимо было выставить, какъ «преступное сообщество».

Въ залѣ стоялъ невообразимый гулъ отъ разговоровъ, не смотря на звонки предсѣдателя, призывавшаго къ порядку. Среди множества незнакомыхъ лицъ я снова увидѣла ту дѣвочку-подростка, съ которой встрѣчалась въ Москвѣ. Каково же было мое удивленіе, когда я узнала, что это была Софья Львовна Перовская, та самая, о которой я много слышала, какъ объ одномъ изъ видныхъ дѣятелей кружка чайковцевъ. Я знала, что кружокъ чайковцевъ организовалъ петербургскихъ рабочихъ, и Перовская въ этомъ дѣлѣ играла не послѣднюю роль. Она была арестована вмѣстѣ съ другими пропагандистами, но противъ нея не было серьезныхъ уликъ, и обвиненія, по счастливой случайности, были такъ слабы, что даже прокуроръ Желиховскій считалъ возможнымъ не только освободить ее на поруки, но даже не арестовывать ее снова передъ судомъ, какъ это было сдѣлано съ другими подсудимыми, бывшими на порукахъ. Такимъ образомъ, она могла являться на судъ въ качествѣ подсудимой, живя на волѣ. Это не помѣшало ей, однако, присоединиться къ тѣмъ изъ товарищей, которые назывались «протестантами»,—они отказались отъ суда и не пожелали принимать въ немъ никакого участія. Такъ какъ я была тоже «протестанткой», то въ залѣ суда мнѣ не пришлось присутствовать долго, и Софью Львовну я снова увидѣла только по окончаніи суда, когда она стала являться къ намъ на общія свиданія. Она была въ числѣ оправданныхъ судомъ. На женскомъ отдѣленіи «предварилки» тоже освободили массу народа, такъ что тамъ осталось всего шесть человѣкъ, которыхъ, въ ожиданіи высылки по приговору суда, держали довольно свободно: кто

1) Клубами назывались ватеръ-клозеты, черезъ трубы которыхъ можно было разговаривать.
С. И.

желалъ, могъ помѣщаться въ общей камерѣ, а кто оставался въ одиночныхъ,—ходили обѣдать, или просто проводить время, въ общую. Свиданія разрѣшались не только съ родными, но и со знакомыми, такъ что всѣ освобожденные, которые оставались въ Петербургѣ, считали долгомъ посѣщать насъ. Въ концѣ концовъ ихъ стали прямо пускать въ нашу общую камеру, которая, по-этому, стала представлять собою два раза въ недѣлю настоящій салонъ. Женщины, какъ это всегда бываетъ въ дѣлахъ посѣщенія тюрьмы, особенно старались окружить насъ вниманіемъ; имъ было совѣстно, какъ говорили нѣкоторые, что онѣ пользуются свободой въ то время, какъ мы сидимъ подъ замкомъ. Намъ старались приносить побольше новостей съ воли, книгъ, газетъ, лакомствъ. Софья Львовна была изъ самыхъ старательныхъ. Я особенно помню одно посѣщеніе, когда она пришла сообщить намъ непріятную новость о томъ, что наши товарищи, приговоренные къ каторгѣ и сидѣвшіе въ Петропавловской крѣпости, увезены неожиданно въ Харьковскую центральную тюрьму. Тутъ, какъ извѣстно, случилось небывалое дѣло: судъ самъ ходатайствовалъ передъ верховной властью о замѣнѣ каторги ссылкой на поселеніе въ Сибирь, адвокаты увѣряли, что не бывало такихъ случаевъ, чтобы ходатайство суда не было уважено, и потому всѣ осужденные и ихъ родственники свыклись съ мыслью о томъ, что они пойдутъ на поселеніе. И вдругъ пришла вѣсть, что ходатайство не уважено, нѣкоторымъ объявлено, чтобъ они собирались въ Сибирь на каторгу, а пятеро изъ нашихъ товарищей спѣшно увезены въ «централку». Это извѣстіе подѣйствовало на всѣхъ удручающимъ образомъ. Всѣмъ было тяжело и не хотѣлось говорить о пестороннихъ предметахъ. Я видѣла, что у Перовской подергиваются губы и подбородокъ, и она дѣлаетъ надъ собою усилія, чтобы скрыть слезы. Но она быстро овладѣла собой и начала торопясь сообщать намъ другія новости, чтобы отвлечь наше вниманіе.

Поближе познакомиться съ Софьей Львовной мнѣ пришлось уже въ 1879 году, когда мы обѣ снова жили въ Петербургѣ, примкнувъ къ партіи Народной Воли. Я уже успѣла побывать въ ссылкѣ, она же вернулась, даже не побывавъ въ ней. Вотъ какъ это случилось: Всѣхъ оправданныхъ и освобожденныхъ по процессу 193-хъ правительство рѣшило въ одинъ прекрасный день выслать изъ Петербурга административнымъ порядкомъ, а тѣхъ, которые жили въ провинціи—прикрѣпить къ мѣсту, не позволяя имъ выѣзжать безъ разрѣшенія начальства. Перовскую тоже рѣшили выслать въ одну изъ сѣверныхъ губерній. Ее повезли по желѣзной дорогѣ два жандарма. Ночью оба они уснули, сидя на вокзалѣ, въ ожиданіи поѣзда (названія станціи не помню). Вѣроятно, молодая барышня съ такимъ добродушнымъ и милымъ лицомъ не внушала имъ опасеній. Барышня же, замѣтивъ, что стража спитъ, задумала этимъ воспользоваться. Чтобы не разбудить своихъ спутниковъ, она сняла башмаки и, неся ихъ въ рукѣ, осторожно вышла изъ комнаты, гдѣ они помѣщались. Черезъ

нѣсколько времени она дождалась поѣзда, идущаго въ Петербургъ, и благополучно помѣстилась въ одномъ изъ вагоновъ. Удивленію ея петербургскихъ друзей не было границъ, когда она явилась къ нимъ въ квартиру. Однако, ее уговорили на время уѣхать изъ Петербурга.

Лѣтомъ 1879 года Перовская опять появилась въ Петербургѣ, гдѣ въ это время произошло раздѣленіе организаціи «Земля и Воля» на двѣ самостоятельныя группы. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики большинство этой партіи пришло къ тому заключенію, что при данныхъ условіяхъ социалистическая пропаганда въ народѣ невозможна, и что поэтому необходима борьба за политическую свободу, для чего однимъ изъ средствъ выдвигался терроръ. Считали нужнымъ добиться такого положенія вещей, при которомъ была бы возможна пропаганда социалистическихъ идей какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Кромѣ того, многочисленные приговоры къ смертной казни по политическимъ процессамъ, которые сыпались какъ разъ въ это время, тоже вынуждали партію дать отпоръ правительству. Такимъ образомъ, значительная часть силъ партіи настаивала на необходимости вступить въ непосредственную борьбу съ правительствомъ, тогда какъ другая часть ея, не признававшая политической борьбы и во многомъ не согласная съ первой, выдѣлилась въ группу «Черный Передѣлъ». При раздѣленіи партіи «Земли и Воли» на двѣ самостоятельныя группы неизбежно возникли несогласія и неудовольствія, которыя были, конечно, непріятны для обѣихъ сторонъ, но особенно сильно отзывались эти несогласія на людяхъ съ болѣе чуткой душой, къ числу каковыхъ всегда принадлежала Софья Львовна. Она на время какъ бы ушла въ себя и объявила, что она пока не примкнетъ ни къ одной изъ группъ, но будетъ имѣть дѣло съ Исполнительнымъ Комитетомъ, входя съ нимъ въ соглашеніе по каждому отдѣльному случаю. Но какъ человѣкъ живой и очень дѣятельный, она не могла долго оставаться въ этой роли и очень скоро сдѣлалась полноправнымъ членомъ партіи «Народной Воли», тѣмъ болѣе, что къ этому времени силы партіи увеличились, и она, во главѣ съ Исполнительнымъ Комитетомъ, намѣтила сразу нѣсколько крупныхъ предпріятій. Члены партіи приветствовали вступленіе Перовской, потому что ее тогда уже высоко цѣнили всѣ близко знавшіе ее товарищи.

Объ ея участіи въ дѣлѣ взрыва подъ Москвою я говорить не стану, такъ какъ объ этомъ подробно рассказано въ «Подпольной Россіи» Стенняка. На другой же день послѣ взрыва она была уже въ Петербургѣ и, когда ея друзья совѣтовали ей на время скрыться и уѣхать если не за границу, то хоть въ какое-нибудь глухое мѣсто, она отвѣчала только смѣхомъ, не признавая никакихъ опасностей. Въ серьезныхъ дѣлахъ, особенно когда дѣло касалось другихъ людей, Софья Львовна бывала очень осторожна и осмотрительна, но если рѣчь шла объ ея собственной особѣ, она отличалась поразительной безпечностью и никогда не думала объ

опасностяхъ; эта черта особенно располагала къ ней людей. Какъ сейчасъ вижу ея маленькую подвижную фигурку, которая поспѣвала всюду, не производя при этомъ ни малѣйшей суеты. Организуя какое-нибудь серьезное дѣло, она умѣла держать себя такъ просто, что мало знавшіе ее люди никогда не заподозрили бы въ ней дѣлового человѣка. Причиной тому была не одна только конспиративность: на всякомъ поприщѣ есть такіе работники, которые умѣютъ работать легко; это не значитъ, конечно, что они относятся по своему дѣлу не серьезно, а просто, благодаря большимъ способностямъ, легко справляются съ дѣломъ и въ большихъ случаяхъ имѣютъ бодрый и веселый видъ.

Чувство долга было развито въ Перовской очень сильно, но она никогда не была педанткой; напротивъ, въ свободное время она очень любила поболтать, а хохотала она такъ звонко и заразительно, по дѣтски, что всѣмъ окружавшимъ ее становилось весело. Общительность ея была такъ велика, что она всегда ухитрялась повидаться съ товарищами не смотря на массу дѣлъ. Надо сказать, что Софья Львовна предпочитала общество женщинъ, говоря, что съ ними она чувствуетъ себя проще. Впрочемъ, она не смотрѣла на эти свиданія какъ только на препровожденіе времени, и высказывала не разъ, что, по ея мнѣнію, всѣмъ намъ необходимо сходиться хоть изрѣдка для обмѣна мыслей по поводу текущихъ дѣлъ, иначе мы сдѣлаемся слишкомъ большими специалистами. Она знала, что многіе изъ насъ тяготеютъ той замкнутой жизнью, которую они вынуждены вести въ силу взятыхъ на себя обязательствъ. Товарищескія чувства были въ ней сильно развиты, и она была всегда внимательна къ своимъ ближнимъ. Партийныя собранія, которыя устраивались изрѣдка, мало удовлетворяли ее въ этомъ смыслѣ: во первыхъ они, въ силу конспиративныхъ соображеній, не могли повторяться часто, а во вторыхъ, они имѣли слишкомъ дѣловой характеръ. Она была большая мастерица придумывать способы повидаться съ друзьями на нейтральной почвѣ. Напримѣръ, я нѣсколько разъ получала въ ту зиму отъ нея черезъ кого-нибудь изъ знакомыхъ билетъ въ театръ и, приходя туда, я находила Перовскую и еще кого-нибудь изъ нашихъ общихъ друзей. Въ антрактахъ мы успѣвали наговориться досыта и, въ концѣ концовъ, всѣ оставались довольны. Правда, на насъ ворчалъ за это Александръ Дмитріевичъ Михайловъ, который считалъ такіе наши поступки очень легкомысленными, ибо всѣ мы были нелегальными людьми и рисковали быть узанными кѣмъ либо изъ полицейскихъ или жандармовъ, но уваженіе его къ Софьѣ Львовнѣ было такъ велико, что онъ ей не противорѣчилъ даже въ тѣхъ случаяхъ, если приглашеніе посылалось именно черезъ него. Ко мнѣ Михайловъ былъ неумолимо строгъ, потому что я въ это время была хозяйкой типографіи, за которую онъ вѣчно боялся. «Дяденька», какъ звали мы его, такъ слѣдилъ за моими выходами «въ свѣтъ», что я могла бы серьезно сердиться, если бы не знала, что къ себѣ онъ относится еще строже,

чѣмъ къ другимъ. Мы смѣясь говорили, что душа «дяденьки» только тогда бываетъ спокойна, когда всѣ наши типографщики сидѣли дома; иначе ему представлялось, что насъ могутъ выслѣдить шпионы, и тогда пропало столь дорогое учрежденіе. Зная, что я иногда терплю притѣсненія отъ Александра Дмитриевича, Софья Львовна устраивала мнѣ выходы и назначала свиданія у кого-нибудь изъ знакомыхъ. Въ такихъ случаяхъ я иногда приносила ей письма отъ ея матери, которую она очень любила. Ея мучило, что живя въ нелегальномъ положеніи, она не могла вести съ ней правильную переписку. Я устроила ей такъ, что мать ея, жившая въ Крыму, адресовала письма на имя одной моей знакомой-барышни, а та передавала мнѣ.

Я была арестована въ началѣ 1880 года, раньше многихъ другихъ моихъ товарищей, и узнавала о томъ, что дѣлается на волѣ, лишь изрѣдка, случайно; родственниковъ у меня въ Питерѣ не было, и я не имѣла ни съ кѣмъ свиданій. Неофициальныя сношенія съ волей устраивать было трудно. Время было горячее, и дѣятельность партіи «Народной Воли» была настолько кипуча, что заботиться объ арестованныхъ не было никакой возможности; дѣло это предоставлялось организаціи «Краснаго Креста» или родственникамъ. Здѣсь какъ на войнѣ: выбывшіе изъ строя не могли ждать помощи отъ товарищей, тѣмъ болѣе, что большинство ихъ находилось въ «нелегальномъ» положеніи. Тѣмъ цѣннѣе было ихъ вниманіе и заботливость, проявлявшаяся въ отдѣльных случаяхъ. Время отъ времени мнѣ удавалось получать записочки отъ товарищей съ воли, что было для меня настоящимъ праздникомъ. Но однажды привѣтствіе было получено въ совершенно неожиданной формѣ: въ день моихъ именинъ я получила букетъ живыхъ цвѣтовъ и коробку сластей. Такъ какъ до этого времени я съ воли официальнымъ путемъ ничего не получала, то меня это очень заинтересовало. Перебирая въ умѣ тѣхъ, кто могъ послать все это, я невольно вспомнила Софью Львовну—это было такъ на нее похоже, но какъ могла она придти сюда? Потомъ оказалось, что она придумала послать эти вещи съ посыльнымъ, взятымъ съ улицы. Черезъ нѣсколько дней я получила записку съ воли, въ которой меня спрашивали, между прочимъ, получила ли я посылку отъ Софьи, которая пріѣзжала въ Питеръ на нѣсколько дней и придумала такой способъ передачи мнѣ привѣта. Ей очень хотѣлось бы знать, достигла ли она цѣли? Видѣться съ Софьей Львовной мнѣ больше не пришлось, а послѣдній ея привѣтъ я получила уже послѣ приговора по дѣлу 1-го марта, когда всѣ осужденные сидѣли въ домѣ Предварительнаго Заключенія. Изъ крѣпости ихъ перевезли наканунѣ суда, но они были окружены такой усиленной стражей, что завязать сношенія съ кѣмъ-либо изъ нихъ не было возможности. Послѣ приговора въ камерѣ Перовской былъ поставленъ жандармъ, который слѣдилъ за входившими туда надзирательницами. У меня была надежда завести сношенія, чтобы исполнить какое-нибудь

ея порученіе и вообще оказать ей послѣднюю услугу, но за ней постоянно слѣдили и входъ къ ней имѣли только избранныя начальствомъ надзирательницы. Между приговоромъ и казнью прошло, кажется, два дня, и это было страшно тяжелое время. Но у меня все-таки не пропадала надежда, что приговоръ измѣнятъ, хотя бы только относительно женщинъ. Самое мучительное состояніе для меня началось, когда я узнала, что вечеромъ наканунѣ казни къ ней прислали священника для бесѣды. Не помню даже, какъ мнѣ передавали,—отказалась ли она говорить со священникомъ, или приняла его,—для меня это было признакомъ того, что надежды нѣтъ никакой. Всю ночь я не спала, а рано утромъ узнала, что уже появились дроги, которые должны увезти осужденныхъ, и я слышала за стѣной во дворѣ глухой стукъ этихъ колесницъ. Потомъ мнѣ спѣшно передали, что Перовскую уже повели *одѣвать* въ контору Д. П. З. Потомъ я должна была прислушиваться, когда колесницы снова загремятъ во дворѣ... Конечно, легче было бы не знать этихъ подробностей, но искушеніе спросить и узнать что-нибудь о нихъ было такъ велико и состояніе мое такъ мучительно... Безсильная злоба отъ сознанія, что я не только не могу ничѣмъ предотвратить того ужаснаго дѣла, которое сейчасъ должно совершиться, но даже не могу выразить своего протеста и негодованія. Состояніе было мучительное. Съ тѣхъ поръ прошло уже 24 года, но я такъ ясно помню и чувствую то, что переживала тогда, что и теперь воспоминаніе объ этомъ ужасномъ днѣ заставляетъ меня содрогаться.

За всѣ дни, пока Перовская сидѣла въ «Предварилкѣ», мнѣ удалось получить отъ нея только привѣтъ на словахъ, переданный одной доброй феей. Но мнѣ удалось узнать кое что о томъ, какъ Софья Львовна проводила свой послѣдній день. Говорили, что она была очень спокойна, но блѣдна и слаба физически. Это и не удивительно, такъ какъ за послѣднее время на волѣ она часто хворала. Ея письмо къ матери, которое приводится у Степняка, было написано наканунѣ смерти и, къ слову сказать, безцеремонно прочитано дежурными надзирательницами. Руководило ими, конечно, только праздное любопытство, но письмо произвело на всѣхъ сильное впечатлѣніе и внушило къ автору уваженіе. Въ общемъ мнѣ пришлось слышать много выраженій удивленія ея мужеству и спокойствію.

Софья Иванова.



Арестъ Н. Г. Чернышевскаго.

Въ 1862 году Николай Гавриловичъ Чернышевскій жилъ близъ Владимірской церкви, въ Большой Московской улицѣ, въ первомъ этажѣ дома Есауловой, числящагося въ настоящее время подъ № 4. Въ іюлѣ, 7 числа, мнѣ нужно было спросить Николая Гавриловича о чемъ-то касательно печатанія сочиненій Добролюбова, и я около часу пополудни отправился къ нему, засталъ его дома, нашелъ его въ его кабинетѣ, гдѣ мы и переговорили съ нимъ о дѣлѣ, по которому я пришелъ къ нему, и потомъ разговоръ нашъ перешелъ на разные другіе посторонніе предметы. Николай Гавриловичъ жилъ тогда въ квартирѣ одинъ съ прислугой, такъ какъ его семья, жена и два сына, уѣхали въ Саратовъ. Спустя полчаса къ намъ явился докторъ Петръ Ивановичъ Боковъ, и мы трое, ужъ не помню почему, изъ кабинета перешли въ залъ. Мы сидѣли, мирно и весело бесѣдовали, какъ вдругъ въ передней раздался звонокъ, такъ, около двухъ съ половиною часовъ. Мы подумали, что это пришелъ кто-нибудь изъ знакомыхъ лицъ, и продолжали разговаривать. Но вотъ въ залъ, дверь въ который вела прямо изъ передней, явился офицеръ, одѣтый въ новый съ иголки мундиръ, но кажется не жандармскій,—такъ какъ онъ былъ не небеснаго голубого цвѣта, а чернаго, — преземистый и съ непріятнымъ выраженіемъ лица. Войдя въ залъ, онъ сказалъ, что ему нужно видѣть г-на Чернышевскаго. Николай Гавриловичъ выступилъ ему навстрѣчу, говоря: я — Чернышевскій, къ вашимъ услугамъ. — Мнѣ нужно поговорить съ вами наединѣ, сказалъ офицеръ. — А, въ такомъ случаѣ пожалуйста ко мнѣ въ кабинетъ, проговорилъ Николай Гавриловичъ и бросился изъ зала стремительно, какъ стрѣла, такъ что офицеръ растерялся, оторопѣлъ и бормоталъ: гдѣ же, гдѣ же кабинетъ? Свою квартиру Николай Гавриловичъ сдавалъ въ наемъ, такъ какъ рѣшился оставить ее и переѣхать на другую, и потому я въ первую минуту подумалъ, что офицеръ пришелъ осмотрѣть квартиру съ цѣлью найма ея. Растерявшійся офицеръ, обратившись въ переднюю, повелительно и громко закричалъ: «послушайте, укажите мнѣ гдѣ кабинетъ Чернышевскаго и проводите меня туда». На этотъ зовъ явился изъ передней приставъ Мадьяновъ, котораго Боковъ и я знали въ лицо. Появленіе пристава сразу освѣтило для насъ все и мы поняли, кто такой этотъ офицеръ, и какая цѣль его визита. Приставъ, проводивъ офицера въ кабинетъ, возвратился къ намъ и на наши разспросы сказалъ, что офицеръ—это полковникъ Ракѣевъ, котораго мы знали какъ до-ку по политическимъ обыскамъ и арестамъ и какъ петербургскаго

домовладѣльца. Затѣмъ приставъ разсказалъ, что Ракѣвъ явился къ нему и потребовалъ, чтобы онъ проводилъ его къ Чернышевскому, — на что приставъ замѣтилъ, что можетъ быть Чернышевскаго нѣтъ дома; но Ракѣвъ увѣренно сказалъ, что ему хорошо извѣстно, что онъ дома. На наши вопросы, какъ онъ думаетъ о цѣли визита Ракѣва, приставъ отвѣчалъ, что полковникъ по всей вѣроятности произведетъ только обыскъ, а не арестуетъ Чернышевскаго, такъ какъ онъ пріѣхалъ на дрожкахъ, а казенной кареты нѣтъ. Затѣмъ приставъ сталъ убѣждать насъ уйти изъ квартиры. Да намъ больше ничего не оставалось, какъ только уйти. Но мы передъ уходомъ непременно пойдемъ проститься съ хозяиномъ, заявили мы. — Зачѣмъ это, убѣждалъ насъ приставъ, что за церемоніи, можно уйти и не простившись. Мы рѣшительно заявили ему, что мы непременно пойдемъ проститься съ хозяиномъ и тѣмъ болѣе, прибавилъ я, что моя шляпа и мой свертокъ находятся въ кабинетѣ. Приставъ любезно предлагалъ принести ихъ мнѣ изъ кабинета; но я не согласился, и мы съ Боковымъ отправились въ кабинетъ.

Николай Гавриловичъ и Ракѣвъ сидѣли у стола; Николай Гавриловичъ на хозяйскомъ мѣстѣ у середины стола, а Ракѣвъ сбоку стола, какъ гость. Когда мы входили, Николай Гавриловичъ произносилъ такую фразу: нѣтъ, моя семья не на дачѣ, а въ Саратовѣ. Очевидно Ракѣвъ, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, счелъ нужнымъ пуститься въ свѣтскіе любезные разговоры. — До свиданія, Николай Гавриловичъ, сказалъ я. — А вы развѣ уже уходите, заговорилъ онъ, и не подождете меня? И на мой отвѣтъ, что мнѣ нужно уйти, онъ сказалъ шутливымъ тономъ: ну, такъ до свиданія, высоко поднявъ руку, сразмаху опустилъ ее въ мою руку. Въ то время, какъ съ нимъ прощался Боковъ, я пошелъ къ окну, взялъ шляпу и взялъ подъ мышку свертокъ съ завернутыми въ жесткую бумагу ботинками, купленными мною для себя. Нужно было видѣть выраженіе лица Ракѣва; онъ весь насторожился и устремилъ жадные взоры на мой свертокъ. Но, нужно отдать ему честь, онъ не остановилъ меня и даже не спросилъ, что содержится въ моемъ сверткѣ. Я думаю, и въ наше время всяческихъ свободъ меня въ подобныхъ обстоятельствахъ непременно раздѣли бы до нага и обыскали. Невольно припоминается мнѣ при этомъ случай, который заставилъ меня еще болѣе цѣнить любезность Ракѣва. Однажды я сидѣлъ въ книжномъ магазинѣ Черкесова и разговаривалъ съ управляющимъ магазина. Въ это время явились жандармы обыскивать магазинъ. Я хотѣлъ уйти, какъ лицо постороннее и не состоящее въ штатѣ магазина. Но жандармскій офицеръ, начальникъ обыскательнаго отряда (къ сожалѣнію, я забылъ его фамилію), задержалъ меня и потребовалъ, чтобы я предъявилъ ему мой бумажникъ. Я сказалъ, что у меня бумажника нѣтъ. Тогда онъ потребовалъ показать ему мое портмоне или вообще то, въ чемъ я ношу деньги; но я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ съ собою ни портмоне, ни денегъ. — Какъ

же такъ, грозно окрикнулъ жандармъ, идете въ магазинъ и не берете съ собою денегъ? Я отвѣтилъ, что я пришелъ въ магазинъ не для покупокъ, а повидаться съ знакомымъ.—Въ такомъ случаѣ, рѣшилъ жандармъ, я долженъ обыскать васъ. И дѣйствительно онъ не только обыскалъ, но и вывернулъ всѣ мои пустые карманы, и только тогда выпустилъ меня изъ магазина. Такимъ образомъ, Ракѣвъ поступилъ со мною гораздо любезнѣе и при обстоятельствахъ, гораздо болѣе серьезныхъ.

Мы съ Боковымъ вышли изъ квартиры Николая Гавриловича, понутивъ головы и не говоря ни слова другъ съ другомъ, и какъ бы инстинктивно отправились ко мнѣ на квартиру, находившуюся очень близко отъ Московской улицы. Здѣсь нѣсколько опомнившись и придя въ себя, мы стали обсуждать вопросъ: арестуютъ ли Николая Гавриловича или ограничатся только обыскомъ. Наше рѣшеніе склонялось на сторону послѣдней альтернативы. Мы думали, что Николай Гавриловичъ слишкомъ крупная величина, чтобы обращаться съ нимъ безцеремонно; общественное мнѣніе знаетъ и цѣнитъ его, такъ что правительство едва-ли рискнетъ сдѣлать рѣзкій вызовъ общественному мнѣнію, арестовавъ Николая Гавриловича безъ серьезныхъ причинъ, каковыхъ, по нашему мнѣнію, не могло быть,—мы въ этомъ твердо были увѣрены; да и приставъ сказалъ правду,—кареты у подѣзда и мы не видали. Вотъ какъ мы были тогда наивны и какія преувеличенныя понятія имѣли о силѣ общественнаго мнѣнія и о вліяніи его на правительство. Да и не одни мы. Какъ тогда, такъ и теперь многіе повинны въ подобной наивности.

Черезъ полчаса мы вышли на Московскую улицу и увидѣли, что у подѣзда уже стояла карета, разрушившая всѣ наши надежды. Походивши по сосѣднимъ улицамъ еще съ полчаса, мы пришли къ дому Есауловой и—кареты уже не было. Мы пошли въ квартиру Николая Гавриловича. Намъ открыла дверь прислуга, заливаясь горькими слезами. «Бѣдный баринъ, говорила она сквозь слезы, его взяли, они его погубятъ; а тутъ какъ нарочно еще барыня уѣхала». Въ квартирѣ мы застали двоюроднаго брата жены Чернышевскаго, офицера Веніамина Ивановича Рычкова, который на время пріѣхалъ въ Петербургъ и жилъ на этой квартирѣ. Рычковъ сообщил намъ между прочимъ, что Николаю Гавриловичу удалось сказать ему нѣсколько словъ, такъ, чтобы ихъ не слышалъ Ракѣвъ. Николай Гавриловичъ поручилъ ему кланяться мнѣ и сказать, чтобы я не беспокоился и передалъ бы Н. Утину, чтобы и онъ не беспокоился. Какой специальный смыслъ и какая цѣль заключались въ этихъ словахъ я не могу себѣ объяснить. Несмотря на это успокоеніе, я все лѣтъ жилъ подѣ угрожающимъ дамокловымъ мечемъ, не зная покоя ни днемъ ни ночью. Всѣ знакомые, встрѣчая меня, дѣлали большіе глаза и въ изумленіи восклицали: какъ! вы развѣ не арестованы? а я слышалъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что васъ уже давно арестовали. Встрѣчая на каждомъ шагу

подобныя изумленія, трудно было не беспокоиться. Но Богъ миловалъ меня.

Обѣдать мы отправились къ Бокову и когда сообщили его женѣ о случившемся на нашихъ глазахъ, то она тоже не хотѣла этому вѣрить и тоже была увѣрена, что Чернышевскаго не помѣютъ арестовать.

На другой день профессоръ-оріенталистъ И. Н. Березинъ поручилъ кому-то предупредить Николая Гавриловича, что ему угрожаетъ арестъ. Запоздалое предупрежденіе *post factum*!

Послѣ этого я только одинъ разъ видѣлся съ Николаемъ Гавриловичемъ при такихъ же печальныхъ обстоятельствахъ, при развязкѣ этой жестокой драмы, начавшейся его арестомъ, т. е. уже послѣ суда и приговора надъ нимъ, когда его собирались увозить изъ крѣпости на каторгу. Мы съ Григоріемъ Захаровичемъ Елисеевымъ рѣшили, чего бы это ни стоило, добиться свиданія съ Николаемъ Гавриловичемъ и обращаться съ просьбами о разрѣшеніи свиданія ко всевозможнымъ властямъ. Когда Некрасовъ узналъ о такомъ нашемъ намѣреніи, то сталъ горячо отговаривать насъ, убѣждалъ и совѣтовалъ, чтобы мы отказались отъ нашего намѣренія, не просили бы разрѣшенія на свиданіе и не пользовались бы этимъ разрѣшеніемъ, если бы оно даже было дано. «По искреннему расположенію къ вамъ и изъ желанія добра увѣряю васъ, говорилъ Некрасовъ, что это свиданіе очень понизитъ ваши курсы въ глазахъ III отдѣленія». Слова Некрасова дышали искренностью и убѣжденіемъ въ полезности его совѣта. Но мы все-таки стояли на своемъ, и намъ посовѣтовали обратиться къ князю Суворову, тогдашнему петербургскому генералъ-губернатору, съ просьбою о разрѣшеніи свиданія съ Николаемъ Гавриловичемъ. Онъ далъ намъ это разрѣшеніе съ перваго же слова. Когда мы пришли въ крѣпость, то насъ адресовали къ коменданту крѣпости Сорокину. Мы представились ему и онъ началъ говорить сначала съ Елисеевымъ и, между прочимъ, спросилъ, не родственникъ ли онъ купцу Елисееву, который снабжаетъ Петербургъ гастрономическими продуктами. А затѣмъ онъ обратился ко мнѣ съ разными вопросами: кто я? въ какомъ родствѣ состою съ Чернышевскимъ? — на что я отвѣтилъ, что я состою съ нимъ не въ родствѣ, а въ близкомъ знакомствѣ; а на вопросъ, чѣмъ я занимаюсь — я сказалъ, что служу въ военномъ министерствѣ (и это была сущая правда; а какъ я попалъ въ это министерство—это курьезная исторія; но долго было бы рассказывать ее здѣсь). На это комендантъ воскликнулъ: вотъ какъ! это странно! я самъ имѣю честь служить въ военномъ министерствѣ, и вы видите, я ношу военную форму, а вы не въ военной формѣ и даже совѣмъ не въ формѣ, а въ штатскомъ платьѣ. Въ оправданіе себя я сталъ объяснять, что

я чиновникъ сверхъ штата, принять въ министерство временно на усиленіе личнаго состава, служу безъ жалованья и т. д. Комендантъ прервалъ мои объясненія короткимъ замѣчаніемъ, что всѣ служащіе въ военномъ министерствѣ имѣютъ форму и должны ходить въ формѣ. Но все это было сказано не страшнымъ начальническимъ и повелительнымъ тономъ, а совершенно добродушно и просто. Комендантъ приказалъ проводить насъ въ какую-то канцелярію, гдѣ уже ожидали свиданія съ Николаемъ Гавриловичемъ А. Н. Пыпинъ съ братомъ и съ двумя сестрами. Скоро ввели сюда и Николая Гавриловича въ сопровожденіи какого-то офицера, но не жандармскаго. Онъ былъ блѣденъ, но въ выраженіи его лица не видно было ни упадка духа, ни изнуренія, ни грусти и печали. Поздоровавшись со всѣми, Николай Гавриловичъ прежде всего обратился къ сестрамъ Пыпина и сталъ съ ними разговаривать. По какому-то молчаливому соглашенію мы дѣйствовали такъ. Когда Николай Гавриловичъ разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь однимъ изъ насъ, остальные отходили въ сторону, окружали офицера и вступали съ нимъ въ разговоры. Когда очередь дошла до меня, то Николай Гавриловичъ прежде всего спросилъ меня о моихъ личныхъ дѣлахъ и затѣмъ сказалъ, что онъ на каторгѣ непременно будетъ писать много и постарается присылать намъ свои статьи для помѣщенія въ «Современникѣ» и что, если ихъ нельзя будетъ печатать съ его именемъ, то нужно попробовать подписывать ихъ какимъ-нибудь псевдонимомъ, а если и это будетъ нельзя, то чтобы онъ представлялся въ редакцію какимъ-нибудь подставнымъ лицомъ, напр. хоть вашимъ «Лозаніемъ»—такъ назывался въ нашемъ кругу мой товарищъ по духовной академіи Л. И. Розановъ, жившій у меня и близко познакомившійся съ Николаемъ Гавриловичемъ (онъ былъ описанъ въ «Искрѣ» подъ именемъ Лозанія, устроившаго походъ противъ начальства одной изъ семинарій, кое-что писалъ въ «Современникѣ» и былъ извѣстенъ Некрасову; мы и предполагали сдѣлать его подставнымъ лицомъ). «Да я, впрочемъ, говорю объ этомъ съ самимъ Некрасовымъ». Я сказалъ, что Некрасовъ едва ли придетъ къ нему проститься. «Отчего же?»—съ живостью сказалъ Николай Гавриловичъ; «а Сашенька (Пыпинъ) говорилъ мнѣ, что Некрасовъ собирается ко мнѣ». Я повторилъ, что онъ едва ли придетъ и что я передамъ ему ваши слова. Мнѣ не хотѣлось огорчать Николая Гавриловича сообщеніемъ, что Некрасовъ самъ даже мнѣ съ Елисеевымъ не совѣтовалъ просить свиданія и являться на свиданіе съ нимъ. И затѣмъ я простился съ Николаемъ Гавриловичемъ уже навѣки съ чувствами, которыя мнѣ даже въ настоящее время трудно и больно было бы описывать. Повѣрьте мнѣ,—рана и до сихъ поръ не зажила.

М. Антоновичъ.

Дѣло Н. Г. Чернышевскаго.

(По неизданнымъ источникамъ).

«Невозможно ожидать справедливости отъ богачей, дряхлыхъ стариковъ, величаемой громкимъ именемъ правительствующаго сената».

Герценъ.

Сорокъ два года тому назадъ русское общество узнало о ссылкѣ Чернышевскаго въ каторжныя работы и до сихъ поръ неизмѣнно задаетъ себѣ одинъ и тотъ же вопросъ: за что?

Напечатанная тогда же въ «Колоколѣ» краткая сенатская записка не разрѣшаетъ этой загадки и только заставляетъ задумываться надъ рѣшеніемъ многихъ другихъ вопросовъ. Въ литературѣ ничего сколько-нибудь опредѣленнаго по этому поводу не появилось. Самъ Чернышевскій, повидимому, никому ничего не разсказалъ; по крайней мѣрѣ, близкіе ему люди многого не знаютъ, а о степени участія его въ революціонномъ движеніи не имѣютъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

На мою долю выпало познакомиться, наконецъ, русское общество и съ процессомъ Чернышевскаго,—съ тѣмъ ужасающимъ произволомъ и беззаконіемъ, которые скрываются за этимъ словомъ. Это не былъ процессъ слѣдствія и суда. Это процессъ подкупа, насилія и профанированія всякаго понятія законности. Это образецъ дѣла, котораго неоднократно потомъ вело самодержавное правительство противъ лицъ, ему неугодныхъ, не стѣняясь никакимъ декорумомъ приличія. Это процессъ, который власть, вообще несклонная знакомить подданныхъ съ какой бы то ни было «политикой», имѣла полное основаніе скрывать, особенно въ свое время.

Когда Чернышевскій говорилъ: «Богъ ихъ знаетъ. Можетъ быть имъ и извѣстно, за что сослали, а я не знаю»¹⁾—онъ былъ правъ: въ рукахъ правительства не было ни одного свидѣтеля, заслуживающаго довѣрія, и ни одного подлиннаго, не поддѣланнаго документа. Тотъ матеріалъ, съ которымъ оно имѣло дѣло, былъ совершенно негоденъ въ рукахъ любого сколько-нибудь добросовѣстнаго слѣдователя, не только высшаго въ имперіи суда.

¹⁾ В. Короленко—«Воспоминанія о Н. Г. Чернышевскомъ», Лондонъ, 1894 г., 10.

Это, однако, не значитъ, чтобы я становился на точку зрѣнія болѣе или менѣе общепринятую въ литературѣ: Чернышевскій пострадалъ совершенно невинно. Я думаю, что положеніе вопроса иное: Чернышевскій пострадалъ *юридически* невинно. Этимъ я хочу сказать, что вовсе не склоненъ думать, будто Николай Гавриловичъ дѣйствительно не былъ прикосновенъ къ революціонной работѣ своего времени.

Не такой это былъ умъ и не такой человѣкъ, который сидѣлъ бы сложа руки и только и дѣлалъ, что писалъ въ «Современникъ». Это былъ прежде всего пророкъ и вождь. Припомните некрасовское:

Не говори: „Забылъ онъ осторожность.
„Онъ будетъ самъ судьбы своей виной“...
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любить онъ возвышеннѣй и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ,
Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ.

Такъ мыслить онъ, и смерть ему любезна.
Не скажетъ онъ, что жизнь ему нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамѣстъ не распяли,
Но часъ придетъ—онъ будетъ на крестѣ.
Его послалъ Богъ гнѣва и печали
Рабамъ земли напомнить о Христѣ ¹⁾.

Замѣтите, что это писалъ человѣкъ, знавшій Чернышевскаго изо дня въ день восемь лѣтъ... восемь лѣтъ съ нимъ бесѣдовавшій о самыхъ различныхъ вопросахъ и при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ. Ему ли, чуткому и проникательному, не понять было вождя своего журнала!? По совершенно справедливому замѣчанію г. Николаева, политическіе взгляды Чернышевскаго можно выразить въ немногихъ словахъ: «катастрофа вскорѣ немислима, но долгъ мыслящаго и послѣдовательнаго человѣка—стремиться къ ней и *дѣлать* все возможное для ея приближенія. Поменьше фразъ и теорій и побольше *дѣйствія*» ²⁾.

Этого мало, Чернышевскій былъ демократомъ, человѣкомъ всегда и вездѣ проводившимъ одну и ту же мысль: трудъ и трудящіеся во главѣ всего. Далѣе. Посмотрите на его знакомства:

¹⁾ Привожу это стихотвореніе полностью, съ четвертой строфой, до сихъ поръ не напечатанной въ собраніи сочиненій Некрасова и занимаемой мною съ автографа, подареннаго Некрасовымъ П. А. Ефремову. Пора бы перестать подписывать подъ его заглавіемъ «Пророкъ» «Изъ Барбье»—эту ширму авторъ изобрѣлъ специально для взоровъ цензуры. На самомъ дѣлѣ стихотвореніе было озаглавлено (1874 годъ) просто: «Н. Г. Чернышевскій».

²⁾ Николаевъ, «Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ (въ Александровскомъ заводѣ) 1867—1872 гг.», М. 1906 г.



Михаиль Николаевичъ
ТРИГОНИ.
(До Шлиссельбурга).

В. А. Обручевъ, Сигизмундъ Сѣраковский, Иосафатъ Огризко, Николай Серно-Соловьевичъ и многіе другіе дѣятели революціоннаго движенія шестидесятихъ годовъ. Г. Пантелѣевъ категорически утверждаетъ, что Чернышевскій зналъ отъ самого Михайлова о привозѣ имъ изъ-за границы прокламаціи «Къ молодому поколѣнію» ¹⁾.

Онъ же говоритъ, что имѣеть основаніе думать, что Н. Г., быть можетъ, не совсѣмъ чуждъ «Великоруссу»... Николай Утинъ сообщилъ въ свое время г. Пантелѣеву, что, отвергнувъ посланнаго отъ «центрального революціоннаго комитета», издаващаго «Молодую Россію», Чернышевскій потомъ пожалѣлъ объ этомъ и хотѣлъ написать прокламацію «Къ нашимъ лучшимъ друзьямъ», но не успѣлъ. Н. Е. Кудринъ говоритъ, что Лавровъ хорошо сошелся съ Чернышевскимъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до ареста послѣдняго, когда покойный А. Н. Энгельгардтъ ввелъ П. Л. Лаврова въ начавшее организовываться общество «Земли и Воли». Это нельзя понять иначе, какъ въ смыслѣ утвержденія, со словъ Лаврова, о прикосновенности къ этому обществу и Чернышевскаго ²⁾.

Современники были вполне убѣждены въ томъ, что Чернышевскій принимаетъ активное участіе въ революціонной работѣ.

Въ этомъ отношеніи очень интересенъ одинъ анонимъ, полученный Н. Г. въ концѣ 1861 года отъ какого то невѣдомаго злобствовавшаго аграрія. Онъ показываетъ, какой репутаціей пользовался Чернышевскій.

«Г-нъ Чернышевскій! О пропагандѣ Вы знаете; Вы ей сочувствуете; поговоримъ о ней. Вы, наконецъ, пережили себя, нехотя; Вы говорите о нашихъ собраніяхъ, протягиваете руку дворянству; но кого Вы этимъ обманете? Неужели Ваша улыбка украситъ Вашу медузину голову? Неужели мы не видимъ Васъ съ ножомъ въ рукахъ, въ крови по локоть? Неужели мы можемъ сочувствовать заклѣтымъ социалистамъ (направленіе Вашего журнала намъ понятно, да и «Великоруссъ» Ваше произведеніе), которые ищутъ и будутъ искать нашей гибели, которые съ маратовскимъ восторгомъ принесутъ въ жертву, для осуществленія своихъ бредней, наши имущества, насъ самихъ, наши семейства?! Кто во главѣ движенія? Желчный, злобный социалистъ-мужикодилъ Искандеръ, хитро упрятавшій въ свои карманы милліона два русскихъ денегъ и спокойно поджигающій вдали несчастную русскую молодежь. А Вы? Да, Вы его лакеи. У Васъ не станеть духу обречь себя даже на изгнаніе. Скажите, пожалуйста, неужели же Вы думаете, что мы настолько просты, что будемъ жертвовать собой ради социализма, признаннаго наукою несчастнымъ произведеніемъ больного ума?! Допустимъ, что идеи социализма осущест-

¹⁾ «Изъ воспоминаній прошлаго», стр. 330.

²⁾ Пантелѣевъ, п. с., 327, 270. Н. Е. Кудринъ — «Н. Г. Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ», «Рус. Бог.», 1905 г., III, 167.

ствимы, что всетаки онѣ осуществимы въ странѣ, гдѣ нравственное развитіе всей массы слишкомъ велико, но никакъ не въ странѣ монголовъ, шамеуговъ и т. д. Повѣрьте, мужички наши мало чѣмъ нравственнѣе этихъ милыхъ народовъ. Въ нашемъ народѣ есть добрыя начала, но они еще въ зародышѣ, и за развитіе ихъ нужно взяться умно, практично, безъ нѣжностей, а нѣжностей Вашихъ они не поймутъ, наплюютъ они на Васъ и найдутъ себѣ другого Антона Петрова ¹⁾, о которомъ такъ искренно сожалѣетъ Ваша хамская натура.

«Не ввѣрится же мы Вамъ, человѣку или совершенно непрактичному, или совершенно подлому: вспомните, въ какую цѣну Вы опѣнили наши имѣнія. Кого Вы презираете? Лучшее сословіе въ Россіи, дворянство. На кого Вы надѣтесъ? На полудикое сословіе мужиковъ, людей, религія которыхъ заключается въ одной ѣдѣ и гимнастическихъ упражненіяхъ. Вы хотите безусловной демократіи. Мы видимъ, до чего довела грязная демократія Францію, до чего доводитъ она великую республику Вашингтона. Да, дворянство лучшее сословіе; нашими деньгами поддерживается журналистика; при всей непрактичности нашего воспитанія, въ чемъ виноваты наши сентиментальные наставники, мы улучшили и улучшаемъ сельское хозяйство; мы давали и даемъ честнѣйшихъ должностныхъ лицъ. Обратите вниманіе на громадную разницу между выборными и коронными; взгляните на добросовѣстную дѣятельность вятыхъ изъ среды нашей мировыхъ посредниковъ. Вы этого не знаете. Вы говорите о провинціи, не потрудившись даже узнать о ней. Мы, т. е. наши офицеры-дворяне, сдѣлали изъ русской арміи силу, наводящую ужасъ воспоминаніемъ о Севастополѣ и на хвастливыхъ французовъ, и на стоическихъ англичанъ. Вы скажете, что мы же обокрали Россію. Ложь: обокрали ее бюрократы, а истые дворяне дальше поручика не служатъ. Мы хладнокровно встрѣтили разыгравшіяся страсти временно-обязанныхъ, опьянѣвшихъ отъ данной имъ свободы и, дѣйствуя снисходительно, добросовѣстно, мужественно, сохранили и сохраняемъ мужественное спокойствіе. Кого же вы пугаете? Ха, ха, ха!.. Мы люди благородные и потому безстрашно встрѣтимъ смерть, защищая права законныя, несомнѣнныя. Совѣсть у насъ чиста. Вашей хамской натурѣ это непонятно. Впрочемъ, опасности большой нѣтъ.

«Вникнемъ въ дѣло: кто угрожаетъ и кѣмъ угрожаетъ? Вы, господа социалисты двухъ родовъ: социалисты безштаные, которые, какъ плотоядныя птицы, нетерпѣливо ждутъ поживиться мертвечиной, и социалисты сентиментальные, которые за несчастныя писульки попадаютъ подъ розги, а иногда и въ каторгу. Какъ это трогательно, но какъ же пошло и тупо. Кровожадность у Васъ волчья, да слабость овечья. Есть рьяные, да

¹⁾ Антонъ Петровъ разстрѣлянъ въ селѣ Безднѣ Казанской губ. за руководство крестьянскимъ бунтомъ.

ихъ немного. Вы не умѣете вооружить Петербургъ и думаете взволновать цѣлую Россію. Вы сами никуда не годитесь и думаете, что грязная лапа мужика выведетъ Васъ на дорогу. За мѣтьте, впрочемъ, что мы съ Вами поступать будемъ покруче, чѣмъ поступаютъ съ Вами въ столицѣ. Намъ много, теперь мы на-сторожѣ и, повѣрьте, не станемъ съ Вами нѣжничать. Кѣмъ Вы угрожаете и на кого Вы хотите дѣйствовать? На студентовъ. Дѣйствительно, прекрасная молодежь; но вѣдь по окончаніи курса эти мотыльки, по большей части, наперекоръ зоологіи, обращаются въ червячковъ. Въ особенности семинаристы, которые и въ аудиторіи вносятъ свой собственный запахъ. На купцовъ и мѣщанъ, но имъ нѣтъ времени: обмѣрить, обвѣсить, разсыропить водку—это нелегко, всего вдругъ не сдѣлаешь. Дальше что: духовенство?—это сословіе ни рыба, ни ракъ; полудикіе мужики?—я уже о нихъ сказалъ; они могутъ и должны быть пока въ ежовыхъ—понимете... Притомъ же государственные крестьяне не только безъ участія, но кажется даже съ нѣкоторою злобою смотрятъ на временно-обязанныхъ. Да и временно-обязанные начинаютъ понимать, что быть ихъ значительно улучшенъ и что нельзя ограбить однихъ въ пользу другихъ. Притомъ нужно сказать, они никогда не раздѣляли Вашихъ литературныхъ убѣжденій, а потому и не смотрѣли на насъ, какъ на злодѣевъ. Дворовые оставляютъ насъ неохотно; крестьяне не спѣшатъ заводить новые порядки.

«Однимъ словомъ, мы всего ожидаемъ отъ государя, которому не мѣшаетъ, впрочемъ, вспомнить свои же слова московскому дворянству: «движеніе должно начинаться сверху, а не снизу». Мы будемъ просить его избавить насъ отъ нашей болячки—Польши, которая вмѣстѣ съ остзейскими губерніями взяла, кажется, подрядъ на поставку намъ чиновниковъ-бюрократовъ. Считаемъ не лишнимъ замѣтить Вамъ, Г-нъ Чернышевскій, что мы не желаемъ видѣть на престолѣ какого-нибудь Антона Петрова и, если дѣйствительно произойдетъ кровавое волненіе, то мы найдемъ Васъ, Искандера или кого-нибудь изъ Вашего семейства и, вѣроятно, Вы не успѣете еще запасть тѣлохранителями».

Люди, не пользующіеся виднымъ вліяніемъ, такихъ писемъ не получаютъ...

Литературный міръ тоже считалъ Чернышевскаго очень вліятельнымъ въ революціонномъ кругу. Припомните рассказъ самого Достоевскаго, какъ тотъ въ 1862 году явился къ Н. Г. и уговаривалъ его подѣйствовать на составителей какой-то прокламаціи въ сторону ихъ вразумленія ¹⁾.

Таково же, повидимому, было убѣжденіе и правящихъ сферъ. Въ ненапечатанной части воспоминаній Шелгунова есть такой

¹⁾ „Дневникъ Писателя“, IV. Достоевскій ошибочно называетъ эту прокламацію „къ молодому поколѣнію“; этому противорѣчитъ его же указаніе, что вся она состояла изъ десяти строкъ. Прокламація Михайлова была очень велика.

разсказъ кн. Суворова-Рымникскаго, бывшаго петербургскаго генералъ-губернатора, человѣка весьма порядочнаго, неглупаго и не-ставшаго бы говорить неправду. «Я поступалъ иначе—говорилъ Суворовъ Шелгунову вскорѣ послѣ своей отставки вслѣдъ за каракозовскимъ покушеніемъ.—Мнѣ доносятъ, что подготавливается движеніе. Я посылаю за Чернышевскимъ, говорю ему: «пожалуйста, устройте, чтобъ этого не было». Онъ даетъ слово мнѣ, и я ѣду къ государю и докладываю, что все будетъ спокойно. Вотъ какъ я поступалъ!» Записывая это, Шелгуновъ замѣтилъ: «пишу съ буквальной точностью, слышу эти слова, какъ бы теперь». Конечно, это показаніе не значить, что Суворовъ при помощи Чернышевскаго подавлялъ и парализовалъ революціонныя проявленія. Чернышевскій бы не занялъ такой позиціи. Но, весьма вѣроятно, что нѣкоторые возможные проявленія общественнаго неудовольствія, демонстраціи, и были предотвращены бесѣдою съ Н. Г., пользовавшимся настолько вліятельнымъ положеніемъ, что его совѣтъ остановиться, снабженный достаточно вѣскою аргументаціей, принимался къ исполненію.

Самъ Чернышевскій хорошо видѣлъ, какими глазами смотритъ на него жандармско-полицейское око. Онъ неоднократно отказывался отъ участія въ такихъ общественныхъ начинаніяхъ, которыя, благодаря его присутствію, могли бы быть взяты подъ особо внимательное попеченіе.

Нужно думать (а къ этому заключенію приводятъ и бесѣды съ хранящимъ архивъ отца—М. Н. Чернышевскимъ), что революціонная дѣятельность Н. Г., обставленная необыкновенно по тогдашнимъ временамъ конспиративно, такъ и не вскрыется для насъ. Она унесена имъ въ могилу.

Какое же преступленіе было поставлено ему въ вину правительствомъ Александра II?

Прежде всего, не одно, а два. Первое—сочиненіе прокламаціи «Къ барскимъ крестьянамъ», второе—приготовленіе къ возмущенію. Было еще и третье—«противозаконныя сношенія съ изгнанникомъ Герценомъ»,—но оно сочтено недоказаннымъ. Изъ основательнаго изученія четырехъ томовъ архивнаго дѣла мнѣ представляется, что Чернышевскій, дѣйствительно, участвовалъ въ составленіи этой прокламаціи, (впрочемъ, не увидѣвшей свѣта), но такъ искусно велъ работу, что не далъ положительно никакихъ основаній къ сколько-нибудь юридически обставленному обвиненію.

Не забывая, однако, впередъ, приступаю къ изложенію дѣла во всей его полнотѣ и строгой послѣдовательности.

ЧАСТЬ I.

Въ поискахъ за уликами.

I.

Послѣ майскихъ пожаровъ 1862 года, правительство, опираясь на большую часть общества, утомленную непривычнымъ для нея форсированнымъ маршемъ по пути обновленія, стало въ курсъ реакціи и пошло въ немъ все тверже и опредѣленнѣе. Два вліятельныхъ журнала: «Современникъ» и «Русское Слово» были закрыты въ началѣ іюня. Учреждена особая слѣдственная комиссія, которая занималась, между прочимъ, уже извѣстнымъ читателю дѣломъ Писарева и другими. Чернышевскій, увидя возможность хоть немного отдохнуть отъ утомлявшей его журнальной работы, хлопоталъ о поѣздкѣ съ семьей въ Саратовъ. Спѣшно продавались вещи, ликвидировались нѣкоторыя дѣла и пр. Въ это время Чернышевскому пришлось быть у управляющаго III Отдѣленіемъ, Потапова, по поводу какой-то дерзости одного гвардейскаго офицера относительно его жены. Въ разговорѣ Н. Г. спросилъ генерала, не имѣетъ ли правительство какихъ нибудь подозрѣній противъ него и можетъ ли онъ спокойно ѣхать на родину. Потаповъ увѣрилъ, что ровно ничего не имѣется.¹⁾

Но Потаповъ уже хитрилъ. Еще въ самомъ началѣ іюня, а именно 5-го числа, онъ направилъ въ слѣдственную комиссію кн. Голицына слѣдующій полученный имъ лично анонимный доносъ на Чернышевскаго:

«Что вы дѣлаете, пожалѣйте Россію, пожалѣйте Царя! Вотъ разговоръ, слышанный мною вчера въ обществѣ профессоровъ. Правительство запрещаетъ всякой вздоръ печатать, а не видитъ, какія идеи проводить Чернышевскій—это коноводъ юношей;—направленіе корпусныхъ юношей дано имъ²⁾—это хитрый социалистъ; онъ мнѣ самъ сказалъ (говор. проф.), что «я настолько уменъ, что меня никогда не уличатъ». За пустяки сослали Павлова³⁾ и много другихъ промаховъ дѣлаете, а этого вреднаго агитатора терпите. Неужели не найдете средствъ спасти насъ отъ такого зловреднаго человѣка! Никто вамъ въ глаза не скажетъ, что Чернышевскій язва всему, потому что сочтутъ его доносчикомъ; я вамъ пишу, не подписываясь, потому, что вы спросите, кто говоритъ,—а вы знаете, что многое говорятъ въ обществѣ, сказали

1) Н. В. Рейнгардтъ, —, Н. Г. Чернышевскій“, „Рус. Стар.“, 1905 г., II, 470—471. Авторъ слышалъ это отъ самого Н. Г.

2) Чернышевскій былъ одно время преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.

3) Высланъ въ Ветлугу въ мартѣ 1862 г. за публичную рѣчь по поводу тысячаletія Россіи.

бы и Потапову—но никогда не скажутъ жандарму. Передаю вамъ впечатлѣніе, вынесенное изъ общества людей, десятки лѣтъ¹⁾ знающихъ Чернышевскаго—бывшихъ его пріятелей, но теперь, видя его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, всѣ весьма либеральные люди, настолько благоразумные, что они сознаютъ необходимость существованія у насъ монархизма,—отдалились отъ него и убѣждены, что ежели вы не удалите его, то быть бѣдѣ—будетъ кровь; ему нѣтъ мѣста въ Россіи—вездѣ онъ опасенъ—развѣ въ Березовѣ или Гижинскѣ; не я говорю это, говорили ученые, дѣльные люди, отъ всей души желающіе конституціи, но путемъ закона—земской думы, но по призыву Царя. Не дастъ Царь ни того, ни другого,—Господь ему судья. А крови не минуете и насъ всѣхъ сгубите—это шайка бѣшеныхъ демагоговъ, отчаянныя головы,—это «Молодая Россія» выказала вамъ въ своемъ проспектѣ всѣ звѣрскія ея наклонности; быть можетъ, ихъ перебьютъ, и сколько невинной крови изъ-за нихъ прольется! Тутъ же слышалъ, что въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ, вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ социалистовъ и вездѣ они разжигаютъ молодежь. Ник. Утинъ—правая рука Чернышевскаго; юношу бы за границу²⁾, но навсегда, а Николая Гавриловича—куда хотите, но скорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать.

«Я самъ не знакомъ съ этими злодѣями — пишу, что вчера случайно слышалъ. Не доискивайтесь, кто я—къ чему вамъ? Въ доносчики не гожусь, а услышу что либо подобное—напишу,—теперь каждый честный человѣкъ обязанъ указывать Правительству все, что слышитъ, что знаетъ, ибо общество въ опасности, сорванцы бездомные на все готовы, и вамъ дремать нельзя; на васъ грѣхъ падетъ, коли допустите ихъ до рѣзни, а она будетъ, чуть задремлете или станете довольствоваться полумѣрами. Время николаевское ушло—распустили однажды, теперь не совладаете—выхода другого нѣтъ, какъ земская дума; бонитесь дворянства—пошумятъ только; если потребуютъ конституціи, то путемъ законнымъ она не страшна для Царя, а эта бѣшенная шайка жаждетъ крови, ужасовъ и пойдетъ на проломъ, не пренебрегайте ею.

«Избавьте насъ отъ Чернышевскаго—ради общаго спокойствія».

Отрывки изъ этого письма приведены въ сенатской запискѣ, но неисправно. Въ такомъ же видѣ ихъ цитируютъ оттуда и нѣкоторые авторы.

Доносъ этотъ писанъ очень красивымъ мелкимъ почеркомъ, и можно утверждать—неизмѣненнымъ.

Такимъ образомъ, комиссія, разыскивавшей по Россіи крамолу (гдѣ самъ Потаповъ былъ членомъ), напоминалось о существованіи Чернышевскаго... Но вотъ въ концѣ іюня III Отдѣленіе получаетъ свѣдѣнія, что 27 числа изъ Лондона выѣдетъ въ Россію нѣкій Павелъ Ветошниковъ и будетъ везти съ собой довольно

1) Очевидный вздоръ: Чернышевскому тогда было 34 года.

2) Николай Утинъ вскорѣ бѣжалъ за границу.

много писемъ Бакунина, Герцена, Огарева и Кельсиева къ самымъ разнообразнымъ лицамъ... Разумѣется, сейчасъ же были приняты мѣры, и Ветошниковъ былъ арестованъ на границѣ со всей корреспонденціей...

Послѣ бѣглого разбора ея въ III Отдѣленіи нашли, между прочимъ, такую приписку въ письмѣ Герцена къ Н. А. Серно-Соловьевичу: «Мы готовы издавать Совр. здѣсь съ Черныш. или въ Женевѣ—печатать объявленіе объ этомъ. Какъ вы думаете?» Этого оказалось достаточнымъ, чтобы на слѣдующій же день, 7 іюля, арестовать и Чернышевскаго 1).

Утромъ 7 іюля въ квартиру Чернышевскаго явился жандармскій полковникъ Ракѣевъ и квартальный надзиратель Мадьяновъ, запечатали всѣ бумаги и часть книгъ въ холщевый мѣшокъ, который и представили въ III Отдѣленіе, а всѣ остальные книги, по заявленію Н. Г., 2400 томовъ, корректуры и матеріалы для изданія сочиненій Добролюбова опечатали въ запертomъ кабинетѣ 2). Самъ Чернышевскій былъ отвезенъ въ Алексѣевскій рavelинъ Петропавловской крѣпости. Туда же были заключены Ветошниковъ, Серно-Соловьевичъ и всѣ главные обвиняемые по особому дѣлу, съ которымъ читатели «Былого» будутъ потомъ ознакомлены.

Можно себѣ представить впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на интеллигенцію!.. По словамъ г. Пантелѣева, «если сказать, что арестъ Чернышевскаго на всѣхъ произвелъ сильное впечатлѣніе, то это значитъ выразиться слишкомъ слабо: съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ малѣйшимъ извѣстіямъ о ходѣ его процесса»... Для всѣхъ стало ясно, что Чернышевскому не сдобровать...

Осмотръ его бумагъ комиссія поручила своему члену, д. ст. сов. Каменскому, а опечатанныхъ на квартирѣ книгъ—д. ст. сов. Турунову, въ помощь которому министромъ внутреннихъ дѣлъ были назначены трое чиновниковъ особыхъ порученій: Фридбергъ, Морозъ и Третьяковъ. 17 числа всѣ они, въ сопровожденіи еще старшаго чиновника III Отдѣленія—Кейзера фонъ-Нилькгейма, состоящаго при оберъ-полицеймейстерѣ поручика Ниппе, квартальнаго надзирателя Мадьянова и сторонняго свидѣ-

«1) Полностью письмо это напечатано мною въ январской книжкѣ „Былого“, на стр. 230—232. Тамъ я не имѣлъ возможности указать то, что самъ узналъ позже: первая половина письма, до словъ: „Кажется рѣчь о нашемъ“... и т. д., писана Огаревымъ, а все, начиная съ этихъ словъ—Герценомъ. Герценъ рассказываетъ объ этомъ своемъ письмѣ не вѣрно: ср. стр. 461—462 тома III изд. Павленкова. Объявленіе въ „Колоколѣ“ появилось *позднѣе*, въ номерѣ отъ 3 (15) іюля. Вотъ оно: „Отъ издателей. Мы предлагаемъ издателямъ *Дня*, *Современника*, *Русскаго Слова* и издателямъ журналовъ, которые будутъ запрещены вслѣдствіе политическаго террора въ Россіи, продолжать ихъ изданія въ Лондонѣ. На первый случай мы готовы печатать, если это будетъ нужно, на свой счетъ, безъ всякаго вознагражденія“. Герценъ напечаталъ это объявленіе, не дожидая отвѣта отъ Серно-Соловьевича. Этотъ номеръ „Колокола“ выходилъ какъ разъ въ тотъ день, когда Ветошниковъ переѣзжалъ русскую границу.

«2) Въ этой же книжкѣ читатель найдетъ рассказъ М. А. Антоновича, присутствовавшего при арестѣ Чернышевскаго.

теля—отстав. кол. секретаря Сергѣя Пыпина, прибыли на квартиру Н. Г. Окончивъ осмотръ, отложили еще нѣсколько книгъ и пакетовъ для сдачи въ III Отдѣленіе, а остальное запечатали и поручили на храненіе полиціи ¹⁾. На другой день печати были сняты, и все имущество Чернышевскаго сдано Мадьяновымъ С. Н. Пыпину ²⁾.

II.

Среди бумагъ Н. Г. особенно заинтриговали всѣхъ двѣ средней толщины тетради размѣромъ въ писчій листъ. Пробовали читать — ничего не понять. А написано такъ часто и мелко. — Каменскій, какъ ни старался, ровно ничего не понялъ, кромѣ того, что это «дневникъ». 7 августа рѣшено было отправить его въ III Отдѣленіе, отличавшееся искусствомъ раскрытія самыхъ замысловатыхъ шифровъ. Но какъ ни старался Потаповъ, а долженъ былъ сознаться, что ввѣренная ему тайная канцелярія тоже безсильна, и направилъ «дневникъ» въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Тамъ поработали съ мѣсяцъ, и 15 сентября товарищъ министра Мухановъ сообщалъ Потапову, что рукопись не шифрована, а писана только съ самыми сложными сокращеніями. Для удостовѣренія онъ приложилъ нѣсколько страницъ написанныхъ полностью, правда, всетаки, съ очень значительными искаженіями и пропусками, и при этомъ замѣчалъ, что при «всемъ желаніи со стороны министерства, по множеству текущихъ, не терпящихъ отлагательства дѣлъ, не было никакой возможности до настоящаго времени разобрать всю рукопись, но изъ содержанія разобраннаго можно думать, что слогъ этотъ имѣетъ условный смыслъ». Министерство иностранныхъ дѣлъ настолько простерло свою внимательность къ «дневнику» Чернышевскаго, что не преминуло даже изслѣдовать его на всѣ возможные способы, при которыхъ обыкновенно удается обнаружить тотъ или иной составъ симпатическихъ чернилъ, особый сортъ скрывающей бумаги и пр. Но и чернила и бумага оказались самыми обыкновенными.

Комиссію мало удовлетворилъ отвѣтъ Муханова. Имѣя теперь ключъ, въ видѣ нѣсколькихъ развернутыхъ страницъ, она рѣшила поручить добиться толку отъ «дневника» своему члену, сенатору Жданову.

¹⁾ М. А. Антоновичъ рассказывалъ мнѣ, что онъ былъ на этомъ обыскѣ со специальною цѣлью выручить изъ рукъ комиссіи матеріалы по собранію сочиненій Добролюбова, которое не было доведено Чернышевскимъ до конца. Конецъ послѣдняго тома былъ полностью просмотрѣнъ и прокорректированъ уже г. Антоновичемъ. Туруновъ отнесся внимательно къ его заявленію о возвратѣ запечатанныхъ матеріаловъ. При этомъ удалось выручить и „дневникъ“ Добролюбова, переданный имъ потомъ А. Н. Пыпину.

²⁾ Семья Чернышевскаго еще 3 іюля уѣхала въ Саратовъ.

Что же это за дневникъ? Я не рѣшился взяться за кропотливую работу его развертыванія, требующую для своего окончанія, по крайней мѣрѣ, двухмѣсячнаго ежедневнаго посѣщенія сенатскаго архива, тѣмъ болѣе, что все равно не имѣлъ бы возможности напечатать этотъ «дневникъ», съ одной стороны, въ силу закона объ авторской собственности, съ другой—въ виду интимности нѣкоторыхъ мѣстъ, не подлежащей пока опубликованію. Работу эту взялъ на себя сынъ Н. Г.—М. Н. Чернышевскій, и конечно, все, что можно, будетъ имъ напечатано ¹⁾).

Въ дополненіе къ дневнику не мало интриговали и четыре картонныя полоски, длиною около четверти аршина. Вдоль нихъ слѣва были написаны по порядку буквы русскаго алфавита, а справа цифры, начиная съ 1. Всѣ полоски содержали въ себѣ буквально одно и то же... Шифръ, шифръ!—рѣшила сначала коммиссія, но потомъ какъ-то сама охладѣла, понявъ, вѣроятно, что такими простыми шифрами не работаютъ уже и дѣти.

Затѣмъ коммиссія сочла стоящими серьезнаго вниманія приведенный уже мною дворянскій анонимъ и довольно пространное письмо Огарева и Герцена къ неизвѣстному: обращеніе и всѣ фамиліи въ немъ подчищены перочиннымъ ножомъ.

Я не буду приводить здѣсь полностью это письмо, а познакомлю съ нимъ читателей только постольку, поскольку оно касается Чернышевскаго.

Сначала написанное Огаревымъ:

«Ну милый []²⁾, долго я думалъ и ждалъ, не поѣдетъ ли кто къ вамъ, но не дождался и рѣшился писать просто. Съ чего начать? Да ужъ начну съ того, что страхну злобу съ сердца. Истинно жалъ мнѣ, что васъ нѣтъ въ Питерѣ, потому что наши шалятъ. Вы спрашивали, что такое, что больно было слышать. Да то, что Черн. поручилъ тому господину, который въ [] не попалъ, сказать намъ, чтобъ мы не завлекали юношество въ литературный союзъ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Конечно, никто такъ не уважаетъ скептицизмъ, какъ я. Разсѣкая міръ до математической точки, я дохожу до формулы 0∞ , но это не мѣшаетъ мнѣ знать, что нуль также результатъ и $-\frac{1}{-}$, и собственно есть предѣлъ. Что я не въ состояніи наполнить бездну или черту, раздѣляющую логическія опредѣленія отъ живого міра, не могу показать, какимъ образомъ предѣлъ переходитъ въ дѣйствительность и чему, какой формулѣ $= 0\infty$, изъ этого не слѣдуетъ, что я въ ту минуту, когда надо дѣло дѣлать, задалъ бы себѣ задачу: ну, а если изъ этого ничего не выйдетъ? Такой скептицизмъ равенъ тунейдству и составляетъ преступленіе. А между тѣмъ онъ человѣкъ съ вліяніемъ на юношество; на чтожь это похоже? Ступайте въ Питеръ, возьмите его за воротъ, порас-трясите и скажите: стыдно. Вскорѣ послѣ этого, по случаю какой-

¹⁾ Пользуюсь случаемъ принести М. Н. Чернышевскому свою искреннюю благодарность за многія весьма важныя указанія, сдѣланныя мнѣ.

²⁾ Эти скобки стоятъ на мѣстѣ вычищеннаго слова.

то исторіи Рима, встрѣчаемъ мы въ «Современникѣ» (уже прежде смекнувши изъ довольно плохой критики въ Петер. Вѣдом.) статью прямо противъ насъ, т. е. что напрасно, молъ, говорить, что въ Россіи есть возродительное общинное начало, котораго въ Европѣ нѣтъ, что общинное начало вздоръ, что Европа не умираетъ, потому что одному человѣку 60 лѣтъ, но зато другому 20 (какъ будто историческая смерть есть вымираніе людей, а не разложеніе общественныхъ химическихъ соединеній извѣстнаго порядка!) и что тѣ, кто это говорятъ, дураки и лжецы, съ намекомъ, что рѣчь идетъ объ насъ, и забывая, что до сихъ поръ сами держались этимъ знаменемъ. Зачѣмъ это битие по своимъ, да еще съ преднамѣренной ложью? Плохо дѣло! []! []! горе, когда личное самолюбіе поднимаетъ голову, завидуя или въ отместку за неуваженіе къ воровству какого нибудь патрона! Какая тутъ общественная дѣятельность, какое общее дѣло! Тутъ идетъ продажа, продажа правды и доблести изъ-за личныхъ страстишекъ и видовъ; продажа *дѣла* изъ-за искусственнаго скептицизма, который даже не скептицизмъ, а просто сомнѣніе въ приложеніи *себя* къ дѣлу, безъ всякаго пониманія принципіальнаго скептицизма. Вдобавокъ въ этой статьѣ сказано, что растеніе не умираетъ оттого, что питательные соки перестаютъ въ него изъ земли съ любовью всасываться. Хорошъ скептицизмъ! Нѣтъ! Поѣзжайте въ Питеръ и скажите, что это стыдно, что такъ продавать Христа, т. е. правду и дѣло, непозволительно. Это то, что христіане называли преступленіемъ противъ духа. Ну! будетъ объ этомъ, только помните, что я считаю эти выходки не личной обидой, а *помѣхой дѣлу*, поэтому и убѣжденъ, что вы обязаны щелкнуть дружески, но военнымъ кулакомъ по такой дребедени».

А вотъ и Герценовская приписка:

«[]¹⁾ такую бездну написалъ, что я изъ любви къ ближнему не буду писать много. Мы никогда бы не догадались, что Черныш. à la baron Vidil, ѣхавши дружески возлѣ, вытянулъ меня арапникомъ. Это я обязанъ Спб. Вѣдомостямъ—они указали. Впрочемъ, [] слишкомъ серьезно это принимаетъ. Я тутъ, какъ въ пресловутомъ письмѣ Чич.²⁾, больше всего дивлюсь ненужной запальчивости выраженій—ругаться слишкомъ простое средство и не есть патентъ на особую эстетичность.

«Если вы увидите [], кланяйтесь ему отъ меня, мнѣ очень досадно, что я его не могъ навѣстить []—хлопотъ была бездна.

«Читалъ повѣсть Печерскаго (Мельникова) *Гриша*³⁾. Ну скажите, что же это за мерзость—ругать раскольниковъ и дѣлать уродливо смѣшными! Экой тактъ. А гророс, рекомендую вамъ небольшую статейку мою объ открытіи мощей Тихона.

«Будьте здоровы и прощайте».

¹⁾ Вѣроятно вычищено «Огаревъ».

²⁾ Письмо Б. Н. Чичерина, напечатанное въ «Колоколѣ», противъ Герцена.

³⁾ Помѣщена въ мартовской книжкѣ «Современника» за 1861 годъ.

Объ этомъ письмѣ будетъ говорить еще самъ Чернышевскій. Я сдѣлаю лишь необходимую для читателя историко-литературную справку, не останавливаясь на очень интересномъ вопросѣ о разрывѣ Герцена и Огарева съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Онъ такъ сложенъ и серьезенъ, что требуетъ особаго изученія.

Извѣстно, какъ реагировалъ Герценъ (а за нимъ и Огаревъ) на событія 1848 года, которыя ему удалось наблюдать лично. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что Западная Европа отжила свой вѣкъ, что ей не возобновить истощенныхъ жизненныхъ элементовъ, не продолжить дѣла прогресса, что вся созидательная роль въ исторіи должна принадлежать молодому русскому народу. Эта мысль съ каждымъ годомъ становилась все ближе и ближе символомъ вѣры издателя «Колокола». Несомнѣнно, въ ней была наличность нѣкоторой доли славянофильства, т. е. того политическаго ученія, которому такъ не сочувствовалъ Чернышевскій. Онъ считалъ, что говорить о дряхлости Запада и о возродительной роли Россіи значитъ играть въ руку людей, не желавшихъ кореннымъ образомъ, сверху донизу реформировать всю нашу жизнь и рассчитывавшихъ ограничиться крестьянской полу-реформой. Мысль эту онъ высказывалъ неоднократно. Въ майской книжкѣ «Современника» за 1861 г. онъ помѣстилъ статью «О причинахъ паденія Рима (подражаніе Монтескье)», написанную по поводу выхода въ свѣтъ перевода «Исторіи цивилизаціи во Франціи отъ паденія западной римской имперіи» Гизо. Не называя, разумѣется, нигдѣ Герцена, онъ полемизируетъ тамъ съ его взглядомъ объ изжитіи Запада. Языкъ статьи мѣстами рѣзокъ. Напримѣръ, показавъ нелогичность оспариваемаго взгляда съ точки зрѣнія исторіи же, Чернышевскій говоритъ: «Что за охота выказывать себя глупцомъ или лгуномъ». Что касается общинаго землевладѣнія, какъ средства для перестройки соціальной жизни, которое только и имѣется, однако, въ Россіи, то Н. Г. по этому поводу отвѣчалъ: «Если сохранился у насъ отъ патріархальныхъ (дикихъ) временъ одинъ принципъ, нѣсколько соотвѣтствующій одному изъ условій быта, къ которому стремятся передовые народы, то вѣдь западная Европа идетъ къ осуществленію этого принципа совершенно независимо отъ насъ... Европѣ тутъ позаимствоваться нечѣмъ и не для чего: у Европы свой умъ въ головѣ и умъ гораздо болѣе развитой, чѣмъ у насъ, и учиться ей у насъ нечему, и помощи нашей не нужно ей; и то, что существуетъ у насъ по обычаю, неудовлетворительно для ея болѣе развитыхъ потребностей, болѣе усовершенствованной техники; а для насъ самихъ этотъ обычай пока еще очень хорошъ, а когда понадобится намъ лучшее устройство, его введеніе будетъ значительно облегчено существованіемъ прежняго обычая, представляющагося сходнымъ по принципу съ порядкомъ, какой тогда понадобится для насъ, и дающимъ удобное, просторное основаніе для этого новаго порядка». При этомъ Чернышевскій замѣчалъ еще,

что «кромѣ общиннаго землевладѣнія, невозможно было самымъ усерднымъ мечтателямъ открыть въ нашемъ общественномъ и частномъ бытѣ ни одного учрежденія или хотя бы зародыша учрежденія для предсказываемаго ими обновленія ветхой Европы нашею свѣжею помощью». Тамъ же онъ обращалъ вниманіе Герцена и его единомышленниковъ на ихъ коренную ошибку при констатированіи мнимаго историческаго вырожденія Европы: на то, что творящія истинное перерожденіе массы еще и не жили въ Европѣ историческою жизнью, а на нихъ то и надо возлагать надежды, а не на Россію.

Статья эта, благодаря своему заглавію, не обратила бы на себя вниманія въ Лондонѣ, если бы не пространный и довольно глупый фельетонъ о ней пресловутаго тогда Н. Воскобойникова въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾, въ которомъ авторъ беретъ подъ свою защиту «лучшихъ людей русскаго общества», оскорбленныхъ Чернышевскимъ. И если бы Герценъ и Огаревъ не прочли подлинной статьи, тогда ихъ негодованіе было бы еще понятно, но какъ могли они такъ понять самую статью—это совершенно непостижимо. Въ ней вовсе нѣтъ того, что имъ казалось.

Среди другихъ бумагъ болѣе или менѣе обратили на себя вниманіе записки и письма Чернышевскаго къ И. Е. Андреевскому по поводу прекращенія публичныхъ лекцій, письмо историка Костомарова по тому же поводу, вырванный листикъ изъ дневника Добролюбова, и письмо къ Чернышевскому М. Е. Салтыкова²⁾.

Кромѣ бумагъ самого Чернышевскаго, было взято довольно много чужихъ рукописей, бывшихъ у него на просмотрѣ. Неизвѣстно, что бы случилось съ ними, еслибъ Некрасовъ (въ срединѣ ноября) не подалъ прошеніе о возвращеніи ихъ ему, и не получилъ бы часть самъ, а часть,—по его порученію, Салтыковъ. При этомъ изъ 60 рукописей были задержаны двѣ, признанныя комиссіей неудобными для печати: анонимная — «Слѣдственное дѣло о хреяхъ и силлогизмахъ», и «Изъ воспоминаній дѣтства» Н. Аристова.

Итакъ, ясно—обыскъ не далъ, въ сущности, ничего, что такъ хотѣлось бы имѣть, бумаги Чернышевскаго обманули ожиданія и комиссіи и III Отдѣленія...

Но Потаповъ выходилъ и не изъ такихъ положеній...

1 августа онъ внесъ въ комиссію весьма любопытную «Записку изъ частныхъ свѣдѣній о титулярномъ совѣтникѣ Чернышевскомъ», что, на языкѣ III Отдѣленія, значило: по донесеніямъ той или иной степени рачительныхъ агентовъ. «Записка» эта, разумѣется, стоитъ того, чтобъ ее привести здѣсь полностью,

¹⁾ «Журнальныя замѣтки», 1861 г., № 144.

²⁾ Все, что касается публичныхъ лекцій, читатель найдетъ въ № 4 „Былого“; письмо Салтыкова уже напечатано въ № 2. Добролюбовская страничка войдетъ въ мою работу о Герценѣ (см. „Миръ Божій“ 1906 года).

исправляя по пути наиболѣе важныя «ошибки» «частныхъ свѣдѣній».

«Отставной титулярный совѣтникъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій, будучи авторомъ многихъ журнальныхъ статей политическаго и экономическаго содержанія, въ которыхъ постоянно проводились свободныя идеи, приобрѣлъ себѣ извѣстность литератора-публициста и пользовался авторитетомъ между молодымъ поколѣніемъ, которое онъ, съ своей стороны, старался возвысить въ глазахъ общества, какъ, по его мнѣнію, дѣятелей. Онъ составилъ себѣ отдѣльный кругъ знакомства, по преимуществу изъ молодыхъ людей, и при томъ недовольныхъ правительствомъ, лежепрогрессистовъ и лицъ, сдѣлавшихся государственными преступниками ¹⁾, собранія у него постоянно отличались какою то таинственностью и большею частью происходили въ ночное время. Доступъ къ нему постороннихъ лицъ былъ чрезвычайно затруднителенъ. Корреспонденцію онъ имѣлъ огромную, и велъ ее не только въ Россіи, но и за границей. Вниманіе правительства обращено на Чернышевскаго послѣ безпорядковъ, происходившихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ осенью 1861 г., когда получено было свѣдѣніе, что появившаяся между студентами прокламація, возбуждавшая молодежь къ сопротивленію властямъ, была составлена Чернышевскимъ ²⁾. Съ тѣхъ поръ за нимъ учреждено было постоянное наблюденіе, которымъ обнаружено:

«Въ концѣ 1861 года Чернышевскій почти постоянно бывалъ дома и спалъ не болѣе 2—3 часовъ въ сутки; иногда онъ уходилъ изъ дому рано утромъ чуть свѣтъ, но въ 10 часовъ уже возвращался; по вечерамъ же уходилъ почти постоянно въ 10 час. и возвращался въ 12, пронося часто съ собою бумаги. Писемъ онъ разсылалъ очень много, большею частью по почтѣ, но иногда съ поваромъ или швейцаромъ; 14 ноября онъ отправилъ два довольно толстыхъ письма въ Москву по желѣзной дорогѣ. 16 ноября Чернышевскій, противу всякаго обыкновенія, ушелъ со двора въ 12 час. дня и воротился въ 7 час. вечера. Когда же за нѣсколько предъ этимъ времени Чернышевскій потерялъ ключи отъ своего письменнаго стола, то, не выходя изъ кабинета, велѣлъ позвать слесаря, подобрать къ столу ключъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придѣлать замокъ къ двери кабинета, который съ тѣхъ поръ и запиралъ, когда уходилъ со двора. Напрасно жена его дѣлала ему замѣчаніе, что это лишняя предосторожность; онъ, всетаки, продолжалъ запи-

¹⁾ Очевидно, имѣлись въ виду В. А. Обручевъ и М. И. Михайловъ.

²⁾ О такой прокламаціи до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Несомнѣнно, въ связи съ начатымъ надзоромъ стоитъ и секретный циркуляръ всѣмъ губернаторамъ, данный Вагуевымъ 23 ноября 1861 года: «Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство, въ случаѣ поступленія къ Вамъ просьбы отъ литератора Николая Чернышевскаго о снабженіи его заграничнымъ паспортомъ, не выдавать ему оного, а представить на разрѣшеніе вѣреннаго мнѣ министерства». Вотъ, слѣдовательно, когда для Чернышевскаго уже готовилась крѣпостная клітка... (См. Второе приложеніе къ сборникамъ «Государственные преступленія въ Россіи», изд. подъ ред. И. Базилевскаго, Paris 1905 г. стр. 105).

рать комнату. Между тѣмъ замѣчено было, что Чернышевскій перемѣнился, сталъ задумчивъ, угрюмъ и мало разговорчивъ, избѣгалъ прислуги, тогда какъ прежде былъ ласковъ съ нею. Оказалось, что перемѣна эта произошла въ немъ послѣ поѣздки въ августѣ мѣсяцѣ въ Самарскую деревню его ¹⁾. 26 сентября Чернышевскій явился на сходку студентовъ около квартиры бывшаго попечителя округа генерала Филипсона. 20 ноября, въ день похоронъ литератора Добролюбова, Чернышевскій говорилъ рѣчь, въ которой видимо старался выразить, что Добролюбовъ былъ жертвою правительственныхъ распоряженій, мученикъ, убитый нравственно, однимъ словомъ, что Правительство умирilo его ²⁾.

«Замѣчательно обстоятельство: за нѣсколько предъ симъ времени двери къ Чернышевскому въ комнату стала отпирать жена его, тогда какъ прежде это дѣлала ихъ гувернантка, когда же потомъ госпожа Чернышевская уѣхала, то двери къ себѣ отпиралъ уже самъ Чернышевскій. 8 декабря Чернышевскій получилъ изъ Парижа письмо слѣдующаго содержанія:

«Прошу васъ, Николай Гавриловичъ, постарайтесь выслать мнѣ деньги. Мнѣ очень деньги теперь надобны. Пишу вамъ опять на всякій случай, можетъ быть, Вы уже въ Петербургѣ. Прошу Васъ не медлите. Уважающая Васъ М. Марковичъ» ³⁾. Вскорѣ послѣ этого Чернышевскій вдругъ сталъ чрезвычайно остороженъ, онъ сталъ запираеть кабинетъ свой, когда не только выходилъ со двора, но даже шель обѣдать или чай пить въ столовую; онъ никому не довѣрялъ и единственное лицо, которое пользовалось еще довѣріемъ его, былъ метранпажъ изъ типографіи Вульфа, Иванъ Михайловъ Стругалевъ. Между литераторами составилось даже убѣжденіе, что Чернышевскій и Некрасовъ находятся подъ влияніемъ какого паническаго страха, который, впрочемъ, распространился и на другихъ ⁴⁾. Поздно вечеромъ 22 декабря къ Чернышевскому пришли четверо мужчинъ, изъ коихъ одинъ въ волчьей шубѣ, не покрытой сукномъ, которые занимались съ нимъ въ кабинетѣ до утра. Въ часъ ночи онъ приказалъ принести самоваръ, но людямъ велѣлъ лечь спать, и посѣтителей выпустилъ по черной лѣстницѣ. Судя по наружности означенный посѣтитель въ волчьей шубѣ былъ вѣроятно изъ простаго званія. Около же этого времени сестра г-жи Чернышевской принесла три пачки какихъ то бумагъ и сама сожгла ихъ, оставаясь передъ печкою до тѣхъ поръ, пока онѣ сгорѣли, и мѣшая собственноручно въ печкѣ. Черезъ нѣсколько дней подобное же сожженіе бумагъ было повторено ⁵⁾. Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что

¹⁾ Въ Саратовъ.

²⁾ Такой же смыслъ рѣчи передаютъ и Никитенко въ своемъ «Дневникѣ» и г. Рейнгардтъ на стр. 452—453 «Рус. Стар.» 1905 г. II.

³⁾ М. А. Марковичъ (Маркъ Вовчокъ). Рѣчь шла о деньгахъ за собраніе ея сочиненій, которое Н. Г. устранивалъ у одного изъ издателей.

⁴⁾ Разумѣется, вздоръ.

⁵⁾ Рѣчь идетъ объ Е. С. Васильевой.

жена г. Чернышевскаго развозила по городу какія то небольшія книжки, завернутыя въ бумагу, и поручала кучеру своему, Никитѣ Тимофѣеву, спрятать ихъ въ сараѣ, но потомъ опять потребовала ихъ себѣ. Тогда полагали, что это были воззванія Герцена, подъ заглавіемъ «Что нужно народу» ¹⁾ и т. п. Справедливость этого подтверждается тѣмъ, что черезъ нѣсколько послѣ сего времени братъ жены его, студентъ Студенскій ²⁾, давалъ кучеру Чернышевскихъ брошюру «Что нужно народу» и тотъ читалъ ее въ кухнѣ въ присутствіи всей прислуги и даже постороннихъ. Оказалось, что книжки эти г-жа Чернышевская возила на Вас. островъ въ 8 линію, на подворье къ монахамъ ³⁾. Въ мартѣ сего года Чернышевскій, будучи у Некрасова, рассказывалъ, что къ 26 августа по всей Россіи манифестаціи, въ которыхъ будутъ выражены слѣдующія желанія всего образованнаго сословія:

«Прощеніе политическихъ преступниковъ, всѣхъ безъ исключенія, какіе только находятся въ живыхъ; дарованіе конституціи; свобода печати и уничтоженіе цензуры; отвѣтственность министровъ; гласное судопроизводство и т. п. Онъ говорилъ также, что онъ видѣлся со многими лицами—коноводами въ провинціяхъ этихъ манифестацій, какъ то: изъ Кіева, Харькова, Владиміра и др. городовъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ разнесся слухъ объ адресѣ въ пользу преступника Михайлова, и главными двигателями этого называли: Чернышевскаго и подполковника Шелгунова, на адресѣ видѣли даже въ числѣ другихъ подпись Чернышевскаго. Въ маѣ Чернышевскій получилъ изъ-за границы письмо отъ профессора Пыпина, который увѣдомлялъ его, что онъ началъ заниматься своими специальными изученіями, но болѣе отрицательно; что берлинскія матрикулы народнаго образованія лучше путятинскихъ, и что онъ приготовляетъ для «Современника» статью о прусскомъ законѣ печатанія. Въ заключеніе же Пыпинъ просилъ отвѣчать ему немедленно.

«Наконецъ, Чернышевскій утратилъ совершенно сочувствіе къ себѣ въ литературномъ кругу ⁴⁾. Тамъ положительно увѣряли, что если всѣ безпорядки въ городѣ и произведены молодежью, то, конечно, влѣдствіе тѣхъ идей, которыя были развиты въ ней партією Чернышевскаго, Героглифова ⁵⁾, Елисѣева ⁶⁾ и всѣхъ его сотрудниковъ. Арестаціи нѣсколькихъ изъ посѣщавшихъ Черны-

¹⁾ Во-первыхъ, не Герцена, а Огарева; во-вторыхъ, не брошюра, а листокъ. Ольга Сопратова, конечно, никакой развозкой герценовскихъ изданій не занималась.

²⁾ Студенскій не былъ братомъ О. И.

³⁾ Тоже вздоръ.

⁴⁾ Разумѣется, явный вздоръ: раздѣлившійся на двое литературный міръ относился къ Чернышевскому далеко не одинаково.

⁵⁾ Героглифовъ ни въ какой связи съ Чернышевскимъ не стоялъ и былъ однимъ изъ мелкихъ газетныхъ дѣятелей.

⁶⁾ Григорій Захаровичъ Елисеевъ, потому одинъ изъ членовъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“.

шевскаго лицъ и студентовъ ¹⁾, имъ образовываемыхъ, подѣйствовали на него: онъ разстался со всѣми, отправилъ жену въ деревню, распродалъ вещи, экипажи и намѣревался уѣхать, но въ это время открыты положительно его сношенія съ Герценомъ и онъ арестованъ. Посѣщавшихъ Чернышевскаго въ продолженіе этого времени лицъ было чрезвычайно много, по преимуществу литераторы, студенты и молодые офицеры артиллерійскаго и инженернаго вѣдомства. Покойный Добролюбовъ и Михайловъ были его друзьями, полковники Лавровъ и Шелгуновъ пользовались особымъ расположеніемъ его. Вообще Чернышевскаго можно считать главою партіи либеральныхъ литераторовъ.

«Кромѣ сего извѣстно, что въ іюні мѣсяцѣ 1859 г. Чернышевскій ѣздилъ за границу, былъ въ Лондонѣ у Герцена, который до того, по денежнымъ дѣламъ Огарева съ Панаевымъ, бывшимъ редакторомъ «Современника», былъ враждебенъ этому журналу, съ поѣздки же Чернышевскаго за границу со стороны лондонской русской прессы стало проявляться сочувствіе къ оному» ²⁾.

Эта «записка» явилась какъ нельзя болѣе во-время. Комиссія не считала, разумѣется, необходимымъ провѣрить «частныя свѣдѣнія». На нихъ вѣдь былъ штемпель безупречной истины: самое III Отдѣленіе...

Кромѣ того, большія надежды возлагались ею на иногороднюю и заграничную корреспонденцію Чернышевскаго, которую со дня его ареста приказано было доставлять прямо въ III Отдѣленіе, а оттуда въ комиссію. Ждали самой преступной переписки, надѣялись встрѣтить подготовленія манифестаціи 26 августа и т. д. Но и здѣсь постигло серьезное разочарованіе.

Изъ-за границы были получены сначала два письма Льва Мечникова, въ которыхъ онъ благодарилъ Чернышевскаго за вниманіе къ его литературнымъ предложеніямъ, посылалъ свою статью о Маццини и разрабатывалъ планъ статей о революціи 1848 года въ Италіи. Потомъ, не получая, разумѣется, отвѣта, Мечниковъ вновь напоминалъ своему корреспонденту о сдѣланныхъ предложеніяхъ и просилъ написать въ первую же свободную минуту.

Изъ провинціи были письма отъ А. Н. Плещеева ³⁾, Т. К. Гринвальдъ, просившей Чернышевскаго отвѣтить ей въ Дерптъ на два письма и все еще не вѣрившей возможности потерять умершаго Добролюбова, близкія ея отношенія съ которымъ Н. Г.

¹⁾ Кое-кто, дѣйствительно, былъ арестованъ уже по разнымъ поводамъ, но не благодаря знакомству съ Чернышевскимъ.

²⁾ Полное незнаніе обстоятельствъ. Чернышевскій вовсе ѣздилъ не мириться, а объясняться насчетъ статьи Герцена «Very dangerous!!!» прямо направленной по адресу «Современника». Объясненія эти ни къ чему не привели и, возвратясь, Чернышевскій не разъ выражалъ сожалѣніе, что ѣздилъ въ Лондонъ... Отношенія ихъ съ Герценомъ остались острыя, несмотря на сочувственный потомъ замѣтки послѣдняго о Добролюбовѣ и т. п. Кое что о поѣздкѣ рассказываетъ г. Тучкова-Огарева, но въ такихъ серьезныхъ событіяхъ на ея освѣщеніе и память совѣтъ нельзя полагаться; что же касается ея сообщеній о переговорахъ по поводу изданія за границей «Современника», то оно положительно невѣрно.

³⁾ Напечатано въ этомъ № «Былого».

были хорошо извѣстны, Захарѣина (Якунина) о передачѣ забракованной статьи въ редакцію «Времени», и друга Добролюбова—М. И. Шемановскаго, посылавшаго статью «Плата за ученіе и училищный налогъ» и просившаго выслать ему денегъ, безъ которыхъ невозможно продолжать начатое путешествіе по югу Россіи. Все это не обратило бы на себя совершенно никакого вниманія, если бы не нервное недовольство комиссіи отсутствіемъ прямыхъ и положительныхъ уликъ. Письма Мечникова были исчерканы краснымъ карандашомъ, а письмо Шемановскаго обратило на себя вниманіе черезъ недѣлю, когда онъ прислалъ Чернышевскому нѣсколько лубочныхъ картинъ южнаго производства. Комиссія сейчасъ же пришла къ логическому заключенію, что Шемановскій не иначе, какъ «агентъ Чернышевскаго», и просила III Отдѣленіе «обратить на него вниманіе».

Остальная корреспонденція не стоила даже и такого вниманія, но, всетаки, вся доставлялась въ «Современникъ» черезъ комиссію. Денежные пакеты и тѣ не шли къ Некрасову непосредственно.

III.

А Чернышевскій терпѣливо сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ компаніи съ Писаревымъ, Баллодомъ и др.

Онъ хорошо зналъ и былъ твердо увѣренъ, что ни въ его бумагахъ, ни въ бумагахъ близкихъ ему лицъ не найдутъ ровно ничего, могущаго служить матеріаломъ для сколько-нибудь добросовѣстно построеннаго обвиненія. Притомъ онъ вѣрилъ въ благоразуміе и элементарную порядочность правительства, не допускающа еще мысли о возможности какихъ бы то ни было подлоговъ.

Поддерживая переписку съ женой (бывшей съ дѣтьми въ Саратовѣ), Н. Г. всячески ее ободрялъ и успокаивалъ. Надо ли говорить, что всѣ письма, и отправляемые, и получаемыя имъ, прочитывались предварительно въ комиссіи.

Послѣдняя обратила особое вниманіе на письмо Н. Г. отъ 5 октября, признала невозможнымъ отправленіе его женѣ и приобрѣтила къ дѣлу, чтобы «имѣть въ виду при допросѣ Чернышевскаго».

Вотъ оно полностью:

«Милый мой другъ, моя несравненная, золотая Ляличка,

«Цѣлую тебя мой ангелъ. Я получилъ твои письма отъ 19 и 22 сентября. Теперь я имѣю основаніе думать, что довѣренность тебѣ вышла на дняхъ,—тогда, моя милая, дѣлай, какъ тебѣ угодно, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что мнѣ будетъ казаться наилучшимъ именно то, что ты сдѣлаешь: если не станешь продавать домъ и останешься дожидаться меня въ Саратовѣ,—значитъ, такъ было лучше; если продашь домъ и пріѣдешь въ Петербургъ,—значитъ, такъ лучше. Вѣдь ты знаешь, моя милая,

что для меня самое лучшее то, что для тебя лучше. Ты умнѣе меня, мой другъ, и потому я во всемъ съ готовностью и радостью принимаю твое рѣшеніе.—Объ одномъ только прошу тебя: будь спокойна и весела, не унывай, не тоскуй; одно это важно, остальное все вздоръ. У тебя больше характера, чѣмъ у меня,—а даже я ни на минуту не тужилъ ни о чемъ во все это время,—тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть твердой тебѣ, мой дружокъ. Скажу тебѣ одно: [[наша съ тобой жизнь принадлежитъ исторіи; пройдутъ сотни лѣтъ, и наши имена все еще будутъ милы людямъ; и будутъ вспоминать о насъ съ благодарностью, когда уже забудутъ почти всѣхъ, кто жилъ въ одно время съ нами. Такъ надобно же намъ не уронить себя со стороны бодрости характера передъ людьми, которые будутъ изучать нашу жизнь]].—Въ это время я имѣлъ досугъ подумать о себѣ и составить планъ будущей жизни. Вотъ какъ пойдетъ она: до сихъ поръ я работалъ только для того, чтобы жить. Теперь средства къ жизни будутъ доставаться мнѣ легче, потому что восьмилѣтняя дѣятельность доставила мнѣ хорошее имя. Итакъ, у меня будетъ оставаться время для трудовъ, о которыхъ я давно мечталъ. Теперь планы этихъ трудовъ обдуманы окончательно. Я начну многотомную «Исторію матеріальной и умственной жизни человѣчества»,—исторію, какой до сихъ поръ не было, потому что работы Гизо, Бокля (и Вико даже) дѣланы по слишкомъ узкому плану и плохи въ исполненіи. За этимъ пойдетъ «Критическій словарь идей и фактовъ», основанный на этой исторіи. Тутъ будутъ перебраны и разобраны всѣ мысли обо всѣхъ важныхъ вещахъ и при каждомъ случаѣ будетъ указываться истинная точка зрѣнія. Это будетъ тоже многотомная работа. Наконецъ, на основаніи этихъ двухъ работъ я составлю «Энциклопедію знанія и жизни»—будетъ уже экстрактъ, небольшого объема, два-три тома, написанный такъ, чтобы былъ понятенъ не однимъ ученымъ, какъ два предыдущіе труда, а всей публикѣ. Потомъ я ту же книгу переработаю въ самомъ легкомъ, популярномъ духѣ, въ видѣ почти романа, съ анекдотами, сценами, остротами, такъ чтобы ее читали всѣ, кто не читаетъ ничего, кромѣ романовъ. Конечно, всѣ эти книги, назначенныя не для однихъ русскихъ, будутъ выходить не на русскомъ языкѣ, а на французскомъ, какъ общемъ языкѣ образованнаго міра. Чепуха въ головѣ у людей, потому они и бѣдны и жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить имъ, въ чемъ истина и какъ слѣдуетъ имъ думать и жить. Со времени Аристотеля не было сдѣлано еще никѣмъ того, что я хочу сдѣлать, и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель.—А, впрочемъ, я заговорилъ о своихъ мысляхъ: онѣ секретъ, ты никому не говори о томъ, что я сообщаю тебѣ одной (тѣхъ, которые будутъ читать это письмо прежде тебя, я не считаю, потому что они этими вещами не занимаются). Но я рассказалъ тебѣ это для того, чтобы ты видѣла, какъ далека я отъ всякаго унынія,—о, нѣтъ, мой другъ, рѣдко когда бывалъ я такъ спокоенъ

и доволенъ, какъ въ это время. Смотри же, будь и ты спокойна и бодра. Ты здорова—только это и нужно мнѣ, чтобы я былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

«Но что тебѣ сказать о положеніи вздорнаго дѣла, которое служить причиною твоего огорченія и лишь по этому одному непріятно мнѣ? Рѣшительно ничего не могъ бы я тебѣ сказать объ этомъ, если бы даже говорилъ съ тобой наединѣ, потому что самъ ровно ничего не знаю: до сихъ поръ мнѣ не сказано ни одного слова объ этомъ дѣлѣ, и оно остается для меня секретомъ, котораго не разгадалъ бы я при всемъ своемъ умѣ, которымъ такъ горжусь, не разгадалъ бы, еслибы и хотѣлъ думать о вздорѣ, о которомъ и не думаю, будучи увѣренъ, что важнаго тутъ не можетъ быть ничего. Когда это дѣло кончится?—тоже не знаю; но вѣроятно скоро—вѣдь не годы же оно будетъ тянуться. Ну, можетъ быть, протянется еще мѣсяцъ, другой,—вѣдь три цѣлыхъ мѣсяца уже прошло,—а можетъ быть, и одного мѣсяца не протянется,—я ровно ничего не знаю, мой дружочекъ. Можно только судить по здравому смыслу, что большая половина этого нашего времени разлуки уже прошла. Будь же умница, мой дружочекъ. будь весела и спокойна,—за это я поклонюсь тебѣ въ ножки и расцѣлую ихъ.—Быть можетъ, мой милый ангелъ, ты вздумаешь, что лучше тебѣ дожидаться въ Саратовѣ довѣренности и выѣхать уже по продажѣ дома,—если такъ, то такъ; а впрочемъ, тебѣ виднѣе это; вѣдь тутъ все зависитъ отъ денегъ,—продавъ домъ, ты будешь имѣть ихъ; а теперь имѣешь ли? Напиши объ этомъ. Когда мнѣ скажутъ что нибудь, я увѣдомлю тебя, а теперь ровно ничего не знаю и ужъ по этому одному долженъ все предоставлять единственно твоему разсужденію, моя золотая Ляличка, еслибы не былъ всегда расположенъ во всемъ думать, что ты лучше меня можешь судить, какъ и что надобно сдѣлать. Вѣдь ты у меня золотая умница и за это я цѣлую тебя. Твой

Н. Чернышевскій.

«Чуть не забылъ приписать, что я здоровъ. Цѣлую дѣтишекъ. Будь здорова и спокойна. Тысячи и миллионы разъ цѣлую твои ручки, моя несравненная умница и красавица, Ляличка,—не тоскуй же смотри, будь (нѣсколько словъ на нижней строкѣ стерлись отъ времени съ бумагой.—*М. Л.*). А какая отличная борода отросла у меня: просто заглядѣнье».

Прочтя письмо, читатель, что бы вы думали, обратило на себя особое вниманіе комиссіи? Мѣсто, заключенное мною въ двойные прямые скобки. Комиссія увидѣла въ немъ непомѣрное самовозвеличеніе, преступную гордость! Она совершенно не поняла, что именно умный человѣкъ не могъ серьезно написать такого письма; что потому Чернышевскій и просилъ Ольгу Сократовну никому не рассказывать о его «планахъ», что понималъ, какъ они должны показаться всякому смѣшными своею совершенною несбыточностью. Онъ просто убѣждалъ жену въ полномъ своемъ

спокойствіи. Дальше читатель встрѣтитъ объясненіе этого письма, сдѣланное самимъ Чернышевскимъ.

Наконецъ, когда комиссія увидѣла, что если и можно что получить въ видѣ улики, то только путемъ допроса самого Чернышевскаго, который, конечно, де проговорится,—она дала ему первый допросъ 30 октября, предварительно, слѣдую общепринятой формѣ,—сдѣлавъ ему черезъ протоіерея Полисадова «священническое увѣщаніе», «чтобы показывалъ сущую правду»..

Вотъ этотъ допросъ.

«Николай Гавриловичъ Чернышевскій; происхожу изъ духовнаго званія; имѣю чинъ титулярнаго совѣтника и нахожусь въ отставкѣ; вѣроисповѣданія православнаго. На исповѣди и у св. причастія бывалъ, но не ежегодно, пропуская иногда обычное время говѣнія по множеству занятій. Женатъ на дочери покойнаго коллежскаго (или статскаго, не помню) совѣтника Сократа Евгеньевича Васильева, служившаго врачомъ при Саратовской удѣльной конторѣ; имя моей жены Ольга Сократовна. Мы имѣемъ двухъ сыновей: Александра, 8 лѣтъ, и Михаила, 4 лѣтъ ¹⁾. Жена и дѣти мои находятся нынѣ въ Саратовѣ.

«Отъ роду мнѣ 34 года. Воспитывался сначала въ Саратовской духовной семинаріи, потомъ въ Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1850 или 1851 году (кажется, въ 1850, но не ручаюсь, что именно тогда, а не годомъ позже) ²⁾.

«По окончаніи курса служилъ сначала преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ (весною 1851 г., кажется) уѣхалъ учителемъ гимназіи въ Саратовъ ³⁾; весною 1853 г. возвратился въ Петербургъ, и служилъ года два опять преподавателемъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ ⁴⁾; прослуживъ срокъ, требующійся для утвержденія въ чинѣ, вышелъ въ отставку,—кажется, въ началѣ 1856 или можетъ быть и въ началѣ 1855 года (последняя цифра, вѣроятно, точнѣе, но не помню хорошенько) ⁵⁾, потомъ, черезъ годъ или годъ съ небольшимъ, причислился на службу въ С.-Петербургское губернское правленіе ⁶⁾, не принимая никакой должности въ немъ, лишь бы считаться на службѣ въ утѣшеніе отцу, которому это нравилось. Такое зачисленіе на службу устроилъ тогдашній петербургскій вице-губернаторъ, г. Муравьевъ; когда онъ былъ переведенъ изъ Петербурга, и поступилъ новый вице-губернаторъ, незнакомый мнѣ, разумѣется, нельзя стало мнѣ числиться на службѣ, не неся никакихъ занятій по ней, и я вы-

¹⁾ Всѣ въ настоящее время здравствуютъ. Былъ еще сынъ Викторъ, родившійся 31 января 1856 г., но потомъ вскорѣ умершій.

²⁾ Въ 1850 г., со степенью кандидата.

³⁾ Назначеніе туда произошло 6 января 1851 года.

⁴⁾ Тамъ и въ Саратовѣ преподавалъ русскую словесность.

⁵⁾ Высоч. приказомъ 1 мая 1855 года.

⁶⁾ Выс. приказомъ 7 декабря 1856 г. зачисленъ канцелярскимъ чиновникомъ съ 13 ноября того же года.

шелъ въ отставку — кажется, въ 1858 г., а можетъ быть и въ 1859—не припомню хорошенько ¹⁾).

«Недвижимую собственность я имѣю: по наслѣдству отца своего и своей матушки домъ въ городѣ Саратовѣ и нѣсколько десятинъ земли (должно быть около 25 или 30 десятинъ) въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи.

«Подъ судомъ не былъ.

«Съ 1854 года, то есть почти съ самаго возвращенія своего въ Петербургъ изъ учительства въ Саратовѣ, занимался литературой».

В. «Съ кѣмъ вы знакомы въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи, равно за границею; когда и по какому случаю съ каждымъ изъ нихъ познакомились и въ какихъ находились сношеніяхъ?».

О. «Занимаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ редакціею одного изъ большихъ журналовъ, я долженъ былъ быть знакомъ съ сотнями или тысячами лицъ въ Россіи. Пересчитывать ихъ всѣхъ здѣсь было бы слишкомъ долго, да и напрасно, напрасно потому, что нужно только пересчитывать людей, писавшихъ въ журналахъ петербургскихъ и московскихъ, — и тотъ, кто потрудится пересчитывать ихъ, будетъ пересчитывать почти все знакомыхъ мнѣ. Отношенія эти у меня къ нимъ были чисто литературныя, — по помѣщенію статей въ журналъ «Современникъ» и по платѣ денегъ за статьи. — По случаю помѣщенія статей г. Мечникова въ «Современникъ» я писалъ ему раза два или три въ Италію, гдѣ онъ тогда (въ первой половинѣ 1862 г.) жилъ. Содержание писемъ моихъ къ г. Мечникову было таково: «такая то статья Ваша получена или напечатана мною. Деньги за нее Вамъ посылаются или будутъ посланы» ²⁾).

В. «По имѣющимъ въ комиссіи свѣдѣніямъ вы обвиняетесь въ сношеніяхъ съ находящимися за границею русскими изгнанниками и другими лицами, распространяющими злоумышленную пропаганду противъ нашего правительства, и съ сообщниками ихъ въ Россіи; равно въ содѣйствіи имъ къ достиженію преступныхъ ихъ цѣлей. Объясните: съ кѣмъ именно изъ этихъ лицъ вы были въ сношеніяхъ, въ чемъ заключались эти сношенія и ваши вслѣдствіе оныхъ дѣйствія, а также, кто участвовалъ съ вами въ этомъ дѣлѣ?»

О. «Мнѣ очень интересно было бы знать, какія свѣдѣнія могутъ имѣться о томъ, чего не было. Подъ русскими изгнанниками тутъ, вѣроятно, разумѣются гг. Герценъ и Огаревъ (это предположеніе я высказываю здѣсь потому, что ихъ фамиліи были мнѣ сказаны лицомъ, предлагавшимъ мнѣ изустные вопросы, имени

¹⁾ 4 марта 1859 г.

²⁾ По отвѣтамъ Мечникова видно, что, въ сущности, письма были конечно вовсе не такого казенно-шаблоннаго характера, но Чернышевскій знаетъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и былъ увѣренъ, что письма къ Мечникову комиссія не увидитъ.

и фамиліи котораго не имѣю чести знать¹⁾)—всему литературному міру извѣстно, что я нахожусь въ личной непріязни съ ними по дѣлу г. Огарева съ г-жею Панаевою изъ-за имѣнія, которымъ управляла г-жа Панаева, по довѣренности г. Огарева. Непріязнь эта давнишняя.

«Какихъ соумышленниковъ имѣютъ и имѣютъ ли или нѣтъ какихъ соумышленниковъ въ Россіи гг. Герценъ и Огаревъ, мнѣ неизвѣстно.

«Я принужденъ здѣсь выразить свое удивленіе тому, что мнѣ предлагаются подобные вопросы.

«Прибавлю, что и по дѣлу г. Огарева съ г-жею Панаевою я не имѣлъ ни съ г. Огаревымъ, ни съ г. Герценомъ никакихъ сношеній. Точно также не имѣлъ я сношеній ни съ кѣмъ другимъ изъ русскихъ изгнанниковъ».

Прочтя вопросные пункты, Чернышевскому стало совершенно ясно, что онъ не ошибался, что за четыре мѣсяца усиленной работы коммиссія не нашла никакихъ серьезныхъ уликъ, и потому рѣшилъ держать себя съ нею совершенно опредѣленно и притомъ вызывающе.

Мало того, что онъ написалъ приведенные отвѣты, но по окончаніи допроса заявилъ еще, что подастъ жалобу на дѣйствія коммиссіи, какъ только кончится его дѣло. Можно себѣ представить, какъ обозлилась коммиссія всесильнаго Голицына...

Но она понимала свое неловкое положеніе. — На слѣдующій день она постановила признать послѣдніе отвѣты Чернышевскаго «неумѣстными» и, имѣя въ виду статью закона, по которой отвѣты должны излагаться безъ всякихъ околнчностей, положила «потребовать отъ Чернышевскаго, чтобы на предложенные ему вопросы далъ объясненіе, согласное съ требованіемъ закона».

1 ноября Чернышевскій былъ вытребованъ въ коммиссію и написалъ другой отвѣтъ на послѣдній вопросъ: «Ни съ кѣмъ изъ лицъ, распространяющихъ противъ правительства злоумышленную пропаганду, и ни съ кѣмъ изъ находящихся за границею русскихъ изгнанниковъ и ни съ кѣмъ изъ ихъ сообщниковъ въ Россіи я не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ. Прибавлю, что мнѣ и неизвѣстно, находятся ли таковыя сообщники у нихъ въ Россіи».

Повидимому, Чернышевскій надѣялся скоро быть выпущеннымъ и когда увидѣлъ, что надежда эта становится несбыточной, 20 или 22 ноября рѣшилъ написать два письма: одно государю, другое петербургскому генералъ-губернатору, кн. Суворову. Въ первомъ онъ, вѣроятно, объяснялъ всю незаконность правительства въ отношеніи къ себѣ, во второмъ—просилъ Суворова, почти единственнаго умнаго и порядочнаго представителя тогдашней

¹⁾ Генераломъ Огаревымъ.

придворной и бюрократической камарилы, пояснить государю дѣйствія комиссіи. Дальше читатель нѣсколько разъ встрѣтитъ упоминанія Чернышевскаго объ этихъ письмахъ, но познакомить его съ ними я не имѣю, къ сожалѣнію, возможности: въ сенатскомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ, въ комиссію они доставлены не были и, вѣроятно, припрятаны III Отдѣленіемъ, которое, конечно, получило ихъ отъ коменданта. Почему же оно ихъ скрыло? Разумѣется, потому, что считало справедливо рисующими картину собственного произвола и понимало, что передавъ эти письма официально въ комиссію, должно будетъ пустить ихъ и дальше—въ сенатъ и государственный совѣтъ, а это не входило въ расчеты ни кн. Долгорукова, ни Потапова...

Досугъ свой Чернышевскій употреблялъ на работу.

Началъ онъ ее переводомъ 16-го тома «Всемирной исторіи» Шлосера, разобранной по томамъ имъ, Зайцевымъ, Обручевымъ и Серно-Соловьевичемъ. 15-й былъ готовъ еще до крѣпости и, по просьбѣ Чернышевскаго, былъ переданъ комиссіей въ типографію Огризко. 16-й былъ сначала данъ на просмотръ сенатору Гедда, а потомъ въ декабрѣ переданъ черезъ оберъ-полицеймейстера тоже Огризко, но тотъ отказался принять его, не зная, у него ли будетъ печататься, и рукопись была сдана въ магазинъ Серно-Соловьевича.

15 января 1863 года Потаповъ передалъ комиссіи начало романа «Что дѣлать?» и письмо Чернышевскаго женѣ. Рѣшено было романъ передать на просмотръ Каменскому, а письмо не посылать, пока не будетъ прочтена рукопись. 26 января она была послана оберъ-полицеймейстеру для передачи А. Н. Пышину, съ правомъ напечатать ее «съ соблюденіемъ установленныхъ для цензуры правилъ». Каменскій, слѣдовательно, не нашелъ въ ней ничего относящагося къ дѣлу Чернышевскаго, а комиссія и не думала смотрѣть на «Что дѣлать?» съ точки зрѣнія цензора—предполагалось, что эту обязанность будутъ нести профессиональные цензора.

Начатый такимъ образомъ свой романъ Чернышевскій рѣшилъ, однако, прервать энергичной борьбой съ комиссіей.

22 января онъ написалъ коменданту крѣпости, генералу Сорокину, слѣдующую записку:

«Надѣясь, что дѣло его достаточно разъяснено теперь, Чернышевскій имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство представить съ Вашимъ ходатайствомъ на разсмотрѣніе, кому слѣдуетъ, его желанія:

1. Чтобы ему немедленно было разрѣшено видѣться съ его женою постоянно.

2. Чтобы комиссія пригласила его для сообщенія ему тѣхъ свѣдѣній о положеніи его дѣла, которыя могутъ быть сообщены безъ всякаго нарушенія какой либо слѣдственной тайны,—именно, въ какое приблизительно время дѣло Чернышевскаго можетъ быть окончено производствомъ. Чѣмъ оно кончится, этого онъ не спра-

пиваетъ; это ему извѣстно; но *когда* оно кончится, — это онъ желаетъ знать.

«22 января 1863 г.

Н. Чернышевскій.

«Р. S. Если онъ не получитъ отвѣта до четверга вечера (24 ч. января), то онъ будетъ знать, что не нашли удобнымъ или нужнымъ обращать вниманіе на эти его желанія. 22 января 1863 г.

Н. Чернышевскій.

Сорокинъ, по долгу службы, отправилъ эту записку въ III Отдѣленіе, вѣдавшее Алексѣевскимъ равелиномъ.

На слѣдующій день Потаповъ передалъ ее въ комиссію. Она положила «пріобщить къ дѣлу» новый документъ и... все. Чернышевскій терпѣливо прождалъ 22-е, 23-е и день 24-го; наконецъ, вечеромъ послалъ Сорокину записку: «Чернышевскій имѣетъ честь покорнѣйше просить Его превосходительство Г-на Коменданта извѣстить его, полученъ ли Его Превосходительствомъ какой либо отвѣтъ на записку Чернышевскаго отъ 22-го числа этого мѣсяца.—Вечеръ 24 января 1863 г. *Н. Чернышевскій.*

Сорокинъ послалъ и эту записку въ III Отдѣленіе. Отвѣта не получалось. 1 февраля комиссія и ее «пріобщила къ дѣлу».

Чернышевскій прождалъ еще до утра 28-го января и началъ голодовку...

Это было тогда совершенною новостью. Къ ней не были приготовлены.

Вотъ что разсказываетъ помощникъ смотрителя равелина: «Дѣло было такъ: нижніе чины караула да и самъ смотритель замѣтили, что арестантъ подъ № 9, т. е. Чернышевскій, замѣтно блѣднѣетъ и худѣетъ. На вопросъ о здоровьи онъ отвѣчалъ, что совершенно здоровъ. Пища, приносимая ему, повидимому, вся съѣдалась. Между тѣмъ, дня черезъ четыре, караульные доложили смотрителю, что въ камерѣ № 9 началъ ощущаться какой то тухлый запахъ. Тогда, во время прогулки Чернышевскаго въ садикъ, осмотрѣли всю камеру и оказалось, что твердая пища имъ пряталась, а щи и супъ выливались... Стало очевидно, что Чернышевскій рѣшился умереть голодною смертию... Ни увѣщанія добряка смотрителя, ни воздѣйствія со стороны III Отдѣленія долго не вліяли на него. Приказано было, однако, приносить ему въ камеру всю пищу по прежнему ежедневно, но онъ еще 3—4 дня не дотрогивался до нея и пилъ только по 2 стакана воды въ день. Соблазнительный ли запахъ пищи, страхъ ли мучительной голодной смерти или другія побужденія, но на 10-й день Чернышевскій сталъ ѣсть и недѣли черезъ двѣ онъ совершенно оправился¹⁾».

Состоявшій при крѣпости докторъ Оксель 3 февраля донесъ коменданту, что Чернышевскій голодаетъ, вслѣдствіе чего «за-

¹⁾ Ив. Борисовъ, „Алексѣевскій равелинъ въ 1862—1865 гг.“, „Рус. Стар.“ 1901 г. XII.

мѣтно слабѣ», «цвѣтъ лица у него блѣдный, пульсъ нѣсколько слабѣе обыкновеннаго, языкъ довольно чистый; прописанныя ему капли для возбужденія аппетита онъ принималъ только два раза, а 3-го числа объявилъ, что не намѣренъ принимать таковыя, и что онъ воздерживается отъ пищи не по причинѣ отсутствія аппетита, а по своему капризу».

Утромъ 6-го февраля Чернышевскій прекратилъ голодовку, выдержавъ такимъ образомъ девять дней.

7-го же Потаповъ довелъ обо всемъ этомъ до свѣдѣнія коммисіи. Утромъ 6-го Чернышевскій писалъ коменданту:

«Такъ какъ только черезъ Ваше Превосходительство я имѣю сношеніе съ правительствомъ надежнымъ для меня образомъ и такъ какъ, безъ сомнѣнія, будетъ спрошено Ваше мнѣніе о случаѣ, возбужденномъ мною¹⁾, то я съ Вашего согласія, изустно сообщеннаго мнѣ г. Смотрителемъ, письменно прошу Васъ прямо сказать мнѣ, изустно или письменно: достаточно ли убѣждены Вы въ совершенной серьезности и твердости моей воли, которая была изустно объявлена мною Вамъ²⁾.—По неопытности въ различеніи симптомовъ страданія, я слишкомъ рано пріостановилъ продолженіе начатаго мною. Но я держу свой организмъ въ такомъ состояніи, что результаты, которыхъ я достигъ въ предыдущіе десять дней, нисколько не пропадаютъ; и если Ваше Превосходительство еще недостаточно убѣждены, я возобновлю свое начатое, безъ всякой потери времени съ прежнимъ намѣреніемъ идти, если нужно, до конца. Мнѣ непріятенъ скандалъ, но не я причина его; вѣроятно и Ваше Превосходительство также нисколько не причина его,—по крайней мѣрѣ, я въ томъ убѣжденъ, что Вы—не причина его.

«Прошу Васъ отвѣчать мнѣ — этого требуетъ ужъ и обыкновенная учтивость. Но если Вы не будете отвѣчать нынѣ (въ среду), это будетъ для меня значить, что Вы недостаточно убѣждены въ серьезности моего намѣренія. Въ такомъ случаѣ прилагаемая (запечатанная) записка моя къ Его Свѣтлости г. Генералъ-Губернатору не можетъ имѣть успѣха, и для меня все равно, какъ Вы найдете нужнымъ распорядиться ею.

«Если же Вы достаточно убѣждены въ серьезности и твердости моей воли, я прошу Ваше Превосходительство помочь мнѣ испытать послѣднее средство избѣжать мнѣ отъ развязки, гибельной для меня и невыгодной для правительства: я прошу Васъ передать Его Свѣтлости г. Генералъ-Губернатору мою записку къ нему. Она запечатана,—это требуется деликатностью относительно Его Свѣтлости. Но копія записки остается у меня, и если вамъ нужно или угодно, Вы можете взять у меня копію, которую я въ такомъ случаѣ пришлю Вамъ также запечатанною, какъ это письмо—запечатанною потому, что я желаю избѣжать всякаго

1) Почему такъ осторожно говорить онъ о голодовкѣ, неизвестно.

2) Очевидно, передъ этимъ были разговоры лично съ комендантомъ.

скандала. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга *Н. Чернышевскій*. 7-го февраля 1863».

«P.S. Понятно, почему я приостанавливаю начатое, когда въ послѣдній разъ пробую вступить въ переговоры,—это для того, чтобы по возможности не имѣть ненужнаго угрожающаго вида, *Н. Чернышевскій*. P.P.S. Прошу, Ваше Превосходительство, не пренебрегайте моею просьбою. Дѣло нисколько не шуточное. Съ этой минуты, если еще эта попытка не удастся, я уже не буду тревожить никого ни однимъ словомъ».

А вотъ что писалось князю Суворову:

«Ваша Свѣтлость, я обращаюсь къ Вамъ, какъ человѣку, въ которомъ соединяются два качества, очень рѣдкія между нашими правительственными лицами: здравый смыслъ и знаніе правительственныхъ интересовъ. Моя судьба имѣетъ нѣкоторую важность для репутаціи правительства. Она поручена людямъ (членамъ слѣдственной комиссіи), дѣйствія которыхъ показываютъ—тупость ума или всѣхъ ихъ, или большинства ихъ—говорю прямо, потому что это мое письмо вѣдь не для печати. — Для меня жизненный вопросъ, а для репутаціи правительства не ничтожное дѣло, чтобы на мою судьбу обратилъ вниманіе человѣкъ, могущій здраво судить о правительственныхъ интересахъ, какимъ я знаю Вашу Свѣтлость.

«Мои желанія очень умѣренны. Я могу указать средства, которыми правительство можетъ исполнить ихъ съ честью для себя, нисколько не принимая вида, что дѣлаетъ мнѣ уступку,—нѣтъ, видъ будетъ только тотъ, что оно узнало ошибку нѣкоторыхъ мелкихъ чиновниковъ, и какъ скоро узнало, благородно исправило ее.

«Это объясненіе гораздо удобнѣе было бы сдѣлать изустно, чѣмъ письменно: въ разговорѣ всякія недоумѣнія съ той или другой стороны тотчасъ же могутъ быть устранены. Потому я прошу Вашу Свѣтлость навѣстить меня. Но если вы не имѣете времени исполнить эту мою просьбу, я прошу у Васъ разрѣшенія писать къ Вамъ, но лично къ Вамъ и только къ Вамъ,—потому что, какъ я сказалъ, я только въ Васъ вижу качества, какія нужны государственному человѣку для здраваго пониманія государственныхъ интересовъ и выгодъ правительства. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашей Свѣтлости покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій*. 7 февраля 1863».

Уже изъ того, что Чернышевскій считалъ свою голодовку въ десять дней и 6-е февраля счелъ за 7-е, которымъ и датировалъ оба документа, можно видѣть, какъ подѣйствовалъ на него самого оригинальный тогда протестъ...

Сорокинъ разсудилъ за лучшее вытребовать у Чернышевскаго и копію, и всѣ три документа тотчасъ отправилъ въ III Отдѣленіе. На слѣдующій день они были получены въ комиссію, а Суворовъ опять ничего не получилъ. 7-го числа Сорокинъ передалъ

своей отвѣтъ Чернышевскому весьма неопредѣленно и Н. Г. пишетъ ему: «Отвѣтъ Вашего Превосходительства переданъ мнѣ въ неясномъ видѣ — это обыкновенное неудобство сношеній черезъ третье лицо. Я спрашивалъ Васъ: совершенно ли Вы убѣждены въ твердости моего намѣренія. Прошу Васъ прислать въ отвѣтъ одно изъ двухъ словъ: «да» или «нѣтъ», не прибавляя къ этому одному слову ничего, чтобы опять не вышло путаницы. Итакъ — «да» или «нѣтъ». 7 февраля 1863. *Н. Чернышевскій*».

Неизвѣстно, что отвѣтилъ на это комендантъ.

11 февраля комиссія положила «все эти документы приобщить къ дѣлу».

12-го Чернышевскій посылаетъ Пыпину уже 35 убористо написанныхъ страницъ продолженія «Что дѣлать?» и полулистъ замѣтокъ о необходимыхъ поправкахъ при корректурѣ. Все это было получено комиссией на слѣдующій день. Разсмотрѣнiе рукописи было поручено генералу Слѣпцову, и потомъ она была отправлена Пыпину.

Оригинально, что писанiе романа Чернышевскій прерывалъ, и довольно на продолжительные сроки, переводомъ исторiи ГERVINUSA и Маколея, которые разсматривались обычнымъ порядкомъ и доставлялись полицiей Пыпину.

Должно быть, отвѣтъ коменданта на вопросъ: «да» или «нѣтъ» заключалъ въ себѣ какую нибудь угрозу, потому что, выждавъ семь дней, 14 февраля Чернышевскій пишетъ ему: «Вотъ недѣля проходитъ послѣ моего свиданiя съ Вами, и мнѣ кажется, что ждать больше было бы напрасною потерей времени, и что Вамъ пора принимать противъ меня мѣры строгости, о которыхъ Вы говорили. 14 февраля 1863, утро, *Н. Чернышевскій*».

18 февраля комиссія, наконецъ, рѣшила не вызывать Чернышевскаго на вторичную голодовку и разрѣшить свиданiе съ женою въ присутствiи своихъ нѣкоторыхъ членовъ.

23 февраля, черезъ семь съ половиною мѣсяцевъ послѣ ареста, Чернышевскій наконецъ, впервые увидѣлъ свою жену.

Передъ этимъ онъ былъ посѣщенъ въ казематѣ членами комиссiи, но объ этомъ ниже мы прочтемъ его собственный рассказъ. Они обѣщали черезъ нѣсколько дней его освободить. Въря обѣщанiю, Н. Г. пишетъ комиссiи: «Чернышевскій просилъ бы увѣдомить его, когда будетъ назначено новое свиданiе его жены съ нимъ, и, если это не представляетъ неудобствъ, назначить его завтра, въ четвергъ. — Среда, 27 февраля 1863. *Н. Чернышевскій*».

Обѣщанiе и просьба, разумѣется, не были исполнены.

Ольга Сократовна поспѣшила прислать мужу довольно много книгъ, рукописей изъ редакцiи и новыхъ журналовъ: въ первыхъ числахъ февраля вышли уже первыя книжки «Современника» и «Русскаго Слова», отбывшихъ наложенную на нихъ кару. Комендантъ адресовался къ Потапову, а послѣднiй сообщилъ комиссiи, прибавивъ, что «для доставленiя арестантамъ Алексѣевского развѣлина развлеченiя чтенiемъ, разрѣшено давать имъ книги изъ

библиотеки, заведенной для сего при крѣпости». Комиссія нашла, что все присланное Чернышевскому женой можно ему выдать, исключая *современныхъ* журналовъ.

4 марта Н. Г. пишетъ вторично въ комиссію: «Чернышевскій имѣетъ честь напомнить о той просьбѣ, которую онъ выражалъ въ своей запискѣ отъ 27 февраля.—Марта 4, 1863 г. *Н. Чернышевскій*». Комиссія рѣшила молчать.

Тогда 7 марта Н. Г. пишетъ Сорокину:

«Ваше Превосходительство, со мною опять начинаютъ шалить. Задерживаютъ письма моей жены; не обращаютъ вниманія на мои желанія, о которыхъ я *знаю*, что для исполненія ихъ нѣтъ препятствій; даже не отвѣчаютъ на мои желанія, что уже просто невѣжливо; наконецъ, я не вижу исполненія того, что мнѣ было сказано въ глаза 23 февраля о *нѣсколькихъ* дняхъ.

«Сдѣлайте одолженіе, Ваше Превосходительство, употребите Ваше вліяніе на то, чтобъ убѣдить другихъ въ напрасности и неудобствѣ этихъ шутокъ. Я не знаю, кто это шутитъ; но, вѣроятно, лица, говорившія со мною 23 февраля, поддержать Ваше мнѣніе, что шутки эти пора прекратить.

«Когда мое терпѣніе истощится, я, по своему обѣщанію, предупрежу Ваше Превосходительство. Теперь пока, я думаю, что его еще достанетъ на *нѣсколько* времени. Но вѣрнѣе было бы не испытывать его. Нынѣ *восемь* мѣсяцевъ, какъ его испытываютъ,—кажется, этого довольно.

«Боже мой, что у насъ какъ все неловко и неумѣстно шалятъ надъ людьми! Пора бросить эту старую привычку,—ею надѣлано довольно уже много такого, чему вовсе не слѣдовало быть и что, конечно, не приноситъ пользы правительству. Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій*. 7 марта 1863 г.»

Но комиссія знала, почему она шутила. У Потапова созрѣлъ смѣлый планъ, и дѣло изъ фазиса полного отсутствія уликъ, вотъ-вотъ, должно было перейти въ другой.

III-е Отдѣленіе работало...

ЧАСТЬ II.

Два лжесвидѣтеля и одинъ подложный документъ.

I.

Въ августѣ 1861 г. въ Москвѣ было открыто тайное печатаніе противоправительственныхъ изданій. Привлеченными оказались отставной корнетъ Всеволодъ Костомаровъ, Иванъ Гольцъ-Мил-

леръ, Петръ Петровскій-Ильенко, Александръ Новиковъ, Яковъ Сулинъ, Леонидъ Яценко, Сваричевскій и др. Въ результатъ разбора въ 6 (московскомъ) департаментѣ сената дѣла «о составленіи и распространеніи злоумышленныхъ сочиненій», опредѣленіе котораго было утверждено государственнымъ совѣтомъ, подтверждено государемъ и объявлено обвиняемымъ 2 января 1863 года, Костомаровъ былъ разжалованъ въ рядовые и назначенъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ, а передъ этимъ долженъ былъ просидѣть въ крѣпости шесть мѣсяцевъ. Другіе понесли тоже серьезные кары.

Съ біографіей Костомарова читатель познакомится хорошо въ послѣдствіи, а теперь я только напомнимъ ему, что этому господину М. И. Михайловъ обязанъ былъ своей каторгой. Онъ занимался литературой и потому имѣлъ въ ней много знакомствъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Шелгуновъ говоритъ, что у него былъ «какъ бы подавленный, нѣсколько жалкій видъ; въ немъ чувствовались бѣдность и не то какая то робость, не то какая то зависимость. Вообще онъ на свое положеніе жаловался и, какъ видно, очень нуждался. У Костомарова былъ узкій кверху и убѣгающій назадъ, совершенно ровный, безъ возвышеній лобъ и подъ гребенку остриженная голова. Костомаровъ обыкновенно смотрѣлъ внизъ и рѣдко заглядывалъ въ глаза, а если это и случалось, то онъ сейчасъ же опускалъ глаза книзу. Разговаривалъ Костомаровъ мало, да и вообще говорилъ немного и имѣлъ видъ чловѣка молчаливаго и сосредоточеннаго. На меня эта молчаливость, глаза, опущенные книзу, и убѣгающій узкій гладкій лобъ производили впечатлѣніе силы и рѣшимости. Нужно думать, что такое впечатлѣніе производилъ Костомаровъ и не на меня одного. Во всякомъ случаѣ, ему вѣрили, его жалѣли, ему старались помочь и помогали въ дѣйствительности».

Эта часть характеристики написана до приговора надъ Костомаровымъ общественнаго мнѣнія, вслѣдъ за начатіемъ названнаго выше процесса. А вотъ какъ онъ характеризовался Шелгуновымъ послѣ: «Главными отличительными чертами характера Костомарова, какъ мнѣ кажется, были трусость и хвастливость. Хвастливость довела его и до либеральныхъ стишковъ и до ихъ печатанія. Вообще эта натура была придавленная, приниженная и пассивная. И вотъ, когда ужъ и такъ урѣзанная жизнь Костомарова кончилась заключеніемъ и солдатчиной, этого оказалось слишкомъ, чтобы онъ могъ вынести безъ протеста, но протеста въ формѣ жалобы и обвиненія другихъ. Это обыкновенная форма протеста всѣхъ слабыхъ людей, привыкшихъ повиноваться чужой волѣ. Слабый и неумный, Костомаровъ, потерявъ душевное равновѣсіе, потерялъ и способность правильно понимать и свои поступки. Личное чувство, и такъ ужъ въ немъ, должно быть, безмѣрное, въ заключеніи развилось еще больше, онъ преувеличивалъ свое

несчастіе и озлобился. Неоспоримо, что это былъ человѣкъ больной и несчастный» ¹⁾).

Чернышевскій говорилъ, что былъ увѣренъ въ душевной болѣзни Костомарова, въ его психической ненормальности и даже просилъ М. И. Писарева говорить объ этомъ всѣмъ, кто о немъ вспомнить ²⁾).

Итакъ, этотъ самый Костомаровъ сидѣлъ въ «Петропавловкѣ». Повидимому, III Отдѣленіе еще раньше во время процесса отбѣнило его. Неизвѣстно, въ какую форму выливались ихъ взаимныя отношенія, насколько они были трогательны и платоничны, но такъ или иначе, по обстоятельствамъ дѣла Чернышевскаго *понадобилось* извлечь Костомарова изъ каземата и выпустить на свѣжій воздухъ, подъ менѣе суровый и бдительный присмотръ. Для этого III Отдѣленіе пошло на освобожденіе его изъ крѣпости еще въ концѣ февраля, т. е. продержавъ тамъ Костомарова только мѣсяцъ съ небольшимъ вмѣсто полугода. 28 февраля его отправили къ мѣсту новаго служенія, на Кавказъ, но не въ сопровожденіи, какъ бы слѣдовало, двухъ нижнихъ чиновъ, а одного изъ выдающихся тогда расторопностью и «способностями» жандармскаго капитана Чулкова...

1 марта они прибыли въ Москву, и, какъ доносилъ Чулковъ, «по слабости здоровья Костомарова», остановились тамъ на сутки. Къ нимъ явился бывшій переписчикъ Костомарова—Яковлевъ и сдѣлалъ весьма важное открытіе въ разговорѣ съ бывшимъ своимъ принципаломъ: ему де извѣстны всѣ отношенія Чернышевскаго къ Костомарову. Чулковъ, приготовленный еще раньше къ приходу этого гостя, явившагося по вызову Костомарова особой запиской, очень предупредительно подалъ Яковлеву бумагу и просилъ задокументировать все разсказанное. Яковлевъ, разумѣется, исполнилъ просьбу безъ особыхъ приглашеній...

Надо было, конечно, и дѣйствовать, и благодарить.

Для этого Чулковъ тутъ же написалъ Потапову: «Вашему Превосходительству осмѣливаюсь рекомендовать подателя сего, московскаго мѣщанина Петра Васильева Яковлева, который очень можетъ быть полезенъ во многихъ случаяхъ; онъ мнѣ уже оказалъ услугу, и покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять его подъ милостивое Ваше покровительство» ³⁾. Вручивъ Яковлеву эту многозначительную рекомендацію, Чулковъ далъ ему на дорогу въ Петербургъ. Костомаровъ, въ свою очередь, написалъ матери: «Я въ Москвѣ уже, по обыкновенію веселъ, здоровъ и благополученъ. Петръ Васильевичъ оказалъ мнѣ весьма важную услугу—и сообразно этому будетъ, конечно, принять тобою. Я подарилъ ему свое пальто—пожалуйста, отдай. Ну больше

¹⁾ Изъ неизданной части воспоминаній, по уцѣлѣвшему отъ сожженія печатному экземпляру.

²⁾ Рейнгардтъ, и. с., «Рус. Стар». 1905 г., 11, 473, 475.

³⁾ Потомъ, когда дѣло было передано въ сенатъ, Чулковъ донесъ Потапову, что подъ «услугой» Яковлева онъ разумѣлъ полную его готовность объяснить извѣстныя ему отношенія Костомарова къ разнымъ лицамъ и назвать ихъ.

я ничего тебѣ не пишу;—во-первыхъ нечего, потому что я ни съ кѣмъ еще не видѣлся, во-вторыхъ... ты догадаешься почему. Au revoir. Крѣпко цѣлую тебя и мою милую Моху»...

Радостный Яковлевъ отправился на Николаевской вокзалъ.

Что же онъ написалъ по просьбѣ Чулкова и Костомарова?

«Лѣтомъ 1861 года, около іюля мѣсяца, будучи переписчикомъ бумагъ и разныхъ сочиненій у Г. Всеволода Костомарова и занимаясь у него постоянно, я очень часто видалъ у него изъ Петербурга какого то знаменитаго писателя подъ именемъ Николая Гавриловича Чернышевскаго и, переписывая бумаги по случаю лѣтняго времени въ бесѣдѣ сада дома г. Костомарова, когда они, ходя между собою подъ руку и разговаривая между собою, произносили слова, изъ которыхъ мнѣ удалось запомнить слѣдующія фразы, произнесенныя Г. Чернышевскимъ: «Барскимъ крестьянамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ». Вы ждали отъ царя воли, ну вотъ вамъ и воля вышла. Называя Г. Чернышевскій эту статью своею, упрасивалъ Г. Костомарова о скорѣйшемъ ея напечатаніи. Не только не находя въ этихъ фразахъ ничего противозаконнаго, но даже не имѣя рѣшительно никакой возможности понять точнаго смысла статьи, о которой у нихъ шелъ разговоръ, ибо до моего смысла доходило только нѣсколько отрывочныхъ фразъ,—я не считалъ тогда своимъ долгомъ довести этого ни до чьего свѣдѣнія. Но когда же услыхавъ впослѣдствіи, что Г. Костомаровъ осужденъ будто бы за какія то противу правительства незаконныя дѣйствія, и чтобы оградить себя отъ всякой могшей бы въ послѣдствіи возникнуть ответственности и считая себя въ непремѣнной обязанности и долгѣ всякаго честнаго гражданина, обязаннаго не скрывать предъ правительствомъ лицъ ему вредящихъ, доводитъ до свѣдѣнія этотъ разговоръ, неясно слышанный имъ между г.г. Чернышевскимъ и Костомаровымъ, хотя и теперь не понимая настоящаго его значенія, но единственно догадываясь, что лицу, повидимому, стоящему въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, какъ г. Чернышевскій къ г. Костомарову, можетъ быть были извѣстны и преступныя, какъ оказалось, замыслы друга его Г. Костомарова. Московскій мѣщанинъ Петръ Васильевъ Яковлевъ».

На другой день, 2-го, Костомаровъ якобы сказалъ Чулкову, что ему хуже, и потому, по просьбѣ своего провожатаго, былъ отправленъ на гауптвахту, какъ въ свободное казенное помѣщеніе. Тамъ у него были профессоръ Назарьянцъ съ сыномъ, прапорщикъ Ростовскаго полка Охотскій, докторъ того же полка, Меншиковъ, прапорщикъ Днѣпровскаго полка Шостакъ, братъ Костомарова Алексѣй—прапорщикъ резерв. бат. Либавскаго полка, фотографъ Суловъ и содержатель нотнаго магазина Юргенсонъ. Общество, какъ видимъ, довольно разнообразное... 4-го Костомаровъ почувствовалъ себя лучше, и они выѣхали изъ Москвы, прибывъ 5-го утромъ въ Тулу. Тамъ Костомаровъ «снова заболѣлъ»

и просилъ остановиться на два дня. Чулковъ, разумѣется, исполнилъ и эту просьбу.

Но два дня оказались нужны совсѣмъ для другихъ цѣлей...

5-го же Костомаровъ сѣлъ писать письма роднымъ, и вотъ Чулковъ замѣчаетъ у него одно довольно толстое, беретъ прочитать, видитъ, что въ немъ масса матеріала къ начатому дѣлу о Чернышевскомъ и спѣшитъ послать его въ тотъ же день Потапову. 7-го они «хотѣли» двинуться изъ Тулы дальше, но конечно, какъ и было условлено, получили телеграмму Потапова о немедленномъ возвращеніи въ Петербургъ...

Что же это за письмо?

II.

Адресованное въ «Петербургъ, Николаю Ивановичу Соколову, оставить на почтѣ впредь до востребованія», оно состояло изъ 5 листовъ почтовой бумаги большого формата и было исписано очень мелкимъ почеркомъ по частому транспаранту и почти безъ помарокъ.

Привожу его полностью.

«Тула. 5 Марта».

«Ну вотъ, наконецъ, я и дождался возможности говорить съ вами на свободѣ, безъ разныхъ цензурныхъ стѣсненій со стороны агентовъ хранителей души и тѣла нашихъ. И я дождался этого, какъ видите, гораздо скорѣе, чѣмъ предполагалъ. Уѣзжая, я обѣщалъ писать къ вамъ съ мѣста, до котораго, вы знаете, не рукой подать; слышно такъ, что въ Тулѣ приключилась мнѣ болѣзнь нѣкая, такъ что не имѣя никакой возможности продолжать свое странствіе, мы остановились здѣсь на нѣсколько дней.

«Итакъ, пользуясь этимъ неожиданнымъ отдыхомъ, я, не откладывая до неизвѣстнаго намъ будущаго, принимаюсь за обѣщанный вамъ комментарий на нашу юридическую войну.

«Принимаюсь... а съ чего начать? Pour le commencement,— конечно, какъ говорятъ французы, или, по древней поговоркѣ, ab ovo— съ яицъ Леды... Но вотъ тутъ то и камень преткновенія... Съ яицъ... съ которыхъ же именно? Ихъ такъ много... Въ такомъ случаѣ всего лучше было бы начать съ самой Леды, необъятное чрево которой... но это слишкомъ далеко заведетъ насъ, а у меня слишкомъ мало времени и... бумаги. Поэтому я начну съ Чернышевскаго.—Что за чортъ говорите вы (à peu près): Леда, яйца, и Чскій! Гдѣ же тутъ Witz, гдѣ-жъ тутъ послѣдовательность, логическая связь, etc?... Mais, mon ami, toutes ces choses paraîtront en temps et lieu; къ тому же я вѣдь собираюсь писать къ вамъ чуть ли не цѣлую эпопею, а—la plupart des poètes épiques se jettent tout d'abord *in medias res*: Horace fait de ce précepte le grand chemin de l'épopée... (изъ этого вы видите, между прочимъ, что я никакъ не могу отстать отъ своей несчастной привычки подражать въ своихъ письмахъ вавилонскому смѣшенію языковъ).



Иванъ Пантелеймоновичъ
ЕМЕЛЬЯНОВЪ.

«Итакъ—начнемъ... Но васъ, можетъ быть (я бы даже долженъ былъ сказать «конечно»), удивляетъ, что я начинаю прямо съ лица, о которомъ нѣтъ и помину въ томъ разсказѣ объ юридической войнѣ, на которую я, en nouveau Cézair, пишу свои комментаріи... Но въ томъ то и штука, другъ мой. Слушайте и рукоплещите явленіямъ всероссійской Θεимиды... Говорю рукоплещите—plaudite!—и не «удивляйтесь», потому что дивиться тутъ нечему, nil mirari. Смирennemудрая богиня правосудія не скрываетъ ни отъ кого, что она носитъ на глазахъ повязку и держитъ въ рукахъ фальшивые вѣсы... Въ такомъ видѣ, in blinde Kuh, ее можно видѣть ежедневно на одномъ изъ интереснѣйшихъ зданій нашей сѣверной палм-миры ¹⁾...

«Но, боже мой—я написалъ ужъ цѣлую страницу и все еще ничего не написалъ. Mais dût mon premier vers me coûter une heure,—я все-таки не начну своей исторіи прежде, чѣмъ познакомлю васъ съ милой личностью моего «потаеннаго» героя.

«Разумѣется, я буду очень коротокъ и скажу вамъ только то, что необходимо знать вамъ пока, чтобы вамъ не показалось страннымъ то озлобленіе, съ которымъ я, при всемъ моемъ желаніи быть сдержаннымъ, не могу не говорить объ этомъ человѣкѣ. Впослѣдствіи, когда я буду имѣть болѣе *свободнаго* времени, я непремѣнно поговорю съ вами о его литературной дѣятельности, тайной и явной—чтобъ показать вамъ, откуда подулъ тотъ вѣтеръ, который, какъ вы справедливо, хоть и немножко увѣсисто, замѣтили—(ну, да вы, чай, не совсѣмъ забыли ретерику Кошанскаго-то), который наслалъ столько жалкихъ жертвъ въ казематы россійскихъ крѣпостей и въ тѣ злачныя мѣста, куда отсылаютъ «по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ жандармовъ», .. тогда вы увидите, откуда на святомъ знамени свободы появился тотъ скверный девизъ, во имя котораго дѣйствуютъ наши доморощенные агитаторы, пишутся всѣ эти «Великоруссы» и «Молодая Россія», всѣ эти бесполезныя прокламаціи съ красными и голубыми печатями. Вы слишкомъ хорошо меня знаете, чтобы заподозрить меня въ ультра-рenegатствѣ, въ подкупленномъ или вымученномъ каждаго деспотизму, въ малодушномъ отступничествѣ отъ Христа, «иже свобода есть»—по словамъ Павла, отъ Христа не идущаго во славу судить вселенную, но Христа заушеннаго и угнетеннаго, идущаго на казнь крестную... Вы знаете, чего ищу я, вы знаете, чему я поклоняюсь. Вы знаете, въ чѣмъ я вижу свободу, и знаете, какимъ путемъ, хотѣлось бы мнѣ, дошла до нея моя родина. Вы давно знаете это, мой старый, мой сердечный другъ,—поэтому то я такъ смѣло говорю съ вами, увѣренный, что омерзение къ лжепроповѣдникамъ свободы вы не назовете іудинимъ лобзаніемъ Христа. Да, я буду и могу говорить съ вами съ чистымъ сердцемъ, съ покойною совѣстью. Вы не имѣете ничего общаго ни съ тѣмъ человѣкомъ, о кото-

¹⁾ На сенатѣ.

ромъ я буду говорить вамъ, ни съ той средой, въ которой онъ дѣйствуетъ; вы не имѣете ровно никакого вліянія правительственнаго, поэтому, можетъ быть, слишкомъ рѣзкія, слишкомъ желчныя слова мои не будете объяснять ни личнымъ моимъ озлобленіемъ, ни желаніемъ очернить Ческаго, для того, чтобы самому рядомъ съ нимъ казаться бѣлѣе (потому что ваше мнѣніе составилось обо мнѣ твердо и его, я увѣренъ, не измѣнить никакая сплетня): вы увидите въ письмѣ моемъ только желаніе, рассказавъ вамъ одинъ изъ подвиговъ нашего агитатора, — спросить васъ вмѣстѣ съ евангелистомъ Матеемъ: *«Какъ же могутъ добро глаголатъ, зми суще?»* (Я знаю, вы, старый ханжа, любите читать свою старую книгу въ темномъ кожаномъ переплетѣ съ уродливыми мѣдными застѣжками).

«Вотъ какое длинное вышло предисловіе. Ну, за то я постараюсь сдѣлать какъ можно короче текстъ».

«Чскій—такъ, по крайней мѣрѣ, я его понимаю, — человѣкъ съ самолюбіемъ необъятнымъ. Онъ, безъ сомнѣнія, считаетъ себя самымъ умнымъ человѣкомъ въ мірѣ (онъ даже и не думаетъ дѣлать секрета изъ такого самопризнанія) ¹⁾. Вслѣдствіе этого безцеремоннаго взгляда на самого себя, ему, разумѣется, кажется, что все, что сдѣлано не имъ, никуда не годится. И такъ какъ, кромѣ пагубы нѣсколькихъ десятковъ нашихъ лучшихъ юношей, до сихъ поръ пока еще ничего не сдѣлано, то и выходитъ, что все, елика на небеси горѣ и на землѣ низу и въ водахъ и подъ землею—не годится ни къ чорту. Молодое поколѣніе воспиталось не въ его школѣ (по крайней мѣрѣ не все)—молодое поколѣніе дрянъ; общество устроилось не по его методѣ—ну, и оно дрянъ; да нечего тутъ пересчитывать, однимъ словомъ все *сущее* идетъ въ бракъ, въ ломку («все права и блага общественной жизни находятся теперь въ нелѣпомъ положеніи», наприм. говоритъ онъ) и все, имѣющее существовать, должно созидаться по его методѣ, если хочетъ, чтобъ оно на что нибудь годилось. Итакъ, — «давайте все разрушать»... Но надѣленный отъ природы такими воинственными наклонностями, нашъ Thalaba the Destroyer не одаренъ, къ сожалѣнію, большой храбростью. Онъ, какъ новый Самсонъ, во что бы то ни стало хочетъ разрушить зданіе нашего общественнаго устройства... Только видите ли... старый, сильный израильтянинъ былъ такъ непрактиченъ, что втемяшился въ самую середину зданія и, расшатавъ столбы of his Commonweal—повалилъ все обломки на свою голову:

The poor, blind slave, the scoff and jest of all,
Expired,—and thousands peris in the fall...

«Это и коротко и ясно. Но нашъ Самсонъ разсуждаетъ иначе. Онъ такъ полагаетъ: чѣмъ мнѣ погибать подъ обломками стараго зданія, я лучше пошлю другихъ развалить его; а самъ посижу

¹⁾ Вспомните читатель, письмо Н. Г. къ женѣ. Не видѣлъ ли его Костомаровъ?...

пока въ сторонкѣ... Коли развѣливать — хорошо; я займусь тогда постройкой новаго (и, вы уже видите, что *такой* архитекторъ, составляя смѣты, конечно не обидитъ своего кармана), а не развѣливать — надорвутся, толкая крѣпкіе еще столбы, — такъ мнѣ то что? Я то всячески цѣль останусь. И пошлю новыхъ работниковъ; авось же найдется когда нибудь такой крѣпкій лобъ, что и прошибетъ стѣну... и въ писаніи сказано: толцые и отверзется и греческая пословица (которую, помните, зубрили мы когда то въ грамматикѣ Кюнера) говоритъ: капля долбитъ камень не силою, но часто падая...

«Я сказалъ, что разрушитель нашъ не одаренъ большой храбростью. Не знаю, отчего это я такъ сказалъ. Можетъ быть для того, чтобы фраза вышла покрасивѣе. Надо было бы сказать: «онъ просто жалкій трусъ». Это вѣрнѣе. Но многіе — вотъ что удивительно — видятъ въ немъ, напротивъ, чудо храбрости, просто какого то черкесскаго делибаша или скандинавскаго берсеркера. Но это вотъ отчего: *ses braves gens* немножко перепутываютъ два понятія: наглость, нахальство, охаверничество съ храбростью, самоотверженіемъ, геройствомъ. Въ «Полемическихъ красотахъ» ¹⁾ они видятъ, напримѣръ, цѣлую Илліаду храбрости. Отщелкать какого нибудь Альбертини ²⁾ они считаютъ подвигомъ, равнымъ убіенію гидры Лернейской. Написать подъ всеохраняющей эгидой материдензуры статейку объ іюльской монархіи (т. е. перефразировать Луи Блана) и въ ней, съ разрѣшенія какого нибудь Загигенина ³⁾, поглумиться надъ людьми, *восторгающимися настоящимъ*, надъ отчаяніемъ людей *нетвердыхъ духомъ* или *нетерпѣливыхъ* (ты то твердъ) — въ этомъ они видятъ цѣлый крестовый походъ противъ настоящаго порядка вещей, цѣлую революцію, — тогда какъ это, съ одной стороны, пишъ въ карманѣ, а съ другой — просто поддразниваніе. Но, боже мой! Неужели Аполлонъ сдѣлалъ великій подвигъ, содравъ кожу съ бѣднаго Марсіаса за то, что бѣдный пастухъ *осмѣлился* лучше его играть на флейтѣ? Неужели Чискій взаправду совершилъ великій подвигъ, отвѣлявъ на обѣ корки Альбертини, котораго самъ же называетъ ребенкомъ... въ сравненіи съ собой? Нѣтъ, воля ваша; это пакость, а не подвигъ. Отодрать человѣка вдесятеро слабѣйшаго да еще хвастаться: «вотъ, дескать, господа, смотрите, такъ будетъ со всѣми, кто не со мной идетъ, ибо кто не со мной, тотъ противъ меня... милыя дѣти, слушайте меня, и избѣгайте полемическихъ встрѣчъ со мною, не то выпорю васъ, каналы, обругаю и сотру съ лица земли. А ужъ кого я обругаю, тотъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ»... Вотъ вамъ и рыцарь Духа и апостолъ свободы и проповѣдникъ равенства! Да вѣдь это просто застращиваніе, это хуже всякаго III Отдѣленія, хуже... чортъ знаетъ чего! А потомъ это науськиванье въ его

¹⁾ Извѣстная статья Чернышевскаго.

²⁾ Н. В. Альбертини, сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ».

³⁾ Фамилія цензора.

безконечныхъ видоизмѣненіяхъ... этотъ поддѣльный, искусственный скептицизмъ, которымъ онъ такъ удачно бьетъ всегда по двумъ цѣлямъ разомъ: подстрекаетъ *нервнительныхъ*, которые видятъ въ этомъ скептицизмѣ глумленіе надъ собой, и отводитъ глаза кому слѣдуетъ... Вотъ, дескать, смотрите добрые люди: я всѣмъ говорю, что «изъ этого ничего не выйдетъ», меня даже не разъ въ тунеядствѣ укоряли за это... о, этотъ скептицизмъ, это науськиваніе, эта дрессировка бульдоговъ!... Знаю я, хорошо знаю и этотъ скептицизмъ, и эту дрессировку, и это науськиваніе: «сей есть ученикъ, свидѣтельствуй о сихъ, иже и написа сѧ».

«И вотъ вы, ворчливѣе, чѣмъ когда нибудь, въ сотый разъ предлагаете мнѣ свой сердитый вопросъ: «за что жъ ты, дурень, щадилъ его, этого нехорошаго человѣка? За чтожъ ты взялъ на себя его вину? Вѣдь въ твоихъ рукахъ были всѣ средства увязить его на свое мѣсто! Вѣдь я же самъ видѣлъ эти письма... чтожъ ты теперь то, снявши голову, плачешь по волосамъ?»— Да, другъ мой, вы правы въ томъ отношеніи, что въ рукахъ моихъ всегда была возможность сдѣлать то, чтобы текстъ моей сентенціи: «за составленіе возм. воззв. къ б. кр. 1) осуждается на то то»—относился не ко мнѣ, а къ Чскому. Но вы ошибетесь, если увидите въ письмѣ моемъ глупый «плачь по волосамъ» снявши голову». Тогда я долженъ былъ молчать... даже передъ вами, чтобъ въ жалобѣ моей *даже вы* не видали малодушнаго моленія о чашѣ; теперь, когда уже consummatum est, «совершилось», говорить во мнѣ горькая боль оскорбленнаго сердца. Вы поймете меня. Вы знаете, что это не фраза. Вы можете быть судьей между мною и ими. Вы слышали, что они говорятъ обо мнѣ *на основаніи* какой то *сплетни*, и видѣли, что я могъ сдѣлать *на основаніи* неоспоримаго факта. Вы знаете, что было въ моихъ рукахъ и какъ я *этимъ* воспользовался 2). Меня обвиняли въ малодушіи, подозрѣвали въ предательствѣ. Многіе, подхвативъ на лету недѣльную сплетню, молча оставили меня, другіе были почестнѣе и говорили мнѣ, въ чемъ меня обвиняетъ молва. Передъ *этими* мнѣ легко было оправдаться, точно также, какъ *было бы* легко оправдаться передъ закономъ. У меня были письма, которыя въ *моихъ рукахъ* служили мнѣ оправданіемъ передъ тѣми, кто меня обвинялъ въ предательствѣ, а въ *рукахъ правительствъ* могли служить мнѣ полнымъ оправданіемъ передъ лицомъ закона. Вы знаете, что я выбралъ, *какое* оправданіе я предпочелъ и что сдѣлалъ съ этими письмами... Нечего и говорить, что, выгораживая такимъ образомъ Чскаго и Шнова 3) изъ этого дѣла, я болѣе щадилъ себя, чѣмъ ихъ. Я не стану объяснять вамъ этой фразы; вы ее поймете и такъ. Знаю я, что загораживая

1) Т. е. «Къ барскимъ крестьянамъ».

2) Ниже мы увидимъ, что разумѣлъ здѣсь Костомаровъ.

3) Т. е. Шелгуновъ.

собою Ч. и ему подобныхъ, я глубоко виноватъ—не говорю передъ правительствомъ—потому что я не связанъ съ нимъ ничѣмъ,—но передъ обществомъ, для котораго дѣятельность кружка, созданнаго ученіемъ Чскаго, принесла и приноситъ такіе горькіе, такіе отравленные плоды.

«Не говоря уже о множествѣ личностей, сдѣлавшихся жертвою его науськиванія, я твердо убѣжденъ, что всѣмъ этимъ печальнымъ поворотомъ къ старому порядку, этими тяжелыми цѣпями, которыя снова наложили на наше слово и на нашу мысль, мы обязаны дѣятельности этихъ господъ. Они не избавили насъ отъ того, что они называютъ «рабствомъ египетскимъ», но своими безумными кривляніями сдѣлали то, что насъ закрѣпощаютъ въ еще большее рабство. Въ 60-мъ году, напримеръ, пресса наша была въ положеніи, которое можно было назвать весьма близкимъ къ разумной свободѣ. Что же они сдѣлали? Они сейчасъ же воспользовались этой свободой для своего науськиванія (я стою на этомъ словѣ, потому что рѣшительно не признаю въ ихъ писаніяхъ апостольства свободы), они сдѣлали литературу орудіемъ своихъ личныхъ страстей, видѣли въ свободѣ слова только возможность скандалничать и оправдывались тѣмъ, что свобода, «дарованная» нашей прессѣ, не шла далѣе этого позволенія (но вы хорошо знаете, что это вздоръ). Пр-во конечно не могло долѣе терпѣть этого безчинства, оставаясь самимъ собой, т. е. «императорско-россійскимъ» пр-омъ. Но оно поступило не совсѣмъ справедливо (ради Бога, да останется это между нами), отнявъ свободу слова (т. е. ту долю свободы, которую мы имѣли въ 60-мъ г.), у *всѣхъ*, а не у тѣхъ только, кто не умѣлъ ею пользоваться, хотя, съ другой стороны, нельзя и порицать его за это безусловно. (Я знаю, что его никакъ нельзя порицать, хотя бы оно засмаливало людей и зажигало ихъ вмѣсто факеловъ; но вѣдь... да останется это между нами, другъ мой). Правительство наше постоянно смотрѣло на литературу только издали, считая ее выраженіемъ не общественнаго мнѣнія, а носительницей идей того или другого кружка литераторовъ. Такъ оно и въ самомъ дѣлѣ было,—да и не могло быть иначе,—пока цензура под-водила всѣ мнѣнія подъ одинъ общій уровень, мѣра котораго указана была свѣше, дана была извнѣ, а не вышла изъ внутренней потребности самого общества. Пр-во имѣло тогда полное право не интересоваться положеніемъ нашей литературы, потому что, давая ей тонъ, оно знало напередъ, что найдетъ въ ней. Но когда оно значительно ослабило цѣпи, тяготѣвшія на нашемъ словѣ, оно должно бы было нѣсколько внимательнѣе присматриваться къ тому, что дѣлается въ литературѣ. И тогда... (тутъ я дѣлаю большой пропускъ; тутъ многое слѣдовало бы сказать, но ни время, ни мѣсто не позволяютъ этого)... тогда оно увидѣло бы, что голосъ Чскаго и братіи его, раздававшійся правда крикливѣе всѣхъ голосовъ въ нашей литературѣ,—не есть голосъ общественнаго мнѣнія; оно увидѣло бы, что этотъ голосъ, изъ-за

котораго нашу литературу снова вернули въ тотъ душный казематъ, въ которомъ она задыхалась со дня своего рожденія, снова отдали подъ солдатскій надзоръ разныхъ Фрейганговъ и Флеровыхъ ¹⁾, прогонявшихъ «вольный духъ» даже изъ поваренныхъ книгъ, какъ—не есть голосъ, выражающій общественное мнѣніе, а напротивъ идущій наперекоръ ему; оно поняло бы, что, говоря словами нѣмецкаго поэта,

Die öffentliche Meinung schreit und klagt:
Ihr habt von mir erborget eure Kraft;
Durch mich geschah, was Grosses ihr geschafft,
Durch mich gelang, was siegreich ihr gewagt.

Und nun ich euch ersöht, wollt ihr als Magd
Mich züchtigen mit Ruthen und mit Haft;
Ihr schämt euch flüchtigen Genossenschaft
Und habt mir, eurer Herrin, widersagt?

Und doch, ihr hörtet meine Donner rollen,
Und der Koloss der Zeit war schon zerstoßen,
Von dessen Ioch ich kam euch zu erlösen.

Ihr Seifenblasen, die mein Heuch geschwollen,
Und flücht'gen Schimmers meine Huld gehoben,
Ihr eille Seifenblasen—seid gowesen!....

«Но обо всемъ этомъ, *en temps et lieu*, мы еще будемъ говорить съ вами. Въ сотый разъ принимаюсь за «прерванную нить моего разсказа» (какъ говорилось когда то) и на этотъ разъ уже съ положительнымъ общаніемъ допрять ее какъ можно скорѣе.

«Итакъ, если вы что нибудь поняли изъ моихъ безсвязныхъ словъ (я удивляюсь еще, какъ въ послѣднее время я окончательно не утратилъ всякую способность мыслить и говорить)—вамъ будетъ понятно и то ожесточеніе, съ которымъ я говорю объ этихъ людяхъ, и та глубокая скорбь, которая разрываетъ теперь мое сердце... потому что

«Nessun maggior dolore»—

«Нѣтъ муки больше той, какъ страдать за идею, которой не служишь, и «положить душу свою» за людей, которыхъ не уважаешь, которымъ не имѣешь что сказать, кромѣ словъ нашего великаго апостола: «Гробъ отверзтъ гортань ихъ—языки своими мщашу; ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ. Ихъ же уста клятвы и горести полна суть: скоры ноги ихъ проліяти кровь! Сокрушеніе и озлобленіе на путяхъ ихъ, и пути мирнаго не познаша»...

«Я выбралъ этотъ текстъ не наудачу, другъ мой. Съ глубокимъ убѣжденіемъ, не измѣняя ни одной іоты въ этихъ горькихъ

¹⁾ Фамиліи цензоровъ.

словахъ великаго апостола, я примѣняю ихъ къ людямъ, которыхъ называютъ моими учителями, моими сообщниками...

«Я никому не говорилъ этого,—ни даже вамъ,—пока исповѣдь моего сердца могла быть перетолкована въ малодушное желаніе отвергнуться отъ казни; но теперь, когда для меня уже все кончено, я имѣю полное право говорить съ вами такъ, какъ говорю; мнѣ нужно высказаться—«или разорвется грудь отъ муки»... Я не могу молчать долѣе, потому что.

„j miei pensieri civ me dormir non ponno“...

«Я долженъ все сказать вамъ. Я слишкомъ дорожу вами, мой вѣрный другъ, и не хочу, чтобъ вы смѣшивали меня съ людьми, которые не познали мирнаго пути, но съ сокрушеніемъ и озлобленіемъ дѣйствуютъ, *«ибо скоры ноги ихъ проліяли кровь!»*.

«Само собою разумѣется, кровь чужую.

«Зная мой миролюбивый и отъ природы кроткій характеръ, вы хорошо поймете, какъ тяжело было и тогда мнѣ смотрѣть на этихъ проповѣдниковъ «крещенья кровью и огнемъ», на этихъ людей, говорившихъ, что «незачѣмъ тратить слова тамъ, гдѣ штыкъ скорѣе возьметъ то, что намъ надо»... но тогда, по крайней мѣрѣ (насколько это было возможно) меня мирила съ этими людьми мысль, что каковъ бы ни былъ путь, избранный ими, но они руководятся на немъ общей намъ цѣлью—исцѣленіемъ язвъ нашей страдающей родины; а теперь... съ какимъ глубокимъ омерзевеніемъ смотрю я теперь на этихъ кровавыхъ людей, когда я убѣдился, что они вооружились огнемъ и мечемъ не во имя благой идеи, а только за тѣмъ, чтобъ, обрушивъ головы всѣмъ, кто выше ихъ, стать такимъ образомъ выше всѣхъ и господствовать, хотя бы и надъ обезглавленными трупами... Да, я имѣю полное право говорить это, я имѣю твердое основаніе называть этихъ людей проповѣдниками крещенья кровью и огнемъ: такъ называли бы ихъ и вы, такъ называлъ бы ихъ всякій, кто прочиталъ бы первыя редакціи этихъ несчастныхъ воззваній, авторство которыхъ такъ обязательно приписывалъ мнѣ московскій сенатъ! Я не могъ конечно на память возобновить ихъ первоначальнаго текста, но живо помню то впечатлѣніе, которое они произвели на меня. Это было какое то странное, опьяняющее впечатлѣніе. Словно кровавый туманъ застилалъ глаза; казалось, онъ входилъ въ самый мозгъ, страшно и мерзко становилось мнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зарождалось какое то безотчетное удалство, такъ и подмывало схватить топоръ или ножъ, такъ и хотѣлось рубить и рѣзать, не разбирая, кого и за что... Какъ Фету при видѣ обоза русскихъ мужичковъ сталъ понятенъ мнѣ объ Амфіонѣ подъ звуки флейты котораго сами собой складывались евскія стѣны, такъ мнѣ впервые стала понятна тогда сила тиртеевыхъ пѣсенъ, сила марсельезы... такъ обаятельна была сила ихъ лукаваго слова! Потомъ, какъ и всякое опьяненіе, впечатлѣніе это,

конечно, разсѣялось скоро... Черезъ нѣсколько часовъ я уже былъ въ состояніи понять, что такое въ самомъ дѣлѣ эти прокламаціи и потомъ (какой вздоръ я написалъ было) ¹⁾ уговорить Ч. совершенно передѣлать и значительно смягчить текстъ воззванія къ Б. К. (Но, говоря потомъ со мною объ этихъ измѣненіяхъ, Ч. признавался мнѣ, что онъ согласился на эти измѣненія только потому, что иначе я не соглашался печатать ихъ; что онъ остался при своемъ убѣжденіи, что *мужикамъ* не толковать слѣдуетъ, не вразумлять ихъ, а только кричать почаще—«въ топоры, ребята!», что въ такомъ дрябломъ видѣ, какой, по нашему убѣжденію, приняло воззв. къ б. к., изъ него ничего не выйдетъ»... вотъ ужъ не это ли называютъ *скептицизмомъ*?) Впрочемъ, о воззваніяхъ этихъ рѣчь впереди. Мнѣ уже рѣшительно пора кончить бесѣдовать съ вами, а я съ ужасомъ замѣчаю, что я еще и не принимался за исполненіе своего обѣщанія,—сдѣлать нѣсколько поправокъ въ юрисдикціи моихъ неліцепріятныхъ судей, которымъ, по словамъ того же апостола Павла, «даде Богъ духъ умиленія, очи не видѣти и уши не слышати, даже до сего дня»...

«Итакъ, вотъ какъ было дѣло.

«Какъ и когда я сблизился или, лучше сказать, сошелся съ Ческимъ,—это все равно. Выступая на такъ называемое «литературное поприще», я искалъ случая пристроиться къ какому-нибудь журналу,—чего *безъ протекціи*, особенно мнѣ, съ моими, какъ вы знаете, весьма и весьма скромными способностями, сдѣлать было нельзя. Особенно хотѣлось мнѣ пристроиться какъ-нибудь къ «Совр.», направленію котораго (въ томъ видѣ, какъ оно проявлялось явно) я горячо сочувствовалъ. Больше всего мнѣ хотѣлось сблизиться съ Мих. ²⁾—и я былъ такъ счастливъ, что случай къ этому представился скоро... Я сердечно полюбилъ этого человѣка... и теперь горячо люблю его, несмотря на то, что мы пошли съ нимъ въ разныя стороны... ну, да объ этомъ говорить нечего.

«Первый визитъ мой къ Ч. былъ крайне неудаченъ. Меня привезъ Михайловъ. У Ч. было много народу въ тотъ вечеръ,—говорили все большею частью о такихъ важныхъ матеріяхъ, въ которыхъ въ то время я былъ совсѣмъ еще homo novus; говорили все люди для меня новые, незнакомые, говорили такъ горячо, такъ самоуувѣренно обсуживали и рѣшали все такіе важные вопросы, что я, человѣкъ, какъ вы знаете, вообще до смѣшного застѣнчивый, только конфузился и молчалъ... Изобразивъ на лицѣ своемъ, вѣроятно, что нибудь въ родѣ весьма глупаго умиленія, я долго сидѣлъ, забившись въ уголъ дивана. Наконецъ, хозяинъ сжалился надо мною и подошелъ ко мнѣ. Очевидно, онъ затруднялся тоже, не зная, объ чемъ ему говорить со мной. Я не помню ужъ, объ чемъ онъ заговорилъ со мной—только коротко conper-

¹⁾ Нѣсколько словъ вычеркнуто.

²⁾ М. И. Михайловъ.

sation наше опять не удалось, потому что я снова уткнулся въ уголъ дивана, а Ч., оставшись, впрочемъ, рядомъ со мной, на креслѣ, заговорилъ съ кѣмъ то о чемъ то другомъ. Такъ шло время. Я глупо молчалъ; Чскій, какъ то странно оставшись въ своемъ креслѣ, безпрестанно хихикалъ своимъ визгливо дребезжающимъ, неприятнымъ голосомъ... Наконецъ, вышелъ Мих. изъ другой комнаты и, моргнувъ Чскому, увелъ его въ кабинетъ. Минутъ черезъ 5 онъ вернулся и вызвалъ меня. Тутъ то и началось наше настоящее знакомство... Я не стану, конечно, передавать вамъ нашего разговора; *словъ* его не помню, а *смыслъ*—понятенъ. Съ стыдомъ сознаю, что результатъ его на первыхъ порахъ—сталъ благоговѣть передъ Ч., какъ передъ человѣкомъ, который, казалось мнѣ, держитъ въ рукахъ своихъ судьбы всея Руси. Тогда то и происходило чтеніе «воззв. къ б. к.» въ первоначальномъ его видѣ. (Надо вамъ сказать, что Мих., знавшій уже отъ меня, что въ Москвѣ есть возможность печатать безъ цензуры, на томъ станкѣ, на которомъ отпечатана была книга о Корфѣ¹⁾, и предварительно переговоривъ съ Ч., привезъ меня къ Ч. именно съ той цѣлью, чтобы переговорить о возможности напечатанія воззванія). О впечатлѣніи, какое произвело на меня это воззваніе, я уже говорилъ... Я не былъ въ состояніи ничего отвѣтить Чскому. Я окончательно, что называется, потерялъ голову, исчезъ, какъ Семелла въ величіи Юпитера. Замѣтивъ это (т. е. не Семеллу и Юпитера, а мое плачевное состояніе), Мих. увезъ меня отъ Ч., захвативъ съ собою и рукопись воззванія.

«На другой день утромъ мы вмѣстѣ съ М. еще разъ прочли воззваніе. Впечатлѣніе было уже совершенно иное. Мнѣ просто было тошно слушать этотъ аннибальскій призывъ къ рѣзнѣ... Миху тоже очевидно было неловко и тяжело. Одинъ Шлгновъ, тоже присутствовавшій на чтеніи, скакалъ и восклицалъ, какъ Давидъ передъ ковчегомъ завѣта... Много и долго говорили мы съ Мвымъ объ этомъ воззваніи. Оба мы признавали полную необходимость помочь, какъ умѣемъ, крестьянскому горю, вразумить мужика, что его—какъ намъ казалось тогда—во многомъ обошли и обманули; но вразумить вовсе не съ тѣмъ, чтобы онъ съ топоромъ въ рукахъ сталъ добывать себѣ «Землю и волю»; поэтому мы положительно осудили текстъ воззванія, составленнаго Чскимъ. Мы покончили, наконецъ, тѣмъ, что Мих. долженъ былъ отправиться къ Чскому съ положительнымъ отказомъ, съ моей стороны, способствовать напечатанію брошюры, если въ ней не будутъ сдѣланы предложенныя нами измѣненія и поправки.

«Мих. съѣздилъ къ Ч., и что они тамъ говорили, не знаю. Въ слѣдующее свиданіе наше Мих. сказалъ, что Ч. съ трудомъ согласился на измѣненія, говоря, что напротивъ, слѣдовало бы усилить тонъ, но что ужъ если *нельзя* печатать брошюру въ томъ

¹⁾ Сочиненіе Огарева—„14 декабря 1825 г. и императоръ Николай“, изд. въ Лондонѣ, въ 1858 г., было напечатано въ Москвѣ въ 1861 г.

видѣ, какой онъ проектировалъ, онъ, пожалуй, сдѣлаетъ измѣненія, только ужъ за успѣхъ не ручается, и даже думаетъ, что въ *такомъ видѣ* прокламація будетъ совсѣмъ бесполезна (скептицизмъ).

«Прошло нѣсколько дней. Домашнія дѣла отозвали меня въ Москву. Я уѣхалъ, не дождавшись измѣненной брошюры.

«Въ Петерб. остался Сороко, пріѣхавшій вмѣстѣ со мной для распродажи своего изданія ¹⁾ и стоявшій на одной квартирѣ со мной.

«Черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ вдругъ я узнаю стороной, что Сулинъ рассказывалъ какому то своему пріятелю, будто Ч. поручилъ ему (Сулину) отпечатать одну чрезвычайно важную брошюру. Извѣстіе это, дошедшее до меня, можетъ быть, уже черезъ двадцатые руки, очень понятно, и удивило меня и встревожило. Я сейчасъ же отыскиваю Сна, и узнаю слѣдующее: Ско, оставшись въ Пб. для окончанія своихъ дѣлъ, отыскиваетъ Миху, и явившись къ нему познакомиться отъ моего лица, рекомендуетъ себя однимъ изъ владѣльцевъ тайнаго станка. Михайловъ отдалъ ему рукопись воззванія, «какъ человѣку, который говорилъ ему, что имѣетъ возможность напечатать рукопись въ Москвѣ» (такъ, à peu près Мих. говоритъ въ своемъ показаніи, которое я запомнилъ очень хорошо; но сенатъ принялъ во вниманіе не совершенно одинаковое показаніе двухъ лицъ, которыя не могли и не имѣли никакой надобности стакнуться между собою, а совершенно невѣроятное показаніе самого Срко) и отдавая рукопись «желалъ, чтобъ она была напечатана». Но это только *официальныя* показанія. Въ самомъ же дѣлѣ вотъ какъ было: познакомившись съ С-кой, Мих. повезъ его къ Чскому и уже самъ Чскій, лично, передалъ Сорокѣ и рукопись воззванія и деньги (200 р.) для ея напечатанія. Когда я пришелъ къ Сну, я увидѣлъ, что деньги эти тратились совсѣмъ не на то, на что они были даны Чскимъ. Но, вѣроятно, устыдившись моихъ нареканій, С. и С. сейчасъ же принялись за приготовленіе къ устройству станка. Шрифты и станокъ немедленно были куплены, помѣщеніе я далъ имъ у себя наверху—и работа началась. Тутъ я не могу не остановиться на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, «слѣдствіемъ обнаруженныхъ». Сулинъ показалъ, что я «обѣщалъ помочь его положенію», если онъ, Слнъ, «согласится въ свою очередь оказать содѣйствіе къ напечатанію одной бездѣлицы»... и Слнъ согласился, будто бы даже не полюбопытствовавъ у меня, что это за бездѣлица. Посмотримъ теперь, что же это было за содѣйствіе, за которое я, повидимому, обѣщалъ заплатить Слну такъ щедро, ибо какимъ нибудь пятиалтыннымъ помочь бѣдственному положенію человѣка нельзя же. А по показанію Слна (на которомъ, очевидно, основанъ и приговоръ судей) только наборомъ пяти или шести строкъ, потому что когда Слнъ набралъ эти пять-шесть строкъ, я будто бы

¹⁾ Названной книги Огарева.

сказалъ, что теперь я выучился набирать, и *могу обойтись безъ него*. Какъ все правдоподобно, неправда ли? Но пойдѣмъ далѣе. Когда получена была предостерегательная записка, я (по тому же показанію) принялся за *уничтоженіе* станка (должно принялся его жевать и проглатывать); но при этомъ я (будто бы) хотѣлъ сохранить набранныя строки, но Сулинъ схватилъ ихъ (схватилъ!) и разсыпалъ... а потомъ взялъ нѣкоторыя части машины (да вѣдь я же принялся за ея *уничтоженіе*) и перевезъ на квартиру Кистера. Хорошо. Стало быть, станокъ, частью мною *уничтоженный*, частью отвезенный на квартиру Кистера, работать не могъ. Зачѣмъ же мнѣ было желать сохраненія набранныхъ строкъ тѣмъ болѣе, что ихъ было набрано такъ мало? Могъ ли, наконецъ, я желать сохраненія у себя чего либо, могущаго компрометировать, если я, по показанію Сна, такъ искренно повѣрилъ его предостерегательной запискѣ, что *немедленно принялся за уничтоженіе станка*, т. е. сталъ его жевать и проглатывать? *Se raucite diable*—Сулинъ, конечно, въ попыткахъ не могъ сообразить всей нелѣпости своихъ показаній, его въ продолженіе всего слѣдствія была лихорадка,—но послушайте,—что же *patres conscripti*?... Но мы никогда не кончимъ, если я буду останавливаться на всѣхъ подробностяхъ нашего дѣла,—(у меня нѣтъ на это ни времени, ни охоты). Поэтому «оставимъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ», мы переходимъ къ другой брошюрѣ, озаглавленной также вычурно, какъ и первая: «русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброжелателей поклонъ».

«Призывая крестьянъ къ бунту (если и не прямо, то возбуждая между ними такіе вопросы, къ разрѣшенію которыхъ крестьянинъ, очевидно, не могъ найти другого средства, кромѣ топора), составители манифеста естественно должны были позаботиться о томъ, что противопоставить тѣмъ мѣрамъ, которые правительство приметъ для подавленія бунта. Съ Ческаго довольно было только заварить кашу; какъ и кому придется ее расхлебывать, объ этомъ онъ не заботился. Ясно, что самое естественное, самое близкое и самое вѣрное орудіе пр-ва есть солдатъ. Стало быть надо дѣйствовать на солдата, надо его сманить на крестьянскую сторону. И вотъ проектируется «Русскимъ солдатамъ отъ ихъ доброж. поклонъ». Манифестъ этотъ берется составить Шелгуновъ. Но изъ его писаній вышло чортъ знаетъ что; такая чепуха, что въ ней и мужикъ реветъ, и корова реветъ, и самъ чортъ не разберетъ, кто кого деретъ. Недовольные этимъ опытомъ, пробовали и мы съ Мих. написать что нибудь, но у насъ вышло едва ли даже не хуже. У Млова—какой то философскій трактатъ, въ родѣ *presloutyago dei doveri degli Uomini*, а у меня—не то полковой приказъ, не то марсельеза. Такъ что за неимѣніемъ лучшаго поневолѣ приходилось удовольствоваться произведеніемъ Шнова. Между тѣмъ самъ авторъ твердо былъ, убѣжденъ въ томъ, что его воззваніе есть именно то, «что нужно солдату». И чтобы убѣдить насъ въ этомъ, предложилъ мнѣ походить вмѣстѣ съ нимъ

по солдатамъ, поговорить съ ними и, если представится возможность, прочесть имъ воззваніе, чтобъ посмотрѣть, какое оно произведетъ на нихъ впечатлѣніе. Сказано,—сдѣлано. Шел. пошелъ въ однѣ казармы, меня послалъ въ другія. Сговорились сойтись въ какой то харчевнѣ. Но я, конечно, не пошелъ въ казармы (вы знаете, что особеннымъ удалствомъ я вообще не отличаюсь), а, побродивъ по улицамъ, пришелъ прямо въ харчевню, гдѣ уже сидѣлъ Ш. съ своими знакомыми солдатами. Я, поздоровавшись съ Ш., подѣлалъ къ нимъ и молча слушалъ ихъ мудрую бесѣду. Ш. заносился, солдаты были такіе глупые, глупые,—пыхтѣли за чаемъ и поддакивали, какъ видно, ровно ничего не понимая и, всего скорѣе, не слушая. Мнѣ (признаюсь въ своей трусости) была крайне непріятна эта глупая и опасная комедія,—и я скоро уговорилъ Ш. уйти изъ харчевни. Дорогой онъ сообщилъ мнѣ, что солдаты слушали его съ восторженнымъ участіемъ и сдѣлали ему много очень дѣльныхъ замѣчаній; а я—что его знакомаго солдата не нашелъ, а другіе, съ которыми я пробовалъ было заговаривать, чуть меня не приколотили. Я поздравилъ его съ успѣхомъ; онъ посмѣялся надъ моею трусостью и неспособностью къ политическому агитаторству... Таковы были наши экспедиціи въ полярныя страны. Ну, потомъ Ш., вразумленный опытомъ, еще разъ десять переписывалъ свое посланіе; Мих. побавилъ въ немъ метафизики, повыкинулъ слишкомъ яркіе санкюлотизмы,—и я взялъ рукопись съ собою. Впрочемъ, мнѣ, все-таки, это посланіе не нравилось, особенно начало, гдѣ доказывалась несправедливость завладѣнія Польшей,—было, по моему мнѣнію, очень глупо. То есть не глупо само по себѣ, но глупо обращенное къ солдату, не имѣющему ровно никакого понятія ни о народномъ правѣ, ни объ «исторической необходимости»...

«Ну, теперь, *посланіе третье*—Вы знаете, что у насъ на Руси есть общины, вѣщныя формы которыхъ довольно близко подходятъ къ идеалу коммуны. Это раскольники, на которыхъ съ такой любовью останавливаются наши современные реформаторы. Отреченіе отъ собственности (у духоборцевъ), общее пользованіе жемами на б омъ положеніи, отвращеніе отъ наружныхъ обрядовъ церкви, неуваженіе къ предписаніямъ гражданской власти и пр. и пр.—вотъ тѣ *attrait*s, которые привлекаютъ къ русскому расколу любовные взгляды нашихъ коммунистовъ. Они, конечно, не могутъ не видѣть во всемъ этомъ одного тупого религіознаго фанатизма, они очень хорошо понимаютъ, что ненависть къ наружной церкви явилась у раскольниковъ не потому, чтобъ имъ были тѣсны формы, данныя Никономъ, но потому, что эти формы не во всемъ соотвѣтствовали заскоруюлому преданію; люди, провозгласившіе расколъ свободою отъ оковъ, наложенныхъ формами, не могли забыть фанатической привязанности раскольниковъ къ своимъ старымъ книгамъ, къ своимъ копченымъ образамъ, къ своему двуперстному знаменію, въ этихъ тупыхъ изувѣрахъ, которые считаютъ для себя оскверненіемъ даже пить воду изъ од-

Бого колодца съ «погаными» никонцами,—они никакъ не могутъ, въ самомъ дѣлѣ, видѣть людей, руководящихся правиломъ: что «въ сущности всѣ люди равны, ибо всѣ равно грѣшны и всѣ подлежатъ искушенію». Нѣтъ, не «живая сила духа» дорога мнѣ въ расколѣ, а дорога его непримиримая фанатическая ненависть къ обществу, дорого то, что они называютъ «позываніемъ ума и совѣсти и всего человѣка къ свободѣ», но что для «имѣющихъ уши слышати» значитъ то, что въ расколѣ никогда не умиралъ зародышъ пугачевщины. Поэтому для нашихъ агитаторовъ расколъ есть желанный и ожидаемый Мессія бунта.

«Само собою разумѣется, что мы не забыли *подоброжелательствовать* и расколу. «Поклонъ старообрядцамъ» былъ составленъ тѣмъ же «доброжелателемъ», который составлялъ и манифестъ къ крестьянамъ. Жаль, что онъ не сохранился у меня. Онъ былъ писанъ мною подъ диктовку Чскаго (жаль, что нѣтъ ни охоты, ни мѣста, ни времени, а то я рассказалъ бы вамъ, съ какими смѣшными предосторожностями совершалось это таинство... но, увы! ничто же тайно есть, еже не откроется),—и я сжегъ его вмѣстѣ съ многими другими бумагами, во время торговъ съ Николкой ¹⁾ о доносѣ. Впрочемъ, это была страшная дребедень—скучная, сухая, длинная рапсодія; во время ея писанья я съ трудомъ преодолевалъ сонъ. Помнится, это было безконечное разглагольствованіе во вкусѣ Ламеннэ; нелѣпая болтовня объ антихристѣ и его печатѣхъ, пересыпанная самой наглою лестью и самыми лживыми обѣщаніями...

«Такимъ образомъ мы, казалось, ничего не упустили изъ вида... кромѣ одной мудрой пословицы: не шути огнемъ—обожжешься...

«А вы, Чскій, забыли еще одну пословицу, тоже очень глупую. Когда нибудь я вамъ ее припомню.

«Это было во время второй моей поѣздки въ Птб., кажется, во время *последней добровольной* поѣздки... съ тѣхъ поръ—но эта исторія еще впереди.

«Во время самого печатанія манифеста къ крестьянамъ Чскій посѣтилъ меня въ Москвѣ, сдѣлалъ кое-какія поправки въ текстѣ воззванія и, оставшись доволенъ работою, благословилъ меня на новые и новые подвиги...

«Потомъ, какъ вы уже знаете, я бросилъ печатаніе брошюры, не кончивъ ее. Мих. уѣхалъ за границу. Этимъ роль моя политическаго агитатора и кончилась... навсегда.

«Весна и лѣто прошли тихо. Я предпринялъ изданіе исторіи всемірной литературы и, углубившись въ изученіе греческихъ и римскихъ классиковъ, совсѣмъ было забылъ о крестьянахъ барскихъ и о солдатахъ царскихъ,—какъ на меня былъ сдѣланъ доносъ Николкой... Меня взяли. Судили. Приговорили и вотъ—

¹⁾ Братъ Всеволода Костомарова, Николай, который, по его словамъ, донесъ на него въ 1861 г., не получивъ просимой за доноситељство суммы.

«Вотъ и все.

«Т. е. все, о чемъ я хотѣлъ и общалъ писать вамъ. А тамъ— что пережилося, что передумалось въ это время, это... что говорить объ этомъ! Это ужъ *мое* дѣло. Были у меня и другія столкновенія и съ этими и со многими другими людьми... «Суть же ина многа, яже сотвори, яже еще бы поединому писана быша, ни самому мнѣ всему міру вмѣстите пишемыхъ книгъ»...

«Я общалъ написать вамъ комментарий на производство моего дѣла въ сенатѣ. Ну вотъ онъ вамъ. Теперь выводите, меня ли слѣдовало бы подвергнуть наказанію за *составленіе* «возмут. воззв. къ б. к.», меня ли должно было признать *«зачинщикомъ содѣяннаго преступленія, управлявшаго дѣйствіями онаго»*... Не говорю ужъ о другихъ обвиненіяхъ: логичность ихъ говорить сама за себя. Вотъ, напримѣръ, образчикъ: «К-въ по собственному его сознанію (любопытно было бы мнѣ прочесть это *собственное* сознаніе) и обстоятельствамъ дѣла (о!!!) *оказывается* (!!!) виновенъ въ участіи въ (въ чемъ бы вы думали?) въ составленіи и распространеніи разбора книги бар. Корфа» и т. д. Какъ это вамъ нравится? *Я оказываюсь* (разумѣется, какъ положительно это говорится) виновенъ въ *составленіи* книги, напечатанной давнымъ давно за границей, *съ именемъ автора* (Огаревъ) и только *перепечатанной* въ Москвѣ, да и то въ то время, когда я жилъ въ Петербургѣ. (Когда я пріѣхалъ въ Москву и познакомился съ Сулинымъ, допечатывался уже *последній* листъ разбора). Или вотъ еще: *По 6-й категоріи* (насъ раздѣлили на 7 категорій по числу гимназическихъ классовъ или, можетъ быть, по числу чиновъ небесныхъ) К-въ состоитъ подсудимымъ за... *распространеніе воззваній* «къ барскимъ крестьянамъ» и «къ солдатамъ!» За *распространеніе воззваній*, которыхъ (это ужъ точно, по обстоятельствамъ дѣла *оказалось*) не было отпечатано ни одного экземпляра и которыхъ даже въ рукописи ни у кого не было найдено ¹⁾.

«Ну, да будетъ, всего не пересчитаешь. Да и незачѣмъ.

«Итакъ, вотъ вамъ истина во всей наготѣ ея,—истина, которой я не позволилъ прикрыть никакимъ фиговымъ листкомъ даже самыхъ зазорныхъ частей тѣла...

«Но, спросите вы меня (т. е. я это предполагаю, въ самомъ же дѣлѣ вы, вѣрно, не спрашиваете, потому что болтовня моя надобла вамъ давно,—какую роль я игралъ во всей этой комедіи *съ переодѣваніемъ*, которая, однако, для меня окончилась такъ трагически? Что же руководило мною? Желанье ли втереться въ кружокъ, въ который не пускали безъ извѣстнаго лозунга; желанье ли пощеголять въ роли политическаго агитатора; наконецъ, можетъ быть, искреннее сознаніе въ полезности всѣхъ этихъ прокламацій? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—«Ну такъ что же?—*Mais si voulez savoir ce que c'est... demandez—le au pourceau qui voit le*

¹⁾ Невѣрно: къ солдатамъ напечатана, а къ крестьянамъ вшита въ рукописи въ officialное дѣло Костомарова.

vent!... (quoique cette figure est banale et stupide, mais elle est empruntée on psaumes).

«Sur ce, mon ami, en vous souhaitant tous les biens possibles et impossibles.

Je suis
celui, qui Suis.

«PS. Письмо это я имѣю случай написать и послать вамъ, что называется, «воровскимъ манеромъ», завтра или послѣ завтра буду писать къ вамъ ужъ *открыто* и тогда поговорю съ вами о нашихъ домашнихъ дѣлахъ и о кое-какихъ порученіяхъ, о которыхъ я хочу просить васъ. Valete... et plaudite» ¹⁾.

III.

Зная, что, кромѣ самого Костомарова, долженъ еще вскорѣ появиться и документъ, вполне подтверждавшій приведенное письмо, III Отдѣленіе озаботилось съ одной стороны облить Костомарова передъ общественнымъ мнѣніемъ, а съ другой внушить комиссиі сознаніе, что тотъ документъ, который скоро представитъ предъ нею, еще пустякъ въ сравненіи съ другими, которые есть у Костомарова, но запрятаны имъ очень далеко...

Съ этою цѣлью братъ Костомарова, Алексѣй, прислалъ Потапову письмо, въ которомъ сообщалъ о полученіи на его имя, во время его отсутствія изъ Москвы, какого то пакета, по вскрытіи котораго оказался листъ, исписанный какими то цифрами... Потаповъ отложилъ этотъ листъ до прибытія Всеволода Костомарова въ Петербургъ... Когда послѣдній прибылъ въ столицу и былъ помѣщенъ уже не въ крѣпость, а въ апартаменты III Отдѣленія, ему предложили дешифровать присланное братомъ.

Вотъ что писалъ какой то И. С. Алексѣю Костомарову:

«26 января. Г. Костомаровъ,—совершенно нечаянно до меня дошли слухи, что вы уже давно ищите меня съ письмомъ отъ брата вашего, въ которомъ онъ поручаетъ взять у меня ввѣренный имъ мнѣ конвертъ съ бумагами извѣстнаго вамъ содержанія. Очень жалѣю, что я не могъ ни его посѣтить въ Сущ. ч. ²⁾, ни встрѣтиться съ вами послѣ. Впрочемъ, въ послѣднемъ едва ли даже и предстояла какая нибудь надобность послѣ того, какъ съ заключеніемъ въ крѣпость братъ вашъ совершенно пересталъ нуждаться въ довѣренныхъ имъ мнѣ бумагахъ, ибо не можете уже (извлечь?) изъ нихъ той нравственной пользы, какую онѣ приносили ему, когда онъ былъ на свободѣ. Но, если вы найдете

¹⁾ Г. Рейнгардтъ сообщаетъ объ этомъ письмѣ совершенно невѣрные свѣдѣнія (см. „Рус. Стар.“ 1905 г. II, 463). А ужъ совсѣмъ что то непонятное и спутанное сообщалъ, со словъ какого то товарища Чернышевскаго по ссылкѣ, г. Пекарскій въ № 77 „Нашей Жизни“ за 1905 г.

²⁾ До отправки въ крѣпость Костомаровъ сидѣлъ, въ концѣ 1862 года, въ Сущевской части Москвы.

возможность, увѣрьте брата вашего, что бумаги его будутъ у меня дѣлы, какъ нигдѣ, и что я строго и свято держу данное мнѣ слово возвратить ему эти бумаги тотчасъ же, какъ онъ самъ будетъ возвращенъ обществу и, стало быть, получить возможность дѣлать изъ нихъ то употребленіе, какое до сихъ поръ дѣлалъ, а не то, какое по слабости природы человѣческой могъ бы сдѣлать теперь, въ минуту отчаянія и скорби.

«Я повторяю его же слова, которыя онъ сказалъ мнѣ, отдавая эти письма; онъ благородно созналъ, что обезсиленный страданіями, самый честный человѣкъ можетъ быть иногда очень неразборчивъ въ средствахъ къ своему спасенію,—чего потомъ уже никогда не проститъ себѣ, и, презираемый самимъ собой, отвергнутый (всѣми?) честными людьми, всю жизнь свою будетъ мучительно раскаиваться въ своей малодушной слабости. Вотъ это то благородное сознаніе и заставило многоуважаемаго братца вашего отдать бумаги свои человѣку, образъ мыслей котораго былъ ему конечно извѣстенъ, но настоящей фамилии и адреса котораго онъ не зналъ,—чтобы отнять у себя такимъ образомъ всякую возможность сдѣлать подлое дѣло на «пристрастномъ опросѣ», который, къ стыду нашему, уничтоженный *de jure*, продолжаетъ существовать *de facto*. Все это я къ тому говорю, чтобъ показать вамъ (что?) мой образъ дѣйствій вполне согласуется съ желаніемъ братца вашего и, я увѣренъ, не можетъ быть ему непріятенъ. Да и оставя все это, онъ самъ же связалъ меня клятвой, нарушить которую меня не заставитъ ничто; въ силу этой клятвы, я обязанъ возвратить письма брату вашему немедленно по его водвореніи (тамъ?), куда онъ будетъ посланъ въ солдаты. И я сдержу свое слово, ибо, благодаря Бога, до сихъ поръ никогда не нарушалъ его. Тогда я умываю руки. Мое дѣло будетъ сдѣлано, а тамъ братецъ вашъ можетъ дѣлать съ своими письмами, что ему угодно. Мы внимательно слѣдимъ за судьбою его (потому что принимаемъ въ немъ большое участіе) и, повѣрьте, что куда бы судьба ни забросила его, письма, довѣренныя мнѣ имъ, немедленно найдутъ его. Я сегодня же долженъ уѣхать изъ Москвы, по дѣламъ своимъ, мѣсяца на три; а то повѣрьте, никакъ бы не отказалъ себѣ въ удовольствіи познакомиться съ Вами. Но это, конечно, не помѣшаетъ мнѣ знать все о братѣ вашемъ; я буду къ нему даже нѣсколько ближе. И. С.»

Итакъ, ясно,—думало III Отдѣленіе: все, что расторопнымъ Чулковымъ найдено у Костомарова при обратномъ слѣдованіи въ Петербургъ, все это вовсе не было съ нимъ въ дорогѣ изъ Петербурга и тѣмъ болѣе въ крѣпости, а получено вернувшимся раньше, по какимъ то случайнымъ обстоятельствамъ въ Москву «И. С.», и «честный Костомаровъ» даже при всемъ желаніи свалить свою вину на другихъ во время хода его процесса, не могъ этого сдѣлать, потому что еще раньше отдалъ всѣ компрометирующіе другіхъ документы въ постороннія, но вѣрныя руки...

Какъ я уже сказалъ, Чулковъ и Костомаровъ прибыли въ Пе-

тербургъ 10 марта. Тотчасъ способный капитанъ явился къ Потапову и, рассказавъ ему, какъ было дѣло, вручилъ уже извѣстный читателю доносъ Яковлева, и все «найденное» при Костомаровѣ. Почему Потаповъ обманулъ комиссію, пославъ ей доносъ Яковлева, какъ полученный имъ якобы отъ него самого—неизвѣстно; вѣдь по позднѣйшимъ бумагамъ эта ложь, какъ на ладони. На слѣдующій день, 11-го, онъ сообщилъ комиссіи о рапортѣ Чулкова и послалъ всѣ отобранные у Костомарова документы.

Особенно драгоценнѣе былъ одинъ уже пожелтѣвшій листочекъ, на одной сторонѣ котораго видны были написанныя рукой Костомарова какіе то стихи и подборъ рифмъ, а на другой—рукой *похожей* на почеркъ Чернышевскаго, карандашомъ значилось буквально слѣдующее: «В. Д. Вмѣсто «срочнообяз.» (какъ это по непростительной оплошност поставлен у меня) набирайтъ вездѣ «временнообяз.», какъ это называется в положеніи. Вашъ Ч». Последняя буква сдѣлана весьма неискусно и очень походить больше на «С». Я долго сравнивалъ почеркъ записки съ почеркомъ Чернышевскаго и категорически утверждаю, что подѣлка не удалась ¹⁾.

Затѣмъ два письма Чернышевскаго къ Костомарову.

1. Отъ 20 апрѣля 1861 г. «Вчера моя жена видѣла, Всеволодъ Дмитриевичъ, одного юношу, который, отправляясь за границу, нуждается въ спутникѣ - руководителѣ его неопытнаго ума. Этотъ юноша показался женѣ порядочнымъ человѣкомъ и она выразила ему предложеніе, что спутникомъ его, быть можетъ, согласитесь быть Вы. Онъ очень обрадовался и далъ намъ адресъ своего брата, живущаго въ Москвѣ, съ которымъ Вы можете переговорить относительно условій и т. д. Онъ напишетъ къ брату, а меня просилъ написать Вамъ. Вотъ адресъ юношина брата: въ Москвѣ, на Моховой, въ домѣ Скворцова, Григорій Григорьевичъ Устиновъ. Пожалуйста, повидайтесь съ этимъ Г. Г. Устиновымъ,—быть можетъ Вы и сойдетесь. Вашъ Н. Чернышевскій».

2. Отъ 2 іюля 1861 г. «Добрый другъ, Всеволодъ Дмитриевичъ, Ваша пьеса «Мостъ вздоховъ» (или какъ это иначе называется? объ утопленницѣ-то) печатается въ VII книжкѣ «Современника» (за іюль). О Вашей благотворительности въ пользу дворовыхъ пишу къ Алексѣю Николаевичу ²⁾.—Но что то подѣлываете Вы въ свою пользу? Я все возвращаюсь къ мысли объ урокахъ въ одномъ изъ корпусовъ. У меня теперь тамъ, кромѣ Котляревскаго, есть еще добрый знакомый, Свириденко, человѣкъ вполнѣ порядочный, подобно Котляревскому (хоть Алексѣй Николаевичъ его и не долюбляетъ, говоря по просту, но вѣдь это только несходство темпераментовъ и пріемовъ, а люди они очень хорошіе). Мнѣ хотѣлось бы познакомить Васъ съ ними, конечно, въ томъ

¹⁾ Въ будущей книжкѣ „Былое“ будетъ дана фотографія этой записки и почеркъ Чернышевскаго.

²⁾ Плещееву, жившему въ Москвѣ.

случаѣ, если бы Вы думали похлопотать при ихъ содѣйствіи объ урокахъ въ одномъ изъ корпусовъ.

«Спѣшу, по обыкновенію, и опять выходить отъ этого лапидарный слогъ. Жму Вашу руку, Вашъ преданный *Н. Чернышевскій*».

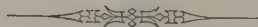
Три письма М. И. Михайлова къ Всеволоду Костомарову я пропускаю, потому, что они не даютъ ничего намъ необходимаго. Приведу еще письмо къ Костомарову А. Н. Плещеева отъ 3 іюня 1861 года:

«Дражайшій полиглотъ. Во-первыхъ, напишите мнѣ тотчасъ-же по городской, что цензурный комитетъ и прошеніе наше? ¹⁾ Вы объ этомъ меня не увѣдомили. Крыжовъ вашъ дачу смотрѣлъ, но у меня не былъ. Записку отдала мнѣ бабуся. Дѣло въ томъ, что вы, кажется, напутали. Соколовъ вѣдь самъ будетъ жить и хотеть сдать только комнату, а Крыжовъ разсчитываетъ вѣроятно на всю избу. Вы ему скажите, чтобъ онъ побывалъ у Соколова, если онъ не церемонный господинъ. (Въ Гагаринскомъ переулкѣ, близъ Успенья на Могильцахъ, домъ Копановскаго).

«Въ субботу жду васъ непременно. У меня созрѣлъ еще проектъ изданія. Стихъ одинъ написался. А вы ужъ, чай, въ эту недѣлю цѣлую библіотеку навалаете. Зачѣмъ вы Шеллея ²⁾ нѣмецкаго увезли. Это гнушно съ вашей стороны. Реализмъ прочелъ. Хорошо составлено, но о Мейснерѣ мало. Больше о Грековѣ. Привезите Шеллея; я жду Агастора. Я писалъ къ Чернышевскому—если онъ отвѣтитъ черезъ васъ,—то дайте знать. Изъ Гартмана я перевелъ двѣ странички (*frei bearbeitet*), но къ вашему приѣзду, авось, еще переведу. Скучно ужасно и потому именно скучно, что это *служба*, что хочется другое дѣлать. А очень кажется его путешествія замѣчательны, только не все идетъ въ географическую книгу. Будьте здоровы. Что переведете — привезите, прочтѣмъ. Если я буду раньше, то заѣду къ вамъ и васъ увезу. Это можетъ случиться. Весь вашъ *А. Плещеевъ*».

Мих. Лемке.

(Продолженіе будетъ).



¹⁾ Они просили о разрѣшеніи имъ какого-то періодическаго изданія.

²⁾ Вмѣсто Шелли (Schelley).



Толпа ¹⁾.

(Посвящено В. Г. Бѣлинскому).

Среди людей, мнѣ близкихъ... и чужихъ,
Считаюсь я—безъ цѣли, безъ желанья.
Мнѣ иногда смѣшны забавы ихъ...
Мнѣ самому смѣшнѣй мои страданья.
Страданій тѣхъ толпа не признаетъ—
Толпа—нашъ Царь—и ѣсть и пить исправно;
И что въ душѣ «задумчивой» живетъ,
Болѣзнію считаетъ своенравной.
И права ты толпа! ты велика,
Ты широка—ты глубока какъ море...
Въ твоихъ волнахъ все тонетъ: и тоска.
Нелѣпая—и истинное горе.
И ты сильна... И знаетъ тебя Богъ—
И надъ тобой Онъ носится тревожно.
Передъ тобой я преклониться могъ—
Но полюбить тебя—мнѣ невозможно.
Я ни одной тебѣ не дамъ слезы...
Не отъ тебя я ожидаю счастья—
Но ты ростешь какъ море въ часъ грозы,
Безъ моего ненужнаго участья.
Гордись, толпа! Ликуй—толпа моя!
Лишь для тебя такъ ярко блещетъ небо...

¹⁾ Стихотвореніе „Толпа“ написано И. С. Тургеневымъ въ 1843 году и напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1844 г. (т. 32) за подписью Т. Л. (Тургеневъ—Луговиковъ). Потомъ оно было перепечатано С. Н. Кривенко въ изданныхъ имъ „Стихотвореніяхъ И. С. Тургенева“. Въ обоихъ, однако, случаяхъ стихотвореніе „Толпа“ появлялось съ цензурными искаженіями и безъ посвященія его Бѣлинскому. Мы печатаемъ его съ рукописи, написанной рукою самого Тургенева.

Какъ извѣстно, Тургеневъ познакомился и близко сошелся съ Бѣлинскимъ въ 1843 году. Часто встрѣчаясь, они много тогда спорили о философскихъ и политическихъ вопросахъ. Стихотвореніе „Толпа“ и носить на себѣ несомнѣнно отблескъ споровъ, происходившихъ между обоими знаменитыми писателями.

Но все жъ я радъ, что независимъ я,
Что не служу тебѣ я ради хлѣба...
И я молчу—о томъ, что я люблю...
Молчу о томъ, что страстно ненавижу—
Я похвалой толпы не удивлю,
Насмѣшками толпы я не обижу...
А тосковать—мечтать съ самимъ собой,
Бесѣдовать съ прекрасными друзьями...
Съ такой смѣшной—ребяческой мечтой
Разстался я—какъ съ дѣтскими слезами..
А потому... мнѣ *жить* не суждено...
И я тяну съ усмѣшкой торопливой
Холодной злости—злости молчаливой
Хоть горькое, но пьяное вино.

Т. Л.



Инструкція ¹⁾.

(Для заключенныхъ въ Шлиссельбургской крѣпости).

§ 1.

Заключенные подчиняются установленнымъ въ тюрьмѣ порядкамъ, безпрекословно исполняютъ требованія начальника управленія, помощниковъ его и дежурнаго унтеръ-офицера, должны быть всегда: опрятными, беречь и держать въ чистотѣ одежду, обувь и убирать свои постели. Заключеннымъ воспрещается:—шумъ, крикъ, пѣніе, свистъ, разговоры и вообще дѣйствія, нарушающія спокойствіе и благочиніе въ тюрьмѣ.

§ 2.

Для заключенныхъ, отличающихся хорошимъ поведеніемъ, допускаются съ разрѣшенія начальника управленія слѣдующія снисхожденія:—бесѣда со священникомъ, занятія работами, пользование книгами изъ тюремной библіотеки.

§ 3.

Проступки, за которые опредѣляются наказанія, по распоряженію начальника управленія, раздѣляются на два рода: на дисциплинарныя нарушенія и на проступки, которые указаны въ 803 ст. Уст. о ссыльныхъ.

§ 4.

За проступки первого рода назначаются наказанія: 1) лишеніе чая, 2) лишеніе матраца на койкѣ до пяти дней, 3) заключеніе въ карцеръ до пяти дней, 4) заключеніе въ темномъ карцерѣ на такое-же время на хлѣбѣ и водѣ.

¹⁾ Печатаемъ дословно ту „Инструкцію“, которая висѣла на стѣнахъ Шлиссельбургской крѣпости во время нахождения тамъ въ послѣднія два царствованія политическихъ узниковъ.
Ред.

§ 5.

За повтореніе проступковъ назначаются наказанія: 1) заключеніе въ карцеръ до 8-ми дней, 2) заключеніе въ темномъ карцеръ на такое-же время съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ съ наложеніемъ оковъ.

Примѣчаніе: Подвергаемые заключенію въ карцеръ спятъ на голыхъ доскахъ. Заключеніе въ карцеръ обязательно сопровождается лишеніемъ чая.

§ 6.

Когда проступки сопровождались особенными обстоятельствами, увеличивающими вину, то нарушители могутъ быть наказаны розгами до 50-ти ударовъ (ст. 225, XVII кн. Воен. пост.).

§ 7.

Взысканія, означенныя въ § 4, влекутъ за собою лишеніе заключенныхъ облегченій, поименованныхъ въ § 2, на срокъ до одного мѣсяца.—Послѣдствіемъ наказанія, опредѣленнаго въ § 5, должно быть лишеніе этихъ облегченій на срокъ до трехъ мѣсяцевъ.

§ 8.

За преступленія заключенные судятся военнымъ судомъ, при-мѣняющимъ къ нимъ постановленія устава о ссыльныхъ; за тяжкія-же преступленія, указанныя въ 279 ст. XXII кн. Св. Воен. Пост., а также за оскорбленіе дѣйствіемъ начальствующихъ лицъ, судъ примѣняетъ къ нимъ мѣру наказанія, этой статьею опредѣленную—смертную казнь.



Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка.

(Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей).

Окончаніе.

VIII.

Самымъ выдающимся изъ всѣхъ декабристовъ былъ Пав. Ив. Пестель, стоявшій во главѣ Южнаго общества. Не считая нужнымъ останавливаться на внѣшнихъ фактахъ его біографіи ¹⁾, мы приведемъ отзывы о немъ лицъ, близко его знавшихъ. Его товарищъ по Южному обществу, князь С. Г. Волконскій, говоритъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 408), что Пестель былъ «человѣкъ замѣчательнаго ума, образованія, и въ сердцѣ котораго гнѣздились высокія и пылкія чувства патріотизма». Другой товарищъ его по тому же обществу, Лореръ, считалъ его человѣкомъ гениальнымъ и такъ называлъ его даже въ глаза. Начитанность Пестеля была очень велика. Это видно изъ его неизданной записной книжки съ выписками изъ сочиненій Руссо, Гельвеція, Кондильяка, Гольбаха, Дидро, Вольтера, г-жи Сталь, Беккари, Бентама и др. Лореръ, познакомившійся съ Пестелемъ въ 1824 г., говоритъ въ своихъ запискахъ, что во всю длину его комнатъ «тянулись полки съ книгами», преимущественно «политическими, экономическими, вообще ученаго содержанія, излагающими всевозможныя конституціи. Не знаю, чего этотъ человѣкъ не прочелъ на своемъ вѣку на многихъ иностранныхъ языкахъ» ²⁾. Извѣстный декабристъ И. Д. Якушкинъ такъ характеризуетъ его: «Пестель всегда говорилъ умно и упорно защищалъ свое мнѣніе, въ истину котораго онъ всегда вѣрилъ, какъ обыкновенно вѣрятъ въ математическую истину; онъ никогда и ничѣмъ не увлекался. Можетъ быть въ этомъ то и заключалась причина, почему изъ всѣхъ насъ онъ одинъ, въ теченіе почти 10 лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, усердно трудился надъ дѣломъ тайнаго об-

¹⁾ См. статьи Н. П. Павлова-Сильванскаго въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ», изд. Имп. Русск. Ист. Общества, и во 2 № «Былого».

²⁾ «Русское Богатство», 1904 г. № 3, стр. 73.

щества. Одинъ разъ доказавъ себѣ, что тайное общество вѣрный способъ для достиженія желаемой цѣли, онъ съ нимъ слилъ все свое существованіе» ¹⁾. По словамъ кн. Е. П. Оболенскаго, Пестель «отличался умомъ необыкновеннымъ, яснымъ взглядомъ на предметы самые отвлеченные и рѣдкимъ даромъ слова, увлекательно дѣйствующимъ на того, кому онъ довѣрялъ свои задушевные мысли» ²⁾. Пятый декабристъ, Басаргинъ, членъ Южнаго общества, оставившій также интересныя записки, говоритъ: «П. И. Пестель былъ человѣкъ высокаго, яснаго и положительнаго ума. Будучи хорошо образованъ, онъ говорилъ убѣдительно, излагалъ мысли свои съ такою логикою, такою послѣдовательностью и такимъ убѣжденіемъ, что трудно было устоять противъ его вліянія». Вполнѣ понятно поэтому, что Пестель «получилъ большой вѣсъ и вліяніе въ Южномъ обществѣ», что онъ импонировалъ своимъ товарищамъ ³⁾.

Лица, имѣвшія съ Пестелемъ дѣла по службѣ, были отъ него также въ восторгѣ. Его главный начальникъ, гр. Витгенштейнъ, далъ о немъ такой отзывъ: «Онъ на все годится: дай ему командовать арміею или сдѣлай его какимъ хочешь министромъ, онъ вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ». Начальникъ штаба второй арміи, П. Д. Киселевъ, впослѣдствіи извѣстный министръ имп. Николая, отзывался о Пестелѣ, что онъ «всякое мѣсто займетъ съ пользою», что у него «особенныя способности». Петербургскіе пріятели упрекали даже Киселева, что онъ большую часть свободнаго времени проводитъ съ Пестелемъ ⁴⁾. Басаргинъ также свидѣтельствуетъ, что Киселевъ «съ удовольствіемъ слушалъ здравыя, но нѣсколько рѣзкія сужденія Пестеля».

Въ показаніяхъ на слѣдствіи Пестель сдѣлалъ замѣчательный очеркъ развитія своихъ политическихъ и общественныхъ идей. Онъ рассказываетъ, какъ, пристрастившись къ политическимъ наукамъ, увидѣлъ, что «благоденствіе и злополучіе царствъ и народовъ зависитъ по большей части отъ правительствъ». Продолжая занятія этими науками, онъ началъ «разсуждать о томъ, соблюдены ли въ устройствѣ русскаго правленія правила политическихъ наукъ, не касаясь однако же еще верховной власти, но размышляя о министерствахъ, мѣстныхъ правительствахъ, частныхъ начальствахъ и тому подобныхъ предметахъ». Весьма замѣчательно, что, не поддаваясь аристократическимъ теченіямъ, довольно сильнымъ тогда въ русскомъ обществѣ, Пестель очень

¹⁾ „Записки И. Д. Якушкина“, М., 1905 г., стр. 23—24.

²⁾ „Общественное движеніе въ Россіи въ первую половину XIX в.“, т. I, 237.

³⁾ „Девятнадцатый вѣкъ“, изданіе Бартенева, т. I, стр. 68, 73.

⁴⁾ *Заблочкій-Десятовскій*. „Графъ П. Д. Киселевъ и его время“, I, 89—91, 139—140, 148.

скоро сталъ приверженцемъ демократическихъ идей. Продолжая рассказъ о ходѣ своего развитія, онъ говоритъ: «Обратилъ также мысли и вниманіе на положеніе народа, причемъ рабство крестьянъ всегда сильно на меня дѣйствовало, а равно и большія преимущества аристокраціи, которую я считалъ, такъ сказать, стѣною, между монархомъ и народомъ стоящею и отъ монарха, ради собственныхъ выгодъ, скрывающею истинное положеніе народа. Къ сему стали въ мысляхъ моихъ.... присоединяться разные другіе предметы и толки, какъ-то: преимущества разныхъ присоединенныхъ областей» (т. е. непредоставленіе Россіи политическихъ правъ, какія даны были Финляндіи и Польшѣ), «слышанное о военныхъ поселеніяхъ, упадокъ торговли, промышленности и общаго богатства, несправедливость и подкупливость судовъ и другихъ начальствъ, тягость военной службы для солдатъ и многія другія тому подобныя статьи, долженствовавшія, по моимъ понятіямъ, составлять предметъ частныхъ неудовольствій и чрезъ коихъ всѣхъ совокупленіе воедино представлялась моему уму и воображенію цѣлая картина народнаго неблагоденствія. Тогда началъ во мнѣ возникать внутренній ропотъ противу правительства. Возвращеніе Бурбонскаго дома на французскій престолъ и соображенія мои впослѣдствіи о семъ происшествіи могу я назвать эпохою въ моихъ политическихъ мнѣніяхъ, понятіяхъ и образѣ мыслей, ибо началъ разсуждать, что большая часть коренныхъ постановленій, введенныхъ революціею, были при рестораціи монархіи сохранены и за благія вещи признаны, между тѣмъ какъ всѣ возставали противъ революціи, и я самъ всегда противъ нея возставалъ. Отъ сего сужденія породилась мысль, что революція видно не такъ дурна, какъ говорятъ, и что можетъ даже быть весьма полезна, въ каковой мысли я укрѣплялся тѣмъ другимъ еще сужденіемъ, что тѣ государства, въ коихъ не было революціи, продолжали быть лишенными подобныхъ преимуществъ и учреждений. Тогда начали сіи причины присовокупляться къ выше уже приведеннымъ, и начали во мнѣ рождаться, почти совокупно, какъ конституціонныя, такъ и революціонныя мысли. Конституціонныя были совершенно монархическія, а революціонныя были очень слабы и темны. Мало по малу стали первыя опредѣлительнѣе и яснѣе, а вторыя сильнѣе. Чтеніе политическихъ книгъ подкрѣпляло и развивало во мнѣ всѣ сіи мнѣнія, мысли и понятія. Ужасныя происшествія, бывшія во Франціи во время революціи, заставляли меня искать средства къ избѣжанію подобныхъ, и сіе то произвело во мнѣ впослѣдствіи мысль о временномъ правленіи и о его необходимости и всегдашніе мои толки о всевозможномъ предупрежденіи всякаго междоусобія».

Въ другомъ показаніи Пестель говоритъ, что «нѣкоторыя мысли»

о верховной власти были написаны имъ на французскомъ языкѣ, причемъ соображенія въ пользу монархіи были развиты подробнѣе, чѣмъ въ пользу республики. Онъ показывалъ Н. М. Муравьеву краткій проектъ конституціи, составленный имъ въ 1820 г. (если только Муравьевъ точно отмѣтилъ время ¹⁾ его написанія). Главныя черты его, по свидѣтельству Муравьева, состояли въ слѣдующемъ. Исполнительная власть принадлежитъ императору, который участвуетъ и въ законодательной власти ²⁾. Законодательная власть «въ особенности» принадлежитъ народному вѣчу, состоящему изъ 1000 членовъ, избранныхъ на два года. Вѣче обновляется ежегодно на половину по жребію. «Умѣрительная» власть принадлежитъ сенату, члены котораго избирались императоромъ изъ числа кандидатовъ, представленныхъ ему вѣчемъ. Сенаторы назначались на всю жизнь и не могли принять никакой должности, не теряя своего званія. Они могли быть только генералъ-губернаторами въ областяхъ или генералъ-прокурорами министерствъ, но въ обоихъ случаяхъ только тогда подписывали протоколы судебныхъ мѣстъ или министерскихъ коллегій, когда находили, что они не нарушаютъ установленныхъ формъ. Такимъ образомъ они пользовались только «надзирательною властью», сообщая сенату, почему они остановили то или другое дѣло. Въ мирное время не должно было существовать армій, а только корпуса, главнокомандующіе которыхъ дѣлались сенаторами безъ выборовъ ³⁾.

Всѣ совершеннолѣтніе жители мужского пола безъ исключенія должны были участвовать въ избраніи мѣстныхъ чиновниковъ и представителей въ народное вѣче, выбирая ихъ «избирателей». Слѣдовательно въ это время, какъ и позднѣе, Пестель стоялъ за двухстепенные выборы. Но если для того, чтобы участвовать въ первой степени выборовъ, не нужно было по этому первоначальному наброску Пестеля имѣть никакого ценза, то, чтобы быть «избирателемъ представителей» въ народное вѣче, необходимо было «имѣть извѣстное состояніе» (отъ этого послѣдняго предположенія Пестель впослѣдствіи отказался). Жители каждой деревни

¹⁾ Не былъ ли составленъ этотъ проектъ нѣсколько ранѣе, такъ какъ, по показанію Пестеля, въ 1820 г. на собраніи коренной думы Союза Благоденствія, происходившемъ у Ѳ. П. Глинки, послѣ доклада Пестеля о выгодахъ и невыгодахъ республики, присутствующіе единогласно высказались за республиканское правленіе.

²⁾ Сохранилась часть набросковъ Пестеля на французскомъ языкѣ; тамъ, между прочимъ, сказано: „Государь управляетъ всею имперіею.... Каждое отдѣльное лицо въ своихъ отношеніяхъ къ государю будетъ называться подданнымъ, а въ отношеніяхъ съ соотечественниками—гражданиномъ.... Нѣтъ нужды говорить, что государь и его августѣйшее семейство не могутъ принадлежать ни къ какой общинѣ (commune). Они находятся на вершинѣ социальнаго зданія, и вся имперія составляетъ ихъ общину“.

³⁾ Нѣкоторые изъ этихъ предположеній мы встрѣтимъ въ „Государственномъ Завѣтѣ“ Пестеля (см. ниже), но императоръ замѣненъ такъ „державною думою“ изъ 5 членовъ.

выбираютъ избирателей; списки получившихъ наибольшее число голосовъ отправляются въ уѣздный городъ, гдѣ на основаніи ихъ составляются списки уѣздныхъ избирателей. Въ губернскомъ городѣ изъ этихъ списковъ составляютъ губернскій списокъ ста лицъ, получившихъ наибольшее число голосовъ. Эти избиратели «назначаютъ уже представителей въ вѣче, не обращая вниманія ни на какое денежное условіе», т. е. для того, чтобы быть выбраннымъ депутатомъ въ вѣче, не требовалось никакого имущественнаго ценза. Представители получаютъ ежегодное вознагражденіе. Кромѣ того губернскіе избиратели «назначали депутатовъ въ областныя вѣча». Слѣдовательно Пестель, ранѣе Н. Муравьева, высказалъ мысль о необходимости, кромѣ центрального представительнаго учрежденія, и областныхъ представительныхъ собраній. Однако позднѣе онъ отказался отъ этой послѣдней мысли. Возвращаемся къ показанію самого Пестеля.

«Отъ монархическаго конституціоннаго образа мыслей былъ я переведенъ въ республиканскій главнѣйше слѣдующими предметами и соображеніями. Сочиненіе Детю-де-Траси на французскомъ языкѣ ¹⁾ очень сильно подѣйствовало на меня; онъ доказываетъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей санъ наслѣдственъ, неминуемо кончится деспотизмомъ. Всѣ газеты и политическія сочиненія такъ сильно прославляли возрастаніе благоденствія въ Сѣверныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, приписывая сіе государственному ихъ устройству, что сіе мнѣ казалось яснымъ доказательствомъ въ превосходствѣ республиканскаго правленія. Новиковъ говорилъ мнѣ о своей республиканской конституціи для Россіи, но я еще спорилъ тогда въ пользу монархической, а потомъ сталъ его сужденія себѣ припоминать и съ ними соглашаться. Я воспоминалъ блаженныя времена Греціи, когда она состояла изъ республикъ, и жалостное ея положеніе потомъ. Я сравнивалъ величественную славу Рима во дни республики съ плачевнымъ ея удѣломъ подъ правленіемъ императоровъ. Исторія Великаго Новгорода меня также утверждала въ республиканскомъ образѣ мыслей. Я находилъ, что во Франціи и въ Англіи конституціи суть одни только покрывала, никакъ не воспреещающія министерству въ Англіи и королю во Франціи дѣлать все, что они пожелають, и въ семъ отношеніи я предпочиталъ самодержавіе таковой конституціи, ибо въ самодержавномъ правительствѣ, разсуждалъ я, неограниченность власти открыто всѣмъ видна, между тѣмъ какъ въ конституціонныхъ монархическихъ тоже существуетъ неограниченность(?),

¹⁾ Дѣло идетъ о сочиненіи «Commentaire sur l'Esprit des Lois de Montesquieu, par M. le C-te Destutt de Tracy», Paris, Juillet, 1819. Мы будемъ говорить о немъ ниже.

хотя и медлительнѣе дѣйствуетъ, но и зато не можетъ такъ скоро худое исправить. Что же касается до обѣихъ палатъ, то онѣ существуютъ для одного только покрывала. Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристокраціями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ наслѣдственныхъ основанными. Я судилъ, что сіи аристокраціи сдѣлаются наконецъ сильнѣе самого монарха, какъ то въ Англіи, и что онѣ суть главная препопа государственному благоденствію и притомъ могутъ быть устранены однимъ республиканскимъ образованіемъ государства. Происшествія» (т. е. революціи) «въ Неаполѣ» (1820—21 г.), «Гишпаніи» (1820 г.) «и Португаліи» (1820 г.) «имѣли тогда большое на меня вліяніе. Я въ нихъ находилъ, по моимъ понятіямъ, неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя, достаточныя причины къ недовѣрчивости къ истинному согласію» (т. е. къ искренности согласія) «монарховъ на конституціи, ими принимаемыя. Сіи послѣднія соображенія укрѣпили меня весьма сильно въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мысли, который раздѣляли весьма многіе члены тайнаго общества. Все сіе произвело, что я сдѣлался въ душѣ республиканецъ и ни въ чемъ не видѣлъ большаго благоденствія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ республиканскомъ правленіи. Когда съ прочими членами, раздѣляющими мой образъ мыслей, разсуждалъ я о семъ предметѣ, то, представляя себѣ живую картину всего счастья, коимъ бы Россія, по нашимъ понятіямъ, тогда пользовалась, входили мы въ такое восхищеніе и, сказать можно, восторгъ, что я и прочіе готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содѣйствовать бы могло къ полному введенію и совершенному укрѣпленію и утвержденію сего порядка вещей».

На вопросъ слѣдственной комиссіи: «Какимъ образомъ революціонныя мысли и правила постоянно возрастали и укоренялись въ умахъ, и кто гдѣ началъ и продолжалъ внушать и распространять оныя въ государствахъ», Пестель отвѣчалъ: «Политическія книги у всѣхъ въ рукахъ, политическія науки вездѣ преподаются, политическія извѣстія повсюду распространяются. Сіе научаетъ всѣхъ судить о дѣйствіяхъ и поступкахъ правительства: хвалить одно, хулить другое. Происшествія 1812, 13, 14 и 15 гг., равно какъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ временъ, показали столько престоловъ низверженныхъ, столько другихъ поставленныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько новыхъ учрежденныхъ, столько царей изгнанныхъ, столько возвратившихся или призванныхъ, и столько опять изгнанныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ,

что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобствами оныя производить. Къ тому же имѣетъ каждый вѣкъ свою отличительную черту. Нынѣшній ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного конца Европы до другого видно вездѣ одно и тоже, отъ Португаліи до Россіи, не исключая ни единого государства, даже Англіи и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. Тоже самое зрѣлище представляетъ и вся Америка. Духъ преобразованія заставляетъ, такъ сказать, вездѣ умы клокотать (*fait bouillir les esprits*). Вотъ причины, полагаю я, которыя породили революціонныя мысли и правила и укоренили оныя въ умахъ. Что же касается до распространенія духа переобразованія по государству, то нельзя приписать сіе нашему Обществу, ибо оно слишкомъ еще было мало-численно, дабы какое нибудь имѣть на сей счетъ общее вліяніе, но приписать должно, полагаю я, ежели мысли сіи точно распространились, общимъ причинамъ, выше изложеннымъ и дѣйствовавшимъ на прочіе умы, точно также какъ и на умы членовъ общества. Можетъ быть, что къ тому содѣйствовалъ также и духъ неудовольствія совершенно независимо отъ тайнаго общества».

Остановимся еще на томъ, какъ Пестель велъ устную пропаганду въ то время, когда его политическія идеи окончательно сложились. Живое изображеніе этого мы находимъ въ показаніи члена Южнаго общества А. В. Поджіо. Осенью 1824 г. Пестель, «по обыкновенію своему испытывать, оспаривать человѣка даже въ томъ, въ чемъ онъ былъ самъ убѣжденъ, дабы чрезъ то усмотрѣть способность всякаго и твердость въ мнѣніи, счелъ за нужное начать со мной съ азбуки и въ политикѣ..., и дѣйствіи... Началъ отъ Немрода, подробно, медленно переходилъ черезъ всѣ измѣненія правленій, понятій народовъ о нихъ; коснулся къ временамъ свободы Греціи, Рима, говоря, сколь мало она понятна была, не имѣя представительства своего; пронесся быстро мимо варварскихъ вѣковъ среднихъ временъ, поглотившихъ свободу и просвѣщеніе; приостановился на революціи французской, не упуская изъ виду нерѣшимость одной цѣли, непрочности въ достиженіи ея и основаніи, и, наконецъ, палъ на Россію. Тутъ онъ направилъ на нее всѣ свои ядовитыя стрѣлы, сталъ говорить о монархическомъ правленіи, сколь оно несогласно съ представительнымъ, какъ сила одного разрушаетъ силу другого, сколь они въ существѣ своемъ разнородны и несовмѣстны, сколь при такомъ родѣ правленія невозможно установленіе прочной системы равновѣсій властей, противуборство однихъ съ другими, сколь наслѣдствіе престола по первородству противно цѣли всякаго благоустроеннаго государства; какъ предполагать тѣхъ нужныхъ

свойствъ въ первородцѣ для управленія государствомъ; коснулся къ избирательному на царствіе правленію, не упустивъ всѣхъ пагубныхъ послѣдствій его въ возрожденіи междоусобій и внутреннихъ раздоровъ и, наконецъ, ввелъ меня въ свою республику, имъ предположенную и основанную на народномъ представительствѣ. На все спрашивалъ мое мнѣніе. Я ему отвѣчалъ убѣжденіемъ моимъ и примолвилъ, что сіе все почерпнули у Детюде-Траси «и его разборъ о духѣ законовъ Монтескье весьма искусно превратили въ систему математически изложенную, добавивъ, что я во всемъ согласенъ, что нахожу, что предшественники наши въ преобразованіи государствъ были ни что, какъ ученики еще, что наука сія была въ дѣтствѣ и наконецъ приметъ свои положительныя и неизмѣнныя правила. На семъ кончилось испытаніе мое въ свѣдѣніяхъ моихъ политическихъ и согласія моего на введеніе сего рода правленія въ Россіи» ¹⁾.

IX.

Главный трудъ Пестеля, Русская Правда, носитъ слѣдующее заглавіе: «Русская Правда ²⁾), или заповѣдная государственная грамота великаго народа россійскаго, служащая завѣтомъ для усовершенствованія государственнаго устройства Россіи и содержащая вѣрный наказъ, какъ для народа, такъ и для временнаго верховнаго правленія» ³⁾).

Во введеніи къ «Русской Правдѣ» Пестель указываетъ на то, что народъ «имѣетъ *право* требовать отъ правительства, чтобы оно непременно стремилось къ общественному и частному благоденствію и только бы то повелѣвало, что истинно къ сей цѣли ведетъ и безъ чего не могла бы она быть достигнута». Далѣе, очевидно, руководствуясь ученіемъ Бентама, онъ утверждаетъ, что «истинная цѣль государственнаго устройства должна непременно быть: возможно большее благоденствіе многочисленнѣйшаго числа людей въ государствахъ». По мнѣнію Пестеля, «правительство существуетъ для блага народа и не имѣетъ другого основанія своему бытію и образованію, какъ только благо народное».

¹⁾ Отмѣтимъ еще, что Пестель давалъ порученіе членамъ Южнаго общества Пашеву, Крюкову и Бятинскому дѣлать выписки изъ книги аббата Баррюэля о тайныхъ обществахъ («Mémoires pour servir à l'histoire du Jacobinisme», 5 vol., Hamb. 1803), но они не исполнили порученія.

²⁾ Названіе это было дано имъ въ 1824 г., но уже въ 1823 г. въ собраніи Южнаго общества Пестель читалъ отрывки изъ этого своего произведенія.

³⁾ Другое заглавіе: «Русская Правда, содержащая наставленіе верховному правленію и служащая залогомъ всероссійскому народу въ усовершенствованіи его положенія». Тутъ же краткое заглавіе: «Проектъ Русской Правды».

Повторяя приводимую и Н. Муравьевымъ въ его проектѣ мысль испанской конституціи 1812 г., Пестель говоритъ, что «народъ россійскій не есть принадлежность или собственность какого либо лица или семейства»; по его мнѣнію, «напротивъ того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народнаго, а не народъ существуетъ для блага правительства».

Всякое благоустроенное государство должно находиться «подъ властью и управленіемъ законовъ общественныхъ, а не прихотей личныхъ властителей» и доставлять «возможное благоденствіе всеѣмъ и каждому», а не злоупластвовать ¹⁾ «надъ всеѣми для выгоды единаго или нѣсколькихъ. Все, что отъ сихъ правилъ удаляется, а тѣмъ паче онымъ противурѣчить, есть зловластіе, испроверженіе правъ и уничтоженіе, нареканіе наносящее и гибель совершающее. Примѣняя сіи неизмѣнныя и непреложныя, коренныя правила къ Россіи, ясно видѣть можно», что они «непремѣнно требуютъ измѣненія существующаго нынѣ государственнаго порядка въ Россіи и введенія на мѣсто его такого устройства, которое было бы основано на однихъ только точныхъ и справедливыхъ законахъ и постановленіяхъ, не предоставляло бы ничего личному самовластью и въ совершенной точности удостовѣряло бы народъ россійскій въ томъ, что онъ составляетъ устроенное гражданское общество, а не есть и никогда быть не можетъ чьею либо собственностью или принадлежностью. Изъ сего явствуютъ двѣ главныя для Россіи необходимости: первая состоитъ въ совершенномъ переобразованіи государственнаго порядка и устройства, а вторая—въ изданіи полнаго новаго Уложения или Свода Законовъ, сохраняя при томъ все полезное и уничтожая вредное».

Съ этою цѣлью необходимо учредить Временное Верховное Правленіе и обнародовать «Русскую Правду» во всеобщее свѣдѣніе. Новый порядокъ не можетъ быть введенъ сразу: для этого нужно множество подготовительныхъ или переходныхъ мѣръ. Исполненіе этого важнаго дѣла всего лучше можетъ быть поручено Временному Верховному Правленію, такъ какъ «прежняя верховная власть довольно уже доказала враждебныя свои чувства противу народа русскаго, а представительный соборъ не можетъ быть созванъ» немедленно, потому что «начала представительнаго верховнаго порядка въ Россіи еще не существуютъ». Но «Россія должна имѣть залогъ въ томъ, что Временное Верховное Правленіе точно будетъ дѣйствовать» только для блага Россіи и потому необходимо «изданіе Русской Правды въ видѣ Наказа Верховному

¹⁾ Пестель старался употреблять какъ можно менѣе иностранныхъ выраженій. Въ началѣ „Русской Правды“ приложенъ особый списокъ тѣхъ русскихъ словъ, которыми авторъ замѣняетъ соотвѣтствующія иностранныя; „зловластіе“ онъ употребляетъ вмѣсто слова „тираннія“.

влѣнія до окончанія преобразованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ, что оно не должно «продолжаться сверхъ надобности». По его мнѣнію, если Временное Правленіе прекратитъ свое существованіе до окончанія государственнаго преобразованія, то «не достигнетъ цѣли своего учрежденія, и надобно будетъ тогда опасаться подобныхъ послѣдствій, какія имѣли всѣ французскія республиканскія конституціи». Онъ считалъ для этого необходимымъ 8 или 10 лѣтъ. Нужно замѣтить, что Пестель высказывалъ нежеланіе быть членомъ Временнаго Верховнаго Правленія, ссылаясь на то, что не хочетъ быть уличеннымъ въ личныхъ видахъ, а также указывая и на свою нерусскую фамилію. Но Поджіо сказалъ ему: «Вамъ предстоитъ слава Вашингтона; вы можете, какъ онъ, сейчасъ же удалиться къ числу частныхъ гражданъ послѣ водворенія законнаго правленія».

Пестель не успѣлъ окончить «Русскую Правду», и изъ 10 предполагаемыхъ главъ написалъ только 5; три первыя онъ считалъ обработанными, а двѣ—написанными вчернѣ; впрочемъ, и относительно третьей главы онъ говорилъ, что была отдѣлана «большая часть» ея.

Въ первой главѣ, («О земельномъ пространствѣ государства») онъ прежде всего утверждаетъ, что нужно думать не о расширеніи границъ Россіи, а только о «водвореніи благоденствія» въ ея обширныхъ владѣніяхъ. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что безопасность и спокойствіе государства зависятъ отъ его хорошихъ границъ, опредѣленіе которыхъ затрудняется разноплеменностью населенія Россіи. При этомъ проявляются два противоположныя теченія: народы, подвластные большому государству и не принадлежащіе къ господствующему племени, всегда желаютъ независимости и отдѣльнаго политическаго существованія; Пестель называетъ это «правомъ народности». Съ другой стороны, всякое большое государство или, лучше сказать, всякій господствующій въ государствѣ народъ стремится къ тому, чтобы силы окружающихъ его маленькихъ народовъ увеличивали могущество его самого, а не какого либо сосѣдняго государства; Пестель называетъ это «правомъ благоустройства». Признавая вполнѣ естественными оба эти противоположныя стремленія, онъ полагаетъ, что рѣшать, какому изъ нихъ должно быть отдано въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предпочтеніе, слѣдуетъ на основаніи третьяго правила, состоящаго въ томъ, что право народности дѣйствительно существуетъ только для тѣхъ народовъ, которые, пользуясь имъ, могутъ его сохранить, «и что право благоустройства принимается въ соображеніе для утвержденія безопасности, а не для какого либо тщеславнаго распространенія предѣловъ государства. Такимъ образомъ, племена, подвластные большому го-

сударству, не могущія по слабости своей пользоваться самостоятельною политическою независимостью и долженствующія слѣдовательно непремѣнно состоять подъ властью или покровительствомъ котораго либо изъ большихъ сосѣдственныхъ государствъ, не могутъ ограждаться правомъ народности, ибо оно есть для нихъ мнимое и не существующее». По мнѣнію Пестеля, для нихъ самихъ выгоднѣе слиться съ господствующимъ населеніемъ и составить съ нимъ одинъ народъ. Съ другой стороны, сильное государство «не должно противиться враждебными чувствами и дѣйствіями правильному отдѣльному существованію народовъ, могущихъ пользоваться полною политическою независимостью».

Руководясь этою точкою зрѣнія, Пестель утверждаетъ, что Финляндія, Эстляндія, Лифляндія, Курляндія, Бѣлоруссія, Малороссія, Новороссія, Бессарабія, Крымъ, Грузія, весь Кавказъ, земли киргизовъ, всѣ народы сибирскіе и разныя другія племена, обитающія внутри государства, никогда не пользовались «самостоятельною независимостью» и принадлежали или Россіи, или «по временамъ» Швеціи, Даніи, Пруссіи, Польшѣ, Турціи, Персіи, вообще какому нибудь сильному государству, и дѣлаетъ отсюда выводъ, что «и на будущія времена, по слабости своей» они «никогда не будутъ составлять особыхъ государствъ, а посему и подлежать всѣ они праву благоудобства, долженствуя притомъ навѣки отречься отъ права отдѣльной народности» и должны «на вѣчныя времена» оставаться въ составѣ русскаго государства. Пестель не принялъ во вниманіе того, что нѣкоторыя изъ названныхъ имъ областей и племенъ, даже и находясь подъ верховнымъ главенствомъ другого государства, пользовались значительною долею самостоятельности. Такъ Малороссія подъ русскимъ владычествомъ имѣла своихъ гетмановъ и свои войсковыя рады; Грузія знала времена и полной независимости, и значительной самостоятельности подъ покровительствомъ Россіи, Персіи или Турціи; Крымъ, подъ главенствомъ Турціи, имѣлъ своихъ хановъ и собственное управленіе; Курляндія, несмотря на ленную зависимость отъ Польши, имѣла своихъ герцоговъ; киргизы и подъ русскимъ верховнымъ владычествомъ управлялись своими ханами. Такимъ образомъ, примѣры приведенные самимъ Пестелемъ, доказываютъ, что между полною самостоятельностью и совершеннымъ объединеніемъ съ господствующимъ народомъ можетъ быть нѣчто среднее, и что, даже входя въ составъ какого либо государства, извѣстный народъ, извѣстная область, могутъ пользоваться мѣстною автономіею, самостоятельно рѣшать мѣстныя дѣла. Изъ перечисленныхъ Пестелемъ областей Финляндія даже въ то время составляла великое княжество, которое Сперанскій называлъ «государствомъ» и населеніе котораго офици-

ціальные акты именовали націею. Если Пестель не захотѣлъ признать за Финляндіею никакой самостоятельности, то это, вѣроятно, объясняется, какъ тѣмъ, что тамошній сеймъ съ 1809 г. ни разу не созывался, такъ и тѣмъ, что онъ былъ основанъ на антипатичномъ для Пестеля сословномъ началѣ. Исходя изъ указанной выше точки зрѣнія, онъ предоставлялъ Временному Верховному Правленію присоединить къ Россіи «на вѣчныя времена» Молдавію и незавоеванныя еще части кавказскихъ, киргизскихъ и монгольскихъ земель.

Совершенно иначе относился Пестель къ Польшѣ. Онъ находилъ, что, такъ какъ Польша въ теченіе многихъ вѣковъ была большимъ, самостоятельнымъ государствомъ, то русскій народъ долженъ даровать побѣжденному народу самостоятельность въ то время, когда сама Россія приобрѣтетъ «новую жизнь». Временному правительству слѣдуетъ разрѣшить дать Польшѣ «независимое, самостоятельное политическое существованіе въ видѣ отдѣльнаго государства». При этомъ слѣдуетъ отдѣлить къ Польшѣ часть западной Россіи ¹⁾ и заключить съ нею тѣсный союзъ на время мира и войны, вслѣдствіе котораго Польша обязалась бы присоединять все свое войско, въ случаѣ войны, къ русской арміи. Но дарованіе Польшѣ независимости возможно лишь при соблюденіи слѣдующихъ трехъ условій: 1) верховная власть должна быть устроена въ Польшѣ такъ же, какъ и въ Россіи; 2) назначеніе и выборъ всѣхъ лицъ и чиновниковъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и присутственных мѣста должны происходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Россіи и 3) «всякая аристокрація», основанная какъ на богатствѣ и имуществѣ, такъ и на «привилегіяхъ и правахъ родовыхъ», должна быть «совершенно, навсегда отвергнута», и весь польскій народъ долженъ составлять такъ же, какъ и русскій одно сословіе. Пестель, въ отличіе отъ Никиты Муравьева, рѣшительно высказывается противъ федеративнаго устройства Россіи ²⁾.

По мнѣнію Пестеля, федеративное устройство государства представляетъ слѣдующія неудобства:

1) Пестель предлагалъ всю Гродненскую губернію и Бѣлостокскую область цѣликомъ включить въ составъ Польши, а Виленскую, Минскую и Волынскую губерніи раздѣлить между Польшею и Россіею. Граница между ними, по его мнѣнію, должна была идти отъ Полагана прямо на Динабургъ, затѣмъ Двиною до Полоцка, далѣе, рѣкою Ушатью (лѣвый притокъ Западной Двины) до Березины, отсюда Березинскою линіею до Припяти, затѣмъ къ г. Острогу Волынской губ. и наконецъ къ Карпатскимъ горамъ.

2) „Федеративными“, по его опредѣленію, „называются тѣ государства, въ которыхъ области, ихъ составляющія, хотя и признають общую надъ собою верховную власть и обязываются совокупно дѣйствовать во всѣхъ сношеніяхъ внѣшнихъ, но при всемъ томъ право свое сохраняють законы дѣлать и постановленія издавать для собственного своего внутренняго гражданскаго и политическаго образованія и устропвать свое правленіе по частному своему усмотрѣнію“.

*

1) Верховная власть въ такомъ государствѣ «не законы даетъ, но только совѣты, ибо не можетъ иначе привести свои законы въ исполненіе, какъ посредствомъ областныхъ властей, не имѣя особенныхъ другихъ принудительныхъ средствъ. Ежели же область не захочетъ повиноваться, то, дабы къ повиновенію ее принудить, надобно междоусобную войну завести, изъ чего явствуетъ, что въ самомъ коренномъ устройствѣ находится уже сѣмя къ разрушенію». Но онъ упускалъ изъ виду, что въ федераціяхъ проводится точная граница между тѣмъ, что устанавливается союзнымъ законодательствомъ, и тѣмъ, что подлежитъ рѣшенію мѣстныхъ штатовъ. Граница эта проводится союзною конституціею, принятою съ согласія всѣхъ составныхъ частей федераціи. «2) Особые законы, особый образъ правленія и особые отъ того происходящіе понятія и образъ мыслей еще болѣе ослабятъ связь между разными областями. На верховную же власть будутъ области смотрѣть, какъ на вещь нудную и непріятную, и каждое областное правительство будетъ разсуждать, что оно бы гораздо лучше устроило государственныя дѣла, въ отношеніи къ своей области, безъ участія верховной власти. Вотъ новое сѣмя къ разрушенію. 3) Каждая область, составляя въ федеративномъ государствѣ, такъ сказать, маленькое отдѣльное государство, слабо къ цѣлому привязано будетъ и даже во время войны можетъ дѣйствовать безъ усердія къ общему составу государства, особенно, если лукавый непріятель будетъ умѣть прельстить ее обѣщаніями о какихъ нибудь особенныхъ для нея выгодахъ и преимуществахъ. Частное благо области, хотя и временное, однако же всетаки сильнѣе дѣйствовать будетъ на воображеніе ея правительства и народа, нежели общее благо всего государства, не приносящее, можетъ быть, въ то время очевидной пользы самой области. 4) Слово государство, при такомъ образованіи, будетъ слово пустое, ибо никто нигдѣ не будетъ видѣть государства, но всякій вездѣ только свою частную область, и потому любовь къ отечеству будетъ ограничиваться любовью къ одной своей области..

«Что же въ особенности касается до Россіи, то, дабы въ полной мѣрѣ удостовѣриться, до какой степени федеративное образованіе государства было бы для нея пагубно, стоитъ только вспомнить, изъ какихъ разнородныхъ частей сіе огромное государство составлено. Области его не только различными учрежденіями исправляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсѣмъ различные языки (*sic*) говорятъ, совсѣмъ различныя вѣры исповѣдуютъ, жители оныхъ различныя происхожденія имѣютъ, къ различнымъ державамъ нѣкогда принадлежали; и потому, ежели сію разнородность еще болѣе усилить чрезъ федеративное образованіе государства, то легко предвидѣть можно, что сіи разнородныя области скоро отъ коренной Россіи тогда отложатся, и она скоро потеряетъ тогда не только свое могущество, величіе и силу, но даже можетъ быть и бытіе свое между большими или главными государствами. Она тогда снова испытаетъ всѣ бѣдствія и весь неизъяснимый вредъ, нанесенные древней Россіи удѣльною системою, которая также не что иное была, какъ родъ федеративнаго устройства государства. И потому, если какое нибудь другое государство мо-

жетъ еще сомнѣваться во вредѣ федеративнаго устройства, то Россія уже никакъ сего сомнѣнія раздѣлять не можетъ: она горькими опытами и долготѣнными дѣйствіями жестоко заплатила за сію ошибку въ прежнемъ ея государственномъ образованіи. А посему, соединяя всѣ сіи обстоятельства въ общее соображеніе, постановляется кореннымъ закономъ Россійскаго государства, что всякая мысль о федеративномъ для него устройствѣ отвергается совершенно, яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло. Избѣгать надлежитъ всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно къ такому устройству государства вести бы могло.

«Вслѣдствіе всего здѣсь сказаннаго объявляется Россійское государство въ предѣлахъ выше обозначенныхъ единымъ и нераздѣлимымъ, отвергающимъ притомъ совершенно всякое федеративное образованіе, устройство и существованіе государства».

Пестель счелъ нужнымъ подробно обосновать въ «Русской Правдѣ» свое отрицательное отношеніе къ федеративному строю, въ виду того, что онъ былъ положенъ въ основу конституціи Н. Муравьева. Въ проектѣ, который по мнѣнію Н. Муравьева былъ составленъ въ 1820 г., самъ Пестель высказывался, какъ мы видѣли, за учрежденіе областныхъ представительныхъ собраній. Дѣло въ томъ, что у авторовъ, съ сочиненіями которыхъ онъ былъ знакомъ, онъ могъ встрѣтить сочувственное отношеніе къ федераціи (союзному государству) или къ конфедераціи (союзу государствъ ¹⁾). Кромѣ того, главнымъ аргументомъ въ пользу федеративнаго строя могла быть для него конституція Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, пользовавшаяся большою популярностью среди членовъ тайнаго общества. Пестель измѣнилъ свой взглядъ на федерацію безъ сомнѣнію подъ влияніемъ сочиненія Детю-де-Траси «Commentaire sur l'esprit des lois de Montesquieu», которое, по его собственному признанію, сыграло такую огромную роль въ окончательномъ опредѣленіи его политическаго міросозерцанія. Детю-де-Траси говоритъ: «Задавшись мыслью, что республика, какъ демократическая, такъ и аристократическая, можетъ быть только маленькимъ государствомъ, Монтескье видитъ для нея только одно средство защиты—соединиться съ другими государствами узми федераціи; и онъ очень хвалитъ выгоды федеративнаго строя, который кажется ему возможно лучшимъ изобрѣтеніемъ для сохраненія свободы внѣ и внутри». Безъ сомнѣнія, продолжаетъ Детю-де-Траси, «для очень слабаго государства лучше соединиться со многими другими посредствомъ союзовъ или федераціи, которая является наиболѣе тѣснымъ изъ союзовъ, чѣмъ остаться одинокимъ; но если всѣ эти соединив-

1) Montesquieu, „L'esprit des lois“, книга IX, глава 1—3; M. Helvétius „De l'homme“ section IX, ch. 4; D'Holbach „La politique naturelle“, discours VII, § 10; Rousseau „Considération sur le gouvernement de Pologne“, ch. 5.

шіяся государства составлять одно, они конечно станутъ сильнѣе. Это можетъ совершиться посредствомъ представительнаго правленія. Мы благоденствуемъ въ Америкѣ при федеративномъ строѣ ¹⁾, потому что у насъ нѣтъ грозныхъ сосѣдей; но если бы французская республика приняла это государственное устройство, какъ ей предлагали, сомнительно, чтобы она имѣла возможность противостоять всей Европѣ, между тѣмъ она могла это сдѣлать, оставшись *единою и нераздѣльною*. Общее правило: государство выигрываетъ въ силѣ, примыкая ко многимъ другимъ; но оно стало бы еще сильнѣе, составивъ съ ними одно государство, и слабѣетъ, раздѣляясь на многія части, какъ бы тѣсно онѣ не были соединены». Детю-де-Траси самъ указываетъ на ту выгодную сторону федеративнаго строя, что онъ благопріятствуетъ болѣе равномерному распространенію просвѣщенія и совершенствованію администраціи, такъ какъ, помимо общаго патріотизма, возбуждаетъ патріотизмъ мѣстный, и кромѣ того мѣстные законодатели лучше знаютъ особые интересы ихъ маленькаго штата. Но, «несмотря на эти счастливыя свойства», онъ думаетъ, «что на федераціи, особенно у народовъ древности, слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на опыты и попытки людей, не изобрѣвшихъ еще истиннаго представительнаго строя, и которые сразу пытались достигнуть свободы, спокойствія и могущества, возможныхъ лишь при указанномъ строѣ ²⁾».

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній и согласно съ французскою конституціею 1793 г. (п. I), хотя онъ и не упоминаетъ о ней, Пестель призналъ, что Россія должна быть государствомъ въ указанныхъ имъ предѣлахъ «единымъ и нераздѣлимымъ, отвергающимъ притомъ совершенно всякое федеративное образованіе, устройство и существованіе государства».

Онъ предлагаетъ раздѣлить Россію на 53 губерніи, изъ которыхъ 50 должны были называться округами, а три удѣлами; 50 округовъ должны были составить 10 областей, по 5 округовъ въ каждой, а удѣлы, не входившіе въ составъ областей, носятъ названія Столичнаго, Донскаго и Аральскаго. Округа и удѣлы раздѣляются на уѣзды, а уѣзды на волости. Столицею Пестель предлагалъ сдѣлать Нижній Новгородъ, переименовавъ его во Владиміръ. Вся Финляндія входила въ составъ Чудской области вмѣстѣ

¹⁾ Сочиненіе Детю-де-Траси вышло первоначально въ свѣтъ въ Америкѣ на англійскомъ языкѣ безъ имени автора, который, впрочемъ, никогда не эмигрировалъ въ Америку и не былъ ея гражданиномъ, вопреки мнѣнію Чичерина („Ист. полит. ученій“, т. V, 1902, стр. 328). См. *Mignet* „La vie et les travaux de Destutt-de-Tracy“, „Revue des deux Mondes“, Juin, 1842 г.

²⁾ „Commentaire sur l'esprit des lois de Montesquieu“, Paris, 1819 p. 120—122. Возраженія противъ федеративнаго строя Пестель могъ встрѣтить и у Бенжамена Константа „Cours de politique constitutionnelle“, I, 289.

съ частью Петербургской губерніи и Олонецкимъ округомъ; весь Остзейскій край былъ включенъ въ составъ Холмской области (областной городъ—Новгородъ); Сибирь образовала особую область; Кавказъ вмѣстѣ съ Астраханскимъ округомъ составлялъ Кавказскую область.

Во второй главѣ «Русской Правды» Пестель разсматриваетъ вопросъ «о племенахъ, Россію населяющихъ». Исходя изъ своей мысли о томъ, что Россія должна быть государствомъ единымъ и нераздѣльнымъ, онъ говоритъ, что «во всѣхъ частяхъ государства» должны существовать «одни и тѣ же законы, одинъ и тотъ же образъ управленія». Онъ, правда, соглашался съ тѣмъ, что иновѣрные «законы духовные», могутъ быть допущены, но «всѣ дѣйствія» ихъ, противорѣчащія духу законовъ христіанскихъ, считалъ необходимымъ запрещать. При единообразіи общихъ «политическихкихъ законовъ» Пестель допускалъ также разнообразіе «хозяйственныхныхъ» постановленій для отдѣльных мѣстностей. Но «гражданскіе законы», по его мнѣнію, должны быть одинаковы на всемъ пространствѣ государства, такъ какъ они «болѣе всего содѣйствовать будутъ къ дарованію всѣмъ частямъ онаго одинаковаго отѣнка нравственности» и этимъ создадутъ «крѣпкую и истинно-тѣсную политическую связь въ государствѣ».

Признавая въ Россіи 5 «оттѣнковъ» славянскаго племени, Пестель утверждалъ, что у нихъ: одинъ языкъ, несмотря на различіе нарѣчій, и одна православная вѣра, такъ какъ полагалъ, что число униатовъ все уменьшается, а католическая вѣра въ частяхъ западной Россіи, которыя не отойдутъ къ Польшѣ, будто бы исповѣдуется не народомъ, а лишь «потомками нѣкоторыхъ пришлецовъ прежнихъ временъ».

Исходя изъ своей идеи политическаго единообразія, Пестель требуетъ, чтобы временное верховное правленіе ввело во всѣ части Финляндіи тѣ законы и тотъ образъ правленія, которые приготовляются въ «Русской Правдѣ» для русскихъ губерній. По его мнѣнію, «сей новый порядокъ будетъ для Финляндіи благотѣльнѣе и пріятнѣе не только нынѣшняго російскаго, но и нынѣшняго финляндскаго. Что же касается до языка, то надлежитъ ввести въ Финляндію російскій языкъ, устранивая нужныя для сего училища и принимая другія, къ той же цѣли ведущія мѣры по усмотрѣнію верховнаго правленія». Въ подтвержденіе своей мысли Пестель ссылался на то, что, когда въ части Финляндіи, присоединенной къ Россіи въ XVIII вѣкѣ, были введены русскіе законы, правленіе и языкъ, то народъ скоро будто бы почти совсѣмъ обрусѣлъ. Но если Пестель ошибался въ своихъ обрусительныхъ стремленіяхъ и слишкомъ мало цѣнилъ значеніе мѣстнаго языка, то онъ былъ совершенно правъ, утверждая, что вве-

деніе того республиканскаго строя, основаннаго на широкомъ выборномъ правѣ, который онъ считалъ необходимымъ даровать Россіи, будетъ для большинства жителей Финляндіи «благодѣтельнаѣе и пріятнѣе» финляндскаго государственнаго устройства, основаннаго на сословномъ представительствѣ.

Что касается финскаго населенія сѣвера и сѣверо-востока Россіи, то Пестель относился къ нему съ большою гуманностью. «Мало обращено было вниманія», говоритъ онъ, «на дѣйствительное положеніе сихъ маленькихъ народовъ, и отъ того они подъягостнымъ угнетеніемъ мѣстныхъ начальствъ находятся и продолжаютъ коснѣть въ нищетѣ и невѣжествѣ». Онъ вмѣнялъ въ «особенную обязанность» временному верховному правленію принять всѣ мѣры «для избавленія сихъ племенъ отъ частнаго ига ихъ правителей и для доставленія имъ средствъ къ улучшенію ихъ состоянія и къ водворенію между ими просвѣщенія, особенно же приложить стараніе насчетъ правильнаго дѣйствія духовнаго чина».

Такъ какъ Пестель служилъ одно время въ Митавѣ, то онъ имѣлъ хорошее понятіе о положеніи латышей. По его словамъ, «находятся они въ состояніи гораздо менѣе благоденственномъ, нежели... крестьяне русскіе, несмотря на мнимую вольность, имъ дарованную». Поэтому онъ ставилъ въ обязанность временному верховному правленію: «1) Большое обратить вниманіе, какъ на ихъ положеніе, такъ и на то обстоятельство, что феодалъная система, свирѣпствовавшая столь долгое время на западѣ Европы, даже и сюда гнилые свои корни пустила и 2) Всѣ мѣры принять для совершеннаго, окончательнаго искорененія остатковъ феодализма и для приведенія положенія латышей въ согласіе съ коренными правилами, долженствующими служить основаніемъ всякому благому устройству въ государствѣ. А посему нынѣшнее политическое образованіе сихъ губерній имѣетъ быть замѣнено тѣмъ новымъ порядкомъ, который введенъ будетъ въ цѣломъ государствѣ».

Относительно иностранныхъ колонистовъ, поселенныхъ въ Россіи (нѣмцевъ, болгаръ и волоховъ), Пестель предлагалъ сохранить за ними обѣщанныя имъ льготы, но въ то же время «дѣлежъ земель въ каждой волости совершить тѣмъ же образомъ, какъ и въ казенныхъ волостяхъ». Онъ очевидно не зналъ, что въ этихъ двухъ требованіяхъ есть противорѣчіе, такъ какъ надѣленіе землею иностранныхъ колонистовъ при Екатеринѣ II было произведено не на тѣхъ началахъ, какія предлагалъ Пестель (см. ниже), а на основѣ подворнаго землевладѣнія, по 30 десятинъ на семью (въ Новороссіи давалось и болѣе ¹⁾). Но жизнь разрѣшила это про-

¹⁾ Клаузе «Наши колоніи». Спб. 1869 г. т. I, 12, 14—15.

творѣчіе, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, и часть нѣмецкихъ колонистовъ усвоила русскіе общинные порядки и передѣлы земель, которые были извѣстны Пестелю и которымъ онъ сочувствовалъ.

Онъ считалъ необходимымъ заботиться и объ улучшеніи положенія кочующихъ народовъ и выражалъ желаніе, чтобы они сдѣлались «нашими братьями» и перестали «коснѣть въ жалостномъ своемъ положеніи». Онъ предлагалъ посылать къ нимъ миссіонеровъ съ тѣмъ, чтобы они просвѣщали ихъ «кротостью и убѣжденіемъ», что, какъ извѣстно, плохо осуществлялось на дѣлѣ. Важнѣе другое предложеніе Пестеля—устраивать склады всего необходимаго для удовлетворенія потребностей кочующихъ народовъ и тутъ же хлѣбные магазины съ дозволеніемъ пользоваться хранящимся въ нихъ запасами въ случаѣ нужды въ хлѣбѣ. Когда кочующіе народы перейдутъ къ земледѣлію, должно на общихъ основаніяхъ учредить среди нихъ волости, и тогда эти народы поступятъ «въ общій составъ государственнаго устройства», т. е. вѣроятно получатъ права политическія.

Татарамъ Пестель предлагаетъ запретить многоженство, какъ противное православной вѣрѣ; «содержаніе женъ взаперти», добавляетъ онъ, «есть большая несправедливость противу сей повинности рода человѣческаго, а посему и надлежитъ употребить средства кроткія, дабы магометане обычаи сей оставили». Онъ говоритъ о предоставленіи татарамъ «всѣхъ частныхъ ¹⁾ гражданскихъ правъ»; это, повидимому, нужно понимать такимъ образомъ, что правъ политическихъ пока имъ не предоставлялось. Относительно немирныхъ, «буйныхъ» кавказскихъ племенъ Пестель требуетъ не только рѣшительнаго ихъ покоренія, но даже насильственнаго переселенія внутрь Россіи. Напротивъ, мирные кавказскіе народы слѣдуетъ оставить на ихъ мѣстахъ и «дать имъ русское правленіе и устройство». Въ параграфѣ, посвященномъ сибирскимъ народамъ, Пестель дѣлаетъ такое замѣчаніе: «самые несчастные народы суть тѣ, которые управляются Американскою Компаніею. Она ихъ угнетаетъ, грабитъ и нимало о существованіи ихъ не заботится, почему и должны непременно сіи народы отъ нея быть совершенно освобождены».

Что касается евреевъ, то большимъ зломъ Пестель считаетъ ихъ обособленность и враждебность христіанамъ, не обращая вниманія на то, что это являлось естественнымъ результатомъ ограниченія ихъ во многихъ правахъ. Для устраненія главнымъ образомъ обособленности евреевъ и вообще измѣненія отрицательныхъ сторонъ ихъ быта онъ предлагалъ созвать «ученѣйшихъ рабиновъ

¹⁾ Курсыя подлинника.

и умнѣйшихъ евреевъ, выслушать ихъ представленія» и принять надлежащія мѣры. На эту мысль его, вѣроятно, навело собраніе, созванное въ 1806 г. Наполеономъ въ Парижѣ, въ которое префекты избирали наиболѣе выдающихся еврейскихъ раввиновъ и мірянъ, а также собранный въ 1807 г. великій синагогъ, на ²/₃ состоявшій изъ раввиновъ ¹). Пестель не прочь былъ и совѣтъ освободить Россію отъ еврейскаго населенія и потому дѣлаетъ предложеніе о содѣйствіи евреямъ въ основаніи ихъ собственнаго государства въ Малой Азіи. По его словамъ, «нужно назначить сборный пунктъ для еврейскаго народа и дать нѣсколько войска имъ въ подкрѣпленіе. Ежели всѣ русскіе и польскіе евреи соберутся на одно мѣсто, то ихъ будетъ свыше двухъ милліоновъ. Таковому числу людей, ищущихъ отечества, не трудно будетъ преодолѣвать всѣ препоны, какія турки могутъ имъ противопоставить и, пройдя всю европейскую Турцію, перейти въ азіатскую и тамъ, занявъ достаточныя мѣста и земли, устроить особенное еврейское государство. Но такъ какъ сіе исполинское предпріятіе требуетъ особенныхъ обстоятельствъ и истинно гениальной предпримчивости, то и не можетъ быть оно поставлено въ непремѣнную обязанность временному верховному правленію».

Извѣстно, что Наполеонъ обратился въ 1799 г. къ азіатскимъ и африканскимъ евреямъ съ воззваніемъ, въ которомъ приглашалъ ихъ стать подъ его знамена и обѣщалъ имъ святую землю и возобновленіе іерусалимскаго храма во всемъ его блескѣ. За шесть лѣтъ передъ тѣмъ, нѣмецкій философъ Фихте, враждебно относившійся къ евреямъ, предлагалъ покорить для нихъ обѣтованную землю и отправить туда ихъ всѣхъ ²). Пестель, подобно Фихте, былъ враждебно настроенъ относительно евреевъ ³) и выражался о нихъ довольно рѣзко (такой же несимпатичный антисемитизмъ сказывался и у нѣкоторыхъ другихъ декабристовъ). Онъ, впрочемъ, справедливо отмѣчаетъ, какъ одну изъ причинъ низкаго умственнаго уровня евреевъ, ихъ полную зависимость отъ раввиновъ, которые «именемъ вѣры» запрещаютъ имъ чтеніе какихъ бы то ни было книгъ, кромѣ талмуда и нѣкоторыхъ другихъ ⁴). Онъ указываетъ на громадную власть раввиновъ надъ

¹) Гретцъ. „Исторія евреевъ отъ начала Мендельсоновской эпохи“. 1884 г., стр. 230, 247.

²) Гретцъ, 197, 208.

³) Онъ былъ недоволенъ нѣкоторыми исключительными правами, предоставленными евреямъ, первое мѣсто среди которыхъ занимало освобожденіе отъ рекрутской повинности. Эта льгота была уничтожена при имп. Николаѣ I. Оршанскій „Русск. законод. о евреяхъ“, СПб, 1877, стр. 284.

⁴) Ср. Гретцъ, 98, 340.

ихъ духовною паствою и въ другихъ отношеніяхъ. Тѣмъ болѣе странно, что тѣмъ же раввинамъ онъ отводитъ столь видную роль въ дѣлѣ преобразованія быта евреевъ.

Ни польская конституція 1815 г., ни проектъ Новосильцова не предоставляли евреямъ равенства въ политическихъ правахъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи. Н. Муравьевъ во второй редакціи своего проекта отказался отъ первоначальной мысли предоставить евреямъ политическія права только въ чертѣ осѣдлости и предполагалъ уравнивать ихъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи. Пестель высказывается за то, чтобы временное верховное правленіе, выслушавъ мнѣнія «ученѣйшихъ рабиновъ и умнѣйшихъ евреевъ», приняло мѣры, чтобы существующая обособленность евреевъ была замѣнена «такимъ порядкомъ, который бы соотвѣтствовалъ *въ полной мѣрѣ* общимъ кореннымъ правиламъ, имѣющимъ служить основаніемъ политическому зданію руссійскаго государства». Такимъ образомъ онъ, повидимому, желалъ распространенія на евреевъ политическихъ правъ, но подъ условіемъ преобразованія ихъ быта, которое онъ поручалъ временному верховному правленію. Нужно помнить, что совершеннымъ государственнымъ строемъ Пестель считалъ лишь тотъ, гдѣ на всемъ пространствѣ государства дѣйствуютъ одни и тѣже «политическіе законы». Но это стремленіе къ уравниванію правъ всего населенія Россіи соединялось у Пестеля съ стремленіемъ къ общему обрусенію. Онъ полагалъ, что при всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ временное верховное правленіе должно руководствоваться одною цѣлью: чтобы всѣ народы и племена, населяющіе Россію, составили одинъ народъ, чтобы на всемъ пространствѣ государства «господствовалъ одинъ только языкъ руссійскій» и чтобы были уничтожены даже имена всѣхъ населяющихъ его племенъ и вездѣ были бы слиты «въ общее названіе русскихъ». Это были конечно мечты, совершенно неосуществимыя, но такая прямолинейность, не останавливающаяся ни передъ какимъ препятствіемъ, хорошо рисуетъ рѣшительный характеръ нашего яacobинца.

Третья глава «Русской Правды» посвящена «сословіямъ, въ Россіи обрѣтающимся», причемъ, принимая нѣкоторые отдѣльные разряды крестьянъ за особыя сословія, онъ насчитывалъ всѣхъ ихъ до 12, а именно: духовенство, дворянство, купечество, мѣщанство, казенные крестьяне, вольные землевладѣльцы, военные поселяне, солдатскія дѣти, дворянскіе крестьяне, дворовые люди, заводскіе крестьяне и монастырскіе крестьяне.

«Распредѣленіе народа на сословія, занимающіяся исключительно земледѣліемъ, издѣліемъ» (т. е. промышленностью) «и торговлею», говоритъ Пестель, «совершенно отвергнуто политическою

экономію ¹⁾, доказавшею неоспоримымъ образомъ, что каждый человѣкъ долженъ имѣть полную и совершенную свободу заниматься тою отраслью промышленности, отъ которой наиболѣе ожидается для себя выгоды и прибыли». Далѣе онъ высказываетъ мысль, съ которою мы уже знакомы изъ его показанія о развитіи его политическаго міросозерцанія. «Отличительная черта нынѣшняго столѣтія ознаменовывается явною борьбою между народами и феодалною аристокраціею, во время коей начинаетъ возникать аристокрація богатствъ, гораздо вреднѣйшая аристокраціи феодалной, ибо сія послѣдняя общимъ мнѣніемъ всегда потрясена быть можетъ и слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ отъ общаго мнѣнія зависитъ, между тѣмъ какъ аристокрація богатствъ» находитъ въ нихъ «орудіе для своихъ видовъ, противу коихъ общее мнѣніе совершенно безсильно и посредствомъ коихъ она приводитъ весь народъ, какъ уже сказано, въ совершенную отъ себя зависимость».

Мы видѣли, что во введеніи къ «Русской Правдѣ» Пестель «истинною цѣлью государственнаго устройства» считаетъ (слѣдуя Бентаму) «возможно большее благоденствіе *многочисленнѣйшаго числа* людей въ государствѣ». Въ третьей главѣ онъ идетъ даже далѣе и говоритъ, что «гражданскія общества, а слѣдовательно и государства составлены для возможно большаго благоденствія *всѣхъ и каждаго*, а не блага нѣкоторыхъ, за устраненіемъ большинства людей». Онъ утверждаетъ, что «всѣ люди въ государствѣ должны непремѣнно быть передъ закономъ совершенно равны и что всякое постановленіе, нарушающее» это равенство, «есть нестерпимое зловластіе» (тираннія), «долженствующее непремѣнно быть уничтоженнымъ... Сословія тѣмъ еще пагубнѣе, что они только однимъ пристрастіемъ дышать, что нѣкоторымъ членамъ народа выгоды даютъ, въ коихъ другимъ отказываютъ безъ всякой причины и безъ всякой для государства пользы, что, для пресыщенія корысти нѣсколькихъ людей, жестокою оказываютъ несправедливость противъ наибольшей части народа, и что противны цѣли государственнаго существованія, состоящей не въ пристрастіи къ малому числу, но въ елико возможно большемъ благоденствіи *многочисленнѣйшаго числа* людей въ государствѣ. А изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что учрежденіе сословій непремѣнно должно быть уничтожено, что всѣ люди въ государствѣ должны составлять только одно сословіе, могущее называться

¹⁾ Въ одной французской рукописи Пестеля упоминается имя Сисмонди. Вѣроятно ему было знакомо его сочиненіе „Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population“ par Simonde de Sismondi. P. 1819, 2 vols. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Пестель былъ знакомъ съ сочиненіемъ Адама Смиа, которое было переведено на русск. яз. и издано въ 1802—6 гг.

гражданскимъ и что всѣ граждане въ государствѣ должны имѣть одни и тѣ же права и быть передъ закономъ всѣ равны».

Духовенство, по мнѣнію Пестеля, должно быть не особымъ словіемъ, а «частью правительства», чиновниками; дѣти ихъ пользуются одинаковыми правами со всѣми гражданами. Черное духовенство, отказавшись отъ свѣта, не должно занимать должностей по церковному управленію, кромѣ монастырей. Въ монахи никто не долженъ поступать ранѣе 60 лѣтъ, а въ бѣлое духовенство ранѣе 40. Духовенство иноземнаго исповѣданія, которое признаетъ надъ собою начальство внѣ Россіи¹⁾, должно или оставить ее, или отказаться отъ повиновенія своему начальству и прекратить съ нимъ сношенія; монашескимъ же чинамъ иноземныхъ исповѣданій совсѣмъ не дозволяется пребываніе въ Россіи. При университетахъ должны быть особые богословскіе лица. Всякій, выдержавшій экзаменъ въ такомъ лицѣ, можетъ поступить на духовную службу. Находя, что положеніе русскаго духовенства «горько и жалостно», что оно «едва имѣетъ нынѣ насущный хлѣбъ, а въ старости остается безъ всякаго должнаго призрѣнія», Пестель ставитъ въ обязанность временному верховному правленію «всѣ средства употребить для доставленія почтенному руссійскому духовенству совершенно приличнаго содержанія». Особенно слѣдуетъ улучшить положеніе приходскихъ священниковъ, «чтобы они не были принуждены сами заниматься земледѣліемъ и беспокоиться о своемъ пропитаніи».

Пестель рѣшительно высказывается за необходимость уничтоженія всѣхъ дворянскихъ преимуществъ: 1) слѣдуетъ уничтожить «рабство и крѣпостное состояніе»²⁾, а также маіораты и право учреждать ихъ, такъ какъ наслѣдство послѣ родителей должно дѣлиться поровну между дѣтьми³⁾. 2) Дворяне должны быть обложены податями наравнѣ со всѣми прочими гражданами. 3) Они должны подвергаться тѣмъ же, какъ остальные преступники, наказаніямъ, не исключая и тѣлесныхъ, если они будутъ признаны необходимыми⁴⁾. 4) Дворяне не должны быть избавлены отъ набора ратниковъ, какъ и всѣ другія сословія, по очереди и по жребію, причемъ наравнѣ со всѣми они могутъ вступать на службу не рядовыми, а офицерами, если выдержатъ извѣстный экзаменъ. На мысль о введеніи всеобщей воинской повинности должны были

1) О вредѣ такой зависимости Пестель могъ найти упоминаніе въ книгѣ Детю-де-Траси (стр. 387).

2) О взглядахъ Пестеля на вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права см. въ моей статьѣ въ сборн. „Крестыанскій строй“, 1906, т. I, 229—232.

3) Мысль объ уничтоженіи маіоратовъ и равномъ раздѣлѣ наслѣдствъ Пестель могъ заимствовать у Детю-де-Траси (стр. 58).

4) Мысль Пестеля объ уничтоженіи дворянства и равенствѣ наказаній могла быть навѣяна частью французскою конституціею 1791 г., частью сочиненіемъ Детю-де-Траси (стр. 298).

навести Пестеля подобныя же реформы во Франціи и Пруссіи. Точно также и гражданская служба становится по «Русской Правдѣ» доступною всѣмъ сословіямъ на основаніи общихъ правилъ. 5) Всѣ титулы уничтожаются. Отмѣна всѣхъ преимуществъ, которыми пользовались дворяне, приводитъ къ уничтоженію и самаго званія дворянина. Дворяне, подобно всѣмъ прочимъ гражданамъ, расписываются по волостямъ. «Всякое существованіе, отдѣльное отъ массы народной, сословія есть вещь пагубная»¹⁾. Пестель высказывалъ увѣренность, «что добрые дворяне, истинные сыны отечества, съ удовольствіемъ и радостью примутъ сіе постановленіе... Они будутъ чувствовать, что выгоды, доставляемыя дворянству наравнѣ съ прочими россиянами новымъ государственнымъ порядкомъ, сею Русскою Правдою опредѣляемымъ, несравненно обширнѣе и значительнѣе тѣхъ преимуществъ, коихъ дворянство симъ лишается, и что они слѣдовательно мѣняютъ малое на большое, не говоря уже о томъ, что теряютъ постыдное, а приобретаютъ похвальное и достойное. Что же касается дворянъ, закоснѣвшихъ въ своихъ враждебныхъ противу массы народной предразсудкахъ и мыслящихъ, что вся Россія для нихъ однихъ существуетъ, то крѣпкую питать можно надежду, что таковыхъ дворянъ окажется весьма мало. Однако же ежели, паче чаянія, найдутся таковыя недостойныя сыны отечества, то противу нихъ надлежитъ принять мѣры рѣшительныя, дабы въ полной мѣрѣ укротить свирѣпый ихъ нравъ и поставить въ невозможность отечеству вредить, хотя бы къ тому и нужными были дѣйствія скорой и непреклонной строгости».

1) Въ концѣ третьей главы говорится о дворянствѣ слѣдующее: оно „обязывается подъ руководствомъ Верховнаго Правленія пересмотрѣть свой составъ и проекты объ ономъ представить“, и лишь всѣ прочія сословія, кромѣ дворянства и духовенства „сливаются въ общее сословіе російскихъ граждан“. Это противорѣчіе объясняется вѣроятно тѣмъ, что, приступивъ къ переработкѣ III главы, Пестель не закончилъ ея. Мы увидимъ ниже варианты въ постановленіяхъ о крестьянахъ. Въ самомъ концѣ третьей главы прибавлено еще слѣдующее: „При семъ надлежитъ замѣтить: 1) что съ уничтоженіемъ сословій и со введеніемъ гражданства всѣ уже граждане одинаковымъ законамъ подлежатъ будутъ, и что должны они право имѣть земли и вообще всякую движимую и недвижимую собственность приобретать, но только не крестьянъ, и 2) что люди, оказавшіе отечеству большія услуги, должны быть отличены отъ тѣхъ, которые только объ себѣ думали и только о частномъ своемъ благѣ помышляли. Таковыя лица должны особенными пользоваться правами и преимуществами. Вотъ главное правило, основаніемъ дворянству служащее“. Въ главѣ IV о дворянствѣ сказано, что оно „есть установленіе справедливое, когда основаніемъ своего существованія имѣетъ услуги, имъ отечеству оказываемыя, но когда оно не что иное есть, какъ феодализмъ, подобно какъ сіе во многихъ европейскихъ государствахъ установлено, тогда оно есть зло безразсудное, гибель государству наносящее“. Въ той же главѣ Пестель говоритъ, что „всѣ обязанности политическія на всѣхъ гражданъ вообще одинаковымъ образомъ“ должны „быть распространены. Надлежитъ однако же замѣтить, что тѣ отличные граждане, которые большія отечеству оказываютъ услуги (дворяне) должны нѣкоторыми особыми преимуществами пользоваться въ видѣ награжденія за ихъ услуги и отъ нѣкоторыхъ тягостнѣйшихъ обязанностей быть освобождены“. Повторяемъ, что эти мѣста «Русской правды» могли уцѣлѣть только вслѣдствіе неокончательной обработки III и IV главъ.

Купеческое и мѣщанское сословія также уничтожаются, и члены ихъ, подобно духовенству и дворянству, приписываются къ волостямъ; гильдіи и цехи уничтожаются.

Однѣ изъ наиболѣе талантливо написанныхъ страницъ «Русской Правды» посвящены вопросу о военныхъ поселеніяхъ. «Одна мысль», говоритъ онъ, о «военныхъ поселеніяхъ, прежнимъ правительствомъ заводимыхъ, наполняетъ каждую благомыслящую душу терзаніемъ и ужасомъ. Сколько пало невинныхъ жертвъ для пресыщенія того неслыханнаго зловластия, которое съ яростью мучило несчастныя селенія, для сего заведенія отданныя! Сколько денежныхъ суммъ, на сей предметъ расточенныхъ, всѣ силы государства нарочито соединяя для гибели государства! И все сіе для удовлетворенія неистовому упрямству одного человѣка». Какъ извѣстно, истиннымъ инициаторомъ военныхъ поселеній былъ самъ Александръ I, а Аракчеевъ являлся только тупымъ и жестокимъ исполнителемъ его воли. Далѣе Пестель подвергаетъ серьезному разбору доказательства мнимой выгоды военныхъ поселеній и затѣмъ говоритъ: «Никакое правительство не можетъ никогда право имѣть отдѣлится отъ общей массы народа часть онаго съ тѣмъ, чтобы на сію часть возложить, за исключеніемъ остальныхъ, самую тягостнѣйшую и жесточайшую повинность, какова есть военная. Какъ можно до такой степени всѣ чувства совѣсти и справедливости отвергнуть, чтобы навѣки нѣкоторыя семейства назначить для войны со всѣми ихъ дѣтьми, внуками и вообще потомствомъ, на сіи семейства возложить исключительно повинность военной службы и пролитіе крови за народъ, коего они знаютъ только потому, что за него всегда готовыми быть должны терять всѣхъ своихъ дѣтей... Развѣ военные поселяне не такія же чувства имѣютъ, развѣ они не такіе же граждане нашего отечества, развѣ они не тѣже права имѣютъ на благоденствіе, какъ и прочіе россияне, развѣ прочіе россияне не тѣже имѣютъ обязанности къ отечеству, какъ и они, и развѣ защита отечества не есть священная обязанность для всѣхъ и каждого. И потому яснымъ образомъ изъ сего можно вывести заключеніе, что военныя поселенія суть самая жесточайшая несправедливость, какую только разъяренное зловластіе выдумать могло». Наконецъ Пестель доказываетъ, что если бы вся армія была обращена въ военное поселеніе, то это было бы не безопасно для государства¹⁾. Понятно, что онъ включаетъ въ число «первѣйшихъ обязанностей» временнаго верховнаго правленія уничтоженіе военныхъ поселеній. Дѣти солдатъ обязаны были въ то время поступать въ воен-

¹⁾ Эту мысль высказалъ и декабристъ В. И. Штейнгель въ письмѣ изъ Петропавловской крѣпости къ имп. Николаю. -

ную службу. Въ 7 лѣтъ ихъ насильно отбирали у родителей и помѣщали въ военно-сиротскія отдѣленія. Съ 18 лѣтъ они зачислялись въ войско, какъ и ихъ отцы, на 25 лѣтъ. Пестель требовалъ уничтоженія военно-сиротскихъ отдѣленій (кантонистовъ), оставленія солдатскихъ дѣтей въ распоряженіи родителей съ выдачею имъ отъ казны пропитанія все время, пока отцы будутъ служить, и поступленія солдатскихъ дѣтей въ военную службу на общемъ основаніи.

«Главнѣйшее основаніе предполагаемаго для Россіи гражданскаго бытія», говоритъ Пестель, «состоитъ въ образованіи волостей и въ распредѣленіи всѣхъ россіянъ по волостямъ». Казенные крестьяне раздѣляются на государственныхъ или экономическихъ, удѣльныхъ и арендныхъ со старостинскими. Всѣмъ имъ слѣдуетъ дать «одинаковое существованіе, образованіе, управленіе и предназначеніе, считая ихъ всѣхъ на одинаковыхъ правилахъ государственнымъ имуществомъ». Всѣхъ казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ слѣдовало объявить вольными «и никакого рода крѣпости болѣе не подлежащими», и признать ихъ россійскими гражданами. Распредѣливъ ихъ по волостямъ, Пестель предлагалъ раздѣлить всѣ земли въ каждой волости на двѣ равныя части, изъ которыхъ «одну отдать, подъ названіемъ общественной земли, въ собственность волостному обществу, а другую, подъ названіемъ казенной, оставить собственностью казны, входящею въ составъ государственныхъ имуществъ. Общественную землю не должно волостное общество имѣть право ни продавать, ниже закладывать, ибо она есть собственность неприкосновенная. Казна же является въ отношеніи къ казенной землѣ въ видѣ частнаго человѣка и потому казенныя земли продавать можетъ»¹⁾.

Указавъ на то, что многіе католическіе монастыри въ Россіи еще имѣютъ крестьянъ, Пестель требовалъ присоединенія ихъ къ государственнымъ имуществамъ и принятія относительно нихъ тѣхъ же мѣръ, какъ и для крестьянъ казенныхъ.

Относительно «вольныхъ земледѣльцевъ», къ которымъ Пестель

¹⁾ Въ другомъ вариантѣ, послѣ предписанія раздѣлять земли на двѣ равныя части—общественную и казенную, сказано, что «крестьяне казенныхъ помѣстій или селеній продолжаютъ обрабатывать, какъ общественныя, такъ и казенныя земли теперешнимъ порядкомъ и платятъ казѣ тотъ же оброкъ за оныя, который и нынѣ платятъ. Сей порядокъ будетъ продолжаться 10 или 15 лѣтъ сряду, а послѣ сего срока не будутъ крестьяне никакого оброка платить за общественную землю, а за казенную, которую пожелаютъ для обработыванія на откупъ взять, будутъ эти деньги платить по назначенію, какое тогда имѣетъ быть сдѣлано. Послѣ 10 или 15 лѣтъ, а если удобно будетъ, то и прежде, когда сей новый порядокъ возымѣетъ существованіе, ходъ и дѣйствіе, будутъ казенные крестьяне пользоваться совершенною свободою и будутъ объявлены совершенно вольными». Далѣе слѣдовали тѣже правила о неотчуждаемости общественной земли и о правѣ казны продавать свою землю. Если крестьянинъ купитъ у казны какую нибудь землю, то этимъ участкомъ онъ будетъ имѣть право распоряжаться, какъ своею частною собственностью.

причисляетъ вольныхъ крестьянъ, малороссійскихъ казаковъ, панцырныхъ бояръ, однодворцевъ, колонистовъ и «разныхъ другихъ», онъ говоритъ: «Земли, принадлежащія вольнымъ земледѣльцамъ, могутъ на два рода быть раздѣлены: однѣ составляютъ собственность цѣлаго общества или селенія, другія составляютъ собственность частныхъ лицъ». Пестель обязываетъ временное верховное правленіе «раздѣлить земли каждой волости на двѣ половины, изъ коихъ одной быть собственностью общественною, а другой — собственностью частною. Земля общественная имѣетъ принадлежать всему волостному обществу вообще, а земля частная имѣетъ составить отдѣльную собственность частныхъ лицъ»... «Во многихъ селеніяхъ и волостяхъ, населенныхъ вольными земледѣльцами, принадлежитъ нынѣ вся земля или большая часть оной всему обществу вообще, а поелику общественная земля имѣетъ по новому предположенію составлять только половинную часть всей земли волости, то въ таковыхъ волостяхъ, гдѣ общественная земля болѣе половины всей земли составлять будетъ, обязывается Временное Верховное Правленіе отдѣлить отъ общественной собственности ту часть земли, которая половину всей земли волости превышаетъ, и сію отдѣленную часть раздать по равнымъ участкамъ въ вѣчное потомственное владѣніе членамъ того общества вольныхъ земледѣльцевъ, коему вся земля принадлежитъ». Протестуя противъ насильственного обращенія крестьянъ въ военныхъ поселеній, Пестель не понималъ, что обращеніе хотя бы и части общественной земли въ частную собственность будетъ такимъ же насиліемъ и можетъ вызвать кровавыя столкновенія. У однодворцевъ въ то время шелъ совершенно обратный процессъ распространенія общиннаго землевладѣнія на земли, находившіяся во владѣніи подворномъ. «Ежели необходимымъ окажется», продолжаетъ Пестель, «включить въ составъ общественной собственности частную землю какого нибудь вольнаго земледѣльца, то сей вольный земледѣлецъ имѣетъ быть въ полной мѣрѣ за сію землю вознагражденъ или денежною платою, или выдачею ему въ собственность изъ казенныхъ земель такового участка, который бы въ цѣнности своей равнялся участку земли, у него отнятому, всѣ же земли, принадлежащія нынѣ въ частную собственность вольныхъ земледѣльцевъ, коихъ ненужнымъ окажется включить въ общественную волостную собственность, имѣютъ оставаться въ вѣчномъ потомственномъ владѣніи нынѣшнихъ своихъ владѣльцевъ на основаніи общихъ правилъ».

Всѣхъ казенныхъ заводскихъ крестьянъ, работающихъ на заводахъ, Пестель считалъ необходимымъ «замѣнить людьми вольнонаемными или, что еще лучше, преступниками разнаго рода,

распредѣляя ихъ по соображенію важности преступленія и тягости работы», крестьянъ же «обратить въ первобытное земледѣльческое состояніе, устраивая для сего, въ случаѣ надобности, переселенія и составляя изъ нихъ волости на тѣхъ же основаніяхъ», какъ у казенныхъ крестьянъ. Допуская въ интересахъ государства на устроенныхъ уже заводахъ подневольный трудъ преступниковъ, Пестель все же считалъ нужнымъ напомнить, что, какъ извѣстно изъ политической экономіи, «тѣ только издѣлія» (т. е. промышленныя заведенія) «полезны, которыя заводимы быть могутъ безъ всякихъ насильственныхъ или принудительныхъ мѣропріятій и которыя слѣдовательно собственнымъ своимъ избыткомъ себя поддерживать могутъ» съ примѣненіемъ вольнонаемнаго труда.

Въ началѣ четвертой главы, рассматривающей народъ «въ политическомъ отношеніи», Пестель говоритъ о распредѣленіи населенія по волостямъ. Въ каждой волости ведутся два списка: одинъ гражданскій, другой «скарбовый»¹⁾: первый содержитъ въ себѣ имена всѣхъ гражданъ, приписанныхъ къ волости, второй—всѣхъ, имѣющихъ въ ней какое либо имѣніе. Одно и то же лицо можетъ значиться въ скарбовыхъ спискахъ нѣсколькихъ волостей, въ гражданскомъ же списокѣ—лишь въ одной волости. Если какой-либо гражданинъ желаетъ перейти изъ членовъ одной волости въ члены другой, то долженъ получить согласіе той, въ которую собирается перейти. Гражданинъ, имѣющій недвижимую собственность, долженъ быть членомъ той волости, гдѣ эта собственность находится и, лишь продавъ ее, онъ можетъ перейти въ другую; имѣющій же недвижимую собственность въ нѣсколькихъ волостяхъ можетъ перечисляться изъ одной въ другую безъ предварительнаго волостного разрѣшенія.

По достиженіи 15 лѣтъ дѣти гражданъ приносятъ присягу отечеству, послѣ чего «волостной предводитель» даетъ обѣдъ, «и весь день посвящается празднеству и увеселеніямъ, такъ чтобы и для всей волости» онъ былъ днемъ «радости и веселія». Такимъ образомъ «недоросли» вступаютъ въ число русскихъ гражданъ, правами же гражданства они начинаютъ пользоваться только «по достиженіи 20-го года отъ рожденія». Дѣвушки также въ 15 лѣтъ приносятъ присягу, но Пестель нигдѣ не говоритъ о предоставленіи женщинамъ политическаго равноправія²⁾. Замѣ-

¹⁾ Польское слово „skarb“ означаетъ — казна, сокровище, богатство; тутъ слово „скарбовый“ можно перевести словомъ „имущественный“.

²⁾ Бестужевъ-Рюминъ, излагая въ своемъ показаніи содержаніе „Русской Правды“, прямо говоритъ: „Выборы народные происходили слѣдующимъ образомъ: тысяча душъ мужскаго пола уже составляла волость. Въ оной избирались 2 депутата: одинъ въ уѣздъ, другой въ губернію“...

тимъ, что Детю-де-Траси высказался противъ такого равноправія, хотя и указалъ на то, что люди уважаемые, авторитетные были противоположнаго мнѣнія (стр. 177). Вопросъ о политическомъ равноправіи женщинъ былъ поднятъ во время большой революціи и затѣмъ во время французской революціи 1830 года. Бентамъ лишь въ сочиненіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1830 г., выразилъ мнѣніе о необходимости предоставленія женщинамъ политическихъ правъ¹⁾.

Русское гражданство по «Русской Правдѣ» теряется:

«1) приговоромъ суда, 2) вступленіемъ въ иностранное гражданство или подданство, 3) вступленіемъ въ иностранную службу безъ предварительнаго разрѣшенія верховной власти и 4) подавленіемъ прошенія объ исключеніи изъ російскаго гражданства. Временно же оно теряется при вступленіи въ личное услуженіе».

Пестель указываетъ на существованіе двухъ мнѣній относительно «раздѣленія земель». Одни полагаютъ, что «земля есть общая собственность всего рода человѣческаго, а не частныхъ лицъ, и посему не можетъ она быть раздѣлена между нѣсколькими только людьми, за исключеніемъ прочихъ. Коль скоро существуетъ хоть одинъ человѣкъ, который никакимъ обладаніемъ землею не пользуется, то воля Всевышняго и законъ природы совершенно нарушены и права естественныя и природныя человѣка устранины насиліемъ и зловластіемъ. На сѣмъ соображеніи былъ основанъ извѣстный поземельный законъ римскій, который устанавливалъ частое раздѣленіе земель между всѣми гражданами». По мнѣнію другихъ, трудъ есть источникъ собственности, и удобившій землю и сдѣлавшій ее способною «къ произведенію разныхъ произрастеній» долженъ имѣть на нее «исключительное право обладанія». Для процвѣтанія хлѣбопашества нужно много издержекъ, которыя согласится сдѣлать только тотъ, кто будетъ имѣть землю «въ полной своей собственности», и частые переходы земли изъ рукъ въ руки помѣшаютъ усовершенствованію земледѣлія. Поэтому «и должна вся земля быть собственностью нѣсколькихъ людей, хотя бы симъ правиломъ и было большинство людей отъ обладанія землею исключено». Пестель находитъ, что въ обоихъ мнѣніяхъ есть много справедливаго и думаетъ совершенно искусственнымъ способомъ согласить ихъ «обоюдныя выгоды и преимущества» и устранить «обоюдныя несправедливости».

Это средство состоитъ въ раздѣленіи земель каждой волости на двѣ равныя части (какъ это было объяснено въ III главѣ); одна половина получить названіе «земли общественной», другая

1) Чичеринъ „Ист. политич. ученій“ III, 315.

«земли частной». Земля общественная будетъ принадлежать всему волостному обществу и составлять его неприкосновенную собственность; она не можетъ быть ни продана, ни заложена, назначается «для доставленія *необходимаго*¹⁾ всѣмъ гражданамъ безъ изъятія и будетъ подлежать обладанію всѣхъ и каждого». Частныя земли будутъ принадлежать казнѣ или частнымъ лицамъ, владеющимъ ими на правѣ полной собственности. Земли, предназначенныя для образованія этой собственности, будутъ служить къ доставленію изобилія. Постановленіе это можетъ быть введено не вдругъ, а постепенно въ продолженіи 15 лѣтъ, и сдѣлать это въ Россіи легче, чѣмъ во всякомъ другомъ государствѣ: у насъ «понятія народныя весьма къ оному склонны», такъ какъ «съ давнихъ временъ» уже привыкли «къ подобному раздѣленію земель на двѣ части».

Относительно общественныхъ земель могутъ быть приняты слѣдующія основныя начала. Общественная земля въ каждой волости должна быть раздѣлена на участки, имѣющіе такую величину, чтобы каждый изъ нихъ могъ доставлять средства для одного тягла, т. е., по опредѣленію Пестеля, мужа съ женою и тремя дѣтьми. Участки эти должны раздаваться членамъ волостного общества не въ собственность, а лишь въ пользованіе для обработки на одинъ годъ, послѣ чего участокъ или переходитъ въ другія руки, или утверждается за тѣмъ же хозяиномъ. Каждый членъ волостного общества имѣетъ право требовать столько участковъ, сколько пожелаетъ, но никто не можетъ быть принужденъ къ этому. Это право одинаково распространяется какъ на гражданъ, имѣющихъ собственныя частныя земли, такъ и на неимѣющихъ ихъ, ибо всѣ они члены волостного общества. Если требуется менѣе участковъ, чѣмъ имѣется, тогда каждый получаетъ желаемое число ихъ, а остальные «могутъ отдаваться въ откупъ» (т. е. въ аренду) «постороннимъ лицамъ». Когда требуется участковъ болѣе наличнаго ихъ числа, то остаются неудовлетворенными требованія тѣхъ гражданъ, которые желаютъ получить наибольшее число участковъ, «такъ что въ семъ случаѣ всегда большія требованія сравниваются съ меньшими. При невозможности удовлетворить равнымъ требованіямъ предпочитаютъ неимѣющіе частныхъ земель въ своей собственности тѣмъ, которые таковыми землями обладаютъ: пропитывающіеся отъ одного земледѣлія—тѣмъ, которые занимаются еще и другою какою нибудь промышленностью, однимъ словомъ, предпочитается тотъ, кто бѣднѣе». Участки переходятъ изъ рукъ въ руки только въ трехъ случаяхъ: 1) если кто самъ не хочетъ держать участка или пожелаетъ перемѣнить его на свободный;

1) Курсивъ подлинника.

2) если не может пользоваться прежнимъ числомъ участковъ по причинѣ увеличенія требованій и 3) когда лишенъ этого права за преступленія или приговоромъ волости за гласный и доказанный развратъ¹⁾.

Въ каждой волости долженъ быть учрежденъ волостной банкъ, изъ котораго каждый гражданинъ могъ бы получать «вспомоществованіе»; къ нему «полезно присоединить страховое учрежденіе». Изъ этого банка граждане получаютъ средства, необходимыя на первоначальное обзаведеніе при поступленіи въ «земледѣльческое состояніе».

Когда описанный порядокъ будетъ введенъ въ полной мѣрѣ, продолжаетъ Пестель, каждый «будетъ совершенно въ необходимомъ обеспеченъ и увѣренъ, что въ своей волости всегда клочекъ земли найти можетъ, который ему пропитаніе доставитъ», и онъ будетъ получать его «не отъ милосердія ближнихъ и не отдаваясь въ ихъ зависимость», но отъ трудовъ по обработкѣ земли, принадлежащей ему, какъ члену волостного общества, «наравнѣ съ прочими согражданами. Гдѣ бы онъ ни странствовалъ, гдѣ бы счастья не искалъ, но всегда въ виду имѣть будетъ, что ежели успѣхи стараніямъ измѣнять, то въ волости своей, въ семъ политическомъ своемъ семействѣ, всегда пристанище и хлѣбъ насущный найти можетъ». Каждый гражданинъ Россіи будетъ обладателемъ земли: или имѣя ее въ частной собственности, или имѣя право пользоваться общественною землею, не платя за нее «найма» (т. е. аренды). «Вся Россія будетъ слѣдовательно состоять изъ однихъ обладателей земли, и не будетъ у нея ни одного гражданина, который бы не былъ обладателемъ земли». Если кто будетъ заниматься какими либо промыслами или пойдетъ въ услуженіе, или наймется на какую либо работу, то все же будетъ неизмѣнно сохранять свое право на общественную землю. «Посредствомъ политическаго своего семейства» (т. е. своей волости) «будетъ каждый гражданинъ сильнѣе къ дѣлому составу государства приверженъ... каждый будетъ видѣть, что онъ въ государствѣ находится для своего блага, что государство о благоденствіи каждого помышляетъ, каждый будетъ чувствовать, что онъ подати платить и повинности несеетъ для дѣли ему близкой и для собственнаго

¹⁾ Въ „Государственномъ Завѣтѣ“ Пестеля (сокращенномъ изложеніи „Русской Правды“) сказано: „Переходъ изъ нынѣшняго положенія въ порядокъ, здѣсь предлагаемый, есть постепенный. У нынѣшнихъ помѣщиковъ земля откупается оброкомъ или работою лѣтнею. Напередъ заводится сіе въ казенныхъ имѣніяхъ и волостяхъ, а потомъ уже въ частныхъ. Оброчныя селенія и пахотныя селенія, дворовые люди, заводскіе крестьяне, продолжая нынѣшнія занятія положенное время, тоже сами откупаются, а дворовые въ волости поступаютъ“. Сказанное въ „Государственномъ Завѣтѣ“ относительно измѣненія быта крестьянъ не вполне соответствуетъ тому, что говорится въ „Русской Правдѣ“ по этому предмету. Срав. „Крестьянскій Строй“, т. I, стр. 230—232.

своего блага». Каждый человекъ при своихъ сношеніяхъ съ правительствомъ будетъ находить въ другихъ членахъ волости защиту противъ «всякаго зловластия», вся волость будетъ вступаться за каждого. Такимъ образомъ «установится правильное и законное противоборство частному деспотизму». Все это Пестель выразилъ въ заключеніе словомъ «solidarité»¹⁾. Имѣя въ виду всѣ благотѣльные послѣдствія установленія волостныхъ обществъ и общественныхъ земель, онъ обязывалъ верховное правленіе непремѣнно ввести ихъ и не останавливаться передъ связанными съ этимъ трудностями.

Въ приведенномъ выше показаніи Пестеля подробно обрисовано происхожденіе его политическихъ идей; интересно было бы опредѣлить источники и его соціальныхъ воззрѣній, и особенно наиболѣе важной части ихъ—программы поземельной реформы. Нужно думать, что въ основу ихъ легли личныя наблюденія надъ нашимъ общиннымъ землевладѣніемъ (родители Пестеля имѣли помѣстье въ Смоленской губ.), нѣкоторыя же свѣдѣнія о немъ онъ могъ почерпнуть и изъ литературныхъ источниковъ.²⁾ Но столь же важнымъ, если не болѣе вліятельнымъ источникомъ его воззрѣній должны были быть произведенія западно-европейскихъ литературъ, изъ которыхъ Пестель конечно могъ почерпнуть лишь нѣкоторыя общія идеи, повліявшія на созданіе его плана аграрной реформы.

Пестель не могъ конечно не изучить основательно сочиненія Монтескье «О духѣ законовъ» уже потому, что трудъ Детью-де-Траси, сыгравшій огромную роль въ развитіи политическаго міросозерцанія Пестеля, представлялъ комментарий на это сочиненіе. Въ трудѣ Монтескье Пестель могъ найти нѣкоторыя идеи, которыя, несмотря на то, что въ XVIII вѣкѣ еще не было извѣстно самое слово «соціализмъ», нельзя не признать соціалистическими, частью даже коммунистическими, хотя въ то же время въ современномъ ему государствѣ онъ рекомендуетъ уваженіе къ собственности (кн. XXVI, гл. 15). Монтескье относится совершенно сочувственно къ законодательству Ликурга и дивится «силѣ генія», которымъ должны были обладать Ликурзь, составитель законовъ Крита, послужившихъ образцомъ для Лакедемона, и философъ Платонъ, законодательные проекты котораго онъ называетъ «исправленнымъ изданіемъ» законовъ спартанскихъ. Монтескье сочувственно относится къ тому устройству, которое іезуиты ввели

¹⁾ Въ сокращенномъ изложеніи „Русской Правды“, подъ названіемъ „Конституція Государственный Заветъ“, Пестель перевелъ слова «principe de la solidarité»: „правило совокупной стоятельности“.

²⁾ Напримѣръ изъ „Примѣчаній“ Болтина на книгу Леклерка (II, 341 — 342) и статьи Дурасова въ „Трудахъ Вольнаго Экономич. Общества“ 1821 г., стр. 72.

въ Парагваѣ, гдѣ продукты труда индѣйцевъ складывались въ магазины, изъ которыхъ они снабжались всѣмъ необходимымъ. «Желая создать подобныя учрежденія», говоритъ Монтескье, «нужно установить общность имущества республики Платона,... нужно поручить веденіе торговли государству, а не отдѣльнымъ гражданамъ;... учрежденія подобнаго рода могутъ быть умѣстны въ республикахъ» (кн. IV, гл. 6—7). «Нѣкоторые древніе законодатели, какъ Ликурзь и Ромуль», говоритъ далѣе Монтескье, «раздѣлили земли поровну. Это могло произойти лишь при основаніи новой республики, или когда старая была до того испорчена и состояніе умовъ въ ней было таково, что бѣдные были поставлены въ необходимость домогаться подобнаго средства, а богатые допустить его». Но Монтескье замѣчаетъ, что «если законодатель, совершивши такой раздѣлъ, не установитъ особыхъ законовъ для его охраненія, то созданіе его будетъ недолговѣчно». По его словамъ, «въ благоустроенной демократіи земельные участки должны быть не только равными, но еще и очень небольшими, какъ у римлянъ. «Не дай Богъ, говорилъ Курій своимъ воинамъ, чтобы гражданинъ почиталъ слишкомъ малымъ кусокъ земли, достаточный для прокормленія человѣка!» Однако Монтескье оговаривается, что «равный раздѣлъ земель возможенъ не для всѣхъ демократій. Есть обстоятельства, когда такая мѣра была бы неудобноисполнима, опасна и даже могла бы поколебать государственное устройство. Не всегда необходимо прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ. И если этотъ раздѣлъ, цѣль котораго охраненіе правовъ, окажется неподходящимъ для какой нибудь демократіи, то надо обратиться къ другимъ средствамъ» (кн. V, гл. 5—7). Въ другомъ мѣстѣ Монтескье говоритъ: «Законы о новомъ раздѣлѣ земель, которыхъ такъ настойчиво домогались въ нѣкоторыхъ республикахъ, были по природѣ своей очень благотѣльны. Они были опасны лишь какъ дѣйствіе внезапное» (кн. VII, гл. 2).

Монтескье полагалъ, что «республика, по своей природѣ, требуетъ небольшой территоріи, иначе она не удержится» (кн. VIII, гл. 16), но не слѣдуетъ думать, что нѣкоторыя социалистическія идеи, по его мнѣнію, осуществимы лишь въ республикахъ. И въ большихъ государствахъ онъ признаетъ право на трудъ, право на обезпеченіе средствъ къ существованію. Въ главѣ «О богадѣльняхъ» онъ говоритъ: «Человѣкъ впадаетъ въ нищету не потому, что у него нѣтъ собственности, а потому, что онъ не работаетъ... Милостыня, подаваемая отъ времени до времени нищему, никакъ не исчерпываетъ обязанностей государства: на немъ лежитъ долгъ обезпечить всѣмъ гражданамъ надежныя средства къ существованію,—

пищу, приличную одежду и родъ жизни, не вредящій здоровью» (кн. XXIII, гл. 29).¹⁾

Пестель былъ знакомъ съ сочиненіями Ж. Ж. Руссо. Извѣстно знаменитое мѣсто противъ поземельной собственности въ началѣ второй части его «Разсужденія о происхожденіи неравенства среди людей»²⁾. Что касается современнаго государства, то, признавая въ немъ право собственности, Руссо однако замѣчаетъ въ «Общественномъ договорѣ», что первый, занимающій свободную землю долженъ захватывать лишь количество, необходимое для его жизни и которое онъ можетъ обработать³⁾. Онъ утверждаетъ также въ «Эмилѣ», что верховная власть, принадлежащая народу, не должна нарушать права собственности ни отдѣльнаго лица, ни многихъ лицъ, но она можетъ завладѣть имуществомъ всѣхъ, какъ это совершилось въ Спартѣ во времена Ликурга⁴⁾.

Съ другой стороны, въ сочиненіяхъ авторовъ ему извѣстныхъ (у Гельвеція, Гольбаха и Бентама) Пестель могъ найти мысли о невозможности равенства имуществъ.⁵⁾

Мы видѣли, какимъ образомъ Пестель пытался примирить два противоположные взгляда на поземельную собственность. Начитанность его, конечно, не ограничивается тѣми сочиненіями, изъ которыхъ были сдѣланы выписки въ его небольшой записной книжкѣ или названія которыхъ сохранились въ другихъ его рукописяхъ и въ показаніяхъ на слѣдствіи (есть показаніе, что часть этихъ рукописей была уничтожена въ ожиданіи обыска). Было уже приведено свидѣтельство Лорера объ обширной библиотекѣ Пестеля: его знакомству съ иностранною литературою должно было содѣйствовать и первоначальное воспитаніе въ Дрезденѣ (1805—1810 гг.), и его участіе въ заграничномъ походѣ русской арміи въ 1813—1815 гг.

Къ числу сочиненій западно-европейской литературы, близкихъ по идеямъ къ аграрной программѣ «Русской Правды» Пестеля,

1) *Монтескье*. «О духѣ законовъ». Пер. съ франц. подъ ред. А. Г. Горяфѣльда, со вступ. статьей М. М. Ковалевскаго. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1900 г.

2) *J. J. Rousseau*. «Contrat social» P., edit. Garnier p. 67, 79—80, 88.

3) *Ibid.*, 252.

4) *Lichtenberger*. «Le Socialisme au XVIII siècle», Paris, 1895 г., p. 160. Ср. *Поль Луи* «Исторія социализма во Франціи», М. 1906 г., стр. 17—24. Вѣроятно Пестелю было извѣстно сочиненіе «Code de la nature», прежде приписываемое Дидро и печатавшееся въ собраніи его сочиненій, но принадлежащее Морелли, въ которомъ было сказано, что каждый городъ (cité) долженъ имѣть извѣстное пространство земли не въ собственность, но лишь для того, чтобы обезпечить существованіе его жителей и дать занятіе тѣмъ, которымъ будетъ поручена обработка земли. Земледѣліе было обязательно въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ. Морелли допускалъ однако частную собственность относительно вещей, нужныхъ для ежедневнаго употребленія. *Morelli*. «Code de la nature», P., 1841 г., p. 152, 155, 156.

5) *D'Holbach* *Système social*, I Partie, ch. XII; «La politique naturelle», Disc. I, § 10, 11. *Бентамъ* «Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи». Спб. 1806 г. т. II, 66—67, *Helvétius*, De «l'homme», Sect. VI, ch. X, XI.

принадлежит произведеніе аббата Курнана, профессора въ Collège de France, который въ 1791 г. издалъ брошюру (76 стр.) подъ заглавіемъ: «О собственности, или дѣло бѣдныхъ, защищаемое передъ трибуналомъ разума, справедливости и истины». Авторъ излагаетъ въ ней слѣдующій проектъ «аграрнаго закона» 1). Онъ предполагаетъ, что во Франціи находится 25.000 кв. льё обработанныхъ земель и около 21 или 22 миллионѣвъ жителей, что составляетъ по 7 арпановъ на человѣка (арпанъ нѣсколько менѣе $\frac{1}{2}$ десятины). Авторъ стоитъ за равный раздѣлъ земли между всѣми гражданами. До такого раздѣла онъ предлагаетъ отдѣлить отъ каждаго кв. льё $\frac{1}{3}$ земель, которая вошла бы въ составъ государственнаго земельного фонда, «откуда нарѣзался бы каждому, при его рожденіи, участокъ, необходимый для его существованія, и куда этотъ участокъ возвращался бы немедленно послѣ его смерти». Эти земли сдавались бы въ аренду отъ государства и приносили бы около 500 миллионѣвъ арендной платы, которые и покрывали бы всѣ расходы государства. При равномъ раздѣлѣ остальныхъ $\frac{2}{3}$ земель, каждый получилъ бы въ свое распоряженіе участокъ болѣе $4\frac{1}{2}$ арпановъ, свободный отъ всѣхъ налоговъ. Каждый французъ, при достиженіи 20-лѣтняго возраста, вынималъ бы жребій на свой участокъ: мужъ вынималъ бы жребій за жену, отецъ—за своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Можно было бы сдавать въ наемъ и арендовать эти участки, но только не отчуждать ихъ и не передавать по наслѣдству. Напротивъ, движимую собственность можно было бы по прежнему передавать и наслѣдовать. Авторъ замѣчаетъ, что если бы Національное Собраніе побоялось слишкомъ рѣзкаго перехода къ новому поземельному строю, то оно могло бы осуществлять эту систему постепенно, по мѣрѣ вымиранія собственниковъ» 2).

Англійскій писатель Чарльзъ Голль (Hall) въ своемъ сочиненіи: «Дѣйствіе цивилизаціи на народъ въ европейскихъ государствахъ», предлагаетъ слѣдующую мѣру для измѣненія существующаго несправедливаго общественнаго порядка. Государство должно взять въ свою собственность всю землю и раздѣлить ее на участки между семействами, смотря по числу ихъ членовъ. Такъ какъ величина семействъ измѣняется не одинаково, то *отъ времени до времени должны происходить новые передѣлы земли*. Земельный участокъ долженъ быть неотчуждаемымъ, а въ случаѣ вымиранія семьи возвращаться въ собственность государства 3).

1) Это слово во время французской революціи соотвѣтствовало теперешнему слову „соціализмъ“. Оларъ „Политич. истор. фр. револ.“, М. 1902 г., стр. 61, 543, 545—546.

2) Оларъ, стр. 112, 113.

3) А. Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. 1891. 47. 49. Не слѣдуетъ удивляться предложенію автора о произведеніи земельныхъ передѣловъ. Въ то время въ нѣко-

Нѣтъ никакихъ доказательствъ, что сочиненія Курнана и Голля были извѣстны Пестелю, хотя въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: такъ, напр., сочиненія Роберта Оуэна уже знали одинъ изъ декабристовъ. Во всякомъ случаѣ, характерно, что даже въ странахъ съ совершенно инымъ поземельнымъ строемъ проявлялись теченія, до нѣкоторой степени сходныя съ тѣмъ, что высказывалъ Пестель въ «Русской Правдѣ» относительно поземельной реформы.

Далѣе, въ четвертой главѣ, Пестель доказываетъ необходимость представительнаго правленія, къ «которому всѣ народы съ такимъ пламеннымъ желаніемъ стремятся», и затѣмъ переходитъ къ вопросу о томъ, какъ организовать это представительство въ Россіи такимъ образомъ, чтобы была удалена «даже тѣнь аристократическаго порядка», какъ «феодальнаго», такъ и основаннаго на богатствѣ.

Народныя собранія должны быть двухъ родовъ: одни называются земскими, другія намѣстными. Земскія народныя собранія (по одному въ каждой волости) состоятъ изъ всѣхъ гражданъ, приписанныхъ къ волости по гражданскому списку (а мы видѣли, что по проекту Пестеля всѣ граждане приписывались къ той или другой волости) и занимаются выборами «въ члены намѣстныхъ народныхъ собраній», руководствуясь только «довѣріемъ къ избираемымъ лицамъ» (слѣдовательно никакого особаго имущественнаго ценза, кромѣ предоставленнаго всѣмъ права пользованія общественною землею, ни для участія въ выборахъ, ни для права быть выбраннымъ не требуется) ¹⁾. Засѣданія земскихъ народныхъ собраній должны продолжаться не болѣе 6 дней. Намѣстныя народныя собранія «занимаются всѣми дѣлами, народному соучастію предоставленными» и бываютъ трехъ степеней: волостныя, уѣздныя и окружныя, или губернскія. Каждое земское (волостное) собраніе «назначаетъ» (т. е. избираетъ) всѣхъ членовъ (отъ 100 до 200 чел.) въ свое намѣстное волостное собраніе, и по нѣскольку членовъ въ уѣздное и окружное, или губернское, слѣдовательно члены всѣхъ намѣстныхъ собраній избираются самимъ народомъ. Выборы въ намѣстныя собранія производятся ежегодно, но дозволяется переизбраніе тѣхъ же лицъ. Волостныя и уѣздныя намѣстныя собранія выслушиваютъ отчеты волостного и уѣзднаго правленія, прини-

торыхъ мѣстностяхъ Англіи сохранилось еще общинное землевладѣніе, причемъ или передѣлу ежегодно подвергались одни луга, или передѣлялась и пахотная земля, но только не каждый годъ, и получившій по жребію участокъ пашни удерживалъ его на время одного сѣвооборота. *Нассе*, „О средневѣковомъ общинномъ землевладѣніи и огораживаніи полей въ Англіи въ XVI в“. Перев. подъ редакц. Азаревича. Ярославль. 1878 г., стр. 14—16.

¹⁾ Детю-де-Траси также высказывается за участіе въ выборахъ всѣхъ, кромѣ женщинъ, людей слишкомъ престарѣлыхъ, лишенныхъ избирательныхъ правъ по суду и „быть можетъ“, тѣхъ, которые добровольно приняли на себя обязанности, дѣлающія ихъ зависимыми отъ другихъ (р. 176—178).

мають и разсматриваютъ жалобы на нихъ, замѣщаютъ вакантныя мѣста въ волостныхъ и уѣздныхъ правленіяхъ «выборомъ новыхъ чиновниковъ и присяжныхъ или утвержденіемъ прежнихъ», занимаются дѣлами, касающимися волости или уѣзда, «разрѣшаютъ различныя предпріятія для общественной пользы, раздаютъ въ волостяхъ общественныя земли и проч. Окружныя мѣстныя собранія, кромѣ тѣхъ же дѣлъ, выбираютъ народныхъ представителей въ народное вѣче. Слѣдовательно выборы въ это «верховное законодательное» учрежденіе двухстепенныя ¹⁾.

Въ главѣ пятой «Русской Правды» Пестель говоритъ «о народѣ въ гражданскомъ отношеніи». Онъ разсматриваетъ здѣсь сначала правила родства, родительской власти, брака и его расторженія. Право собственности онъ признаетъ священнымъ и неприкосновеннымъ; лишать его для блага общаго онъ считаетъ въ этой главѣ возможнымъ только за полное вознагражденіе ²⁾. Конфискація имущества въ пользу казны никогда существовать не должна. Наслѣдованіе онъ допускаетъ, но не по завѣщанію, а только по закону, причѣмъ оставшійся въ живыхъ супругъ наслѣдуетъ половину движимаго и недвижимаго имущества, а другая половина раздѣляется между остальными наслѣдниками, причѣмъ сыновья и дочери получаютъ равныя части. Выморочное имѣніе продается съ публичнаго торга, и вырученныя деньги поступаютъ въ банкъ или въ казну той волости, гдѣ находится имѣніе. Далѣе, Пестель говоритъ о гражданскихъ договорахъ. Признавая личную свободу «первымъ и важнѣйшимъ правомъ каждаго гражданина», онъ устанавливаетъ правило, что никто изъ гражданъ не долженъ быть лишенъ свободы «иначе, какъ законнымъ образомъ и законнымъ порядкомъ», подъ опасеніемъ «строжайшей отвѣтственности». Въ домъ гражданина никто не можетъ войти безъ его согласія, а взять подъ стражу онъ можетъ быть только на основаніи письменнаго предписанія отъ волостного правленія или высшаго мѣстнаго начальства съ указаніемъ причины. Впрочемъ на улицѣ арестъ можетъ быть произведенъ безъ письменнаго предписанія, но о причинахъ задержанія должно быть письменно объявлено арестованному до истеченія 24 часовъ, въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть немедленно освобожденъ. Содержащійся подъ стражею можетъ имѣть свиданіе со всѣми, съ кѣмъ пожелаетъ, и лишается

¹⁾ Двухстепенные выборы были установлены во Франціи декретомъ 22 декабря 1789 г. и сохранены конституціею 3 сентября 1791 г. Конституція 24 іюня 1793 г. ввела прямыя выборы, а по конституціи 1795 г. восстановлены опять выборы двухстепенныя, которые устанавливались и хартіею 1814 г. (ст. 35). Детью-де-Траси высказывается также за двухстепенныя выборы (р. 179—180).

²⁾ Однако въ своихъ предположеніяхъ относительно освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ Пестель допускалъ отступленіе отъ этого правила.

этого права только «въ самыхъ важнѣйшихъ случаяхъ... съ письменнымъ объявленіемъ о причинахъ».

«Никто не можетъ быть судимъ инымъ порядкомъ, какъ обыкновеннымъ законнымъ судебнымъ и въ томъ именно мѣстѣ, которое закономъ опредѣлено и назначено; посему никогда не должны никакія чрезвычайныя судебныя коммиссіи или чрезвычайныя суды быть учреждаемы, ниже въ какомъ бы то ни было случаѣ законный судебный порядокъ быть для какихъ бы то ни было причинъ нарушаемъ». Военные подлежатъ военному суду только за воинскія преступленія.

Волостное правленіе и намѣстное собраніе имѣютъ право заступаться за членовъ своихъ волостей въ случаѣ нарушенія указанныхъ выше правилъ, и высшее начальство обязано произвести слѣдствіе и дать полное удовлетвореніе.

Повинности населенія въ пользу казны Пестель раздѣляетъ на два рода: 1) личныя и вещественныя и 2) денежныя. Пестель утверждаетъ, что «чѣмъ совершеннѣе благоденствіе государства», тѣмъ менѣе существуетъ въ немъ повинностей перваго рода, и потому ставить въ обязанность верховному правленію изыскивать всѣ средства для превращенія личныхъ и вещественныхъ повинностей въ денежные сборы. Самыми тягостными личными повинностями, кромѣ рекрутчины, Пестель считаетъ исправленіе дорогъ, дѣйствительно крайне обременительное для крестьянъ при Александрѣ I, и сопровожденіе колодниковъ и арестантовъ. Самыя тягостныя вещественныя повинности, которыя нужно стараться уничтожить и допускать ихъ лишь въ крайности,—квартированіе войскъ, продовольствованіе ихъ обывателями, содержаніе почтъ, принудительныя поставки и тому подобное. Другія повинности, какъ напр. составленіе и обновленіе запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, общественные склады для оптовой продажи «въ пользу общественной казны или общественныхъ заведеній» и т. п., «иногда весьма полезны». Третьи, какъ напр. ясакъ кочующихъ народовъ, бываютъ неизбѣжны. Прямые повинности должны быть взимаемы съ имущества гражданъ, а не съ лицъ, почему и слѣдуетъ замѣнить подушныя подати другими налогами (извѣстно, что уничтоженіе подушной подати совершилось у насъ лишь въ первой половинѣ 1880 гт.,—законами 1882 и 1885 гт.; но еще Н. И. Тургеневъ въ своей книгѣ «Опытъ теоріи налоговъ» говорилъ, что подушныя налоги составляютъ «слѣды необразованности»). Налоги должны быть взимаемы съ имущества гражданъ уравнительно, такъ, чтобы изъ «прибытковъ» cadaго имущества уплачивалась $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{20}$ или другая опредѣленная доля. Налоги должны падать не на капиталы, а только на чистую прибыль съ нихъ. Косвенными налогами слѣдуетъ возможно менѣе обременять предметы

первой необходимости, и цѣна соли должна быть весьма сильно уменьшена.

Каждый гражданинъ имѣть право на занятіе всѣхъ должностей на государственной службѣ.

Граждане обязаны не только не повиноваться тѣмъ «законодательнымъ изреченіямъ или опредѣленіямъ», которыя «посмѣютъ» издавать правительственныя мѣста, не имѣющія права на составленіе законовъ, но даже противиться имъ «совокупными силами» и дѣйствіе ихъ всячески останавливать «до разрѣшенія верховной власти» ¹⁾.

Всѣ молодые люди, имѣющіе 20 лѣтъ отъ роду, подлежатъ рекрутскому набору. (Общая воинская повинность была уже введена тогда и во Франціи, и въ Германіи). Военная служба продолжается 15 лѣтъ (вмѣсто прежнихъ 25). Кто разъ уже подлежалъ набору въ 20 лѣтъ и потомъ женился, тотъ навсегда освобождается отъ рекрутчины и не берется на службу даже и въ случаѣ особыхъ государственныхъ обстоятельствъ; холостыхъ же тогда брать можно съ тѣмъ, чтобы въ 35 лѣтъ они получали отставку. Навсегда освобождаются отъ рекрутчины: 1) выдержавшіе опредѣленный экзаменъ въ университетѣ или гимназіи; 2) составляющіе единственную опору своихъ родителей или малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ и 3) нанявшіе за себя другого рекрута не старше 25 лѣтъ. Вольноопредѣляющіеся допускаются не моложе 20 лѣтъ, но съ тѣмъ, чтобы они увольнялись отъ службы не ранѣе 35 и не позже 40 лѣтъ отъ роду.

Пестель допускаетъ, чтобы отецъ воспитывалъ дѣтей дома, а если онъ этого не можетъ, то долженъ отдавать ихъ въ учебныя заведенія, учрежденныя правительствомъ; частнымъ же лицамъ онъ не предоставлялъ права устраивать пансіоны и другія учебныя заведенія, полагая, что правительственный надзоръ за ними будетъ всегда «слабъ и недостаточенъ». Онъ утверждалъ также, что всякія частныя общества, какъ открытыя, такъ и тайныя, должны быть совершенно запрещены, потому что, по его мнѣнію, первыя бесполезны, а послѣднія вредны. Первыя бесполезны потому, что они могутъ касаться предметовъ, входящихъ въ кругъ дѣйствія правительства, бесполезны «особенно при существованіи волостныхъ обществъ», вторыя—потому, что, касаясь предметовъ, которые не могутъ быть сдѣланы гласными, они должны быть признаны зловредными, такъ какъ государственный порядокъ, устанавливаемый «Русскою Правдою», «не только ничего добраго и полезнаго не принуждаетъ скрывать, но даже напротивъ того всѣ

¹⁾ О правѣ сопротивленія Пестель могъ заимствовать у *Де-Лолма* «Конституція Англіи». М. 1806 г. II, 57—65.

средства даетъ къ ихъ введенію и обнародованію законнымъ порядкомъ».

Въ «Русской Правдѣ» установлены слѣдующія «коренныя правила» относительно свободы книгопечатанія: «1) Каждый гражданинъ имѣетъ право писать и печатать все то, что онъ хочетъ, съ тѣмъ только, чтобы его имя было на его сочиненіи выставлено. Отъ сего исключаются одни только лютыя ругательства, которыя никогда допускаемы быть не должны. 2) Каждый гражданинъ пользуется правомъ имѣть типографію съ тѣмъ только, чтобы о томъ было предварительно правительствомъ извѣщено» (т. е. явочнымъ порядкомъ) «и чтобы на каждой печатной вещи находилось имя хозяина типографіи. 3) За мнѣнія и правила, въ сочиненіи изложенныя, отвѣчаетъ каждый писатель на основаніи... правилъ объ ученіи и проповѣдываніи противныхъ законамъ и чистой нравственности, и судится общимъ судебнымъ порядкомъ» (т. е. съ присяжными ¹⁾). «4) Ежели въ сочиненіи излагаются какія нибудь происшествія, или что нибудь утверждается, то сочинитель обязанъ оныя доказать, если къ суду обиженною стороною призванъ будетъ. Если же доказать не можетъ, то подвергается уголовному наказанію по суду присяжныхъ, судя съ обыкновеннымъ порядкомъ. 5) Сему распорядку подлежатъ всѣ сочиненія большія и малыя, всѣ переводы, всѣ вѣдомости и срочныя изданія, всѣ живописи, гравировки и, однимъ словомъ, все то, что какого бы то ни было рода сочиненія составляетъ... Срочныя же сочиненія» (повременныя изданія) «должны быть издаваемы не иначе, какъ по предварительному извѣщенію правительства о семъ намѣреніи».

Православная вѣра считается господствующею въ Россіи; «всѣ прочія христіанскія исповѣданія, равно какъ и всѣ инородныя вѣры, дозволяются въ Россіи, если только не противны онѣ российскимъ законамъ духовнымъ и политическимъ, правиламъ чистой нравственности и не нарушаютъ естественныхъ обязанностей человѣка» ²⁾.

Изъ правилъ относительно промышленности отмѣтимъ мысль, что правительство должно отказаться отъ всякихъ монополій и не предоставлять ихъ частнымъ лицамъ. Временныя товарищества дозволяются, но постоянныя компаніи, вродѣ нашей Американской

¹⁾ Мысль о необходимости суда присяжныхъ въ дѣлахъ о печати Пестель могъ заимствовать у Детью-де-Траси (стр. 217), а также у Бенжамена Констана (См. „Cours de politique constitutionnelle“, Р. 1861, I, 125) или Де-Лолма, „Конституція Англіи“, т. II, 41. Еще Союзъ Спасенія, статуты котораго писалъ Пестель въ 1817 г., требовалъ, какъ видно изъ показанія М. А. Фонъ-Визина, свободы книгопечатанія.

²⁾ Идею религіозной терпимости Пестель могъ почерпнуть у Бенжамена Констана. Ibid. I, 128.

(управлявшей русскими колоніями въ Сѣверной Америкѣ) или англійской Остѣ-Индской, рѣшительно запрещаются. Далѣе, въ пятой главѣ, Пестель говоритъ объ устройствѣ волостныхъ банковъ и страховыхъ учрежденій и о «богоугодныхъ» заведеніяхъ въ волостяхъ (воспитательныхъ и родильныхъ домахъ ¹⁾, богадѣльняхъ, больницахъ и о наймѣ врача). Частный человѣкъ, желающій учредить «богоугодное» заведеніе, долженъ, устроивъ его, подарить или продать волостному обществу, такъ какъ все, что имѣетъ общественное назначеніе, должно имѣть и общественное начальство. Подобно Монтескье, Пестель полагаетъ, что государство обязано доставлять всѣмъ средства къ существованію, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ «Русской Правды»: «Пользующійся общественными вспоможеніями получаетъ оныя не въ видѣ милости, но въ видѣ права, ибо первая обязанность человѣка» состоитъ въ сохраненіи своего бытія» и потому «имѣетъ каждый на все то право, что для сего нужно и необходимо и безъ чего бы онъ сей дѣли не могъ достигнуть».

Послѣднія пять главъ «Русской Правды», которыя Пестель не успѣлъ написать, должны были содержать слѣдующее: главы 6 и 7—образованіе верховной власти и государственнаго управленія, глава 8—мѣропріятія для безопасности, глава 9—мѣропріятія для благосостоянія ²⁾, глава 10—«составъ Государственнаго Уложенія; временное установленіе».

Х.

Изъ болѣе ранняго, чѣмъ «Русская Правда», произведенія Пестеля, подъ названіемъ «Записка о государственномъ правленіи», отмѣтимъ его мысли объ устройствѣ суда. Онъ считаетъ необходимымъ: 1) разсмотрѣніе существа дѣла и рѣшеніе о виновности или невинности подсудимаго предоставить присяжнымъ; 2) производство дѣла должно быть не словеснымъ, а письменнымъ, и рѣчей въ судѣ произносить не должно; судопроизводство должно быть публичное. Судьи должны быть несмѣняемыми и могутъ быть лишены мѣста только по судебному приговору. Присяжные должны назначаться какъ для гражданскихъ, такъ и для уголовныхъ дѣлъ изъ среды гражданъ, не по выбору ихъ или по назначенію отъ правительства, а по очереди, предоставивъ тяжущимся или подсудимымъ право отводить нѣкоторыхъ изъ нихъ по уважительнымъ причинамъ. Число присяжныхъ зависитъ отъ

¹⁾ Пестель полагалъ, что незаконнорожденныхъ можно преимущественно брать въ рекруты.

²⁾ Статьи о финансахъ и народномъ хозяйствѣ въ этой главѣ долженъ былъ написать Сергій Муравьевъ.

важности дѣла, но ихъ должно быть не менѣе 10. Для каждого дѣла назначаютъ особыхъ присяжныхъ; они рѣшаютъ единогласно и не должны расходиться, пока не постановятъ приговора. Полезно было бы прибавить, по примѣру римлянъ, третій родъ рѣшенія, выражающій сомнѣніе (*non liquet*) ¹⁾. Такое дѣло могло бы быть возобновлено, если бы явились новыя обстоятельства дѣла.

Земскія уѣздныя и губернскія начальства, устраивающія благоточиніе въ исполнительномъ порядкѣ, состоятъ изъ чиновниковъ, выбираемыхъ самими обывателями ²⁾.

Изъ труда Пестеля «Краткое умозрительное обозрѣніе государственнаго правленія. Сочиненіе русскаго гусара. 1820 г.», которое вмѣстѣ съ названною выше «Запискою о государственномъ правленіи» составляютъ вѣроятно части одного сочиненія, отмѣтимъ только требованіе уничтоженія смертной казни. По словамъ Пестеля, «имѣетъ каждый частный человѣкъ право убить того, который стремится лишить его жизни, если не имѣетъ другихъ средствъ для своего спасенія. Но гражданское общество и правительство, располагая всегда другими средствами для спасенія государства или гражданъ отъ покушеній частныхъ людей, не имѣетъ права какого бы то ни было преступника наказывать смертію, ибо въ семъ отношеніи все то есть *безсовѣстно* и *зловластно*, что преступаетъ границы необходимости. Къ тому же надобно еще и то сказать, что *всезнаніе* не принадлежитъ къ качествамъ смертныхъ и что слѣдовательно нѣтъ такого случая, въ которомъ человѣкъ, а посему и судья не могъ бы ошибиться, признавая человѣка преступникомъ и налагая на него наказаніе. Изъ сего явствуетъ, что всякое наказаніе должно быть налагаемо такимъ образомъ, чтобы возмездіе, вознагражденіе или удовлетвореніе были возможны. Смертная же казнь, содѣлывая всякое возмездіе совершенно невозможнымъ, по одной уже сей причинѣ никогда не должна быть употребляема. Хвала руссійскому правительству, постигшему великую сію истину» ²⁾.

¹⁾ Пестель заимствовалъ это послѣднее предложеніе вѣроятно изъ „Духа Законовъ“ Монтескье. (Изд. Пантелѣева, стр. 81).

²⁾ Въ этомъ сочиненіи Пестель еще допускаетъ цензуру. „Исполнительное благоточиніе“, говоритъ онъ, между прочимъ, имѣетъ „надзоръ за книгопролазцами, типографіями, театральными представленіями и обращеніемъ книгъ, журналовъ, мелкихъ сочиненій и листовъ. Свѣдѣнія о дозволеніяхъ, данныхъ для тисненія новыхъ сочиненій и для пропуска книгъ изъ за границы“ также относятся къ вѣдомству исполнительнаго благоточинія.

Говоря о военной службѣ, Пестель предлагаетъ улучшить пищу солдатъ: кромѣ муки и крупы, давать имъ по полуфунту говядины въ скоромные дни, соль и попеременно капусту, горохъ и картофель. Одежда солдата должна быть просторная и темнаго цвѣта; пѣхотѣ онъ совѣтуетъ дать кафтаны русскаго покроя; зимою полезно давать полшубки, а также плащъ (шинель).

³⁾ Относительно смертной казни Пестель разошелся съ мнѣніемъ Детю-де-Трасн, который стоялъ за ея сохраненіе (р. 73—74) такъ же, какъ и Бенжаменъ Констанъ (I, 328—332).



Гesia Мирoвнa
ГЕЛЬФМАНЪ.

Пестель не дописалъ «Русской Правды», но къ счастью сообщенная обществу Соединенныхъ Славянъ «Конституція Государственный Завѣтъ» представляетъ, хотя и въ самомъ сжатомъ видѣ, изложеніе того, что онъ частью уже высказалъ, частью хотѣлъ сказать въ «Русской Правдѣ». Вотъ что заключаетъ въ себѣ новаго «Государственный Завѣтъ».

«Насчетъ устройства верховной власти отвергается правило равновѣсія властей, но принимается правило опредѣлительности круга дѣйствій. Верховная власть раздѣляется на законодательную и верховно-исполнительную. Первая поручается *народному вѣчу*, вторая—*державной думѣ*. Сверхъ того нужна еще *власть блюстительная*, дабы тѣ двѣ не выходили изъ своихъ предѣловъ. Власть блюстительная поручается верховному собору».

«Народное вѣче ¹⁾ состоитъ изъ народныхъ представителей, выбранныхъ народомъ ²⁾ на пять лѣтъ». Каждый годъ выходить изъ состава вѣча пятая часть членовъ и замѣняется посредствомъ новыхъ выборовъ, причемъ допускается избраніе того же лица. «Устройство внутренняго порядка вѣча принадлежитъ ему самому. Предсѣдатель выбирается ежегодно изъ членовъ», засѣдающихъ послѣдній годъ. Народное вѣче составляетъ одно цѣлое и на камеры не раздѣляется; въ немъ «обращается» вся законодательная власть; оно объявляетъ войну и заключаетъ миръ. Законы «завѣтные» (т. е. конституція) составляются инымъ порядкомъ, чѣмъ всѣ остальные. Первые обнародываются и предлагаются «на сужденіе всей Россіи» ³⁾, слѣдовательно вводится референдумъ. Когда народное вѣче не засѣдаетъ, то «оставляется временная коммиссія». «Никто не можетъ распустить народное вѣче; оно представляетъ волю въ государствѣ, душу народа».

«Державная дума ⁴⁾ состоитъ изъ 5 членовъ, народомъ выбранныхъ на пять лѣтъ». Было упомянуто, что по «Государственному Завѣту» члены думы выбираются «народомъ», между тѣмъ какъ въ «Русской Правдѣ» это производится двухстепенными выборами. Оказывается, что и выборъ «народомъ» членовъ державной думы въ «Государственномъ Завѣтѣ» также означаетъ двухстепенные выборы: «Каждая губернія» (т. е. каждое «окруж-

¹⁾ Въ сохранившейся, довольно несправной копіи „Государственнаго Завѣта“ слово „вѣче“ употребляется то въ среднемъ родѣ, то въ женскомъ: „народная вѣча“.

²⁾ Какъ мы видѣли, „Русская Правда“ устанавливаетъ двухстепенные выборы; повидному подъ избраніемъ народомъ и здѣсь разумѣются двухстепенные выборы (ср. ниже избраніе членовъ державной думы).

³⁾ Бестужевъ-Рюминъ, излагая въ своемъ показаніи содержаніе „Русской Правды“ говорить: Вѣроятно открылись бы „въ конституціи, а особенно въ кодексѣ недостатки, то коль скоро бы они были замѣчены, собраніе законодательное или сенатъ“ (т. е. верховный соборъ) „долженствовали созвать собраніе депутатовъ нарочно для исправленія недостатковъ. Совершивъ свое дѣло, оное собраніе разрушалось“.

⁴⁾ Власть исполнительная.

ное» собраніе) предлагаетъ ежегодно кандидата, и изъ числа этихъ кандидатовъ народное вѣче дѣлаетъ окончательный выборъ членовъ державной думы ¹⁾. Ежегодно одинъ изъ членовъ думы выходить и замѣняется другимъ лицомъ, по выбору народнаго вѣча. Предсѣдателемъ державной думы бываетъ членъ ея, засѣдающій послѣдній, пятый годъ. «Державная дума имѣетъ всю верховно-исполнительную власть, ведетъ войну и производитъ переговоры, но не объявляетъ войны и не заключаетъ мира. Всѣ министерства и всѣ вообще правительствующія мѣста состоятъ подъ вѣдомствомъ и начальствомъ державной думы» ²⁾.

Верховный соборъ состоитъ изъ 120 членовъ, называемыхъ «боярами». «Бояре назначаются на всю жизнь и не могутъ участвовать ни въ законодательномъ, ни въ исполнительномъ порядкѣ. Губерніи назначаютъ кандидатовъ, а народное вѣче замѣщаетъ упразднившееся число бояръ. Предсѣдатель выбирается на годъ самимъ соборомъ. Соборъ имѣетъ верховно-блюстительную власть: народное вѣче препровождаетъ къ нему на утвержденіе свои законы. Соборъ не разсуждаетъ о сущности предметовъ, но смотритъ на однѣ формы», чтобы во всемъ были соблюдены законы. Послѣ этого утвержденія законъ получаетъ «свою дѣйствительную силу, самъ же соборъ не дѣйствуетъ». Онъ назначаетъ изъ своихъ членовъ по одному генераль-прокурору въ каждое министерство (приказный ³⁾ блюститель) и по одному генераль-губернатору въ каждую область (областной посадникъ ⁴⁾. «Генераль-прокуроръ разсматриваетъ журналы палатъ министерства и утверждаетъ ихъ опредѣленія, взирая на одну законность и соблюденіе предлагаемаго порядка, но не входя въ сужденіе о

¹⁾ По французской конституціи 1795 г. 5 членовъ директоріи „назначаются“ законодательнымъ собраніемъ (§ 132).

²⁾ Когда Пестель читалъ отрывки изъ „Русской Правды“ Киселеву, послѣдній замѣтилъ ему, что онъ „своему царю“, т. е. „исполнительной власти“ (державной думѣ), „предоставляетъ уже слишкомъ много власти“. Въ проектѣ, сообщенномъ имъ Н. Муравьеву, Пестель полагалъ предоставить сенату „умѣрительную власть“. — Бестужевъ-Рюминъ, излагая въ своемъ показаніи содержаніе „Русской Правды“, называетъ исполнительную власть не „державною думою“, а „директорією“ изъ 5 членовъ и замѣчаетъ при этомъ: „На сіе общество не соглашалось“. Онъ говоритъ, что директорія избиралась „собраніемъ законодательнымъ, яко представляющимъ народъ“, и не упоминаетъ о томъ, что выборы производились изъ числа кандидатовъ предложенныхъ окружающими собраніями. Въ другомъ показаніи Бестужевъ-Рюминъ сообщаетъ слѣдующее интересное свѣдѣніе: „Извѣстно, что Сѣверное Общество, въ особенности Тургеневъ, Никита Муравьевъ и кн. Сергій Трубецкой всегда Пестелеву конституцію отвергали, съ нѣкоторыми даже перемѣнами, Сергѣемъ Муравьевымъ и мною предложенными, ввести не соглашались, — и при отъѣздѣ Трубецкого изъ Кіева было положено между нами тремя, что онъ предложитъ Сѣверному Обществу, по введеніи временнаго правленія, составить комитетъ изъ ученыхъ членовъ для сочиненія конституціи, основанія коей пошлутся“ Бенжаменъ Констану, Дегю-де-Траси, Бентаму и Гизо „на одобреніе“.

³⁾ Пестель называетъ министерства „приказами“.

⁴⁾ Какъ мы знаемъ, Пестель предполагалъ раздѣлить Россію на 10 областей по 5 округовъ въ каждой.

сущности самаго содержанія; безъ ихъ утвержденія не можетъ исполненіе послѣдовать. Они отвѣчаютъ ⁽²⁾ 1) за свои дѣйствія. Державная дума рѣшаетъ, а верховный соборъ можетъ чиновника отдать подъ судъ. Отданный подъ судъ судится судебнымъ порядкомъ. Генераль-губернаторъ имѣетъ таковыя же обязанности въ отношеніи волостныхъ правленій. Изъ сего явствуетъ, что соборъ удерживаетъ въ предѣлахъ законности народное вѣче и державную думу, самъ же не имѣетъ никакого дѣйствія положительнаго. Главнокомандующіе дѣйствующихъ армій назначаются верховнымъ соборомъ. Онъ принимаетъ начальство надъ арміею, когда выступаетъ за предѣлы государства и слагаетъ (его), когда въ предѣлы вступаетъ². Внутри государства командованіе арміею, вѣроятно, зависитъ отъ державной думы.

Въ организаціи верховной власти, болѣе чѣмъ гдѣ либо, обнаружилось въ предположеніяхъ Пестеля вліяніе Детю-де-Траси, который также стоитъ за одну законодательную палату (стр. 185). Такъ какъ это вліяніе сыграло очень большую роль въ превращеніи прежнихъ монархическихъ взглядовъ Пестеля въ республиканскіе и такъ какъ онъ не успѣлъ развить, какъ это сдѣлалъ по многимъ другимъ вопросамъ, мотивовъ предлагаемаго имъ устройства верховной власти, то мы считаемъ необходимымъ привести разсужденія по этому предмету Детю-де-Траси, тѣмъ болѣе, что вліянію идей этого французскаго ученаго подвергся не только Пестель, но и многіе другіе члены Южнаго Общества ²⁾.

«Совершенно необходимо», говоритъ Детю-де-Траси, «чтобы исполнительная власть не сосредоточивалась въ однѣхъ рукахъ. Единственное основаніе, которое приводили въ пользу противоположнаго мнѣнія, состоитъ въ томъ, что одинъ человѣкъ болѣе способенъ дѣйствовать, чѣмъ собраніе многихъ людей. Это несправедливо. Необходимо единство въ волѣ, а не въ исполненіи... Нѣтъ монарха, у котораго не было бы нѣсколькихъ министровъ. Въ дѣйствительности имъ принадлежитъ исполнительная власть, а монархъ только изъявляетъ желаніе и часто ничего не дѣлаетъ... Законодательное собраніе и совѣтъ министровъ — вотъ истинное правительство. Король только паразитъ, лишнее колесо въ машинѣ, лишь увеличивающее треніе и издержки. Онъ ни на что

1) Тутъ въ копіи „Государственнаго Завѣта“ явная описка, — написано „утверждаютъ“.

2) М. О. Орловъ въ своемъ показаніи говоритъ: „книга Destutt-de-Tracy «Commentaire sur l'esprit des lois» была для нихъ высшею степенью премудрости; конституція англійская казалась имъ чрезвычайно тяжкою для народа и согласованною съ пользою одной аристокраціи; французская хартія была для нихъ не что иное, какъ лоскутокъ бумаги, безполезный для гражданъ; но зато американскій федерализмъ, испанскія происшествія, неаполитанская революція играли большую роль во всѣхъ ихъ разговорахъ. Они, казалось, отвергали силу обстоятельствъ и постепенность дарованныхъ правъ, а руководствовались одною только умозрительною теоріею, не признавающею никакихъ оттънковъ въ различіи нравовъ и обычаевъ народныхъ“.

не нуженъ, кромѣ того, чтобы занимать, съ возможно меньшими неудобствами, мѣсто, пагубное для общественнаго спокойствія, которымъ каждый честолюбецъ захотѣлъ бы завладѣть, если бы оно не было уже занято, такъ какъ привыкли къ существованію короля... Несправедливо, повторяю, будто по свойству исполнительной власти лучше, чтобы она находилась въ рукахъ одного, а не въ собраніи нѣсколькихъ лицъ... Единство дѣйствія можетъ быть также создано большинствомъ немногочисленнаго совѣта, какъ и однимъ лицомъ». Что касается скорости дѣйствія, то она не всегда желательна. «Необходимо, чтобы дѣла большого государства, руководимыя въ общемъ законодательнымъ корпусомъ, велись единообразно и согласно одинаковой системѣ. Этого нельзя ожидать отъ одного человѣка, ибо онъ скорѣе можетъ мѣнять свои взгляды и принципы, чѣмъ совѣтъ..., который, возобновляясь по частямъ, проникнуть неизмѣннымъ направленіемъ»...

Если глава исполнительной власти избирается на небольшое число лѣтъ, подчиненъ опредѣленнымъ правиламъ и не можетъ дѣйствовать безъ согласія извѣстныхъ лицъ, то конечно онъ становится безвреднымъ. Но тогда онъ въ сущности и не будетъ единымъ правителемъ, соотвѣтствующимъ идеѣ о монархѣ, а только первымъ чиновникомъ свободнаго народа. Если же единый правитель избирается на ограниченное время, но безъ указанныхъ предосторожностей и можетъ свободно распоряжаться войсками и деньгами, хотя и подъ руководствомъ законодательнаго корпуса, то положеніе его становится слишкомъ значительнымъ и возбуждаетъ честолюбивыя стремленія; при этомъ выборы будутъ сопровождаться интригами и насиліями. Еще въ большей степени это происходитъ при пожизненномъ избраніи, которое вызываетъ безпорядки и даже приводитъ къ распаденію государства, или правитель, избранный пожизненно, становится наследственнымъ, какъ это было въ Голландіи и во многихъ другихъ странахъ.

Переходя затѣмъ къ наследственной монархіи, авторъ замѣчаетъ, что считали бы безумнымъ сдѣлать наследственнымъ обязанности кучера или повара, адвоката или доктора, обязавшись пользоваться услугами только этихъ лицъ и ихъ наследниковъ по праву первородства, будутъ ли это дѣти или дряхлые старики, сумасшедшіе или слабоумные, маніаки или подлецы, а между тѣмъ считаютъ вполне естественнымъ повиноваться государю, получившему власть такимъ порядкомъ. Трудно найти человѣка, способнаго управлять, который со временемъ не сдѣлался бы недостойнымъ этого. Весьма возможно, что дѣти облеченнаго великою властью будутъ дурно воспитаны; мало вѣроятно, чтобы, если одинъ изъ нихъ избѣгнетъ вредныхъ вліяній, это былъ бы непременно старшій; если бы это было и такъ, то его дѣтство, годы его

неопытности, его увлеченія подѣ вліяніемъ страсти, его болѣзни, его старость занимають весьма значительную часть его жизни и дѣлають опаснымъ повиновеніе ему въ это время. Наслѣдственная власть по природѣ своей неограниченна и не поддается ограниченію. Власть, находящаяся въ рукахъ одного лица, стремится къ все большему ея усиленію. Наслѣдственная монархія, чтобы укрѣпиться, подавить власть народа. Дѣло окончится или порабощеніемъ народа, или паденіемъ престола. Надѣяться сохранить свободу при монархическомъ устройствѣ, значитъ желать двухъ вещей, взаимно одна другую исключающихъ.

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій Детю-де-Траси дѣлаетъ выводъ, что *исполнительная власть* должна быть ввѣрена совѣту, составленному изъ немногихъ лицъ, избранныхъ на время, и постепенно обновляемому; а *законодательная власть* должна быть предоставлена болѣе многочисленному собранію, состоящему также изъ избранныхъ на опредѣленное время, и обновляемому ежегодно по частямъ» (стр. 185—202).

На основаніи этихъ началъ и устроена законодательная и исполнительная власть въ «Государственномъ Завѣтѣ» Пестеля. Детю-де-Траси полагалъ, что законодательное собраніе не должно ни назначать, ни смѣщать, ни судить членовъ совѣта, которому ввѣрена власть исполнительная. Пестель предлагаетъ поручить выборъ ихъ народному вѣчу, но только изъ числа кандидатовъ, избранныхъ окружными собраніями.

Мысль о верховномъ сборѣ, имѣющемъ «блюстительную власть», Пестель также заимствовалъ у Детю-де-Траси, который называетъ это учрежденіе «corps conservateur» и возлагаетъ на него слѣдующія обязанности: 1) Производить повѣрку выборовъ членовъ законодательнаго собранія. 2) Принимать участіе въ выборѣ совѣта, имѣющаго власть исполнительную (corps exécutif), или получая отъ избирательныхъ собраній списокъ кандидатовъ, изъ числа которыхъ это охранительное собраніе производитъ выборъ, или, наоборотъ, посылая избирательнымъ собраніямъ списокъ тѣхъ лицъ, изъ числа которыхъ они могутъ сдѣлать выборъ. 3) Участвовать почти такимъ же образомъ въ назначеніи верховныхъ судей или подобныхъ существующимъ въ Америкѣ или, въ качествѣ кассационнаго судилища, какъ во Франціи. 4) Отрѣшать отъ должности членовъ исполнительнаго совѣта (corps exécutif) по требованію законодательнаго собранія. 5) Объявлять противорѣчащими конституціи и слѣдовательно недѣйствительными постановленія законодательнаго собранія или исполнительнаго совѣта по требованію одного изъ нихъ или по другимъ требованіямъ, допускаемымъ конституціею. 6) Объявлять (на основаніи тѣхъ же требованій или по желанію гражданъ, выраженному въ установлен-

ной формѣ), когда произойдетъ пересмотръ конституціи, и созывать соборъ (convention) специально съ этою цѣлю. «Два послѣднія дѣянія охранительнаго собранія могли бы и даже должны бы прежде, чѣмъ быть исполненными, подвергнуться одобренію народа, который постановилъ бы рѣшеніе словами *да* или *нѣтъ* въ собраніяхъ первой степени, или въ избирательныхъ собраніяхъ, или въ собраніяхъ, созванныхъ специально съ этою цѣлю».

Охранительное собраніе (corps conservateur), по мнѣнію Детю-де-Траси, должно состоять изъ пожизненныхъ членовъ, которые не могутъ занимать никакого другого мѣста. Званіе члена этого собранія должно быть вознагражденіемъ для тѣхъ, кто исполнялъ высокія должности. Члены охранительнаго собранія должны быть въ первый разъ назначены соборомъ, составившимъ конституцію, охраненіе которой будетъ ему ввѣрено, а затѣмъ замѣщеніе вакансій должно производиться избирательными собраніями на основаніи кандидатскихъ списковъ, составленныхъ въ законодательномъ собраніи и въ исполнительномъ совѣтѣ. Детю-де-Траси считалъ чрезвычайно важнымъ это охранительное собраніе и полагалъ, что оно придастъ прочность всему государственному зданію (стр. 203—208) ¹⁾.

Какъ ни велико было вліяніе Детю-де-Траси на Пестеля, сравненіе ихъ предположеній показываетъ, что Пестель не механически заимствовалъ мысли французскаго ученаго, а перерабатывалъ усвоенныя имъ идеи.

Въ сохранившихся отрывкахъ болѣе ранняго труда Пестеля, подъ заглавіемъ «Записки о государственномъ правленіи», устанавливаются правила лишь о нѣкоторыхъ изъ высшихъ административныхъ учрежденій—«государственныхъ приказовъ» (министерствъ), а именно о государственныхъ приказахъ: 1) Правосудія, 2) благочинія, 3) внѣшнихъ сношеній, 4) военныхъ силъ и 5) морскихъ силъ. Были очевидно и другіе приказы, или министерства, какъ это ясно и изъ того, что въ каждой области должно было быть 6 управъ: 1) правосудія, 2) благочинія, 3) духовныхъ дѣлъ, 4) просвѣщенія, 5) хозяйства и 6) казначейства.

Изъ показанія М. П. Бестужева-Рюмина о содержаніи «Русской Правды» видно, что министерствъ предполагалось 10: 1) внѣшнихъ сношеній, 2) финансовъ, 3) промышленности, 4) правосудія, 5) полиціи, 6) просвѣщенія, 7) духовныхъ дѣлъ, 8) «переводныхъ» (т. е. переходныхъ) дѣлъ, 9) военныхъ сухопутныхъ силъ и 10) морскихъ силъ. «Министръ внѣшнихъ сношеній долженъ былъ

¹⁾ О Детю-де-Траси см. *Mignet*, «La vie et les travaux de Destutt de Tracy». «Revue des deux Mondes», 1842, 1 juin; *Chabot*, D. de Tracy, 1885; *Picavel*, Les Idéologues. P. 1891; *Коркуновъ*, «Исторія философіи права»; *Чичеринъ*, «Исторія политич. ученій» т. V, М. 1902 г.

всѣ способы давать народамъ европейскимъ для введенія у нихъ представительнаго правленія; въ Азіи же онъ долженъ былъ распространять просвѣщеніе и поощрять народы къ перемѣнѣ правленія. Онъ также долженъ былъ требовать отъ пословъ и прочихъ агентовъ, чтобъ они сообщали ему всѣ тѣ сочиненія и открытія, однимъ словомъ, все то, «что можетъ быть полезно народу или содѣйствовать его просвѣщенію, а онъ передавалъ бы это министру просвѣщенія. «Также всѣ люди, чѣмъ либо полезнымъ себя ознаменовавшіе, должны быть приглашены въ Россію. Для сего предоставлялись имъ всевозможныя выгоды». Министръ просвѣщенія, кромѣ исполненія другихъ своихъ обязанностей, долженъ былъ учредить собраніе ученыхъ, которое изъ сообщеннаго министромъ внѣшнихъ сношеній извлекало бы все полезное для общества и наставляло бы народъ. Сочиненія всѣхъ знаменитыхъ писателей разныхъ народовъ должны быть переведены на русскій языкъ. Министръ правосудія долженъ былъ постоянно соображать, соотвѣтствуютъ ли законы нравамъ, «не опередило ли ихъ просвѣщеніе», не измѣнился ли образъ мыслей, и если ему покажется нужнымъ какое либо улучшеніе, то онъ представляетъ проектъ о немъ законодательной власти. Министръ духовныхъ дѣлъ долженъ быть изъ духовнаго сословія. Главная обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы кроткими мѣрами склонять живущихъ въ Россіи идолопоклонниковъ къ принятію христіанства. Онъ долженъ былъ также посылать миссіонеровъ въ Азію, но только людей самыхъ просвѣщенныхъ и способныхъ, чтобы они могли сообщать министерству свѣдѣнія о степени образованія, мысляхъ и наклонностяхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ они будутъ находиться. Министръ «переводныхъ дѣлъ» долженъ былъ главнымъ образомъ заботиться о томъ, чтобы переворотъ произошелъ какъ можно нечувствительнѣе для всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ прежнемъ правленіи, и вообще для дворянъ ¹⁾. Къ нему должны были обращаться съ просьбами и жалобами, а также желающіе получить мѣста. Такъ какъ всѣ чиновники, пользующіеся арендами и другими выгодами, не должны были терять награды за оказанныя ими заслуги, то, если что либо должно было отойти отъ нихъ по новому учрежденію, министръ долженъ былъ вытребовать соотвѣтственное вознагражденіе, чтобы никто не могъ укорять въ неблагодарности «правленіе, стремящееся основаться на нравственности». Относительно мѣстнаго управленія Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ показаніи сообщаетъ, что по проекту Пестеля «исполнительная власть въ областяхъ была поручена управамъ,

¹⁾ Мы видѣли, что Пестель при окончательной переработкѣ „Русской Правды“ измѣнилъ въ демократическомъ смыслѣ прежнія свои предположенія относительно дворянства и проектировалъ полное его уничтоженіе.

назначеннымъ директоріею..., а въ губерніяхъ и уѣздахъ—управамъ, избраннымъ народомъ».

Таковы главнѣйшія черты политическихъ идей Пестеля, этого высокоталантливаго общественнаго дѣятеля, далеко опередившаго своихъ современниковъ въ Россіи въ области и политическихъ, и соціальныхъ воззрѣній. Казнь этого человѣка, также какъ и его товарищей, лишила Россію нѣсколькихъ выдающихся людей, а ссылка остальныхъ декабристовъ удалила съ арены общественной дѣятельности множество способныхъ людей. Понятно, что послѣ того правительство было окружено такими ничтожествами, какъ Чернышевъ, Бенкендорфъ, Левашевъ и другіе, и единственному способному человѣку, П. Д. Киселеву, многomu научившемуся у Пестеля, почти ничего не удалось сдѣлать даже для подготовки паденія крѣпостного права. Гибель на висѣлицѣ пятирыхъ декабристовъ и позднѣйшихъ революціонеровъ служить лучшимъ доказательствомъ необходимости отмены смертной казни, чего, какъ мы видѣли, требовалъ и Пестель.—«Зачѣмъ вамъ революція?»—сказалъ имп. Николай Завалишину,—«я самъ вамъ революція: я самъ сдѣлаю все, чего вы стремитесь достигнуть революціею» ¹⁾. Но русское общество слышало отъ его предшественника много хорошихъ словъ, притомъ сказанныхъ не наединѣ съ узникомъ, а публично, и не дождалось исполненія этихъ обѣщаній. Естественно, что интеллигентная молодежь, возмущенная всѣмъ, что творилось въ Россіи, рѣшилась революціоннымъ путемъ добиться того, что самодержавіе отказывалось дать добровольно даже послѣ печальнаго конца правленія имп. Павла.

XI.

Пестель въ отличіе отъ Н. Муравьева проникнутаго симпатіею къ федеративному строю, былъ защитникомъ, по примѣру французской конституціи 1793 г., учрежденія республики «единой и нераздѣльной», съ выдѣленіемъ только Польши въ самостоятельную, но соединенную съ Россіей союзомъ республику: это былъ бы союзъ двухъ братскихъ народовъ, возрожденныхъ къ новой жизни политическою свободою. Напротивъ «Общество Соединенныхъ Славянъ» желало охватить въ одномъ союзѣ всѣ славянскіе народы.

Основателемъ этого общества былъ подпоручикъ 8-ой артиллерійской бригады, Петръ Ивановичъ Борисовъ 2-ой. Онъ воспитывался въ домѣ отца, въ 1816 г. вступилъ на службу юнкеромъ и много занимался математикою и военными науками, но

¹⁾ „Записки декабриста Д. И. Завалишина“. Мюнхень, 1904 г., т. I. стр. 255.

послѣ производства въ офицеры совершенно предался изученію естественной исторіи, философіи и «морали». Одно время онъ стоялъ со своею ротою въ имѣніи богатаго польскаго помѣщика, у котораго была хорошая библіотека. Здѣсь Борисовъ прочелъ Вольтера, Гельвеція, Гольбаха и нѣкоторыхъ другихъ писателей XVIII вѣка и проникся свободными взглядами въ религіозномъ отношеніи. Большое значеніе въ его жизни имѣло знакомство съ классическою древностью. По его собственному свидѣтельству, изученіе греческой и римской исторіи и чтеніе жизнеописаній Плутарха и Корнелія Непота возбудили въ немъ съ дѣтства «любовь къ вольности и народодержавію»; а поддерживали ее жестокости командировъ относительно ихъ подчиненныхъ, а также насилія и угнетенія, которымъ помѣщики подвергали своихъ крестьянъ. Борисовъ говоритъ, что онъ былъ «ослѣпленъ любовью къ демократіи и «свободѣ»... «Общее благо есть верховный законъ—вотъ максима, которая была основаніемъ и моей религіи, и моей нравственности».

Руководясь этими высокими стремленіями, Борисовъ думалъ найти ихъ осуществленіе въ масонствѣ, и въ 1818 г. былъ принятъ въ Одессѣ въ масонскую ложу, въ которой числился до уничтоженія этихъ ложъ. Въ томъ же году, находясь по службѣ въ одномъ мѣстечкѣ Полтавской губ., онъ задумалъ основать тайное общество, цѣлью котораго были правила «питагоровой секты, усовершенствованіе себя въ наукахъ, художествахъ и добродѣтели, любовь и дружба». Затѣмъ, къ прежней цѣли были присоединены «усовершенствованіе нравственности и очищеніе религіи» отъ предрасудковъ, а также «основаніе извѣстной республики философа Платона». Такъ устроено было общество «Друзей Природы», которое просуществовало недолго. Въ 1823 г. Борисовъ, при участіи брата и поляка Люблинскаго, основываетъ общество съ цѣлію объединенія славянскихъ племенъ. Мысль П. И. Борисова состояла въ томъ, чтобы учредить «федеративный союзъ славянскихъ поколѣній, подобный греческому, но гораздо его совершеннѣе». Онъ предполагалъ также предложить членамъ, имѣющимъ крестьянъ, дозволить имъ выкупиться на волю, а неимѣющимъ крѣпостныхъ вносить нѣкоторую сумму на выкупъ людей у тѣхъ господъ, которые худо съ ними обращаются, и отпускать ихъ на волю. Нѣкоторые изъ членовъ общества уже согласились на это предложеніе.

П. И. Борисовъ составилъ «Катехизисъ соединенныхъ славянъ» и «Клятвенное обѣщаніе», которые были переведены Люблинскимъ на польскій языкъ. Отмѣтимъ нѣкоторыя правила катехизиса: «Не желай имѣть раба, когда самъ быть рабомъ не хочешь... Будешь терпѣть всѣ вѣроисповѣданія... Будешь стараться разрушать всѣ предрасудки, а наиболѣе до разности состояній

касающіеся... Употребишь даже свое оружіе, если того нужда будетъ требовать, на защиту невинности... Ты еси славянинъ и на землѣ твоей при берегахъ морей, ее окружающихъ, построишь 4 флота: Черный, Бѣлый, Далматскій и Ледовитый, а въ срединѣ оныхъ воздвигнешь городъ и въ немъ башню просвѣщенія, и своимъ могуществомъ на тронѣ посадишь. Оттуда будешь получать для себя правосудіе и ему повиноваться обязанъ... Въ портахъ твоихъ, славянинъ, будетъ цвѣсти торговля и морская сила, а въ городѣ, посреди земли твоей, справедливость для тебя обитать станетъ. Желаетъ имѣть сіе? Соединись съ твоими братьями, отъ которыхъ невѣжество твоихъ предковъ отдалило тебя. Желаетъ все это имѣть? Будешь жертвовать десятою частью твоихъ доходовъ годовыхъ и будешь обитать въ сердцахъ друзей твоихъ».

Члены общества Соединенныхъ Славянъ присягали на мечѣ взаимно любить другъ друга. Въ «Клятвенномъ общаніи», составленномъ Борисовымъ, между прочимъ сказано: «пройду тысячи смертей, тысячи препятствій, пройду и посвящу послѣдній вздохъ свободѣ и братскому союзу благородныхъ славянъ. Если же нарушу сію клятву, то... пусть сіе оружіе обратится остріемъ въ сердце мое и наполнитъ оное адскими мученіями, пусть минута жизни моей, вредная для моихъ друзей, будетъ послѣднею»...

Другой членъ общества Соединенныхъ Славянъ, Горбачевскій, сообщаетъ въ своихъ запискахъ черты, дополняющія свѣдѣнія, приведенныя изъ дѣла о П. И. Борисовѣ. Это общество, по словамъ Горбачевского, «имѣло главною цѣлью освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластиа, уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы cadaго государства, ввести у всѣхъ народовъ форму демократическаго предствительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній... 1) Славянскій союзъ», продолжаетъ Горбачевскій «носилъ на себѣ отпечатокъ какой то воинственности. Страшная клятва, обязывающая членовъ» общества «посвящать всѣ мысли, всѣ дѣйствія благу и свободѣ своихъ единоплеменниковъ и жертвовать всею жизнью для достиженія сей цѣли, произносилась на оружіи; отъ однихъ своихъ друзей, отъ

1) По свидѣтельству декабриста барона Розена, на 8-угольной печати общества Соединенныхъ Славянъ были обозначены 8 колѣнъ славянскаго племени: русскіе, сербы-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словинцы и поляки, всего до 90 милліоновъ.

одного оружія славяне ожидали исполненія своихъ желаній; мысль, что свобода покупается не слезами, не золотомъ, но кровью, была вкоренена въ ихъ сердцахъ, и слова знаменитаго республиканца, сказавшаго: «обнаживши мечъ противъ своего государя, должно отбросить ножны сколь возможно далѣе», должныствовали служить руководствомъ ихъ будущаго поведенія» ¹⁾).

Извѣстно, что общество Соединенныхъ Славянъ, при посредствѣ Бестужева-Рюмина, присоединилось къ Южному Обществу, во главѣ котораго стоялъ Пестель. Бестужевъ-Рюминъ убѣдилъ членовъ общества Соединенныхъ Славянъ, что ихъ цѣль—соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ въ федерацію республикъ—неудобоосуществима, и что русскіе должны стремиться только къ тому, чтобы «на твердыхъ постановленіяхъ основать свободу» въ своемъ отечествѣ, чего можно достигнуть вооруженною силою. Но дабы избѣжать кровопролитія, подобнаго французской революціи, нужно предварительно приготовить хорошую конституцію, чтобы, «разрушивъ существующій порядокъ вещей, немедленно замѣнить его лучшимъ». Онъ сообщилъ членамъ общества Соединенныхъ Славянъ, что въ Южномъ обществѣ конституція уже составлена, вручилъ имъ «Государственный Завѣтъ» Пестеля, какъ основныя правила этой конституціи, и предложилъ, если они хотятъ «промѣнять цѣль невозможную на истинно для Россіи полезную», присоединиться къ Южному обществу. Члены общества Соединенныхъ Славянъ приняли это предложеніе.

В. Семевскій.



¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1882 г. т. I, 443—445.

На смерть Т. Г. Шевченко ¹⁾.

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвидѣнный, чуть не желательный,—
Такъ погибаетъ по Божіей милости
Русской земли человѣкъ замѣчательный.
Съ давняго времени: молодость трудная,
Полная страсти, надеждъ, увлеченія,
Смѣлая рѣчи, борьба безразсудная,
Велѣдъ затѣмъ долгіе дни заточенія...
Все онъ извѣдалъ: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармовъ любезности,
Все: и раздольную степь Оренбургскую
И ея крѣпость. Въ нуждѣ, въ неизвѣстности
Жилъ онъ солдатомъ съ солдатами жалкими,
Жилъ, оскорбляемый всякимъ невѣждою!
Могъ умереть онъ, конечно, подъ палками;
Можетъ и жилъ только этой надеждою...
Но, сократить не желая страданія,
Поберегло его въ годы изгнанія
Русскихъ людей провидѣнье игривое,
Кончилось время его несчастливое,—
Все, что онъ съ юности ранней не видывалъ,
Милое сердцу ему улыбалось;
Тутъ ему Богъ позавидовалъ:
Жизнь оборвалась!...

Н. А. Некрасовъ.



¹⁾ Это стихотвореніе Н. А. Некрасова совершенно неизвѣстно „большой публикѣ“. Оно было, правда, напечатано въ львовскомъ журналѣ „Зоря“ (1885 г. № 18), но номеръ этотъ не былъ пропущенъ въ Россію. Затѣмъ оно появилось лишь въ № 1 издававшейся въ 1889 г. въ Женевѣ газетѣ „Свободная Россія“.

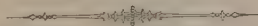
Къ исторіи полицейской агентуры въ Россіи.

21 іюля 1849 года Николаю Павловичу былъ представленъ слѣдующій докладъ:

«Бывшій учитель 1-го Кадетскаго Корпуса *Бѣлецкій*, содержащійся два съ половиною мѣсяца въ С.-Петербургской крѣпости по дѣлу Бутаевича-Петрашевскаго, по освобожденіи его съ тѣмъ, чтобы отнюдь не опредѣлять его на службу ни по военнымъ, ни по гражданскимъ учебнымъ заведеніямъ, встрѣтивъ агента по означенному дѣлу, чиновника 14-го класса *Антонелли*¹⁾, укорялъ его за доносъ и оскорбилъ обидными выраженіями.

Г. Военный Министръ, принимая во вниманіе, что *Бѣлецкій* не возчувствовалъ сдѣланнаго ему взысканія и не смягчилъ строптиваго своего характера, что нанесенное имъ оскорбленіе относится до самаго полезнаго агента, котораго правительство должно защищать, сдѣлалъ распоряженіе къ высылкѣ *Бѣлецкаго* въ Вологду подъ строжайшій надзоръ полиціи».

На этомъ докладѣ Николай Павловичъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Дѣльно».



¹⁾ Роль *Антонелли* въ дѣлѣ *Петрашевскаго* хорошо охарактеризована въ докладѣ шефа жандармовъ графа А. Ѳ. Орлова. Когда были получены извѣстія о собраніяхъ у *Петрашевскаго*, „тогда употреблено было стараніе помѣстить въ общество *Петрашевскаго* благонадежнаго агента, и для этого избранъ былъ сынъ живописца *Антонелли*, образовавшійся въ здѣшнемъ университетѣ и впоследствии опредѣленный въ тотъ же департаментъ, въ которомъ служилъ *Петрашевскій*. *Антонелли* съ большимъ трудомъ, но сблизился и наконецъ успѣлъ войти въ общество *Петрашевскаго*“. Войдя, *Антонелли* регулярно представлялъ донесенія о собраніяхъ.

Пестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

(Продолженіе).

IV. Русская Правда Пестеля и Конституція Никиты Муравьева.

Изъ всѣхъ конституцій, которыя были писаны и предлагаемы, или о коихъ было говорено, ни одна не была докончена. Иная только до половины доведена, другая въ отрывкахъ состояла. Полнаго ничего не было и общимъ согласіемъ ни одна еще принята не была: такъ что общество по справедливости не можетъ сказать, какую конституцію оно бы имѣло въ виду и въ желаніи рѣшительномъ.

Конституція Никиты Муравьева большей части членовъ весьма не нравилась, потому что два главныя оной основанія совершенно пагубными казались. У него предполагался федеративный образъ правленія, какъ въ соединенныхъ областяхъ Америки. Это походило на древнюю удѣльную систему и потому пагубнымъ казалось. Второе основаніе состояло въ томъ, что права на должности въ правленіи и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ основаны были на богатствѣ, такъ что для исполненія должностей даже въ уѣздныхъ правительствахъ нужно было богатство, а для высшихъ должностей все болѣе и болѣе. Сія ужасная аристокрація богатствъ заставляли многихъ, и въ томъ числѣ и меня противу его конституціи сильно спорить. При семъ умѣстнымъ будетъ сказать, что при сужденіяхъ и разговорахъ о конституціяхъ и предполагаемомъ общемъ порядкѣ вещей весьма часто говорено было, что ежели самъ государь подаритъ отечество твердыми законами и положительно - постояннымъ порядкомъ дѣлѣ, то мы тогда вѣрнѣйшіе его будемъ приверженцы и оберегатели: ибо намъ дѣло только до того, чтобы Россія пользовалась благоденствіемъ, откуда бы оное не происходило.

Что касается лично до меня, то я особенную имѣлъ склонность къ политическимъ наукамъ и много ими занимался. Изучился я онымъ въ Пажескомъ корпусѣ, до вступленія въ который нигдѣ онымъ не обучался. Я упражнялся много во всемъ томъ, что сихъ предметовъ касается, какъ въ отношеніи администраціи или правленія, такъ и въ отношеніи конституцій. Мой образъ

жизни, удаленный отъ большого свѣта, способствовалъ много къ тому, что я въ сіи предметы и познанія углублялся во времена и часы, свободные отъ службы. Такимъ образомъ чрезъ протеченіе времени составила въ моихъ понятіяхъ общая полная мысль о государственномъ образованіи и устройствѣ, которая вмѣщала въ себѣ, какъ всѣ отрасли правленія въ главныхъ ихъ свойствахъ и отличительномъ значеніи, такъ равно и всѣ степени правительства отъ низшихъ до высшихъ; приче́мъ родилась во мнѣ увѣренность, что всѣ отрасли правленія, все устройство народа и всѣ степени правительства, исключая верховной власти, могутъ въ извѣстномъ какомъ нибудь государствѣ быть учреждены одинаковымъ образомъ, хотъ Верховная Власть будетъ заключаться въ самодержавномъ монархѣ, хотъ въ конституціонномъ государствѣ, хотъ въ избирательномъ или республиканскомъ сословіи. Посему большая часть того, что я когда либо писалъ о предметахъ политики, касалась прочихъ предметовъ болѣе, чѣмъ Верховной Власти, постигая сполна и весьма твердо, что устройство ея зависить отъ обстоятельствъ болѣе, нежели отъ плановъ и проектовъ, между тѣмъ какъ на остальные предметы добрые планы могутъ имѣть хорошее дѣйствіе и вліяніе даже безъ превращенія (революціи); посему большая часть моихъ записокъ такимъ образомъ составлена была, что можно ихъ было даже правительству показать. Но изъ всѣхъ моихъ записокъ не было еще составлено полного сочиненія, а были отрывки, кои по большей части всѣ уничтожены или сожжены. Цѣлаго я еще не сводилъ. Имѣлъ же намѣреніе, когда окончу сію работу, передать оную подъ названіемъ *Русской Правды* на судъ и мнѣніе общества, составивъ главу о Верховной Власти вдвойнѣ: одну для монархическаго, а другую для республиканскаго оной образованія, и написавъ сію главу такимъ образомъ, что любую изъ нихъ выбравъ, можно было ее въ общее сочиненіе включить.

Но сіи двѣ главы, одного предмета касающіяся, не были въ «Русской Правдѣ» даже еще и начаты. Нѣкоторыя мысли о нихъ были однако же начертаны на французскомъ языкѣ и монархическая подробнѣе республиканской. Все сіе для того здѣсь объясняю, чтобы представить полное, справедливое и откровенное понятіе о письменныхъ своихъ занятіяхъ по предметамъ политики (показанія 7 января 1826 года).

Въ чемъ именно заключались главныя черты конституцій, написанныхъ: а) Вами и Сергѣемъ Муравьевымъ, б) Новиковымъ и с) Никитой Муравьевымъ, поелику всѣ оныя, по словамъ вашимъ, не были одобрены обществомъ, и гдѣ теперь находятся, какъ означенная конституція ваша, которую многіе изъ членовъ у васъ видѣли, такъ и законы или правила, у васъ же хранившіяся? (что комитету совершенно извѣстно) равно и статутъ, написанный вами въ 1816 или 1817 годахъ для союза *спасенія*?

Статутъ первоначальнаго общества нашего въ 1816 или

1817 годахъ былъ не мною однимъ составленъ, но комиссіею, обществомъ назначенною изъ трехъ членовъ и секретаря. Члены были: князь Сергѣй Трубецкой, князь Илья Долгоруковъ и я, а секретарь—князь Шаховской. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ Союза Благоденствія и составленіемъ Зеленой Книги былъ первый статутъ уничтоженъ и я не сохранилъ экземпляра оного.

Законы или правила Союза Благоденствія послѣ преобразования оного въ 1821 году не были написаны, а оставались только словесными. Тогда было положено ничего не имѣть въ обществѣ писаннаго и твердо было внушено отнюдь ничего не писать. Сіе было исполнено въ отношеніи къ правиламъ объ образованіи союза; а посему и не сохранилъ я ничего, о семъ писаннаго.

Изъ бумагъ моихъ о предметахъ политики я большую часть самъ сжегъ. Оставалось малое число оныхъ, между коими и начатое мною предположеніе о государственномъ образованіи. Сіи послѣднія бумаги отдалъ я въ концѣ ноября Крюкову 2-му, запечатанныя съ тѣмъ, чтобы спрятать оныя гдѣ нибудь въ Тульчинѣ, а въ случаѣ опасности оныя предать огню. Что же онъ съ оными сдѣлалъ, я не знаю, но полагаю, что ихъ истребилъ.

Отличительная черта конституціи Новикова заключалась въ томъ, что она была республиканская и Верховная Власть въ оной находилась въ особомъ сословіи, коего предсѣдатель имѣлъ два голоса, а прочіе члены только по одному. Прочіе предметы опредѣлялись, какъ и во всѣхъ почти республиканскихъ конституціяхъ. Много было сходства съ Американскою.

Конституція Никиты Муравьева не была еще dokonчена, но четыре замѣчательнѣйшія черты оной были слѣдующія: 1) У него предполагался федеративный образъ правленія, какъ въ соединенныхъ областяхъ Сѣверной Америки. Это походило на древнюю удѣльную систему. На сей конецъ раздѣлялась у него Россія на 13 или 14 большихъ округовъ, которые назывались *державами*. Въ главномъ городѣ каждой державы были, учреждены главные мѣстные правительства надъ державою. Сіи правительства такую большую власть имѣли, что даже законы могли дѣлать для своей державы. Верховной Власти посему почти ничего не оставалось. 2) Второе основаніе состояло въ томъ, что права на занятіе должностей по государственной службѣ и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ посредствомъ представительнаго порядка основаны были оба на богатствѣ, такъ что для исполненія должностей даже въ уѣздныхъ правительствахъ нужно было богатство и для высшихъ должностей болѣе и болѣе. 3) Всѣ различныя сословія сливались въ одно общее сословіе гражданское. 4) Министерствъ у него было только четыре: иностранныхъ дѣлъ, военныхъ, морскихъ силъ и финансовъ. Прочія отрасли правленія не доходили до Верховной Власти и Верховнаго Правительства, но имѣли свои окончательныя инстанціи въ державкахъ.

Онъ доставилъ ко мнѣ часть сей конституціи, извѣщая, что пишетъ оную въ монархическомъ смыслѣ, не потому чтобы онъ

монархическаго правленія держался болѣе, чѣмъ республиканскаго, ибо онъ былъ въ 1820 году одинъ изъ тѣхъ членовъ, которые наиболѣе въ пользу сего послѣдняго говорили, но для того, чтобы сблизиться съ понятіями вновь вступающихъ въ общество членовъ. (ѣя конституція Никиты Муравьева многимъ членамъ общества весьма не правилась по причинѣ федеративной его системы и ужасной аристокраціи богатствъ, которая оною созидалась въ обширнѣйшемъ видѣ.

Мое предположеніе о государственномъ образованіи состояло болшею частью въ однѣхъ еще только отрывкахъ. Цѣлаго я еще не сводилъ. Намѣревался же я мое сочиненіе представить по окончаніи оного на судъ общества. Оно долженствовало состоять изъ десяти главъ:

Первая глава разсуждала о границахъ государства и о раздѣленіи земельного пространства оного на области, областей на округи или губерніи, округовъ на уѣзды, уѣзды на волости и опредѣляла значеніе и составъ волостей.

Вторая глава разсуждала о жителяхъ Россіи, раздѣляя оныя на коренной народъ русскій и на племена подвластныя и присоединенныя, и указывая на средства, коими можно слить всѣ сіи различные оттѣнки въ одинъ общій составъ такимъ образомъ, чтобы всѣ жители Россіи чрезъ нѣкоторое время составляли истинно только одинъ народъ.

Третья глава разсуждала о всѣхъ различныхъ сословіяхъ, въ государствѣ отбрътающихся, указывая на права, преимущества и недостатки каждаго изъ оныхъ и представляя мѣры и дѣйствія, которые бы надлежало въ каждомъ изъ оныхъ предпринять, дабы слить всѣ сословія въ одно общее сословіе гражданское.

Глава четвертая разсуждала о политическомъ или общественномъ состояніи народа, о правахъ гражданства, о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, и объ образѣ, коимъ устраивался представительный порядокъ въ избирательныхъ собраніяхъ.

Глава пятая разсуждала о гражданскомъ или частномъ состояніи народа, т. е. о главнѣйшихъ правилахъ и постановленіяхъ, такъ называемаго гражданского частнаго права въ отношеніи лицъ, имуществъ и взаимныхъ между гражданами сношеній.

Глава шестая долженствовала разсуждать о Верховной Власти и быть написана вдвойнѣ: одна въ монархическомъ, а другая въ республиканскомъ смыслѣ; любую можно было бы избрать и въ общее сочиненіе включить.

Глава седьмая долженствовала разсуждать объ образованіи правительственныхъ мѣстъ и начальствъ въ волостяхъ, уѣздахъ, округахъ и областяхъ, а равно и представить общее учрежденіе министерствъ, доказывая, что оныхъ должно быть десять, не болѣе и не менѣе.

Глава осьмая долженствовала разсуждать о частяхъ правленія, устраивающихъ государственную безопасность, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю; т. е. объ юстиціи, полиціи, внѣшнихъ

сношеніяхъ, военныхъ силахъ и морскихъ силахъ; говоря при томъ особенно о каждой изъ главныхъ отраслей каждой изъ сихъ частей правленія.

Глава девятая долженствовала разсуждать о частяхъ правленія, завѣдывающихъ общественнымъ благосостояніемъ, т. е. о финансахъ, народномъ хозяйствѣ или внутреннихъ дѣлахъ, просвѣщеніи и учебной системѣ, духовныхъ дѣлахъ и общемъ дѣлосводѣ, говоря подобнымъ же образомъ особенно о каждой изъ главныхъ отраслей каждой изъ сихъ частей правленія.

Глава десятая, наконецъ, долженствовала содержать родъ наказа для составленія общаго государственнаго свода законовъ или уложенія и представить главнѣйшія правила или такъ сказать оглавленіе (*sommaire*) сего полнаго и общаго государственнаго уложенія.

Первая, вторая и большая часть третьей главы были кончены; четвертая и пятая были на черно написаны; а послѣднія пять состояли въ разныхъ отрывкахъ. Статью о финансахъ и народномъ хозяйствѣ долженствовалъ написать Сергѣй Муравьевъ (показанія 13 января, п. 29).

Съ общаго ли согласія южныхъ и сѣверныхъ членовъ, когда и гдѣ былъ написанъ и выпущенъ *Катихизисъ* тайнаго общества, ложно и преступно доказывающій, что существованіе царей въ государствахъ противно Богу и естественному закону. Кто составлять сей Катихизисъ и имѣете ли вы списокъ съ онаго?

Политическій катихизисъ былъ составляемъ Никитою Муравьевымъ по собственному его преднамѣренію и, сколько мнѣ извѣстно, безъ предварительнаго сношенія о томъ съ другими членами. Сей катихизисъ, когда я его видѣлъ, не былъ еще конченъ. Проѣзжая Тульчинъ съ Лунинымъ въ 1820-мъ году, Муравьевъ читалъ намъ отрывки онаго. Списка съ онаго не имѣлъ и не имѣю (тоже, п. 30).

Намѣревалось ли Южное общество при началѣ открытыхъ дѣйствій его выпустить двѣ прокламаціи: одну къ народу, а другую къ войскамъ, и какого содержанія?

Составленіе сихъ двухъ прокламацій входило во второе предположеніе въ 3 пунктѣ объявленное (см. ниже стр. 215—216). Онѣ написаны не были и члены, то предположеніе сдѣлавшіе, говорили о нихъ только то, что надо двѣ прокламаціи выпустить въ духѣ намѣреній общества. О содержаніи оныхъ сказано и толковано не было (тоже, п. 31).

У. Замыслы общества. Республика.

Общимъ замѣчаніемъ на счетъ духа и разума Союза Благоденствія слѣдующее представляю.

Всѣ члены Союза Благоденствія единодушно согласны были

въ намѣреніи содѣйствовать ко введенію въ Россію новаго порядка вещей и въ томъ, что сіе иначе произведено быть бы не могло, какъ чрезъ количественное усиленіе членовъ общества и распространеніе тѣмъ самымъ Союза Благоденствія по елико возможно большимъ мѣстамъ; но по всѣмъ прочимъ предметамъ и статьямъ не было общей мысли и единства въ намѣреніяхъ и видахъ. Сіе разногласіе относится преимущественно до средствъ, коими произвести перемѣну въ Россіи, и до порядка вещей и образа Правленія, коими бы замѣнить существовавшее правительство.

Въ сихъ двухъ отношеніяхъ ничего не было обществомъ окончательнаго и рѣшительнаго положено. Происходили одни только разговоры и пренія безъ заключенія; такъ что сказать можно, что сіи два предмета въ обществѣ еще не созрѣли совершенно, хотя и много о томъ толковано было и много сдѣлано плановъ и проектовъ. Кончалось обыкновенно тѣмъ, что надо напередъ усилить общество, а потомъ уже соображаться для дѣйствія съ обстоятельствами и будущимъ положеніемъ дѣлъ союза. Изъ сего должно произойти большое разнообразіе въ показаніяхъ о семъ предметѣ членовъ союза, смотря на то, о какихъ мнѣніяхъ они слыхали или какихъ мнѣній они держались сами.

Еще замѣтить долгомъ считаю, что многимъ членамъ изъ тѣхъ, которые въ послѣднія времена были принимаемы, объявлено было, что планы дѣйствія и будущаго предполагаемаго образованія государства есть дѣло вышнихъ инстанцій союза, въ семъ отношеніи все уже сдѣлавшихъ. Сіе было имъ сказано для того, чтобы вселить въ нихъ болѣе довѣренности къ обществу и устранить умноженіе случаевъ къ преніямъ, вводящимъ разногласіе и холодность между членами. Часто одни и тѣ же члены мнѣнія свои перемѣняли или пополняли. Да и вообще едва ли найдется кто либо изъ насъ, который съ самого начала все одно мнѣніе бы имѣлъ.

— На счетъ времени и образа приведенія въ исполненіе намѣреній тайнаго общества, много было различныхъ мнѣній и толковъ. Долгомъ считаю откровенно объяснить, какое мнѣніе было мое или коего я держался.

Во первыхъ надлежало рѣшить въ подробности, какой новый образъ правленія общество желаетъ ввести. Я всегда объяснялъ, что ежели сіе не будетъ твердымъ образомъ постановлено и соглашено, то легко родиться могутъ партіи и разныя козни. Сего, однакоже, до сихъ поръ постановлено въ обществѣ не было.

Во вторыхъ надлежало обществу усилить число своихъ членовъ до таковаго количества, чтобы можно было посредствомъ членовъ ввести образъ мыслей союза въ общее мнѣніе и намѣренія союза передать, какъ можно болѣе въ общее желаніе, дабы общее мнѣніе предшествовало революціи; а вмѣстѣ съ тѣмъ дабы членовъ союза такъ по всему государству распространить, чтобы чрезъ нихъ можно было не только повсюду пресѣчь всякое сопротивленіе, но даже вездѣ устроить содѣйствіе. Общество еще далеко

было отъ такового положенія своихъ дѣлъ, ибо еще было весьма слабо.

Въ третьихъ, наконецъ, приступая къ самому превращенію, надлежало произвести оное въ Петербургѣ, яко средоточіи всѣхъ правленій и властей, а наше дѣло въ арміи и въ губерніяхъ было бы празнаніе, поддержаніе и содѣйствіе Петербургу. Въ Петербургѣ же произойти бы оное могло, такъ, какъ 4 сего января объяснялъ, чрезъ Сенатъ.

Вотъ ходъ революціи, такъ какъ я ее понималъ, говоря всегда, что лучше не торопиться, но дѣло сдѣлать дѣломъ, не оставаясь въ бездѣйствіи и не сѣтуя, ежели удобные случаи пройдутъ безъ употребленія: главное дѣло, чтобъ не было партій и козвей, которыя бы все могли испортить, и которыя при слабости союза были бы неизбѣжны. Сей планъ требовалъ еще много времени и потому соединялся съ онымъ предположеніемъ, что удобно будетъ начать революцію послѣ кончины покойнаго государя, коего смерти никто такъ скоро не ожидалъ. Впрочемъ время начатія долженствовало опредѣлиться преимущественно обстоятельствами и силою общества. Я съ симъ мнѣніемъ всегда былъ согласенъ и о немъ всегда говорилъ. Что же касается до другихъ предположеній, то они никогда не происходили отъ меня и я даже противу нихъ спорилъ, а ежели когда и не возставалъ сильно, то единственно, дабы споровъ не увеличивать, коихъ и безъ того было много, считая, что они сами собою упадутъ и отвергнутся, какъ то не разъ и бывало (показанія 7 января 1826 г.).

Въ чемъ именно заключались всѣ различныя и въ разныя времена предположенныя цѣли, или намѣренія, и мѣры къ исполненію ихъ со стороны сѣвернаго и южнаго обществъ, и когда, въ какихъ мѣстахъ полагалось начать открытыя дѣйствія?

Съ самаго начала говорено было о желаніи даровать свободу крѣпостнымъ крестьянамъ и для того пригласить большую часть дворянства къ подаванію о томъ просьбы Государю Императору. О семъ было неоднократно и впослѣдствіи повторяемо, но первоначальная мысль о семъ была кратковременна: ибо скоро получили мы убѣжденіе, что нельзя будетъ къ тому дворянство склонить. Въ послѣдствіи времени были мы еще болѣе въ томъ убѣждены, когда малороссійское дворянство совершенно отвергнуло похожее на то предложеніе своего военного губернатора. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ Общества Сыновъ Отечества появились мысли конституціонныя, но весьма неопредѣлительныя, однакоже болѣе склонныя къ монархическому правленію. Сужденія и разговоры о семъ продолжались весь 1817, 1818 и 1819 годы.

Первую мысль о республиканскомъ правленіи подалъ проектъ конституціи Новикова. Наконецъ въ началѣ 1820 года было назначено здѣсь въ Петербургѣ собраніе коренной думы Союза Благоденствія. Такъ называлось собраніе всѣхъ наличныхъ въ Петербургѣ коренныхъ членовъ Союза. Сія коренная дума, по

правиламъ Зеленой Книги имѣла законодательную власть Союза. Коренными членами назывались тѣ члены, которые присутствовали при учрежденіи Союза Благоденствія и первоначально въ оный вступили. Предсѣдателемъ союза былъ тогда графъ Толстой, а блюстителемъ князь Долгоруковъ. Присутствовали въ то время въ коренной думѣ, сверхъ предсѣдателя и блюстителя, еще Тургеневъ, Лунинъ, Глинка, Иванъ Шиповъ, Сергѣй, Матвѣй и Никита Муравьевы и я, да еще нѣкоторые другіе, о коихъ не упомяну.

Князь Долгоруковъ, по открытіи засѣданія, которое происходило на квартирѣ у полковника Глинки, предложилъ думѣ просить меня изложить всѣ выгоды и всѣ невыгоды, какъ монархическаго, такъ и республиканскаго правленія, съ тѣмъ, чтобы потомъ каждый членъ объявлялъ свои сужденія и свои мнѣнія. Сіе такъ и было сдѣлано. Наконецъ, послѣ долгихъ разговоровъ было преніе заключено и объявлено, что голоса собираться будутъ такимъ образомъ, чтобы каждый членъ говорилъ, чего онъ желаетъ: монарха или президента; а подробности будутъ со временемъ опредѣлены. Каждый при семъ объявлялъ причины своего выбора, а когда дѣло дошло до Тургенева, тогда онъ скалъ по французски: *Le président sans phrases*; то есть: *Президентъ безъ дальнихъ толковъ*. Въ заключеніе приняли всѣ единогласно республиканское правленіе. Во время преній, одинъ Глинка говорилъ въ пользу монархическаго правленія, предлагая императрицу Елизавету Алексѣевну. Сіе заключеніе коренной думы было сообщено всѣмъ частнымъ думаемъ, а въ томъ числѣ и Тульчинской. Съ сего времени республиканскія мысли начали брать верхъ надъ монархическими.

Такимъ образомъ, и послѣ объявленія въ началѣ 1821 года въ Москвѣ объ уничтоженіи Союза Благоденствія продолжало республиканское правленіе быть дѣлю тѣхъ частей Союза Благоденствія, которыя сказанное уничтоженіе не признали. Но такъ какъ вообще въ Союзѣ съ самаго его начала до самаго конца ни одно правило не было постояннымъ образомъ въ дѣйствіи и ни одна мысль не была постояннымъ образомъ въ памяти членовъ, и весьма часто то, что сегодня было рѣшено, завтра опять поступало на сужденіе и споръ, то и нельзя никакъ удостовѣрительно сказать, какой образъ правленія Союзъ въ самомъ дѣлѣ наконецъ бы избралъ. Сіе болѣе бы всего зависѣло отъ обстоятельствъ; и вотъ причина, почему имѣлъ я намѣреніе написать главу о Верховной Власти вдвойнѣ: одну монархическую, а другую республиканскую, и почему я въ одномъ изъ прежнихъ моихъ показаній (см. выше стр. 211) говорилъ, что сей предметъ въ Союзѣ еще *не созрѣлъ* и что показанія по оному членовъ должны быть весьма разногласны, особенно, что касается объяснительныхъ статей и подробностей.

При семъ умѣстнымъ будетъ сказать, что при сужденіяхъ и разговорахъ о конституціяхъ и предполагаемомъ общемъ порядкѣ

вещей весьма часто говорено было, что ежели самъ государь подарить отечество твердыми законами и постояннымъ порядкомъ дѣлѣ, то мы будемъ его вѣрнѣйшими приверженцами и оберегателями; ибо намъ дѣло только до того, чтобы Россія пользовалась благоденствіемъ, откуда бы оное ни произошло, и въ таковомъ случаѣ готовы совершенно забыть о республиканскихъ мысляхъ.

На счетъ времени и образа приведенія въ исполненіе намѣреній тайнаго общества много было различныхъ мнѣній и толковъ. Главнѣйшее мнѣніе состояло въ слѣдующемъ: Во первыхъ, надлежало рѣшить въ подробности, какой новый образъ правленія общество желаетъ, ибо ежели не будетъ сіе твердымъ образомъ постановлено, то легко родиться могутъ партіи и разныя козни: сего однако же до сихъ поръ сдѣлано въ обществѣ не было. Во вторыхъ, надлежало обществу усилить число своихъ членовъ до такого количества, чтобы можно было посредствомъ членовъ ввести образъ мыслей Союза въ общее мнѣніе, и намѣренія Союза, какъ можно болѣе, передать въ общее желаніе, дабы общее мнѣніе революціи предшествовало; а вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы членовъ Союза такъ по всему государству распространить, чтобы чрезъ нихъ можно было не только повсюду пресѣчь всякое сопротивленіе, но даже вездѣ устроить содѣйствіе, когда бы революція началась. Общество еще далеко было отъ такого положенія своихъ дѣлѣ, ибо еще было весьма слабо. Въ третьихъ, наконецъ, приступая къ самой революціи, надлежало произвести оную въ Петербургѣ, яко средоточіи всѣхъ властей и правленій. а наше дѣло въ арміи и губерніяхъ было бы признаніе, поддержаніе и содѣйствіе Петербургу. Въ Петербургѣ же могло бы оное произойти возстаніемъ гвардіи, а также и флота, отправленіемъ особъ императорской фамиліи въ чужіе края, исключая покойнаго государя, созваніемъ сената, дабы чрезъ него обнародовать новый порядокъ вещей, порученіемъ временному правленію оный ввести, или созваніемъ чрезъ сенатъ же народныхъ депутатовъ утвердить конституцію. Ежели же бы монархическое правленіе было выбрано, то временное правленіе составляло бы регентство, а Александръ Николаевичъ былъ бы признанъ императоромъ.

Изъ объясненія сего плана видно, что оный требовалъ еще много времени; и потому соединялось съ онымъ предположеніе, что удобно будетъ революцію начать послѣ естественной кончины государя императора Александра Павловича, но его смерти никто такъ скоро не ожидалъ. Впрочемъ время начатія долженствовало опредѣлиться преимущественно обстоятельствами и силою общества, въ каковомъ случаѣ и насильственная смерть покойнаго государя могла оказаться надобною; но сіе только въ крайнемъ случаѣ, ибо охотнѣе дождались бы собственной его смерти, развѣ опасности общества при силѣ онаго и обстоятельства не позволили бы медлить. Вотъ образъ дѣйствія, о которомъ болѣе всего говорено было и съ которымъ всѣ члены общества какъ въ южномъ, такъ и въ сѣверномъ округѣ были согласны. Ежели о чемъ еще спо-

рили, то единственно объ образѣ введенія новаго порядка: чрезъ временное ли правленіе, чрезъ соборъ ли депутатовъ, и тому подобное; но всѣ говорили, что революція не можетъ начаться при жизни государя императора Александра Павловича и что надобно или смерть его обождать, или рѣшиться оную ускорить, коль скоро сила и обстоятельства общества того требовать будутъ. Въ семь точно постинѣ были всѣ согласны.

Но справедливость требуетъ также и то сказать, что ни одинъ членъ изъ всѣхъ теперешнихъ мнѣ извѣстныхъ не вызывался сіе исполнить: а напротивъ того каждый въ свое время говорилъ, что хотя сіе дѣйствіе, можетъ статься, и будетъ необходимо, но что онъ не приметъ исполненія онаго на себя, а каждый думалъ, что найдется другой для сего. Да и подлинно большая разница между понятіемъ о необходимости поступка и рѣшимостью оный совершить. Разсудокъ можетъ говорить, что для успѣха такого-то предирія, нужна смерть такая-то; но еще весьма далеко отъ сего умозаключенія до самаго покушенія на жизнь: чловѣкъ не скоро доходитъ до такого состоянія или расположенія духа, чтобы на смертоубійство рѣшиться; во всемъ соблюдается въ природѣ постепенность.—Дабы способнымъ сдѣлаться на смертоубійство, тому должны предшествовать не мнѣнія, но *дѣянія*, изъ всѣхъ же членовъ тепершняго Союза Благоденствія ни одинъ, сколько мнѣ извѣстно, ни въ какихъ отношеніяхъ не оказывалъ злыхъ качествъ и злыхъ поступковъ или пороковъ. Посему и твердо полагаю я, что ежели бы государь императоръ Александръ Павловичъ жилъ еще долго, то при всѣхъ успѣхахъ Союза, революція не началась бы прежде естественной его смерти, которую бы никто не ускорилъ, несмотря на то, что всѣ бы находили сіе ускореніе можетъ быть полезнымъ для успѣха общества. Сію мысль объясняю я при полной увѣренности въ совершенной ея справедливости.

Другое предположеніе было слѣдующее: начать революцію во время ожиданнаго высочайшаго смотра войскъ 3 корпуса, въ 1826 году. Первое дѣйствіе долженствовало состоять въ насильственной смерти государя императора Александра Павловича. Потомъ изданіе двухъ прокламацій: одну войску, другую народу. Затѣмъ слѣдованіе 3-го корпуса на Кіевъ и Москву съ надеждою, что къ нему присоединятся прочія, на пути его расположенныя, войска безъ предварительныхъ даже съ ними сношеній, полагаясь на общій духъ неудовольствія. Въ Москвѣ требовать отъ сената преобразованія государства. Между всѣми сими дѣйствіями 3 корпуса надлежало всѣмъ остальнымъ членамъ Союза содѣйствовать революціи. Остальной части южнаго округа занять Кіевъ и въ ономъ оставаться. Сѣверному округу поднять гвардію и флотъ, препроводить въ чужіе края всѣхъ особъ императорской фамиліи и то же сдѣлать требованіе сенату, какъ и 3 корпусъ. Потомъ ожидать отъ обстоятельствъ, что окажется нужнымъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. 3-й корпусъ не требовалъ отъ остальной части

южнаго округа никакого содѣйствія въ первоначальномъ дѣйствіи, но чтобы потомъ одинаковыя съ нимъ объявить чувства и намѣренія и завладѣть войскомъ.

Соображая сіе предположеніе съ силою южнаго округа, о коей подробно будетъ объяснено въ 19 пунктѣ, ясно видѣть можно, что сіе предположеніе никакъ не могло быть приведено въ исполненіе, ибо ни въ какомъ отношеніи не обѣщало ни малѣйшаго успѣха. Оно доказывало нѣкоторую нетерпимость, которая при сближеніи времени къ исполненію назначеннаго необходимо уступила бы разсудку.

Сіе предположеніе было еще сдѣлано въ 3 корпусѣ въ 1824 году. Я, Юшневскій, Давыдовъ, князь Волконской и князь Барятинской сильно тогда спорили противу онаго во время Кіевскихъ контрактовъ 1825 года и совершенно оное тогда опровергнули. Во второй половинѣ 1825 года было оно опять возобновлено. А дабы лучше убѣдить въ невозможности оное исполнить, уже и потому, что сѣверный округъ не будетъ въ состояніи дѣйствовать такимъ образомъ, какъ сіе предположеніе отъ него ожидало, далъ я соавѣтъ прежде всего обождать вѣрныхъ свѣдѣній о Петербургѣ. Князь Трубецкой ѣхалъ изъ Кіева въ Петербургъ и долженствовалъ привезти сіи свѣдѣнія; но прежде полученія таковыхъ былъ Союзъ открытъ.

Я повторяю, что сіе предположеніе слишкомъ было неосновательно, чтобы не уступить разсудку и не быть совершенно оставленнымъ при сближеніи времени къ его исполненію назначеннаго. Чѣмъ таковое время далѣе отстоитъ, тѣмъ все кажется возможнѣе, а чѣмъ оное ближе становится, тѣмъ явственнѣе усматривается невозможность. Я тѣмъ болѣе, съ своей стороны, былъ въ томъ увѣренъ, что имѣли мы уже подобный опытъ въ 1823 году, въ которомъ та же управа 3 корпуса вдругъ вздумала такимъ же образомъ дѣйствіе начать въ Бобруйскѣ, гдѣ 9 дивизія была на работѣ; и къ намъ написали, чтобы нѣсколько членовъ поспѣшно туда прибыли, не говоря для чего. Никто, однако же, не ѣздилъ и потомъ, обдумавъ положительнѣе дѣло, оставили они сами сіе намѣреніе безъ всякаго исполненія. Тоже бы случилось и въ семъ разѣ. Къ тому же сдѣланное выше замѣчаніе на счетъ покушенія на жизнь Государя Императора Александра Павловича отнесено быть можетъ также и къ сему предположенію.

Вообще замѣтить можно, что два главные существовали отѣнка во всѣхъ предположеніяхъ. По первому располагалось начальное дѣйствіе въ Петербургѣ, а отъ арміи и губерніи ожидалось содѣйствіе. По второму располагалось начальное дѣйствіе въ арміи, гдѣ нибудь, а отъ Петербурга ожидалось содѣйствіе. Что же касается до подробностей, то по онымъ сіи два главные предположенія раздѣлялись на весьма большое количество: ибо весьма часто о томъ говорили, и каждый разъ что нибудь прибавляли, убавляли, однимъ словомъ иное толковали. И хотя съ

первымъ вышеобъясненнымъ предположеніемъ и были всѣ члены согласны, но согласіе состояло въ главныхъ только чертахъ, какъ я уже объяснилъ. А точнаго, подробнаго, положительнаго, полнаго и неукоснительнаго предположенія общество до самаго конца еще не составило. Сіе уже доказывается и тѣмъ, что второе предположеніе могло возникнуть (показанія 13 января, п. 3).

Съ котораго времени южное общество предприняло намѣреніе ввести въ государствѣ республиканское правленіе и достигнуть сего посредствомъ революціи? Кто первый предложилъ мысль сію и кто наиболѣе стремился къ ея исполненію? Тогда ли, или уже въ послѣдствіи общество сіе предположило истребить безъ остатка всѣхъ священныхъ особъ августѣйшей царствующей фамилии?

Изъ отвѣта на третій вопросъ (предыдущій) видно, какимъ образомъ республиканскія мысли дошли до южнаго края. Революціонныя же мысли существовали въ тайномъ обществѣ прежде еще учрежденія онаго на югѣ и въ нихъ-то состояло главное средство, обществомъ предполагаемое для достиженія своей цѣли. Сіи мысли всѣ члены безъ всякаго изъятія въ равной степени раздѣляли, ибо въ нихъ то и состояла сущность Тайнаго Общества. Что же касается до истребленія всѣхъ священныхъ особъ императорской фамилии, то общество никогда сего не предполагало: во-первыхъ, потому, что, какъ я уже объяснялъ выше, оно до самаго конца еще не утвердило рѣшительнымъ образомъ своего плана дѣйствія. Во-вторыхъ, потому, что, по плану дѣйствія, который наиболѣе ходу имѣлъ, и который мною объясненъ первымъ предположеніемъ въ отвѣтѣ на 3 пунктъ (предыдущій), надлежало всю императорскую фамилію перевезти въ чужіе края. Въ-третьихъ, потому, что южный округъ твердо намѣренъ былъ не дѣйствовать иначе, какъ вмѣстѣ съ сѣвернымъ округомъ, слѣдовательно и долженъ былъ съ нимъ въ дѣйствіи совѣщаніемъ согласиться. Въ-четвертыхъ, наконецъ, потому что южный округъ, по причинѣ мѣстъ его пребыванія, даже и не могъ бы сіе исполнить, ибо отъ императорской фамиліи слишкомъ былъ удаленъ.

Въ разговорахъ о трудностяхъ предпріятія и о средствахъ сіи затрудненія уменьшить весьма легко могло быть говорено и о томъ, что ежели бы существовалъ одинъ государь и не было бы великихъ князей, то успѣхъ менѣе бы встрѣчалъ препонъ; но разговоръ въ обществѣ чрезъ девять лѣтъ такъ было много, что никакъ нельзя всего того исчислить, что когда либо говорено быть могло, а тѣмъ менѣе можно все то принять за намѣреніе общества, что когда либо говорено было. Вѣрно то, что смерть великихъ князей никогда не входила въ планъ общества; ибо, кромѣ естественнаго отвращенія отъ таковаго поступка, присоединиться должно было и то соображеніе, что такоевое кровопролитіе поставитъ общее мнѣніе противъ революціи, а тѣмъ самымъ отниметь у нея главнѣйшую подпору, и случай породить ко мно-

гимъ партіямъ и кознямъ. Увѣрялись еще притомъ, что гвардія вовсе не предана къ великимъ князьямъ, и что они посему не составляютъ своими особами сильнаго сопротивленія и препятствія исполненію и преуспѣванію революціи, и что коль скоро они оставляютъ Россію, то и скоро забудутъ о нихъ при большомъ числѣ новыхъ предметовъ, коими всѣ умы заняты будутъ, и при улучшеніи положенія и состоянія какъ гражданъ, такъ и войска. Внѣшней же войны не опасались, во-первыхъ, потому что 1812 г. отнялъ навѣрно у всѣхъ охоту въ Россію входить, а во-вторыхъ, потому что при открытіи революціи въ Россіи, чужестранные кабинеты слишкомъ бы опасались собственныхъ своихъ земель, гдѣ умы еще болѣе къ переворотамъ склонны, дабы о чемъ нибудь помышлять иномъ, какъ о предупрежденіи революціи у себя самихъ. Что же касается въ особенности до особъ женскаго пола императорской фамилии, то на сей счетъ ни малѣйшаго не было сомнѣнія. Предполагалось имъ отбыть въ чужіе края и тамъ пребывать подобно великимъ княжнамъ Маріи Павловнѣ и Аннѣ Павловнѣ (показанія 13 января, п. 24).

Знали ли вы о намѣреніи тайнаго общества покуситься на жизнь блаженной памяти Государя Императора въ бытность Его Величества въ Москвѣ въ 1817 году, и о избранномъ къ совершенію сего злодѣйства Якушкинѣ?

Въ 1817-мъ году въ бытность мою въ Петербургѣ получилъ князь Сергѣй Трубецкой изъ Москвы письмо отъ одного изъ членовъ, въ которомъ извѣщались члены въ Петербургѣ бывшіе, что члены, въ Москвѣ находящіеся, рѣшили дѣйствіе начать и потому требуютъ нашего согласія и нашего прибытія въ Москву. Князь Трубецкой въ тотъ же день испросилъ себѣ отъпускъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы туда отправиться и тамошнимъ членамъ сказать, что мы не соглашаемся на ихъ предложеніе, и ихъ удержать отъ исполненія онаго. Но между тѣмъ они сами уже сіе намѣреніе бросили. Оно возникло между ими по случаю извѣстій ими полученныхъ о тѣхъ ужасахъ, которые якобы происходили въ Новгородской губерніи при введеніи военныхъ поселеній. ¹⁾ Жребій назначилъ Якушкина. Скорое оставленіе сего намѣренія доказываетъ, что оно произведено было минутнымъ

¹⁾ На счетъ заговора въ Москвѣ въ 1817 году противъ блаженной памяти Государя Императора, вы говорите, что поводомъ къ оному были извѣстія, полученные тамъ о происшедшемъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, но князь Трубецкой, письмо коего служило предлогомъ къ упомянутому заговору, и другіе показываютъ, что Московскимъ членамъ сообщено было ложное извѣстіе объ отдѣленіи Польскихъ губерній отъ Россіи и о свободѣ крестьянъ отъ крѣпости. Поясните: что дѣйствительно было поводомъ къ сему заговору?

Объ отдѣленіи Польскихъ губерній отъ Россіи не слыхалъ я никогда ни отъ кого. — Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости входило въ цѣль общества и слѣдовательно не могло, полагаю я, возбудить оное къ заговору. Мы же говорили члены бывшіе въ то время въ Москвѣ, и между прочимъ Никита Муравьевъ, что приступили къ составленію сказаннаго заговора по извѣстіямъ, полученнымъ о происходившемъ въ Новгородскихъ поселеніяхъ. Не бывъ самъ въ Москвѣ, говорю то, что слыхалъ (показанія 6 апрѣля, п. 4).

остервененіемъ о слыханныхъ якобы ужасахъ и подтверждаетъ мое замѣчаніе въ 3 пунктѣ сдѣланное, что отъ намѣренія до исполненія весьма далеко. Слово и дѣло не одно и тоже (показанія 13 января, п. 25).

Дополнительныя показанія 6 апрѣля 1826 г.

Въ 3-мъ пунктѣ отвѣтовъ (см. выше, стр. 213) вы объясняете, что южное общество насчетъ введенія въ государствѣ преобразованія имѣло два предположенія: одно въ духѣ республиканскомъ, а другое монархическомъ, но, оба не были еще рѣшительно приняты и оставались болѣе разсужденіями членовъ, нежели опредѣленною дѣлюю.

Сергѣй же и Матвѣй Муравьевы, князь Волконскій и Давыдовъ, утверждаютъ: а) что въ 1822 г. на контрактахъ въ Кіевѣ вы, согласивъ ихъ на продолженіе Тайнаго Общества и бывъ избраны (съ Юшневскимъ) директорами, тутъ же изъясняли главныя черты составляемой вами Русской Правды, и б) что тамъ же въ 1823 году она была одобрена, и вы первые предложили ввести въ Россіи республиканское правленіе посредствомъ революціи, или вооруженною силою, а они на сіе согласились, и съ того времени таковой образъ правленія былъ уже господствующимъ и всеѣмъ членамъ извѣстною дѣлюю. Сіе послѣднее подтверждаютъ также Бестужевъ-Рюминъ, князь Борятинскій, подполковникъ Поджіо и Янтальцовъ и штабсъ-капитанъ Поджіо, поясняя изъ нихъ трое послѣдніе и подпоручикъ Лихаревъ, что по собственнымъ словамъ вашимъ предположеніемъ о республикѣ въ Россіи вы постоянно занимались болѣе семи лѣтъ. Полковникъ же Тизенгаузенъ говоритъ, что онъ видѣлъ васъ въ лагерѣ 1824 г., гдѣ вы съ жаромъ объяснялись съ нимъ о новомъ образованіи въ государствѣ, которое надѣялись ввести въ слѣдующемъ году (1825 г.). Поясните: такъ ли сіе происходило?

Въ 3 пунктѣ отвѣтовъ моихъ (стр. 213) объяснялся не на счетъ южнаго общества, но на счетъ всего общества вообще, какъ южнаго такъ и сѣвернаго, а потому говорилъ, что существовали два предположенія. Я же сіи два округа не раздѣлялъ на два разлпчныя общества, тѣмъ болѣе, что оба округа согласились не дѣйствовать иначе, какъ выѣстъ и во всякомъ случаѣ одинъ другому содѣйствовать, и что я самъ всегда утверждалъ, что безъ сѣвернаго округа и полнаго взаимнаго согласія къ дѣйствию приступить нельзя. Южное общество продолжало существовать съ республиканскою цѣлюю, которая въ 1820 году коренною думою была объявлена, а въ сѣверномъ явились опять монархическія предположенія; почему и объяснялъ я, что два предположенія въ обществѣ существовали. А такъ какъ я твердо намѣренъ былъ, съ своей стороны, не дѣйствовать безъ сѣвернаго общества, то и имѣлъ я полную причину говорить, что сіи два предположенія не были еще рѣшительно приняты, что сіи два предположенія часто члены перемѣняли свой образъ мыслей и свои мнѣнія, и какъ ничего не было положительнаго. О томъ же, что южное общество держалось всегда республиканской цѣли, имѣлъ я честь

комитету доносить въ 19 пунктѣ прежнихъ отвѣтовъ (см. февральскую книгу, стр. 142), говоря, что оно продолжалось съ прежнею цѣлю и въ прежнемъ значеніи.

Когда въ 1821 году тульчинская дума объявила продолженіе союза съ республиканскою цѣлю, тогда видѣлся я съ княземъ Волконскимъ *прежде* контрактовъ 1822 года, и сказавъ ему о продолженіи союза, получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ также остается членомъ; а въ скорости потомъ увѣдомилъ онъ, *прежде* контрактовъ 1822 года, что и Давыдовъ остается въ обществѣ. При семъ было сказано, что цѣль остается та же самая: республиканская. Совершенно то же самое было объявлено и Сергѣю Муравьеву, когда онъ къ южному округу присоединился въ 1822; а не въ 1823 году.

Посему и остается непостижимымъ для меня, какъ они могли все это забыть и говорить, что въ 1823 году я *первый* предложилъ республику; особенно, какъ можетъ сіе говорить Сергѣй Муравьевъ, который самъ присутствовалъ въ коренной думѣ въ Петербургѣ въ 1820 году, когда республика была принята за цѣль общества и сія цѣль продолжалась послѣ продолженія общества, а не вновь составлялось нѣчто новое, передъ тѣмъ не бывавшее. Какъ въ 1822, такъ и въ 1823 году было разсуждаемо о республиканскомъ правленіи и я при томъ объяснялъ свои мысли и свой планъ конституціи; но все сіе не было тогда новое предположеніе, но разговоры о старомъ, давно уже, въ Петербургѣ еще принятомъ и при возобновленіи общества продолженномъ. Названіе же Русской Правды далъ я моему плану конституціи въ 1824 году.

Бестужевъ могъ еще говорить, что отъ меня перваго слышалъ о республикѣ, хотя гораздо вѣроятнѣе, что первый ему говорилъ о томъ тотъ, который его въ общество принялъ, т. е. Сергѣй Муравьевъ; но что касается до Бяратинскаго, Ентальцова, Лихарева и обоихъ Поджіо, то они ничего не могутъ показывать, что происходило между нами въ контрактахъ 1823 года: ибо ни одинъ изъ нихъ съ нами тогда не былъ, а были только: я, Юшневскій, Волконскій, Давыдовъ, Муравьевъ и Бестужевъ. О политическихъ же моихъ занятіяхъ сознался я самъ передъ комитетомъ во всѣхъ прежнихъ моихъ показаніяхъ.

Что касается до свиданія моего съ полковникомъ Тизенгаузенемъ, то оное происходило слѣдующимъ образомъ. По пріѣздѣ моемъ въ Бѣлоцерковъ, на возвратномъ пути изъ Петербурга видѣлся я въ Бѣлоцерквѣ съ Сергѣемъ Муравьевымъ, Бестужевымъ, Швейковскимъ и Тизенгаузенемъ. Въ первый вечеръ не было разговора съ Тизенгаузенемъ объ обществѣ. На другой день, отъѣзжая, обѣдали мы всѣ четверо у Швейковского. Прежде, нежели къ Швейковскому поѣхали, просили меня Бестужевъ и Муравьевъ въ разговорѣ съ Тизенгаузенемъ прилагать много жару и говорить о началѣ дѣйствія въ 1825 году; ибо они мнѣ сказывали, что Тизенгаузенъ непременно ожидаетъ начала дѣйствія въ

1825 году. А имъ для управленія Васильковскими членами необходимо, чтобы и я въ семъ духѣ говорилъ съ Тизенгаузеномъ: ибо по его характеру сіе имъ нужно. Посему и исполнилъ я сіе, согласно ихъ желанію (показанія 6 апрѣля, п. 12).

Въ 24 пунктѣ отвѣтовъ (см. выше, стр. 217—218), вы отрицаете, что покушенія на жизнь всѣхъ священныхъ особъ августѣйшей императорской фамиліи никогда предполагаемо не было, что предметъ сей заключался въ однихъ разговорахъ о трудности введенія новаго порядка вещей и что даже въ случаѣ принятія обществомъ республиканскаго правленія предполагалось императорскую фамилію перевезти въ чужіе края.

Но князь Волконскій, Давыдовъ, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ положительно говорятъ, что истребленіе всей императорской фамиліи вы первые предложили на контрактахъ 1823 г. въ Кіевѣ, гдѣ Юшневскій, Давыдовъ и Волконскій согласились съ вами, Бестужевъ одобрялъ истребленіе одного государя, а Сергѣй Муравьевъ не допускалъ онаго ни противъ кого; но послѣ смотра войскъ въ томъ же году въ бытность вашу въ деревнѣ Каменкѣ, у Давыдова предложеніе сіе было возобновлено. всѣми присутствовавшими единодушно принято, и осталось господствующею цѣлью, какъ и республиканское правленіе.

Дѣйствительность сего предположенія въ особенности подтверждаютъ Бестужевъ-Рюминъ, Янтальцовъ и подполковникъ Поджіо, дополняя изъ нихъ: первый, что при самомъ вступленіи Сергѣя Муравьева и его, Бестужева, въ общество вы предложили имъ присягнуть на истребленіе всѣхъ священныхъ особъ августѣйшей императорской фамиліи, но они не согласились; потомъ же, согласивъ прочихъ членовъ на введеніе республики посредствомъ революціи, вы успѣли уговорить ихъ и на истребленіе всей императорской фамиліи, убѣждая въ особенности тѣмъ, что если останутся великіе князья, то неминуемо произойдетъ междоусобная война, что не только въ войскахъ, но и въ народѣ найдется много лицъ, которыя сдѣлаютъ частные бунты или волненіе, и что это воспрепятствовало бы ввести новый порядокъ вещей, особенно въ провинціяхъ, и *второй*, что вы, уговаривая его къ содѣйствію въ намѣреніяхъ общества, отзывались съ сильнымъ негодованіемъ противъ всѣхъ священныхъ особъ императорской фамиліи и явно показывали себя рѣшившимися покуситься на самую жизнь ихъ, утверждая, что средство сіе для революціи необходимо.

Въ 24 пунктѣ моихъ отвѣтовъ (стр. 217) говорилъ я не объ одномъ южномъ округѣ, но о цѣломъ обществѣ и объяснялъ, что истребленіе всей императорской фамиліи не входило въ планъ общества, главнѣйше потому, что южное общество не могло бы даже сіе исполнить, ибо въ отдаленности находилось отъ мѣстопробыванія царствующей фамиліи, что такъ какъ мы долженствовали дѣйствовать въ согласіи и совокупности съ сѣвернымъ обществомъ и оно дѣйствія бы производило въ Петербургѣ, то при успѣхѣхъ зависѣло бы отъ него принятіе мѣръ въ отношеніи къ императорской фамиліи, и наконецъ, что сѣверное общество не

рѣшилось еще единодушно въ избраніи образа правленія, ибо мнѣнія раздѣлялись между монархическимъ и республиканскимъ предположеніями. Я же считалъ дѣйствительнымъ планомъ общества только то, насчетъ чего была хоть вѣроятность, что уже перемѣнѣ болѣе не послѣдуетъ.

Что же касается до упомянутыхъ сужденій, то признательно сознаюсь, что между сказанными членами и мною они происходили и притомъ являлся я въ сихъ разговорахъ не такъ, какъ убѣждающее всѣхъ прочихъ лицо, но какъ о томъ разсуждающее наравнѣ съ ними. Они же возлагаютъ на меня одного, яко дѣятельнѣйшаго директора то, что со мною въ равной степени раздѣляли, и весьма многіе съ гораздо большею противъ моего рѣшимостью, какъ о томъ комитетъ вѣрно изволилъ самъ уже замѣтить. Но впрочемъ не въ оправданіе сихъ сужденій сіе говорю, въ коихъ мое полное участіе совершенно сознаю. Одна изъ главныхъ причинъ, почему столь много предметовъ мнѣ одному членами общества приписывается, состоитъ въ томъ, что бывши предсѣдателемъ долженъ я былъ всякій предметъ на сужденіе предлагать и слѣдовательно первый его называть.

Ентальцовъ съ жестокою несправедливостью говоритъ, будто бы я себя показывалъ рѣшившимся покуситься на самую жизнь особъ императорской фамиліи. Я никогда сей рѣшимости не показывалъ и никогда бы не былъ въ состояніи таковое дѣйствіе предпринять, и кто меня хоть нѣсколько только зналъ и справедливимъ быть захочетъ, тотъ вѣрно подтвердитъ сіи слова мои. Отъ сужденій до совершеній весьма далеко (показанія 6 апрѣля, п. 13).

Дополнительныя показанія 3 апрѣля 1826 года по вопросамъ комитета въ разъясненіе пункта 3-го отвѣтовъ 13 января (см. выше, стр. 212—217).

Когда я возвратился изъ Петербурга въ 1820 году, въ концѣ мая или началѣ іюня, тогда тульчинская Дума не имѣла еще своихъ засѣданій устроенными и не имѣла ни предсѣдателя, ни блюстителя. Бурцовъ и я, какъ коренные члены, завѣдывали прочими членами. Устройство засѣданія думы завелось въ концѣ 1820 года, мѣсяца за два или полтора до назначенія Московскаго сѣзда.

Во время моего возвращенія изъ Петербурга не принадлежали еще къ обществу Бассаргинъ, кн. Барятинской и оба Крюкова. Касательно Аврамова не припомню въ точности, былъ ли онъ тогда уже принятъ или нѣтъ. Всѣ сіи лица поступили въ общество въ теченіи лѣта 1820 года, до сентября мѣсяца.

Пріѣхавъ изъ Петербурга, сообщилъ я о заключеніи Коренной Думы насчетъ республиканскаго правленія Юшневскому, Вольфу, Ивашеву, Комарову и Бурцову, а потомъ узнали о семъ заключеніи также и Аврамовъ, Бассаргинъ, к. Барятинской и оба Крюковы, когда были въ общество приняты. Объявить же именно, въ какое время кому было сіе извѣстіе сообщено, я никакъ не

могу, ибо о таковыхъ подробностяхъ не въ силахъ вспомнить. Также, было ли сіе каждому изъ нихъ первоначально сообщено лично мною, или кѣмъ изъ другихъ членовъ, никакъ припомнить не могу, но очень помню, что каждый изъ нихъ зналъ о семъ до устройства засѣданій Думы, а слѣдовательно и до отъѣзда еще Бурцова и Комарова въ Москву. Никто не противорѣчилъ сему заключенію Коренной Думы, исключая одного Бурцова, который показывалъ сомнѣніе въ возможности ввести въ Россію республиканское правленіе.

Постановленіями общества послѣ его возобновленія опредѣлены были три степени: бояре, мужья и братья; друзьями назывались члены приготавливаемые, но еще не принятые: братьямъ объявляться долженствовало просто намѣреніе ввести новый конституціонный порядокъ безъ дальнѣйшихъ объясненій; мужамъ—открывать цѣль республиканскаго правленія. Притомъ могъ вновь принимаемый членъ поступать прямо въ мужи, минуя степень братьевъ, если по образу своихъ мыслей былъ склоненъ къ принятію республиканскаго правленія за цѣль. Всѣ члены тульчинской, каменской и всѣ, мнѣ извѣстные, васьковской управъ знали о цѣли республиканскаго правленія. Изъ сего числа исключая подполковника Фаленберга и майора Мартынова, о коихъ не могу я сего утверждать, ибо навѣрное не знаю.

Въ отвѣтахъ на вопросы 13 января (стр. 214—216) показывалъ я, что два главныхъ предположенія существовали; изъ коихъ одно заключалось въ томъ, что первоначальное дѣйствіе революціи долженствовало начаться въ столицѣ чрезъ сѣверное общество, коему южное всѣми силами содѣйствовало бы; а второе заключалось въ томъ, что главное и первоначальное дѣйствіе революціи долженствовало начаться въ арміи, а содѣйствіе и дѣйствіе по столицѣ производилось бы сѣвернымъ обществомъ. Я здѣсь называю главнымъ и первоначальнымъ дѣйствіемъ: открытіе революціи съ упраздненіемъ престола. Тульчинская Дума при возобновленіи союза предполагала первый образъ дѣйствія, а не второй, и такъ была увѣрена, что и въ Петербургѣ общество будетъ продолжаться, что третьимъ предсѣдателемъ выбрала Никиту Муравьева, который, проѣзжая Тульчинъ въ 1820-мъ году, познакомился тогда почти со всѣми тульчинскими членами. Его назначеніе въ предсѣдатели пришло потомъ само собою въ забвеніе.

Аврамовъ, Юшневскій, Ивашевъ, Крюковъ 1 и 2, Бассаргинъ, к. Барятинскій и Вольфъ раздѣляли всѣ со мною и цѣль, и способности достиженія ея, и единогласно всѣ безъ изъятія и безъ всякихъ оговорокъ и противорѣчій опредѣлили и подтвердили то и другое. Они же присутствовали всѣ въ засѣданіи Думы и участвовали всѣ въ возобновленіи общества и въ совѣщаніи о цѣли и способѣ достиженія оной. Засѣданія сіи происходили у меня на квартирѣ и одно ли или два ли оныхъ было, сего по истинѣ не припомню: но ежели и было два, то въ два дни одинъ за

другимъ непосредственно послѣдующихъ, въ которые и было все рѣшено (показанія 8 апрѣля, п. 1.)

Въ 13 пунктѣ отвѣтовъ (см. выше стр., 222) вы *признательно сознаетесь*, что упоминаемая въ вопросѣ сужденія между сказанными членами и вами происходили и при томъ въ разговорахъ ихъ вы являлись не такъ, какъ убѣждающее всѣхъ прочихъ лицо, но какъ о томъ разсуждающее наравнѣ съ ними, но не объясняете положительно ни времени, ни мѣстъ, гдѣ сужденія сіи происходили, ни того, кто первый начиналъ таковыя, или дѣлалъ предложеніе, кто дѣйствительно въ тѣхъ сужденіяхъ участвовалъ и предъявляли ли вы причины, требованія предлагаемаго истребленія, о коихъ показываетъ Бестужевъ. Ибо наименованныя въ вопросѣ лица *первое совѣщаніе* о семъ предметѣ относятся къ контрактамъ 1823 года въ Кіевѣ, гдѣ присутствовали вы, Юшневскій, Давыдовъ, князь Волконскій, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ, и гдѣ, послѣдніе двое были противнаго мнѣнія, а *второе (совѣщаніе)* утверждаютъ бывшимъ въ Каменкѣ у Давыдова, гдѣ находились вы, Давыдовъ, князь Волконскій, С. Муравьевъ и Бестужевъ, и гдѣ, по словамъ Волконскаго, предложеніе, въ первомъ совѣщаніи вами сдѣланное, было возобновлено тѣмъ самымъ Муравьевымъ, который прежде оному противился. Слѣдственно точное опредѣленіе времени, мѣстъ и наименованіе предлагавшихъ и согласившихся лицъ здѣсь совершенно необходимо.

Князь Волконскій объявилъ мнѣ въ теченіи 1821 года, какъ о томъ, что онъ самъ остается членомъ общества, такъ чрезъ нѣкоторое время и о томъ, что Давыдовъ остается членомъ общества. На контрактахъ 1822 года присоединился къ намъ и Сергѣй Муравьевъ. Въ сіе время контрактовъ 1822 года начались уже упоминаемая въ 13 пунктѣ (стр. 221) сужденія, и такъ какъ мы съ сіе время болѣе разсуждали о республикѣ, а гораздо менѣе о революціи, то и забыли о томъ, можетъ быть, сказанные члены. Не менѣе того было о томъ уже и въ 1822 году разсуждаемо; при чемъ к. Волконскій, Давыдовъ, Юшневскій и я, мы въ мнѣніяхъ нашихъ были согласны, а Сергѣй Муравьевъ яснаго образа мыслей не показывалъ, болѣе обращая разговоръ на планъ правленія и общество. Въ 1823 году присутствовалъ при сихъ же сужденіяхъ и Бестужевъ-Рюминъ. Въ сіе время сказанныя сужденія производились съ большею силою и долѣе. С. Муравьевъ объявлялъ тутъ противное мнѣніе, а Бестужевъ разсуждалъ противъ одного Государя Императора. Въ сихъ двухъ свиданіяхъ (какъ мною кажется сказано въ 13 пунктѣ отвѣтовъ), предлагалъ я, какъ предсѣдатель, предметы на сужденіе, ибо членами тутъ присутствовавшими былъ избранъ въ предсѣдатели на время сужденій обѣ обществъ, о цѣли его и о способахъ дѣйствія.

Третье сужденіе между мною, Давыдовымъ, к. Волконскимъ, С. Муравьевымъ и Бестужевымъ происходило въ Каменкѣ у Давыдова въ ноябрѣ 1823 года. Въ сіе время объявилъ Сергѣй



Юрій Николаевич
БОГДАНОВИЧЪ (КОБОЗЕВЪ).

Муравьевъ и Бестужевъ Рюминъ, что они мнѣнія свои перемѣнили и нынѣ совершенно также судятъ, какъ и мы, прочіе, судили на контрактахъ 1823 года. О семъ начали говорить они, и кажется, что именно С. Муравьевъ, а потомъ участвовали и мы всѣ остальные въ семъ разговорѣ, продолжая держаться прежнихъ нашихъ сужденій контрактовъ 1823 года.

Предъявлялъ ли я, во время сихъ сужденій, тѣ именно причины, о коихъ упоминаетъ Бестужевъ, или нѣтъ, сіе въ точности припомнить не могу; но впрочемъ, можетъ быть, что и упоминалъ и предъявлялъ оныя. Каждый изъ членовъ, присутствовавшихъ на сихъ сужденіяхъ, предъявлялъ свои причины, коихъ я ни исчислить, ни припомнить не могу, потому что говорилось многое, и что я всегда держался заключенія въ мнѣніи и сужденіи, не сохраняя въ памяти различныхъ толковъ до оныхъ доводящихъ; но повторяю, что очень могъ сказанныя причины предъявлять, о коихъ я не упомянулъ въ особенности въ отвѣтѣ на 13 пунктъ; (стр. 221) потому что въ семъ отвѣтѣ сознавался въ томъ, что вообще сужденія, въ вопросѣ названные, происходили между мною и названными членами (показанія 8 апрѣля, п. 2).

Изъ данныхъ вами здѣсь отвѣтовъ (см. выше стр. 214) видно, что тайное общество предполагавшее Императорскую фамилію перевести въ чужіе края, имѣло въ семъ случаѣ надежду на здѣшній флотъ, съ чиновниками коего былъ въ сношеніяхъ Рылѣвъ; а нѣкоторые изъ членовъ показываютъ, что участіе флота должно было имѣть цѣлю воспрепятствовать отъѣзду священныхъ особъ Царствующей фамиліи изъ Россіи; и потому поясните сіи два обстоятельства сколь можно опредѣлительнѣе, также, на чемъ именно основывалась сія надежда, т. е. кто изъ чиновниковъ флота былъ готовъ содѣйствовать намѣреніямъ общества? имѣло ли оно на сіе какія удостовѣренія, въ чемъ оныя состояли, и какія мѣры предназначались къ совершенію такого предпріятія?

Членъ общества Рылѣвъ имѣлъ сношенія съ чиновниками здѣшняго флота, изъ коихъ онъ нѣкоторыхъ принялъ въ общество. Но сколько и кого именно, я не знаю, ибо ни одного имени ни разу не слыхалъ. Сіи сношенія Рылѣва происходили съ флотомъ еще въ 1824 году, а послѣ того сказывалъ мнѣ Бестужевъ-Рюминъ, что сіи сношенія идутъ съ хорошимъ успѣхомъ. Ему же о семъ говорилъ пріѣзжавшій не за долго передъ симъ въ Кіевъ отставной полковникъ Брыгинъ (фонъ деръ Бригенъ), служившій прежде въ л.-гв. Измайловскомъ полку, членъ тайнаго общества по Сѣверному Округу.

Мѣры для препровожденія Императорской фамиліи въ чужіе края состояли бы въ томъ, что назначенный для того корабль подошелъ бы Невою ко Дворцу, принялъ бы всѣхъ особъ Императорской фамиліи и перевезъ бы ихъ въ чужіе края. Впрочемъ о подробностяхъ сего дѣйствія не было еще говорено.

Если бы флотъ не былъ на нашей сторонѣ, то могъ бы содѣйствовать къ тому, чтобы при отбытіи по собственной волѣ

особъ Императорской фамиліи въ чужіе край, вся казна, въ Петербургской крѣпости сохраняемая, также увезена была. О сей казнѣ слухи носились, что она чрезвычайно значительна и потому желали оную непременно сохранить. Имѣя уже флотъ на своей сторонѣ, общество надѣялось, что сіе не могло бы произойти. Вотъ единственная причина, какъ я полагаю, почему нѣкоторые члены могли сказать, что флотъ долженствовалъ препятствовать отбытію особъ Императорской фамиліи въ чужіе край. Сіе обстоятельство служитъ доказательствомъ, какъ я справедливо говорилъ, что въ умахъ членовъ общества понятія о цѣли и дѣйствіяхъ, особенно касательно подробностей весьма еще сбивчивы и неопредѣлительны, и что каждый еще толкуетъ по своему, принимая иногда, какъ въ семъ на примѣръ случаѣ, гадательное предположеніе за намѣреніе и цѣль. (Показанія 13 января, п. 48).

VI. Сношенія Южнаго Общества съ Сѣвернымъ.

Какого рода были тѣ предложенія, кои были сдѣланы Сѣверному обществу отъ Южнаго посредствомъ васъ, князя Сергѣя Волконскаго, Василія Давыдова и полковника Швейковского? Когда и какіе получены были отзывы, и почему вы утверждаете, что общества сіи тотчасъ соединились между собою?

Я утверждалъ, что Сѣверное и Южное общество составляютъ одно потому, что они оба суть продолженіе Союза Благоденствія, что въ самой начальной перепискѣ съ Никитою Муравьевымъ мы себя признавали за одно общество, что оба округа имѣли твердое намѣреніе не иначе дѣйствовать, какъ вмѣстѣ, что когда я былъ въ 1824 году въ Петербургѣ, то отъ всѣхъ членовъ слышалъ, что никогда не считали иначе наши два округа, какъ отдѣленія одного и того же общества, и что всѣ сѣверные члены, прибывавшіе въ Южный Округъ, были всегда изъ Петербурга къ намъ адресованы, какъ наши члены и точно также нами были принимаемы.

Полковнику Швейковскому, ѣздившему въ Петербургъ, никакого порученія не было дано. Князь Сергѣй Волконскій и Василій Давыдовъ ѣздили по своимъ дѣламъ и при семъ случаѣ имѣли порученіе сообщить о происходящемъ у насъ и освѣдомиться о происходящемъ у нихъ. Отзывы, чрезъ нихъ полученные, состояли въ томъ, что у нихъ дѣла идутъ своимъ чередомъ, что число членовъ по возможности умножается и что особеннаго происшествія никакого не случилось. Я ѣздивъ въ Петербургъ по своимъ же дѣламъ, видѣлся съ членами и имѣлъ съ ними разговоры объ обществѣ, о членахъ и преимущественно о необходимости рѣшить окончательнымъ образомъ всѣ подробности цѣли, дабы перестать ходить въ туманѣ. Разговаривали и опять разѣхались (показанія 13 января, п. 32).

На вопросъ о сношеніяхъ, какія Южное общество имѣло съ Сѣвернымъ вы отозвались, что князь Волконскій, Давыдовъ и вы сами, ѣздивши въ Петербургъ по дѣламъ своимъ, видѣлись съ тамошними членами, поговорили—и разѣхались, но умалчиваете, какъ о томъ, въ чемъ состояли взаимныя переговоры ваши, такъ и о князѣ Барятинскомъ, имѣвшемъ отъ васъ порученіе, подобно Волконскому и Давыдову.

Между тѣмъ, изъ показаній князя Волконскаго, Давыдова, Сергѣя и Матвѣя Муравьева, князя Барятинскаго, подполковника Поджіо и Бестужева-Рюмина извѣстно:

1) Что князь Барятинскій, бывшій въ Петербургѣ въ 1823 году, имѣлъ отъ Васъ къ Никитѣ Муравьеву письмо, которымъ, извѣщая о послѣднихъ предположеніяхъ Южнаго Общества (республика и истребленіе Императорской фамиліи), вы требовали отъ него рѣшительнаго увѣдомленія: какія приобрѣтены успѣхи въ приѣмъ членовъ, на какія силы Сѣверное общество надѣется, отвѣчаетъ ли Муравьевъ за оныя и будутъ ли готовы къ начатію дѣйствій по первому вашему требованію? Муравьевъ, медлившій отвѣтомъ на сіе, говорилъ младшему Поджіо: «на Югъ Богъ знаетъ, что затѣвають — хотять всѣхъ», однакоже по настоянію Барятинскаго писалъ къ вамъ тогда же съ нимъ. 2) Что князь Волконскій и Давыдовъ также имѣли отъ васъ письма къ Никитѣ Муравьеву, и доставили къ вамъ на оныя отвѣты его. По словамъ ихъ, цѣль сношеній съ Муравьевымъ была соединеніе Сѣвернаго и Южнаго общества. 3) Что Волконскій, узнавъ отъ князя Оболенскаго о успѣхѣхъ Сѣвернаго общества въ приготовленіи нижнихъ чиновъ многихъ гвардейскихъ полковъ къ цѣли его, передалъ сіе Тульчинской Директоріи. 4) Что по увѣренію князя Волконскаго председатели Сѣверной управы (въ бытность Вашу въ Петербургѣ), хотя не явно для всѣхъ членовъ, но рѣшительно положили дѣйствовать единодушно съ обществомъ Южнымъ. 5) Что по словамъ его же, князя Волконскаго, и подполковника Поджіо, Сѣверная управа (во время бытности вашей въ Петербургѣ въ 1824 году) приняла преступное предположеніе Южнаго общества, въ Кіевѣ начатое, а въ Каменкѣ у Давыдова утвержденное въ 1823 году, о введеніи республиканскаго правленія силою и о истребленіи всей Императорской фамиліи. 6) Что по возвращеніи вашемъ изъ Петербурга въ 1824 году вы удостовѣрительно разсказывали младшему Поджіо, Лореру и Майбородѣ: а) Что хотя въ сношеніяхъ вашихъ съ сѣверными членами и много встрѣтили сопротивленія, но, наконецъ, вы успѣли согласить ихъ на всѣ свои предположенія, ударивъ по столу рукою и сказавъ имъ рѣшительно: *„такъ будетъ же республика“* и б) Что хотя также много спорили въ Петербургѣ противъ написанной вами Русской Правды, а нѣкоторые не соглашались на покушеніе противъ жизни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, но силою доводовъ своихъ вы убѣдили сѣверныхъ членовъ принять вашу Конституцію и согласиться на все безъ изыятія, и что Никита Муравьевъ долженъ былъ сжечь Конституцію, имъ написанную.

Здѣсь объясните съ полнымъ чистосердечіемъ:

а) Въ чемъ именно заключались письма ваши къ Никитѣ Муравьеву, посыланныя съ Волконскимъ, Давыдовымъ и Барятинскимъ, и какого

содержанія были привезенные ими отвѣты Муравьева, а Волконскимъ отъ кн. Оболенскаго? б) Когда, гдѣ и кто именно изъ членовъ Сѣвернаго общества приняли предположенія Южнаго Общества о введеніи въ государствѣ республики и о истребленіи всей Императорской Фамиліи и были ли со стороны ихъ извѣщены о томъ всѣ прочіе? в) Подобно сему, кто именно изъ предсѣдателей Сѣверной Управы рѣшительно условился съ вами дѣйствовать единодушно, какія между вами предназначены мѣры къ начатию дѣйствій и гдѣ должны были оныя открыться. г) Кто изъ сѣверныхъ членовъ оспаривалъ введеніе русской правды, и кто не соглашался на покушеніе противъ жизни Императрицы Елизаветы Алексѣевны? д) Гдѣ именно произошло то совѣщаніе, въ которомъ вы, ударивъ по столу, сказали рѣшительно „*такъ будетъ же республика*“ и кто изъ сѣверныхъ членовъ тутъ присутствовалъ? е) Кромѣ письма, посланнаго съ Давыдовымъ къ Муравьеву, какія именно еще поручены были ему отъ Васъ бумаги?

Первое мое письмо къ Никитѣ Муравьеву, посланное съ княземъ Волконскимъ, ничего не заключало особеннаго. Я его просилъ быть откровеннымъ съ княземъ Волконскимъ и сообщить намъ о своихъ дѣйствіяхъ. Съ отвѣтомъ отъ Муравьева привезъ князь Волконскій начатую Муравьевымъ конституцію, о которой говорилъ онъ мнѣ въ письмѣ своемъ, что пишетъ ее въ монархическомъ смыслѣ, ради вновь вступающихъ членовъ: *comme un rideau derrière lequel nous formerons nos colonnes*, прибавляя, что онъ самъ лично остается тѣмъ же приверженцемъ республиканскаго правленія, каковымъ былъ и прежде. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1823 писалъ я съ Давыдовымъ къ Никитѣ Муравьеву предлинное письмо, въ которомъ оспаривалъ разные пункты его конституціи и предлагалъ главныя черты своей. Наконецъ, когда князь Барятинскій ѣхалъ въ Петербургъ въ 1823 году въ іюнѣ мѣсяцѣ, находился я въ Липовцѣ съ ротою для встрѣчи г. Главнокомандующаго, передъ которымъ ѣхалъ Барятинскій. А по сему и успѣлъ я въ скорости только нѣсколько словъ къ Муравьеву написать. Я его просилъ откровенно говорить съ Барятинскимъ и упрекалъ въ недѣятельности, говоря, что лучше совсѣмъ разойтись, нежели бездѣйствовать и все таки опасностямъ подвергаться. Съ Барятинскимъ онъ на лоскуткѣ мнѣ отвѣчалъ, что дѣлаетъ все, что только можно. Къ князю Оболенскому я ни разу не писалъ, но отъ него въ 1824 году получилъ отъ князя Волконскаго письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что дѣла идутъ хорошо, что дѣйствуютъ на нижнихъ чиновъ особенно унтеръ-офицеровъ и просилъ ускорить присылкою Русской Правды.

Въ бытность мою въ Петербургѣ видѣлся я преимущественно съ тремя директорами. Никита Муравьевъ мнѣ тутъ говорилъ, какъ и прежде писалъ, доставляя начало своей конституціи, что монархическія формы имъ ей даны, ради вновь вступающихъ членовъ; причемъ отзывался съ сильнымъ негодованіемъ о лицахъ Императорской фамиліи, но вмѣстѣ съ тѣмъ оспаривалъ разныя статьи моего конституціоннаго предположенія. Оболен-

скаго, имѣвшаго прежде еще сношенія съ Матвѣемъ Муравьевымъ, нашелъ я болѣе всѣхъ на республику согласнымъ. Трубецкой рѣшительнаго образа мыслей не показывалъ: то былъ согласенъ на республику, то опять оспаривалъ ее. Нарышкина видѣлъ я только одинъ разъ у кн. Оболенскаго и онъ такъ мало говорилъ, что настоящій его образъ мыслей остался мнѣ неизвѣстнымъ. Съ Рылѣвымъ видѣлся я только одинъ разъ и говорили про одно только раздѣленіе земель. Съ Тургеневымъ имѣлъ я также только одно свиданіе и предметъ разговора былъ раздѣленіе земель, противъ котораго онъ спорилъ, но впрочемъ былъ въ республиканскомъ образѣ мыслей. Съ Краснокутскимъ видѣлся я два раза, и мы все время разсуждали о республикѣ и объ объявленіи новаго порядка вещей чрезъ сенатъ. Вадковскій, Поливановъ, Сви-стунъ, Анненковъ (всѣ четверо кавалергардскіе офицеры) и артиллерійскій Кривцовъ были со мною ознакомлены чрезъ Матвѣя Муравьева и находились въ полномъ революціонномъ и республиканскомъ духѣ.

За всѣми сими разногласіями и по опыту частой перемѣнчивости членовъ долженъ былъ я заключить, что ни цѣль, ни средства въ ихъ мнѣніяхъ не имѣютъ единства, а слѣдовательно, что сіи два предмета, какъ я прежде говорилъ, не дошли еще до созрѣлости. Условіе о единственномъ дѣйствіи было заключено со всѣми тремя директорами, причемъ замѣчались нѣкоторые отбѣнки: единодушнѣе всѣхъ съ к. Оболенскимъ, а менѣе всѣхъ съ Никитою Муравьевымъ. Съ Трубецкимъ говорили между прочимъ, что ежели не республика будетъ принята, то избрать Александра Николаевича въ императоры при регентствѣ. Со всѣми же тремя положено было, что ежели они найдутся въ необходимости дѣйствіе начать, то мы ихъ должны поддержать и обратно они насъ. Если же необходимости не встрѣтится, то передъ приступомъ къ дѣйствію долженствовало предшествовать взаимное соглашеніе, по которому и рѣшится тогда, *гдѣ, какъ и что* дѣлать. При семъ было говорено и объ объявленіи чрезъ сенатъ новаго порядка вещей. О сообщеніи ими сего заключенія прочимъ членамъ остался я въ безвѣстности, но сказывали они, что оное будетъ сдѣлано.

Прежде еще пріѣзда моего былъ Никита Муравьевъ принужденъ сжечь свою конституцію и онъ же спорилъ наиболѣе противъ моей, особенно противъ избирательной системы и раздѣленія земель. Трубецкой спорилъ преимущественно противъ Временнаго Правленія. Русская Правда не была тогда еще начата, и я тутъ вознамѣрился ее написать; къ чему особенно меня приглашалъ кн. Оболенскій и Матвѣй Муравьевъ. Тогда же и началъ я краткія ея начертанія.

Что же касается до того, кто не соглашался на покушеніе противъ жизни Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, то сколько себя не припоминаю, и сколько бы ни желалъ припомнить, но никакъ не могу придумать, не только кто этотъ

былъ, но даже и чтобы о томъ была рѣчь. И потому не смѣшиваешь ли членъ, сіе показывающій, это обстоятельство съ тѣмъ случаемъ, что Глинка въ 1820 году предлагалъ Государыню Императрицу Елисавету Алексѣевну, а не республику.

У Оболенскаго на квартирѣ съѣхались къ нему Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевы, Нарышкинъ и я. Главнымъ предметомъ разговора было Временное Правленіе, противъ котораго говорили наиболѣе Трубецкой, а также и Никита Муравьевъ. Они много горячились, а я все время былъ хладнокровенъ до самаго конца, какъ ударилъ рукою по столу и всталъ, но не произнося сказанныхъ словъ, ибо въ то именно время происходило разногласіе о Временномъ Правленіи. Говорили и о прочихъ предметахъ, но ничего не положили на мѣру; и потому доносилъ я комитету, что разговаривали и разѣхались.

Содержаніе письма моего, къ Никитѣ Муравьеву чрезъ Давыдова посланнаго, имѣлъ я честь комитету въ началѣ сего пункта объяснять. Другая же бумага, которую имѣлъ Давыдовъ, была краткое начертаніе Русской Правды, написанное на французскомъ языкѣ рукою Сергія Муравьева. Онъ ее взялъ, дабы показать графу Полиньяку съ тѣмъ, чтобы сей, имѣвъ о ней свѣдѣніе, могъ извѣстить насъ, находится ли сходство у нея съ французскими предначертаніями, и даже о ней говорить во Франціи, если сойдется съ французскимъ тайнымъ обществомъ (показанія 6 апрѣля, п. 18).

Комитету извѣстно, что подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостоль по порученію же Южнаго Общества всѣма продолжительно жилъ въ Петербургѣ (1823 и 1824) и находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ какъ съ членами Сѣвернаго общества, такъ и съ пріѣзжавшими туда южными. Поясните: какія имѣлъ онъ порученія отъ Южной Директоріи, съ кѣмъ изъ Сѣверныхъ членовъ, какія производилъ переговоры и какія пріобрѣлъ онъ тамъ успѣхи въ дѣлѣ, на него возложенномъ?

Порученіе, Матвѣю Муравьеву данное, состояло въ содержаніи связи между Южнымъ и Сѣвернымъ округами, въ совмѣстномъ дѣйствіи и въ пріобрѣтеніи членовъ. Наболѣе имѣлъ онъ сношеній съ тремя директорами и съ членами, въ предыдущемъ пунктѣ мною названными, а подъ конецъ особенно съ Оболенскимъ. Успѣховъ пріобрѣлъ онъ очень мало. Все сіе относится до времени прежде моего пріѣзда въ Петербургъ и во время пребыванія. Но что онъ дѣлалъ послѣ отъѣзда моего, о томъ онъ ничего мнѣ не сообщалъ ни самъ, ни чрезъ другихъ. А писалъ нѣсколько разъ ко мнѣ съ одними увѣреніями въ своей преданности къ обществу и его дѣлу (тоже п. 19).

Князь Трубецкой показываетъ, что въ послѣднюю бытность въ Петербургѣ вы уговаривали его войти третьимъ членомъ въ главное управленіе съ тѣмъ, что такъ какъ Юшневскій мало занимается дѣлами, то онъ Трубецкой и вы будете дѣйствующими, но въ этомъ случаѣ

Трубецкой долженъ былъ дать клятву дѣлать все, что товарищъ захочетъ, и повиноваться одинъ другому не связывая. Рылѣвъ же и младшій Поджіо поясняютъ, что сѣверные члены, отвергая Русскую Правду, опасались честолюбивыхъ вашихъ видовъ, или стремленія къ диктаторству, ибо вы требовали отъ нихъ слѣпое повиновеніе одному Директору. Объясните: что побуждало васъ къ приведенному выше соглашенію князя Трубецкаго? и дѣйствительно ли вы требовали отъ сѣверныхъ членовъ того слѣпое повиновеніе, о которомъ говорятъ Рылѣвъ и Поджіо?

Я говорилъ князю Трубецкому, что Южная Директорія состоитъ изъ двухъ членовъ, которые не клятву дали, но взаимно другъ друга разрѣшили (поелику въ разныхъ мѣстахъ находятся) дѣйствовать въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, именемъ директоріи безъ предварительнаго между собою сношенія, въ полной увѣренности, что другой членъ подтвердитъ его дѣйствіе и что при составленіи одной общей директоріи таковыя же отношенія и взаимныя разрѣшенія (а не клятвы) могли бы съ пользою установиться и между южнымъ и сѣвернымъ отдѣленіями директоріи. Одна общая директорія придавала бы болѣе связности и единодушія обществу, а упоминаемое взаимное разрѣшеніе необходимо бы было для хода общества, ибо за отдаленностью не было бы возможности ожидать случая для сношенія.

Я никогда не требовалъ отъ сѣверныхъ членовъ *слѣпое* повиновенія *одному* директору, а предлагалъ имъ составить одну общую директорію. Они отозвались, что южные директора назначены непремѣнные, а сѣверные на три года, и потому по окончаніи сихъ трехъ лѣтъ можно будетъ приступить къ составленію одной общей директоріи. Южный округъ имѣлъ уже двухъ непремѣнныхъ директоровъ, слѣдовательно по одной сей уже причинѣ не могъ я предлагать для всего общества только одного. Слѣпое повиновеніе я также никогда не требовалъ, но говорилъ, что надобно единство въ дѣйствиіи и порядокъ въ устройствѣ общества. Ихъ же директора жаловались, что нѣтъ достаточнаго порядка за неимѣніемъ должнаго вліянія у директоріи надъ членами. Честолюбія моего напрасно они опасались, если справедливо, что имѣли сіе опасеніе, по словамъ Рылѣва и Поджіо, ибо отклоненіе себя отъ главныхъ должностей и намѣреніе по окончаніи революціи удалиться отъ свѣта не суть черты честолюбца. О семъ же самъ Поджіо показываетъ (тоже п. 17).

Н. П. Сильванскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)



Всеподданнѣйшее донесеніе о казни декабри- стовъ.

(13 іюля 1826 года).

Генераль-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ, наблюдавшій 13 іюля 1826 года за исполненіемъ казни надъ декабристами, въ тотъ же день подалъ императору Николаю Павловичу слѣдующее донесеніе:

«Экзекуція кончилась съ должною тишиною и порядкомъ, какъ со стороны бывшихъ въ строю войскъ, такъ со стороны зрителей, которыхъ было не много. По неопытности нашихъ палачей и неумѣнью устраивать висѣлицы, при первомъ разѣ тросъ: а именно Рылѣвъ, Каховскій и Муравьевъ сорвались, но вскорѣ опять были повѣшены и получили заслуженную смерть. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу».



Изъ бумагъ, взятыхъ при арестѣ Н. Г. Чернышевскаго.

2-го марта 1862 г., въ присутствіи многочисленной публики, на литературномъ вечерѣ, устроенномъ Литературнымъ Фондомъ, извѣстный профессоръ П. В. Павловъ, одинъ изъ основателей русскихъ воскресныхъ школъ, произнесъ рѣчь по поводу исполнившагося тысячелѣтія Россіи, а 5 марта его уже выстали за это въ Ветлугу. — Тогда рѣшено было прекратить чтеніе систематическихъ лекцій въ залахъ Думы и этимъ выразить посильный протестъ по адресу правительства. — Нѣкоторые профессора, и въ томъ числѣ извѣстный Н. И. Костомаровъ, не согласились на это. Молодежь собралась 8-го марта на его лекцію и на заявленіе Н. И. о своемъ рѣшеніи продолжать курсъ отвѣтила скандаломъ... Большинство его коллегъ рѣшило тоже читать. Такъ или иначе, а надо было уладить возможность уже нѣсколькихъ и большихъ скандаловъ. За это взялся Чернышевскій.

Нѣсколько бумагъ, захваченныхъ при его арестѣ, позволяютъ ознакомиться, какъ съ его ролью въ этой „думской исторіи“, такъ и съ деталями послѣдствій самой „исторіи“.

Прежде всего письмо профессора И. Е. Андреевскаго къ Чернышевскому отъ 17 марта (1862 г.). Андреевскій отказался отъ предложенія Н. Г. „быть посредникомъ между публикою и читавшими лекціи профессорами“, потому что самъ принадлежалъ къ ихъ числу, и находилъ недостаточно удобнымъ „формальный юридическій способъ“, предлагаемый Чернышевскимъ для разъясненія разногласій о причинѣ прекращенія лекцій.

На другой день Чернышевскій отвѣтилъ Андреевскому:

„М. Г. Иванъ Ефимовичъ, Изъ Вашего отвѣта на мое письмо отъ 17 марта я долженъ вывести слѣдующее заключеніе:

„Разъясненіе формальной стороны дѣла о прекращеніи лекцій было бы невыгодно для профессоровъ, читавшихъ лекціи;

„еслибы Вы не находили этого, Вы, вѣроятно, не затруднились бы сообщить имъ желаніе, выраженное въ моемъ письмѣ.

„Этотъ выводъ такъ натурален, что я буду считать его вѣрнымъ, пока не будетъ доказано противное, и присваиваю себѣ формальное право публично выражать это мнѣніе.

„Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Н. Чернышевскій*.

18 марта
1862.

Андреевскій отвѣчалъ 19-го, что выводъ этотъ совершенно несправедливъ, что способъ не невыгоденъ для профессоровъ, а „не можетъ выяснитъ существа дѣла“, и заявлялъ, что Чернышевскій не имѣетъ права основывать свое мнѣніе на его письмѣ.

Н. Г. стремился поставить выясненіе дѣла на ясную почву и приготовить для Андреевскаго три вопроса, отвѣты на которые разрѣшали бы многое: Вотъ они: „1) Было ли вѣторникъ, 6 марта, на квартирѣ профессора В. Д. Спасовича собраніе профессоровъ, читавшихъ публичныя лекціи? 2) Было ли на этомъ собраніи принято профессорами рѣшеніе прекратить чтеніе публичныхъ лекцій? 3) Были ли даваемы профессорами формальныя записки, сообщавшія распоряжавшимся лекціями студентамъ это намѣреніе дававшихъ записки профессоровъ прекратить чтеніе лекцій?“

Наконецъ, четвертый документъ, заинтересовавшій потомъ слѣдственную комиссію—очень любопытное письмо Николая Ивановича Костомарова къ Чернышевскому.

Вотъ оно:

„Посѣщеніе Ваше навело на меня грусть... мнѣ стало больно; мнѣ глубоко западали въ душу Ваши слова... да, мы были когда то друзьями ¹⁾. Три года я боролся самъ съ собой и, наконецъ, рѣшился и написалъ уже формулу, и готовился съ нею ѣхать къ Вамъ... Вдругъ курьеръ отъ Делянова съ извѣщеніемъ, что лекціи мои прекращены по распоряженію мнѣ. н. просвѣщенія.

„Прощайте, Николай Гавриловичъ. Во многомъ, что Вы говорили мнѣ сегодня, я слышалъ голосъ любви и правды... хотя, всетаки, не знаю, въ чемъ бы Вы могли упрекнуть мое поведеніе въ прошедшей печальной исторіи съ публичными лекціями: я дѣйствовалъ логически и справедливо; мнѣ такъ кажется; я такъ увѣренъ... а между тѣмъ Ваши слова такъ встревожили меня... неужели я ошибался? Я не вижу этого. А между тѣмъ Ваши слова звучали любовью и правдою...

„Прощайте, Николай Гавриловичъ, мы, дѣйствительно, были когда то друзьями... что развело насъ? Не знаю. Но знаю, что болѣе никогда не будемъ! Наши дороги разныя. Вы меня разъ, другой обругаете въ нашемъ Свисткѣ ²⁾, какъ уже было, со всѣми возможнѣйшими извращеніями дѣла, сообразно іезуитской мудрости, освящающей всякое средство для цѣли, а я въ своихъ нервныхъ увлеченіяхъ сдѣлаю еще два три шага, которые удалятъ меня еще болѣе отъ Васъ, и такъ будетъ между нами пропасть поглубже, чѣмъ та, которая раздѣляла богача отъ убогаго Лазаря.

„О лекціяхъ я ни мало не сожалѣю. И однако, мнѣ ужасно грустно, какъ грустно, что хоть въ воду...

„Скучно на этомъ свѣтѣ. Вы пріѣзжали обвинять меня въ самолюбіи, въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ: послѣднее совершенно ложно, первое мнѣ кажется ложнымъ... Да неужели же правѣе меня тѣ, которые теперь спасены прекращеніемъ (министерскимъ предписаніемъ) моихъ лекцій отъ послѣдствій, какія постичь ихъ могли за свистки,

¹⁾ Въ Саратовѣ, до пріѣзда Чернышевскаго въ Пестербургъ.

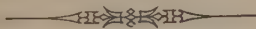
²⁾ Издавался при «Современникѣ».

ругательства и бросаніе яблоками, какъ они общали? Неужели Вы можете ожидать чего-нибудь въ будущемъ отъ такихъ *общественныхъ дѣятелей*? Неужели, наконецъ, мы должны преклоняться передъ всякою пошlostью, потому только, что она одѣвается въ либеральную одежду? Воля Ваша, Николай Гавриловичъ; мнѣ кажется, ужъ если кому, такъ именно Вамъ слѣдовало бы такихъ героевъ бить по носу, а Вы ихъ по головкѣ гладите. Неужели вы раздѣляете такое мнѣніе, что закрытіе лекцій есть полезное дѣло, а не ребяческій фарсъ, капризъ дитяти, которое, разсердившись на няньку, разобьетъ объ полъ чашку, стаканъ, что ему попадетъ подъ руки? Неужели не было бы лучше, еслибы лекціи продолжались и публика приучалась къ серьезному, живому, свободному слову. Утвердились бы онѣ въ Петербургѣ, принялись бы въ провинціяхъ, вошли бы въ обычай, послѣ вошло бы въ обычай говорить публично и слушать. Мнѣ кажется, это было бы одно изъ великолѣпнѣйшихъ орудій обновленія нашего общества, котораго мы равно желаемъ. Смотри съ такой точки зрѣнія, я старался во что бы то ни стало удержать отъ паденія учрежденіе, такъ недавно воздвигнутое... Оно пало; поднять его; я возобновлялъ свои лекціи, за мною уже готовились дѣлать три человѣка; можетъ быть снова все связалось бы все пошло бы по прежнему...

„Итакъ, вотъ что, а не мелкое самолюбіе руководило мною, какъ Вы хотѣли обличать меня. Хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ, но я высказываю Вамъ свое убѣжденіе; можетъ быть ошибаюсь, но по крайней мѣрѣ говорю, что думаю. Прощайте, но знайте, что поруганія и клеветы право не хуже ссылки въ Саратовъ или въ Ветлугу, чѣмъ можетъ надѣлать Третье Отдѣленіе“.

Объ этомъ письмѣ, воспроизводимомъ нами съ подлинника, рассказываетъ кое-что въ своей книжкѣ Л. Ф. Пантелѣевъ (стр. 217 — 218 „Изъ воспоминаній прошлаго“). Въ біографіи Костомарова оно, несомнѣнно, должно имѣть очень большое значеніе, поскольку можетъ служить яркой иллюстраціей разницы въ настроеніи молодежи и Костомарова. Писано оно очень нервнымъ почеркомъ, не датировано, безъ обращенія и подписи... Прочитавшіе въ книгѣ г. Пантелѣева главу „Думская исторія“ и соотвѣтствующее мѣсто изъ „Автобіографіи Костомарова поймутъ, какъ цѣнно это письмо.

Мих. Лемке.



Андреевскій отвѣчалъ 19-го, что выводъ этотъ совершенно несправедливъ, что способъ не невыгоденъ для профессоровъ, а „не можетъ выяснитъ существа дѣла“, и заявлялъ, что Чернышевскій не имѣетъ права основывать свое мнѣніе на его письмѣ.

Н. Г. стремился поставить выясненіе дѣла на ясную почву и приготовилъ для Андреевскаго три вопроса, отвѣты на которые разрѣшали бы многое: Вотъ они: „1) Было ли восторникъ, 6 марта, на квартирѣ профессора В. Д. Спасовича собраніе профессоровъ, читавшихъ публичныя лекціи? 2) Было ли на этомъ собраніи принято профессорами рѣшеніе прекратить чтеніе публичныхъ лекцій? 3) Были ли даваемы профессорами формальныя записки, сообщавшія распоряжавшимся лекціями студентамъ это намѣреніе дававшихъ записки профессоровъ прекратить чтеніе лекцій?“

Наконецъ, четвертый документъ, заинтересовавшій потомъ слѣдственную комиссію—очень любопытное письмо Николая Ивановича Костомарова къ Чернышевскому.

Вотъ оно:

„Посѣщеніе Ваше навело на меня грусть... мнѣ стало больно; мнѣ глубоко запади въ душу Ваши слова... да, мы были когда то друзьями ¹⁾. Три года я боролся самъ съ собой и, наконецъ, рѣшилъ и написалъ уже формулу, и готовился съ нею ѣхать къ Вамъ... Вдругъ курьеръ отъ Делянова съ извѣщеніемъ, что лекціи мои прекращены по распоряженію мин. н. просвѣщенія.

„Прощайте, Николай Гавриловичъ. Во многомъ, что Вы говорили мнѣ сегодня, я слышалъ голосъ любви и правды... хотя, всетаки, не знаю, въ чемъ бы Вы могли упрекнуть мое поведеніе въ прошедшей печальной исторіи съ публичными лекціями: я дѣйствовалъ логически и справедливо; мнѣ такъ кажется; я такъ увѣренъ,... а между тѣмъ Ваши слова такъ встревожили меня... неужели я ошибался? Я не вижу этого. А между тѣмъ Ваши слова звучали любовью и правдою...

„Прощайте, Николай Гавриловичъ, мы, дѣйствительно, были когда то друзьями... что развело насъ? Не знаю. Но знаю, что болѣе никогда не будемъ! Наши дороги разныя. Вы меня разъ, другой обругаете въ вашемъ Свисткѣ ²⁾, какъ уже было, со всѣми возможнѣйшими извращеніями дѣла, сообразно іезуитской мудрости, освящающей всякое средство для цѣли, а я въ своихъ нервныхъ увлеченіяхъ сдѣлаю еще два три шага, которые удалятъ меня еще болѣе отъ Васъ, и такъ будетъ между нами пропасть поглубже, чѣмъ та, которая раздѣляла богача отъ убогаго Лазаря.

„О лекціяхъ я ни мало не сожалѣю. И однако, мнѣ ужасно грустно, какъ грустно, что хоть въ воду...

„Скучно на этомъ свѣтѣ. Вы пріѣзжали обвинять меня въ самолюбіи, въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ: послѣднее совершенно ложно, первое мнѣ кажется ложнымъ... Да неужели же правѣе меня тѣ, которые теперь спасены прекращеніемъ (министерскимъ предписаніемъ) моихъ лекцій отъ послѣдствій, какія постигъ ихъ могли за свистки,

¹⁾ Въ Саратовѣ, до пріѣзда Чернышевскаго въ Петербургъ.

²⁾ Издавался при «Современникѣ».

ругательства и бросаніе яблоками, какъ они общались? Неужели Вы можете ожидать чего-нибудь въ будущемъ отъ такихъ *общественныхъ дѣлателей*? Неужели, наконецъ, мы должны преклоняться передъ всякою пошlostью, потому только, что она одѣвается въ либеральную одежду? Воля Ваша, Николай Гавриловичъ; мнѣ кажется, ужъ если кому, такъ именно Вамъ слѣдовало бы такихъ героевъ бить по носу, а Вы ихъ по головкѣ гладите. Неужели вы раздѣляете такое мнѣніе, что закрытіе лекцій есть полезное дѣло, а не ребяческій фарсъ, капризъ дитяти, которое, разсердившись на няньку, разобьетъ объ полъ чашку, стаканъ, что ему попадетъ подъ руки? Неужели не было бы лучше, еслибы лекціи продолжались и публика пріучалась къ серьезному, живому, свободному слову. Утвердился бы онѣ въ Петербургѣ, принялись бы въ провинціяхъ, вошли бы въ обычай, послѣ вошло бы въ обычай говорить публично и слушать. Мнѣ кажется, это было бы одно изъ великолѣпнѣйшихъ орудій обновленія нашего общества, котораго мы равно желаемъ. Смотри съ такой точки зрѣнія, я старался во что бы то ни стало удержать отъ паденія учрежденіе, такъ недавно воздвигнутое... Оно пало; поднять его; я возобновлялъ свои лекціи, за мною уже готовились дѣлать три человѣка; можетъ быть снова все связалось бы все пошло бы по прежнему...

„Итакъ, вотъ что, а не мелкое самолюбіе руководило мною, какъ Вы хотѣли обличать меня. Хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ, но я высказываю Вамъ свое убѣжденіе; можетъ быть ошибаюсь, но по крайней мѣрѣ говорю, что думаю. Прощайте, но знайте, что поруганія и клеветы право не хуже ссылки въ Саратовъ или въ Ветлугу, чѣмъ можетъ надѣлать Третье Отдѣленіе“.

Объ этомъ письмѣ, воспроизводимомъ нами съ подлинника, рассказываетъ кое-что въ своей книжкѣ Л. Ф. Пантелѣевъ (стр. 217 — 218 „Изъ воспоминаній прошлаго“). Въ біографіи Костомарова оно, несомнѣнно, должно имѣть очень большое значеніе, поскольку можетъ служить яркой иллюстраціей разницы въ настроеніи молодежи и Костомарова. Писано оно очень нервнымъ почеркомъ, не датировано, безъ обращенія и подписи... Прочитавшіе въ книгѣ г. Пантелѣева главу „Думская исторія“ и соотвѣтствующее мѣсто изъ „Автобіографіи Костомарова“ поймутъ, какъ цѣнно это письмо.

Мих. Лемке.



Петербургѣ. Наступилъ 81 г., появилась переизданная брошюра «Хитрая механика». Нѣкоторые помощники Народной Воли—интеллигенты—чаще стали посѣщать рабочіе кружки, но все какъ будто что то не договаривали, что то ожидалось и первыми, и послѣдними. Наконецъ грянуло 1-ое марта. Весь Петербургъ объятъ паникой. Полиція растерялась, мирный обыватель напуганъ, по улицамъ молчаливое движеніе. Петербуржцы уже не бѣгутъ такъ стремительно по улицѣ, а какъ то несмѣло, осторожно идутъ, ожидая чего то новаго, болѣе грознаго. Рабочія революціонныя группы тоже волнуются, ждутъ призыва къ открытой массовой борьбѣ, призыва къ возстанію. Проходитъ день, другой. Полиція оживаетъ. Удобный моментъ упущенъ. Начались аресты, а призыва все нѣтъ. Появляется прокламація «Къ Александру III-му». Только послѣ нея стало яснымъ, что Исполнительный Комитетъ вовсе не имѣлъ въ виду народнаго возстанія. Многіе рабочіе считали это промахомъ. Надо было бы во что бы то ни стало поднять рабочихъ хотя въ одномъ Питерѣ,—говорили они,—пусть бы кончилось неудачей, но для будущаго оно послужило бы опытомъ, положило бы ясную границу между народомъ и правительствомъ. Да еще неизвѣстно, чѣмъ бы все кончилось. Другіе же, наоборотъ, одобряли дѣйствія Исп. Ком. послѣ 1-го марта, указывая на неподготовленность массъ, на недостаточность силъ и слишкомъ большія жертвы, которыхъ потребовало бы возстаніе. Съ этими доводами нельзя было не согласиться. Дѣйствительно, тогдашніе заводы не представляли такихъ грандіозныхъ казармъ, какими мы видимъ ихъ теперь. Но противъ боязни жертвъ возражали. Вѣдь рано или поздно онѣ потребуются. Да развѣ не несутъ ихъ каждый годъ, каждый мѣсяцъ? Развѣ не арестуютъ, не ссылаютъ, не казнятъ людей? Но какъ бы то ни было, время прошло, надо думать о томъ, что дѣлать дальше. Начались аресты и на нѣкоторыхъ заводахъ. Поводомъ прежде всего послужилъ арестъ Тимофея Михайлова. Тимоха, какъ звали рабочіе послѣдняго, работалъ на многихъ заводахъ и, какъ водится, жилъ среди нихъ. Департаментъ полиціи пустилъ въ ходъ всѣ свои темныя силы. Десятки рабочихъ были привлечены къ допросу только за то, что работали на одномъ заводѣ съ Тимофеемъ, а нѣкоторыхъ даже арестовали и продержали въ домѣ предварит. заключ. мѣсяцевъ 8. Все это дѣлалось съ цѣлью запугать, нагнать страхъ на знавшихъ Михайлова. Арестованныхъ по его дѣлу содержали строго, постоянно повторяли имъ на допросахъ, что Михайлова ожидаетъ казнь «позорная», какъ самаго ужаснаго преступника, но всѣ эти застрачиванія ни къ чему не привели: Т. Михайловъ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ среди рабочихъ, особенно среди котельщиковъ, настолько конечно своими знаніями, сколько своею честностью, преданностью рабочему дѣлу и чувствомъ товарищества. Много разъ онъ являлся защитникомъ обиженныхъ рабочихъ, заступаясь за нихъ, борясь съ грубой и несправедливой заводскою администраціей. Послѣдняя прекрасно знала смѣлаго и рѣ-

шительнаго Михайлова. Теперь она охотно пошла навстрѣчу жандармскому сыску. Появились и добровольные шпионы-мастера. Въ старомъ арсеналѣ одинъ изъ такихъ добровольцевъ, подсмотрѣвъ, какъ рабочій читаетъ другимъ прокламацію въ мастерской, донесъ куда слѣдуетъ. Рабочаго арестовали, но другой отомстилъ доносчику, избивъ его на другой же день до такой степени, что мастеръ слегъ въ постель. Полиція не дремала. Послѣдовали новые аресты. Лучшихъ рабочихъ выхватили, двоимъ же другимъ пришлось скрыться. Шпионы рыскали по заводамъ и кое-гдѣ напали на новыя слѣды: въ Коломенскомъ районѣ была арестована небольшая сходка: здѣсь взяли рабочихъ съ завода Берда, Путиловскаго, и Балтійскаго. За исключеніемъ одного все это были еще малосознательные люди. Обыски, аресты продолжались въпродолженіе всей весны 81 года. Шпионство росло съ невѣроятной быстротой, затрудняя пропаганду и агитацію. Ожидался судъ надъ первомартовцами. Знавшіе Т. Михайлова, Желябова и Перовскую поговаривали объ ихъ освобожденіи. Нѣкоторые надежды возлагались на военную организацію, на офицеровъ. Но это была мечта. Подсудимыхъ во время процесса держали подъ сильнымъ конвоемъ. Послѣ суда появилась прокламація, которая произвела сильное впечатлѣніе. Былъ казненъ Т. Михайловъ, котораго знали на многихъ заводахъ, А. Желябовъ, извѣстный среди рабочихъ подъ именемъ Тараса. Чувство негодованія крѣпло, требовало мести. Ожидали расплаты за все это, и чтобы не быть застигнутыми върасплохъ, рабочіе энергичнѣе повели пропаганду. Въ началѣ мая уже были организованы довольно многочисленныя группы—на Обуховскомъ, Чугунномъ, Семянниковскомъ, Балтійскомъ заводахъ, у Нобеля, Фридланда, Голубева, Леснера, за Невскою заставой, на Варшавской желѣзной дорогѣ, у Берда и на другихъ. Во многихъ мѣстахъ завели своихъ дворниковъ, которые предупреждали рабочихъ о шпионахъ, о слѣжкѣ и даже арестахъ, передавали паспорта. Явилась потребность перенести пропаганду въ другіе города. Нелегальные интеллигенты, посѣщавшіе рабочихъ подъ разными кличками, поддерживали приподнятое настроеніе. Особенной популярностью пользовались «Сидорычъ», Андрей Петровичъ, «Сеня», Ивановскій, Василій Максимычъ и друг., теперь уже сошедшіе въ могилу. Нѣкоторые были черно-передѣльцы, потомъ примкнувшіе къ организаціи Нар. Воли. Рабочіе наиболѣе развитые не обращали вниманія на ихъ теоретическія разногласія, одинаково принимали какъ тѣхъ, такъ и другихъ, лишь бы они занимались съ рабочими, доставляли революціонную литературу. Но по мѣрѣ того, какъ пропаганда стала расширяться, она захватывала и слабый элементъ, который скazyвался при арестахъ. Арестовали нѣсколько кружковъ, и для Судейкина, Янковскаго и др. сдѣлалось яснымъ, что петербургскіе рабочіе «заражены крамолой». Они пустили въ ходъ все: деньги, угрозы, провокацію. Вотъ что рассказывалъ рабочій Н., выпущенный на свободу послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заклю-

ченія. При арестѣ у него ничего не было найдено, тѣмъ не менѣе Судейкинъ обратилъ на него особенное вниманіе. Онъ постоянно присутствовалъ на допросахъ и, замѣтивъ, что такіе допросы не даютъ никакихъ результатовъ, сталъ вызывать Н. на личные собесѣдованія.

— Послушайте,—обращается Судейкинъ къ Н.,—вы напрасно скрываете, притворяетесь. Намъ все извѣстно. Вы въ нашихъ рукахъ.

— Если извѣстно все, что же вы хотите отъ меня? Зачѣмъ грозите? Дѣлайте, что хотите. Я самъ знаю, что въ вашихъ рукахъ,—отвѣчалъ ему рабочій.

— И сдѣлаемъ, если будете такъ упорствовать. Вамъ же будетъ хуже. А мы этого не желаемъ. Вы смотрите на насъ, какъ на вашихъ враговъ. Знаемъ кто научилъ васъ этому. Эти динамитчики, эти что съ кинжалами и револьверами гоняются за людьми. Не вѣрьте имъ. Я не хочу этимъ сказать, что всѣ они плохіе люди. Нѣтъ. И между народовольцами есть фанатики, есть и фантазеры и честолюбцы. Но всѣ они влекутъ васъ къ гибели. Они говорятъ вамъ, что борятся за васъ—за рабочій народъ. А развѣ рабочимъ нужны бомбы, кинжалы, револьверы? Рабочимъ нуженъ хорошій заработокъ, удобная квартира, здоровыя мастерскія. Дѣлаютъ ли что нибудь для этого ваши террористы? Видите, мы хорошо знаемъ нужды рабочихъ, знаемъ не хуже вашихъ социалистовъ. Мы сами социалисты, но социалисты мирные. Мы преслѣдуемъ только за бомбы, револьверы и кинжалы и будемъ преслѣдовать безъ всякой пощады. У насъ есть и тюрьмы, и Сибирь, и висѣлица.

— Ничего не понимаю, о чемъ вы говорите,—отвѣчалъ ему рабочій:—никакихъ бомбъ и револьверовъ не было у меня. За что же держите уже 7 мѣсяцевъ? Тамъ у меня мать и сестра остались, можетъ быть голодаютъ.

— Вамъ нужны деньги?—предупредительно и ласково спросилъ Судейкинъ:—мы можемъ вамъ помочь. Сколько вамъ?

И ехидный обольститель вынулъ изъ большого портмонэ новыя бумажки.

— Мнѣ не нужно денегъ... я не работаю.

— Потомъ заработаете, заслужите и получите еще. Сколько вамъ? Не стѣсняйтесь—уже навязывалъ Судейкинъ.

— Я не писарь, не могу у васъ служить.

— О, да вы умѣете хорошо притворяться! Да!—перемѣнивъ тонъ, перебилъ Судейкинъ.

— Какая злость разбирала меня въ это время. Если бы мы сидѣли рядомъ, если бы у дверей не было жандармовъ, я бы бросился и загрызъ его зубами,—признавался Н.

Судейкинъ, зная до чего онъ могъ своимъ поведеніемъ довести человѣка, имѣлъ обыкновеніе садиться на противоположной сторонѣ длиннаго стола, чтобы не получить пощечину, а у дверей

ставилъ жандармовъ, готовыхъ ворваться въ таинственную пріемную въ одинъ мигъ и спасти своего начальника.

— Никогда я еще не ненавидѣлъ такъ полицію, никогда не имѣлъ желанія убивать, а тогда, о какъ бы я его убилъ, не моргнулъ бы. Шаромыжникъ! раскудахтался, расхвастался, что заботится о рабочихъ. Распинался, вралъ, что преслѣдуетъ только за бомбы. А за что меня морилъ въ тюрьмѣ почти годъ? Чему училъ, деньгами прельщалъ? Чтобы я на заводѣ подслушивалъ разговоры мастеровыхъ и доносилъ ему; чтобы торговалъ, продавая своихъ товарищей. Продажная, проклятая его душа, хотѣлъ изъ меня Гуду сдѣлать. Нѣтъ, будь онъ проклятъ со своими деньгами и дѣлами. Какъ сладко распинался за насъ рабочихъ. А какъ мучилъ мою мать и сестру, когда просили у него свиданія со мною? Сколько разъ говорилъ онъ имъ, что меня повѣсятъ или сошлютъ на каторгу, обрѣютъ, закуютъ въ цѣпи. Все то вралъ, чтобъ мать довести до слезъ, чтобы она меня склонила на его приманку. Нашелъ дуру, какъ разъ такъ вотъ и подда-лась. Грозилъ, грозилъ, сманивалъ, сманивалъ да носъ и получилъ. Выпустилъ, ничего не добился. Теперь я ихъ жандармскіе подвохи знаю. Зарубите, ребята, себѣ на носу про случай.

Выпуская на свободу такихъ несговорчивыхъ рабочихъ, Судейкинъ и Янковскій прибѣгали къ жестокимъ средствамъ, чтобы сломить упорство: они назначали строгій негласный надзоръ за такими упорными; шпионы преслѣдовали ихъ по пятамъ, а по заводамъ дѣлали распоряженіе—«не принимать». Можно представить себѣ положеніе такихъ рабочихъ. Являются они на прежніе заводы—имъ отказываютъ. Ищутъ мѣсто на другимъ, пристраиваются, сдаютъ пробную работу, и снова получаютъ отказъ, не подозрѣвая, что все это продѣлки этихъ благодѣтелей, Судейкина и Янковскаго. Выѣхать изъ Петербурга денегъ нѣтъ, оставаться—нигдѣ не дадутъ работать. Такими пріемами они доводили нѣкоторыхъ рабочихъ до отчаянія, а слабыхъ и малосознательныхъ до предательства.

Янковскій былъ помощникъ Судейкина. Во время разъѣздовъ послѣдняго занималъ его мѣсто, нисколько не уступая своему начальнику ни въ жестокости, ни въ хитрости, ни въ безстыдствѣ. Онъ какъ и самъ Судейкинъ то запугивалъ рабочихъ, то соблазнялъ деньгами и распинался въ томъ, что всѣ усилія дѣлаетъ, чтобы улучшить положеніе рабочихъ; то клеветалъ одному на другого, что тотъ-то откровенно ему признался и все рассказывалъ,—словомъ, какъ и Судейкинъ, всѣми способами развращалъ и мучилъ рабочихъ, называя себя въ то же время мирнымъ социалистомъ. Самая фizioномія Янковскаго съ перваго же взгляда отталкивала и корбила. Бѣлобрысый, юркій какъ змѣя. Глаза какіе то стеклянные, злые и холодные, такъ и прыгаютъ, точно онъ что нибудь укралъ или сдѣлалъ такое, за что быть по фizioноміи. Янковскій страшно не любилъ евреевъ и поляковъ. Сдѣлавшись потомъ житомирскимъ губернаторомъ, проявилъ эту злобу

къ нимъ въ жестокихъ преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ на евреевъ и поляковъ. Обитатели Житомира должны хорошо помнить этого господина.

Такими средствами они надѣялись сломить упорство непокорныхъ. Но достигли обратнаго: рабочіе озлоблялись, передавали свое раздраженіе товарищамъ. Нравственный развратъ, посябанный Судейкинымъ, не помогъ ему, хотя сильно связывалъ руки рабочимъ; зарождалось какое то недовѣріе. «Прямо не знаешь, что дѣлать. Идешь къ своему, а смотришь—онъ проданъ», говорили нѣкоторые рабочіе, которымъ чаще приходилось бѣгать по заводамъ, разносить литературу, созывать на сходки: «тотъ сидитъ безъ работы и пьянствуетъ, мотаетъ деньги. Откуда онъ? Разумѣется изъ секретнаго отдѣленія: другой обзавелся новымъ дорогимъ костюмомъ, а недѣлю назадъ сидѣлъ безъ сапогъ и въ рваныхъ брюкахъ. Надо слѣдить за ребятами—стоитъ двухъ-трехъ проучить, другіе сами перестанутъ». На Балтійскомъ и Семяниковскомъ заводахъ образовались группы рабочихъ, задавшихся цѣлью выслѣживать, откуда берутся эти средства. Эти выслѣживанія доходили до курьезовъ. Тотъ же рабочій Н., слѣдя какъ-то за однимъ изъ своихъ старыхъ пріятелей, довелъ его до Гороховой и тутъ увидаль другого, съ которымъ подозрѣваемый встрѣтился. Оба отправились въ секретное отдѣленіе, т. е. къ Судейкину. Зная квартиру перваго, онъ цѣлый день простерегъ его на углу и такъ угостилъ, что тотъ на другой же день покинулъ столицу. Куда онъ дѣвался—такъ никто и не зналъ. Другого же завелъ въ портерную, подпоилъ и вынудилъ признаться.

— Грѣшенъ, отвѣтилъ тотъ: взялъ 25 руб. тамъ, но, клянусь, никого не указалъ.

— Иуда! Если ты еще разъ пойдешь туда, то и не вернешься. Самъ пропаду, но тебя достану. А не я, такъ другой. Въдь за всѣми вами, подлыми душами, мы смотримъ, каждый шагъ вашъ знаемъ,—пригрозилъ ему Н.

И этотъ рабочій покинулъ Петербургъ, давъ обѣщаніе оставить всякія дѣла и революціонныя, и шпіонскія.

Н. былъ вообще удалой, энергичный и предпріимчивый паренъ, человекъ смѣлый до безумія. На такихъ малодушныхъ онъ прямо наводилъ ужасъ и мѣсяца черезъ два совершенно очистилъ Балтійскій заводъ отъ предателей. Но не вездѣ такъ легко удавалось открыть и освободиться отъ продажныхъ товарищей. Пропаганда опять приняла болѣе скрытный характеръ. Тогда жандармы пустили въ ходъ провокацію. Съ юга явился рабочій Преймъ, которому въ Ростовѣ грозила уголовная кара: онъ укралъ мѣдные подшивники съ цѣлаго поѣзда и продалъ ихъ, а самъ скрылся. Не знаю, былъ ли онъ когда въ ростовскомъ кружкѣ чернопередѣльцевъ, но, пріѣхавъ въ Петербургъ, сошелся съ рабочимъ Сусловымъ, жившимъ на содержаніи у Судейкина. Тотъ познакомилъ его съ послѣднимъ, и договоръ былъ заключенъ. Сусловъ же ввелъ его въ одинъ изъ рабочихъ кружковъ,

отрекомендовавъ какъ стараго пріятеля, ловкаго, энергичнаго. Преймъ дѣйствительно былъ ловокъ, что подтверждается продажей подшинниковъ и пронырливостью, съ которой онъ проникалъ всюду, но у него не хватало выдержки. Деньги, получаемыя отъ Судейкина, онъ транжирилъ и пропивалъ, что не могло не вызвать подозрѣній. Замыселъ его былъ—по возможности познаться со всѣми передовыми рабочими и сразу всѣхъ выдать. Поэтому онъ сначала никого не выдавалъ, но старательно вель развѣдки, пользуясь неопытностью малосознательныхъ. Черезъ нихъ онъ узналъ о рабочихъ сходкахъ, которыя происходили за городомъ. Ему хотѣлось попасть на эти сходки, но не удавалось. Многіе прямо говорили, что онъ предатель, и требовали его устранения. Другіе же, наоборотъ, защищали его, указывая на то, что явныхъ уликъ нѣтъ никакихъ, а есть только подозрѣнія. Если бы онъ былъ предателемъ, съ нимъ бы не поддерживали сношеній ни Егорычъ, ни Петровичъ, говорили они (послѣдніе два—нелегальные интеллигенты). Но какъ бы то ни было, отношеніе къ Прейму измѣнилось.

Онъ и самъ сталъ замѣчать недовѣріе. Иногда куда то пропадалъ, но выдавать еще не рѣшался: ему хотѣлось завести какъ можно болѣе широкое знакомство на всѣхъ заводахъ и однимъ ударомъ уничтожить все. Но вышло иное. Въ одномъ изъ трактировъ онъ провалилъ двухъ интеллигентовъ и тѣмъ выдалъ себя. Среди рабочихъ носился слухъ, что Судейкинъ представлялъ его Александру III, которому онъ будто-бы далъ слово вывести всю крамолу среди рабочихъ. Негодованіе противъ такого провокатора было ужасное. Онъ чувствовалъ это и нѣкоторое время никуда не показывался. Эту предательскую особу всегда охраняли два или три шпиона. Наконецъ онъ вновь явился: ему захотѣлось новыхъ знакомствъ, которыя уже были приготовлены во многихъ мѣстахъ съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ онъ никогда не возвратился. 29 іюня, во время гулянья на Смоленскомъ кладбищѣ, уже валялся его трупъ, обнаруженный только на другой день. При немъ была найдена записка съ перечисленіемъ фамилій тѣхъ рабочихъ, которыхъ онъ собирался продать. По этому списку произвели аресты и совершенно разгромили нѣкоторые кружки. Сусловъ исчезъ, боясь участи Прейма. Судейкинъ снова возвратился къ прежнему средству—развращать рабочихъ деньгами. Онъ арестовывалъ «зеленыхъ», награждалъ ихъ деньгами, увѣрялъ, что онъ все же социалистъ, но что онъ жестоко будетъ преслѣдовать терроръ, что терроръ только вредитъ рабочему дѣлу, и быстро выпускалъ ихъ на волю. Эта тактика была ужъ не нова,—какъ она напоминаетъ зубатовщину!—передовые кружки не боялись ея, но она тормозила дѣло; миролюбивый элементъ сводилъ свою работу на культуртрегерство, побывавшіе въ рукахъ Судейкина внушали недовѣріе. Стали поговаривать о томъ, какъ бы самого Судейкина отправить къ Прейму. Наконецъ въ іюлѣ 81 г. было выпущено изъ предварилки нѣ-

сколько дѣятельныхъ рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, Р., взялъ на себя эту роль. Планъ былъ такой, что онъ общаніями будетъ поддерживать сношенія съ Судейкинымъ и Янковскимъ и добьется у нихъ свиданія не въ секретномъ отдѣленіи, а на улицѣ. Игра была слишкомъ рискованная для такого молодого юноши, какъ Р. Ему было всего 19 л., но умный, энергичный и рѣшительный, пользовавшійся въ то время извѣстностью, онъ настаивалъ на своемъ планѣ, о которомъ знало всего нѣсколько лицъ. Насколько тактика Судейкина всѣхъ волновала, видно изъ того, что такую же дѣлю, какъ и Р., задался еще другой кружокъ. Пропаганда могла идти гораздо успѣшнѣе, если бы не мѣшали Судейкинъ и Янковскій, вносившіе развратъ въ рабочую среду. Нелегальной литературы для рабочихъ прибавилось.

Чернопередѣльцы въ нѣсколько мѣсяцевъ выпустили нѣсколько номеровъ «Зерна». Появились новые интеллигенты; посѣщенія ихъ сдѣлались чаще. Чаще устраивались рабочія сходки, на которыхъ они выясняли рабочимъ ихъ положеніе, призывали къ дружной, непрестанной борьбѣ. Рѣчи Теллалова особенно нравились рабочимъ; онъ говорилъ всегда горячо, просто и коротко. Каждое слово его жгло рабочихъ, будило энергію. Въ это время были и другіе, но общимъ любимцемъ оставался Теллаловъ. Не даромъ чернопередѣльцы обвиняли его въ томъ, что онъ привлекъ въ ряды Народной Воли самыхъ видныхъ членовъ ихъ партіи.

Многіе рабочіе понимали, что уже въ то время обѣ организациі работали совмѣстно. Народовольцы часто передавали рабочіе кружки чернопередѣльцамъ, приносили чернопередѣльческую нелегальную литературу. Съ ней уже не обращались такъ бережливо и скупю, какъ прежде, но щедро раздавали повсюду. На нѣкоторыхъ заводахъ ее расклеивали или разбрасывали по инструментальнымъ ящикамъ въ мастерскихъ. Неутомимый Судейкинъ и это обстоятельство не оставилъ безъ вниманія. Онъ насовывалъ своихъ шпионовъ почти во всѣхъ заводахъ. Одинъ изъ нихъ, обнаружившій особенную энергію и ловкость, исчезъ навсегда и для своего начальника, и для рабочихъ; надъ головой другого пролетѣлъ громадный камень и заставилъ прятаться отъ рабочихъ. Хитрый жандармъ повидимому и самъ не особенно надѣялся на своихъ уличныхъ слугъ, его главные сподвижники были предатели и провокаторы. Р. игралъ съ нимъ въ темную и раздражалъ. Изъ трусости, или по какому другимъ причинамъ, Судейкинъ передалъ дѣло съ Р. Янковскому. Тотъ повелъ дѣло круто, прямо далъ понять Р., что тотъ строить ловушку. Нервы Р. не вынесли. Онъ собрался уѣхать, но вмѣсто того отправился къ Янковскому и бросился на него съ ножомъ. Янковскій отскочилъ за столъ. Ворвались его слуги. Р. выбросился изъ окна со второго этажа и сломалъ себѣ позвоночный столбъ.

Жандармы воспользовались безсознательнымъ состояніемъ Р., который будто бы указалъ на скрытый трупъ шпиона въ ретирадѣ дома, гдѣ квартировалъ его товарищъ. Бросились туда,

перерыли весь ретирадъ, дворъ, но ничего преступнаго не нашли и всетаки привлекли было этого товарища, но онъ благополучно ускользнулъ изъ ихъ рукъ. Другая группа тоже жестоко поплатилась. Трое рабочихъ были арестованы и обвинялись въ замыслѣ на жизнь Судейкина и Янковскаго. Доказательства формальныхъ не было, но ихъ содержали такъ строго, что одинъ изъ нихъ, И. Самострѣловъ, сошелъ съ ума черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Многимъ рабочимъ пришлось выѣхать изъ Петербурга, частью для заведенія связей съ другими городами, частью—чтобы не попасть въ руки жандармовъ. Въ Москву перебрался нѣкто Степанъ Бѣловъ, рабочій изъ Стараго арсенала, оказавшійся потомъ предателемъ и провокаторомъ.

Въ Москвѣ онъ очень ловко выдалъ чернопредѣльца Яковенко и др., затѣмъ провалилъ Буланова съ товарищами.

Въ то время, когда Петербургъ кипѣлъ революціонной жизнью, Москва какъ то дремала. Нѣсколько мѣсяцевъ здѣсь работалъ С. Халтуринъ. Онъ завелъ знакомство съ рабочими на Комиссаровскомъ заводѣ и въ мастерскихъ курской ж. д. По пріѣздѣ Желвакова въ Москву, онъ вмѣстѣ съ нимъ отправился на югъ, предложивъ революціонерамъ обратить вниманіе на Москву. Нѣсколько лѣтъ московскіе рабочіе были предоставлены самимъ себѣ. Главнымъ образомъ работа здѣсь велась среди студенчества. Не знаю, чѣмъ это объяснить, но теперь было рѣшено поставить здѣсь рабочее дѣло такъ же, какъ и въ Петербургѣ. Передъ отъѣздомъ Халтурина сюда были вызваны рабочіе съ юга и съ сѣвера. Двое изъ послѣднихъ скоро пристроились на заводахъ. Надо оговориться, что московскіе рабочіе того времени во многомъ уступали петербургскимъ: они были менѣе развиты, съ меньшимъ чувствомъ собственного достоинства держали себя съ администраціей и хозяевами, меньше зарабатывали. Петербургскіе рабочіе если не каждый день, то хоть въ праздники читали газеты, у московскихъ же любимымъ препровожденіемъ времени было чаепитіе въ трактирахъ, да и безграмотныхъ здѣсь было гораздо больше, чѣмъ въ Петербургѣ. Кромѣ того, московскіе рабочіе отличались крайней неподвижностью, громадное большинство изъ нихъ нигдѣ, кромѣ Москвы, не бывало. Впрочемъ это послѣднее обстоятельство облегчало работу. Всякіе рассказы о томъ, какъ живутъ рабочіе въ другихъ городахъ, привлекали ихъ вниманіе, и пріѣзжій новичекъ дѣлался чуть ли не героемъ.

Въ 81 году, зимою, рабочему П. удалось поступить на маленькій заводъ Беккера, гдѣ работали почти одни подмосковные крестьяне. Сѣверный новичекъ рассказалъ имъ о жизни петербургскихъ рабочихъ.

— А вотъ у насъ совсѣмъ не такъ. Нашихъ иногда хозяинъ колотить, и всѣ молчать—боятся.

— А въ Питерѣ за это свои сживутъ съ завода. Тамъ ра-

сколько дѣятельныхъ рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, Р., взялъ на себя эту роль. Планъ былъ такой, что онъ общаніями будетъ поддерживать сношенія съ Судейкинымъ и Янковскимъ и добьется у нихъ свиданія не въ секретномъ отдѣленіи, а на улицѣ. Игра была слишкомъ рискованная для такого молодого юноши, какъ Р. Ему было всего 19 л., но умный, энергичный и рѣшительный, пользовавшійся въ то время извѣстностью, онъ настаивалъ на своемъ планѣ, о которомъ знало всего нѣсколько лицъ. Насколько тактика Судейкина всѣхъ волновала, видно изъ того, что такую же цѣлью, какъ и Р., задался еще другой кружокъ. Пропаганда могла идти гораздо успѣшнѣе, если бы не мѣшали Судейкинъ и Янковскій, вносившіе развратъ въ рабочую среду. Нелегальной литературы для рабочихъ прибавилось.

Чернопередѣльцы въ нѣсколько мѣсяцевъ выпустили нѣсколько номеровъ «Зерна». Появились новые интеллигенты; посѣщенія ихъ сдѣлались чаще. Чаще устраивались рабочія сходки, на которыхъ они выясняли рабочимъ ихъ положеніе, призывали къ дружной, непрестанной борьбѣ. Рѣчи Теллалова особенно нравились рабочимъ; онъ говорилъ всегда горячо, просто и коротко. Каждое слово его жгло рабочихъ, будило энергію. Въ это время были и другіе, но общимъ любимцемъ оставался Теллаловъ. Не даромъ чернопередѣльцы обвиняли его въ томъ, что онъ привлекъ въ ряды Народной Воли самыхъ видныхъ членовъ ихъ партіи.

Многіе рабочіе понимали, что уже въ то время обѣ организаціи работали совместно. Народолюбцы часто передавали рабочіе кружки чернопередѣльцамъ, приносили чернопередѣльческую нелегальную литературу. Съ ней уже не обращались такъ бережливо и скупно, какъ прежде, но щедро раздавали повсюду. На нѣкоторыхъ заводахъ ее расклеивали или разбрасывали по инструментальнымъ ящикамъ въ мастерскихъ. Неутомимый Судейкинъ и это обстоятельство не оставилъ безъ вниманія. Онъ насовывалъ своихъ шпионовъ почти во всѣхъ заводахъ. Одинъ изъ нихъ, обнаружившій особенную энергію и ловкость, исчезъ навсегда и для своего начальника, и для рабочихъ; надъ головой другого пролетѣлъ громадный камень и заставилъ прятаться отъ рабочихъ. Хитрый жандармъ повидимому и самъ не особенно надѣялся на своихъ уличныхъ слугъ, его главные сподвижники были предатели и провокаторы. Р. игралъ съ нимъ въ темную и раздражалъ. Изъ трусости, или по какимъ другимъ причинамъ, Судейкинъ передалъ дѣло съ Р. Янковскому. Тотъ повелъ дѣло круто, прямо далъ понять Р., что тотъ строить ловушку. Нервы Р. не вынесли. Онъ собрался уѣхать, но вмѣсто того отправился къ Янковскому и бросился на него съ ножомъ. Янковскій отскочилъ за столъ. Ворвались его слуги. Р. выбросился изъ окна со второго этажа и сломалъ себѣ позвоночный столбъ.

Жандармы воспользовались безсознательнымъ состояніемъ Р., который будто бы указалъ на скрытый трупъ шпиона въ ретирадѣ дома, гдѣ квартировалъ его товарищъ. Бросились туда,

перерыли весь ретирадъ, дворъ, но ничего преступнаго не нашли и всетаки привлекли было этого товарища, но онъ благополучно ускользнулъ изъ ихъ рукъ. Другая группа тоже жестоко поплатилась. Трое рабочихъ были арестованы и обвинялись въ замыслѣ на жизнь Судейкина и Янковскаго. Доказательствъ формальныхъ не было, но ихъ содержали такъ строго, что одинъ изъ нихъ, И. Самострѣловъ, сошелъ съ ума черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Многимъ рабочимъ пришлось выѣхать изъ Петербурга, частью для заведенія связей съ другими городами, частью—чтобы не попасть въ руки жандармовъ. Въ Москву перебрался нѣкто Степанъ Бѣловъ, рабочій изъ Стараго арсенала, оказавшійся потомъ предателемъ и провокаторомъ.

Въ Москвѣ онъ очень ловко выдалъ чернопередѣльца Яковенко и др. затѣмъ провалилъ Буланова съ товарищами.

Въ то время, когда Петербургъ кипѣлъ революціонной жизнью, Москва какъ то дремала. Нѣсколько мѣсяцевъ здѣсь работалъ С. Халтуринъ. Онъ завелъ знакомство съ рабочими на Комиссаровскомъ заводѣ и въ мастерскихъ курской ж. д. По пріѣздѣ Желвакова въ Москву, онъ вмѣстѣ съ нимъ отправился на югъ, предложивъ революціонерамъ обратить вниманіе на Москву. Нѣсколько лѣтъ московскіе рабочіе были предоставлены самимъ себѣ. Главнымъ образомъ работа здѣсь велась среди студенчества. Не знаю, чѣмъ это объяснить, но теперь было рѣшено поставить здѣсь рабочее дѣло такъ же, какъ и въ Петербургѣ. Передъ отъѣздомъ Халтурина сюда были вызваны рабочіе съ юга и съ сѣвера. Двое изъ послѣднихъ скоро пристроились на заводахъ. Надо оговориться, что московскіе рабочіе того времени во многомъ уступали петербургскимъ: они были менѣ развиты, съ меньшимъ чувствомъ собственного достоинства держали себя съ администраціей и хозяевами, меньше зарабатывали. Петербургскіе рабочіе если не каждый день, то хоть въ праздники читали газеты, у московскихъ же любимымъ препровожденіемъ времени было чаепитіе въ трактирахъ, да и безграмотныхъ здѣсь было гораздо больше, чѣмъ въ Петербургѣ. Кромѣ того, московскіе рабочіе отличались крайней неподвижностью, громадное большинство изъ нихъ нигдѣ, кромѣ Москвы, не бывало. Впрочемъ это послѣднее обстоятельство облегчало работу. Всякіе рассказы о томъ, какъ живутъ рабочіе въ другихъ городахъ, привлекали ихъ вниманіе, и пріѣзжій новичекъ дѣлался чуть ли не героемъ.

Въ 81 году, зимою, рабочему П. удалось поступить на маленькій заводъ Беккера, гдѣ работали почти одни подмосковные крестьяне. Сѣверный новичекъ рассказалъ имъ о жизни петербургскихъ рабочихъ.

— А вотъ у насъ совсѣмъ не такъ. Нашихъ иногда хозяинъ колотить, и всѣ молчать—боятся.

— А въ Питерѣ за это свои сживутъ съ завода. Тамъ ра-

бочіе бють хозяевъ. Мало имъ того, что на нихъ работаешь, да еще бить. Это позоръ. Сами виноваты. Что, стыдно?

— Мы ничего не знаемъ, нигдѣ не бывали.

— Не въ этомъ дѣло. Надо помнить, что ты человѣкъ, и никто не смѣетъ тобой помыкать. Насъ много, мы—сила! Только надо поменьше пьянствовать, да дружище стоять другъ за друга. Соединиться со всеѣми рабочими другихъ фабрикъ и заводовъ... Вы вотъ познакомьте-ка меня въ праздникъ со своими пріятелями, тогда дѣло пойдетъ.

— Что жъ, можно...

Въ ближайшее же воскресенье его повели на Бромлеевскій заводъ, къ Гоперу, Доброву и другимъ. По московской привычкѣ знакомились въ трактирѣ, за чаемъ. Удалось намѣтить наиболѣе подходящихъ лицъ, съ которыми въ слѣдующій праздникъ поговорить откровеннѣе, и вотъ связи завязаны, пошла работа, намѣченные лица уже сами повели агитацію. Явилось желаніе читать, бесѣдовать о положеніи рабочаго люда, явилось желаніе улучшить это положеніе. А отъ экономическихъ вопросовъ до политическихъ одинъ шагъ, который сдѣлать не трудно. Работа пошла противъ ожиданія чрезвычайно быстро, чувствовался только недостатокъ въ нелегальной литературѣ. Въ это время былъ выпущенъ № 2 *Рабочей Газеты*, но и то въ небольшомъ количествѣ. Приходилось пользоваться исключительно легальной литературой. Къ концу февраля здѣсь уже были организованы рабочіе кружки: на заводѣ Беккера, на прохоровской мануфактурѣ, въ мастерскихъ московско-смоленской ж. д., на заводѣ Доброва, Бромлея, заведены связи во многихъ другихъ мастерскихъ, на заводѣ Лигардта и на фабрикѣ роялей. Рабочіе завода Бромлея не ограничивались одной пропагандой, они наказывали своихъ мастеровъ, колотили ихъ за грубое обращение.

Интересно отмѣтить, насколько московскіе рабочіе стояли въ сторонѣ почти съ 78 г. Одинъ изъ пріѣзжихъ рабочихъ революціонеровъ наткнулся на цѣлую группу рабочихъ на смоленской ж. д., сохранившуюся еще со времени процесса 50-ти. Они говорили, что съ того времени не имѣли никакихъ революціонныхъ связей, не читали ни одного революціоннаго изданія и знали о существованіи организацій только по легальнымъ газетамъ и тѣмъ фактамъ, которыми заявлялъ о себѣ Исп. Ком. Когда ихъ спрашивали, дѣлали ли они что либо за это время, отвѣчали—ничего, потому что чувствовали себя оторванными. На другихъ заводахъ встрѣчались тоже такіе отдѣльные лица, которыя охотно присоединялись къ рабочимъ кружкамъ. Въ Москвѣ существовала сапожная мастерская, переведенная съ юга чернопередеѣльцами. Организована она была по старому шаблону; въ ней было только трое: двое уже сознательныхъ, а третій новичекъ. Изъ него они должны были воспитать революціонера. Днемъ всѣ работали вмѣстѣ сапоги, а по вечерамъ чи-

тали, бесѣдовали. Такой способъ пропаганды оказался никуда не годнымъ, не стоилъ труда. Сидѣть двоимъ надъ однимъ было уже слишкомъ бесплодно. Кромѣ того вести пропаганду среди ремесленниковъ того времени было дѣло чрезвычайно трудное, дававшее къ тому же ничтожные результаты. Не говоря уже объ умственномъ и нравственномъ уровнѣ ремесленниковъ, но главное у нихъ не замѣчалось и настроенія, котораго и быть не могло благодаря тому, что они живутъ, и работаютъ въ маленькихъ мастерскихъ съ пятью-шестью рабочими, всегда на глазахъ у хозяина. Ихъ рабочій день отъ 14 до 15 часовъ. Какой же можетъ быть интересъ къ революціи. Правда, встрѣчались отдѣльныя личности, но черезчуръ рѣдко. Сапожная мастерская быстро разстроилась, просуществовавъ мѣсяца 2 и завербовавъ только одного человѣка.

Въ началѣ февраля 82 г. въ Москвѣ начались провалы среди нелегальныхъ интеллигентовъ. Новое предательство рабочаго Степана Бѣлова. Были арестованы: Юрій Богдановичъ, Златопольскій, А. Булановъ и др. Оставшіеся разѣхались, за исключеніемъ немногихъ, но и тѣ нѣкоторое время не показывались. За рабочими Мартыновымъ и П. стали слѣдить. Необходимо было скрыться, передавъ рабочихъ кому-либо изъ интеллигентовъ. Между нѣкоторыми рабочими и уцѣлѣвшими интеллигентами возникло недоразумѣніе. Первые упрекали послѣднихъ въ томъ, что тѣ мало удѣляли времени на занятія съ рабочими. Рѣшили обратиться къ петербургской организаціи, но дѣло скоро уладилось: рабочіе узнали причину невниманія—это аресты. Какъ разъ выхватили тѣхъ, которые брали на себя роль руководителей рабочихъ. Успѣвшіе скрыться переселились въ другіе города, въ виду того, что рабочій Степанъ Бѣловъ былъ заподозрѣнъ въ предательствѣ. Переселившись въ Москву, онъ жилъ здѣсь нелегально, на заводѣ работать никуда не поступилъ, ссылаясь на то, что сейчасъ же провалится, такъ какъ Романовъ его знаетъ и навѣрно укажетъ. Чтобы прикрыть свое предательство, онъ все сваливалъ на Р., который въ то время содержался въ С.П. Литовскомъ замкѣ, въ больницѣ, куда къ нему ходилъ непричастный ни къ какому дѣлу землякъ. Если-бы Р. выдалъ, то въ Москвѣ были-бы арестованы другія лица, но арестовывали не ихъ. Кромѣ того, Бѣловъ велъ безобразную жизнь: пьянствовалъ, особенно въ концѣ января, завелъ «темную» знакомства и тратилъ массу денегъ. Разъ на столѣ его комнаты была найдена записка со счетомъ на 450 рублей. Для рабочихъ, близко знающихъ Бѣлова, было ясно, что, сидя въ предварилкѣ, онъ сошелся съ Судейкинымъ и Янковскимъ и поступилъ къ нимъ на содержаніе. Эти рабочіе обратились къ нелегальнымъ. Но тѣ сочли приведенныя доказательства недостаточными и предложили удалить Бѣлова, отъ кружковъ. Тотъ догадался. Немедленно рѣшилъ переѣхать въ Питеръ; за нимъ отправились двое рабочихъ, но тамъ къ нимъ отнеслись такъ же, какъ и въ Москвѣ:

Бѣлова не признали предателемъ, хотя нашли нужнымъ совершенно изолировать. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ предположеніе подтвердилось: одинъ изъ подвыпившихъ жандармскихъ офицеровъ похвастался на вечерѣ, сказавъ, что хотя и убили С. Прейма, но у нихъ есть другой—Степанъ Бѣловъ. Послѣдній, потерявъ всѣ связи въ Питерѣ, куда то исчезъ; говорятъ его встрѣчали на югѣ, но уже не у дѣлъ.

Жизнь юга въ 82—83 г. нѣсколько отличалась отъ жизни сѣвера. Въ Харьковѣ существовало два теченія: чернопередѣльческое и народовольческое. Это разграниченіе сказывалось и на рабочихъ. Народовольцы имѣли свой кружокъ на желѣзной дорогѣ и въ Полтавѣ. Чернопредѣльцы—на мелкихъ заводахъ. Крупныхъ заводовъ въ Харьковѣ не было. Здѣсь отношенія чернопредѣльцевъ къ народовольцамъ не были такъ миролюбивы, какъ въ СПб. Одному изъ членовъ рабочей организаціи пришлось натолкнуться на такой случай. Однажды въ обѣденное время онъ велъ разговоръ съ новыми рабочими на тему о программахъ. Подходить пожилой строгальщикъ, прислушивается и вдругъ прерываетъ. «А развѣ вы не знаете, что народовольцы силою заставляютъ своихъ членовъ идти на террористическія предпріятія!...» «Какой жандармъ или глупецъ сказалъ вамъ это — прерываетъ его другой — развѣ, напримѣръ, тебя можно силою послать на такое дѣло?» «Мнѣ такъ говорили люди знающіе» — возражаетъ строгальщикъ. «Да, дѣйствительно свѣдущіе, но мало знающіе, — нападаютъ на него многіе, — жандармы то же говорятъ всѣмъ». «Отъ нихъ—я самъ слышалъ», прибавляетъ одинъ. — Но строгальщикъ слышалъ не отъ жандармовъ, а отъ одного изъ интеллигентныхъ руководителей. Послѣдніе тщательно изолировали свои рабочіе кружки отъ народовольческихъ. Часто случалось такъ, что на одномъ заводѣ, напримѣръ у Цильстрема, существовали и тѣ, и другіе, не входя ни въ какія сношенія. И когда приходилось поднимать общее дѣло, возникала рознь и даже вражда. Борьба переносилась на борьбу между собой, а не съ заводскими порядками. Не то же ли самое происходитъ и теперь. Очень жаль, что опытъ не научилъ товарищей! Въ доброе старое время, когда работа имѣла видъ подготовительной работы, подобнаго рода рознь не вредила такъ, какъ теперь, когда борьба идетъ въ открытую и массами.

Въ 81 и 82 г. харьковскіе рабочіе вели только пропаганду, организовали рабочіе кружки. Наибольшею энергіею отличался у Н. В. Яковъ Сабко, арестованный въ 83 г. и умершій въ харьковской тюрьмѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и еще нѣсколько лицъ. У чернопредѣльцевъ — Федоръ Шкрѣба, потомъ поступившій на службу Судейкина и убитый Антоновымъ въ 84 году за предательство. На харьковской рабочей группѣ лежала обязанность перевозки нелегальной литературы въ южные районы. Доставка была организована очень искусно, кажется Ан-мъ, и просуществовала весьма долго, съ начала 82 по 84 г.

Къ Харьковскому району примыкали Ростовъ на Дону, Таганрогъ и Полтава. Послѣ арестовъ въ 79 году, когда ростовцы разгромили нѣсколько участковъ и разогнали городскую полицію, совершенно овладѣвъ городомъ, они теперь какъ будто отдыхали. Буйный городъ затихъ, но не потому, что аресты выхватили передовой элементъ, а просто вслѣдствіе того, что другіе города не откликнулись. Въ 80, 81 и 82 гг. настроеніе здѣсь было таково, что достаточно было гдѣ нибудь произвести бурю, ростовцы немедленно бы поднялись. Замѣчательно, что здѣсь и босякъ настроенъ былъ революціонно и былъ проникнутъ такой ненавистью къ полиціи, что достаточно было малѣйшаго повода, чтобъ снова поднять его. Ростовскіе революціонеры не оставляли его безъ вниманія: у нихъ имѣлось нѣсколько человѣкъ матросовъ и кокагаровъ, которые вели пропаганду только среди береговыхъ рабочихъ, но никакой организаціи создать не удалось. Вся дѣятельность сводилась только къ пропагандѣ. Босякъ неусидчивъ, не привязывается къ одному и тому же мѣсту, онъ переселяется очень быстро. Но благодаря своей подвижности, онъ занесъ революціонный духъ и въ Грушевскія каменноугольныя копи. Наиболѣе постоянная часть босяковъ, живущая въ Ростовѣ, не была затронута отчасти потому, что невыносимыя условія жизни свели ее на самую низкую ступень челоѣчества. Она только знала работать и пить; отчасти это были мѣщане, небогатые домовладѣльцы, извозчики и крестьяне,—тоже довольно консервативный элементъ, мечтающій о торговлѣ.

Совсѣмъ другое представляли заводскіе рабочіе. Это была однородная рабочая масса, образовавшаяся по большей части изъ пришлыхъ мастеровыхъ со всѣхъ концовъ Россіи. Между ними издавна велась пропаганда и пропаганда смѣшанная. Среди нея работали и чернопередеѣльцы, и народолюбцы, и мѣстная учащаяся молодежь, и члены организаціи изъ другихъ городовъ. Въ 82 г. весной здѣсь царили патріархальные порядки, не смотря на провалъ 81 г., когда было арестовано нѣсколько человѣкъ. Каждый зналъ всѣхъ и всѣ знали каждого. По праздникамъ сходились цѣлыми толпами въ одну квартиру какъ интеллигенція, такъ и рабочіе. Несостоятельность такого порядка тотчасъ-же сказалась, какъ только провалились двое студентовъ, когда-то жившіе здѣсь. Одинъ — Литвиновъ — рассказалъ все о Ростовѣ. Произвели обыски, но только благодаря тому, что ни у кого ничего не нашли, дѣло кончилось благополучно, отдѣлались надзоромъ до поры до времени. Послѣ этого произошла группировка. Организовался центральный кружокъ, завелъ постоянную связь съ Х. центральной группой Народной Воли. Многимъ это не понравилось, но потомъ всѣ примирились, видя, что при такихъ условіяхъ рабочіе проявляютъ больше инициативы и энергіи. Возникла мысль устроить типографію, кассу. Главнымъ очагомъ были мастерскія владикавказской ж. д., отсюда уже заводились кружки на заводѣ Пастухова, Граммана и др. Центральный кружокъ по-

ставилъ себя такъ, что рабочіе по всѣмъ вопросамъ обращались то къ тому, то къ другому изъ его членовъ, не подозрѣвая существованія связи между ними. Когда осенью одному изъ учениковъ на ж. д. сбавили плату, рабочіе предоставили рѣшеніе вопроса членамъ этой группы, которая увлекла за собою всѣхъ, и ученикъ былъ удовлетворенъ. Позже рабочіе разгромили мастерскія и наказали почти всѣхъ мастеровъ. Въ концѣ 83 г. этотъ кружокъ издавалъ тектографированную газету, статьи которой были писаны исключительно рабочими. Ростовская группа выдѣлила изъ себя рядъ дѣятельныхъ личностей и разослала ихъ въ другіе города. Ник. Мартыновъ (арестованъ въ Кіевѣ, оказалъ вооруженное сопротивление, просидѣлъ въ Шлиссельбургской крѣпости 12 лѣтъ и застрѣлился въ гор. Якутскѣ въ 1903 г. въ маѣ); наиболѣе видную роль игралъ здѣсь Андрей Карпенко. Молодой, скромный и умный юноша пользовался громадной популярностью среди ростовскихъ рабочихъ, особенно въ токарномъ цехѣ владикавказскихъ мастерскихъ. Родился и выросъ онъ въ Ростовѣ, много читалъ. Книги носилъ онъ даже въ мастерскую. Прекрасно говорилъ. Часто въ обѣденное время собиралъ онъ группы рабочихъ, читалъ имъ что-либо изъ европейскихъ революцій, ловко выбирая отдѣльныя страницы и связывая ихъ по своему въ одно цѣлое. Когда торопливые упрекали его въ томъ, что онъ пичкаетъ рабочихъ только легальной литературой, Карпенко отвѣчалъ: «надо фундаментъ заложить крѣпкій, тогда вамъ все что угодно. Наша нелегалщина бѣдна. Я самъ до сихъ поръ прочелъ всего 3 или 4 №№ Народной Воли. Научись изъ легальныхъ книгъ выхватить нужное. Мы все хотимъ взвалить на интеллигентовъ: они придутъ, разжуютъ и въ ротъ положить. У нихъ и безъ того много работы. Мы сами должны работать надъ собой и надъ своими товарищами, съ которыми бываемъ каждый день. Интеллигентъ къ намъ можетъ явиться разъ-два въ недѣлю. Многому не научимся. А вѣдь скоро придется разлѣзаться: во многихъ городахъ у насъ совсѣмъ нѣтъ связей. Мы не знаемъ, что случится, можетъ быть повторится новый мартъ, а мы не сможемъ поддержать его ничѣмъ. Такъ никогда ничего и не добьемся. Рабочіе должны привыкать самостоятельно работать, не дожидаясь подталкиваній».

Съ такими призывами Карпенко часто обращался къ своимъ товарищамъ. Въ его молодой головѣ зарождались самые широкіе планы. Поставивъ дѣло на широкую ногу въ Ростовѣ, организовавъ нѣсколько центральныхъ кружковъ, типографію, установивъ прочныя связи съ Новочеркасскомъ, Воронежемъ, Грушевскими копами, онъ думалъ уговорить товарищей разлѣзаться по другимъ рабочимъ пунктамъ. Въ это время двое изъ его пріятелей-рабочихъ заявили представителю центральной харьковской группы желаніе принять участіе въ террористическихъ актахъ. Одному было отвѣчено откровенно, что онъ молодъ. Другого успокоили на время тѣмъ, что указали на необходимость немедленно по-

ѣхать въ Елисаветградъ и заняться тамъ рабочей организаціей. Къ такимъ мѣрамъ народовольцы часто прибѣгали, когда стремительныя натуры одолѣвали ихъ своими предложеніями на боевую работу. Карпенкѣ въ то время очень нравились такіе приемы. Вскорѣ онъ и самъ уѣхалъ въ Екатеринославъ, быстро организовалъ здѣсь нѣсколько кружковъ, а затѣмъ не устоялъ и заболѣлъ тою же болѣзною, какою страдали почти всѣ передовые рабочіе того времени—мечтою о боевой дѣятельности. Да и трудно было сохранить буддійское спокойствіе, когда кругомъ полицейскія прелѣдованія, аресты, ссылки и казни. Мирная подготовительная работа казалась чѣмъ-то маленькимъ, общающимъ дать результаты только въ далекомъ, далекомъ будущемъ. Затѣмъ Карпенко былъ переведенъ въ Севастополь, гдѣ его и арестовали въ 85 г. Почему его не присоединили ни къ одному процессу—трудно сказать. Подъ слѣдствіемъ онъ просидѣлъ болѣе 3-хъ лѣтъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ другими былъ высланъ на Сахалинъ на 10 лѣтъ, гдѣ и умеръ отъ чахотки. Затѣмъ рядъ другихъ, фамиліи которыхъ упоминать неудобно. Въ 85 г. въ Ростовѣ были произведены большіе аресты, многихъ выслали въ Сибирь и на сѣверъ Россіи. Изъ интеллигентныхъ людей въ 80 и 81 гг. здѣсь работали Сергѣй Пешекеровъ, К., Рафаэли и другіе. Въ 82 г. при основаніи революціонной группы Народной Воли—Л., нынѣ здравствующій; Немоловскій, умершій въ шлиссельбургской крѣпости въ 86 г.; Кашинцевъ, Желваковъ и др. Дѣятельность ростовской группы распространялась на Новочеркасскъ, Таганрогъ, Елисаветградъ и Екатеринославъ. Въ 82 и 83 г. во всѣхъ этихъ пунктахъ уже имѣлись кружки. Въ Елисаветградѣ одному изъ членовъ кружка П. пришлось работать совершенно на неподготовленной, нетронутой почвѣ. Тѣмъ не менѣе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ здѣсь уже имѣлось два рабочихъ кружка, учащаяся молодежь принялась за тектографированіе нелегальной литературы. Оттектографирована была программа рабочей партіи Народной Воли. Тотъ же членъ ростовской группы былъ вызванъ въ Севастополь, который было необходимо связать съ харьковскимъ райономъ. Здѣсь велась работа и прежде Поликарповымъ, Телепневымъ и др. Были связи среди рабочихъ и матросовъ. Но аресты въ 82 г. разрушили организацію. Въ такихъ мѣстахъ не трудно было возстановить порванные связи: всегда находились или остатки организаціи, или же люди близко стоявшіе къ ней. По этимъ связямъ возстановлялись организаціи, или же заводилась новая. Но въ то время Севастополь не представлялъ особеннаго интереса для рабочаго движенія, кромѣ переправочнаго пункта нелегальной литературы изъ-за границы въ Россію. Поэтому сознательные рабочіе недолго оставались здѣсь и переселялись въ центры: въ Харьковъ, Одессу и Кіевъ. Сношенія съ Севастополемъ были довольно оживленныя. Сюда часто наѣзжали не только изъ центровъ, но и рабочіе изъ организацій.

Сравнивая условія жизни западной части юга: Одессу, Нико-

лаевъ, Полтаву и Кіевъ того времени, нельзя было не замѣтить громадной разницы. Полиція этого района была поставлена лучше, а на помощь ей часто являлось предательство. Въ 81 и 82 г. рабочій Меркуловъ провалилъ въ Одессѣ все, что зналъ. Затѣмъ военный прокуроръ Стрѣльниковъ дѣлалъ безпрестанные набѣги, производилъ массовые аресты, запугивалъ молодыхъ рабочихъ и велъ себя на допросахъ грубо и дерзко. Благодаря такой системѣ, онъ часто разрушалъ мѣстныя организаціи. Его дерзость дошла въ Кіевѣ до того, что, раздраженный на допросѣ однимъ рабочимъ, отказавшимся давать какія либо показанія, схватилъ его за горло со словами: «задушу, заставлю говорить!» Когда узнали объ этомъ рабочіе на волѣ—негодованію не было конца. Но Исполнительный Комитетъ уже рѣшилъ покончить со Стрѣльниковымъ. Въ 1882 году онъ былъ убитъ въ Одессѣ Желваковымъ, который навѣрно скрылся бы, такъ какъ въ качествѣ извозчика его ждалъ Халтуринъ. Поднялась тревога. Переодѣтые жандармы, охранявшіе Стрѣльникова, подняли крикъ: «Ловите, ловите жулика!» Хотя Желваковъ и прокричалъ, что онъ не жуликъ, а социалистъ, крѣпостики бросились на него. Соскочивъ съ козелъ, Халтуринъ поспѣшилъ на помощь товарищу, но тоже былъ сбитъ съ ногъ. Правительство было такъ озлоблено, что казнило обоихъ, не открывъ даже ихъ фамилій. По этому поводу была издана прокламація. Одесса ожила. Среди рабочихъ организовались новые кружки, распространившіе свою дѣятельность на солдатъ и матросовъ. Въ Николаевѣ и Полтавѣ велъ рабочее дѣло Петръ Антоновъ (содержавшійся потомъ въ шлиссельбургской крѣпости), уцѣлѣвшій отъ всѣхъ погромовъ только благодаря тому, что жилъ нелегально. Свой боевой темпераментъ онъ передалъ и группамъ, организованнымъ имъ. Когда въ Полтавѣ оказался предатель, одна изъ группъ проучила его, отстрѣливъ ему ухо. Вскорѣ удалось завести связи съ воронежскими рабочими. Въ Кіевѣ, Одессѣ, Николаевѣ и Полтавѣ, несмотря на постоянные разгромы рабочихъ организацій, пропаганда и агитація не прекращались. На смѣну арестованнымъ появлялись новые дѣятели. Въ 80 годахъ здѣсь работали: В. Ивановъ, В. Гориновичъ, Немоловскій, Бычковъ, Марейнисъ, Сухемлиновъ и многіе другіе.

Таково было положеніе рабочаго дѣла на сѣверѣ и югѣ Россіи. Сѣтъ революціонной пропаганды и агитаціи была раскинута довольно широко, но трудно было удовлетворить всѣ запросы жизни. Прежде всего, всегда и повсюду ощущался недостатокъ въ литературѣ, которая могла бы замѣнить и дополнить устную пропаганду. Наша легальная литература служила почти единственнымъ средствомъ теоретическаго воспитанія рабочихъ. Наибольшимъ распространеніемъ пользовались: В. Гюго—93 годъ, Э Шатрианъ—Исторія одного крестьянина, Швейцеръ—Эмма, Шпильгагенъ—Одинъ въ полѣ не воинъ, І. Шерръ—Комедія всемірной исторіи. Изъ русскихъ: Наумовъ, Гл. Успенскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Щедринъ, Достоевскій, Михайловскій, Писаревъ, Шелгу-

новъ, Гаршинъ, П. Лавровъ, Костомаровъ, Флеровскій, Исаевъ, Иванюковъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Бѣлинскій и др. Несмотря на все преимущество и солидность послѣдней, которая давала основу мировоззрѣнію и развитію рабочихъ, эта литература была лишь немногимъ подѣ силу, она требовала нѣкоторой подготовки и много свободного времени, котораго у рабочихъ, за немногими исключеніями, оказывалось, наоборотъ, весьма мало. Для широкихъ массъ нужна была другая, болѣе доступная литература въ видѣ брошюръ, листовъ, но ея было весьма мало.

Въ то время часто говорили о пропагандѣ среди крестьянъ, но работа среди нихъ носила почти случайный характеръ. Известно, что наши заводскіе и фабричныя рабочіе, попавъ въ города, долгое время сохраняютъ связь съ деревней, возвращаясь въ послѣднюю на Рождество, на Пасху или на лѣто. Такіе-то рабочіе и служили проводниками революціонныхъ идей въ деревни. Если-бы въ изобиліи имѣлась народная литература, то съ нею въ рукахъ рабочіе могли бы занести въ деревни очень много: устное слово легко забывается, печатное же никогда. Но что было дѣлать, когда и для городовъ ея не хватало. Легальныхъ же брошюръ, которыми теперь изобилуютъ наши города, тогда и въ поминѣ не было. Теперь болѣе или менѣе подготовленный рабочій, имѣя въ карманѣ нѣсколько свободныхъ рублей, можетъ пріобрѣсти довольно порядочную бібліотеку, хоть для себя. Въ то время все это было въ зародышѣ, какъ и вся наша промышленность, которая переживала тяжелый застой послѣ русско-турецкой войны. Кстати надо сказать, что такое представляли наши заводы и фабрики 80-хъ годовъ по сравненію съ теперешними. Приведу приблизительныя цифры нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Петербургскіе заводы:

Балтійскій заводъ, на немъ работало въ то время около 21½ тыс., тогда какъ теперь тамъ болѣе 6 тыс.

Обуховскій имѣлъ отъ 2 до 2½ т., теперь насчитываетъ около 10 тыс.

Путиловскій тогда еле влачилъ свое существованіе и держалъ около 500—600 чел., въ настоящее время имѣетъ болѣе 12 тысячъ рабочихъ.

Московскіе заводы и фабрики:

Заводъ Бромлея въ то время съ 250 рабочими, теперь даетъ работу 1000 человѣкамъ.

Прохоровская мануфактура съ 3000 раб. въ настоящее время имѣетъ 10 тыс.

Другіе же фабрики и заводы, представлявшіе изъ себя маленькія жалкія мастерскія съ десятками рабочихъ, теперь выросли въ громадныя казармы съ тысячами рабочихъ.

То же самое и въ Харьковѣ.

Заводъ Сади, который въ то время давалъ работу только 1¹/₂ сотнямъ рабочихъ, въ настоящее время разросся въ громадный заводъ съ 5 тыс. раб.

А сколько новыхъ заводовъ и фабрикъ открылось въ 90-хъ годахъ!

Всѣ эти рабочіе муравейники представляютъ широкое поле не только для пропаганды и агитаціи, но и для массоваго движенія. Теперь городскіе рабочіе представляютъ дѣйствительно внушительную, многочисленную армію. Не то было въ 80-хъ годахъ. Тогда такого широкаго движенія и быть не могло, потому что самихъ широкихъ рабочихъ массъ въ городахъ не было, были только ихъ зародыши, и въ нихъ то Народная Воля старалась внести сознаніе, разрыхлить почву для будущихъ рѣволюціонныхъ работниковъ. Несправедливы упреки и въ томъ, что въ 80-хъ годахъ не было забастовокъ и стачекъ. Онѣ были и въ С.-Петербургѣ на Балтійскомъ заводѣ, у Гофмана, въ Кронштадтѣ, въ Ивановѣ-Вознесенскомъ, въ Москвѣ и въ Ростовѣ-на-Дону. Но тогда имъ не придавали того значенія, потому что всѣ онѣ были почти стихійны, за исключеніемъ ростовской и на балтійскомъ заводѣ. Кромѣ того тогда положеніе рабочихъ въ матеріальномъ отношеніи нѣсколько отличалось отъ настоящаго. Заработная плата была несравненно выше теперешней. Такъ напримѣръ средней руки токарь на заводѣ Семяникова зарабатывалъ не менѣе 60—70 р. въ мѣсяцъ, тогда какъ теперь тамъ заработки самыхъ лучшихъ работниковъ не превышаютъ 50—40 рублей. То же самое и съ другими профессіями. Содержаніе рабочимъ обходилось тоже дешевле, такъ какъ многіе продукты были дешевле. Если къ этому прибавить развитіе потребностей рабочихъ, а оно носомѣнно было, то станетъ понятнымъ, почему, начиная съ 96 года, стачки и забастовки участились и стали повторяться все чаще и чаще.

Приемы пропаганды были въ то время почти тѣ же, что и теперь. Прежде всего съ рабочими говорили объ ихъ экономическихъ бѣдствіяхъ, о томъ, что все создается трудомъ, труду должно и принадлежать, что всѣ бѣдствія, невзгоды, нищета и невѣжество происходятъ отъ неправильнаго распредѣленія продуктовъ труда. Если бы этого не было, то всѣмъ бы жилось хорошо; что фабриканты, помѣщики, заводчики обираютъ рабочихъ, и противъ нихъ надо бороться. Но за эту борьбу сами рабочіе знали, чѣмъ приходилось расплачиваться—тюрьмой и ссылкой. Правительство всегда на сторонѣ богатыхъ, а не рабочихъ.

Тогда пропаганда принимала политическій характеръ: приходилось объяснять, что все правительство за одно съ заводчиками, фабрикантами, попами и помѣщиками. Стоитъ только забунтовать рабочимъ противъ хозяевъ или помѣщиковъ, какъ сейчасъ же имъ на помощь полиція, жандармы, казаки и солдаты. Тогда какъ, если рабочихъ притѣсняютъ, за нихъ не вступается никто; наоборотъ, за всякую жалобу сажаютъ въ тюрьму и ссылаютъ въ

Сибирь. Рабочіе должны завести другой порядокъ, при которомъ правители выбирались бы и устранялись народомъ. Но были и другіе приемы, менѣе удачные. Начинались они отрицаніемъ Бога, критикой духовенства или нападками на царя. Бывали примѣры, что такая пропаганда кончалась дракой: пропагандиста колотили благочестивые и вѣрные царю рабочіе. Такой способъ порицался почти всѣми. Иногда пропаганда велась въ портерныхъ или трактирахъ. Петербургскіе рабочіе любятъ посѣщать эти заведенія не потому, что тамъ можно выпить, нѣтъ: тамъ можно почитать газеты, журналы и поговорить. Заплати за кружку пива 5 коп. и сиди хоть цѣлый день, читай газеты. Въ портерныхъ же часто происходили свиданія съ интеллигентами. При пропагандѣ среди отдѣльных лицъ особенное вниманіе обращалось на нравственность рабочаго: требовалось, чтобы онъ былъ честный, некорыстолюбивый и трезвый хорошій работникъ, только такой можетъ пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ среди рабочихъ. Только такого будутъ слушать. О пьяницахъ иногда говорили: «экъ болтаетъ спьяну, за стаканъ водки все продастъ». Бывали, впрочемъ, примѣры, когда, познакомившись съ революціоннымъ дѣломъ, пьяницы бросали совершенно пить. Рабочихъ кассъ въ то время въ Петербургѣ не существовало, вмѣсто нихъ производились сборы временные, для арестованныхъ и для ихъ семействъ; вмѣсто того, чтобы покупать книги, записывались въ публичныя бібліотеки. что дѣлалось частью потому, что при обыскахъ жандармерія отбирала самыя невинныя книги: Некрасова, Иванюкова, Писарева, Наумова и т. п. Имѣвшуюся нелегальную литературу берегли. Если кому давали, то непременно съ условіемъ возвратить. Часто упрекаютъ Н. В. въ томъ, что она вырывала наиболѣе энергичныхъ рабочихъ и привлекала ихъ къ террору. Это совсѣмъ не вѣрно. Дѣло обстояло очень просто. Рабочіе террористы вырабатывались самими условіями. Начиналось обыкновенно съ того, что рабочій побьетъ мастера часто по собственной инициативѣ или подниметъ какую либо исторію. Начинаются преслѣдованія. Менѣе твердая, менѣе постоянная натура, способная только въ отдѣльные моменты активно проявляться, останавливается. Наиболѣе же устойчивая идетъ далѣе. Чѣмъ больше препятствій, тѣмъ сильнѣе у нея потребность сломить эти препятствія. А въ нихъ недостатка не было: на заводахъ притѣсненія, въ тюрьмѣ производъ. И вотъ отъ фабричнаго, заводского террора, переходятъ къ политическому. Какъ это ни странно, но бывали примѣры, когда на словахъ и въ спорахъ человекъ громить всякій террористическій поступокъ, а на дѣлѣ оказывается террористомъ не только самъ, но увлекаетъ къ тому же и толпу. Такъ было съ Халтуринымъ въ С.-П.Б., когда онъ работалъ на Патронномъ заводѣ. Во время работы взорвало одну гранатку, осколки отъ нея попали въ грудь другихъ гранатъ. Нѣсколько токарей было убито и ранено. Рабочіе понесли ихъ въ Тучковскую-Маріинскую больницу. Настроеніе было возбужденное. Халтуринъ поддался

ему, онъ произнесъ горячую рѣчь, и когда раненыхъ внесли въ больницу, тутъ чуть не произошла свалка, которую поднялъ С. Халтуринъ. Дежурный докторъ приказалъ прислугѣ снять простыни съ коекъ, чтобы рабочіе засаленныя блузы не запачкали этихъ тряпокъ. Надо было видѣть С. Халтурина, съ какимъ ожесточеніемъ бросился онъ на разсудительнаго доктора. Тотъ поспѣшилъ скрыться, предоставивъ С. Халтуруину съ товарищами распоряжаться палатой. Мало ли подобныхъ случаевъ пережилъ С. Халтуринъ въ своей жизни! И одинъ ли онъ? Въ 82 г. въ Москвѣ рабочіе завода Бромлея, позднѣе у Девисона въ мастерской, устроили забастовки съ жестокими избиеніями начальства безъ всякаго призыва къ тому. Часто слышались жалобы на отсутствіе массоваго движенія. Нѣкоторые изъ членовъ боевой организаціи предложили приурочить террористическіе акты къ массовому движенію. Планъ былъ таковъ: сьорганизовать рядъ террористическихъ предпріятій и привести ихъ въ исполненіе по возможности одновременно, въ то же время подготовить возстаніе въ нѣсколькихъ городахъ и овладѣть ими. Въ этомъ направленіи и сосредоточить всѣ силы. Грандіозный планъ нравился всѣмъ, тѣмъ болѣе, что въ Польшѣ организовалась партія «Пролетаріата». Явилась возможность войти съ нею въ соглашеніе и дѣйствовать совмѣстно. Южная боевая дружина предложила съѣздъ, на которомъ должны были участвовать представители сѣверныхъ организацій и представители «Пролетаріата». На этомъ съѣздѣ предполагалось обсудить именно этотъ планъ. Но созвать съѣздъ въ то время было не такъ легко. Судейкинъ и Дегаевъ, знавшій лично многихъ, раскинули широко свои сѣти. То тамъ, то тутъ они выхватывали людей. Необходимо было устранить ихъ. Кромѣ того заняться подготовительными работами въ городахъ, намѣченныхъ для возстанія. Необходимо было немедленно устроить нѣсколько типографій. Въ концѣ 83 г. Судейкина уже не стало. Многие остались недовольны, что Дегаевъ остался ненаказаннымъ. Говорили, что онъ могъ снова попасться въ руки правительства и оказывать ему услуги. Въ Харьковѣ былъ убитъ предатель и провокаторъ Федоръ Шкрѣба, сподвижникъ Судейкина, долго подвизавшійся на этомъ поприщѣ. Какъ ловко онъ дѣйствовалъ, можно судить по тому, что послѣ убійства, харьковскіе чернопредѣльцы обвиняли народовольцевъ въ ошибкѣ. Убѣдились они только тогда, когда получили доказательства отъ самого Судейкина. Въ началѣ 84 г. начались аресты на югѣ Россіи. Была арестована типографія въ Киевѣ. Произошло два ареста съ вооруженнымъ сопротивленіемъ. Погромъ распространился на сѣверъ. Арестовали Салову, Лопатина и другихъ, а затѣмъ разгромы пошли по всей Россіи: въ Харьковѣ, Киевѣ, Ростовѣ, Москвѣ, Одессѣ, Севастополѣ. Елисаветградъ, Полтавѣ и другихъ городахъ. На помощь революціонной неосторожности явился предатель Элько, который предалъ то, что еще уцѣлѣло. Онъ выдалъ Лисянскаго и Антонова. Лисянскаго взяли въ квартирѣ, гдѣ хранились бомбы. Его арестъ сопровождался вооруженнымъ



Николай Алексѣвичъ
САБЛИНЪ.

сопротивленіемъ, при чемъ одинъ околоточный поплатился жизнью. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, Элько выдалъ многихъ другихъ въ Воронежѣ и Екатеринославѣ, не говоря о томъ, что онъ разсказалъ все, что зналъ объ арестованныхъ. Партія «Пролетаріатъ», не успѣвъ окрѣпнуть, тоже была разгромлена. Лучшіе члены ея были арестованы. Хотя одинъ предатель и былъ убитъ, но его мѣсто заступилъ другой и предалъ остальныхъ. Наступило затишье. Начались процессы въ Кіевѣ, Харьковѣ, Варшавѣ и С.-Петербургѣ, затѣмъ въ Одессѣ. Движеніе начало замирать, лучшіе силы томились по тюрьмамъ, на каторгѣ и въ ссылкѣ, а кто уцѣлѣлъ—покинули Россію. Движеніе не проникло широко въ массу. Русская интеллигенція, поставлявшая много лѣтъ революціонныхъ борцовъ, какъ бы истощилась. Новымъ силамъ взяться было неоткуда. И вотъ наступаетъ мрачное время затишья и царство реакціи. Лишь по временамъ дѣлаются попытки воскресить движеніе. Такими попытками была дѣятельность Сигиды съ товарищами и дѣло Ульянова, Осипанова и др. въ С.-П.Б. Но это были слабые огоньки на обширномъ потухающемъ пожарищѣ. Кое гдѣ уцѣлѣли рабочіе кружки, но они были одиноки и вели мирную пропаганду до 90-хъ г. Нѣкоторые изъ нихъ погибли по дѣлу Гинзбургъ. Часто приписываютъ гибель партіи Н. В. тому, что она отводила слишкомъ много мѣста террору, слишкомъ увлекалась политическими задачами и мало обращала вниманія на рабочую массу. Такіе упреки могутъ дѣлать только люди, стоявшіе далеко отъ дѣла. Они знали только внѣшность, а о той работѣ, которая шла безъ всякаго шума, въ нѣдрахъ рабочей массы, они не знали и не могли знать. Не надо забывать притомъ, что Н. В. пришлось работать въ то время, когда рабскій духъ крѣпостничества не успѣлъ заглухнуть, когда промышленность только зарождалась, когда реформа 19-го февраля висѣла пріятнымъ кошмаромъ надъ русской землей, когда на 100 человекъ приходилось только 10—12 чел. грамотныхъ, когда легальная литература была достояніемъ немногихъ; тогда могло быть одно изъ двухъ: или стихійное движеніе, массовое или партійное, какъ народовольческое. Первое было предупреждено 19-мъ февралемъ. Оставалось второе. Его и избрала Н. В. Но ей недоставало массоваго движенія, создать которое въ нѣсколько лѣтъ не могла бы никакая организація.

В. Панкратовъ.



Н. А. Морозову ¹⁾.

Доброй, отзывчивой, чуткой душою
Миръ озаряй,
Страстью могучею, твердой рукою
Зло покоряй.

* *
*

Если тебя за святою работою
Люди убьютъ,
Братья придутъ и окончатъ съ заботою
Начатый трудъ.

А. Ольхинъ.



¹⁾ Стихотвореніе это, никогда не бывшее въ печати, написано присяжнымъ повѣреннымъ А. А. Ольхинымъ въ 1879 году и намъ передано одною писательницею, получившей его дѣтъ около десяти тому назадъ отъ самого Ольхина. Посвящено оно извѣстному дѣятелю освободительнаго движенія, протомившемуся почти четверть вѣка въ казематахъ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостей, Николаю Александровичу Морозову. Изъ стихотвореній Ольхина напечатано только одно, но это одно—знаменитое въ свое время стихотвореніе на смерть Мезенцева—„У гроба“. Оно напечатано въ № 1 „Земли и Воли“ и перепечатано въ сбор. Базилевскаго „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“. Самъ Ольхинъ былъ преданъ суду въ 1879 году по дѣлу Л. Ф. Мирскаго (недавно *исторично* приговореннаго къ смертной казни въ Читѣ), но судъ его оправдалъ. Тѣмъ не менѣе, Ольхинъ, какъ водится, былъ высланъ административно и возвратился въ Петербургъ лишь въ 90-хъ годахъ, гдѣ и скончался.

Ред.

Шлиссельбургская узница

Людмила Александровна Волкенштейнъ.

* * *

Не на волѣ широкой—подъ сводомъ тюрьмы

Мы впервые съ тобой повстрѣчались...

Въ тѣ тяжелые дни, когда съ жизнію мы

Предъ суровою карой прощались...

Было мнѣ въ эти дни не до новыхъ людей:

Жизнь прошедшая мнѣ рисовалась...

Проходилъ предо мной рядъ погибшихъ друзей...

Братство славное ихъ вспоминалось...

Съ этимъ братствомъ несла я тревоги борьбы...

Ему силы свои отдавала...

Неудачи, измѣны, удары судьбы

До послѣдняго дня раздѣляла...

Но союзъ нашъ, борьбою распатанный, палъ...

Неудачи его сокрушили:

Безпощадно судъ смертію однихъ покаралъ,

Въ равелинѣ другихъ схоронили...

И пришлось въ день расчета одной мнѣ предстать,

Съ грустнымъ взоромъ, назадъ обращеннымъ...

Среди новыхъ людей одинокою стать,

Съ думой тяжкою, съ сердцемъ стѣсненнымъ...

Мудрено-ль, что тебѣ, какъ подругѣ чужой,

Равнодушно я руку пожала?!

Жизнь кончалась, и темная ночь надо мной

Свой туманный покровъ разстилала...

И не думала я, что съ тобою войду.

Въ эти стѣны дѣлать одно бремя...

Что въ тебѣ я опору и друга найду

Въ безразсвѣтное, мрачное время...

Шлиссельбургъ, 1893 г.

Это стихотвореніе посвящено мною Людмилѣ Александровнѣ Волкенштейнъ, съ которой въ первый разъ я встрѣтилась 24 сентября 1884 г., въ Петербургѣ, въ залѣ Суда, а разсталась въ Шлиссельбургѣ, 23 ноября 1896 г., послѣ 12 лѣтъ жизни въ этой крѣпости. Наша встрѣча на судѣ была слишкомъ мимолетна, чтобъ

*

я могла вынести опредѣленное впечатлѣніе отъ личности Л. А. На скамьѣ подсудимыхъ мы сидѣли далеко другъ отъ друга и не могли перекинуться ни единымъ словомъ. Только разъ, послѣ даннаго подсудимымъ «послѣдняго слова», намъ, тремъ женщинамъ, судившимся по этому процессу (Волкенштейнъ, Чемодановой и мнѣ), удалось въ корридорѣ привѣтствовать другъ друга. Эпизодъ убійства князя Крапоткина въ Харьковѣ, по поводу котораго Л. А. была привлечена къ процессу 14-ти, по времени и дѣйствующимъ лицамъ, не имѣлъ никакой прямой связи съ остальными судившимися. Въ самомъ дѣлѣ, участники этого убійства (Кобылянский, Зубковский) были осуждены уже давно, а главное дѣйствующее лицо, Гольденбергъ, еще ранѣе покончилъ съ собою въ Петропавловской крѣпости, какъ о томъ въ свое время донесъ Исполнительному Комитету Клѣтчиковъ, служившій помощникомъ дѣлопроизводителя въ III-мъ Отдѣленіи, а съ преобразованиемъ его, въ той же должности въ департаментѣ полиціи. Участіе въ дѣлѣ убійства Крапоткина было единственнымъ обвиненіемъ противъ Л. А. и основывалось на показаніи Гольденберга, разсказавшаго во время своего предательства, что Волкенштейнъ была посвящена въ его намѣренія относительно харьковскаго губернатора и вмѣстѣ съ Гольденбергомъ, Кобылянскимъ и Зубковскимъ отправилась изъ Кіева въ Харьковъ, гдѣ наняла конспиративную квартиру, въ которой совѣщались и укрывались заговорщики. На судѣ, кромѣ показаній умершаго Гольденберга, были прочтены старія показанія горничной, якобы признавшей въ предъявленной ей карточкѣ Волкенштейнъ—ту самую особу, которая нанимала вышеупомянутую квартиру. Самой свидѣтельницы на судѣ не было. Улики были не велики, но Л. А. не желала скрывать свои убѣжденія: она открыто признала свое полное сочувствіе террористической дѣятельности партіи Народной Воли, свое полное участіе въ дѣлѣ Крапоткина и заявила, что вернулась изъ-за границы съ цѣлью отдать свои силы на дальнѣйшую дѣятельность партіи въ томъ же направленіи. Надо замѣтить, что ранѣе, чѣмъ Гольденбергъ былъ арестованъ осенью того же 79 г., въ которомъ былъ убитъ Крапоткинъ, Л. А. эмигрировала и возвратилась въ Россію лишь осенью 1883 г. и чрезъ самое короткое время—въ сентябрѣ того-же года была арестована въ Петербургѣ, выслѣженная сыщиками, повидимому, еще въ Румыніи, гдѣ она передъ тѣмъ жила.

На судѣ Л. А. не имѣла защитника, отказавшись отъ такового по принципу. Военный судъ, щедро назначавшій смертную казнь, приговорилъ къ ней и Л. А. По прочтеніи приговора, судьи, по разсказамъ одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ разговорахъ между собой цинично говорили: «Однако... мы ей закатили!» Присяжный повѣренный Леонтьевъ 2-й тщетно предлагалъ Л. А. подать кассационную жалобу въ Сенатъ: она отказалась отъ этого наотрѣзъ. Однако, вѣроятно, въ виду полной несоразмѣрности этой кары, смертная казнь была замѣнена

Л. А. 15-ю годами каторжныхъ работъ. 12 октября 1884 г. изъ Петропавловской крѣпости ее увезли въ Шлиссельбургъ. Мать и мужъ Л. А., случайно опоздавшіе пріѣхать въ Петербургъ ко времени суда, тщетно хлопотали, чтобъ имъ дали проститься съ нею. Этого утѣшенія они не добились. Л. А. не видала и своего единственного сына, Сергѣя, оставленного ею въ 79 году 2-хлѣтнимъ ребенкомъ на попеченіи отца и бабушки. Эти обстоятельства все время составляли предметъ горькихъ воспоминаній Л. А.

По привозѣ въ Шлиссельбургъ Л. А. и меня помѣстили вдали другъ отъ друга, на противоположныя стороны тюрьмы, не за-долго предъ тѣмъ открытой (въ августѣ 1884 г. ¹⁾). Сношеній между нами не было, хотя по нѣкоторымъ, почти неуловимымъ признакамъ мы знали, что обѣ привезены въ эту крѣпость.

Уже съ начала 85 года заключеннымъ было разрѣшено гулять вдвоемъ, и мы замѣтили, что нѣсколько человѣкъ, дѣйствительно, пользуются этой льготой. До января 86 года я, молча, ожидала, когда-же и мнѣ дадутъ возможность видѣться съ Л. А., и недоумѣвала, почему-же собственно я лишена радости имѣть товарища и друга? Наконецъ, 3-го или 4-го числа я рѣшилась и спросила смотрителя Соколова: «Почему мнѣ не даютъ гулять съ подругой?» Смотритель, съ которымъ всѣ мы избѣгали о чемъ бы то ни было говорить, немного помолчалъ, а затѣмъ сказалъ: «Можно дать, только... не слѣдуетъ»... Онъ согнулъ указательный палецъ и сталъ постукивать имъ въ косякъ, какъ въ тюрьмѣ разговариваютъ стукомъ въ стѣну.

Я отвѣтила, что и такъ стучу очень мало.

Разговоръ на этомъ кончился, и я продолжала прежній образъ жизни, разговаривая понемножку съ моими сосѣдями: Панкратовымъ (рядомъ) и Морозовымъ, камера котораго была внизу.

14-го января, когда меня повели гулять и я, ничего не подозревая, вошла въ калитку той «клетки», гдѣ должна была совершаться прогулка, я неожиданно увидѣла фигуру въ нагольномъ полушубкѣ и холщевомъ платкѣ, которая быстро заключила меня въ свои объятія и въ которой я съ трудомъ признала Волкенштейнъ, видѣнную мной на судѣ въ цивилизованномъ платьѣ. Вѣроятно, и она столь же была поражена метаморфозой, совершившейся со мной...

И такъ мы стояли, держа другъ друга въ объятяхъ, не зная: радоваться намъ или плакать?...

А потомъ стали знакомиться.

Л. А. хорошо было извѣстно, что о ней я ровно ничего не знала, кромѣ того, что выяснилось на судѣ. До того я слышала ея имя только изъ устъ Гольденберга, когда послѣ Воронежскаго сѣзда я видѣла его въ Петербургѣ. Онъ отзывался о Л. А. съ величайшей похвалой и рекомендовалъ ее въ члены организаціи

¹⁾ Везли насъ на пароходѣ тоже врозь.

«Народной Воли», какъ человѣка вполнѣ преданнаго революціонному дѣлу и раздѣляющаго программу партіи. Но изъ первоначальныхъ членовъ организаціи «Народной Воли» никто не зналъ Л. А. лично, а потому вопросъ о приглашеніи ея въ организацію былъ отложенъ. Однако было рѣшено имѣть ее въ виду и, конечно, ее приняли бы, если бы въ ту же осень она не вышла за границу. Обо мнѣ-же Л. А., кажется, слыхала болѣе и, по ея словамъ, заочно любила меня. Съ трогательной откровенностью она сказала, что, получивъ обвинительный актъ и найдя въ немъ мое имя, она приложила къ нему губами... Теперь-же, когда мы наконецъ встрѣтились при такихъ условіяхъ, что могли свободно говорить, ей хотѣлось поскорѣй излить свою душу, рассказать о своей прошлой жизни, о воспитаніи, семьѣ и дѣтяхъ, обо всемъ, что необходимо было рассказать, чтобъ сблизиться другъ съ другомъ.

Людмила Александровна Волкенштейнъ (урожденная Александрова) родилась въ Кіевѣ 18 сентября 1857 года. Ея родители принадлежали къ дворянскому сословію, и отецъ былъ военнымъ, въ отставкѣ. Они были довольно богаты, но, по смерти отца, мать увлеклась строительной горячкой, одно время свирѣпствовавшей въ Кіевѣ, и въ спекуляціяхъ домами потеряла всѣ средства, такъ что впослѣдствіи пользовалась матерьяльной поддержкой двухъ сыновей (одинъ служилъ на желѣзной дорогѣ, другой—былъ ветеринаромъ на Дальнемъ Востокѣ) и жила съ младшей дочерью, занимавшейся на бактериологической станціи въ Кіевѣ. Въ Кіевѣ-же Л. А. провела свое дѣтство и раннюю молодость. Отца своего Л. А. не любила и не уважала. По ея отзывамъ это былъ грубый и во всѣхъ отношеніяхъ несимпатичный человѣкъ, и отношенія въ семьѣ были дурныя. Когда Л. А. была уже взрослой гимназисткой, отецъ дошелъ до того, что однажды поднялъ, было, на нее руку... Послѣ этого мать, страстно любившая дочь, устроила ее отдѣльно отъ семьи, нанявъ у знакомыхъ комнату и давъ средства для самостоятельной жизни. Свою мать Л. А. любила безпредѣльно и уважала глубоко, какъ человѣка добраго, гуманнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ твердаго. Все, что въ ней самой было хорошаго, Л. А. приписывала воспитательному вліянію и наслѣдственности со стороны матери, объ отцѣ-же сохраняла лишь тяжелое воспоминаніе.

Къ грусти, что, уходя изъ жизни, ей не удалось проститься съ матерью, въ Шлиссельбургѣ присоединилось огорченіе отъ отсутствія какихъ бы то ни было свѣдѣній о родныхъ.

Случилось такъ, что изъ всѣхъ товарищей я первая получила краткое и сухое словесное извѣщеніе изъ департамента полиціи, что моя мать жива, здорова и шлетъ мнѣ поклонъ. Это было черезъ три года по заключеніи въ Шлиссельбургъ, а Л. А. еще долго послѣ того не имѣла ни одной вѣсточки. Тщетно успокаивала я ее тѣмъ, что мои родные живутъ въ Петербургѣ, или имѣютъ частыя сношенія съ нимъ; что по процессамъ сестеръ

они приобрѣли извѣстную опытность, которой не имѣетъ ея мать; что, живя въ Кіевѣ, она даже не знаетъ, куда обратиться съ просьбой извѣстить дочь о своемъ существованіи. Л. А. была неутѣшна и каждый разъ, когда я снова получала холодную реляцію на подобіе первой, она начинала тосковать и горько плакать, такъ что мнѣ тяжело было сообщать ей о своей радости, тяжело, что я имѣю ее одна и не могу помочь горю друга. Наконецъ, вѣсть отъ матери, эта долгожданная вѣсть, пришла, но при такихъ обстоятельствахъ, что Л. А. даже не захотѣла выслушать ее...

Въ первые годы заключенія, каждые шесть мѣсяцевъ насъ посѣщало какое нибудь высшее начальство изъ Петербурга. Въ одно изъ подобныхъ посѣщеній (если не ошибаюсь, въ 1889 г.) товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ генераль Шебеко обошелся непозволительно грубо съ нѣкоторыми изъ заключенныхъ. Войдя въ камеру Шебалина, онъ остался недоволенъ выраженіемъ его лица. «Это что за дерзкая фізіономія? Кто это?» спросилъ онъ смотрителя и присутствовавшего при этомъ коменданта. У Тригопи, когда тотъ хотѣлъ сдѣлать какое-то заявленіе, генераль, перебивая его, закричалъ: «Надо помнить, что эта тюрьма замѣняетъ смертную казнь!..» а выходя въ корридоръ, говорилъ: «они разсуждаютъ, бунтуютъ!.. Полковникъ,—плети, плети!..» Поднявшись наверхъ, Шебеко зашелъ къ Конашевичу и къ Волкенштейнъ. И тутъ произошли сцены въ родѣ предыдущихъ. Обращаясь къ Л. А., Шебеко сказалъ: «Вы отвратительно себя ведете! Вы только и дѣлаете, что сидите въ карцерѣ! Въ инструкціи есть розги!..»

Когда, послѣ отъѣзда Шебеко, въ тюрьмѣ узнали о всѣхъ этихъ возмутительныхъ грубостяхъ, то единодушно рѣшили не принимать болѣе генерала Шебеко къ себѣ; въ случаѣ дальнѣйшихъ визитацій бойкотировать его: заявленій не дѣлать, на вопросы не отвѣчать, никакихъ сообщеній не выслушивать и въ той или иной формѣ просить его выйти вонъ...

Послѣ этого прошелъ, должно быть, годъ, и Шебеко въ тюрьмѣ не появлялся. Быть можетъ, онъ и самъ потомъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, а можетъ быть ему и донесли, что къ его встрѣчѣ приготовились, и онъ не желалъ дать поводъ къ какой нибудь тяжелой тюремной исторіи... Затѣмъ, онъ прибылъ въ свитѣ м-ра внут. дѣлъ И. Н. Дурново, но при обходѣ всѣхъ камеръ министромъ оставался въ корридорѣ и зашелъ вмѣстѣ съ Дурново лишь къ Волкенштейнъ. Раскланявшись, онъ началъ: «Ваша матушка...» Но Л. А., въ присутствіи Дурново, прервала его словами: «Отъ васъ я не хочу слышать даже о матери»...

Шебеко повернулся и тотчасъ вышелъ. Ни къ кому другому онъ въ этотъ разъ ужъ не зашелъ и, вообще, это былъ его послѣдній визитъ въ Шлиссельбургскую тюрьму, хотя на своей должности онъ оставался еще долго.

Съ 92 года намъ стали вмѣсто устныхъ сообщеній о родныхъ давать крошечныя памятки, бумажку, гдѣ канцелярскимъ слогомъ сообщалось, что родные (имя рекъ) живы и здоровы, чего

и намъ желаютъ. Сначала эти бумажки только давали прочитатъ и отбирали; потомъ стали оставлять въ нашихъ рукахъ. Подобныя памятки стала получать и Волкенштейнъ.

Училась Л. А. въ Кіевской женской гимназіи, но, имѣя хорошія способности, относилась къ сухимъ школьнымъ занятіямъ довольно небрежно. Въ силу этого, сръзавшись на экзаменѣ, не захотѣла подвергнуться переэкзаменовкѣ и оставила гимназію, не получивъ диплома объ окончаніи ея. Изъ гимназической жизни Л. А. разсказала мнѣ одинъ эпизодъ, характерный для ея личности. Въ одномъ классѣ съ ней училась горбатая дѣвочка, которая всегда оставалась одинокой и, видимо, чувствовала себя для всѣхъ чужой. Однажды, вызвавшій ее учитель позволилъ себѣ какую-то насмѣшку надъ ея уродствомъ. «Вы не смѣете поступать такъ! Вы не смѣете унижать и насмѣхаться»!.. закричала на весь классъ Л. А. со своего мѣста.

Учитель сконфузился, а въ маленькой горбунѣ Л. А. нашла самую горячую, почтительную преданность. Судьба, должно быть, не баловала дѣвочку сочувствіемъ людей и съ той поры, какъ она увидѣла въ Л. А. свою покровительницу, во всякую погоду Л. А. встрѣчала ее на своемъ пути въ гимназію: дѣвочка поджидала ее гдѣ нибудь на улицѣ, чтобъ проводить до гимназическаго зданія, а по окончаніи уроковъ—до дому.

Между одноклассницами Л. А. имѣла большихъ пріятельницъ, носившихъ среди знакомыхъ шутовское прозвище «галки», кажется, по чернымъ платьямъ. Хотя этотъ кружокъ не преслѣдовалъ никакихъ общественныхъ цѣлей, но съ социалистическими идеями Л. А. познакомилась еще будучи въ гимназіи. Въ числѣ ея знакомыхъ былъ Александръ Александровичъ Волкенштейнъ, студентъ - медикъ Кіевского университета, за котораго, по выходѣ изъ гимназіи, она вышла замужъ. Александръ Александровичъ стоялъ довольно близко къ кіевской группѣ Чайковцевъ. Члены петербургскаго кружка Чайковцевъ считали его членомъ организаціи, но затѣмъ, безъ рѣзкаго разрыва, онъ постепенно отдалился отъ всѣхъ революціонныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, въ глазахъ полиціи онъ былъ скомпрометтированъ, и его судили по процессу 193-хъ (18 октября 77-го—23 января 78 г.). Во время заключенія Александра Александровича въ тюрьмѣ, родился его сынъ—Сергій. Л. А. тогда было 19 или 20 лѣтъ. Во время самаго процесса она была въ Петербургѣ и посѣщала мужа, а послѣ суда вмѣстѣ съ Ал. Ал., который былъ оправданъ, возвратилась въ Кіевъ, гдѣ встрѣчалась съ различными революціонерами (Самарская, Григорій Гольденбергъ, Зубковскій, Кобылянскій и др.). Мысль объ убійствѣ харьковскаго губернатора, князя Крапоткина, возникла въ Кіевѣ въ декабрѣ

1878 г. и принадлежала Гольденбергу. Мотивомъ, какъ извѣстно, было дурное обращеніе съ политическими заключенными въ центральныхъ тюрьмахъ (Зміевской и Бѣлгородской) и избіеніе харьковскихъ студентовъ во время уличныхъ беспорядковъ. Находившійся въ то время въ Кіевѣ Валеріанъ Осинскій, бывшій душой всѣхъ террористическихъ фактовъ на югѣ, доставилъ Гольденбергу деньги, оружіе и адреса въ Харьковъ. Волкенштейнъ и Зубковскому было предложено ѣхать туда же для основанія конспиративной квартиры. Выслѣдивши съ помощью Кобылянского время выѣздовъ губернатора, Гольденбергъ смертельно ранилъ его 9 февраля 79 года выстрѣломъ изъ револьвера ¹⁾. Онъ вскопчилъ на подножку кареты въ то время, когда князь, возвращаясь съ бала, ѣхалъ черезъ Вознесенскій скверъ, расположенный передъ губернаторскимъ домомъ. Фактъ былъ совершенъ отъ имени Исполнительнаго Комитета, ядро котораго уже существовало внутри организациі общества «Земля и Воля». Самъ Гольденбергъ считался однимъ изъ агентовъ низшей степени Исполнительнаго Комитета. Заговорщики благополучно скрылись. Черезъ 4 дня послѣ убійства Л. А. возвратилась въ Кіевъ, а осенью того-же года, какъ было уже сказано, покинула Россію.

За границей Л. А. проживала короткое время во Франціи и въ Швейцаріи.

Въ послѣдней она мелькомъ встрѣтилась въ 80 г. съ Н. А. Морозовымъ, своимъ будущимъ товарищемъ по Шлиссельбургу. Но большую часть времени, проведеннаго за границей, Л. А. прожила въ Болгаріи и Румыніи, въ кругу русскихъ эмигрантовъ. Въ числѣ послѣднихъ она называла Каца съ женой, Василия Ивановича, Дическула (судившагося по процессу 193-хъ) и др. Нѣкоторое время Л. А. служила въ Болгаріи въ качествѣ смотрительницы больницы, которою завѣдывалъ знакомый ей русскій врачъ Ю., жена котораго была близкимъ другомъ Л. А. Надо сказать, что Л. А. была нѣсколько причастна и медицинѣ, такъ какъ во время Русско-Турецкой войны прослужала въ Кіевѣ 3-хъ мѣсячный курсъ перевязокъ, приготовлявшій сестеръ милосердія для русской арміи. Въ послѣдній годъ пребыванія въ Шлиссельбургѣ Л. А. начала усердно заниматься медициной, чтобъ пріобрѣсти знанія въ размѣрѣ фельдшерскаго курса, что должно было пригодиться ей въ ссылкѣ. Но объ этомъ я скажу послѣ.

Заграничная жизнь съ ея оторванностью, отсутствіемъ живой дѣятельности и платоническими мечтами о родицѣ не удовлетворяли Л. А. и, оставивъ друзей, она возвратилась въ Россію съ паспортомъ болгарской подданной. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ она была приглашена въ участокъ, гдѣ подверглась подробному допросу насчетъ знанія болгарскаго языка и почему хорошо говорить по русски. Отвѣты были, болѣе или менѣе, правдо-

¹⁾ Крапоткинъ умеръ черезъ 5 дней (16 февр.).

подобны, и ее отпустили. Но по прошествіи недѣли или двухъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ поводовъ, она была арестована.

Съ большой горечью, пробѣгая въ воспоминаніяхъ свое прошлое, Л. А. говорила, что всю жизнь стремилась къ настоящимъ людямъ и къ настоящей дѣятельности, и что ей такъ и не пришлось найти себѣ удовлетворенія... Въ связи съ этимъ она признавалась, что судъ былъ для нея праздникомъ, такъ какъ на немъ она могла, по крайней мѣрѣ, открыто исповѣдать свои убѣжденія. Поэтому-то она не взяла себѣ защитника, отказалась отъ кассациі и была чрезвычайно довольна вынесеннымъ ей суровымъ приговоромъ. Характерна и слѣдующая подробность ея настроенія и поведенія послѣ суда.

Когда, передъ увозомъ въ Шлиссельбургъ, ей надѣли ручные кандалы, это не произвело на нее тяжелаго впечатлѣнія. Напротивъ, она почувствовала приливъ гордости и «на пароходѣ я все время демонстративно побрякивала ими», рассказывала она мнѣ въ Шлиссельбургѣ.

Искренность и простота Л. А., ея готовность понести, какую угодно, кару за свои убѣжденія и необыкновенная сердечность въ обращеніи скоро вполнѣ обворожили меня. Мы подружились дружбой самой нѣжной и идеальной, какая возможна только въ такихъ условіяхъ, въ какихъ мы тогда были. Мы походили на людей, выброшенныхъ кораблекрушеніемъ на необитаемый островъ. У насъ не было *никого* и *ничего*, кромѣ другъ друга. Мы были оторваны отъ жизни и дѣятельности, отрѣзаны отъ человечества и родины, лишены друзей, товарищей и родныхъ. Не только люди, но и природа, краски, звуки—все исчезло... Въмѣсто этого былъ сумрачный склепъ съ рядомъ таинственно замурованныхъ ячеекъ, въ которыхъ томились невидимые люди, зловѣщая тишина и атмосфера насилія, безумія и смерти.

Понятно, что общеніе двухъ душъ въ такой обстановкѣ должно было доставлять невыразимое наслажденіе и навсегда оставило въ душѣ самое трогательное воспоминаніе.

Не знаю, что давала я Л. А., но она была моимъ утѣшеніемъ, радостью и счастьемъ. Мои нервы и организмъ были потрясены въ глубочайшихъ своихъ основахъ. Я была слаба физически и измучена душевно... общее самочувствіе мое было прямо ненормально... и вотъ я получила друга, на котораго тюремныя впечатлѣнія не дѣйствовали такъ губительно, какъ на меня: и этотъ другъ былъ воплощеніемъ нѣжности, доброты и гуманности. Всѣ сокровища своей любящей души она щедрой рукой отдавала мнѣ. Въ какомъ бы мрачномъ настроеніи я ни приходила, она всегда умѣла чѣмъ нибудь развлечь и утѣшить меня. Одна ея улыбка и видъ милаго лица разгонялъ тоску и давалъ радость. Послѣ свиданья я уходила успокоенной, преображенной... камера ужъ не казалась мнѣ такой сумрачной, а жизнь—тяжелой. Тотчасъ я начинала мечтать о новой встрѣчѣ послѣ завтра... Свиданія были черезъ день: тюремная дисциплина, очевидно, находила нуж-

нымъ разбавлять радость нашихъ встрѣчъ днемъ полного одиночества. Но это, быть можетъ, только обостряло наше стремленіе другъ къ другу и поддерживало то «праздничное» настроеніе, о которомъ впоследствии было такъ пріятно вспоминать.

Когда въ тюрьмѣ происходило какое нибудь несчастье, когда умирали наши товарищи, стоны и предсмертную агонію которыхъ мы слышали отчетливо въ стѣнахъ тюрьмы, замѣчательно отзывчатой въ акустическомъ отношеніи, мы встрѣчались блѣдныя, взволнованныя и безмолвныя. Стараясь не смотрѣть другъ другу въ лицо, мы цѣловались и, обнявшись, молча прохаживались по дорожкѣ, или сидѣли на землѣ ¹⁾, прислонившись къ забору, подалеже отъ жандарма, слѣдившаго съ высоты своей вышки за каждымъ нашимъ движеніемъ. Въ такіе дни простая физическая близость, возможность прижаться къ плечу друга—была уже отрадой... и облегчала тяжесть жизни.. Былъ въ 86 году мѣсяцъ, когда одинъ за другимъ умерли: Кобылянский, Исаевъ и Игнатій Ивановъ. Первый отъ цынги, второй отъ чахотки, а Игнатій Ивановъ, кажется, отъ того и другого... къ тому же—онъ былъ безуменъ!...

Пока Исаевъ былъ на ногахъ и ходилъ гулять, его громкій, хриплый и словно изъ пустой бочки кашель надрывалъ душу, если приходилось быть рядомъ... Иногда же насъ приводили въ ту самую клѣтку, гдѣ передъ тѣмъ былъ онъ. На снѣгу, справа и слѣва, виднѣлась алая, только что выброшенная имъ кровь... Эта не убранная, не прикрытая, хотя бы снѣгомъ, кровь товарища вызывала щемящую тоску... Это былъ символъ изсякающей жизни,—жизни товарища, которому не поможетъ наука, никакая сила человѣческая... И отвести отъ этой крови глазъ было некуда. Небольшое пространство «клѣтки» было сплошь завалено снѣгомъ: оставалась лишь узкая тропинка, по которой, поневолѣ, только и приходилось ходить. Отвратительно было это палачество, которое нѣсколькими ударами лопаты могло скрыть кровавый слѣдъ, но цинично оставляло его на муку и поученіе невольныхъ посѣтителей... Намъ-же тогда не давали даже лопаты.

Предсмертныя страданія Исаева были ужасны. Это была, кажется, самая тяжелая агонія изъ всѣхъ, которыя пришлось пережить. Немного морфія или опія, вѣроятно, облегчили бы ему борьбу со смертью и избавили отъ потрясенія всѣхъ насъ. Но ничего подобнаго не было сдѣлано. Мертвая тишина стояла въ тюрьмѣ... всѣ мы притаились, какъ будто, сжались и съ затаеннымъ дыханіемъ прислушивались къ полному затишью... не было ни звука... и среди напряженного состоянія внезапно раздавался протяжный стонъ, скорѣе похожій на крикъ... Тяжело быть свидетелемъ разставанья человѣка съ жизнью, но еще тяжелѣе и страшнѣе быть пассивнымъ, замурованнымъ въ каменный мѣшокъ, слушателемъ такого разставанья. Только въ тюрьмѣ да

1) Скамей не было.

въ домѣ умалишенныхъ, который, вообще, имѣетъ во многихъ отношеніяхъ сходство съ тюрьмою, возможны потрясающія, зловѣщія сцены въ родѣ этихъ...

Весной намъ съ Л. А. дали по 2 грядки ¹⁾ въ огородѣ. Еще задолго до того мы были сильно заинтересованы какими-то таинственными приготовленіями, скрытыми отъ нашихъ взоровъ досчатой перегородкой: оказывается тамъ ставили заборы для 6 огородовъ; они примыкали къ высокой крѣпостной стѣнѣ и оканчивались саженьхъ въ трехъ отъ тюремнаго зданія. На баржахъ была привезена гдѣ-то по дорогой цѣнѣ купленная земля и въ видѣ уже готовыхъ грядъ насыпана по огородамъ.

Нашъ огородъ представлялъ собою небольшое, продолговатое, очень невзрачное мѣстечко, почти совсѣмъ лишенное лучей солнца. Съ одной стороны каменная стѣна, съ трехъ остальныхъ— 3 1/2-аршинный досчатый заборъ: откуда нибудь да всегда падаетъ тѣнь! Однако и этотъ колодезь показался намъ раемъ. Тутъ была земля— настоящая земля... земля полей и деревень... черная, рыхлая и прохладная. До этого мы видѣли въ своей тѣсной оградѣ только безплодный пустырь: плотно убитую каменистую почву, на которой не пробивалась ни одна травка. Это было устроено, конечно, для облегченія надзора, чтобъ мы не завели другъ съ другомъ письменныхъ сношеній, скрывая письма среди какой нибудь зелени. Въ 86 г., въ эти дворики, лѣтомъ, съ береговъ рѣки, привезли песку и положили по деревянной лопатѣ: «для моціона», сказалъ смотритель. Предполагалось этой лопатой перебрасывать песокъ съ одного мѣста на другое и этимъ пѣлесообразнымъ способомъ укрѣплять силы заключенныхъ. Дѣйствительно, кто не имѣлъ огорода (а его дали весьма немногимъ), чтобъ какъ нибудь убить время, бросалъ этотъ песокъ; но потомъ это страшно надоѣло, и мы называли это занятіе работами національныхъ мастерскихъ во Франціи 48-го года.

Когда давали огородъ, смотритель и вахмистръ, молча, вводили заключеннаго и пальцемъ указывали одну или двѣ гряды. Затѣмъ, также молча, вахмистръ вручалъ пакетъ съ огородными сѣменами (редисъ, рѣдька, морковь, рѣпа, горохъ, брюква, макъ) и, взявъ щепотку, мимикой показывалъ, что надо дѣлать: наклонялся къ землѣ, дѣлалъ въ ней пальцемъ ямки и клалъ сѣмячко, послѣ чего въ молчаньи удалялся вмѣстѣ съ присутствовавшимъ при всей процедурѣ смотрителемъ. Не только разговаривать, но вообще, говорить что нибудь заключенному—жандармамъ было строго запрещено. Въ случаѣ необходимости—вахмистръ прибѣгалъ къ мимикѣ и, благодаря этому, впоследствии мы обозначали его шутивнымъ прозвищемъ «Мимика».

Появленіе молодыхъ всходовъ, пробивавшаяся повсюду зелень, доставляли намъ несказанное удовольствіе, а когда лѣтомъ зацвѣли посаженные самими жандармами вдоль забора цвѣты,

¹⁾ Арш. 4 длины, 1 ар. ширины—каждая.

мы пришли въ чисто дѣтское восхищеніе. Мы страшно соскучились по травѣ, по полямъ и лугамъ, и клоки зелени вызывали совершенно неожиданно пріятную волну чувствъ въ нашей изголодавшейся душѣ. Такое-же чувство возбуждали во время заключенія и тѣ немногія животныя, которыя были намъ доступны. Л. А. въ послѣдствіи такъ приучила воробьевъ, что они цѣлыми стаями сидѣли у нея на колѣняхъ и ѣли крошки хлѣба съ ея халата... Часто, когда мы ходили подъ руку, я вдругъ замѣчала, что она дѣлаетъ обходъ и тянетъ меня въ сторону. Нѣкоторое время я недоумѣвала, что это значитъ, а когда услышала отвѣтъ, то не могла не разсмѣяться... а потомъ — умилилась. Эта террористка, замѣчая ползущую гусеницу или жука, боялась раздавить насѣкомое!.. А мнѣ и въ голову не приходило смотрѣть, бѣжитъ ли какаянибудь маленькая тварь поперекъ дороги... Когда, позднѣе, у насъ появились кусты малины, и маленькая гусеница стала объѣдать зелень, то никакъ нельзя было уговорить моего друга заняться собираніемъ вреднаго существа и потопленіемъ его въ лейкѣ. Пусть лучше пропадаетъ малина и весь кустъ — истреблять живое созданіе она не можетъ! Однажды много смѣха возбудилъ ея поступокъ съ клопомъ, найденнымъ въ камерѣ и, вѣроятно, занесеннымъ какимънибудь жандармомъ. Л. А. тщательно завернула его въ бумажку и вынесла на гулянье: здѣсь клопъ былъ освобожденъ изъ бумажной обертки и осторожно выпущенъ на волю.

Меня очень интересовало такое отношеніе къ животнымъ и я спросила: всегда-ли она такъ относилась къ нимъ? Она сказала, что всегда уважала жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. И у нея это, дѣйствительно, была не временная тюремная «сентиментальность», а искреннее чувство, вполне гармонизировавшее со всей ея любящей натурой. Человѣка, болѣе гуманнаго по отношенію къ людямъ, трудно было встрѣтить, и въ первые годы, когда мелкая борьба съ тюремщиками не омрачала ея душу, эта гуманность и добросердечіе сіяли чуднымъ блескомъ. Л. А. знала жизнь и знала людей и не идеализировала ни то, ни другое. Она брала ихъ такъ, какъ они есть — смѣсь свѣта и тѣни. За свѣтъ — она любила, а тѣнь — прощала. Она имѣла счастливую способность находить и никогда не терять изъ виду хорошія стороны человѣка и непоколебимо вѣрила въ доброе начало, таящееся въ каждомъ. Она была убѣждена, что добро и любовь могутъ побѣдить всякое зло; что не суровый приговоръ, не репрессія, а доброе слово, участливое, дружеское порицаніе — самыя дѣйствительныя средства исправленія. Безконечная снисходительность во всѣхъ личныхъ отношеніяхъ была характернымъ свойствомъ Л. А. «Всѣ мы нуждаемся въ снисхожденіи» — было ея любимой поговоркой.

Мое собственное міросозерцаніе далеко не отличалось такимъ мягкимъ колоритомъ, но въ первые годы заключенія, вдали отъ общественной борьбы и той разгоряченной атмосферы, въ которой я жила на свободѣ, душа моя смягчилась, и общеніе съ такимъ

прекраснымъ типомъ любви не только къ *человѣчеству*, но и къ *человѣку* производило на меня чарующее впечатлѣніе. Я чувствовала удовольствіе нравственное и вмѣстѣ съ тѣмъ эстетическое: это была любовь, это была красота... красота совѣтъ другого рода, чѣмъ жесткая энергія и непреклонная суровая воля, которая ломаетъ все, что встрѣчаетъ на своемъ пути, и удивительные образцы которой я видѣла ранѣе вокругъ себя... Слущая и наблюдая Л. А., оцѣнивая ее, какъ челоѣка, невольно можно было спросить, какъ мирится ея гуманность и добросердечіе съ насилиемъ и кровью революціонной дѣятельности? Распространять вокругъ себя свѣтъ и теплоту, дѣлать людей счастливыми—вотъ, казалось, — поприще для такой любящей натуры. И однако-жъ безобразіе и несправедливость политическаго и экономическаго строя бросили ее на другой путь. Вопиющая эксплуатація трудящихся массъ—сдѣлала ее социалисткой. Невозможность свободной общественной дѣятельности въ Россіи и варварское угнетеніе личности—превратили ее въ террористку. Любящая, самоотверженная душа нашла въ революціонномъ протестѣ единственную форму, въ которую, съ спокойной совѣстью, могла вложить свои альтруистическія чувства, чтобъ цѣною собственной жизни расчистить пути жизни для слѣдующихъ поколѣній....

Осенью того-же 86 года, когда мы свидѣлись съ Л. А., мы были вынуждены отказаться отъ прогулокъ вдвоемъ, хотя онѣ однѣ только и скрашивали нашу жизнь. Это случилось такъ: по тюремной инструкціи прогулка вдвоемъ и пользованіе огородами были льготой, даваемой за «хорошее поведеніе». Понятно, быть взысканнымъ, не въ примѣръ прочимъ, «за поведеніе», никому не могло быть пріятнымъ, а оцѣнка поведенія производилась смотрителемъ, или вѣрнѣе, онъ просто давалъ льготы, кому хотѣлъ, проявляя обыкновенно вопиющую несправедливость. Были товарищи, повседневно поведеніе которыхъ не выходило изъ рамокъ, въ которыхъ держались всѣ, и, однако, никакими льготами они не пользовались. Они немножко стучали съ сосѣдями—но это былъ общій грѣхъ.

Въ тюрьмѣ люди не могутъ обойтись безъ сношеній между собой: совѣтъ не стучать только одни душевно-больные. Но, если однимъ нарушителямъ тюремныхъ правилъ можно было дать прогулку вдвоемъ и огородъ, казалось бы, слѣдовало дать ихъ всѣмъ. Но этого не было... и нѣкоторые товарищи, какъ Кобылянский, Златопольскій умерли, не выдавъ дружескаго лица. Другимъ, какъ Панкратову, Мартынову, Лаговскому—пришлось ждать этой льготы цѣлые годы...

Какими средствами, не имѣющими ничего общаго съ «хорошимъ поведеніемъ», иногда можно было добиться свиданья съ товарищемъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра, случившагося съ М. Р. Поповымъ.

Однажды наша тюрьма огласилась крикомъ: «Караулъ!!!» Всѣ насторожились, недоумѣвая, въ чемъ дѣло?

Мгновенно форточка въ двери Попова открылась, и въ ней появилось лицо смотрителя Соколова.

— «Что нужно?» грубо спросилъ онъ.

— Не могу дольше такъ жить!... отвѣчаетъ Поповъ. — Дайте свиданье!...

Смотритель, помолчавъ и, смотря въ упоръ ему въ лицо, сказалъ: «Доложу Начальнику Управленія».

Черезъ нѣсколько минутъ является Покрошинскій (комендантъ).

— «Что нужно заключенному?» спрашиваетъ онъ.

— Не могу дольше жить такъ... повторяетъ Поповъ. — Дайте прогулку вдвоемъ!...

Покрошинскій: «Заключенный кричалъ: караулъ! и требуетъ льготы... Пусть заключенный подумаетъ: если мы теперь-же исполнимъ его желаніе,—какой примѣръ это подастъ другимъ?!... Но, если заключенный немного подождетъ, — мы удовлетворимъ его. Если же онъ вздумаетъ кричать опять, мы уведемъ его въ другое помѣщеніе»..... (т. е. въ старую тюрьму или карцеръ).

Михаилъ Родіоновичъ нашелъ болѣе выгоднымъ подождать, и чрезъ нѣсколько дней его свели на гулянья съ Шебалинымъ.

Но не всякій былъ такъ изобрѣтателенъ, какъ Михаилъ Родіоновичъ, и большинство молчало. Иногда, раздача льготъ была прямо таки орудіемъ непонятной злобы и мести въ рукахъ смотрителя. Если на его «ты» ему отвѣчали той же монетой, то заключенный терялъ все шансы на то, чтобъ увидѣться съ кѣмъ нибудь изъ своихъ, хотя бы дни его жизни были сочтены. Савелій Златопольскій никакихъ столкновеній со смотрителемъ не имѣлъ, но стучалъ съ сосѣдями, хотя весьма мало. У него открылось сильное кровотеченіе горломъ... Силы его падали день ото дня, но смотритель съ холодной жестокостью оставлялъ его въ одиночествѣ. То же было и съ Кобылянскимъ, который говорилъ смотрителю «ты»... Отсутствіе льготъ у Панкратова тоже было актомъ мести.

Тяжело было, возвращаясь съ гулянья, думать о сосѣдѣ, лишенномъ послѣдней радости—видѣться съ товарищемъ. Тяжело—гулять вдвоемъ, когда тутъ-же вблизи уныло бродитъ товарищъ, тоже жаждущій встрѣчи и столь-же нуждающійся въ обществѣ, въ сочувствіи, въ другѣ.

Но мнѣ никогда не приходила въ голову мысль о какомъ нибудь выходѣ изъ этого положенія. Я считала тюремныя правила такой же несокрушимой твердыней, какъ каменные стѣны, желѣзныя двери и рѣшетки. Мнѣ казалось невозможнымъ сломить гнетущій насъ тюремный режимъ, какъ невозможно разрушить стѣны и замки.

Но Л. А. была другого мнѣнія: она думала, что противъ тюремныхъ порядковъ надо въ той или иной формѣ протестовать. Распределеніе льготъ смотрителемъ — произвольно и несправедливо, а *потому* не можетъ быть терпимо. Л. А. предлагала въ этомъ случаѣ протестъ пассивный, а именно добровольный отказъ

отъ льготъ со стороны тѣхъ, что ими пользуется въ данное время. Отказъ, конечно, долженъ быть мотивированнымъ: въ немъ слѣдовало указать на болѣе или менѣе одинаковое поведеніе всѣхъ заключенныхъ и на чувство товарищества и симпатіи, не позволяющее намъ спокойно пользоваться тѣмъ, чего лишены другіе.

Я долго не могла рѣшиться на такую жертву. Конечно, мнѣ было тяжело при мысли, что я пользуюсь благомъ, отъ отсутствія котораго, рядомъ, задыхается товарищъ.... Но я чувствовала себя «на днѣ» жизни, и свиданія съ Л. А. были моей единственной радостью!... Если бы я еще могла вѣрить, что жертва будетъ плодотворна и что добровольнымъ отказомъ намъ удастся вырвать изъ рукъ зрителя орудіе угнетенія товарищей! Но мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобъ намъ уступили въ такомъ серьезномъ пунктѣ, а если такъ, то не будетъ ли это простымъ самоистязаніемъ и притомъ навсегда, потому что, отказавшись однажды, отступить было уже невозможно. Къ тому же нѣкоторые изъ пользовавшихся «льготой» гуляли съ товарищами настолько уже больными, что имъ безусловно была необходима дружеская помощь.

Видя, какъ меня пугаетъ разлука, Л. А. на время замолкала... Но вопросъ, беспокоившій насъ, снова и снова выплывалъ въ нашихъ бесѣдахъ. Л. А. постоянно указывала мнѣ на новыя стороны вопроса: она говорила, что нужно имѣть въ виду не одни только непосредственные результаты протеста; что помимо прямой цѣли—добиться того, чтобы прогулки вдвоемъ и пользованіе огородамъ стали общимъ достояніемъ тюрьмы, нормой, а не льготой,—протестъ, самъ по себѣ, имѣетъ значеніе. Среди всеобщаго молчанья и подчиненія, администрація увидитъ, что мы не относимся пассивно къ тому, что совершается вокругъ насъ, что мы думаемъ не только о себѣ, какъ того постоянно требуетъ начальство, но также сочувствуемъ товарищамъ и поднимаемъ голосъ въ защиту ихъ. «Говорите только о себѣ»—было всегдашнимъ замѣчаніемъ при употребленіи кѣмъ либо слова «мы». А тутъ, во имя товарищества, люди отказываются отъ того, что въ глазахъ начальства составляетъ награду. Ничто не дороже такъ начальству, какъ безпрекословное, пассивное воспріятіе всего, что отъ него исходитъ.

И вотъ люди, лишенные не только всѣхъ юридическихъ, но и просто элементарныхъ человѣческихъ правъ, и относительно которыхъ приняты всѣ мѣры къ полному подавленію ихъ личности,—эти люди ставятъ себя, хотя бы на минуту, выше своихъ тюремщиковъ и палачей: они критикуютъ и осуждаютъ распоряженія тюремной администраціи и указываютъ на необходимость перемѣнъ въ режимѣ, установленномъ для того, чтобъ держать въ желѣзныхъ тискахъ этихъ самыхъ критиковъ.

Мало-по-малу Л. А. убѣдила меня въ справедливости своихъ доводовъ, и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами мы отказались отъ пользованія льготами до тѣхъ поръ, пока онѣ не

будутъ распространены на всю тюрьму. Первоначально, довольно многіе соглашались дѣйствовать съ нами за одно, но потомъ, какъ это часто случается въ тюрьмѣ, все спуталось и замѣшалось, и вмѣсто болѣе или менѣе общаго протеста, только Л. А., я, Ю. Богдановичъ, Поповъ и Шебалинъ довели дѣло до конца. Въ теченіе полутора года мы не пользовались льготами... За этотъ періодъ не мало утекло воды. Погибъ жестокой смерью Грачевскій, сжегшій самъ себя. Смотритель Соколовъ былъ послѣ этого уволенъ, и новый смотритель Федоровъ. весной 1888 г., далъ льготы всѣмъ, кромѣ Лаговскаго. Когда-же Л. А. и я заявили, что все-же не воспользуемся прогулкой вдвоемъ, пока и Лаговскій не будетъ пользоваться ею, то Федоровъ далъ товарища и Лаговскому. Съ тѣхъ поръ въ тюрьмѣ вывелись какія бы то ни было раздѣленія на категоріи, и я думаю, что желаніе администраціи не возбуждать неудовольствія заключенныхъ было причиной, что льготы, какъ награда за поведеніе, остались только на бумагѣ (въ инструкціи), но исчезли въ нашей тюремной жизни.

Послѣ того, какъ осенью 86 года Л. А. разсталась со мной, въ ея жизни начался новый періодъ. Въ первые годы заключенія въ Шлиссельбургѣ ея отношеніе къ крайне тягостнымъ правиламъ тюремной дисциплины ничѣмъ не отличалось отъ отношенія къ нимъ всѣхъ товарищей: всѣ мы были въ подавленномъ состояніи, и въ атмосферѣ застѣнка, въ который мы были брошены, казалось, надо или прямо идти на смерть, какъ пошли Минаковъ и Мышкинъ, или молчать, покоряясь участи связаннаго по рукамъ и ногамъ человѣка. Но Минаковъ и Мышкинъ, равелинцы и карійцы, были людьми, уже нѣсколько лѣтъ терпѣвшими безправіе и угнетеніе; у нихъ могло уже не хватать силъ на дальнѣйшую жизнь при такихъ условіяхъ. Изъ остальныхъ многіе, въ томъ числѣ Л. А.,—были новички. Тотъ, кто былъ, когда либо, подвѣваемъ образа Іисуса, во имя идеи претерпѣвшаго оскорбленія, страданія и смерти, кто въ дѣтствѣ и юности считалъ Его—идеаломъ, а его жизнь—образцомъ самоотверженной любви,—пойметъ настроеніе только что осужденнаго революціонера, брошеннаго въ живую могилу за дѣло народнаго освобожденія. Въ первое время послѣ суда душа, во многихъ отношеніяхъ, настроена почти такъ же, какъ у человѣка, который умираетъ: спокойный и просвѣтленный, онъ не цѣпляется судорожно за то, что покидаетъ, но твердо смотритъ впередъ съ полнымъ сознаніемъ, что наступающее—неизбѣжно и неотвратимо.

Мало того: идеи христіанства, которые съ колыбели, безсознательно и сознательно, прививаются всѣмъ намъ, внушаютъ осужденному отрадное чувство, что наступилъ моментъ, когда дѣлается проба человѣку, испытывается сила его любви и твердость его духа, какъ борца за тѣ идеальныя блага, добыть которыя онъ стремился не для своей скоро-преходящей личности, а для народа, для общества, для будущихъ поколѣній.

Понятно, что при такомъ настроеніи никакой словесный или

физическій бой съ шайкой сбирровъ и заплочныхъ дѣлъ мастеровъ немислимъ. Въдъ Исусъ не сопротивлялся, когда Его поносили и заушали. Всякая мысль объ этомъ является уже про-фанаціей Его чистой личности и кроткаго величія...

Несомнѣнно и у Л. А. было подобное-же настроеніе. Но потомъ оно исчезло. Пока мы видѣлись съ нею, она сдерживалась, чтобъ не оставить меня въ одиночествѣ, которое для меня было такъ губительно. Но даже и тогда, порой у нея прорывался гнѣвъ при обстоятельствахъ, которые мнѣ казались ничтожными. Такъ однажды, жандармъ, стоявшій на посту и бдительно присматривавшійся ко всему, что мы дѣлали, почему-то улыбнулся. Быть можетъ, онъ слышалъ что нибудь изъ нашего разговора, и это показалось ему забавнымъ. Внезапно я услышала гнѣвный голосъ Л. А. «Вы приставлены тутъ, чтобъ наблюдать, а не для того, чтобы смѣяться!» говорила она... и вся дрожала отъ волненія. Я удивилась ея горячности и была огорчена: мнѣ казалось, лучше бы сдѣлать видъ, что не замѣчаешь этой улыбки. Но Л. А. была другого мнѣнія...

Послѣ нашей разлуки подобныя столкновенія съ жандармами участились, а осенью 87 г. Л. А. съ нѣсколькими товарищами была уведена въ старую тюрьму. Это было—наказаніе, такъ какъ гигиеническія условія въ послѣдней были несравненно хуже, чѣмъ въ новой тюрьмѣ, гдѣ мы находились съ 84 г. Отлученіе отъ остальныхъ товарищей тоже должно было имѣть тягостное психическое вліяніе, а обращеніе тюремщиковъ съ наказанными было самое безцеремонное. Пребываніе въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ въ старой тюрьмѣ и было тѣмъ поводомъ, по которому ген. Шебеко дѣлалъ Л. А. выговоръ. Уводъ-же ея туда случился при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Лаговскій постоянно лазилъ на окно, чтобъ въ форточку смотрѣть на товарищей, гулявшихъ въ огородѣ, расположенномъ противъ его камеры. Самъ же онъ въ то время не имѣлъ ни прогулки вдвоемъ, ни огорода. Однажды, когда, не смотря на многократныя замѣчанія, онъ все-таки не повиновался,—его увели въ старую тюрьму. Узнавъ объ этомъ, Л. А. стала требовать, чтобъ увели и ее. Смотритель Соколовъ исполнилъ это желаніе. Тогда Поповъ потребовалъ того-же. Увели и его. Въ той же тюрьмѣ, но по другимъ поводамъ, оказались еще Грачевскій и Манучаровъ. Послѣдній былъ увенъ за пѣніе, на нѣсколько минутъ нарушившее обычную тишину тюрьмы. По пути изъ одного зданія въ другое онъ былъ избитъ въ присутствіи коменданта Покрошинскаго, впоследствии отрицавшаго этотъ фактъ.

Въ старой тюрьмѣ шли почти непрерывныя столкновенія съ жандармами изъ-за «стука». Товарищи переговаривались между собой и, чтобъ помѣшать имъ, жандармы поднимали неистовый шумъ: они брали полѣно и колотили имъ изо всей силы въ дверь, страшно раздражая этимъ нервы всѣхъ, или скоблили кочергой по желѣзу въ корридорной печи. Начиналась адская

музыка: въ корридорѣ человекъ 6 здоровенныхъ унтеръ-офицеровъ бомбардировали полѣвными двери камеръ. а запертые въ нихъ, измученные люди бѣшено отвѣчали, стуча кулаками и ногами, единственными орудіями, которыхъ у нихъ нельзя было отнять. По обѣ стороны дверей, снаружи и внутри, люди были въ бѣшенствѣ. Сцена выходила дикая и жестокая...

Когда-то, въ качествѣ студентки, я посѣщала психіатрическую больницу въ Бернѣ. Тамъ, между прочимъ, насъ водили въ отдѣленіе буйныхъ. Одну женщину, высокую худую брюнетку, съ горящими черными глазами и зловѣщимъ румянцемъ на щекахъ, я помню до сихъ поръ.

Когда профессоръ вошелъ къ ней, она, пробормотавъ нѣсколько словъ, внезапно принялась на него кричать, яростно жестикулируя и наступая. Скоро онъ долженъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ и быстро запереть дверь ея чисто тюремной кельи. Неистовые крики, угрозы и проклятья понеслись изъ за двери. Съ силой, совершенно не гармонизировавшей съ истощеннымъ видомъ пациентки, она наносила кулаками такіе удары въ дверь, что, казалось, еще минута, и дверь разлетится въ щепки. Толпа учащейся, мужской и женской, молодежи стояла въ тягостномъ смущеніи... Одинъ профессоръ, холодный и невозмутимый, со строгими, пронизывающими глазами, стоялъ, словно тюремщикъ, держа въ рукѣ ключъ... Онъ привыкъ, онъ не волновался...

Теперь такія же сцены происходили здѣсь, въ тюрьмѣ, съ людьми, которые не были маніаками, но находились въ условіяхъ и обстановкѣ, дѣлавшихъ ихъ похожими на маніаковъ. Немного раньше, чѣмъ Л. А., я сама въ теченіе нѣсколькихъ дней была участницей въ подобнаго же рода сценахъ, и ярость, которую я испытала, была такъ ужасна, что, разъ навсегда, я дала себѣ слово никогда болѣе не ставить себя въ подобное положеніе...

И такую жизнь, такую обстановку, когда каждую минуту дверь могла открыться, и 6 жандармовъ могли ворваться въ камеру, избить, связать и надругаться,—Л. А. съ небольшими передышками вела цѣлые мѣсяцы...

Это одинъ типичный случай, происходившій въ первый, самый тяжелый періодъ заключенія. Въ послѣдующіе годы условія тюремной жизни стали измѣняться къ лучшему, дикія сцены выходили изъ обихода. Побои, вязанье и надѣваніе сумасшедшей рубашки, которымъ въ первый періодъ подвергались нѣкоторые товарищи-мужчины,—прекратились. Столкновенія съ тюремной администраціей стали ограничиваться шумными пререканіями и рѣзкими словами...

Тюрьма, конечно, даетъ множество поводовъ къ неудовольствіямъ и конфликтамъ, и Л. А., въ той или иной степени, принимала участіе въ послѣднихъ. Иногда она воевала по поводу фактовъ, относившихся къ ней, но несравненно чаще—мотивомъ было чувство товарищества, желаніе поддержать или защитить

когонибудь другого. Въ своей брошюрѣ о жизни въ Шлиссельбургѣ она говоритъ: «сидя въ тюрьмѣ, нѣкоторое удовлетвореніе находишь лишь въ постоянной борьбѣ за чувство человѣческаго достоинства». Она, дѣйствительно, искала такого удовлетворенія и находила его... По своимъ взглядамъ на обязательность борьбы по всякаго рода поводамъ она сходилась съ той группой женщинъ на Карѣ, къ которой принадлежали Ковалевская, Россикова и Ковальская. Но она не была истерзана и надломлена, какъ Ковалевская, и не отличалась деспотизмомъ и такой страстной нетерпимостью, которые причиняли Ковалевской такіа глупія нравственные страданія. Л. А. уважала чужое убѣжденіе и чужую личность. Конечно, холодокъ пробѣгалъ и у нея, когда по поводу какогонибудь тюремнаго вопроса дѣло доходило до рѣзкаго разногласія съ друзьями. Но это было мимолетное явленіе; конечно добрая, она скоро забывала не только разногласіе, но даже и жесткое слово, которое могло сорваться по ея адресу. Ея незлобіе въ послѣднемъ отношеніи было удивительно—она ни на минуту не забывала тѣхъ условій, среди которыхъ мы жили въ Шлиссельбургѣ, и эти условія, въ ея глазахъ, вполне объясняли и извиняли всякую раздражительность. Сама она, по отношенію къ товарищамъ, никогда не страдала этимъ качествомъ: ея характеръ былъ всегда ровенъ и отличался несравненной мягкостью и веселостью, что составляло рѣзкую противоположность съ ея всегдашними отношеніями къ жандармеріи низшаго и высшаго порядка.

Долго гуляли мы съ Л. А., бесѣдуя только вдвоемъ и не имѣя никакой возможности увидѣться съ остальными товарищами. Но, какъ искусно описалъ М. Ю. Ашенбреннеръ въ своихъ воспоминаніяхъ, въ 1-ой книжкѣ «Былого», въ одинъ прекрасный день преграды, раздѣлявшія насъ, рушились: въ заборамъ самовольно были прорублены окошечки, и явилась возможность, въ каждахъ 2-хъ смежныхъ огородахъ, видѣться и говорить съ сосѣдами. Видя, что изоляція уже не существуетъ и что возстановить старую систему значило бы поднять въ тюрьмѣ волненіе и безпорядокъ, комендантъ Гангардъ, всегда отличавшійся большимъ тактомъ и лойяльной добротой, сдѣлалъ департаменту государственной полиціи докладъ, въ которомъ предлагалъ передѣлать огородные заборы такимъ образомъ, чтобъ верхняя часть ихъ была замѣнена деревянной рѣшеткой. Онъ мотивировалъ эту реформу скудостью свѣта въ огородахъ, со всѣхъ сторонъ затѣненныхъ сплошными заборами въ 3½ аршина высоты, отчего растенія тянулись и плохо развивались. Реформа прошла, и это было великое событіе въ нашей жизни. Не говоря уже о томъ, что количество солнечнаго свѣта, который мы научились цѣнить только въ тюрьмѣ, сильно увеличилось и уже отъ одного этого намъ стало веселѣе жить,—мы получили неоцѣненное благо, стоя на маленькихъ эстрадахъ, построенныхъ нами у за-

боровъ, говорить уже не въ окошечко, а черезъ рѣшетку съ сосѣдами. Этотъ переломъ въ общей жизни тюрьмы произошелъ въ 92 году.—Наша жизнь расширилась неизмѣримо, особенно для Л. А. и меня. Товарищи-мужчины могли смѣняться другъ съ другомъ парами (это тоже далось не сразу!) и такимъ образомъ каждый могъ познакомиться со всѣми и изъ 21—28 чел. выбирать себѣ любого собесѣдника, мы-же были совершенно лишены всякаго другого общества, кромѣ насъ двухъ, такъ какъ другихъ женщинъ въ тюрьмѣ не было. На меня одиночное заключеніе подѣйствовало такимъ образомъ, что я потеряла потребность въ общеніи съ людьми. Одинъ или два друга были-бы для меня вполне достаточны. Но Л. А. была человѣкъ крайне общительный, она любила общество, любила, какъ она выражалась, быть «на улицѣ». Въ этомъ мы составляли въ тотъ періодъ полную противоположность: я прямо тяготилась встрѣчами съ товарищами и чувствовала непреодолимое стремленіе бѣжать отъ нихъ. Такъ какъ я была вполне откровенна съ Л. А., то часто жаловалась ей на тягостныя чувства, которыя я испытывала; но она всѣми силами старалась убѣдить меня, чтобъ я боролась съ нездоровымъ стремленіемъ къ одиночеству. Она находила его ненормальнымъ и утѣшала, что понемножку это пройдетъ. Много разъ она ободряла меня, уговаривала и всячески старалась облегчить мнѣ возвратъ къ естественнымъ отношеніямъ къ людямъ. Ея здравомыслію и гуманной поддержкѣ я очень много обязана въ томъ, что въ концѣ концовъ стала находить пріятнымъ общеніе съ товарищами и вышла изъ состоянія, которое я теперь не могу назвать иначе, какъ состояніемъ одичанія. Ту же милую доброту и широкое альтруистическое чувство, которыми Л. А. обогревала меня, она дарила и другимъ товарищамъ. И если для нея самой было нужно и пріятно ихъ общество, то для нихъ, лишенныхъ теплой ласки, ея обаятельная личность имѣла неотразимую привлекательность. Всѣ хотѣли ее видѣть, и какъ можно чаще видѣть!—и ей приходилось, какъ выразился однажды Морозовъ, рѣзать себя на кусочки. И, въ самомъ дѣлѣ, она рѣзала, потому что отказать въ просьбѣ—была не въ силахъ. Время ея прогулокъ было распределено на нѣсколько смѣнъ, состоявшихъ въ томъ, что въ то время, когда она находилась въ одномъ огородѣ, въ сосѣднемъ находились двое товарищей; затѣмъ они уходили, и на ихъ мѣсто являлись другіе.

Послѣ обѣда въ 1 часъ, насъ водили въ мастерскія, помѣщавшіяся въ 90-хъ годахъ въ старой тюрьмѣ. Когда тамъ добились того, чтобъ форточки въ дверяхъ были во время работъ открыты, и затѣмъ товарищи завоевали право находиться по 2 и даже по 4 человѣка въ общемъ корридорѣ, то у двери столярной, гдѣ работала Л. А., постоянно стояла кучка собесѣдниковъ, и не смолкали разговоры, шутки или пренія. Всѣхъ она встрѣчала съ радушіемъ и улыбкой, всегда находя темы для разговора и обсуждения и служа для своихъ друзей постояннымъ источникомъ радости и утѣшенія.

Невозможно перечислить все, что она дѣлала для товарищей, эти сотни мелкихъ услугъ, заботъ и маленькихъ подарковъ, которые скрашивали и разнообразили монотонную жизнь въ тюрьмахъ. Понятно, что ее любили горячо. Прочувствованные стихи Н. А. Морозова, написанные по случаю ея увоза отъ насъ въ 1896 г., прекрасно выражаютъ чувства, которыя она вызывала въ друзьяхъ:

* * *

Полна участя и привѣта
Среди безмолвія и тьмы,
Она сошла, какъ ангелъ свѣта,
Подъ своды мрачныя тюрьмы...
Была чарующая сила
Въ душѣ прекрасной и живой
И жизнь она намъ обновила
Своей сердечной чистотой.
Въ глухой тюрьмѣ она страдала
Среди насилія и зла
Потомъ ушла... и не узнала,
Какъ много свѣта унесла...
Есть въ мірѣ люди: ихъ встрѣчаешь
Лишь въ дни гоненій и утратъ,
Но міръ за нихъ благословляешь
И жизнь за нихъ отдать бы радъ!...

* * *

Въ началѣ ноября 1896 г., когда мы находились въ старой тюрьмѣ на работѣ въ мастерскихъ, внезапно пришелъ вахмистръ и увелъ одного за другимъ нѣсколькихъ лицъ¹⁾ и между ними и Л. А., сказавъ, что ихъ ждетъ комендантъ. Всѣ были въ недоумѣніи и тревогѣ, не зная, что бы это значило. Однако увведенные скоро возвратились. Они были взволнованы и рассказали, что комендантъ имъ объявилъ, что по коронаціонному манифесту срокъ каторжныхъ работъ имъ сокращенъ: каторга безсрочная замѣнена 20 годами (Василію Иванову, Ашенбреннеру и Поливанову), а остальнымъ (Панкратову, Суровцеву, Яновичу и Л. А.) срокъ сокращенъ на одну треть, въ силу чего Л. А., Суровцевъ и Яновичъ должны теперь же выйти изъ крѣпости. Частичная амнистія, оставлявшая другихъ товарищей въ прежнемъ положеніи, не приносила амнистированнымъ радости, а Л. А. встрѣтила ее прямо съ гнѣвомъ: когда мы, обрадованные, что хоть нѣсколько человѣкъ выйдутъ изъ нашей могилы, бросились поздравлять ее,—она не хотѣла слышать никакихъ поздравленій и ликованій и лишь мало-по-малу примирилась съ фактомъ. Тогда начались спѣшныя приготовленія къ отправкѣ и планы насчетъ будущаго.

¹⁾ Василия Иванова, Суровцева, Яновича, Поливанова, Панкратова.

Еще въ 95 году, предполагая, что черезъ четыре года, по окончаніи срока каторги, она будетъ сослана въ Сибирь или на Сахалинъ, Л. А. рѣшила пополнить свои медицинскія знанія, чтобъ въ ссылкѣ быть полезной населенію въ качествѣ фельдшерицы. Докторъ Безродный, который, оставаясь вполнѣ лояльнымъ, облегчалъ намъ жизнь своей гуманной отзывчивостью на каждую нашу нужду, оказалъ и тутъ всевозможную помощь, доставивъ нѣкоторые учебники, полный человѣческій скелетъ и отдѣльные кости, по которымъ Л. А. могла изучитъ анатомію. Морозовъ прочелъ ей краткій курсъ химіи, а Лукашевичъ, этотъ образецъ альтруизма, когда дѣло шло о помощи въ научныхъ занятіяхъ, взялся прочесть А. Л. на гуляньи курсъ гистологіи, что и выполнилъ блестящимъ образомъ. Микроскопъ у насъ былъ съ 91 г., когда на заработанные товарищами ¹⁾ деньги комендантъ Гангардъ купилъ намъ подержанный Гартнагъ. Этотъ микроскопъ выносился на гулянья, ставился между рейками рѣшетчатой части забора и такимъ образомъ Лукашевичъ могъ демонстрировать Л. А. гистологическіе препараты, которые приготавливалъ съ большимъ искусствомъ. Л. А. быстро усваивала необходимыя знанія и съ большимъ усердіемъ изучала предметы намѣченного курса, который предполагала пройти въ четыре года. Амнистія неожиданно прервала эти занятія, чрезвычайно полезныя въ видахъ будущей ссылки.

Тяжело было Л. А. покинуть насъ послѣ столькихъ лѣтъ общей жизни, полной всевозможныхъ невзгодъ. Она любила насъ... и знала, что для нѣкоторыхъ нужна, какъ свѣтъ, какъ воздухъ. Нѣжная заботливость объ этихъ лицахъ сказывалась много разъ въ послѣднихъ ея бесѣдахъ со мной, когда она просила меня не забывать, что для нихъ—ея отѣздъ особенно тяжелъ... 23 ноября ее и 4-хъ другихъ товарищей: Мартынова и Шебалина, 12-лѣтній срокъ которыхъ какъ разъ тогда кончился помимо амнистіи, и амнистированныхъ: Яновича и Суровцева—должны были увести.

Послѣдній часъ передъ отѣздомъ Л. А. провела въ моей камерѣ. Все время—она плакала, я—утѣпала. Трогательныя слова, сказанныя ею на прощанье, были—что въ Шлиссельбургѣ она покидаетъ лучшихъ людей, которыхъ когда либо знала...

Въ 1 часъ дня, уѣзжавшихъ, одного за другимъ, стали выводить изъ камеръ, а потомъ изъ тюрьмы. По выходѣ изъ тюремной ограды на обширный дворъ крѣпости, гдѣ съ одной стороны находятся братская могила по убитымъ воинамъ и рядъ домовъ, въ которыхъ обитаетъ высшая тюремная администрація, а съ другой—церковь, садъ и казармы низшихъ чиновъ,—каждый освобожденный останавливался, чтобъ безмолвнымъ жестомъ выразить намъ свое «послѣднее прости». Изъ оконъ камеръ мы смотрѣли на ихъ удаляющіяся фигуры... Каждый, обернувшись въ нашу сторону, дѣлалъ низкій поклонъ; мужчины снимали

¹⁾ Они выточили ограду на братскую могилу воиновъ, павшихъ въ битвѣ со шведами при Петрѣ I.

шапку и махали ею, въ знакъ привѣтствія... а Л. А., остановясь два или три раза, махала платкомъ. Мы тоже держали въ рукахъ бѣлые платки, которые издали легче было видѣть чрезъ двойныя рамы и рѣшетки нашихъ оконъ... Мы провожали взглядомъ друзей, возвращавшихся къ жизни, и въ эту минуту, казалось, вокругъ насъ образуется новая темная пустота... Вотъ они дошли до воротъ и скрылись... для насъ они переставали существовать: словно морская бездна разверзлась и поглотила ихъ, и ни одна вѣсточка не должна была сказать намъ, что будетъ съ ними дальше?... Темная неизвѣстность, какъ «слѣпцовъ» Матерлинка, всегда и во всемъ окружала насъ...

По выходѣ изъ Шлиссельбурга Л. А. увидалась наконецъ со своимъ сыномъ, тогда уже студентомъ естественнаго факультета Петербургскаго университета, и духовная связь между ними оказалась сильна и глубока. Мужъ Л. А.—Александръ Александровичъ Волкенштейнъ, еще до суда говорившій ей, что въ случаѣ ссылки въ Сибирь послѣдуетъ за ней, исполнилъ это обѣщаніе теперь, и отправился на Сахалинъ, назначенный Л. А., какъ мѣсто поселенія. Тамъ въ портѣ Корсаковскомъ, представляющемъ лучший пунктъ всего острова, онъ занялъ мѣсто врача въ больницѣ, а прибывшая туда моремъ Л. А. получила мѣсто фельдшерицы. Въ газетѣ «Наша Жизнь» отъ 26 января нынѣшняго года помѣщена теплая замѣтка г-жи Александровой о дѣятельности Л. А. на Сахалинѣ.

Эта жизнь была полна самоотверженія и активной любви къ ближнему. Обстановка Сахалина, съ его безправнымъ населеніемъ, жестокими нравами, презрѣніемъ администраціи къ человѣческой личности, давала полный просторъ для протеста противъ угнетателей и защиты угнетенныхъ, къ чему было такъ склонно сердце Л. А. Какъ должно было вліять на больныхъ ея участливое, мягкое отношеніе, можетъ составить себѣ понятіе всякій, кто только имѣлъ случай знать лично Л. А. Въ Шлиссельбургѣ были товарищи, которые считали, что обязаны ей своею жизнью. Такъ, С. А. Ивановъ, одно время почти обреченный на гибель вслѣдствіе кровотеченій горломъ, приписываетъ свое воскресеніе ничему иному, какъ сочувствію и нравственной поддержкѣ, которую во время болѣзни ему оказывала Л. А., нарочно переселившаяся къ нему въ сосѣдство, чтобъ черезъ стѣну оказывать ему дружескую помощь. Кто читалъ мемуары объ Алексѣевскомъ равелинѣ нашего дорогого товарища П. С. Поливанова, конечно, помнитъ трогательный образъ Н. Колодкевича, на костыляхъ подходившаго къ стѣнѣ, чтобъ нѣсколькими ласковыми словами утѣшить и развлечь Петра Сергѣевича. Короткій разговоръ черезъ бездушный камень раздѣлявшій двухъ узниковъ, погибавшихъ отъ цынги и одиночества, — былъ ихъ единственнымъ утѣшеніемъ и поддержкой. По признанію автора мемуаровъ, не разъ доброе слово Колодкевича спасало его отъ острыхъ припадковъ меланхоліи, толкавшихъ его къ самоубійству... И въ самомъ дѣлѣ ласковое



Алексѣй Владиміровичъ
УХТОМСКІЙ.

участіе въ тюрьмѣ творить истинныя чудеса, и если бы легкій стукъ въ стѣну не разрушалъ каменную преграду, раздѣляющую человѣка отъ человѣка, осужденный не имѣлъ бы возможности сохранить жизнь и душу... Не даромъ борьба за стукъ есть первая борьба, которую ведетъ узникъ: это прямо борьба за существованіе, и за нее, какъ за соломенку, бессознательно хватается всякій замурованный въ келью... Когда же наступаетъ моментъ, что осужденные на одиночное заключеніе могутъ встрѣтиться лицомъ къ лицу и замѣнить символическій стукъ живой рѣчью, то доброта души, воплощенная въ звуки голбса, ласковый взглядъ и дружеское рукопожатіе даютъ отраду, невѣдомую для того, кто не теряетъ свободы. Въ этомъ отношеніи миссія и роль Л. А. въ тюрьмѣ была велика, и многія сердца навсегда запечатались ея образомъ и сохранять о ней горячее воспоминаніе, полное признательности... Въ Шлиссельбургѣ и на Сахалинѣ—она была одна и та-же—великая силой своей любви къ людямъ, полная благороднаго мужества и неуклонной стойкости.

Прекрасная душой, Л. А. обладала и красивой внѣшностью: она была довольно высокая, очень стройная... Темные, слегка вьющіеся волосы тяжеловѣсной косой падали на ея спину. Прекрасный цвѣтъ лица и мягкія славянскія черты съ бровями, проведенными широкимъ мазкомъ, хорошо очерченный ротъ и чудные сѣрые глаза, неотразимые въ минуты серьезности и грусти—вотъ ея портретъ въ лучшіе годы жизни въ Шлиссельбургѣ.

Л. А. убила 10-го января текущаго года во Владивостокѣ, гдѣ она жила послѣдніе годы по отъѣздѣ съ Сахалина. Одна изъ пуль, направленныхъ въ безоружную толпу манифестантовъ, среди которыхъ была и она, порвала ея жизнь. Она покоится въ землѣ на разстояніи 9 т. верстъ отъ того мѣста, гдѣ она мучилась и страдала, и гдѣ погребены тѣ, кто не перенесъ физическихъ и нравственныхъ тягостей нашей Бастиліи. Но одна и та же идея, идея свободы соединяетъ эти два отдаленные пункта, лежащіе на противоположныхъ концахъ нашей родины. Борьба, начатая одиночками, поднятая среди общаго молчанія организаціей, которая была сильна не числомъ, а лишь энергіей и готовностью погибнуть за общее благо, волнуетъ теперь все наше отечество отъ моря до моря и, быть можетъ, лучшей эмблемой единодушія русскихъ людей, стремящихся къ свободѣ, будутъ служить эти могилы: въ Шлиссельбургѣ съ одной стороны и во Владивостокѣ—съ другой. И если когда нибудь здѣсь и тамъ захотятъ почтить память погибшихъ, то памятники въ честь ихъ должны быть одинъ и тотъ же, и на немъ можно начертать одни и тѣ же слова:

„Погибшимъ—слава,
Живущимъ—свобода!“

В. Фигнеръ.

· 25 февраля 1906 г.



Къ біографіи А. В. Ухтомскаго ¹⁾.

Навсегда останутся памятными обстоятельства геройской смерти машиниста А. В. Ухтомскаго, разстрѣяннаго безъ суда на ст. Люберцахъ въ декабрѣ мѣсяцѣ «карательнымъ» отрядомъ л.-гв. Семеновскаго полка. Ухтомскій обнаружилъ необыкновенное величіе духа, поразившее даже тѣхъ, кто разстрѣливалъ его. Корреспондентъ газеты «Русь», г. Владимировъ, на основаніи собранныхъ имъ матеріаловъ, даетъ слѣдующее замѣчательное описаніе его смерти ²⁾.

«Собирая свѣдѣнія о дѣятельности отряда Семеновскаго полка на станціяхъ Московско-Казанской жел. дор., мнѣ пришлось слышать отъ многихъ свидѣтелей рассказы о машинистѣ Ухтомскомъ, который геройски держалъ себя въ послѣднюю минуту своей жизни. Многія свѣдѣнія о немъ почерпнуты изъ рассказа капитана Семеновскаго полка, который самъ разстрѣливалъ его въ Люберцахъ вмѣстѣ съ тремя рабочими, и наблюдалъ его послѣднія минуты.

«Капитанъ былъ очарованъ этой личностью; солдаты съ глубокимъ уваженіемъ смотрѣли, какъ умѣютъ умирать мужественные люди. Они любовались имъ и свои чувства къ нему проявили въ томъ, что послѣ перваго залпа онъ остался цѣлъ и невредимъ. Ни одна пуля не коснулась его.

«Это обстоятельство можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что въ моментъ казни однородныя чувства переживались всѣми.

«По внѣшности онъ (Ухтомскій) ничѣмъ не обращалъ на себя вниманіе. Небольшого роста, съ живыми умными глазами, онъ производилъ впечатлѣніе очень скромнаго, даже застѣнчиваго человека.

«Совершенно случайно, проѣзжая на лошадяхъ черезъ Люберцы, Ухтомскій остановился въ мѣстномъ трактирѣ, ничего не предполагая о прибытіи солдатъ на станцію. Когда его обыскали тамъ, нашли при немъ револьверъ, задержали и отправили къ офицеру на станцію.

¹⁾ Въ февральской книжкѣ „Былого“ мы просили доставить намъ портретъ машиниста Ухтомскаго и біографическія о немъ свѣдѣнія, дабы, помѣстивши въ нашемъ журналѣ то и другое, прочтѣе сохранить память объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Просьба наша исполнена, и мы убѣждены, что исполнившему ее будутъ благодарны вмѣстѣ съ нами и всѣ читатели-друзья „Былого“.

²⁾ „Русь“ № 14. 30 января 1906 г.

«На допросѣ онъ не говорилъ своей фамиліи.

«Офицеръ, просматривая списокъ, имѣвшійся у него въ рукахъ, и фотографическія карточки, сличивъ одну изъ нихъ съ живымъ оригиналомъ, вскрикнулъ: «вы машинистъ Ухтомскій, вы будете разстрѣляны!»—«Я такъ и думалъ!»—хладнокровно отвѣтилъ Ухтомскій.

«Это происходило днемъ, около 3 часовъ. Ему предложили, не желаетъ ли онъ исповѣдываться, на что Ухтомскій изъявилъ свое желаніе.

«Послѣ исповѣди его, вмѣстѣ съ тремя рабочими люберецкаго тормозного завода, повели къ разстрѣлу.

«Онъ обратился къ офицеру и сказалъ: «Я знаю, что если попадусь въ ваши руки, вы разстрѣляете меня, поэтому я такъ спокойно чувствую себя, такъ какъ былъ ежеминутно готовъ къ смерти. Теперь, передъ смертью, я скажу вамъ, кому вы обязаны, что поѣздъ съ дружинниками благополучно ушелъ изъ Москвы, спасая главныхъ участниковъ и главарей боевой дружины и членовъ стачечнаго комитета.

«Когда всѣ дороги въ Москвѣ были захвачены войсками и выѣздъ ихъ изъ Москвы не представлялся возможнымъ, я взялся вывезти дружину, не смотря на то, что около сортировочной станціи, на огородахъ, вы угрожали мнѣ пулеметами.

«Въ этомъ опасномъ мѣстѣ, на большой кривой и совершенно открытой мѣстности, удобной для обстрѣла пулеметами, я развилъ скорость поѣзда до 90 верстъ въ часъ. Я самъ управлялъ паровозомъ.

«Давленіе пара въ котлѣ я довелъ до 15 атмосферъ, до предѣла взрыва котла. Намъ грозила опасность не отъ пулеметовъ, а отъ возможности взлетѣть на воздухъ.

«Чтобы развить такую скорость, пришлось идти не только при открытомъ поддувалѣ, но еще при усиленной работѣ сифона.

«И вотъ, когда на этой кривой нашъ поѣздъ стремглавъ летѣлъ впередъ, застрекотали ваши пулеметы. Они не были для насъ опасны, потому что сильнѣе намъ грозили взрывъ котла и возможность слетѣть внизъ головой съ насыпи.

«Но тутъ помогла опытная рука машиниста, управлявшая паромъ и вмѣстѣ судьбою преслѣдуемыхъ вами людей. Вы ранили тогда 6 человекъ, но ни одного не убили. Всѣ спаслись и находятся далеко... Вамъ не достать ихъ!..»

«На мѣстѣ казни ему предложили завязать глаза, онъ отказался, говоря, что встрѣтитъ смерть лицомъ къ лицу, а также отказался повернуться спиной къ солдатамъ.

«Его случайные товарищи по разстрѣлу молили офицера даровать имъ жизнь, становились на колѣни, рыдали. Минута передъ казнью была ужасна!

«Ухтомскій молча смотрѣлъ на приготовленія, потомъ обратился къ солдатамъ: «Сейчасъ вамъ предстоитъ обязанность исполнить долгъ согласно вашей присягѣ. Исполните его честно, такъ же,

какъ я исполнялъ честно долгъ передъ своей присягой; но наши присяги разные... Капитанъ, командуйте!..»

«Раздался залпъ... Рабочіе упали.

«Ухтомскій остался недвижимъ съ скрещенными руками на груди. Ни одна пуля его не задѣла.

«Раздался второй залпъ—и онъ упалъ на снѣгъ!.. Онъ былъ живъ... въ полномъ сознаніи, ужаснымъ взглядомъ смотря на окружающее.

«Капитанъ, видя его живымъ и желая быть милосерднымъ, приблизился съ револьверомъ въ рукахъ и прекратилъ его мученія выстрѣломъ въ голову».

Къ даннымъ о смерти мы можемъ присоединить нѣсколько біографическихъ подробностей объ А. В. Ухтомскомъ, сообщенныхъ намъ г. Какушкинымъ.

Алексѣй Владимировичъ Ухтомскій, мѣщанинъ, родомъ изъ Новгородской губерніи, 29 лѣтъ отъ роду. Учился въ Петербургѣ, въ ремесленномъ училищѣ Цесаревича Николая. Года за два до окончанія курса А. В. вышелъ изъ училища и поступилъ на чугунно-литейный заводъ (въ Петербургѣ). Затѣмъ служилъ помощникомъ машиниста и машинистомъ на Самаро-Златоустовской жел. дорогѣ. Здѣсь онъ нѣсколько лѣтъ назадъ получилъ поврежденіе лица при исполненіи своихъ обязанностей на паровозѣ и выигралъ затѣмъ дѣло, взыскавъ съ дороги, какъ пострадавшій по винѣ послѣдней, 4.000 рублей. Эта сумма дала ему возможность приобрести домъ въ гор. Пензѣ, гдѣ до настоящаго времени проживаетъ его семья ¹⁾. Передъ смертью Ухтомскій служилъ машинистомъ на Московско-Казанской желѣзной дорогѣ. 11-го октября прошлаго года былъ арестованъ въ Москвѣ за участіе въ забастовкѣ; 22 октября былъ амнистированъ. Ни къ какой политической партіи Ухтомскій не принадлежалъ. О смерти Ухтомскаго его родные узнали только изъ газетъ...



¹⁾ Семья Ухтомскаго состоитъ изъ жены и четырехъ дѣтей. Кромѣ дома, приносящаго ежегодно не болѣе 100 руб. дохода, никакихъ средствъ у семьи не осталось.

Письмо В. К. Кюхельбекера къ А. С. Пушкину ¹⁾).

3 августа 1836 г. Баргузинъ.

Признаюсь, любезный другъ, что я было уже отчаявался получить отъ тебя отвѣтъ на письмо мое; но тѣмъ болѣе я ему обрадовался: жаль только, что при немъ не было первой книжки твоего журнала: я ее не получилъ.

Ты хочешь, чтобъ я тебѣ говорилъ о самомъ себѣ. *Нынѣ* это мнѣ еще совершенно невозможно: въ судьбѣ моей произошла такая огромная перемѣна, что и понынѣ душа не устоялась. Дышу чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, иду куда хочу, не вижу ни ружей, ни конвоя, не слышу ни скрипу замковъ, ни шопота часовыхъ при смѣнѣ,—все это прекрасно, а между тѣмъ, повѣришь-ли? порою жалѣю о своемъ уединеніи. Тамъ я былъ ближе къ вѣрѣ, къ поэзіи, къ идеалу; здѣсь все не такъ, какъ ожидалъ даже я, порядочно же, кажись, разочарованный на счетъ людей и того, чего можно отъ нихъ требовать.—Впрочемъ *le goût me viendra en mangeant*: вотъ напр. какъ вчера въ лѣсу, когда предложили мнѣ вмѣсто обѣда соленыхъ омулей, нѣсколько, какъ говорятъ здѣсь, *вонькихъ*; отъ нихъ чуть было не сорвало съ души; но протаскавъ цѣлое утро бревна и доски, я усталъ, проголодался и—вообрази—съѣлъ цѣлаго омуля. Такъ-то наконецъ и нравы здѣшніе придутся же мнѣ по зубамъ. Еще одно: когда я началъ дневникъ свой, я именно положилъ, чтобъ онъ отнюдь не былъ исповѣдью, а вышло напротивъ; проговариваюсь, и довольно даже часто. Иначе и быть не можетъ. Есть случаи, гдѣ *«всякъ человѣкъ ложь»*; но есть и такіе, гдѣ *всякъ человѣкъ—истина*. Писать къ тебѣ и о самомъ себѣ, какъ не высказать того, что во мнѣ бродитъ? А это еще рано.

Ты, другъ Александръ Сергѣевичъ, полагаешь, что я получалъ въ крѣпости много литературныхъ новостей. Ошибаешься. Французскихъ и Нѣмецкихъ книгъ мнѣ давали очень немного; изъ Русскихъ только въ послѣднее время попадались мнѣ не совсѣмъ еще старыя. Здѣсь у брата нашелъ я кое что, но и то не новое. Надо, Балзака, Альфреда де-Виньи знаю только по отрывкамъ

¹⁾ Отрывки изъ этого письма были напечатаны въ статьѣ Н. Ф. Дубровина „В. А. Жуковский и его отношенія къ декабристамъ“. (Русск. Стар. 1902, т. СХ, алф. стр. 95, 96, 108). Письмо напечатано вскорѣ послѣ освобожденія Кюхельбекера изъ крѣпости и водворенія его на поселеніе. Въ полномъ видѣ оно печатается въ первый разъ.

изъ русскихъ журналовъ. Послѣдняго: *une Histoire de la Terroir* по моему мнѣнію, разсказъ превосходный. Надо, кажется, талантъ мощный, но стулья, штаны, карнизы etc. его слишкомъ занимаютъ. Что сказать объ исторической вѣрности, о мѣстности, на которой помѣшались особенно наши молодцы? Не пустое ли и глупое ребячество все это? У Шекспира анахронизмовъ, анатотезмовъ тѣмъ. А между тѣмъ! Съ анахронизмовъ перейдемъ къ бездѣлкѣ, которую тебѣ посылаю. «Моя Ксенія всего менѣе поэма историческая. Женитьба князя Ярослава Ярославича Тверскаго только матерьяль. Мой Ярославъ совсѣмъ другое лицо, лицо до-татарское, потому и небывалое; и,—полагаю, что это хорошо. Упомяни я только слово о татарахъ, такъ воспоминанія о ихъ чудовищномъ величій чисто бы задушили ничтожную басню о любви Ксеніи и Ермаила, Юрія и Ольги». Эти строки, отдѣленные вводными знаками, пусть будутъ предисловіемъ къ моей поэмѣ, если только позволять ее напечатать. А это бы было очень не худо, потому что деньги мнѣ нужны и пренужны. Земледѣлецъ я плохой; быть же въ тягость брату нехочется. Къ стати! Нѣсколько разъ писалъ я къ роднымъ, чтобъ отправили ко мнѣ всѣ мои деньги сполна; у меня по всѣмъ разсчетамъ еще около 1.000 рублей, которые мнѣ теперь *необходимы здѣсь*; у брата-де около 700 долгу, а это въ нашемъ положеніи не вздоръ, особенно же потому что порабощаетъ насъ людямъ, отъ которыхъ я не желалъ бы зависѣть. Сдѣлай же дружбу, Александръ Сергѣевичъ, скажи сестрѣ и племяннику, чтобъ непременно выслали мнѣ всѣ мои деньги *разомъ*: увѣрь ихъ, что по 100 или по 200 рублей намъ нисколько не поможетъ. Твои слова, быть можетъ, будутъ дѣйствительныѣ писемъ. Ты же съ своей стороны выхлопочи мнѣ позволеніе съизнова приобрѣсть что нибудь. На тебя надѣюсь болѣе; чѣмъ на дюжину такъ называемыхъ дѣльныхъ людей. Запасу у меня довольно: и въ стихахъ и въ прозѣ. Участвовать въ твоемъ журналѣ я радъ. Мои условія: по 24 листа печатныхъ или по 12 статей въ стихахъ и въ прозѣ въ годъ за 2.000 или 1.500,—разумѣется, что мелкія стихотворенія не въ счетъ. Не дорого-ли? Сверхъ того прими на себя трудъ издать или продать то, что позволяютъ мнѣ напечатать отдѣльно. Учиться мнѣ, другъ, ровно некогда: надобно вырабатывать хлѣбъ насущный. Книгъ пришли мнѣ: Эсхилла съ комментаріями, хорошій словарь латинскій, Тацита, Куравъ на Англійскомъ, Саконталу на Англійскомъ же, Ша-Намэ на Нѣмецкомъ (Гёрреса). Только все это, когда заведутся у меня свои пѣнязи. Въ подарокъ приму отъ тебя съ благодарностью все русское, что разсудишь переслать мнѣ. *Нашею* критикою и я не слишкомъ доволенъ; только не думаю, чтобъ она въ наше время была лучше. Честности-то точно было болѣе; но, другъ, иная простота хуже воровства. Не слишкомъ-ли ты строгъ и къ Кукольнику. *Къ тебѣ* я конечно писалъ бы о немъ нѣсколько иначе, чѣмъ къ племянникамъ; но все же онъ не то, что Тимофѣевъ, который (*par paranthèse*) безбожно обкрадываетъ и тебя и меня,

Языкъ Кукольникъ знаетъ плохо, стихъ его слишкомъ изнѣженъ, главный порокъ его—болтовня; но все же онъ стоитъ, чтобъ напр. ты принялъ его въ руки: въ немъ могъ бы быть путь; дай ему болѣе сжатости, силы, бойкости: мыслей и чувства у него довольно, особенно (не во гнѣвъ тебѣ) если сравнить его кое съ кѣмъ изъ нашихъ сверстниковъ и старшихъ братій.—Гоголь? Изъ выписокъ Сенковского, который его впрочемъ ругаетъ, вижу, что онъ долженъ быть человѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ. Пришли мнѣ его комедію. Трагедію Хомякова (только не Ермака) Ник. Глинка мнѣ расхвалилъ; точно-ли она хороша? Гдѣ Левъ Сергѣевичъ? Пишетъ-ли? Прощу ему кланяться.

Обнимаю тебя твой *Вильгельмъ*.

P. S. Je ne vous ai pas remercié pour votre lettre, mais c'est que tout procédé généreux et noble est une chose qui vous est tout naturelle, et sur laquelle on ne fait pas de phrases, quand on parle à Pouchkine.

Разумѣется, что статьи, которыя стану присылать къ тебѣ, будутъ подлиннѣе нынѣшней.



Документы для исторіи Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли.

Въ исторіи освободительнаго движенія въ Россіи за послѣднія 25 лѣтъ Красный Крестъ сыгралъ огромную роль. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не существуетъ не только исторіи этого Общества, но даже не собраны документы, относящіеся къ его дѣятельности. Въ бумагахъ П. .І. Лаврова, полученныхъ редакціей «Былого», мы нашли нѣсколько документовъ по исторіи «Краснаго Креста», часть которыхъ мы и печатаемъ ниже.

Начало организаціи Краснаго Креста относится къ 1881 году. Партія Народной Воли придавала Красному Кресту чрезвычайно важное значеніе и энергично занялась его устройствомъ въ то самое время, когда ей приходилось одновременно вести рядъ другихъ очень серьезныхъ предпріятій. Тѣмъ того же года по порученію Исполнительнаго Комитета Ю. Н. Богдановичъ взялъ на себя задачу организовать особый отдѣлъ Краснаго Креста для устройства побѣговъ изъ ссылки. Для этой цѣли онъ ѣздилъ въ Томскъ, а его ближайшій помощникъ Н. В. Колюжный—въ Красноярскъ. Имъ помогали въ этой задачѣ Теллаловъ, Грачевскій и др. Благодаря перехваченнымъ адресамъ въ Москвѣ, въ концѣ 1881 г., произведены были многочисленные аресты среди лицъ, привлеченныхъ въ Красный Крестъ. Тогда были арестованы Шварцъ, Юрасовъ и др.,—всего до 150 чел.

Осенью 1881 г. Центральное Управленіе Краснаго Креста Народной Воли обратилось къ П. .І. Лаврову съ письмомъ, гдѣ оно просило его совмѣстно съ В. И. Засуличъ быть представителями Краснаго Креста за границей. Вотъ это письмо цѣликомъ, не бывшее еще въ печати:

Многоуважаемый

Петръ Лавровичъ!

Центральное Управленіе Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли, имѣющаго своею цѣлью защиту и нравственную поддержку лицамъ, подвергшимся гоненію за свободу мысли и совѣсти, въ виду наиболѣе широкаго осуществленія задачи Общества, намѣрено распространить свою организацію не только въ Россіи, но и за границей. Зная Васъ за человѣка, посвятившаго

всѣ свои силы тому же великому дѣлу, которому служимъ и мы, Управление убѣждено, что Вы не откажетесь принять участіе въ осуществленіи задачъ Общества и при томъ всеобщемъ уваженіи и довѣріи, которымъ вы пользуетесь, окажете ему тѣмъ существенную пользу. Управление проситъ Васъ быть его представителемъ въ качествѣ Уполномоченнаго Агента и при Вашемъ согласіи поручаетъ Вамъ вмѣстѣ съ Вѣрою Ивановною Засуличъ организовать Заграничный Отдѣлъ Общества.

Для полного уясненія задачъ Общества и руководства при организаціи отдѣла, прилагается уставъ. При этомъ Управление находитъ нужнымъ присовокупить, что при составленіи устава имѣлась въ виду, главнымъ образомъ, организація Общества въ Россіи, но такъ какъ условія дѣятельности его за границею могутъ имѣть значительныя особенности, то и самый уставъ по отношенію къ Заграничному Отдѣлу подлежитъ измѣненію, поэтому Управление покорнѣйше проситъ Васъ внести въ него дополненія, какія вы найдете нужнымъ.

Центральное Управление Общ. Кр. Кр. Народной Воли.

P.S. Письмо это, если Вы сочтете нужнымъ, можетъ быть опущено въ заграничныхъ газетахъ.

П. Лавровъ и В. И. Засуличъ приняли предложеніе, и 27 декабря за ихъ именами было опубликовано на русскомъ и французскомъ языкѣ заявленіе «Отъ заграничнаго отдѣла Общества Краснаго Креста Народной Воли»,—потомъ оно было перепечатано во многихъ иностранныхъ газетахъ, въ «Вольномъ Словѣ» и т. д. Подъ давленіемъ русскаго правительства, французскія власти выслали Лаврова въ началѣ 1882 г. изъ Франціи за эту попытку открыто организовать за границей отдѣлъ «тайнаго» русскаго общества Народной Воли, и онъ только спустя нѣсколько мѣсяцевъ получилъ возможность вернуться изъ Лондона снова въ Парижъ; приказъ объ его высылкѣ, однако, никогда отмѣненъ не былъ.

Отчеты Заграничнаго отдѣла печатались въ 1—3 №№ «Вѣстника Народной Воли». Осенью 1884 г. въ 10 № «Народной Воли» Центральное Управление Краснаго Креста заявило объ упраздненіи «Заграничнаго отдѣла» и передачѣ его дѣлъ отдѣльнымъ своимъ заграничнымъ агентамъ (см. «Вѣстникъ Народной Воли», № 4-й, стр. 236). Съ тѣхъ поръ за границей, хотя не переставали существовать различныя организаціи для помощи ссыльнымъ, но въ составъ Краснаго Креста онѣ не входили.

Въ Россіи Общество Краснаго Креста Народной Воли вскорѣ приняло виѣспартійный характеръ и стало дѣйствовать подъ именемъ «Общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ» или, просто, «Краснаго Креста»; дѣятельность Краснаго Креста, начавшаяся въ 1881 году, продолжается непрерывно до нашихъ дней. Можно безъ преувеличенія сказать, что Краснымъ Крестомъ за время его дѣятельности оказана

разнаго рода помощь многимъ-многимъ тысячамъ политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ и ихъ семьямъ. Освобожденная Россія съ благодарностью будетъ вспоминать эту дѣятельность Краснаго Креста, и было бы крайне желательно, чтобы нашлись свѣдущіе люди, которые занялись бы составленіемъ его исторіи.

Ред.

Уставъ Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли.

I.

§ 1. Общество Краснаго Креста есть спеціальный отдѣлъ общей организаціи партіи Народной Воли.

§ 2. *Цѣль его:* а) Матеріальная помощь (деньгами, платьемъ, доставленіемъ мѣстъ и т. п.) всѣмъ лицамъ, подвергшимся гоненію и пострадавшимъ за свободу мысли и совѣсти, безъ различія партій, къ которымъ они принадлежали, и религіозныхъ ученій.

б) Нравственная помощь тѣмъ же лицамъ, посредствомъ защиты и возстановленія ихъ правъ путемъ словесной агитаціи въ обществѣ, легальной и нелегальной прессы и воздѣйствія на мѣстную и центральную администрацію.

в) Установленіе правильныхъ и постоянныхъ сношеній между ссыльными и заключенными.

и г) Организація побѣга и освобожденіе лицъ заключенныхъ.

II.

СОСТАВЪ ОБЩЕСТВА.

§ 3. Общество Краснаго Креста составляется изъ постоянныхъ членовъ, испытываемыхъ и случайныхъ агентовъ.

§ 4. Постоянными членами могутъ быть только лица вполне согласныя съ настоящимъ уставомъ и готовые безусловно подчиняться ему.

§ 5. Приѣмъ постоянныхъ членовъ производится Мѣстными отдѣлами и Центральнымъ управленіемъ Общества, причемъ вступающій членъ долженъ имѣть за себя поручительство двухъ постоянныхъ членовъ.

§ 6. Для вступленія членомъ нужно пребыть испытываемымъ агентомъ не менѣе полугода.

§ 7. Всѣ члены пользуются одинаковыми и равными правами.

§ 8. Во всемъ, что касается общаго дѣла, членъ поступаетъ съ согласія Административнаго Отдѣла или Центрального Управленія,

къ которымъ принадлежитъ, и по требованію ихъ обязанъ дать отчетъ о своей дѣятельности.

§ 9. Каждый членъ правообязанъ привлекать случайныхъ агентовъ, о чемъ немедленно сообщаетъ Отдѣлу, для привлеченія же испытуемыхъ агентовъ должно быть и согласіе Отдѣла.

§ 10. Члены обязаны безусловно хранить тайну организаціи.

§ 11. За всѣ проступки противъ организаціи членъ подлежитъ суду товарищей.

§ 12. Если по суду членъ будетъ исключенъ изъ Общества, то постановленіе объ этомъ съ подробною мотивировкою передается въ Исполнительный Комитетъ.

§ 13. О выходѣ своемъ изъ Общества или о переходѣ въ другой Отдѣлъ членъ долженъ своевременно заявить *Администраціи*, при чемъ ему ставятся опредѣленные обязательства, охраняющія цѣлость организаціи и дальнѣйшее успѣшное веденіе дѣла.

§ 14. Все имущество, переданное членомъ общества, по выходѣ его считается собственностью общества.

§ 15. *Испытуемыми Агентами* могутъ быть лица, способныя по своимъ умственнымъ и нравственнымъ свойствамъ стать постоянными членами, но еще недостаточно извѣстныя Мѣстному Отдѣлу.

§ 16. Они могутъ быть посвящены во всѣ дѣла *Мѣстнаго Отдѣла*, но ни въ какомъ случаѣ не въ общія дѣла организаціи.

§ 17. Они, не имѣя права голоса въ общихъ дѣлахъ, не имѣютъ и строгихъ обязательствъ къ Обществу, но *Мѣстные Отдѣлы* должны стремиться поставить ихъ въ полную отъ себя зависимость.

§ 18. По прошествіи полугода Испытуемые Агенты могутъ быть приняты въ члены¹⁾.

§ 19. *Случайными Агентами* называются лица, привлеченныя для отдѣльныхъ дѣлъ и предпріятій членами на свой рискъ.

§ 20. Они не стоятъ ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ организаціи, и за всѣ ихъ поступки отвѣтственъ членъ, привлечшій ихъ къ дѣлу.

§ 21. Кромѣ спеціального дѣла, къ которому они привлечены, имъ не должно быть ничего извѣстно объ организаціи, какъ и вообще всѣмъ постороннимъ лицамъ.

III.

ОРГАНИЗАЦІЯ ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА.

§ 22. Всѣ дѣла и учрежденія Общества ведутся *Мѣстными Отдѣлами и Центральнымъ управленіемъ*.

¹⁾ Срокъ этотъ можетъ быть сокращенъ или увеличенъ по желанію Отдѣла.

А. МѢСТНЫЙ ОТДѢЛЪ.

§ 23. Мѣстный Отдѣлъ составляется изъ всего наличнаго числа членовъ данной мѣстности.

§ 24. Всѣми дѣлами Мѣстнаго Отдѣла завѣдуетъ администрація, состоящая изъ трехъ членовъ и двухъ кандидатовъ, выбираемыхъ отдѣломъ безъ срока, простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 25. Администраціи отдѣла подлежатъ всѣ дѣла мѣстной организаціи, а именно:

а) веденіе и завѣдываніе всѣми денежными средствами и всѣмъ имуществомъ (кассой, складами имущества, оружія и т. п.).

б) Устройство конспиративныхъ квартиръ, складовъ, притоновъ.

в) Заведеніе связей, полезныхъ для обезпеченія побѣговъ и сношеній и для защиты гонимыхъ отъ произвола мѣстной администраціи.

г) Храненіе всѣхъ имѣющихся въ Отдѣлѣ свѣдѣній о проѣзжихъ и таежныхъ дорогахъ, населенныхъ мѣстахъ и лицахъ въ нихъ, могущихъ быть полезными дѣлу, о количествѣ и расположеніи мѣстныхъ войскъ, планы мѣстъ заключенія, этаповъ и проч.

д) Составленіе подробныхъ списковъ всѣхъ ссыльныхъ и заключенныхъ съ обозначеніемъ ихъ біографій, средствъ къ жизни и отношенія ихъ къ революціонному дѣлу.

е) Распредѣленіе помощи между ссыльными и заключенными.

ж) Организація побѣговъ въ томъ случаѣ, если на это требуется затрата, превышающая смѣтную сумму не болѣе, какъ на 500 руб. единовременно и 1000 р. въ годъ. Въ случаяхъ болѣе сложныхъ должно быть спрошено согласіе Центральнаго Управленія¹⁾.

з) Созывать отдѣлъ для пріема новыхъ членовъ и другихъ экстренныхъ надобностей.

§ 26. Всѣ вопросы въ администраціи рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 27. Совѣщанія администраціи происходятъ еженедѣльно.

§ 28. Два раза въ годъ администрація отдастъ подробный отчетъ наличному числу членовъ Отдѣла, причемъ адреса, притоны и фамиліи могутъ не сообщаться.

§ 29. Для сношеній администраціи между собой, ими устанавливается особый шифръ, сношенія же съ центромъ см. ниже.

§ 30. Всѣ имѣющіяся въ отдѣлѣ свѣдѣнія администрація передаетъ въ Центръ по мѣрѣ ихъ накопленія.

¹⁾ Прежде чѣмъ оказать помощь въ побѣгѣ Отдѣлы и Уполномоченный агентъ извѣщаютъ Центръ о бѣгущихъ возможно подробнѣе, именно: имена и фамиліи, краткія біографіи и характеристики ихъ и ихъ намѣренія.

Въ видахъ цѣлости организаціи и пользы революціонному дѣлу имъ не должна оказываться помощь до полученія отвѣта изъ Центра.

При самомъ побѣгѣ Отдѣлы и Уполном. агентъ предупреждаютъ бѣгущихъ, что по прибытіи ихъ въ Россію имъ будетъ оказана помощь въ теченіе одного мѣсяца; въ это время они должны или примкнуть къ революціонной организаціи, или избрать себѣ родъ жизни.

§ 31. Два раза въ годъ: къ 1 января и къ 1 августа *администрація* представляетъ подробный отчетъ въ своей дѣятельности Центру и подробную смѣту необходимыхъ для нея затратъ на текущее полугодіе.

§ 32. Касса отдѣла составляется изъ суммъ, отпускаемыхъ Центромъ.

Б. ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

§ 33. Центральное Управленіе составляется не менѣе, какъ изъ пяти членовъ и не болѣе числа всѣхъ существующихъ Отдѣловъ Общества.

§ 34. Члены Центрального Управленія есть представители Отдѣловъ, отъ cadaго по одному, и одинъ изъ членовъ сверхъ числа представителей назначается отъ Исполнительнаго Комитета.

§ 35. Каждому отдѣлу извѣстенъ только его представитель, полный же составъ Центрального Управленія есть тайна, извѣстная только ему самому.

§ 36. Членъ Центрального Управленія можетъ уволиться не иначе, какъ съ согласія Центрального Управленія.

§ 37. Представитель отдѣла долженъ быть утвержденъ Центромъ.

§ 38. Членъ Центрального Управленія, назначенный Исполнительнымъ Комитетомъ, можетъ быть всегда отозванъ имъ, но на его мѣсто долженъ быть немедленно назначенъ новый.

§ 39. Всѣ дѣла и вопросы въ Центръ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ и только исключеніе члена требуетъ двухъ третей.

§ 40. Для веденія своихъ дѣлъ Центръ, кромѣ своихъ членовъ, можетъ имѣть неопредѣленное число запасныхъ агентовъ, избираемыхъ имъ самостоятельно.

§ 41. Запасный агентъ долженъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ, необходимымъ для вступленія постояннымъ членомъ.

§ 42. Вѣдѣнію Центрального Управленія подлежатъ:

а) Центральная касса.

б) Центральный архивъ.

в) Сношенія съ Мѣстными Отдѣлами и Исполнительнымъ Комитетомъ.

г) Судъ надъ своими членами и запасными агентами.

д) Веденіе всѣхъ предпріятій, учреждений и связей, обеспечивающихъ цѣлость всей организаціи и успѣшность въ достиженіи общихъ задачъ ея.

§ 43. Центральная Касса составляется: изъ имущества, внесеннаго всѣми членами Общества, добровольныхъ сборовъ среди лицъ, сочувствующихъ его задачамъ, и временныхъ, случайныхъ взносовъ членовъ и постороннихъ лицъ.

§ 44. Два раза въ годъ, по полученіи отчетовъ изъ отдѣловъ, Центральное Управленіе составляетъ смѣту на всѣ необходимыя затраты Общества, распределяетъ денежные расходы по Отдѣламъ

и, составивши такимъ образомъ денежный отчетъ и смѣту на текущее полугодіе, представляетъ въ Исполнительный Комитетъ.

§ 45. Разъ въ годъ Центральное Управление составляетъ подробный отчетъ въ дѣятельности всего Общества, одинъ экземпляръ котораго передается въ Исполнительный Комитетъ, другіе съ нарочно посланнымъ агентомъ передаются всѣмъ Мѣстнымъ Отдѣламъ и Уполномоченнымъ Агентамъ.

§ 46. Въ Центральномъ Архивѣ хранятся всѣ свѣдѣнія, полученные изъ Отдѣловъ.

§ 47. Для сношенія съ отдѣлами и уполномоченными агентами Центральное управление устанавливаетъ общій всему обществу шифръ.

§ 48. Центральное управление заботится объ увеличеніи денежныхъ средствъ Общества, о цѣлости всей организаціи, о привлеченіи лицъ, могущихъ такъ или иначе быть полезными Обществу (литературнымъ содѣйствіемъ, вліяніемъ на Центральную администрацію и т. п.).

§ 49. Всѣ дѣла Общества Центральное Управление ведетъ вполне самостоятельно.

Уполномоченные Агенты.

§ 50. Въ мѣстахъ, гдѣ за малочисленностью не можетъ быть организованъ Мѣстный Отдѣлъ, Центральное Управление ведетъ дѣло чрезъ Уполномоченныхъ Агентовъ, которыхъ избираетъ и назначаетъ самостоятельно.

§ 51. Правообязанности Уполномоченныхъ Агентовъ тѣ же, что и Мѣстныхъ Отдѣловъ (см. §§ 23—32) съ ограниченіемъ въ слѣдующемъ:

они не имѣютъ права:

- а) принимать новыхъ членовъ;
- б) начинать самостоятельно дѣла освобожденія
- и в) расходовать выше смѣтной суммы.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ должно быть спрошено согласіе Центра.

§ 52. Уполномоченный Агентъ не можетъ выйти изъ Общества прежде, чѣмъ сдастъ всѣ свои дѣла назначенному на его мѣсто.

§ 53. Члены Общества, притоны, шифры, имѣющіяся связи и самая организація Общества составляютъ тайну его и обнаруженіе ея передъ посторонними есть преступленіе противъ организаціи.

Уставъ Заграничнаго Отдѣла Краснаго Креста Народной Воли.

I.

Задачи его.

§ 1. Главная задача Заграничнаго отдѣла Общества состоитъ въ сборѣ денегъ и всякихъ пожертвованій для помощи лицамъ, подвергшимся преслѣдованіямъ и пострадавшимъ въ Россіи за свободу мысли и совѣсти безъ различія партій, къ которымъ они принадлежали. Оно также заботится о возбужденіи общественнаго мнѣнія Европы противъ русскаго деспотизма въ пользу русской революціонной партіи.

II.

Составъ Общества:

§ 2. Заграничный Отдѣлъ Общества Краснаго Креста состоитъ изъ Уполномоченныхъ Агентовъ Центральнаго Управленія, изъ Постоянныхъ членовъ и Случайныхъ агентовъ.

§ 3. Уполномоченные Агенты избираются Центральнымъ Управленіемъ изъ лицъ ему извѣстныхъ и отдавшихъ въ его полное распоряженіе.

§ 4. *Постоянными членами* могутъ быть лица, признающія этотъ уставъ и готовыя посвящать свои силы и время на достиженіе задачъ Заграничнаго Отдѣла Общества Краснаго Креста.

§ 5. Первые два члена въ каждой мѣстности приглашаются Уполномоченнымъ агентомъ этой мѣстности съ согласія остальныхъ Уполномоченныхъ агентовъ, по соглашенію съ Центральнымъ Комитетомъ. Дальнѣйшій же пріемъ Постоянныхъ членовъ совершается по единогласному рѣшенію Уполномоч. Агент. и всѣхъ принятыхъ уже постоянныхъ членовъ Общества.

§ 6. *Случайными агентами* называются лица, оказывающія тѣ или другія услуги Обществу и временно занимающіяся его дѣлами. Они привлекаются Уполномоч. Агент. или Постоянными членами на свой рискъ, не стоятъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ Обществу и не имѣютъ голоса въ его дѣлахъ, за исключеніемъ того именно предпріятія, для котораго они привлечены; всѣ же дѣла Общества, какъ и настоящій уставъ, не должны быть извѣстны ни имъ, ни кому другому изъ постороннихъ лицъ.

III.

Способы веденія дѣлъ Общества. (Организація).
Обязанности лицъ входящихъ въ составъ Общества:

а) Уполномоченныхъ Агентовъ:

§ 7. Уполномоченные Агенты ведутъ сношенія Заграничнаго Отдѣла Общества Краснаго Креста съ Центральнымъ его Управленіемъ, находящимся въ Россіи.

§ 8. У нихъ хранятся адреса и шифры для сношенія съ Центральнымъ Управленіемъ, безъ согласія котораго они не могутъ передавать ихъ другимъ членамъ.

§ 9. Они выдаютъ постояннымъ членамъ сборные листы за № и печатью Заграничнаго Отдѣла, также брошюры, фотографическія карточки и другія изданія Общества для распродажи ихъ.

§ 10. Къ Уполномоченнымъ Агентамъ поступаютъ все собранныя въ пользу Русскаго Краснаго Креста суммы, которыя ими пересылаются въ Россію.

§ 11. Никакія публикаціи, заявленія и изданія отъ имени Общества Краснаго Креста не должны совершаться безъ вѣдома Уполномоченныхъ Агентовъ, которые о таковыхъ въ важныхъ случаяхъ сносятся съ Центральнымъ Управленіемъ.

§ 12. Они сообщаютъ Центральному Управленію о приѣмѣ постоянныхъ членовъ, о выходѣ и исключеніи ихъ, а также должны наблюдать за точнымъ исполненіемъ настоящаго устава и отвѣтственны предъ Центральнымъ Управленіемъ за его нарушеніе.

§ 13. Удалиться отъ веденія дѣлъ Уполномоченный Агентъ можетъ только по согласію съ Центральнымъ Управленіемъ и по замѣщенію его новымъ.

б) Постоянныхъ членовъ:

§ 14. Постоянные члены содѣйствуютъ веденію всехъ дѣлъ Заграничнаго Отдѣла Общества и во всемъ, касающемся Общества, поступаютъ съ согласія собранія постоянныхъ членовъ и Уполномоч. Агент.

§ 15. Постоянные члены занимаются сборами пожертвованій по бланкамъ Заграничнаго Отдѣла, передавать которыя могутъ лишь тѣмъ случайнымъ агентамъ, за которыхъ вполне увѣрены, что они по нимъ будутъ производить сборы и не станутъ злоупотреблять ими, т. е. не передадутъ ихъ въ ненадежныя руки.

§ 16. Постоянные члены заботятся о продажѣ изданій Общества (брошюрь, фотографическихъ карточекъ и проч.) и всячески способствуютъ примѣненію тѣхъ способовъ и путей, которые Общество найдетъ полезнымъ практиковать для приобрѣтенія матеріальныхъ средствъ, или для возбужденія Евр. сочувствія.

§ 17. Они должны стараться не допускать никакихъ сборовъ по бланкамъ не отъ Общества и вообще никакихъ сборовъ отъ его имени, но въ сущности не для него, а также никакихъ публикацій и заявленій отъ имени, но безъ вѣдома и согласія Общества.

§ 18. О своемъ выходѣ пост. члены даютъ знать собранію

членовъ и по выходѣ обязаны продолжать хранить тайну Общества.

§ 19. За проступки противъ Организациі члены подлежатъ суду товарищей и могутъ быть исключены изъ состава Общества по приговору двухъ третей его мѣстныхъ членовъ, о чемъ (§ 12) сообщается Центральному Управленію.

Собранія постоянныхъ членовъ.

§ 20. Собранія постоянныхъ членовъ происходятъ по мѣрѣ надобности и состоятъ изъ Уполномоч. Агентовъ и постоянныхъ членовъ.

§ 21. На нихъ обсуждаются и рѣшаются способы веденія дѣлъ, подлежащихъ постояннымъ членамъ.

§ 22. На этихъ собраніяхъ постоянные члены даютъ отчетъ въ своей дѣятельности и дѣятельности случайныхъ агентовъ ими привлеченныхъ.

§ 23. Рѣшенія собранія постановляются простымъ большинствомъ.

ОБЩІЯ СОБРАНІЯ.

§ 24. Разъ въ три мѣсяца происходятъ Общія Собранія, на которыхъ, кромѣ Уполномоченныхъ Агентовъ и постоянныхъ членовъ, могутъ присутствовать и случайные агенты, а также *постоянные жертвователи*, т. е. лица, вносящія извѣстную сумму въ опредѣленные сроки.

§ 25. На Общихъ Собраніяхъ Уполномоч. Агенты знакомятъ присутствующихъ съ общимъ положеніемъ дѣлъ Заграничнаго Отдѣла. Какъ случайные агенты, такъ и постоянные жертвователи имѣютъ на нихъ право вносить предложенія на пользу Общества и пользуются правомъ голоса.

Настоящій уставъ имѣетъ силу во всѣхъ своихъ пунктахъ лишь въ странахъ, гдѣ не можетъ существовать вполне открыто и на законныхъ основаніяхъ общество афилированное Народной Волѣ, въ Англіи же и Америкѣ онъ допускаетъ значительныя видоизмѣненія.



Историческая библіографія.

Джорджъ Кеннанъ. *Сибирь и ссылка.* Очерки изъ жизни политическихъ ссыльныхъ. СПБ., 1906, 160 стр., ц. 40 к.

Американецъ Кеннанъ посѣтилъ въ 1885 г. Сибирь, и въ результатъ этого посѣщенія явилось добросовѣстное описаніе русской тюрьмы и ссылки и рядъ яркихъ портретовъ русскихъ борцовъ за свободу; его книга не мало способствовала правильному пониманію въ Европѣ русскаго государственнаго строя и оказала громадную услугу освободительному движенію въ Россіи; эта заслуга Кеннана никогда не забудется. Появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ въ высшей степени желательно. Правда, 15 лѣтъ тому назадъ она появилась въ Лондонѣ; но переводъ былъ неполонъ и къ тому же сдѣланъ не съ книги Кеннана, а съ его статей въ журналѣ, которыя въ отдѣльномъ изданіи были значительно пополнены. Только теперь стало возможнымъ появленіе ея въ Россіи. Къ сожалѣнію, переводъ, который лежитъ передъ нами, страдаетъ крупными недостатками. «Въ изданіи, говоритъ переводчикъ въ предисловіи, сдѣланы незначительные пропуски, именно опущены описанія нѣсколькихъ приволжскихъ городовъ, не представляющихъ интереса для русскаго читателя». Право переводчика на подобныя сокращенія не подлежитъ сомнѣнію. Въ книгѣ Кеннана есть, дѣйствительно, не мало страницъ, для русскаго читателя ненужныхъ. Но заявленіе переводчика совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Первый томъ подлинника имѣетъ 409 довольно убогихъ страницъ; русскій переводъ имѣетъ 160 весьма разгонистыхъ страницъ. Изъ этого видно, что сокращенія далеко не незначительны; дѣйствительно, выкинуты цѣлыя главы и притомъ весьма интересныя. Глава о Тюменской тюрьмѣ сокращена болѣе чѣмъ вдвое и сокращена совершенно произвольно; это уже не описаніе приволжскаго города. Изъ очень интереснаго описанія арестантской баржи въ Сибири остались только жалкія лохмотья. То же самое можно сказать о главѣ 11 подлинника («Ссылка въ административномъ порядкѣ»), которая уничтожена, какъ самостоятельная глава, и включена въ главу 5 перевода («Административно-ссылные»), въ которую

включена также 10 глава подлинника («Двѣ колоніи политическихъ ссыльныхъ»).

Сверхъ того, переводчикъ позволяетъ себѣ иногда довольно странно обращаться съ подлинникомъ. Виторта, технолога изъ Риги (стр. 233 подлинника), онъ обращаетъ въ Фитерта, врача изъ Варшавы (стр. 152 перевода); насколько намъ извѣстно, въ этомъ мѣстѣ Кеннанъ ошибки не сдѣлалъ, а если онъ ее сдѣлалъ, то исправлять ее слѣдовало въ примѣчаніи переводчика, а не въ текстѣ; еще хуже такіа искаженія: Кеннанъ говоритъ о полякѣ Бѣловѣжскомъ, который, несмотря на испытанныя имъ страданія, «смотрѣлъ на жизнь бодро и мужественно»; переводчикъ же говоритъ: «несмотря на свое глубоко-пессимистическое міросозерцаніе, (онъ) покорно подчинялся своей судьбѣ» (стр. 56). Ничего подобного въ подлинникѣ нѣтъ, а если переводчикъ знаетъ дѣйствительно міросозерцаніе упоминаемаго лица, то все таки не слѣдовало приписывать автору того, чего тотъ не говорилъ.

Переводчикъ не знаетъ того, что слово «officer» по-англійски значитъ не только офицеръ, но и чиновникъ, и потому писателя Орфанова, никогда на военной службѣ не состоявшаго, онъ обращаетъ въ офицера (стр. 135). Подобныхъ искаженій и ошибокъ масса.

Что касается до русскаго языка перевода, то въ общемъ онъ хорошъ, хотя иногда встрѣчаются крайне тяжеловѣсныя фразы, напр. въ самомъ началѣ перевода, на стр. 1.

Процессъ 193-хъ. Съ предисловіемъ В. Каллаша. Изданіе В. М. Саблина. Москва 1906 г. Цѣна 1 руб.

Мы горячо привѣтствуемъ появленіе на книжномъ рынкѣ отчетовъ о политическихъ процессахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, ибо безъ изученія этихъ процессовъ немыслимо познаніе судебъ нашего освободительнаго движенія. Среди процессовъ 70-хъ годовъ первенствующее мѣсто занимаетъ безспорно процессъ «Большой» или «193-хъ». Чрезвычайно интересный во многихъ отношеніяхъ самъ по себѣ, процессъ этотъ долженъ останавливать на себѣ вниманіе всѣхъ лицъ, занимающихся исторіей освободительнаго движенія въ Россіи, и со стороны его значенія въ послѣдующихъ судьбахъ движенія.

Къ сожалѣнію, заглавіе лежащей передъ нами книги не соответствуетъ совсѣмъ ея содержанію. Зачѣмъ понадобилось назвать ее «Процессомъ 193-хъ», когда въ книгѣ, кромѣ обвинительнаго акта по этому дѣлу, нѣтъ не только рѣшительно никакихъ свѣдѣній о *процессѣ*, но нѣтъ даже опубликованнаго въ свое время *приговора* по этому процессу.

Книга снабжена предисловіемъ г. Каллаша, но и въ этомъ предисловіи читатель напрасно будетъ искать хоть какихънибудь объясненій, касающихся причинъ непомѣщенія въ книгѣ,—

не говоримъ уже такого историческаго документа, какъ много разъ переиздававшаяся и заграницей, и въ Россіи (нелегально) рѣчь на судѣ И. Н. Мышкина, но, повторяемъ, даже официально опубликованнаго приговора.

Между тѣмъ, на дѣятельности правительства касательно процесса 193-хъ г. Каллашу болѣе чѣмъ стоило бы остановить свое вниманіе. Дѣло вотъ въ чемъ: обвинительный актъ по процессу 193-хъ, нѣкоторые свѣдѣнія объ этомъ процессѣ, рѣчь Мышкина и приговоръ вошли въ томъ 3-й изданной за границей серіи сборниковъ Базилевскаго «Государственные преступленія въ Россіи» и тамъ, въ предисловіи къ этому тому, находятся слѣдующія, касающіяся затронутого нами вопроса, строки:

«18 октября 1877 года въ Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената съ участіемъ сословныхъ представителей началось разбирательство дѣла о «революціонной пропагандѣ въ Имперіи», болѣе извѣстнаго подъ именемъ «Большаго процесса» и «процесса 193-хъ». Это знаменитое дѣло окончилось лишь 23 января 1878 года, т. е. тянулось свыше четырехъ мѣсяцевъ. Подробнаго отчета о процессѣ не существуетъ, хотя въ № 231 *Правительственного Вѣстника* за 1877 годъ черными буквами на бѣлой бумагѣ напечатаны слѣдующія строки:

«Краткія свѣдѣнія о засѣданіяхъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи будутъ съ настоящаго времени постоянно печататься въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Къ опубликованію обвинительнаго акта будетъ приступлено по прочтеніи его въ засѣданіи Особаго Присутствія. *Подробный же стенографическій отчетъ объ этомъ обширномъ дѣлѣ, вслѣдствіе невозможности своевременнаго его опубликованія на газетныхъ столбцахъ, будетъ отпечатанъ особо.*»

Это торжественно данное на страницахъ «Правительственного Вѣстника» обѣщаніе (относительно напечатанія стенографическаго отчета) не только никогда не было приведено въ исполненіе, но когда въ 1878 году нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ процессѣ и приглашенныхъ на собственный счетъ стенографовъ-адвокатовъ отпечатали также на собственный счетъ первую половину стенографическаго отчета о процессѣ 193-хъ, то книга эта, *по постановленію Комитета министровъ, была сожжена*. (О послѣднемъ обстоятельствѣ см. въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза ст. Богучарскаго «Цензурныя взысканія»).

Ничего подобнаго во вступительной статьѣ г. Каллаша къ «Процессу 193-хъ» не имѣется, а самый «Процессъ», повторяемъ, содержитъ въ себѣ только обвинительные акты, хотя нѣкоторые свѣдѣнія о процессѣ въ «Правит. Вѣстникѣ» все же печатались. (Въ книгѣ Базилевскаго они приведены по болѣе подробному изложенію этихъ свѣдѣній, напечатанному въ заграничномъ журналѣ 70-хъ годовъ «Община»).

При такихъ обстоятельствахъ цѣна книги въ рубль—непомиѣрно высока.

Тѣмъ не менѣе мы рекомендуемъ читателямъ ознакомиться съ этимъ процессомъ хотя бы только по одному его обвинительному акту.

В. Я.

Записки декабриста кн. С. П. Трубецкого. СПб.

Изд. ред. журн. «Всемирный Вѣстникъ» СПб. 1906.

Извѣстно, что записки кн. С. П. Трубецкого впервые были изданы Герценомъ въ 1863 году въ Лондонѣ во второмъ и третьемъ выпускѣ «Записокъ декабристовъ». Записки были напечатаны Герценомъ по черновому списку, и далеко не въ полномъ видѣ. Кн. С. П. Трубецкой не успѣлъ дать окончательной отдѣлки своимъ запискамъ: приблизительно половина сохранившихся послѣ него мемуаровъ посвящена цѣльному разсказу, главнымъ образомъ, о придворныхъ событіяхъ междоусерствіи и о крѣпостномъ сидѣніи; другую половину занимаютъ короткіе и болѣе длинные отдѣльные наброски и отрывки. Нѣкоторые изъ послѣднихъ представляютъ рядъ замѣчаній на записки Штейнгеля. Они являются цѣннымъ дополненіемъ къ запискамъ. Герценъ напечаталъ и основной, связный разсказъ и, въ видѣ дополненій къ нему, отдѣльные наброски. Но въ изданіи Герцена не появилась сравнительно большая часть записокъ, кратко излагающая исторію тайнаго общества, и довольно много набросковъ, представляющихъ, главнымъ образомъ, поправки и варианты поправокъ къ запискамъ Штейнгеля. Не знаемъ, почему Герценъ не помѣстилъ этихъ матеріаловъ: быть можетъ, потому что въ рукописи, имъ полученной, какъ разъ ихъ не хватало. Эти матеріалы остаются ненапечатанными до сихъ поръ и извѣстны лишь специалистамъ. Надо думать, что они войдутъ въ полное изданіе записокъ, предпринятое дочерью С. П. Трубецкого съ подлинной рукописи, подъ наблюденіемъ В. Е. Якушкина.

Въ 1874 году Каспровичъ перепечаталъ въ Лейпцигѣ «Записки» Трубецкого, цѣликомъ воспроизведя текстъ, данный Герценомъ, и подпортивъ его корректурными ошибками и недосмотрами. Конечно, изданіе Каспровича было предпринято безъ всякаго разрѣшенія наслѣдниковъ. Теперь «Записки» Трубецкого появляются третьимъ изданіемъ (первымъ въ Россіи). Они были напечатаны г. Сухонинымъ въ журналѣ «Всемирный Вѣстникъ» и вышли теперь отдѣльнымъ отискомъ. Этотъ отискъ представляетъ перепечатку изданія Каспровича, но г. Сухонинымъ текстъ еще больше испорченъ корректурными ошибками, а, главное, сокращеніями: всѣ отдѣльные наброски показались г. Сухонину лишнимъ балластомъ и онъ, безъ всякихъ колебаній, выбросилъ ихъ, сохранивъ все же заглавіе «Записки кн. Трубецкого».

Записки Трубецкого изданы г. Сухонинымъ тоже, конечно, безъ разрѣшенія лицъ, владѣющихъ правомъ изданія и подлинной рукописью. Когда Герцену сообщили о неудовольствіи на-

слѣдниковъ кн. Трубецкого, вызванномъ изданіемъ безъ ихъ разрѣшенія записокъ, Герценъ гнѣвно писалъ: «мы забыли, что у нихъ есть наслѣдники, мы имѣли дерзость считать себя наслѣдниками ихъ дѣла, хранителями ихъ памяти,—каждаго слѣда ихъ, ихъ страдальческой жизни». Герценъ и его друзья имѣли право считать себя наслѣдниками дѣла декабристовъ, но на какомъ основаніи г. Сухонинъ печатаетъ записки кн. Трубецкого, на какомъ основаніи онъ раньше, безъ всякаго разрѣшенія, перепечаталъ записки И. Д. Якушкина, записки Л. А. Волкенштейнъ,—отвѣтить трудно. Если бы еще онъ не искажалъ перепечатываемыхъ имъ матеріаловъ, а прилагалъ старанія къ возможно точному и полному воспроизведенію, можно было бы думать, что онъ считаетъ себя хранителемъ памяти, а то и этого сказать нельзя. Нѣкоторая доля уваженія къ памяти тѣхъ, чьи сочиненія г. Сухонинъ непрестанно перепечатываетъ, должна была бы обязать его просить разрѣшенія на изданіе у тѣхъ, кому авторы передали свои сочиненія, относиться съ вниманіемъ къ своимъ перепечаткамъ и не спѣшить выбрасывать на рынокъ изданія,—плохія—и съ внѣшней, и съ внутренней стороны. П. Щ.



Процессъ Вѣры Засуличъ (*судъ и послѣ суда*). Изд. «Современника». 1906 г. ч. 30 коп.

Брошюра возсоздаетъ картину крайне интереснаго, по своей исключительности въ исторіи освободительнаго движенія въ Россіи, процесса В. И. Засуличъ, обвинявшейся въ покушеніи на жизнь ген.-м. Трепова, бывшаго Петербургскаго градоначальника.

Не касаясь подробностей фактической стороны дѣла, изложенныхъ въ брошюрѣ, мы только отмѣтимъ, что выстрѣлъ В. Засуличъ и послужилъ какъ бы сигналомъ къ дальнѣйшей террористической дѣятельности революціонной партіи.

Характеренъ процессъ Засуличъ еще и тѣмъ, что это былъ первый и послѣдній гласный политическій процессъ, переданный на разсмотрѣніе суда присяжныхъ.

Оправданіе было неожиданно и повело за собой изъятіе разъ на всегда политическихъ дѣлъ изъ компетенціи суда присяжныхъ.

Брошюра почти исчерпываетъ фактическіе матеріалы, печатавшіеся въ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ; многіе изъ нихъ появляются впервые въ легальномъ изданіи. Особого вниманія заслуживаетъ блестящая рѣчь защитника прис. пов. Александра, дающая не только біографическія свѣдѣнія о Засуличъ, но и рисующая яркую картину положенія политическихъ заключенныхъ и весь ужасъ творимаго надъ ними административнаго произвола вплоть до «порки» Боголюбова ¹⁾.

¹⁾ Настоящая фамилія Боголюбова, такъ и осужденнаго подъ чужимъ именемъ, о чемъ судъ и не подозрѣвалъ, Емельяновъ,—объ этомъ было впослѣдствіи опубликовано въ нелегальной литературѣ.

Въ главѣ «Послѣ суда» особенно интересны «Воспоминанія начальника Дома Предварительнаго Заключенія» Федорова, который вскрываетъ закулисную сторону административной практики, попирающей и тотъ minimum правъ, которые предоставлены закономъ политическому заключенному. Много злобы и неистовства проявила администрація, когда Засуличъ, благодаря отчасти Федорову, удалось уйти живой и неискалѣченной изъ ея рукъ.

Къ брошюрѣ приложены еще выдержки изъ «Исторіи рев. движенія въ Россіи» Туна—«О значеніи процесса В. Засуличъ». характеристика Засуличъ изъ «Подпольной Россіи» Степняка и отрывокъ изъ воспоминаній Льва Гартмана о личности Боголюбова, изъ № 3 «Былое» 1903 г. (загр. изд.).

Брошюра производитъ законченное впечатлѣніе объ этомъ крайне интересномъ процессѣ.

Вл. Бѣлгородскій.

Н. П. Карабчевскій. Второе прибавленіе къ книгѣ «Рѣчи» (Дѣло бывшаго студента московскаго университета Егора Сергѣева Сазонова, обвиняемаго въ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве и рѣчь въ защиту Сазонова.) м. 25 к. 1906 г.

Въ этой брошюрѣ проводится полностью обвинительный актъ, довольно подробно излагающій обстоятельства дѣла, разбивавшагося на рубежѣ двухъ эпохъ русской исторіи. Данные, добытыя предварительнымъ слѣдствіемъ, пытаются кратко охарактеризовать дѣятельность П. С. Р. и передаютъ нѣкоторыя подробности, какъ подготовлялся самый актъ убійства Плеве. Наряду съ этимъ приводятся краткія данныя для біографіи Сазонова и Сикорскаго. Защитительная рѣчь Н. П. Карабчевскаго дополняетъ эти данныя не безынтересными подробностями.

Вл. Бѣлгородскій.

Alexänder Ular. *Die russische Revolution.* Berlin. 1905.

Иностранная публика, интересующаяся переживаемою Россіей революціею, ознакомится изъ книги Улара по большей мѣрѣ лишь съ одною стороною ея. Дѣло въ томъ, что авторъ почти совершенно не касается собственно исторіи русскаго освободительнаго движенія и формъ, въ которыя оно вылилось; это, впрочемъ, и къ лучшему, такъ какъ онъ, очевидно, совершенно не освѣдомленъ въ подобнаго рода вопросахъ, черпаетъ свои свѣдѣнія о нихъ изъ ходячихъ сплетенъ и случайныхъ разговоровъ, а его рассказы о дѣятельности террористовъ за послѣдніе годы подчасъ носятъ уже прямо самый фантастическій характеръ.

Книга посвящена не положительной, творческой сторонѣ нашей революціи, а тому процессу разложенія самодержавнаго режима Россіи, который довелъ его теперь до паденія. При этомъ,

точка зрѣнія, на которой стоитъ авторъ, въ высшей степени неглубока; онъ скользитъ по поверхности явленій жизни и останавливается лишь на наиболѣе сенсаціонныхъ изъ нихъ, т. е. по преимуществу не на явленіяхъ социальныхъ, а на такихъ, гдѣ проявляютъ себя особенно выдающіяся по своему положенію или дѣятельности личности. Причины революціи Уларъ объясняетъ слѣдующимъ простымъ образомъ. До середины прошлаго вѣка самодержавіе имѣло твердую опору въ дворянахъ-рабовладѣльцахъ. Послѣ того появились бюрократы-равночинцы. «Народилась новая каста. Она одинаково презирала и царя, и народъ. Она забрала неограниченную, безконтрольную силу и фактическое господство въ странѣ, гдѣ политическія убѣжденія являются преступленіемъ, а отвѣтственность—личная прерогатива монарха (стр. 140). Бюрократія образовала настоящіе союзы заговорщиковъ, связанныхъ общими интересами (стр. 146)». Безсовѣстное хозяйничанье этой бюрократической олигархii, находящей поддержку и въ самой высшей сферѣ общества, но не имѣющей подъ собою никакой твердой почвы, вызвало въ концѣ концовъ нашу теперешнюю смуту. «Несчастіе Россіи заключается не въ возмутительной системѣ управленія, а въ управленіи возмутительными людьми. И тайныя пружины революціи кроются не въ сопротивленіи противъ системы, а въ ненависти противъ индивидуумовъ, которые принаравливаютъ ее къ своимъ собственнымъ матеріальнымъ выгодамъ (стр. 167)». Другими словами, революція идетъ не противъ самодержавія, а только противъ бюрократіи.

Эти элементарныя разсужденія плохо, конечно, рекомендуютъ книгу Улара, носящую во всѣхъ частяхъ своихъ несерьезный, фельетонный характеръ. Такъ же мало рекомендуютъ основательность автора его легковѣріе ко всякимъ непровѣреннымъ слухамъ и фактическія ошибки въ изложеніи событій. И все же изображаемая имъ галлерей историческихъ личностей не лишена интереса. «Душевно-больной нѣмецкій Гольштейнъ-Готорпъ. Ольденбургскій Петръ III, Павелъ I, Александръ I, Николай I, Александръ II, и т. д., Императрицы, отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, отецъ Филиппъ Ліонскій, великіе князья, Побѣдоносцевъ, Плеве, Муравьевъ, Витте, *dii minores* Алексѣевъ, Безобразовъ, Вонлярскій, и пр.—одинъ за другимъ проходятъ предъ читателемъ въ галлерей виновниковъ русской революціи. Краски наложены рѣзко, грубо, подчасъ сгущенно, частью, какъ сказано уже, не вѣрно, книга вообще совершенно не выдерживаетъ, въ особенности въ своихъ деталяхъ, научной критики, но.... мы не рѣшились бы утверждать, что изображаемая ею общая картина продажности, разврата, тупости и жестокости тѣхъ круговъ, противъ которыхъ «интеллигентнымъ слоямъ русскаго общества приходится теперь напрягать всѣ свои усилія», не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ этомъ смыслѣ книга можетъ до нѣкоторой

степени оказаться полезной. Прибавимъ еще, что написана она очено бойко и живо.

Въ подробности ея входить, какъ явствуетъ изъ всего выше-сказаннаго, не стоитъ. Укажемъ лишь, какъ на примѣръ невѣрностей въ изложеніи фактовъ, что авторъ категорически приписываетъ Плеве сознательное непринятіе мѣръ къ предотвращенію перваго марта и участіе въ Судейкинско-Дегаевскомъ заговорѣ противъ жизни Великаго князя Владиміра—обвиненія безусловно невѣрныя. Бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Муравьева Уларъ считаетъ братомъ бывшаго министра юстиціи Муравьева, и т. д.

Журналъ «Наука и Жизнь» началъ печатать переводъ Улара.

Б. В.



Книги, поступившія въ редакцію:

Письма Ф. Лассалья къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ прим. Ф. Меринга. Книгоизд. „Литературное Дѣло“ ц. 1 р. 50 к.

Ю. И. Гессенъ. Евреи въ Россіи ц. 1 р. 50 к.

Діекъ Шигоня. Уставшій царь. Изд. Балашева ц. 1 р.

Г. Сенкевичъ. На полѣ славы ц. 1 р. 20 к.

Эмиль Дѣль. Судьба всѣхъ утопій, въ особенности соц.-демократической, и Дюрингова эмансипація личности, перев. Дм. Ройтманъ ц. 15 к.

Къ исторіи декабристовъ. Библ. „Свободная Россія“ ц. 10 к.

Кн. В. А. Щетининъ. Въ Московскомъ университетѣ ц. 15 к.

К. Каутскій. Соціальная реформа и на другой день послѣ соц. реформы. Изд. „Донская Рѣчь“ Н. Парамонова ц. 25 к.

Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи, подъ ред. В. В. Водовозова, вып. II изд. Книж. маг. „Наша Жизнь“ ц. 10 к.

Сборникъ Книгоиздательство „Набатъ“ М. ц. 1 р.

Отто Лангъ. Соціализмъ въ Швейцаріи. Биб. „Обществ. Пользы“ ц. 10 к.

Н. Бунаковъ. Какъ я сталъ и какъ пересталъ быть „учителемъ учителей“ изд. „Общ. Польза“ ц. 50 к.

Н. Бунаковъ. Сельская школа и народная жизнь изд. „Общ. Польза“ ц. 1 р.

Д-ръ Эд. Давидъ. Соціализмъ и сельское хозяйство изд. „Общ. Польза“ ц. 2 р. 50 к.

К. Каутскій, К. Гуго, П. Лафаргъ и Э. Бернштейнъ. Изъ исторіи общественныхъ теченій т. II изд. „Общ. Польза“ ц. 2 р.

Алексѣй Веселовскій.—Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. 3-е перераб. изд. М. 1906. ц. 1 р. 75 к.

Л. А. Чарская.—Газавать. 30 лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Истор. повѣсть. Изд. Т-ва Вольфъ.

Полное собраніе соч. Н. Г. Чернышевскаго. т. VIII. (Современникъ 1861 г.). Изд. М. Н. Чернышевскаго. СПб. 1906 г.



Мы просимъ доставить намъ:

I. Изданія, выходившія въ Россіи въ свободныхъ типографіяхъ.

Изъ изданій русскихъ тайныхъ типографій, появившихся до 90-хъ гг., намъ въ настоящее время удалось разыскать почти все;—неразысканнымъ осталось не многое, между прочимъ: „Листокъ Нар. Воли“ 1886 г. (съ рѣчью В. Н. Фигнеръ), 3-й и 5-й №№ „Чернаго Передѣла“ (1881 г.), „Заря рабочаго“ Халтурина (1880 г.), Приложение къ 4 № „Нар. Воли“ (1880 г.), Приложение къ 5 № „Нар. Воли“ (1881 г.), прокламація по поводу казни 3 апр. 1881 г. „Рабочая Газета“ (народовольцевъ) № 3... (если только выходила эта газета послѣ 2 №). Отчетъ под. 193-хъ (1878 г.), прокламація Южно-русскаго Рабочаго Союза (1880—81 гг.), Богораза „Борьба общественныхъ силъ въ Россіи“ (1886 г.), „Изъ Сибири“ (1886 г.), „Зерно“ № 2, нѣсколько прокламацій 60-хъ гг. („Мысль и Дѣло“, по поводу казни Арнольда и немногія др. прокламацій).

Недостатокъ въ изданіяхъ, выходившихъ въ тайныхъ типографіяхъ послѣ 90 года, у насъ болѣе значителенъ, но большинство изъ нихъ мы надѣемся разыскать съ помощью нашихъ читателей, которыхъ и просимъ подѣлиться съ нами этими изданіями, или только хотя-бы пока прислать намъ ихъ списки и описанія.—Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ „Былого“ мы напечатаетъ перечень того, что намъ къ тому времени не удастся разыскать.

Еще болѣшій недостатокъ мы ощущаемъ въ литографированныхъ и гектографированныхъ изданіяхъ свободной прессы, которыя иногда представляли большой интересъ. Такъ у насъ нѣтъ: брошюры о террористической борьбѣ, изд. въ 1884 г., газеты „Рабочій“ (1884 г.), „Студенчество“ (1882—3 гг.), „Свободное Слово“ (1883 г.), „Союзъ“ (1883 г.), „Гомонъ“ (1884 г.), „Письмо къ товарищамъ“ (Распопина) (1884 г.), „Самозванные марксисты“ (1885 г.), прокламація 86 и 87 гг. (кружка А. Ульянова) и т. д.

Болѣе подробный списокъ этихъ ненайденныхъ нами брошюръ мы дадимъ въ послѣдствіи, когда получимъ списки брошюръ, имѣющихся у разныхъ лицъ.

II. Заграничныя изданія.

Заграничныя изданія намъ удалось разыскать почти всѣ,—пока не найдены нами: „Отечество въ опасности“, изд. набатовцевъ (1877—78 г.), „Современность“ (Николядзе и Мечникова) (1868 г.), нѣкоторые №№ нечаевскихъ „Колокола“ (1870 г.) и „Общины“ (1871 г.).

III. Тайныя или неопубликованныя изданія и документы правительства.

Для нашихъ историческихъ работъ были бы очень нужны подобныя изданія. У насъ, напр., нѣтъ: біографическаго словаря русскихъ революціонеровъ Н. Н.

Голицына, „Списковъ разыскиваемыхъ по дѣламъ департамента полиціи“ (издается каждое полугодіе), „Ежегодныхъ обзоровъ важнѣйшихъ дознаній“ и т. д.

IV. Изданія, задержанныя цензурой.

Мы будемъ пополнять уже имѣющіеся въ литературѣ (см. „Энцикл. Словарь“ Брокгауза подъ словомъ „цензурныя взысканія“) списки задержанныхъ въ свое время цензурой книгъ и журнальныхъ статей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы будемъ на страницахъ „Былого“ возстановлять цензурные пропуски. Для этого намъ необходимо получить точныя свѣдѣнія о цензурныхъ вырѣзкахъ въ сочиненіяхъ такихъ писателей, какъ Щедринъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Михайловскій, въ воспоминаніяхъ и дневникахъ Пирогова, Горбачевского и пр.

NB. Въ томъ случаѣ, когда будетъ почему-либо невозможно выслать намъ недостающія у насъ изданія, о которыхъ мы только что говорили въ первыхъ 4 параграфахъ, то мы просимъ дѣлать для насъ обстоятельную опись этихъ сочиненій по той программѣ, по какой въ настоящее время нами составляется „Опытъ описанія русскихъ изданій, появившихся за границей и въ тайныхъ русскихъ типографіяхъ, и изданій, задержанныхъ цензурой“.

При описи этихъ изданій мы стараемся давать слѣдующія свѣдѣнія:

- а) полный титулъ сочиненія, годъ и мѣсто изданія, число страницъ, форматъ, указаніе, въ какой типографіи печаталось (вносить поправки въ ошибочныя обозначенія);
- б) имя автора (по возможности, раскрывать псевдонимы);
- в) краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ;
- г) указанія на рецензіи и критическія статьи;
- д) всякаго рода поправки и коментаріи къ тексту.

V. Неопубликованныя письма, дневники и статьи замѣчательныхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ дѣятелей и партійные документы.

Желательно получить: письма Желябова, А. Михайлова, Перовской, Халтурина, Гриневничаго, Кравчинскаго и др.; документы: „Уставъ боевой дружины рабочихъ“ (1880 г.), „Задачи боевой рабочей организаціи“, „Объяснительную записку къ программѣ рабочихъ членовъ партіи Н. В.“, уставъ мѣстныхъ организацій Н. В. и пр.

VI. Автобіографическія и біографическія свѣдѣнія.

Желательно собирать автобіографическія и біографическія данныя по программѣ, изложенной въ слѣдующемъ особо изданномъ нами „Вопросномъ листкѣ“

- 1) Фамилія, имя, отчество (псевдонимы въ литературѣ и жизни), національность, сословіе, вѣроисповѣданіе, образованіе, занятіе;
- 2) годъ, число и мѣсто рожденія и др. біографическія свѣдѣнія (свѣдѣнія о родныхъ, гдѣ преимущественно жилъ и т. д.);
- 3) когда, гдѣ, по какому дѣлу былъ арестованъ, гдѣ судился, каковъ былъ приговоръ, въ какихъ тюрьмахъ содержался, когда освобожденъ?
- 4) участвовалъ-ли въ литературѣ? въ какихъ изданіяхъ?
- 5) не было-ли въ литературѣ біографическихъ матеріаловъ и свѣдѣній о дѣлѣ? не помѣщались ли гдѣ портреты?
- 6) въ какихъ революціонныхъ дѣлахъ принималъ участіе?

НВ. Желательно получать о каждом лицѣ возможно болѣе подробные всякаго рода автобіографическіе и біографическіе матеріалы (его характеристику, оцѣнку его дѣятельности, описаніе отдѣльных эпизодовъ его жизни, свѣдѣнія о настоящемъ мѣстонахожденіи).

Адресъ для присылки обратно вопросныхъ листковъ и отвѣтовъ изъ нихъ: *С.-Петербургъ. Спаская ул., 25. Редакція журнала „Былое“.*

Адреса лицъ, къ которымъ можно было бы обратиться за полученіемъ дополнительныхъ свѣдѣній по „Вопроснымъ листкамъ“.

VII. Матеріалы для изученія политическихъ процессовъ.

Желательно, чтобы участники политическихъ процессовъ (подсудимые, свидѣтели, адвокаты и т. д.) просмотрѣли бы имѣющійся уже въ печати матеріалъ, внесли въ него поправки, дополненія и всякаго рода комментаріи, собрали бы біографическія матеріалы о лицахъ, причастныхъ къ процессамъ, и ихъ судьбѣ.

Для нѣкоторыхъ процессовъ у насъ не имѣется ни обвинительныхъ актовъ, ни отчетовъ о судѣ.—такъ напр., о дѣлѣ рабочаго Малиновскаго (74 г.). Обнорскаго (80 г.). Ковальской (81 г.). Халтурина (82 г.). Геккера (82 г.). Дзвонкевича (83 г.). Гориневича (83 г.). Манучарова (85 г.). Оржиха (88 г.). Зотова (89 г.). Кочурихина (92 г.). Лекерта, Качура и т. д.

Для другихъ процессовъ имѣются обвинительные акты, но очень мало иныхъ матеріаловъ, напр.: для дѣла Нечаевскихъ слдать (82 г.), Юр. Богдановича (83 г.). Вѣры Фигнеръ (84 г.). Шебакина (84 г.), Ульянова (87 г.), Лопатина (87 г.). Гинсбургъ (90 г.), процессы послѣдняго времени и т. д.

VIII. Данные для хронологической канвы по исторіи освободительныхъ движеній.

Желательно возможно точно:

- а) установить года и числа событій.
- б) составить списки членовъ революціонныхъ и общественныхъ организацій, съ указаніемъ времени вступленія ихъ въ организаціи.
- в) дать списокъ лицъ, участвовавшихъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ (сѣздахъ, конспиративныхъ квартирахъ, типографіяхъ, террористическихъ покушеніяхъ, побѣгахъ, динамитныхъ мастерскихъ и т. д.)
- г) собрать свѣдѣнія о наиболѣе крупныхъ стачкахъ и аграрныхъ движеніяхъ.
- д) указывать литературу, относящуюся къ перечисляемымъ событіямъ.

НВ. Свѣдѣнія о событіяхъ слѣдуетъ давать по годамъ, а затѣмъ уже располагать по мѣстностямъ и по отдѣламъ („аресты“, „борьба“, „побѣги“, „некрологи“, „правительственныя распоряженія“, „литература“ и т. д.),—какъ это было сдѣлано въ сборникѣ „За сто лѣтъ“ В. Л. Бурцева.

IX. Карточки, рисунки, реликвіи.

У насъ уже имѣется значительное количество фотографическихъ карточекъ дѣятелей освободительнаго движенія. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыхъ карточекъ также намъ до сихъ поръ разыскать не удалось.—напр., нѣтъ карточекъ декабриста Вестужева-Рюмина, Ковальскаго. Дубровина (офиц.), Желябова, Колодкевича, Тетерки, Теллалова. Тихонова, Чубарова, Виттенберга, Логовенко, Бранднера, Ма-

линки, Дробязгина, Степурина, Прѣснакова и др. Нѣтъ у насъ, конечно, и карточекъ многихъ, очень многихъ дѣятелей освободительнаго движенія, погибшихъ въ самое послѣднее время.

Тѣхъ, кто имѣетъ въ своемъ распоряженіи фотографическія карточки революціонныхъ и общественныхъ дѣятелей, мы просимъ въ томъ случаѣ, если они почему-либо не могутъ прислать намъ своихъ коллекцій, дать намъ полный списокъ карточекъ, съ обозначеніемъ времени, къ какому онѣ относятся. Для многихъ дѣятелей мы будемъ издавать ихъ карточки за разныя эпохи ихъ жизни, или будемъ выбирать наиболѣе почему-либо важныя.

Затѣмъ мы повторяемъ свою просьбу къ читателямъ-друзьямъ, напечатанную въ февральской кн. „Былого“ о высылкѣ намъ выходящихъ произведеній текущей литературы всѣхъ партій (нѣкоторыя партійныя учрежденія эту просьбу нашу уже исполняютъ, за что мы приносимъ имъ нашу искреннюю признательность), конфискованныхъ администраціей произведеній періодической и неперіодической печати и пр.; изъ совокупности всѣхъ такихъ произведеній станетъ возможнымъ составить архивъ относящихся къ освободительному движенію документовъ, который такъ необходимъ для исторіи движенія.

Въ заграничномъ изданіи „Былого“ и въ изданіяхъ Базилевскаго-Богучарскаго, когда мы начали собирать революціонныя изданія, рукописи, карточки и т. д., мы говорили, что все, что мы получимъ отъ товарищей,—все это нами будетъ передано въ музей, посвященный изученію освободительнаго движенія.

То же самое мы можемъ повторить и въ настоящее время и просимъ товарищей имѣть въ виду, что, собирая рукописи, карточки, реликвіи и пр., мы все это передадимъ въ такой музей, когда онъ будетъ основанъ и когда условія политической жизни въ Россіи обезпечатъ ему прочное существованіе.



Отъ Шлиссельбургскаго Комитета.

I.

Избранный первоначально „Союзомъ Союзовъ“, Шлиссельбургскій Комитетъ состоитъ въ настоящее время изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель—В. И. Семевскій (Вас. Остр., 2 л., д. 11).

Товарищъ Предсѣдателя— П. Ф. Якубовичъ (Л. Мельшинъ. Ст. Удѣльная Фикл. ж. д.).

Секретарь—В. Я. Яковлевъ - Богучарскій (ред. жур. «Былое». Спаская ул., 25, кв. 20).

Казначей—Н. Ф. Антенскій (Троицкая ул., д. 11, кв. 22).

Члены: Ф. Д. Батюшковъ, В. Л. Бурцевъ, П. И. Вейнбергъ, С. А. Венгеровъ, В. П. Водовозова, В. В. Водовозовъ, Е. Н. Водовозова-Семевская, А. С. Зарудный, Д. А. Клеменцъ, В. Ф. Коммисаржевская, В. Г. Короленко, Н. С. Кудринъ, Л. П. Купріянова, П. Н. Милуковъ, В. А. Мякотинъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, В. А. де-Плансонъ, А. С. Пругавинъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, И. Е. Рѣпинъ, М. П. Сажинъ, кн. Г. Д. Сидамоновъ-Эристовъ, Л. Н. Стахевичъ, О. Н. Флоровская, Л. Э. Шишко, П. Е. Щеголевъ, С. А. Щепотьевъ.

Пожертвованія просятъ направлять на имя казначея, а всякаго рода сообщенія и запросы—посылать на имя предсѣдателя Комитета, его товарища или секретаря по вышеуказаннымъ ихъ адресамъ.

II.

Съ 16 февраля по 8 марта въ шлиссельбургскій фондъ поступило: отъ Ново-Оскольскаго общества взаимной помощи служащихъ—60 р. 70 к.; отъ неизвѣстнаго въ память друга—200 руб.; И. А. Корсакова—10 руб.; Е. А. Родичевой—3 р.;—гонораръ за двѣ замѣтки въ „Быломъ“ (Л. П.)—12 р.; двухъ русскихъ женщинъ изъ Вѣны—30 р.; О. Н. Поповой—10 р. Э. Пекарскаго, Е. А. Пекарской и А. А. Р-л-э-н-й—3 р.; М. И. Щеголевой—2 р.; А. В. Погожевой—5 р.; А. А. Тихонова (Лугового)—15 р.; черезъ „Нашу Жизнь“—94 р.; Ю. И. Лаврентьевой—15 р.; неизвѣстной—10 р.; М. Л. В.—5 р.; Н. Oelsnitz—50 р.; Н. И. Степанова—15 р.; С. Щепотьева—25 р.; В. Л. Ратта—5 р.; неизвѣстнаго—25 р.; г-жи З. І.—3 р.; М. А. Прессе—5 р.; Гонораръ за ст. и стих. въ „Быломъ“ П. С. Поливанова, по желанію его сестры Е. С. Волковой,—40 р. .

Итого—642 р. 70 к.

А съ прежде поступившими всего:

деньгами—1372 р. 70 к.
процентн. бумагами—4000 р.
Всего: 5372р. 70 к.

О полученіи всѣхъ этихъ пожертвованій Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ жертвователей.

Пріемъ пожертвованій продолжается.

Казначей Комитета Н. Анненскій.

III.

Для составленія альбома шлиссельбуржцевъ въ Комитетъ изъ числа недостававшихъ ему портретовъ шлиссельбургскихъ узниковъ, поступили послѣ 15 февраля портреты Малавскаго, Шевырева, Андреюшкина и Вас. Иванова ¹⁾. Обѣданы портреты Игната Иванова, Савелія Златопольскаго и Логовскаго. Совсѣмъ не имѣется портретовъ (Комитетъ убѣдительно проситъ ихъ разыскать) Арончика, Исаева, Минакова, Клименко, Тихоновича, Немоловскаго, Николая Рогачева, Генералова, Чепегина, Васильева и Гершковича. Комитетъ проситъ также лицъ, живущихъ за границей, разыскать и выслать ему портреты шлиссельбуржцевъ-поляковъ Лукасинскаго и Шварца.

Получены біографическія свѣдѣнія о Фроленко, Кобылянскомъ, Варынскомъ, Яновичѣ и Сергѣѣ Ивановѣ.

О полученіи всѣхъ перечисленныхъ портретовъ и свѣдѣній Комитетъ съ благодарностью извѣщаетъ доставившихъ ихъ лицъ.

Секретарь Комитета В. Богучарскій.



¹⁾ Получена также фотографическая карточка Игната Иванова, но снятая еще, когда онъ былъ гимназистомъ и очень выцвѣтшая.

Современная Лѣтопись.

Въ теченіе февраля мѣсяца обратили на себя общественное вниманіе слѣдующіе акты центральныхъ и мѣстныхъ властей:

Главнымъ командиромъ, адмираломъ Чухнинымъ, опубликованъ приказъ, въ которомъ онъ объявляетъ, что по дѣламъ о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 100 статьей уголовного уложенія, онъ находитъ нужнымъ примѣнять правило, установленное 1401-й статьей военныхъ постановлений, а именно *не давать дѣламъ сего рода направленія въ кассационномъ порядкѣ*, по кассационнымъ жалобамъ и протестамъ, поданнымъ на приговоры военно-морского суда.

Правило это сейчасъ же было примѣнено Чухнинымъ къ дѣлу о нижнихъ чинахъ команды крейсера „Очаковъ“ и совмѣстно съ ними преданныхъ суду гражданскихъ лицахъ.

Командующимъ войсками Одесскаго военного округа ген. Каульбарсомъ было опубликовано слѣдующее объявленіе:

Въ видахъ охраненія, согласно статьи 8-й правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ состоящими на военномъ положеніи, государственнаго порядка и общественной безопасности въ районѣ вѣреннаго мнѣ Одесскаго военного округа, я вынужденъ объявить, что на основаніи статьи 12 вышеуказанныхъ правилъ всѣ дѣла о лицахъ, виновныхъ какъ въ покушеніи или въ приведеніи въ исполненіе своихъ преступныхъ замысловъ помощью взрывчатыхъ веществъ, или снарядовъ, оружія или иными способами, такъ и изобличенныхъ въ приобрѣтеніи или храненіи, или изготовленіи, или переносѣ взрывчатыхъ веществъ, или снарядовъ съ преступною цѣлью, будутъ подвергаемы мною и уполномочиваемыми мною на то временными генераль-губернаторами и комендантомъ Севастопольской крѣпости *разрѣшенію въ административномъ порядкѣ, съ примѣненіемъ смертной казни*.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ разосланъ циркуляръ губернаторамъ, въ которомъ имъ предлагается: „безотлагательно принять всѣ зависящія мѣры къ возстановленію правильной дѣятельности сельскихъ и волостныхъ сходовъ и къ предупрежденію составленія общественныхъ приговоровъ по предметамъ, вѣдѣнію сихъ сходовъ не подлежащимъ“.

Другимъ циркуляромъ губернаторамъ м-ръ вн. дѣлъ Дурново признаетъ необходимымъ: сосредоточить въ главномъ управленіи по дѣламъ мѣстнаго хозяйства свѣдѣнія о ходѣ занятій губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній, какъ очередныхъ, такъ и чрезвычайныхъ сессій, а также и городскихъ думъ, *характеризующія общее настроеніе земскихъ*

и городских гласных и отмихающих уклонения отъ закономъ установленнаго пути дѣятельности общественныхъ учреждений и просить независимо представляемыхъ министерству по департаменту полиціи донесеній о проявленіяхъ въ средѣ земскихъ и городскихъ учреждений противоправительственныхъ теченій своевременно сообщать въ названное главное управленіе по дѣламъ земскаго и городского хозяйства по принадлежности всѣ вышеуказанныя свѣдѣнія, съ приложеніемъ въ необходимыхъ случаяхъ выписокъ изъ постановленій журналовъ земскихъ собраній и городскихъ думъ и докладовъ управъ“.

Въ циркулярѣ губернаторамъ отъ 30 нояб. 1905 г. министръ внутр. дѣлъ писалъ: „прошу васъ: 1) всѣхъ подстрекателей, зачинщиковъ и революціонныхъ агитаторовъ, которые не арестованы судебною властью—арестовать и войти безотлагательно представленіемъ о высылкѣ ихъ подъ надзоръ полиціи; 2) никакихъ особыхъ дознаній по сему предмету, а равно допросовъ не производить, а ограничиваться протоколомъ, въ которомъ должно указать причины арестованія и краткія свѣдѣнія, удостоверяющія виновность; 3) если завѣдомые агитаторы освобождены судебными властями, то оставлять ихъ подъ стражей и поступать по пункту второму; 4) въ случаѣ арестованія учителей, фельдшеровъ и другихъ служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ, а равно постороннихъ лицъ или пріѣзжихъ, не обращать никакого вниманія на мятежные протесты разныхъ самозванныхъ союзовъ и делегаций; 5) не обращать вниманія на угрозы собраній и митинговъ, и въ случаѣ необходимости, самымъ рѣшительнымъ образомъ разгонять протестующихъ силою, съ употребленіемъ, согласно закону, если нужно, оружія; 6) представленія должны быть сдѣланы безотлагательно; 7) вообще всякія колебанія при исполненіи предыдущаго не должны быть допускаемы“.

Высочайшимъ указомъ отъ 12 февраля созывъ Государственной Думы назначенъ на 27 апр. 1906 г. Производство выборовъ членовъ Думы на избирательныхъ собраніяхъ въ губерніяхъ и городахъ допущено въ разные сроки, назначаемые Высочайшими указами, которые министръ внутреннихъ дѣлъ испрашиваетъ черезъ совѣтъ министровъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ 7 февр. утверждено мнѣніе госуд. совѣта объ измѣненіи правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ. Новыя правила устанавливаютъ, что для предупрежденія неповиновенія толпы „ни стрѣльба вверхъ, ни стрѣльба холостыми патронами не должны быть допускаемы“. Неуклонное исполненіе этого закона, по мнѣнію государств. совѣта, „скоро пріучитъ населеніе видѣть въ войскахъ грозную силу, а не только средство устрашенія“.

Высочайшимъ манифестомъ 20 февр. дополнены законоположенія о Госуд. Думѣ и утверждено положеніе о переустройствѣ Государственнаго Совѣта, которому наравнѣ съ Госуд. Думой отнынѣ предоставлены законодательныя права. Въ Государственный Совѣтъ вводятся въ равномъ числѣ съ членами, присутствующими тамъ по назначенію, выборные отъ духовенства (избираемые святѣйшимъ синодомъ), отъ дворянства и земства, а также представители науки, торговли и промышленности. Компетенція Госуд. Думы манифестомъ 20 февр. значительно ограничена.

Опубликована инструкція мин. вн. дѣль о порядкѣ производства выборовъ посредствомъ записокъ.

Мин. внут. дѣль разосланы земскимъ начальникамъ инструкціи, которыми имъ вмѣняется въ обязанность „наблюдать за тѣмъ, чтобъ во время выборовъ не было насилія со стороны противоправительственныхъ партій: соц. демократовъ, соц. революціонеровъ и конституц.-демократовъ“, „выяснять населенію всю неосновательность программъ, клонящихся къ измѣненію основнаго государственнаго строя“, удалять черезъ довѣренныхъ людей изъ помѣщенія выборщиковъ ораторовъ, обольщающихъ крестьянъ несбыточными надеждами на даровое надѣленіе частновладельческими землями и крикуновъ“, „вывѣсить имена лицъ, кои по неблагонадежности кандидатами быть не могутъ“, „обращаться къ содѣйствію военной силы, если бы агитаторы выказали намѣреніе выборныя собранія обратить въ крестьянскіе комитеты для раздѣла частно-владельческихъ земель, чтобъ арестовать лицъ, принявшихъ участіе въ такихъ комитетахъ“.

Кіевскій генер.-губернат. Сухомлиновъ предлагаетъ къ исполненію слѣдующій циркуляръ министра внутреннихъ дѣль: „Сегодня въ мѣстности Кагарлыкѣ, Кіевской губерніи, въ имѣніи Черткова, арестованъ агитаторъ. Толпа съ угрозами требуетъ немедленнаго его освобожденія. Мѣстная вооруженная сила недостаточна. Въ виду этого настоячиво предлагаю какъ въ данномъ случаѣ, такъ и во всѣхъ подобныхъ приказывать немедленно истреблять силою оружія бунтовщиковъ, а въ случаѣ сопротивленія—сжигать ихъ жилища. Въ настоящую минуту необходимо разъ навсегда искоренить самоуправство. Аресты теперь не достигаютъ цѣли; судить сотни и тысячи людей невозможно. Нынѣ единственно необходимо, чтобы войска проникнулись вышеизложенными указаніями“.

* * *

Главнѣйшія проявленія революціоннаго движенія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи:

1) Въ Варшавѣ убиты револьверными выстрѣлами двое постовыхъ городскихъ. Злоумышленники, забравъ у нихъ оружіе, скрылись.

2) Въ Прибалтійскомъ краѣ, возлѣ Прекульна произведено вооруженное нападеніе на разъѣздъ изъ шести драгунъ; трое драгунъ ранены, одинъ изъ нападавшихъ убитъ.

3) Въ Ригѣ 6 февр. толпа неизвѣстныхъ стрѣляла въ воинскій патруль. Убитъ 1 рабочій, ранены 2 солдата и 1 рабочій.

4) На ст. Алатырь Моск.-Каз. ж. д. убиты выстрѣломъ изъ револьвера начальникъ станціи г. Бабенко и старшій жандарм. унтеръ-офицеръ; тяжело раненъ желѣзно-дорож. сторожъ.

5) Въ Ялтѣ типографія Вахтина была захвачена группой лицъ съ цѣлю напечатанія прокламацій. Когда прокламаціи были набраны, явилась полиція. Захватившимъ типографію удалось скрыться, за исключеніемъ одного. бѣжавшаго, но настигнутаго полиціей.

6) Въ Ригѣ въ центрѣ города полиція обнаружила въ погребѣ дома по Манежной ул. 14 бомбъ, изъ которыхъ 8 были заряжены, 6 пустыя.

7) Въ Вильнѣ, 10 февраля, въ Квасномъ переулкѣ еврей нашель бомбу и толкнулъ ее ногой, вслѣдствіе чего произошелъ взрывъ, оторвавшій ему ногу.

8) Въ Казани вновь конфисковано нѣсколько ящиковъ огнестрѣльнаго оружія.

9) Въ Варшавѣ начальникъ Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ инженеръ Ивановъ убитъ наповаль выстрѣломъ изъ револьвера; убійца скрылся.

10) Въ Одессѣ 12 февр. къ Ратнеру, снявшему комнату въ Трехугольномъ пер. въ 1 ч. ночи явилась полиція съ обыскомъ. Ратнеръ, еще двое мужчинъ и дѣвушка встрѣтили ее выстрѣлами изъ браунинговъ, потомъ всѣ трое взбѣжали по лѣстницѣ на крышу, оттуда перелазили на крышу сосѣдняго дома и засѣли на чердакѣ. Полиція, казаки, солдаты до 300 человекъ осадили ихъ. Перестрѣлка длилась до семи часовъ утра. Осажденные защищались храбро, на виду у многочисленной публики. Дѣвушка оказалась переодѣтымъ мужчиной. Ранены надзиратель, дворникъ, дворничиха, убиты анархисты. Найдены бомбы.

11) Въ Варшавѣ 7-го февр. задержанъ пріѣхавшій изъ провинціи еврей съ 43,000 капсюлями для винтовочныхъ патроновъ.

12) Въ Варшавѣ 12 февр. на предвыборномъ собраніи произошло кровавое столкновение между участниками союза изъ партіи національно-демократовъ и ворвавшимися социалистами. Убитъ 1 раб. социалистъ и ранено около 15 чел. Были вызваны войска, которыя окружили собравшихся. Всѣ были обысканы, оказавшіеся безъ документовъ арестованы. Зачинщики схватки бѣжали.

13) Въ Петербургѣ 13 февраля въ одиннадцатомъ часу утра убитъ пятью выстрѣлами изъ револьвера помощникъ начальника мастерскихъ Путиловскаго завода Назаровъ.

14) Въ Иркутскѣ 13 февраля вечеромъ на Большой улицѣ ломомъ убитъ помощникъ коменданта станцій Иркутскъ и Мысовая баронъ Корфъ.

15) Въ окрестностяхъ Ремерсгофа произведено нападеніе на лейтенанта князя Путятина, получившаго двѣ огнестрѣльные раны. Одинъ изъ нападавшихъ убитъ матросами. Князь Путятинъ внѣ опасности.

16) Въ Костромѣ 15 февр. ночью въ губернскую земскую больницу явились шесть вооруженныхъ лицъ и освободили политическаго заключеннаго Вульпе. Городовой, охранявшій арестантское отдѣленіе больницы и оказавшій сопротивленіе, раненъ. Виновники освобожденія Вульпе скрылись и разыскиваются полиціей.

17) Въ Варшавѣ 15 февр. 30 вооруженныхъ революціонеровъ разгромили типографію Немира, за отказъ печатать революціонныя изданія.

18) Въ Херсонѣ на Греческой улицѣ открыта фабрикація бомбъ. Арестованъ пріѣзжій еврей. Найдена одна готовая бомба и 9 приготовлявшихся. Обнаружены запасы взрывчатыхъ веществъ.

19) Въ Лодзи 17 февр. нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера убитъ жандармскій унтеръ-офицеръ.

20) Въ Кіевѣ на Андреевскомъ спускѣ обнаружена тайная типографія украинской револ. партіи. Задержано нѣсколько пудовъ шрифта и типограф. принадлежности. Арестовано двое неизвѣстныхъ.

21) Въ Симферополѣ на Фонтанной ул. выслѣжена тайная типографія. Арестованы работавшіе тамъ мужчины и женщины. Въ сосѣднемъ домѣ захвачено много готовыхъ прокламацій и типографскихъ принадлежностей.

22) Въ Лодзи 19 февраля, въ 5 час. вечера, на Константиновской

улицѣ, нѣсколькими выстрѣлами изъ револьверовъ, убитъ околоточный надзиратель второго участка Даніиль Ярчакъ. Убійцы успѣли скрыться.

23) Въ Бердичевѣ 20 февр. захвачена полиціей въ полномъ ходу тайная типографія вмѣстѣ съ участниками. Конфискована масса только-что отпечатанныхъ прокламацій, обращенныхъ къ войскамъ.

24) Въ Радомѣ 20 февраля обнаружена тайная типографія, дѣйствовавшая на главной улицѣ. Найдено 4 пуда набора.

25) Въ Екатеринославѣ 23 февр. на Заводской улицѣ открыта полиціей тайная типографія съ множествомъ шрифта и частями типографскихъ машинъ.

26) Изъ Самары сообщаютъ, что 19 февраля, въ 10 часовъ утра каптенармусъ 12 роты 2 заамурскаго желѣзнодорожнаго батальона Захарченко обнаружилъ похищеніе 152-хъ 3-хъ-линейныхъ винтовокъ и 7,500 патроновъ изъ вагона-цейхгауза.

27) Въ Петербургѣ 20 февраля чинами охранной полиціи, въ домѣ № 19 по Троицкой улицѣ, обнаружена мастерская взрывчатыхъ веществъ. Въ квартирѣ задержано пять человѣкъ, при обыскѣ найдены готовые снаряды, а также формы для нихъ.

28) Въ Лодзи 21 февраля револьвернымъ выстрѣломъ убитъ наповадь околоточный надзиратель четвертаго участка Депта.

29) Въ Варшавѣ 21 февр. 20 человѣкъ, вооруженныхъ револьверами, увезли изъ пражской больницы въ заранѣе приготовленной каретѣ переодѣтаго въ женское платье Владислава Редке, который 17 февр. ранилъ околоточнаго надзирателя и, отстрѣливаясь затѣмъ отъ окружающихъ домъ солдатъ, былъ самъ тяжело раненъ.

30) „Страна“ сообщаетъ, будто въ л.-гв. измайловскомъ полку похищено 1,000 винтовокъ.

31) Въ Варшавѣ 3 выстрѣлами изъ револьвера тяжело раненъ инспекторъ народныхъ училищъ Орловъ.

32) Въ Одессѣ 24 февраля проходившій по Городской улицѣ городской Дергачъ тяжело раненъ выстрѣломъ изъ револьвера.

33) Въ Лодзи 24 февраля въ Пабиѣницахъ убитъ двумя выстрѣлами изъ револьвера ночной сторожъ Гаувальдъ.

34) Въ Бѣлостокѣ 25 февраля изъ цейхгауза 120-го запаснаго батальона похищено 200 винтовокъ трехлинейнаго образца, 20 ящиковъ съ патронами и 16 ящиковъ съ гильзами.

35) Въ Варшавѣ 25 февр. въ 8 ч. вечера двое неизвѣстныхъ на Каміонковской улицѣ въ Прагѣ выстрѣлами изъ револьверовъ убили околоточнаго надзирателя Шантала и городского Волкова.

36) Въ Лодзи 25 февраля около 5 ч. вечера, въ Пабиѣницахъ, по дорогѣ на вокзалъ на извозчикѣ выстрѣлами изъ револьвера убитъ начальникъ Ласскаго уѣзда Ивановъ. Убійцы скрылись.

37) Въ Одессѣ 26 февр. на вокзалѣ жандармской полиціей вскрыты въ багажѣ двѣ подозрительныя корзины. Оказалось 19 ружей, 25 штукъ, 20 шомполовъ.

38) Въ Томскѣ 26 февраля въ помощника полицеймейстера Кириллова въ два часа ночи, на площади у собора, были произведены два выстрѣла. Стрѣлявшій задержанъ и будетъ преданъ военному суду. Онъ оказался студентомъ.

39) Въ Варшавѣ 26 февр. на Варшавско-Вѣнскомъ вокзалѣ задержана женщина, привезшая контрабандой ящикъ съ револьверами Браунинга и 3000 патроновъ.

Въ предмѣстѣй Прага толпа окружила патруль и убила околоточнаго и городового; арестованъ одинъ изъ нападавшихъ, остальные скрылись.

40) Въ Ковнѣ 19 февр. въ два часа дня, въ шавельскую тюрьму, когда надзиратель отворилъ калитку для пріема принесенной пищи, ворвались два революціонера, вооруженные револьверами, съ цѣлью освобожденія политическихъ арестованныхъ, открыли стрѣльбу по тюремной стражѣ и ранили надзирателя. Прибывшій во главѣ конной стражи исправникъ разогналъ на улицѣ толпу. Запертые въ тюрьмѣ революціонеры Гламжо и Фоскрупникъ сдались безъ сопротивленія.

41) Въ станицѣ Гіанинской, бросившіе самовольно службу казаки Урупскаго полка укрѣпились окопомъ и увеличили число взбунтовавшихся недовольными изъ сосѣднихъ станицъ. На усмиреніе высланы войска.

* * *

За февраль мѣсяцъ имѣли мѣсто слѣдующіе судебные приговоры по политическимъ дѣламъ:

1) Кассационная жалоба по дѣлу Короткаго, убившаго осенью 1905 г. въ Вильнѣ полицейскаго и ранившаго полицмейстера, отвергнута. Приговоръ военно-окружнаго суда утвержденъ командующимъ войсками съ замѣной смертной казни черезъ повѣшеніе *смертной казнью* черезъ *разстрѣляніе*. 1 февраля приговоръ приведенъ въ исполненіе въ Виленской губ. тюрьмѣ.

2) Въ Черниговѣ 31 января на разсвѣтѣ *повѣшенъ* покушавшійся на бывшаго черниговскаго губернатора Хвостова.

3) 5 февраля военно-морской судъ по Потемкинскому процессу вынесъ слѣдующую резолюцію: Зауложновъ, Луцаевъ и Мартяновъ приговорены къ *смертной казни чрезъ повѣшеніе*, съ замѣной, согласно манифеста 21 октября, каторжными работами на 15 лѣтъ каждому; Гусь на 20 лѣтъ, Задорожный на 7 лѣтъ, Кашугинъ на 12 лѣтъ въ каторжныя работы; 32 подсудимыхъ приговорены въ арестанскія отдѣленія отъ 1 г.—2 л. 4 м., одинъ—въ воен. мор. плавуч. тюрьму на 3 мѣс. Судъ ходатайствовалъ о сокращ. сроковъ лишенія свободы на половину. 1 кондукторъ и 24 матр. оправданы.

4) Въ Новочеркасскѣ, 4 февраля, судившійся судебной палатой Мазуренко, за агитацію отъ имени крестьянскаго союза, приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на одинъ годъ.

5) Въ Вяткѣ, 8 февраля военно-окружнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло рядового Фабричнаго, смертельно ранившаго 18 декабря командира котельническаго батальона Нестеренко. *Фабричный приговоренъ къ разстрѣлу*. Судъ ходатайствуетъ о смягченіи наказанія.

6) Въ Митавѣ, 9 февраля, вышедшій въ сѣверную часть гизенпотскаго уѣзда отрядъ арестовалъ 34 крестьянъ, изъ которыхъ 5 за сопротивленіе *разстрѣляны*.

7) Въ Лифляндіи отрядомъ Мейнгарда 4 февраля, *казнено семь революціонеровъ*.

8) Военно-полевой судъ въ Верхнеудинскѣ судилъ 10 февраля тридцать желѣзнодорожныхъ служащихъ. Четверо приговорены къ каторж-

нымъ работамъ, *девять къ смертной казни*. Генераль Ренненкампфъ замѣнилъ четверымъ казнъ каторгою. Остальные *пять казнены*.

9) 13 февраля въ главномъ военномъ судѣ слушалось въ кассационномъ порядкѣ дѣло о безпорядкахъ, бывшихъ въ 1-й и 2-й батареяхъ 26-й артиллерійской бригады въ гор. Гродно 4 и 5 ноября минувшаго года. Засѣданіе ознаменовалось постановленіемъ рѣшенія, единственнаго въ практикѣ кассационныхъ судовъ. Въ отношеніи одного изъ подсудимыхъ, канонира Цвѣткова, главный судъ замѣнилъ каторжныя работы, назначенныя приговоромъ виленскаго военно-окружнаго суда *смертной казнью*, основываясь на ст. 1041 воен. суд. устава.

10) Въ Варшавѣ, 14 февраля военный судъ *приговорилъ* двухъ братьевъ Чекальскихъ и Зерницкаго *къ смертной казни*; первыхъ за покушеніе 21 декабря на убійство земскаго стражника въ Бендинѣ, а третьяго за убійство 23 декабря земскаго стражника въ Заверцѣ. Зерницкій *казненъ* 24 февр.

11) Въ Суwalkахъ, 15 февраля, разсматривалось въ особомъ присутствіи выѣздной сессіи варшавской судебной палаты дѣло о Шмидтѣ, Ковальскомъ и Милевскомъ, обвиняемыхъ въ пропагандѣ между войсками. Подсудимые приговорены къ заключенію въ крѣпости: первые два—на одинъ годъ, третій—на восемь мѣсяцевъ.

12) Въ Одессѣ военный судъ приговорилъ аккерманскаго мѣщанина Тихона Александровскаго къ отдачѣ въ исправительный домъ на одинъ годъ и 5 мѣсяцевъ за распространеніе прокламаций и сочиненій въ войскахъ съ цѣлью возбужденія нижнихъ чиновъ къ нарушенію обязанностей военной службы и къ неповиновенію.

13) Въ Вильнѣ, обвинявшійся въ покушеніи на жизнь околоточнаго надзирателя, Якуновичъ, *приговоренъ къ смертной казни* черезъ повѣшеніе.

Начальникомъ края смертная казнъ замѣнена безсрочными каторжными работами.

14) Изъ Ташкента сообщаютъ: „Кочегаръ ст. Мервъ Петрунинъ, покушавшійся на жизнь коменданта кушkinsкой крѣпости ген. Прасолова, приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Въ виду наличности смягчающихъ его вину обстоятельствъ, командующій войсками ген. Субботичъ не только удовлетворилъ ходатайство суда о *смягченіи его участи замѣною смертной казни 8-ми-лѣтнею каторгою, но и понизилъ еще наказаніе на пять степеней: Петрунинъ отданъ на три года въ арестантскія роты*“.

15) Въ Минскѣ, 16 февраля, военный судъ приговорилъ покушавшихся на жизнь губернатора и полицеймейстера Анну Измайловичъ и Ивана Пулихова *къ смертной казни* черезъ повѣшеніе.

16) Тамъ-же, по дѣлу о покушеніи на жизнь полицеймейстера Норова военный судъ приговорилъ Оксенкруга къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Командующій войсками замѣнилъ для Измайловичъ смертную казнъ безсрочной каторгой, по отношенію къ Пулихову приговоръ утвержденъ и 25 февраля въ 5 ч. утра *приведенъ въ исполненіе* въ Минской тюрьмѣ. Смертная казнъ Оксенкругу замѣнена 15-лѣт. каторгой.

17) Изъ Тулы сообщаютъ: рабочій Баташевъ, ранившій жандармскаго

офицера, *приговоренъ* военно-окружнымъ судомъ къ *смертной казни* черезъ повѣшеніе, причемъ судъ постановилъ ходатайствовать передъ командующимъ войсками о замѣнѣ Баташеву смертной казни ссылкой въ каторжныя работы на 4 года.

18) Въ Очаковѣ, 18 февраля, лейтенантъ Шмидтъ *присужденъ* къ *смертной казни* черезъ повѣшеніе; кондукторъ Частникъ, комендоръ Антоненко и машинистъ Гладковъ—*черезъ разстрѣліе*. Оправданы десять матросовъ. Остальные, подсудимые присуждены къ разнымъ наказаніямъ: каторжнымъ работамъ и арестантскимъ отдѣленіямъ. Защитники подаютъ кассационную жалобу. Они просили занести въ протоколъ 4 обстоятельства, изъ которыхъ два касаются фактической стороны процесса, а два формальной.

19) Въ Одессѣ закончилось дѣло о покушеніи на жизнь генерала Коханова, Карангозова и Нейдгардта. Владиміръ Кирилловъ и его невеста Нетта Давидовичъ, привлеченные къ суду за участіе въ сообщничествѣ съ именуемой себя „боевою“ дружиной одесскаго комитета „соціалъ-революціонеровъ“, имѣвшей въ своемъ распоряженіи средства для взрывовъ, приговорены къ каторжнымъ работамъ на два года. Елена Найдтъ оправдана.

20) Изъ Харькова сообщаютъ: утромъ въ окружномъ судѣ собралась масса публики слушать дѣло профессора Гредескула. Когда въ залѣ суда появился профессоръ подъ конвоемъ солдатъ, вся публика встала съ мѣстъ, устроивъ молчаливую сочувственную овацію. Дѣло случилось при закрытыхъ дверяхъ. До приговора суда высылка профессора въ Архангельскую губернію задержана. Профессоръ Гредескулъ приговоренъ къ 10-ти дневному аресту.

21) Въ Ригѣ, 18 февраля, временнымъ военнымъ судомъ крестьянинъ венденскаго уѣзда Янъ Берзинъ, обвиняемый въ убійствѣ 11 января на Николаевской улицѣ казака и въ пораненіи другого казака, *приговоренъ* къ *смертной казни* черезъ повѣшеніе.

22) Въ Одессѣ, жандармъ одесской конно-жандармской команды Черекенко приговоренъ военнымъ судомъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь за распространеніе среди войскъ сужденій, возбуждающихъ воинскихъ чиновъ къ нарушенію обязанности военной службы.

23) Въ Тифлисѣ, 21 февраля, убійца генерала Грязнова приговоренъ къ *смертной казни* черезъ повѣшеніе.

24) Въ Одессѣ, 21 февраля, военный судъ, закончивъ разсмотрѣніемъ дѣло о 30 нижнихъ чинахъ 15 артиллерійской бригады, обвинявшихся въ явномъ возстаніи и неповиновеніи 12 декабря прошлаго года, приговорилъ: шестерыхъ къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ и одного на 15 лѣтъ; шесть человекъ въ дисциплинарные батальоны, двухъ на 2 года, четырехъ на годъ; двѣнадцать человекъ подвергнуть одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ; четверо оправданы. Судъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ наказанія Степанову, приговоренному къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ, отдачей въ дисциплинарный батальонъ на три года.

25) Въ Воронежѣ, 21 февраля, военнымъ судомъ объявленъ приговоръ по дѣлу дисциплинарнаго батальона. Приговорены къ каторжнымъ работамъ на двѣнадцать лѣтъ—восемь человекъ, на десять лѣтъ—трое,

на восемь лѣтъ—семеро, на шесть лѣтъ—шестеро, на четыре года—двое; въ исправительныя арестантскія отдѣленія, на четыре года—десять, на два года—шестеро, на одинъ годъ—одинъ; увеличены сроки пребыванія въ дисциплинарномъ батальонѣ—одиннадцати лицамъ. Оправданы четверо.

26) Въ Вильнѣ, приговореннымъ къ казни за нападеніе на магазинъ Альшванга и покушеніе на городского четверемъ евреямъ командующій войсками замѣнилъ смертный приговоръ десятилѣтней и двадцатилѣтней каторгой.

27) Въ особомъ присутствіи варшавской судебной палаты разсматривалось дѣло Зильберблата, обвиняемаго въ пропагандѣ между войсками, и дѣло Красавца, обвиняемаго по статьѣ 129. Первый приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 8 мѣсяцевъ, второй—оправданъ.

28) Въ Казани, 24 февраля, судебная палата приговорила фельдшера Чувашина и крестьянина Кононова, обвинявшихся по 129 статьѣ уголов. въ произнесеніи преступной рѣчи, къ заключенію въ крѣпости перваго—на годъ, втораго—на 9 мѣсяцевъ. Воспитанникъ промышленнаго училища Васильевъ, обвинявшійся по 132 ст. угол. улож. въ храненіи съ цѣлью распространенія прокламаций, присужденъ къ заключенію на 9 дней въ крѣпости, крестьянинъ, Фроловъ, обвинявшійся по 129 статьѣ, оправданъ.

29) Въ Бобруйскѣ, военно-окружный судъ 21^{го} февраля приговорилъ 13 человекъ къ расстрѣлианію, 12 человекъ къ 15 годамъ каторги, 3-хъ—къ 3 годамъ каторги, по дѣлу дисциплинарнаго батальона о попыткѣ возстанія въ прошломъ ноябрѣ. Осужденными послана телеграмма Государю съ ходатайствомъ о помилованіи.

30) Въ Кіевѣ приговоренному за покушеніе на убійство городского къ смертной казни Заславскому, командующимъ войсками Сухомлиновымъ *смертная казнь замѣнена безсрочной каторгой.*

31) Въ Варшавѣ, 25 февр., военный судъ разсмотрѣлъ вчера дѣло лица назвавшагося Витковскимъ (своей настоящей фамиліи обвиняемый суду не указалъ), и Янкевича, обвиненныхъ по 279 статьѣ военно-уголовныхъ уложеній. Судъ приговорилъ обоихъ къ лишенію всѣхъ правъ, кромѣ того Витковского къ каторжнымъ работамъ на 7½ лѣтъ, Янкевича на 15 лѣтъ и затѣмъ къ пожизненному поселенію въ Сибири.

32) Въ Уфѣ, 24 февр., Бушуеву, присужденному военнымъ судомъ къ смертной казни, за покушеніе на жизнь уфимскаго вице-губернатора Келеповскаго, *смертная казнь замѣнена каторгой.*

33) Въ Ригѣ, 25 февр., утромъ въ Устьдвинской крѣпости *приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ Яномъ Берзинымъ, присужденнымъ военнымъ судомъ къ смертной казни за убійство казака Страхова и пораненіе казака Лосева.*

34) Въ Черниговѣ, 25 февр., палатой вынесенъ приговоръ по дѣлу о покушеніи на жизнь черниговскаго и нѣжинскаго полицеймейстеровъ. По первому дѣлу подсудимый приговоренъ къ 4 годамъ каторжныхъ работъ, по второму—къ 4 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

35) Во Владикавказѣ, 25 февр., въ военно-окружномъ судѣ закончился разборъ дѣла о безпорядкахъ, происходившихъ въ Аншеронскомъ полку

въ концѣ октября прошлаго года. Подсудимымъ нижнимъ чинамъ предъявлено обвиненіе по 110 статьѣ военно-уголовныхъ законовъ.

Четверо приговорены въ двѣнадцатилѣтней каторгѣ, десять человѣкъ въ дисциплинарный баталіонъ.

36) Въ Читѣ 26 февр., въ три часа ночи судъ приговорилъ директора верхнеудинскаго реальнаго училища Окунцова, доктора Шинкмана и Мирскаго къ смертной казни. Военный прокуроръ Сергѣевъ отказался отъ обвиненія Шинкмана и Мирскаго по статьямъ указаннымъ въ обвинительномъ актѣ, предлагая низшую мѣру наказанія.

37) Въ Кутаисѣ произведена смертная казнь черезъ разстрѣліаніе надъ Кабеліани, обвиняемымъ въ убійствѣ пристава.

38) Получены слѣдующія извѣстія о дѣйствіяхъ экзекуціонныхъ отрядовъ въ Прибалт. краѣ:

Въ городѣ Газенпотѣ воинскимъ отрядомъ, четверо мятежниковъ разстрѣляно, двое повѣшено; въ имѣніи уѣзднаго предводителя дворянства барона Мантейфеля при вторичномъ столкновеніи раненъ драгунъ и убитъ мятежникъ.

39) Въ Икскюлѣ риж. уѣз. по приговору полевого суда казнено 3 вооруженныхъ революціонера. Въ Юргенбургѣ риж. уѣз. разстрѣляны два латыши, сознавшіеся въ убійствѣ волостного писаря Кальнина.

40) Въ Эдоленѣ 6 февраля военно-полевымъ судомъ разстрѣляны хозяинъ усадьбы Случче и кузнецъ той же усадьбы.

41) Въ Кацдангенѣ, учитель Пумпуръ и волостной писарь Кронбергъ, согласно рѣшенію военного суда, 30 января были повѣшены, а сыроваръ Клопъ и хозяева усадьбы Трулле и Чиче, равно какъ и съсельникъ Данбергъ, разстрѣляны.

42) Вторичной экспедиціей ген. Орлова въ имѣніи Сесвегенъ Венденскаго уѣзда приговорены полевымъ судомъ къ разстрѣлу 12 человѣкъ. Смертный приговоръ десяти осужденныхъ приведенъ въ исполненіе 7 февраля. Наказано плетьюми около 70 человѣкъ, между ними 5 женщинъ.

43) Въ Шванебургѣ наказаны всѣ члены волостного правленія плетьюми. Тамъ же 5 человѣкъ разстрѣляно. Завѣдывающій двухкласснымъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ приговоренъ къ смертной казни, но потомъ „помилованъ“ сѣченіемъ плетьюми до потери сознанія.

44) Въ Гапсальскомъ уѣздѣ въ мѣстечкѣ Леаль экзекуціоннымъ отрядомъ разстрѣляно 9 человѣкъ.

45) Въ Сиссегалѣ разстрѣлянъ, какъ агитаторъ, неизвѣстный, назвавшій себя Шмидтомъ.

46) Въ Митавѣ 4 февр., военный отрядъ, прибывшій въ Дондангенъ, разстрѣлялъ 4 человѣкъ, повѣсилъ 2 и сжегъ нѣсколько крестьянскихъ домовъ.

47) Вблизи Газенпота въ пятницу 3 февраля разстрѣляно 32 человѣка, въ субботу 4 февраля повѣшенъ учитель и разстрѣляны два крестьянина. Вблизи Гробина разстрѣляно 8 человѣкъ. Сожжены 2 усадьбы.

48) Въ окрестностяхъ Ерлаа отрядъ Орлова казнилъ 4 революціонеровъ и сжегъ нѣсколько домовъ.

49) Въ Ригѣ военно-полевымъ судомъ присужденъ къ смертной казни германскій подданный несовершеннолѣтній Йогансонъ за покушеніе на

отнятіе шашки у городского 1-го декабря, когда военное положеніе въ Ригѣ еще не было объявлено.

* * *

Въ теченіе февраля мѣсяца печать въ той или иной формѣ подверглась слѣдующимъ преслѣдованіямъ:

1) Въ Лодзи, по распоряженію вновь назначеннаго отдѣльнаго цензора вечерній номеръ „Нейе Лодзеръ Цейтунгъ“ отъ 30 января *конфискованъ* за перепечатку статей изъ „Новаго Времени“. Редакторъ привлекается къ судебной отвѣтственности.

2) По распоряженію мѣстной администраціи, на всѣхъ московскихъ вокзалахъ 31 января чины полиціи *отбирали изъ книжныхъ шкафовъ* номера „Русскаго Дѣла, (?) издаваемого Шараповымъ. № 4 этой газеты отбирался также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, газетныхъ кіоскахъ и у газетчиковъ.

3) Въ Москвѣ *конфискованъ* цѣлый рядъ изданій какъ-то: драма „На баррикадахъ“, Прудона „Собственность—кража“, „О налогахъ“, „За что они борются подъ краснымъ знаменемъ“, „Гдѣ аграрныя программы?“ и нѣкоторыя петербургскія газеты и журналы.

4) Въ Москвѣ, 5 февраля, *конфискована* брошюра, содержащая программу прогрессивно-демократической партіи.

5) Въ Кіевѣ генераль-губернаторомъ *закрытъ* на время военного положенія „Кіевскій Вѣстникъ“, замѣнявшій закрытую „Кіевскую Газету“. Причина—вредное направленіе, однако совершенно безъ указанія, въ чемъ оно проявлялось. Такимъ образомъ въ Кіевѣ уничтожены всѣ прогрессивныя газеты за исключеніемъ конституціонно-демократической „Свобода и Право“, номера которой часто конфискуются.

6) Въ Вильнѣ, 3 февр. ночью *конфискованы* номера социаль-демократической газеты „Деръ Вежеръ“.

7) Въ Екатеринбургѣ *приостановлена* на время чрезвычайной охраны газета „Уральскій Край“.

8) Въ Самарѣ *конфискованъ* „Самарскій Курьеръ“.

9) Въ Саратовѣ, 5 февраля, *конфискованъ* приготовленный къ выпуску первый номеръ новой народной газеты „Голосъ Деревни“. Редакторъ издатель Огановскій привлекается къ суду.

10) Въ Верхнеднѣпровскѣ *конфискованы* полиціей послѣдніе выпуски газетъ „Радикалъ“ и Полтавское Дѣло“.

12) Въ Петербургѣ за напечатаніе въ номерѣ 1 газеты „Рабочая Жизнь“ статьи „Бѣлостокъ“ редакторъ этой газеты г. Андреевъ *привлеченъ къ отвѣтственности* по 1 п. 129 ст. уг. улож., а изданіе самой газеты *приостановлено*.

12) Редакторъ сатирическаго журнала „Водоворотъ“ *привлекается къ отвѣтственности* по ст. 6 отд. VIII времен. прав. о печати за напечатаніе въ номерѣ 1 журнала статей „О чертѣ“, „Усмирители“, „Бой въ технологическомъ институтѣ“ и „Казакѣ“.

13) По опредѣленію с.-петербургскаго окружнаго суда *отыскиваются* редакторъ газеты „Сынъ Отечества“ Григорій Ильинъ Шрейдеръ, обвиняемый по 1 и 3 п. 129 ст. уг. улож., и редакторъ-издатель газеты „Молодая Россія“ студентъ с.-петербургскаго университета Вячеславъ Эриковъ Лесневскій, обвиняемый по тѣмъ же статьямъ. Въ случаѣ обнару-

женія имущества названныхъ лицъ, оно должно быть немедленно передано въ опекунское управленіе.

14) Въ Петербургѣ, по распоряженію цензурнаго комитета, подвергнуты *конфискаціи* послѣдніе №№ журналовъ „Наша Мысль“ и „Голосъ Средне-учебныхъ Заведеній“. Участкамъ, гдѣ находятся типографіи, печатающія названныя изданія, предписано произвести въ нихъ обыскъ и арестовать матеріаль для этихъ журналовъ.

15) 9 февраля ночью послѣ обыска была *запечатана* полиціей типографія Виленика (Литейный пр., д. 58). Закрытіе ея вызвано напечатаніемъ перваго номера сатирическаго журнала „Водоворотъ“, оставшіеся номера котораго были конфискованы.

16) Въ Керчи конфискованъ номеръ „Южнаго Курьера“ отъ 2 февраля.

17) Въ Таганрогѣ, 8 февраля, въ редакціи „Таганрогскаго Вѣстника“ *конфискованы* номера газеты отъ 2 февраля. Редактору Чумаченко предъявлено обвиненіе по 2 пункту 1 части 129 статьи угол. улож. Послѣ представленнаго залога въ 5000 р. онъ освобожденъ отъ ареста.

18) Въ Казани, 8 февраля, въ редакціи „Волжскаго Вѣстника“ произведенъ обыскъ. Конфискованы рукописи.

19) Въ Москвѣ *возбуждено нѣсколько уголовныхъ дѣлъ* противъ типографовъ за печатаніе послѣ 17 октября брошюръ, взывающихъ къ бунту и разрушенію существующаго строя. Совершенно изъята изъ продажи газета „Русь“.

20) Въ Ярославлѣ, торговля печатными произведеніями *всюду стѣснена*. Въ кіоскахъ, на фабрикахъ и улицахъ брошюры и газеты за небольшими исключеніями отбираются.

21) Въ Гомелѣ, 11 февраля, мѣстная газета „Трудъ“, закрыта. Послѣдній номеръ конфискованъ.

22) Въ Варшавѣ, редакторъ „Працы польской“, Пешке, *привлеченъ* прокурорскимъ надзоромъ къ уголовной отвѣтственности за помѣщеніе статьи „Отголоски Литовскихъ безпорядковъ“.

23) Въ Петербургѣ, въ типографію Четверикова, гдѣ хранились оставшіеся экземпляры, и гдѣ готовился уже къ печати слѣдующій номеръ сатирическаго журнала „Волшебный Фонарь“, неожиданно явилась полиція и, не вступая ни въ какія объясненія, *запечатала* типографію, заколотивъ послѣднюю досками.

24) Въ Херсонѣ, редактору пріостановленной генераль-губернаторомъ газеты „Югъ“ Гошкевичу губернаторомъ *отказано* въ разрѣшеніи издавать другую газету.

25) Въ Петербургѣ, по инициативѣ главнаго управленія по дѣламъ печати, редакторъ „Молвы“ г. Зенгеръ *привлеченъ* къ отвѣтственности по 5 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 11 „Молвы“ „Воззванія 2 Урупскаго казачьяго полка“.

27) Въ Кіевѣ, вышедшій первый номеръ журнала „Русская Жизнь“ *конфискованъ*.

28) 8 февраля въ особомъ присутствіи петербургской судебной палаты слушалось дѣло редактора-издателя „Сына Отечества“ С. П. Юрицина, обвинявшагося по 1 и 2 пп. 129 и 128 ст. угол. улож. за статьи въ номерахъ его газеты. Палата приговорила Юрицина къ *заключенію* въ

крѣпость на 1 годъ, навсегда прекратила изданіе газеты „Сынъ Отеч.“ и запретила Юрицину быть редакторомъ или издателемъ періодическихъ изд. въ теченіе 5 лѣтъ.

29) По дѣлу о пріостановкѣ газеты „Свобод. Народъ“ Сенатъ оставилъ частную жалобу на опредѣленіе судеб. палаты *безъ разсмотрѣнія*.

30) Въ Петербургѣ, редакторъ журнала „Молодость“ С. А. Бронштейнъ за напечатаніе въ № 1 редактируемаго имъ журнала статей: „Еще циркуляръ“ и „Петербургъ 2 февраля“, и редакторъ журнала „Буря“ П. І. Эрастовъ за напечатаніе въ № 5 этого журнала статьи „89 годъ“ и стихотвореній: „Я васъ не зналъ, былого тѣни“ и „Никто не ждетъ“ *привлечены къ отвѣтственности по 1 п. 129 ст. угол. улож.*, а изданіе этихъ журналовъ пріостановлено.

31) Въ Керчи, опредѣленіемъ судебной палаты газета „Южный Курьеръ“ *пріостановлена* до судебного приговора.

32) Въ Лодзи, выѣздная сессія петроковского окружного суда приговорила редактора газеты „Розвѣй“ за оскорбленіе арміи въ газетной статьѣ *къ заключенію въ тюрьму на восемь мѣсяцевъ*.

33) Въ Петербургѣ, опредѣленіемъ спб. судебной палаты, основанымъ на ст. 14 отд. VII вр. пр. о печати, *пріостановлены* изданіемъ „Современныя Записки“, выходящія взамѣнъ „Русскаго Богатства“. Поводомъ къ пріостановленію журнала послужило напечатаніе въ январской книжкѣ статей: „Примѣнительно къ аграрнымъ погромамъ“ А. Петрищева, „Прошлое и настоящее“ С. Елпатьевского и „Слѣдуетъ ли идти въ Государственную Думу“ И. Бикермана. Помимо редактора Н. Ф. Анненскаго привлекаются также къ отвѣтственности и авторы статей.

34) Въ Варшавѣ, редакторы варшавскихъ газетъ „Слова“ Данимирскій и „Всеобщаго Дневника“ Еленскій *привлечены къ уголовной отвѣтственности по 129 статьѣ*.

35) Въ Петербургѣ, редакторъ сатирическаго жур. „Сигналь“ К. Чуковский, которому палата на дняхъ вынесла оправдательный приговоръ, не находя въ обвиненіи состава преступленія, *снова привлеченъ по 128 ст. угол. улож. Мѣра пресѣченія—внесеніе залога въ 10,000 руб.*

36) Въ Петербургѣ *арестованъ* помощникъ присяжнаго повѣреннаго Власовъ, редакторъ сатирическаго журнала „Жало“, единственный номеръ котораго былъ выпущенъ еще въ ноябрѣ прошлаго года. Къ г. Власову предъявлено обвиненіе по 129 ст. угол. улож.

37) Въ Витебскѣ, распоряженіемъ вице-губернатора *конфискованъ* № 12 газеты „Витебская Жизнь“. Редактору доктору Бруку предъявлено обвиненіе по 129 ст. ул. о наказ.

38) Прокуроръ саратовской судебной палаты сверхъ залога въ 2,500 руб. потребовалъ *съ привлеченнаго* по 128 и 129 статьямъ редактора „Самарской Газеты“ Кастирина еще 10,000.

39) Изъ Харькова получено извѣстіе *объ арестѣ* Ефимовича, редактора-издателя газеты „Приднѣпровскій Край“.

40) Въ Москвѣ,—въ городѣ и на вокзалахъ полиціей *конфисковывалась* брошюра „Новая нагорная проповѣдь“.

41) Въ Ярославлѣ, редакторъ „Сѣверной Газеты“ Троицкій *привлеченъ къ судебной отвѣтственности по 129 ст. угол. улож.*

42) Въ Варшавѣ, въ типографіи Ляскауера полиціей *конфисковано* 2,000 экземпляровъ перваго тома изданія „Ксеножницы“, содержащаго драму Словацкаго, подъ заглавіемъ „Кордыанъ“.

43) Въ Петербургѣ главное управленіе по дѣламъ печати возбудило *уголовное преслѣдованіе* по 2 п. 129 ст. уг. ул. противъ редактора журнала „Наша Мысль“ г. Цеммермана за напечатаніе въ № 3—4 журнала статьи: „Литературныя бесѣды“. Изданіе журнала приостановлено.

44) Противъ редактора газеты „Современная Жизнь“ П. Сойкина возбуждено *уголовное преслѣдованіе* по 6 ст. VII отд. вр. пр. о печати за напечатаніе въ № 25 газеты стихотворенія „Народное Горе“ и статьи „Бомбардировка булками“.

45) Редакторъ журнала „Фискаль“ г. Нарускевичъ *привлеченъ* къ отвѣтственности по 6 ст. VII разд. врем. пр. о печати за помѣщенный на послѣдней страницѣ № 3 журнала рисунокъ, изображающій на человѣческомъ скелетѣ казака, и за напечатаніе стихотворенія, относящагося рѣ рисунку.

46) Въ Петербургѣ, въ квартиру, занимаемую редакціей журнала „Паяцы“, явилась полиція и передала издателю студенту В. М. Вышомирскому приглашеніе пристава мѣстнаго участка—явиться къ нему къ 11 часамъ утра по дѣлу. Въ участкѣ предложили немедленно дать подписку въ томъ, что впредь издаваться сатирической журналъ не будетъ.

47) По дѣлу газеты „Буревѣстникъ“ судеб. палата 16 февр. приговорила редактора ея пом. пр. пов. Барона за напечатанныя въ ней статьи къ заключенію *въ крѣпость на 1 годъ*, приостановила это изданіе навсегда и запретила Барону быть редакторомъ въ теченіе 5 лѣтъ.

48) Во Владивостокѣ, распоряженіемъ администраціи закрыта газета „Владивостокскій Листокъ“ за статьи, помѣщенные еще въ декабрѣ. Редакторъ-издатель Подпахъ *привлеченъ* къ суду разомъ по нѣсколькимъ дѣламъ. Такимъ образомъ на русскомъ Дальнемъ Востокѣ не существуетъ болѣе прогрессивныхъ органовъ печати: въ Иркутскѣ, Чигѣ, Верхнеудинскѣ, Хабаровскѣ, Благовѣщенскѣ, а теперь и Владивостокѣ устроена полная монополія консервативныхъ газетъ.

49) По инициативѣ цензурнаго комитета, признавашаго вышедшія недѣли въ свѣтъ книжки „Популярная исторія Россіи“ преступными по ихъ содержанію, судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ г. Зайцевымъ *начато судебное разслѣдованіе* для обнаруженія автора и издателя книги, съ цѣлью привлеченія этихъ лицъ къ отвѣтственности по 128 и 5 п. 129 ст. уг. ул.

50) Въ Кяхтѣ, *арестованы* редакторъ газеты „Байкаль“ Игумновъ, владѣлецъ типографіи Саплинъ и сотрудникъ газеты Поповъ. Типографія „Байкала“ опечатана.

51) Въ Петербургѣ, 13 февраля, въ 11 ч. 30 м. вечера въ редакціи журнала „Водоворотъ“ былъ произведенъ *обыскъ*, причемъ была арестована переписка. Обыскъ былъ произведенъ по предписанію охраннаго отдѣленія.

52) Въ Москвѣ, редакторъ газ. „Борьба“ г. Скирмунтъ, привлеченный уже къ отвѣтственности по 129 ст., получилъ извѣщеніе, что къ

нему предъявляется обвинение по 108 ст. угол. улож. Дѣло будетъ слушаться въ Москвѣ 13 марта.

53) Въ Москвѣ, судебная палата *приостановила* газету „Вѣкъ“ до судебного разбирательства. Редакторъ привлеченъ къ отвѣтственности по 129 статьѣ уг. улож.

54) Въ Нижнемъ при произведенныхъ въ книжныхъ магазинахъ обыскахъ, между прочимъ, *отобранъ манифестъ 17 октября*, какъ изданный безъ цензуры.

55) Въ Варшавѣ, *разбиралось* дѣло редактора „Gasety Polskiej“ Гадомскаго за статью „Провокація“. Гадомскій присужденъ къ штрафу въ 50 рублей, или къ 10 днямъ ареста.

56) Въ Елизаветградѣ, „Новая Россія“ *приостановлена* на время военного положенія.

57) Въ Симферополѣ, судебная палата утвердила послѣднее распоряженіе о *конфискаціи* номера газеты „Крымъ“. Редакторъ Эйдлинь привлеченъ къ отвѣтственности по ст. 129 угол. улож.

58) На всѣхъ московскихъ вокзалахъ *конфисковывалась* полиціей брошюра графа Л. Н. Толстого „Солдатская памятка“.

59) Въ пятницу, 10 февраля, около 1 ч. дня, въ Н.-Новгородѣ, въ книжный магазинъ г-жи Л. З. Гець явился чиновникъ особыхъ порученій г. Мельниковъ, который съ помощью полицейскихъ чиновъ *конфисковалъ* 4,694 брошюры.

60) Въ Петербургѣ, редакторъ газеты „Русь“ М. М. Крамалей *привлекается* къ уголовной отвѣтственности за напечатаніе въ № 17, редактируемой имъ газеты статьи „Отъ забастовочнаго учительскаго комитета“.

61) Отвѣтственный редакторъ журнала „Оводъ“ Ф. К. Зиминъ *привлеченъ* по 129 ст. ул. за стихотвореніе, помѣщенное въ первомъ № журнала. По постановленію судебного слѣдователя Ф. К. Зиминъ до суда отданъ подъ надзоръ полиціи.

62) 4 февраля, *конфискованъ* № 1 журнала „Паяцы“, вышедшій взаменъ приостановленнаго журнала „Паяцъ“. Редактору-издателю студенту В. М. Вышомирскому *предъявляется обвинение* по 129 ст.

63) Въ Петербургѣ, 17 февраля въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената разсматривалась кассационная жалоба редактора „Новостей“ О. К. Нотовича на приговоръ судебной палаты, приговорившей его къ заключенію въ тюрьму на 2 недѣли за помѣщеніе въ редактируемой имъ газетѣ воззванія союза телеграфистовъ. Сенатъ оставилъ жалобу *безъ послѣдствій*.

64) За выпускъ послѣдняго номера сатирическаго журнала „Сигналы“ *арестованъ* его редакторъ В. Е. Турохъ.

65) Редакторъ „Петербургской Газеты“ Н. С. Худековъ *привлекается* къ судебной отвѣтственности по 129 ст. уг. ул. за напечатаніе воззванія союза союзовъ. Н. С. Худековъ оставленъ на свободѣ въ виду того, что онъ внесъ залогъ въ размѣрѣ 1,000 рублей.

66) Въ Екатеринославѣ, по распоряженію генераль-губернатора, „Приднѣпровскій Край“ *закрытъ* на время военного положенія. Екатеринославъ остается теперь безъ органа печати.

67) Въ Костромѣ, *арестованъ* номеръ „Костромского Голоса“, отъ 19 февраля; предъявлено обвиненіе по ст. 9, п. 15, 8 отд. временн. правилъ о печати и по ст. 129, ч. 1-п. 2 и ч. 2 п. 1.

68) Въ Петербургѣ 17 февраля въ особомъ присутствіи спб. судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло по обвиненію редактора сатирическаго журнала „Митингъ“ г. Волькенау, который напечаталъ статью подъ заглавіемъ „Очнитесь, придите въ себя звѣри“, завѣдомо для него возбуждающую къ учиненію бунтовщическаго дѣянія и къ нарушенію воинскими чинами обязанностей военной службы; преступленіе это предусмотрено 1 и 5 пп. 129 ст. уг. ул. Палата приговорила г. Волькенау къ *тюремному заключенію* на три мѣсяца, причемъ закрыла журналъ навсегда и запретила г-ну Волькенау быть редакторомъ въ теченіе 5 лѣтъ.

69) Въ Петербургѣ, въ ночь на 20 февраля полиціей *опечатана* типографія И. Люндорфъ, въ которой печатался 2-й номеръ журнала „Скорпіонъ“.

70) Постановленіемъ судебной палаты, состоявшимся 17 февраля, приостановлено изданіе эстонской газеты „Undized“ за напечатаніе въ № 93 этой газеты статьи: „Постановленія собранія народныхъ депутатовъ“. Редакторъ П. Спекъ *привлеченъ* къ отвѣтственности.

71) Определеніемъ судебной палаты, состоявшимся 18 февраля, *наложена арестъ* на брошюру подъ названіемъ: „Хватить ли на всѣхъ земли“, изданія Парамонова. Издатель привлеченъ къ отвѣтственности.

72) Въ Петербургѣ, редакторъ еженедѣльнаго журнала „Полярная Звѣзда“ П. Б. Струве *обвиняется* по 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 8 редактируемаго имъ журнала статьи В. Стенцицкаго.—„Открытое обращеніе вѣрующаго къ православной церкви“.

73) Въ Харбинѣ, газета „Харбинскій Листокъ“ *закрыта*; возникшая вмѣсто нея „Манчжурія“ тоже приостановлена.

74) Въ Кіевѣ редактору „Свободы“ и „Права“ Лучицкому предложено *снять подпись съ газеты* въ виду возбужденнаго противъ него преслѣдованія по 129 статьѣ.

75) Въ Москвѣ долженъ былъ выйти въ свѣтъ первый номеръ новой прогрессивной еженедѣльной газеты „Другъ Народъ“. Въ типографію Мамонтова, гдѣ печаталась эта газета, уже раннимъ утромъ явилась полиція съ цѣлью *арестовать газету*. Конфисковано всего нѣсколько номеровъ, такъ какъ всѣ напечатанные номера были распространены еще наканунѣ.

76) Въ Петербургѣ, редакторъ газеты „Право“ проф. В. М. Гессенъ *привлекается* къ отвѣтственности за передовую статью, помѣщенную въ № 7 „Права“ и за напечатаніе резолюціи, принятой офицерами въ г. Читѣ.

77) Въ Твери, пробный номеръ „Тверской жизни“, вышедшій въ количествѣ 3000 экз., по распоряженію губернатора Слѣпцова конфискованъ.

78) Въ Кременчугѣ, харьковская палата постановила *привлечь къ суду* заключеннаго въ тюрьму редактора кременчугской газеты „Южное Слово“ по 128 и 129 статьямъ, выпустивъ его при этомъ на свободу по внесеніи залога въ 300 руб.

79) Въ Москвѣ, издательская фирма „Посредникъ“ послала для напечатанія въ типографію Печковской двѣ брошюры Толстого: „Исповѣдь“ и „Христіанское ученіе“, ранѣе уже издававшіяся и свободно продававшіяся въ Перербургѣ. Однако, когда типографія отослала эти брошюры въ цензурный комитетъ, послѣдовалъ вызовъ содержателя типографіи въ участокъ, гдѣ ему было объявлено, что по распоряженію инспектора типографій брошюры *конфискуются* и по требованію цензурнаго комитета возбуждается вопросъ о привлеченіи къ судебной отвѣтственности.

80) Въ Петербургѣ, противъ редактора журнала „Фискаль“ г. Нарусбека, привлеченнаго уже къ отвѣтственности за № 3 журнала, вновь *возбуждено уголовное преслѣдованіе* по 128 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 4 журнала замѣтокъ: „Юмористическіе осколки“ и „Вѣщеносныя головы“.

81) Въ Полтавѣ, вышедшій первый номеръ новой газеты „Полтавскія Думки“ *конфискованъ* полиціей. Произведены новые аресты между рабочими.

82) Въ Твери, редакторъ-издатель „Тверской Жизни“ *привлекается* къ судебной отвѣтственности. Газета приостановлена до рѣшенія суда.

83) Въ Лодзи, противъ редактора „Гонецъ Лодзскій“ *возбуждено четырнадцать процессовъ*. Кромѣ него привлекаются къ отвѣтственности сотрудники этой газеты Монсіорскій и Френкель.

84) Въ Тифлисѣ, 25 фев. по распоряженію временнаго генераль-губернатора, газета „Возрожденіе“ *приостановлена* на все время дѣйствія въ городѣ Тифлисѣ и его уѣздѣ военнаго положенія, въ виду продолжающагося вреднаго направленія названной газеты, несмотря на объявленное редактору ея предостереженіе.

85) Въ Одессѣ, ежедневно по распоряженію генерала Карангозова *конфисковываютъ* прибывающія изъ Петербурга и другихъ городовъ изданія. Въ послѣдній разъ на вокзалѣ жандармами и инспекціей книжной торговли конфискована „Полярная Звѣзда“ Струве (около 6 пудовъ), кievскій еженед. „Южный Голосъ“ (около 1 пуда), возвращены въ Одессу изъ Петербурга „Южныя Записки“ (около 3 пудовъ), ежен. журн. „Безъ заглавія“ Кусковой (около 3 пуд.), 500 №№ „Пулемета“ и др. Конфисковываются на одесскомъ вокзалѣ и всякаго рода книги, изданныя по постановленію союза издателей безъ цензуры.

86) Въ Сызрани, 22 фев. редакторъ газеты „Сызрань“ *привлеченъ* къ суду по 1028 статьѣ уложенія о наказаніяхъ.

87) Во Владикавказѣ, 21 фев., ганераль-губернаторъ *закрываетъ* за вредное направленіе газету „Казбекъ“.

88) Въ Петербургѣ, авторъ брошюры „Въ странѣ вольнаго крестьянства“, С. Русова и издатель ея Н. Парамоновъ *привлечены* къ отвѣтственности по 128 и 1 п. 129 ст. уг. ул. Брошюру постановлено конфисковать.

89) Изданная Е. Алексѣевой брошюра „Новый Законъ“ по постановленію судебной палаты *конфискуется*. Издательница брошюры и авторъ ея Л. Мартовъ привлечены къ отвѣтственности по 128 и 1 п. 129 ст. уг. улож.

90) Въ Петербургѣ, №№ 2 и 3 еженедѣльнаго журнала „Голосъ Средне-учебныхъ заведеній“ были *конфискованы* полиціей. Съ № 3 жур-

наль приостановленъ, и редакторъ, г-жа Волгина привлекается къ отвѣтственности.

91) Въ Могилевѣ губ., *арестованъ* номеръ 41 „Могилевского Голоса“.

92) Въ Оренбургѣ, судебною палатой изданіе газеты „Оренбургскій Листокъ“ *приостановлено*. Къ редактору Столпянскому предъявленъ рядъ обвиненій по статьѣ 129 уголовного уложенія. Столпянскій заключенъ въ тюрьму.

93) Въ Томскѣ, редакторъ-издатель газеты „Вѣстникъ Сибири“ *арестованъ* по обвиненію его по 129 статьѣ. Предложеніе замѣнить заключеніе подъ стражу залогомъ отклонено. Изданіе „Вѣстника Сибири“, послѣ выпуска перваго номера, на все время военного положенія редакціей прекращено.

94) Въ Керчи, редакторъ-издатель „Южнаго Вѣстника“, Гарнесъ, *заключенъ въ тюрьму* жандармской властью.

95) Въ Екатеринбургѣ, 22 фев., губернаторъ *не разрѣшилъ* изданія въ Кунгурѣ газеты „Кунгурскій Листокъ“.

96) Въ Петербургѣ, по постановленію петербургской судебной палаты журналъ „Голосъ Фармацевта“ *приостановленъ*. Редакторъ его, Л. М. Клячко, привлекается къ судебной отвѣтственности.

97) Въ Одессѣ, генераль-губернаторъ *воспретилъ* на время военного положенія газету „Вѣсти Понедѣльника“.

98) Въ Петербургѣ, редактору „Новостей“ О. К. Нотовичу *предъявлено два новыхъ обвиненія* за статью „Терроръ успокоенія“, содержащую рѣзкое описаніе и рѣзкую критику дѣйствій карательныхъ отрядовъ, отчетъ о сѣздѣ литовцевъ въ Вильнѣ, перепечатки изъ „Одесскихъ Новостей“, письма нижнихъ чиновъ изъ „Асхабада“. „Письма унтеръ-офицера Галущкина“ и другихъ перепечатокъ. Одно дѣло объ оскорбленіи воинскихъ частей, возбужденное на основаніи 6 ст. отд. VІІІ врем. пр. о печати,—подлежитъ окружному суду, другое, формулированное по 1, 3 и 5 пп. 129 ст. уг. ул., судебной палатѣ.

99) Въ Петербургѣ охранной полиціей производится *конфискація* появившейся на этихъ дняхъ брошюры „Свобода и гражданскія права“. Отбираніе брошюры сопровождается немедленнымъ арестомъ продавцовъ. Задержано нѣсколько лицъ.

100) 24 февраля въ правительствующемъ сенатѣ слушалось дѣло по кассационнымъ жалобамъ редакторовъ сатирическаго журнала „Свобода“ гг. Усаса и Гутьяра на приговоръ спб. судебной палаты, коимъ они по 129 и 128 ст. уг. ул. были присуждены къ годичному заключенію въ крѣпость. Сенатъ оставилъ жалобы *безъ послѣдствій*.

101) Въ Петербургѣ, по распоряженію цензурнаго комитета произведенъ внезапный *обыскъ* въ типографіи, напечатавшей 4-й номеръ сатирическаго журнала „Фискаль“. Всѣ найденные номера журнала *конфискованы*.

102) Въ Петербургѣ редакторъ журнала „Альманахъ“, С. В. Чехонинъ *привлеченъ* къ судебной отвѣтственности за напечатанное въ № 1 журнала стихотвореніе „Балбесъ“.

103) Въ Ярославлѣ, по приказанію губернатора *арестованы* воззванія конституціонно-демократической партіи.

104) Въ Петербургѣ по дѣлу редактора социаль-демократической газеты „Начало“ и „Нашъ Голосъ“ судебная палата 25 февр. *приговорила* редактора Д. М. Герценштейна къ заключенію въ крѣпость на 1 г.; издатель Салтыковъ оправданъ.

105) Въ Казани къ редактору татарской газеты „Азаръ“ („Свобода“) Апонаеву предъявлено *обвиненіе* по пункту пятому, отдѣла 8 правилъ 14 ноября.

106) По книжнымъ магазинамъ Петербурга ходятъ инспектора главнаго управленія по дѣламъ печати и отбираютъ отъ владѣльцевъ магазиновъ подписки въ томъ, что они отнынѣ обязываются *не продавать никакихъ программъ политическихъ партій*, запрещенныхъ за послѣднее время брошюръ и изданій, за исключеніемъ дозволенныхъ цензурой. Всѣ эти изданія тутъ же инспекторами конфискуются.

107) Въ Петербургѣ полиція „предложила“ книжному магазину „Трудъ“ изъять изъ продажи нѣкоторыя изданія, вполнѣ легальныя, но по ея мнѣнію революціоннаго содержанія.

108) Въ Петербургѣ, кассационная жалоба ред. газ. „Русь“ А. А. Суворина на приговоръ судеб. пал. „коимъ онъ былъ присужденъ къ годичному заключенію въ крѣпости 24 февр. Сенатомъ оставлена *безъ послѣдствій*.”

109) 8 февраля судебная палата *приговорила* редактора сатирическаго журнала „Жупель“ Гржебина, обвиняемаго по 103 и 129 ст. уг. ул. за помѣщеніе въ № 1 журнала стихотворенія „Сказка о царѣ Берендѣ“ и рисунка „Орель-оборотень“ къ заключенію въ крѣпость на 6 мѣс., запретила выходить въ свѣтъ журнала навсегда, а Э. И. Гржебину въ теченіе 10 л. редактировать или издавать какое бы то ни было період. изданіе.

110) За всѣ корреспонденціи, помѣщенные въ „Полтавщинѣ“ и въ „Полтавскомъ Дѣлѣ“, которыя критикуютъ дѣйствія казаковъ, противъ редактора *возбужденъ* рядъ уголовныхъ дѣлъ.

111) Въ Курскѣ *конфискованъ* первый номеръ газеты „Курскій Голосъ“.

112) Въ Петербургѣ, по распоряженію ценз. комит., отбираются №№ 1-й и 2 изданія „Рабочій Народъ“. 15 февр. произведенъ *обыскъ* въ типографіи, гдѣ печатается названное изданіе. Противъ редакторовъ Кирьякова и Сафонова *возбуждено* угол. преслѣд. по п. 1. 129 ст.

113) Въ Москвѣ *конфискованъ* первый ном. еженедѣльной газеты „Другъ Народа“.

114) Въ Петербургѣ, опредѣленіемъ судеб. палаты *приостановлено* до судебного приговора изданіе журналовъ „Паяцы“ и „Гвоздь“.



О Б Ъ Я В Л Е Н І Я:

Издательство портретовъ и картинъ

В. П. Водовозовой

Въ началѣ апрѣля выйдутъ въ свѣтъ и поступятъ въ продажу портреты бывшихъ Шлиссельбургскихъ узниковъ.

Доходъ въ пользу Шлиссельбургскаго Комитета. Главный складъ: книж. магазинъ „Наша Жизнь“. Невскій 19. Проспекты бесплатно.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ

„БЕЗЪ ЗАГЛАВІЯ“

подъ редакціей С. Н. Прокоповича

и при участіи Р. М. Бланка, В. Я. Богучарскаго, А. С. Бѣлевскаго, В. В. Водовозова, М. И. Ганфмана, П. М. Головачева, В. С. Голубева, Л. Я. Гуревичъ, А. С. Изгоева, Е. Д. Кусковой, Г. А. Ландау, М. П. Невѣдомскаго, Л. Ф. Пантелѣева, В. В. Португалова, гр. П. М. Толстого, Д. В. Философова, М. И. Фридмана, В. В. Хижнякова, В. И. Чарнолусскаго и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для иногороднихъ подписчиковъ на годъ 4 р. 80 к., на 3 мѣсяца 1 р. 20 к.; для городскихъ на 1 годъ 4 рубля, на 3 мѣсяца 1 рубль. Отдѣльный номеръ—10 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Главной конторѣ журнала: при юридическомъ книжномъ складѣ „Право“, СПБ., Загородный, 2.

ВЪ ОТДѢЛЕНИИ:

при книжномъ складѣ „Наша Жизнь“, СПБ., Невскій, 19.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:

С.-Петербургъ, 4-я Рождественская, 4, кв. 20.

**Открыта подписка на большую
ежедневную политическую литературную
газету**

„РѢЧЬ“

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

при ближайшемъ участіи П. Н. МИЛЮКОВА и І. В. ГЕССЕНА.

Въ составъ постоянныхъ сотрудниковъ вошли: князь П. М. Аргутинскій-Долгорукій, А. Я. Безчинскій, В. Я. Богучарскій, О. Е. Бужанскій, А. Вергежскій, проф. В. И. Вернадскій, М. М. Винаверъ, Е. А. Ганейзеръ, М. И. Ганфманъ, проф. В. М. Гессенъ, П. А. Голубевъ, проф. И. М. Гревсъ, проф. Э. Д. Гриммъ, Л. Я. Гуревичъ, проф. В. Э. Денъ, кн. Пав. Д. Долгоруковъ, кн. Пет. Д. Долгоруковъ, проф. М. А. Дяконовъ, доц. В. Б. Ельшевичъ, Г. Б. Юлосъ, А. И. Каминка, проф. Н. И. Карѣвъ, А. А. Кауфманъ, пр.-доц. О. О. Кокошкинъ, А. М. Колубакинъ, пр.-доц. С. А. Котляревскій, А. А. Корниловъ, Крымскій, пр.-доц. Н. И. Лазаревскій, А. А. Леонтьевъ, В. Н. Линдъ, проф. И. В. Лучицкій, В. А. Маклаковъ, А. Н. Максимовъ, М. Л. Мандельштамъ, проф. А. А. Мануиловъ, проф. С. А. Муромцевъ, В. Д. Набоковъ, В. М. Нечаевъ, А. И. Никольскій (Анонимъ изъ „Освобожденія“), проф. П. Н. Новгородцевъ, акад. С. О. Ольденбургъ, Л. О. Ольденбургъ, Л. О. Пантелѣвъ, А. Б. Петрищевъ, проф. Л. І. Петражицкій, И. И. Петрункевичъ, К. М. Пономаревъ, И. И. Поповъ, Д. Д. Протопоповъ, А. С. Пругавинъ, О. И. Родичевъ, В. А. Розенбергъ, П. Б. Струве (бывшій редакторъ „Освобожденія“), А. С. Фейгельсонъ, С. Л. Франкъ, доц. М. И. Фридманъ, доц. А. А. Чупровъ, акад. А. А. Шахматовъ, кн. Д. И. Шаховской, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, Ширяевъ, И. В. Шкловскій (Діонео), Г. Н. Штильманъ, В. Е. Якушкинъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ С.-Петербургѣ и другихъ городахъ Россіи: на годъ—12 р., на 11 мѣс.—11 р., на 10 мѣс.—10 р., на 9 мѣс.—9 р., на 8 мѣс.—8 руб. 20 к., на 7 мѣс.—7 р. 35 к., на 6 мѣс.—6 р. 45 к., на 5 мѣс.—5 р. 50 к., на 4 мѣс.—4 р. 50 к., на 3 мѣс.—3 р. 45 к., на 2 мѣс.—2 р. 35 к. и на 1 мѣс.—1 р. 20 к. **За границу:** на годъ—20 р., на 6 м.—11 р., на 3 м.—6 р., на 1 м.—2 р.

Первый номеръ газеты вышелъ 23 февраля сего года.

Отдѣльные номера по 5 к.

Редакція: СПБ., ул. Жуковскаго, д. 21. Телеф. 728. Адресъ для телегр. СПБ., „РѢЧЬ“.

Главн. контора и экспедиція: СПБ., Кирочная, 24. Телеф. № 33—88. Адресъ для телеграммъ: СПБ., „РѢЧЬ“.

Городск. контора: СПБ., Невскій, 30, д. Учетн. Банка. Телеф. № 787.

Издатель Ю. Б. Бакъ.
Редакторъ О. Е. Бужанскій.

Открыта подписка на 1906 годъ на политическую экономическую и общественную газету

„СТРАНА“

Въ газетѣ принимаютъ участіе:

Проф. А. С. Адриановъ, К. К. Арсеньевъ, А. В. Амфитеатровъ, А. Н. Александровскій, З. Д. Аваловъ, Л. А. Авилова, Е. В. Аничковъ, П. В. Безобразовъ, Юлія Безродная, Б. М. Брандгендлеръ, П. Д. Боборыкинъ, Б. И. Борскій (Ивинскій), Н. А. Бородинъ, Н. Д. Бернштейнъ, проф. Виноградовъ (Оксфордъ), Ф. Н. Волковъ, А. П. Волковъ, Ф. Ф. Воропоновъ, А. А. Волговской, проф. А. Н. Веселовскій, проф. А. Э. Вормсъ, П. И. Вейнбергъ, Б. А. Витмеръ, проф. Г. Н. Вырубовъ (Парижъ), проф. Ю. С. Гамбаровъ, Е. А. Ганейзеръ, проф. А. Г. Гусаковъ, З. Гиппиусъ, Г. А. Гросманъ, П. М. Головачевъ, пр. В. Θ. Дерюжинскій, Е. В. Де-Роберти, В. І. Дмитриева, И. И. Добровольскій, проф. В. Э. Денъ, З. Н. Журавская, Н. Д. Зелинскій, проф. Н. И. Карѣвъ, проф. А. В. Карташевъ, И. И. Ковальскій, В. А. Косинскій, проф. Н. А. Котляревскій, И. Н. Клингенъ, В. И. Ковалевскій, Г. М. Курило, д-ръ Корсаковъ, В. Г. Котельниковъ, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, М. А. Курчинскій, проф. Н. А. Каблуковъ, Е. А. Калтоновская, А. Θ. Кони, Б. Э. Кетрицъ, А. И. Купринъ, В. Каррикъ, проф. В. В. Ламанскій, П. Ф. Лесгафтъ, П. Ю. Ломницкій, пр. И. Θ. Левицкій, Е. П. Лѣткова, пр. И. В. Лучицкій, А. А. Луговой, И. З. Лорисъ-Меликовъ, Д. С. Мережковскій, С. К. Маковский, С. С. Мамонтовъ, проф. Н. А. Меншуткинъ, Б. Н. Меншуткинъ, В. Θ. Матвѣевъ, А. П. Мертваго, М. М. Марголинъ, проф. И. И. Мечниковъ (Парижъ), В. И. Немировичъ-Данченко, д-ръ Д. П. Никольскій, проф. бар. А. Э. Нольде, Н. Д. Носковъ, Л. Е. Оболенскій, проф. Овсянко-Куликовскій, А. В. Погожевъ, проф. А. С. Посниковъ, проф. А. Е. Прѣсняковъ, проф. Н. П. Павловъ-Сильванскій, Э. Л. Радловъ, С. Ф. Ромисъ, проф. М. И. Ростовцевъ, А. А. Русовъ, П. Ф. Семенова, А. В. Смирновъ, С. И. Созоновъ, В. В. Стасовъ, Г. Е. Старцевъ, В. А. Старосельскій, К. А. Тимирязевъ, проф. кн. Е. Н. Трубенкой, А. Г. Тимофѣевъ, В. П. Титорскій, В. В. Туношеискій, В. М. Устиновъ, С. Ф. Фортунатовъ, А. Ф. Фортунатовъ, Д. В. Философовъ, М. П. Федоровъ, А. М. Хирьяковъ, В. В. Шумковъ, И. И. Шрейдеръ, С. А. Эрдели, С. Н. Южакъ, Е. Ю. Юліановичъ, проф. В. Г. Яроцкій. Сверхъ указанныхъ лицъ общали свое постоянное сотрудничество слѣдующіе иностранные писатели: Поль Адамъ Сеньебосъ, Дикъ-Мей, Шарль Жидъ, Г. Брандесъ (Копенгагенъ), Э. Бернштейнъ (Берлинъ).

Условія подписки:

{ Съ доставкой и перес.
въ Спб. и Россіи. На годъ 12 р., на 10 м. 10 р.,
на 6 м. 6 р., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р. 20 к. на
1 м. 1 р. 10 к.
За границу. На годъ 24 р., на 10 м. 22 р., на 6 м.
12 р., на 3 м. 6 р., на 2 м. 4 р., на 1 м. 2 р.

Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскихъ священниковъ, учителей и учительницъ: на годъ—8 р., 10 м. мѣс.—7 р., 6 мѣс.—4 р., 3 мѣс. 2 р. 25 к. 2 мѣс.—1 р. 50 к. и 1 мѣс.—80 к.

За перемѣну адреса: городского на городской—10 к., въ остальныхъ случаяхъ—40 к. Подписка считается не иначе, какъ съ 1-го числа по 1-е.

Цѣна отдѣльнаго номера 5 коп.

Объявленія за строку петита: Впереди текста—60 к. стр. Позади текста: предложеніе и спросъ труда, прислуга и пр.—10 к. стр., банковск. и акціонерн. предпріятія—25 к. стр., всѣ остальные объявленія—20 к. стр.

Контора газеты „Страна“ (Невскій, 65) открыта для пріема подписки и объявленій съ 10 час. утра до 5 час. пополудни, кромѣ дней воскресныхъ.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Москва, Арбатъ, домъ Грачева, кв. 12. Д. С. Вольпинъ, Одесса, Пушкинская, 24. И. И. Гринцеръ. Кіевъ, Крещатикъ, 14. А. А. Соколовскій, Вильна, Яковскій пер., д. 15. И. И. Гродзенскій. Харьковъ, Садово-Куликовская, д. 3. Рига и Либавъ, Оминовская, 45. Б. А. Готшалькъ. Ростовъ-на-Дону, Средній проспектъ, д. 35, кв. 12. Плоттель. Лодзь, Петроковская, 41. Г. М. Валлахъ. Варшава. контора „Экономія“, улица Св. Георгія, 34.

Редакторы: { Максимъ Ковалевскій. Издатель А. Н. Александровскій.
проф. П. Иванюковъ.

Открыта подписка на 1906 годъ

XVII г.

на журналъ

XVII г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ имѣетъ цѣлю распространеніе среди русскаго общества правильныхъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе.

Кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, обществовѣдѣнію, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библіографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, проф. В. М. Арнольди, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій Н. М. Бычковъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахте-

ровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Випперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, прив. доц. А. В. Горбуновъ, А. Е. Грузинскій, женщина-врачъ Е. С. Дрентельнъ, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златоврацкій, прив. доц. А. А. Ивановскій, прив.-доц. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, В. В. Каллашъ, проф. М. М. Ковалевскій, проф. Н. М. Кулагинъ, Е. І. Лозинскій, прив.-доц. Т. В. Локоть, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Мировичъ, В. М. Михеевъ, проф. Θ. Г. Мищенко, Н. Ф. Михайловъ, С. П. Моравскій, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, Ф. Ф. Ольденбургъ, проф. А. П. Павловъ, В. В. Петровъ, прив.-доц. Н. А. Рожковъ, Г. Роковъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, Д. Сатуринъ, приватъ-доц. Е. Д. Сеницкій, Л. Д. Сеницкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, А. А. Стаховичъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Θ. Фортунатовъ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолусскій, кн. Д. И. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ, и многіе др.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (*Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер. д. Михайлова*) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ **Н. Ф. Михайловъ**.

Съ марта настоящаго года въ г. Черниговѣ будетъ издаваться общественно - политическая, экономическая и литературная ежедневная газета

„ДЕСНА“

Особенное вниманіе въ газетѣ будетъ удѣлено мѣстной жизни.

При газетѣ предполагаются литературныя, экономическія и сельскохозяйственныя приложенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

До 1 апрѣл. Съ начала

1906 г.	выхода	За 6 мѣс.	За 3 мѣс.	За 1 мѣс.
	до конца			
	1906 г.			
Иногороднимъ	— 35 к. 5 р. —	3 р. 50 к.	2 р. —	— р. 70 к.
Городскимъ	— 30 „ 4 „ —	3 „ — „	1 „ 60 —	„ 60 „
Для сельскаго духо- венства, сел. учите- лей, фельдшер., ра- бочихъ и крестьянъ	— 20 „ 3 „ —	2 „ — „	1 „ —	— „ 40 „
За границу	— „ 11 „ —	7 „ — „	— „ —	— „ —

Въ газетѣ принимаютъ участіе: Балабуха С. П., Барановъ А. П., Бунинъ И. А., Бунинъ Ю. А., Вербицкій Ф. Н., Верзиловъ А. В., Винаверъ М. М., Вороной Н. К., Галимскій Н. К., Гарлицкій Э. Ф., Гаршинъ А. Г., Глѣбовъ А. Л., Добровольскій Е. П., кн. Долгоруковъ Пав. Д., кн. Долгоруковъ П. Д., Ивановъ П. В., Имшенецкій М. К., Кальмансонъ Я. М., Каминеръ Б. И., Кеноватъ И. Е., Коцюбинскій М. М., Ласкаронскій А. П., Лисенко С. И., проф. Лучицкій И. В., проф. Милуковъ П. Н., Могилянскій М. М., Мухановъ А. А., Пахарнаевъ В. А., Петрункевичъ И. И., Полторацкій П. Н., Русова С. Ф., Русовъ А. А., Святловскій Е. В., Селюкъ В. Ф., Соколовскій И. Н., Соколовскій Г. Н., Струве П. Б., Татаринова О. В., Фарбовскій В. И., Хижняковъ В. М., Хирьяковъ А. М., Хлодовскій Н. Е., кн. Шаховской Д. И., Шрагъ И. Л., и др.

„Д Е С Н А“ начнетъ выходить между 10—15 марта.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ газеты въ г. Черниговѣ

Розничная продажа 3 коп. за номеръ.

Плата за объявленія: За строку обыкновеннаго шрифта въ 1-й разъ 10 коп., во 2-й и 3-й—по 7 1/2 коп., при дальнѣйшемъ помѣщеніи значительная уступка. За мѣсто на первой страницѣ взимается вдвое. Для предлагающихъ личный трудъ—30 коп. за объявленіе.

Адресъ Редакціи и Конторы: Богуславская ул., д. И. Я. Селюка. Контора открыта для пріема подписки и объявленій отъ 10 ч. утра до 2-хъ дня и отъ 5 ч. до 7 ч. вечера съ 6 сего марта.

Редакторъ-Издатель В. М. Хижняковъ.

ОТКРЫТА ПОДПСКА НА НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

— 50 книжекъ въ годъ. —

„БИБЛИОТЕКА РАБОЧАГО“

5 р. въ годъ съ дост. и перес.

Издается подъ редакціей В. А. Поссе.

Редакція ставитъ своей задачей дать необходимыя свѣдѣнія для выработки пролетарскаго міровоззрѣнія и критическаго отношенія къ программамъ русскихъ политическихъ партій.

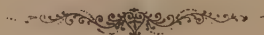
Каждая книжка состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ законченныхъ произведеній.

Въ 1906 г. предполагается помѣстить слѣдующія произведенія: Исторія коммунистическихъ идей. — Манифестъ коммунистической партіи. — Коллективизмъ и коммунизмъ. — Основы научнаго социализма. — Профессиональное рабочее движеніе. — Кооперативное движеніе. — Всеобщая стачка и парламентаризмъ. — Исторія „Интернаціонала“. — Международные конгрессы. — Буржуазныя революціи. — Пролетарская революція. — Исторія стачечнаго движенія въ Западной Европѣ, Америкѣ, Австраліи и Японіи. — Исторія стачечнаго движенія въ Россіи. — Исторія нѣмецкой социалдемократіи. — Главнѣйшіе моменты русской исторіи. — Русско-японская война, какъ міровое явленіе. — Наши политическія партіи. — Іезуиты и яковинцы. — Государственная власть и общественное самоуправленіе. — Національная автономія и всемірная федерація. — Народное представительство и народное законодательство. — Государственная дума. — Гарантіи народной и личной свободы. — Преступленіе, судъ и наказаніе. — Патріотизмъ и милитаризмъ. — Бракъ, семья и школа. — Рабочее законодательство. — Рабочій вопросъ и алкоголизмъ. — Аграрный вопросъ. — Рабочій и крестьянинъ. — Избранныя мысли и характеристики Сень-Симона, Фурье, Овена, Вейтлинга, К. Маркса, Штирнера, Чернышевскаго и др. — Л. Н. Толстой и рабочій народъ. — Пролетарская этика. — Рабочій календарь и справочная книжка. — Программа систематическаго чтенія.

Къ 1 марта 1906 г. вышло 5 книжекъ.

Подписная цѣна на годъ (50 книжекъ) 5 руб. съ перес. и дост. Книжные магазины, принимая подписку, могутъ удерживать 50% въ свою пользу. Подписка принимается у редактора-издателя (С.-Петербургъ. Кирилловская ул., д. 6. кв. 11) ежедневно отъ 2-хъ до 4-хъ час. дня и въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“ (С.-Петербургъ. Невскій пр., д. 60). Иногороднихъ просить обращаться непосредственно къ редактору-издателю.

Редакторъ-издатель В. Поссе.



ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ „БЫЛОЕ“.

Журналъ издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева.

Журналъ вѣспартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія въ Россіи. Программа журнала:

- 1) Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.
- 2) Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.
- 3) Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.
- 4) Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.
- 5) Историческая бібліографія.
- 6) Современная лѣтопись (регистрація главнѣйшихъ фактовъ современнаго движенія).

Въ журналѣ помѣщаются портреты дѣятелей освободительнаго движенія и рисунки, изображающіе различные эпизоды изъ исторіи движенія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

М. А. Антоновичъ; кн. А. М. Аргутинскій-Долгоруковъ; М. Ю. Ашенбреннеръ; В. П. Батуринскій; В. Я. Богучарскій; А. К. Бороздинъ; В. Л. Бурцевъ; И. П. Бѣлоконскій; Л. Васплевскій (Плохоцкій); П. И. Вейнбергъ; С. А. Венгеровъ; В. В. Водовозовъ; Н. А. Виташевскій; Левъ Гартманъ; М. О. Гершензонъ; В. С. Голубевъ; Л. Я. Гуревичъ; И. С. Джабадари; С. Я. Елпатьевскій; С. А. Иванова-Борейца; С. А. Ивановъ; А. И. Иванчинъ-Писаревъ; А. С. Изгоевъ; Е. И. Кедринъ; Л. Н. Клейнбургъ; Д. А. Клеменцъ; Е. Н. Ковальская; А. А. Корниловъ; В. Г. Короленко; кн. П. А. Крапоткинъ; В. Ф. Костуринъ; Н. С. Кудринъ; Е. Д. Кускова; М. К. Лемке; Г. А. Лопатинъ; І. Д. Лукашевичъ; О. С. Любатовичъ; Е. А. Ляцкий; И. И. Майновъ; О. С. Миноръ; И. Л. Манучаровъ; М. Маньковский; В. П. Махновецъ (Акимовъ); П. Н. Милоковъ; Н. А. Морозовъ; М. А. Натансонъ; М. В. Новорусскій; Д. Н. Овсянко-Куликовский; Г. Ф. Осмоловскій; Н. П. Павловъ-Сильванскій; В. С. Панкратовъ; Л. Ф. Пантелѣевъ; Э. К. Пекарскій; М. Р. Поповъ; А. П. Прибылева-Корба; А. В. Прибылевъ; А. С. Пругавинъ; Н. А. Рубакинъ; А. А. Русовъ; С. Ф. Русова; М. П. Сажинъ; С. Г. Сватиковъ; В. И. Семевскій; Н. П. Стародворскій; Е. В. Тарле; М. Н. Тригони; А. В. Тырковъ; В. Н. Фигнеръ; М. Ф. Фроленко; В. М. Хижняковъ; А. М. Хирьяковъ; Н. В. Чайковский; В. М. Черновъ; С. Л. Чудновскій; кн. Д. И. Шаховской; Л. Э. Шишко; Л. Я. Штернбергъ; П. Е. Щеголевъ; П. Ф. Якубовичъ; В. Е. Якушкинъ и др.

Журналъ выходитъ, ежемѣсячно книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ—8 руб., на $\frac{1}{2}$ года—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб. За границу—10 р.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Спасскій переулокъ, домъ 5, кв. 1. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 9 до 4 час. дня.

Отдѣльныя книжки „Былого“ продаются по рублю въ конторѣ журнала и извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Спасская улица, д. 25, кв. 20. Для личныхъ объясненій съ редакторами—ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 4 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Отъ Редакціи.

Кромѣ продолженія статей **М. К. Лемке** (Дѣло Чернышевскаго) и **Н. П. Павлова-Сильванскаго** (Пестель предъ Верх. Угол. Судомъ), въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предложены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣд. статьи: **А. П. Прибылева-Корба**—**С. П. Дегаевъ** (изъ воспоминаній); **Ред.**—**Дегаевщина** (матеріалы и документы); **М. Новорусскій**—Какъ и за что я попалъ въ Шлиссельбургъ. **П. Е. Щеголевъ**—Семенъ Олейничукъ и Агитаціонная литература декабристовъ. **М. Корольковъ**—Поручикъ Кречетовъ (Шлис. узникъ XVIII вѣка). **П. Надинъ**—Стрѣльниковскій процессъ 1883 г. въ Одессѣ; **П. Семенюта**—Изъ воспоминаній о другѣ (А. И. Желябовѣ); **Д. В. Стасовъ**—Процессъ караковцевъ 1866 года; (къ сорокалѣтію со времени процесса). **Л. Плохоцкій**—Польская с.-р. партія «Пролетаріатъ». **В. Е. Якушкинъ**—Изъ бумагъ декабриста И. Д. Якушкина. **И. С. Джабадари**—«Въ неволѣ». **А. А. Спандани**—Изъ воспоминаній (о процессѣ В. Н. Фигнеръ, Дегаевщинѣ и пр.); **Н. А. Морозовъ**—Изъ воспоминаній (о Типецкомъ съѣздѣ народовольцевъ въ 1879 г.); **М. Р. Поповъ**—Изъ воспоминаній (о Воронежскомъ съѣздѣ землевольцевъ въ 1879 г.); **М. Ю. Ашенбреннеръ**—Изъ воспоминаній (о военно-революціонной организаціи); **А. В. Тырковъ**—Изъ воспоминаній (о событіи 1 марта 1881 г.); **М. Ф. Фроленко**—Изъ воспоминаній («Побѣгъ Алеши Поповича»); **С. А. Ивановъ**—Изъ воспоминаній; **М. Н. Тригони**—Изъ воспоминаній; **В. Л. Бурцевъ**—Изъ воспоминаній; **О. С. Миноръ**—Драма 1889 года въ Якутскѣ; **А. Л.**—Организація «Рабочее Знамя»; **М. К. Лемке**—Процессы Н. А. Серно-Соловьевича, П. А. Мартыанова и В. А. Обручева (по подлиннымъ дѣламъ). Обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты: Н. А. Серно-Соловьевича, Д. В. Каракова, П. И. Войноральскаго, П. А. Алексѣева, Н. В. Чайковского, В. А. Осинскаго, Д. А. Лизогуба, П. В. Бардовскаго, С. Куницкаго, М. Р. Ланганса, С. М. Кравчинскаго, Н. Л. Зотова, А. Л. Гаусмана, Л. М. Коганъ-Беренштейна, А. П. Прибылевой-Корбы, Н. А. Желвакова, Л. Варынскаго, В. Н. Фигнеръ, Г. А. Лопатина, Н. А. Морозова и др., изображеніе въ 6 видахъ Дегаева, распространявшееся, въ цѣляхъ его розыска, правительствомъ, рисунокъ Вилкойской тюрьмы, въ которой жилъ Чернышевскій, виды карійской каторги, виды старой и новой тюрьмы въ Шлиссельбургской крѣпости и проч.



3 8198 319 173 181
THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO

